

ВЕСТНИК КЕМЕРОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Журнал теоретических и прикладных исследований
Издается с 1999 г.

2015 № 1 (61) Т. 2

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет»

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Волчек В. А. – д-р ист. наук, проф., ректор КемГУ (Кемерово, Россия) – председатель совета.
Аникин А. Е. – д-р филол. наук, чл.-корр. РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).
Бабиц М. – д-р юр. наук, проф. Бания-Лукского университета (Баня Лука, Респ. Сербская, Босния и Герцеговина).
Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., проректор по научной работе КемГУ (Кемерово, Россия).
Захаров Ю. А. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, зав. кафедрой химии твердого тела КемГУ (Кемерово, Россия).
Конторович А. Э. – д-р геол.-минерал. наук, академик РАН, председатель Президиума Кемеровского научного центра СО РАН (Новосибирск, Россия).
Кремер Р. – д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «Welttrends» (Потсдам, Германия).
Лаврик О. И. – д-р хим. наук, чл.-корр. РАН, Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН (Новосибирск, Россия).
Милошевич Х. д-р техн. наук, проф. факультета математических наук и информационных технологий Сербского университета (Косовска Митровица, Сербия).
Молодин В. И. – д-р истор. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).
Пихица П. В. – Ph. D., с.н.с. Сеульского национального университета (Сеул, Южная Корея).
Суслов В. И. – д-р экон. наук, чл.-корр. РАН, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия).
Чистякова С. Н. – д-р пед. наук, чл.-корр. РАО, академик-секретарь РАО (г. Москва, Россия).
Шокин Ю. И. – д-р физ.-мат. наук, академик РАН, Институт вычислительных технологий СО РАН (Новосибирск, Россия).
Юревич А. В. – д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дружинин В. Г. – д-р биол. наук, проф., гл. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Невзоров Б. П. – д-р пед. наук, проф., отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Митько Н. В. – зам. директора науч. библиотеки, отв. редактор, КемГУ (Кемерово, Россия).
Араева Л. А. – д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Бибилло В. Н. – д-р юрид. наук, проф., БГУ (Минск, Беларусь).
Бобров В. В. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гаврилов С. О. – д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Гудов А. М. – д-р физ.-мат. наук, доц., КемГУ (Кемерово, Россия).
Данилов Н. Н. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Желтов В. В. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Зильбер Б. И. – д-р физ.-мат. наук, проф., Институт Математики Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).
Исмаилов З. Р. – д-р хим. наук, проф., чл.-корр. РАН, ИУХМ СО РАН (Кемерово, Россия).
Казин Э. М. – д-р биол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Касаткина Н. Э. – д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Ключко В. Е. – д-р психол. наук, проф., НИ ТГУ (Томск, Россия).
Лушников Г. И. – д-р филол. наук, проф., КГУ (Ялта, Россия).
Мороз А. А. – д-р хим. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Овчинников В. А. – д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).
Поплавной А. С. – д-р физ.-мат. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Проскурин С. Г. – д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).
Серый А. В. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Тюпа В. И. – д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).
Черненко Т. Г. – д-р юрид. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шабашев В. А. – д-р экон. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Шадрин А. В. – д-р техн. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Щенников В. П. – д-р филос. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).
Яницкий М. С. – д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

BULLETIN OF KEMEROVO STATE UNIVERSITY

Journal of theoretical and applied research
Founded in 1999

2015 № 1 (61) Vol. 2

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

FOUNDER:

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

EDITORIAL ADVISORY BOARD:

V. A. Volchek – Dr. of History, Prof., Rector of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia) – Chair.
A. E. Anikin – Dr. of Philology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
M. Babic – Dr. of Law, Prof. at Banja Luka University (Banja Luka, Republika Srpska, Bosnia and Herzegovina).
V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Vice-Rector for Science of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Yu. A. Zakharov – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of Chemistry of Solids of Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
Al. E. Kontorovich – Dr. of Geography and Mineralogy, Academician of the Russian Academy of Sciences, Chairman of the Presidium of Kemerovo Scientific Centre of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Kemerovo, Russia).
R. Kraemer – Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).
O. I. Lavrik – Dr. of Chemistry, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Chemical Biology and Fundamental Medicine of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
H. Milosevic – Dr of Technical Science, Prof. at the Faculty of Mathematical Science and Information Technology, Serbian University (Kosovska Mitrovica, Serbia).
V. I. Molodin – Dr. of History, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
P. V. Pikhitsa – Ph.D., senior researcher at Seoul National University (Seoul, South Korea).
V. I. Suslov – Dr. of Economics, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
S. N. Chistyakova – Dr. of Pedagogic, Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Academic Secretary of the RAE (Moscow, Russia).
Yu. I. Shokin – Dr. of Physics and Mathematics, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Computational Technologies of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).
A. V. Yurevich – Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

EDITORIAL BOARD:

V. G. Druzhinin – Dr. of Biology, Prof., Editor-in-Chief – Chair, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. P. Nevzorov – Dr. of Pedagogic, Prof., Executive Editor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. V. Mitko – Deputy Director of Scientific Library, Executive Editor Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
L. A. Araeva – Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. N. Bibilo – Dr. of Law, Prof., Belarusian State University (Minsk, Belarus).
V. V. Bobrov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. O. Gavrilov – Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. Gudov – Dr. of Physics and Mathematics, Associate Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. N. Danilov – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. V. Zheltov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
B. I. Zilber – Dr. of Physics and Mathematics, Prof. of Mathematical Logic, Mathematical Institute, University of Oxford (Oxford, England).
Z. R. Ismagilov – Dr. of Chemistry, Prof., Institute of Coal Chemistry and Materials Chemistry at the Siberian Branch of RAS (Kemerovo, Russia).
E. M. Kazin – Dr. of Biology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
N. E. Kasatkina – Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. E. Klochko – Dr. of Psychology, Prof., National Research Tomsk State University (Tomsk, Russia).
G. I. Lushnikova – Dr. of Philology, Prof., Crimean University for the Humanities (Yalta, Russia).
A. A. Moroz – Dr. of Chemistry, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Ovchinnikov – Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).
A. S. Poplavnoy – Dr. of Physics and Mathematics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
S. T. Proskurin – Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).
A. V. Seriy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. I. Tyupa – Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).
T. G. Chernenko – Dr. of Law, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. A. Shabashev – Dr. of Economics, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
A. V. Shadrin – Dr. of Technical Science, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
V. P. Shchennikov – Dr. of Philosophy, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).
M. S. Yanitskiy – Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Журнал издается по решению редакционно-издательского совета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

Выходит 1 раз в квартал

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации: ПИ ФС77-40023 от 04.06.2010 г.

Адрес редакции:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, к. 2125.
Тел.: (3842) 58-13-01
Факс: (3842)58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Адрес сайта:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Адрес учредителя:
650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842) 58-28-39
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте Российской универсальной научной электронной библиотеки и включен в реферативную базу данных «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).
<http://elibrary.ru>

Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Printed by the decision of Scientific Editorial Publishing Council of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Professional Education Kemerovo State University

Issued once a quarter

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration: ПИ ФС77-40023 of 04.06.2010

Editorial Office Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St., room 2125.
Tel.: 8 (3842) 58-13-01
Fax: 8 (3842) 58-44-03
E-mail: vestnik@kemsu.ru
Web-site:
<http://vestnik.kemsu.ru>

Founder Address:
650043, Kemerovo, 6 Krasnaya St.
Tel.: (3842) 58-28-39
Fax: (3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website of the Russian Universal Scientific Electronic Library. The Journal is included into the database of the "Russian Science Citation Index" <http://elibrary.ru>.

No part of the Journal can be republished without the permission of the authors or the publisher.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENTS

БИОЛОГИЯ

- 7 *Артеменко С. В., Петухова Г. А.* Ответные реакции дафний на техногенное загрязнение воды из разных створов реки Туры
- 11 *Герасимов С. А., Ляхова Н. Е.* Формирование элементов структуры урожая ячменя при увеличении нормы посева в условиях Красноярской лесостепи
- 16 *Грехова И. В., Грехова В. Ю., Михайловская А. А., Приветкина Н. Ю.* Применение осадка сточных вод в составе грунтов
- 20 *Заушинцева А. В., Кожевников Н. В.* Биорекультивационное районирование Кузбасса
- 26 *Кожевников Н. В., Заушинцева А. В.* Проблема ускоренного почвообразования в рекультивации нарушенных земель
- 30 *Суцёв Д. В., Бабенко А. С., Ефимов Д. А., Лукьянцев С. В.* К изучению биоразнообразия беспозвоночных животных заказника «Караканский» (Кемеровская область)
- 36 *Ульянова М. В., Лавряшина М. Б., Поддубиков В. В., Зазуллина М. Р., Осипов К. И., Чемчиева А. П., Тychinskiх З. А., Тхоренко Б. А., Веденин А. М., Нечипоренко О. Н., Дружинин В. Г.* Итоги комплексного исследования процессов воспроизводства населения в локальных группах тобольско-иртышских сибирских татар Тюменской области: генетико-демографические аспекты
- 44 *Уфимцев В. И., Беланов И. П., Бочаров Д. А.* Зонирование фитогенных полей деревьев сосны обыкновенной (произрастающих на участках лесной рекультивации Кедровского угольного разреза
- 49 *Чуманова Н. Н., Анохина О. В.* Оценка влияния гуминовых препаратов на рост, развитие и продуктивность овса и картофеля в лесостепи Кемеровской области

ИСТОРИЯ

- 53 *Климова Е. С.* Восстановление церковно-приходской жизни на территории Кемеровской области в 1944 – 1947 гг.
- 57 *Мишенин С. Е.* Фирменные поезда в Западной Сибири в 1960-х – 1980-х гг.
- 63 *Стельмак М. М.* Отношения английского и временного Сибирского правительства в 1918 г. (по материалам газеты «Сибирский вестник»)
- 68 *Утубаев Ж. Р.* Укрепленная усадьба Баланды (буланды) в нижнем течении Сырдарьи

МАТЕМАТИКА

- 74 *Толстунов В. А.* Нелинейный фильтр с показателями весами гиперболического вида

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

- 78 *Вербицкая Ю. С., Ямских Г. Ю.* Изменения прибрежной зоны Красноярского водохранилища в районе поселка Приморское

BIOLOGY

- 7 *S. V. Artemenko, G. A. Petukhova.* Daphnia response reactions to technogenic pollution of the water from different parts of the Tura River
- 11 *S. A. Gerasimov, N. E. Liakhova.* Parameters of barley harvest at increased seeding rates in Krasnoyarsk forest-steppe
- 16 *I. V. Grekhova, V. Yu. Grekhova, A. A. Mikhaylovskaya, N. Yu. Privetkina.* Use of sewage sludge in soil composition
- 20 *A. V. Zaushintsena, N. V. Kozhevnikov.* Bio-reclamation zoning of Kuzbass
- 26 *N. V. Kozhevnikov, A. V. Zaushintsena.* Problem of accelerated pedogenesis in land reclamation
- 30 *D. V. Sushchyov, A. S. Babenko, D. A. Efimov, S. V. Lukyantsev.* On studying the biodiversity of invertebrate animals in “Karakansky” Wildlife Reserve (Kemerovo region)
- 36 *M. V. Ulyanova, M. B. Lavryashina, V. V. Poddubikov, M. R. Zazulina, K. I. Osipov, A. P. Chemchieva, Z. A. Tychinskih, B. A. Tkhorenko, A. M. Vedenin, O. N. Nechiporenko, V. G. Druzhinin.* Results of complex investigations of population reproduction processes in local groups of Tobol-Irtysh Siberian Tatars in Tyumen Region: genetic and demographic aspects
- 44 *V. I. Ufimtsev, I. P. Belanov, D. A. Bocharov.* Zoning of phytogeneous fields of the common pine (*Pinus Sylvestris* L.) trees growing on reforestation sites of Kedrovsky coal mine
- 49 *N. N. Chumanova, O. V. Anokhina.* Estimation of humic products influence on the growth, development and productivity of oats and potatoes in Kemerovo region forest-steppe

HISTORY

- 53 *E. S. Klimova.* The restoration of church-parish life in Kemerovo Region in 1944 – 1947
- 57 *S. E. Mishenin.* Named trains in Western Siberia in the 1960s – 1980s
- 63 *M. M. Stelmak.* Relations between the British government and the Provisional Siberian Government in 1918 (as reflected in «Siberian herald» newspaper)
- 68 *Zh. R. Utubaev.* The fortified farmstead of Balandy in the lower reaches of the Syrdaria

MATHEMATICS

- 74 *V. A. Tolstunov.* Nonlinear filter with exponential weights of hyperbolic type

EARTH SCIENCE

- 78 *Yu. S. Verbitskaya, G. Yu. Yamskikh.* Changes in the coastal area of the Krasnoyarsk reservoir in vicinity of Primorsk settlement (2008 – 2011)

- 84 **Новик Д. В., Ямских Г. Ю., Махрова М. Л., Павлова Е. В.** Создание базы палинологических палеоклиматических данных для реконструкции среды жизни древнего человека на территории южно-минусинской котловины
- 90 **Павлова Е. В., Махрова М. Л., Ямских Г. Ю.** Экологический каркас Южно-Минусинской котловины

ПЕДАГОГИКА

- 99 **Абызова Р. Р.** Научно-просветительская и педагогическая деятельность Габдерахима Утыз Имяни (к 260-летию со дня рождения поэта)
- 102 **Евтушенко С. Я.** Эффективные методы обучения при формировании речевых компетенций на примере языка специальности (экономическое направление)
- 106 **Ивко И. А., Тарасевич Г. А., Колесник Т. А.** Эффективность дифференцированного подхода в оздоровительной тренировке на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет
- 113 **Касаткина Н. Э., Пахомова Е. А., Руднева Е. Л.** Взаимодействие образовательных организаций и промышленных предприятий региона в процессе формирования профессионального самоопределения обучающихся
- 117 **Ковган П. И.** Теоретическое и экспериментальное обоснование методики совершенствования техники отталкивания прыгунов в длину с разбега 15 – 17 лет
- 120 **Лебедева Е. П., Губанова М. И.** Организационно-методическое сопровождение повышения технологической компетентности учителей
- 124 **Урусова Л. Х.** К вопросу о стереотипах маскулинности и феминности
- 128 **Шехтман В. Е.** Разработка мультимедийного учебно-методического комплекса с интернет-доступом
- 132 **Шинкаренко А. С.** Педагогическая модель формирования безопасного и здорового образа жизни школьников

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

- 138 **Желтов В. В., Желтов М. В.** Марокко: реформирование как инструмент преодоления революционного сдвига
- 146 **Казаков М. А.** Институционализация региональных политических элит в процессе реализации национальных интересов России: обобщение некоторых выводов исследования
- 151 **Пак Е. Г.** Социально-философский анализ истории формирования менталитета корейского народа

ПСИХОЛОГИЯ

- 156 **Платонова М. С.** Сравнительный анализ функций передних отделов головного мозга у дошкольников, воспитывающихся в семьях с разным уровнем материального дохода

ФИЗИКА

- 164 **Зайцев Г. И., Колесников Г. И.** Изучение киноформной линзы как зонной пластинки

- 84 **D. V. Novik, G. Yu. Yamskikh, M. L. Makhrova, E. V. Pavlova.** Creating a palynological paleo-climatic database section for reconstruction of ancient human life in the South Minusinsk Depression
- 90 **E. V. Pavlova, M. L. Makhrova, G. Yu. Yamskikh.** Ecological framework of the South Minusinsk Depression

PEDAGOGICS

- 99 **R. R. Abyzova.** Scientific, educational and pedagogical activities of Gabderahim Utyz Imyani (to the poet's 260th anniversary)
- 102 **S. Ya. Evtushenko.** Effective methods of speech competence formation: the example of Language for Special Purposes (Economics)
- 106 **I. A. Ivko, G. A. Tarasevich, T. A. Kolesnik.** Effectiveness of graded approach in the body shaping fitness training for women aged 21 – 35
- 113 **N. E. Kasatkina, E. A. Pakhomova, E. L. Rudneva.** Cooperation of educational institutions and regional industrial enterprises in the formation of students' professional self-determination
- 117 **P. I. Kowgan.** Theoretical and experimental justification of the technology for improving repulsion technique of running long jumpers aged 15 – 17
- 120 **E. P. Lebedeva, M. I. Gubanova.** Organizational and methodological support for improving teachers' technological competence
- 124 **L. Kh. Urusova.** To the question of stereotypes of masculinity and femininity
- 128 **V. E. Shekhtman.** Development of multimedia educational complex with Internet access
- 132 **A. S. Shinkarenko.** The pedagogical model of formation of secondary school students' safe and healthy lifestyle

POLITICAL SCIENCE AND SOCIOLOGY

- 138 **V. V. Zheltov, M. V. Zheltov.** Morocco: a reform as a way to overcome revolutionary shift
- 146 **M. A. Kazakov.** Institutionalization of regional political elites in the process of Russian national interests implementation: generalization of some findings of the study
- 151 **E. G. Pak.** The history of Korean mentality formation: a socio-philosophical approach

PSYCHOLOGY

- 156 **M. S. Platonova.** Comparative analysis of the functions of the front parts of the brain of preschoolers brought up in the families with different levels of material income

PHYSICS

- 164 **G. I. Zaitsev, G. I. Kolesnikov.** Study of kinoform lens as a zone plate

- 167 **Невзоров Б. П., Салтанова Е. В., Фадеев Ю. А.** Спектральное проявление диффузии примесных атомов в криогенной матрице инертных газов

ФИЛОЛОГИЯ

- 170 **Бельская Н. С.** Речевой жанр секстинга в судебной лингвистической экспертизе интернет-коммуникации при расследовании преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности
- 177 **Валиулина С. В.** Средства репрезентации ситуации молчания и выхода из неё
- 181 **Жданов С. С.** Образ статуи как идола и лже-идола в немецком локусе (на материале поэзии Саши Черного)
- 184 **Кириленко Н. Н.** Классическая комедия и классический детектив (к вопросу о генезисе жанра)
- 189 **Урюпин И. С.** Об одном «библейском» племени в художественном сознании М. Горького и И. А. Бунина
- 193 **Юртаева И. А.** К проблеме трансформации жанра повести

ФИЛОСОФИЯ

- 198 **Гаврилов О. Ф., Гаврилов Е. О.** Особенности религиозной коммуникации в современной России
- 203 **Жукова О. И., Жуков В. Д.** «Нарциссический» человек как символ современного социума
- 207 **Золотухин В. М., Степанцова Е. В.** Российская ментальность в рамках правовой нормативности
- 211 **Казаков Е. Ф.** Проблема начала истории
- 216 **Коренева А. Ю.** Музей как институт непрерывного и неформального образования

ЭКОНОМИКА

- 221 **Горцева Н. В.** Финансовая архитектура российских групп компаний
- 226 **Кириллов А. Н.** Два года «абэномики»: первые результаты
- 229 **Синякова Е. В.** Инновационный сценарий развития рынка индивидуального жилищного строительства

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

- 234 **Балаян Э. Ю.** Некоторые конституционно-правовые аспекты закрепления и охраны достоинства личности
- 240 **Евсеева О. Ю.** К вопросу о подсудности споров, связанных со сроками в избирательном праве
- 246 **Терентьева В. А.** Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания. Исторический аспект
- 249 **Щенников В. П., Анциферов Н. В.** Юридические обязанности в системе конституции
- 254 Правила для авторов журнала
- 256 Подписка на «Вестник КемГУ»

- 167 **B. P. Nevzorov, E. V. Saltanova, Yu. A. Fadeev.** Spectral manifestations of impurity atoms diffusion in cryogenic inert gas matrice

PHILOLOGY

- 170 **N. S. Belskaya.** Speech genre of sexting in forensic linguistics analysis applicable to sex crimes investigation
- 177 **S. V. Valiulina.** Representants of the situation of silence and withdrawal from it
- 181 **S. S. Zhdanov.** Representation of statue as idol and false idol in the german locus (exemplified in Sasha Chorny's poetry)
- 184 **N. N. Kirilenko.** Classic comedy and classic detective story (on the genesis of the genre)
- 189 **I. S. Uryupin.** About a "biblical" tribe in the art consciousness of M. Gorky and I. Bunin
- 193 **I. A. Yurtaeva.** To the problem of the transformation of the genre of short story

PHILOSOPHY

- 198 **O. F. Gavrilov, E. O. Gavrilov.** Features of religious communication in modern Russia
- 203 **O. I. Zhukova, V. D. Zhukov.** "Narcissistic" person as a symbol of modern society
- 207 **V. M. Zolotuhin, E. V. Stepanцова.** Russian mentality within the legal normativity
- 211 **E. F. Kazakov.** The problem of the beginning of history
- 216 **A. Yu. Koreneva.** Museum as a non-formal education and lifelong learning institution

ECONOMICS

- 221 **N. V. Gortseva.** The financial architecture of Russian business groups
- 226 **A. N. Kirillov.** Two years of "abenomics": the first results
- 229 **E. V. Sinyakova.** Innovative development of individual housing market

JURISPRUDENCE

- 234 **E. Yu. Balayan.** Some constitutional aspects of securing and protecting the dignity of the human person
- 240 **O. Yu. Evseeva.** On the jurisdiction of disputes related to the terms in the suffrage law
- 246 **V. A. Terentieva.** Exemption of juveniles from criminal punishment. Historical aspect
- 249 **V. P. Shchennikov, N. V. Antsiferov.** Legal obligation in the constitution
- 254 Information and instructions for authors
- 256 Subscribe to Bulletin of KemSU

БИОЛОГИЯ

УДК 574.24, 574.21, 574.635

ОТВЕТНЫЕ РЕАКЦИИ ДАФНИЙ НА ТЕХНОГЕННОЕ ЗАГРЯЗНЕНИЕ ВОДЫ
ИЗ РАЗНЫХ СТОРОВ РЕКИ ТУРЫ

С. В. Артеменко, Г. А. Петухова

DAPHNIA RESPONSE REACTIONS TO TECHNOGENIC POLLUTION OF THE WATER
FROM DIFFERENT PARTS OF THE TURA RIVER

S. V. Artemenko, G. A. Petukhova

Проведен анализ выживаемости и плодовитости дафний в пробах воды из разных створов реки Туры в течение 4-х лет наблюдения. Выявлена токсичность воды из реки в ряде районов, что связано с наличием в воде высоких концентраций нефтепродуктов, фенолов, фтора, ПАВ. Степень загрязнения речной воды на протяжении 4-х лет исследования (с 2009 по 2012 гг.) возрастала.

The study analyzed the survival and fecundity of *Daphnia* in the water samples from different cross-sections of the Tura River for over 4 years. The toxicity of river water in a number of areas was identified, which is caused by the presence of high concentrations of oil products, phenols, fluorine and surfactants in the water. The degree of river water pollution increased over the 4 years of research (2009 – 2012).

Ключевые слова: выживаемость, плодовитость, дафнии, загрязнение речной воды.

Keywords: survival, fecundity, *Daphnia*, river water pollution.

Среди приоритетных проблем охраны и использования водных ресурсов следует отметить низкое повсеместное качество поверхностных вод. Степень загрязнения вод за последнее время становится выше потенциала самоочищения водных экосистем в наиболее развитых и заселенных территориях. В категорию техногенных источников, загрязняющих водные объекты, входят различные промышленные предприятия, речной и автомобильный транспорт, а также предприятия коммунального хозяйства, поставляющие загрязнители в водные объекты городов [2]. Не исключением в этом отношении является город Тюмень, поставляющий в воду реки Туры, на которой он расположен, различные виды загрязнителей, превышающие ПДК: NO₂ до 3 ПДК, Mn до 12 ПДК, Фенолы до 2 ПДК, нефтепродукты до 2 ПДК [8].

Целью проведенного исследования был анализ выживаемости и плодовитости чувствительного модельного тест-объекта *Daphnia magna* (L.) в пробах воды из разных створов реки Туры в течение 4-х лет наблюдения.

Материал и методы исследований

Исследования проводили по стандартным методикам (выживаемость ПНД Ф Т 14.1:2:4.12-06; плодовитость ФР.1.39.2007.03222) на 2-х суточных дафниях, используемых в остром и хроническом эксперименте. Эксперименты ставились в 5-ти кратной повторности с плотностью посадки 10 рачков на литр тестируемой воды. Плодовитость регистрировали по количеству появившейся молоди в пересчете на 1 самку.

В створе реки были выделены следующие 5 участков, соответственно, по течению реки: пос. Док (TR1), мост Челюскинцев (TR2), пос. Яр (TR3), с. Каскара (TR4), д. Чикча (TR5).

Проведенные исследования показали, что в воде зон TR2, TR3 и TR4, расположенных последовательно

по ходу течения реки, в остром эксперименте (первый ряд столбиков на рис. 1) выживаемость рачков была ниже контрольного уровня. Причиной этого является превышение ПДК по ХПК и фенолам в зонах исследования. Кроме того, усиление токсического действия в зоне TR3 объясняется высоким (3-кратное превышение ПДК) уровнем ПАВ. Отличие уровня выживаемости дафний в остром и хроническом эксперименте (второй ряд столбиков на рис. 1) свидетельствует о том, что угнетение происходит как вследствие прямого действия высоких концентраций веществ, так и в ходе их функциональной кумуляции [7]. О токсичном эффекте кумуляции отдельных веществ в организме рачков говорит в своих исследованиях О. А. Бархатова [1]. В работах К. В. Кулагиной показано, что допустимые концентрации инсектицида «лепидоцид», накапливаясь, приводят к высокой степени интоксикации дафний [6].

Изучение выживаемости дафний в пробах воды из этих же районов в последующие годы позволило выделить наиболее токсичные зоны на изучаемом отрезке реки Туры. В 2010 и 2011 году ситуация во многом аналогична 2009 г. (рис. 2 и рис. 3).

Наличие загрязнения разного происхождения, а также специфичность для разных отрезков реки прослеживаются в работах ряда авторов (Е. А. Исаченко-Боме [4], В. В. Горгуленко [3], Г. В. Ким [5]). Отличительной особенностью является отсутствие угнетения в зоне TR5 на 10 день эксперимента в последующие годы исследования. В остром эксперименте, как более опасные зоны, охарактеризованы TR3 и TR4. В хроническом эксперименте к ним добавляется TR2. В этом случае дафнии испытывают на себе действие фенолов и ПАВ, превышающих ПДК.

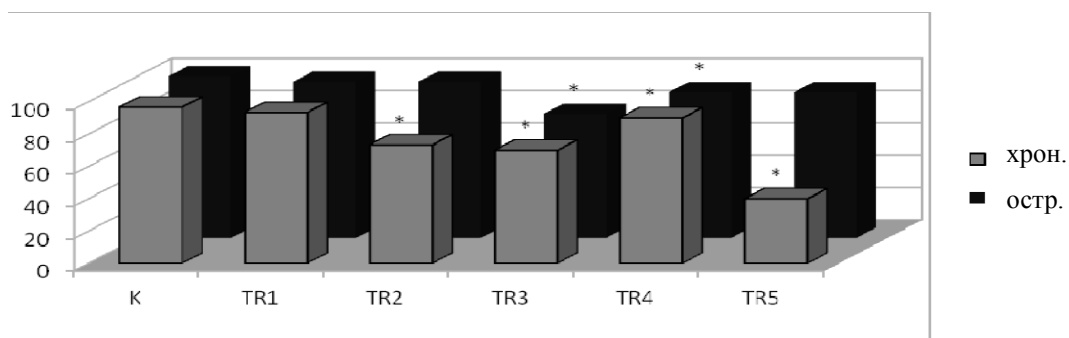

Рис. 1. Выживаемость дафний на 2 и 10 сутки экспозиции в воде разных створов реки Туры 2009 г.

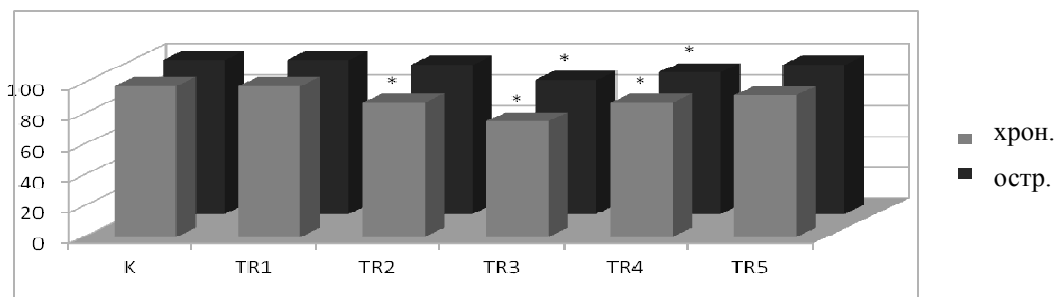

Рис. 2. Выживаемость дафний на 2 и 10 сутки экспозиции в воде разных створов реки Туры 2010 г.

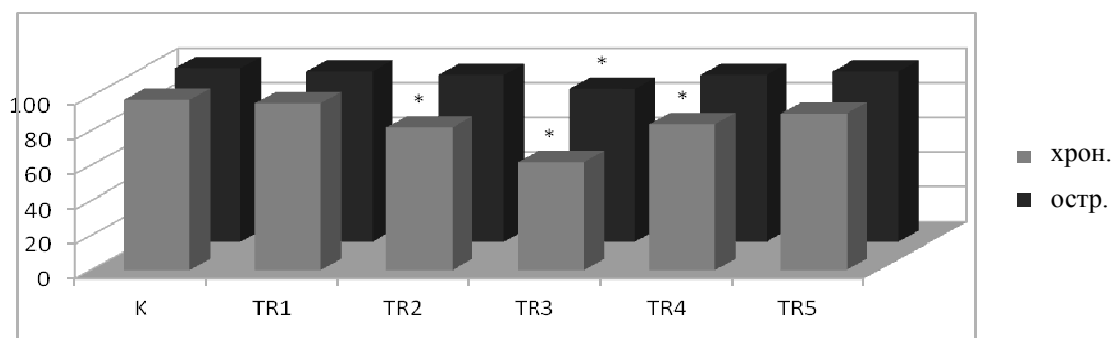

Рис. 3. Выживаемость дафний на 2 и 10 сутки экспозиции в воде разных участков реки Туры 2011 г.

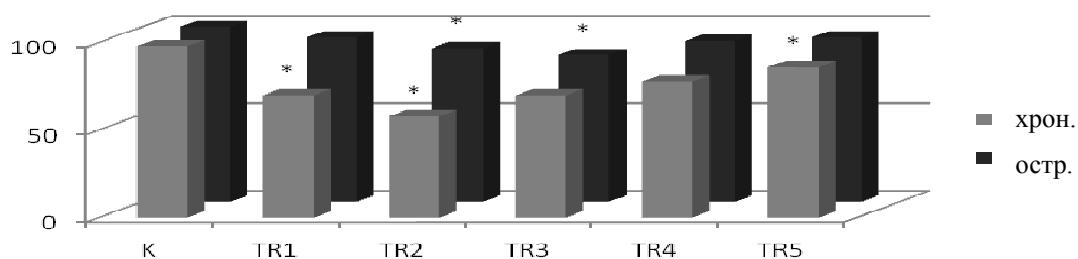

Рис. 4. Выживаемость дафний на 2 и 10 сутки экспозиции в воде разных участков реки Туры 2012 г.

При анализе данных за 2012 г. (рис. 4) выявлено снижение уровня выживаемости дафний на всём исследуемом отрезке реки. Также отмечено увеличение концентрации нефтепродуктов (выше уровня ПДК).

Это указывает на загрязнение реки Туры выше по течению исследуемого отрезка. Вследствие этого зона TR1 перешла в разряд токсичных вод для жизни гидробионтов. Также можно отметить, что токсический эффект, вследствие физиологической кумуляции ток-

сикантов, проявляется в 2012 году во всех зонах исследуемого участка реки.

Таким образом, можно обозначить TR2 и TR3 как зоны, испытывающие наибольшее влияние техногенного пресса, а также наиболее токсичные для жизнедеятельности гидробионтов. Кроме того, повышение рельефа дна зоны TR3 и наличие миандр речного русла между TR3 и TR4 формируют условный барьер для распространения загрязнения реки.

В ходе исследования также была проанализирована плодовитость дафний (рис. 5). Многолетние наблюдения позволили установить статистически значимое снижение уровня плодовитости дафний во всех

пробах воды в 2012 году: это реакция на изменения в химическом составе воды, в частности, на повышение уровня нефтепродуктов в речной воде в 2012 г.

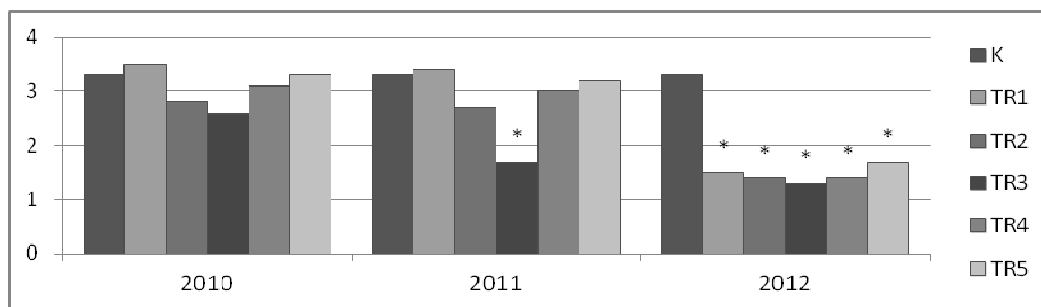

Рис. 5. Плодовитость дафний в исследуемых зонах р. Туры 2010 – 2012 гг.

Интересно отметить, что в воде TR3 ответная реакция проявилась годом ранее (2011). Можно заключить, что эта зона имеет прогностическую ценность как создающая комплекс условий для увеличения чувствительности показателя плодовитости дафний.

Для интеграции данных о влиянии веществ на показатели дафний был проведен корреляционный анализ. Сопоставляли изменение химического состава воды из реки Туры и степень выраженности реакций

дафний. Это позволило определить степень чувствительности каждого показателя к конкретному токсиканту. Анализ проводился для всех 18 проанализированных параметров химического состава проб воды, но зависимость обнаружена лишь для 9-ти параметров. Коэффициенты корреляции были рассчитаны с учетом особенностей химического состава каждой исследуемой зоны реки (таблица 1).

Таблица 1

Коррелятивная зависимость выживаемости дафний от содержания химических реагентов в воде разных створов р. Туры

	<i>Fe</i>	<i>Cl</i>	<i>F-</i>	<i>NO3</i>	<i>NO2</i>	<i>PO4</i>	<i>Фенолы</i>	<i>ПАВ</i>	<i>Oil</i>
TR1	0,17	-0,11	0,5	0,17	0,17	-	0,72	-	-
TR2	0,20	0,20	0,55	-0,04	-0,04	-0,04	0,20	-	-0,56
TR3	-0,18	-0,31	0,23	-0,26	-0,18	0,14	0,19	-0,14	-0,08
TR4	0,42	-0,42	0,35	-	0,42	-	-0,06	-	-0,51
TR5	-0,93	0,93	-0,47	-	-0,93	-	-0,63	-	0,33

Примечание: жирным выделена достоверно установленная корреляция.

Исходя из данных таблицы, однозначно негативное влияние оказывают нефтепродукты. Прочие показатели влияют в разных зонах реки как положительно, так и негативно. Причиной позитивной коррелятивной связи может являться загрязнение естественной природы, стимулирующее рост водорослей и бактерий, которые употребляются в пищу дафниями. В зоне TR5 коррелятивная связь обратна по отношению к большинству веществ, что может указывать на более низкий уровень органики вследствие удалённости от городских сточных систем.

Значительно информативнее выглядит корреляционный анализ плодовитости дафний к тем же 18 гидрохимическим параметрам (таблица 2). Подтверждается высокая значимость токсичного влияния нефтепродуктов практически для всех исследуемых зон реки Туры. В данном случае стало возможным доказать негативный эффект содержащихся в речной воде ПАВ и нитратов. Взаимовозрастание плодовитости и концентрации таких веществ, как фтор, фенол, железо, фосфаты, может быть связано с участием данных химических элементов в комплексах снижающих общую токсичность среды. Кроме того, указанные вещества

также могут быть органического происхождения и стимулировать рост пищевого ресурса.

Характеризуя исследуемый отрезок реки Туры по ответным реакциям *D. magna*, следует выделить зоны TR2 и TR3 как испытывающие высокую степень техногенного пресса. Наиболее сильный негативный эффект оказывают нефтепродукты. Выявленная прямая взаимозависимость дафний и группы веществ, в т. ч. фторидов, указывает на особенность антагонистических взаимоотношений токсикантов. Подобная зависимость, обнаруженная для фенола, говорит о его естественном происхождении, что стимулирует рост и размножение организмов, используемых дафниями в пищу.

Коррелятивная зависимость плодовитости дафний от содержания химических реагентов в воде разных створов р. Туры

<i>Створ</i>	<i>Fe</i>	<i>Cl</i>	<i>F-</i>	<i>NO3</i>	<i>NO2</i>	<i>PO4</i>	<i>Фенол</i>	<i>ПАВ</i>	<i>Oil</i>
TR1	0,36	0,03	0,62	0,36	0,36	-	0,72	-	-
TR2	0,55	-0,03	0,78	0,36	0,36	0,36	0,55	-	-0,92
TR3	0,19	-0,60	0,52	-0,89	0,19	0,59	0,62	-0,59	-0,84
TR4	0,37	-0,37	0,29	-	0,37	-	-0,51	-	-0,66
TR5	0,35	-0,35	0,63	-	0,35	-	-0,52	-	-0,98

Примечание: жирным шрифтом выделена достоверно установленная корреляция.

Выводы

1. Выявлена токсичность воды из реки Туры в районах моста Челюскинцев и пос. Яр при учете выживаемости и плодовитости дафний.

2. Наиболее выраженный токсический эффект речной воды связан с наличием в ней нефтепродуктов, фенолов, фтора, ПАВ.

3. Степень загрязнения речной воды на протяжении 4-х лет исследования (с 2009 по 2012 гг.) возрастала.

4. Чувствительность соматических клеток дафний (регистрируемая при учете выживаемости) была выше, чем чувствительность половых клеток (регистрируемая по реальной плодовитости рачков).

Литература

1. Бархатова О. А. Сравнительная токсикорезистентность *Epischura baicalensis* и *Daphnia magna* в присутствии и отсутствии пищи: автореф. дис. ... канд. биол. наук. Иркутск, 2000. 153 с.
2. Власова Е. Я. Количественная оценка уровня устойчивости экосистемы урбанизированных территорий // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2007. № 4. С. 77 – 80.
3. Горгуленко В. В., Кириллов В. В., Ким Г. В., Ковешников М. И. Оценка качества донных отложений реки Аба методами биоиндикации и биотестирования // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2011. № 2-2. С. 65 – 71.
4. Исаченко-Боме Е. А., Михайлова Л. В., Бондарь М. С. Воздействие нефтяного загрязнения на сообщество макрозообентоса (натурное моделирование) // Путь в Сибирь. 2007.
5. Ким Г. В. Морфологические аномалии диатомовых водорослей фитопланктона как индикаторы качества воды водотоков и водоемов горного Алтая // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 5. С. 444 – 449.
6. Кулагина К. В., Каменек В. М. Морфофизиологические особенности *Daphnia magna* в условиях влияния биологического пестицида на основе *Bacillus thuringiensis* // ZOOCENOSIS – 2009. Біорізноманіття та роль тварин в екосистемах: V Міжнародна наукова конференція. Україна, Дніпропетровськ, ДНУ. Дніпропетровськ: Лира, 2009. С. 63 – 65.
7. Сердюк В. С., Стищенко Л. Г. Медико-биологические основы безопасности жизнедеятельности: учебное пособие. Омск: Изд-во ОмГТУ, 2003. 240 с.
8. Содержание загрязняющих веществ в водных объектах Тюменской области. Режим доступа: http://admtyumen.ru/ogv_ru/about/ecology/eco_monitoring/water.htm (дата обращения: 20.11.14).
9. Содержание загрязняющих веществ в водных объектах Тюменской области // Тюменская область. Официальный портал органов государственной власти. Режим доступа: http://admtyumen.ru/ogv_ru/about/-ecology/eco_monitoring/water.htm (дата обращения: 20.11.14).

Информация об авторах:

Артемченко Сергей Владимирович – аспирант, ассистент кафедры экологии и генетики Института биологии Тюменского государственного университета, 8-909-742-41-55, artbot89@mail.ru.

Sergen V. Artemenko – post-graduate student, Assistant Lecturer at the Department of Ecology and Genetics, Institute of Biology, Tyumen State University.

(Научный руководитель – Г. А. Петухова).

Петухова Галина Александровна – доктор биологических наук, профессор кафедры экологии и генетики Института биологии Тюменского государственного университета, 8-9-222-62-03-92, gpetuhova1@mail.ru.

Galina A. Petukhova – Doctor of Biology, Professor at the Department of Ecology and Genetics, Institute of Biology, Tyumen State University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

УДК 633.16:631.5(478)

ФОРМИРОВАНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ СТРУКТУРЫ УРОЖАЯ ЯЧМЕНЯ ПРИ УВЕЛИЧЕНИИ НОРМЫ ВЫСЕВА В УСЛОВИЯХ КРАСНОЯРСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ

С. А. Герасимов, Н. Е. Ляхова

PARAMETERS OF BARLEY HARVEST AT INCREASED SEEDING RATES IN KRASNOYARSK FOREST-STEPPE

S. A. Gerasimov, N. E. Liakhova

В статье показано влияние норм высева ячменя на формирование отдельных элементов продуктивности. Также приводятся данные о зависимости урожайности и удельной ценотической продуктивности ячменя от нормы высева и сортовых особенностей. Коэффициент корреляции урожайности ячменя с удельной ценотической продуктивностью составил $r = 0,965 \pm 0,071$. Установлено, что для получения высококачественных семян с высокими посевными качествами необходимо использование умеренно разреженных посевов в условиях Красноярской лесостепи.

The paper shows the effect of the sowing of barley on the formation of individual elements of productivity. It also provides data on the dependence of the yield and specific cenotic productivity of barley on the seeding rate and varietal characteristics. The correlation coefficient of yield and specific cenotic productivity for barley was $r = 0,965 \pm 0,071$. The authors discovered that in Krasnoyarsk forest-steppe slightly rarefied seeding rate should be used for high-quality seeds with high productivity.

Ключевые слова: ячмень, сорт, нормы высева, урожайность, коэффициент семенного размножения.

Keywords: barley, variety, seeding rate, yield, seed multiplication factor.

В селекции растений одним из путей достижения потенциально возможных урожаев является оценка и разработка теоретически обоснованных агротехнических приемов, позволяющих контролировать продукционный процесс отдельного сорта, сделав его менее зависимым от внешних факторов. В этой связи особенно важным становится изучение сортов по отдельным компонентам продуктивности, среди которых первостепенное значение имеют норма высева и продуктивный стеблестой как факторы регулирования урожайности [3]. Оптимальная густота стояния растений является одним из важнейших условий, определяющих полноту использования природных факторов и выращивания высокого урожая хорошего качества для данного региона [1].

Цель работы: изучить влияние норм высева на формирование элементов продуктивности ячменя. Полученные результаты имеют значение при оценке сортов ячменя на продуктивность в условиях Красноярской лесостепи.

Материалы, методы и условия проведения опытов

В качестве объектов исследования использовали три сорта ячменя:

Ача – сорт выведен в СибНИИРС от скрещивания сортов (Парагон×Кристина)×(Джет×Обской)×(Новосибирский1×Винер);

Буян – сорт получен от скрещивания сортов Кедр с Jo-1345 (Финляндия);

Оленек – сорт выделен из гибридной комбинации [(Винер×Красноуфимский 95)×(Винер×Донецкий 650)]×Ача.

Каждый из изучаемых сортов высевался с пятью нормами высева с интервалом в 1 млн всхожих зерен на гектар (от 3 до 7 млн). Всего 15 вариантов в 4-х

кратной повторности. Размещение вариантов – рендомизированное в блоках повторений. Учетная площадь делянки – 10 м². Полевые наблюдения и лабораторный анализ растений по элементам структуры урожая проводился по 100 растениям, отобраным с закрепленных на каждой делянке площадках размером 0,15 м². Всего 60 площадок в соответствии с методикой ВИР [6].

Агрометеорологические условия проведения опытов были различными: 2012 год характеризовался засушливым периодом в мае и особенно в июне; 2013 год отличался благоприятным и избыточным режимами увлажнения в период вегетации, дефицитом положительных температур в мае.

Почва опытного участка представлена обыкновенным маломощным черноземом со средним содержанием гумуса (4,2 %), повышенным содержанием фосфора (P₂O₅ – 4,0 мг/100 г по Мачигину), очень высоким содержанием калия (K₂O – 24,9 мг/100 г), средним содержанием азота (8 – 10 мг/100 г почвы), нейтральной реакцией почвенного раствора pH – 6,2.

Результаты и обсуждение

В вариантах с нормой высева 700 всхожих зерен на 1 м² у сортов Ача и Буян выявлено максимальное число всходов – 466 шт/м² и более, в этих же вариантах сорта показали высокое число растений перед уборкой: 411 – 474 шт. (таблица 1). При этом стандартный сорт Ача сформировал наиболее высокий продуктивный стеблестой – 757 шт/м², что свидетельствует о высокой экологической устойчивости сорта к различным условиям среды. Критерием оптимальной густоты продуктивного стеблестоя, обеспечивающего наивысший урожай, является сочетание оптимальной нормы высева и соответствующей ей продуктивной кустистости. Согласно многолетним данным, как пра-

вило, продуктивная кустистость стабилизирует стеблестой и относится к числу наиболее ответственных показателей в формировании урожайности в конкретные годы. Данный критерий находится в обратной зависимости от количества сохранившихся к уборке растений. Загущенные посевы в значительной мере оказывают отрицательное влияние на формирование общей и продуктивной кустистости. Согласно нашим данным, варианты с низкими нормами высева (300 и 400 всхожих зерен на 1 м²) сорта Ача и Оленек сформировали высокую продуктивную кустистость (2,03 – 2,50 шт. на растение). К числу элементов продуктивности, влияющих на урожайность, относится число зерен в колосе. Преимуществом по коэффициенту семенного размножения характеризовались варианты с самой низкой нормой высева у сортов Буян (24,6 шт.) и Оленек (23,6 шт.). Выявленную нами за-

кономерность важно учитывать при размножении новых сортов в первичных звеньях семеноводства. У сорта Оленек отмечена также повышенная масса зерна с 1-го растения (1,57 г) при малых нормах высева. Самые высокие показатели массы 1000 зерен получены при нормах высева 300 у сортов Ача (47,7 г) и Буян (46,5 г). По-нашему мнению, при пониженных нормах высева растения развиваются в более благоприятных условиях, в которых размещаются отдельные растения, способные максимально использовать свои генетические возможности. По-мнению И. А. Пигорева и Е. И. Комарицкой [7], такая тенденция является результатом увеличения площади питания, при которой улучшаются условия водного, пищевого режимов, освещения и других факторов жизнедеятельности растений.

Таблица 1

Элементы продуктивности сортов ячменя в зависимости от нормы высева, 2012 – 2013 гг., средняя

Вариант	Число всходов, шт. на м ²	Продуктивный стеблестой, шт. на м ²	Число растений перед уборкой, шт. на м ²	Высота растений, см	Продуктивная кустистость, шт.	Параметры главного колоса				Урожайность, ц/га
						длина колоса, см	Число зерен, шт.	Масса 1000 зерен, г	Масса зерна с 1 растения, г	
Ача 300*	250	423	210	64,5	2,04	7,8	20,5	47,7	1,32	33,1
Ача 400	299	506	251	63,8	2,03	7,3	19,7	46,7	1,20	38,7
Ача 500	356	585	320	62,1	1,90	7,1	19,1	45,9	1,12	40,5
Ача 600	503	674	417	60,0	1,71	6,4	17,5	46,1	0,87	42,4
Ача 700	554	757	474	59,4	1,71	6,5	17,5	45,4	0,93	43,7
Буян 300	251	359	195	77,7	1,83	9,0	24,6	46,5	1,30	26,6
Буян 400	299	495	271	78,6	1,90	8,5	23,6	47,4	1,38	32,2
Буян 500	376	544	332	77,6	1,71	8,4	23,4	46,5	1,27	35,2
Буян 600	390	512	351	75,5	1,53	7,7	21,8	44,6	1,03	31,8
Буян 700	466	589	411	74,8	1,46	7,6	21,5	45,9	0,96	32,6
Оленек 300	228	504	210	73,1	2,50	9,2	23,6	43,0	1,57	33,3
Оленек 400	276	501	247	68,9	2,05	8,7	22,7	42,8	1,17	36,8
Оленек 500	318	498	267	68,1	1,88	8,2	21,4	42,5	1,11	37,3
Оленек 600	404	522	303	67,8	1,83	7,9	20,6	42,2	0,98	40,3
Оленек 700	437	557	380	66,4	1,47	7,4	19,7	41,7	0,77	42,0
НСР (AB)₀₅	88	133	78	4,3	0,3	0,5	1,1	1,9	0,23	7,3
Фактор А-сорт	39	60	35	1,9	0,13	0,2	0,5	0,86	0,1	3,3
Фактор В-норма высева	51	77	45	2,5	0,17	0,3	0,6	1,11	0,13	4,2

Примечание: * 300 – 700 – варианты (число всхожих зерен на 1 м²).

Взаимозаменяемость элементов продуктивности в формировании урожайности является нормой их реакции на условия среды. Каждый последующий компонент компенсирует вклад предыдущего в конечную продуктивность растений, увеличивая или уменьшая её показатели. Изменение отдельных элементов продуктивности под влиянием разного числа растений с

единицы площади позволяет им при снижении одних компенсировать остальные, однако урожайность остается главным интегрированным показателем, который складывается из соотношения его структурных компонентов [2; 8].

Согласно нашим данным норма высева семян оказывает существенное влияние на уровень урожайно-

сти ячменя. Так, в нашем опыте сорта Ача и Оленек оказались более отзывчивы на увеличение нормы высева (зерновая продуктивность возросла на 20,7 – 24,2 %).

При загущении нормы высева сорта Ача и Буян сформировали более высокий урожай за счет числа всходов и, соответственно, за счет более высоких показателей продуктивного стеблестоя и числа растений перед уборкой (рис. 1). На продуктивность у сорта Буян повлияли в большей степени число всходов на

единицу площади (+41,1 %), продуктивный стеблестой (+39,0 %) и число растений перед уборкой (+52,5 %). У сорта Оленек отмечено положительное влияние на урожайность числа всходов (+47,8 %) и числа растений перед уборкой (+44,7 %). В то же время влияние продуктивного стеблестоя на рост урожая данного сорта было незначительным (+9,5 %). По нашему мнению, это связано со снижением коэффициента продуктивного кущения (–41,2 %).

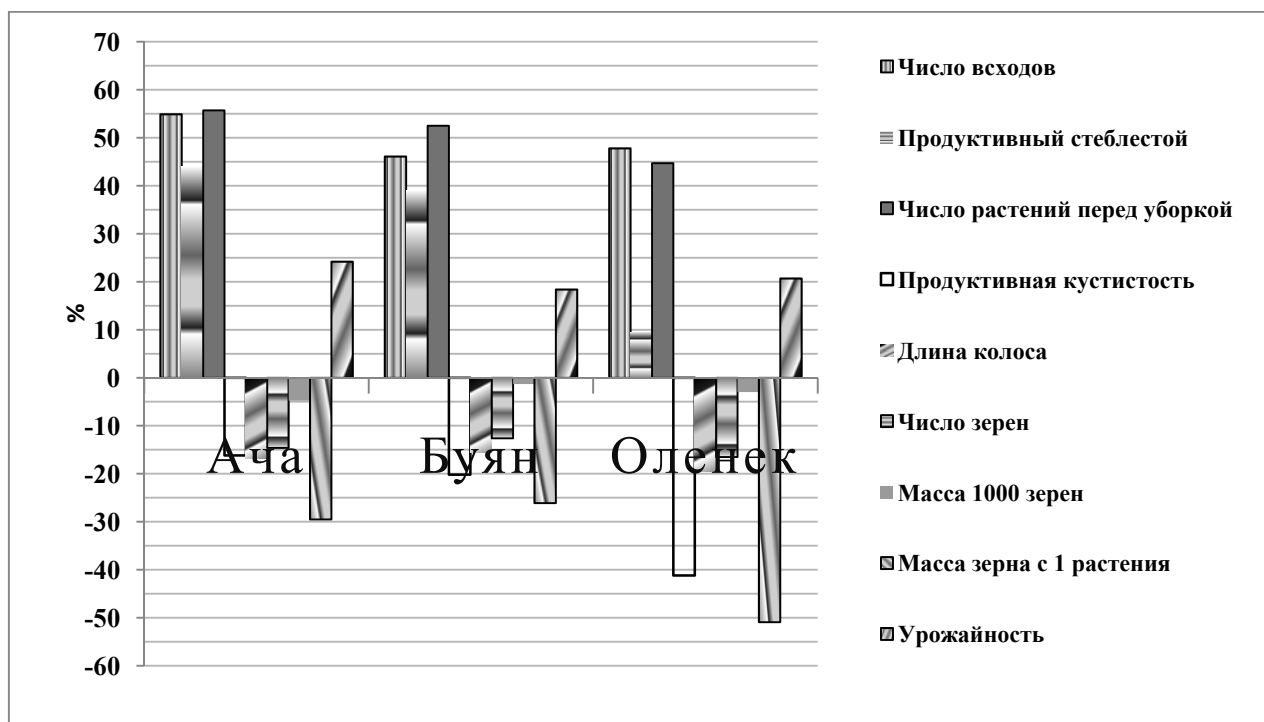

Рис. 1. Реакция элементов продуктивности сортов ячменя на загущение нормы высева от 3 до 7 млн всхожих зерен на 1 га, (отклонение в $\pm\%$ к 3 млн всхожих зерен), 2012 – 2013 гг., средняя, $n = 120$

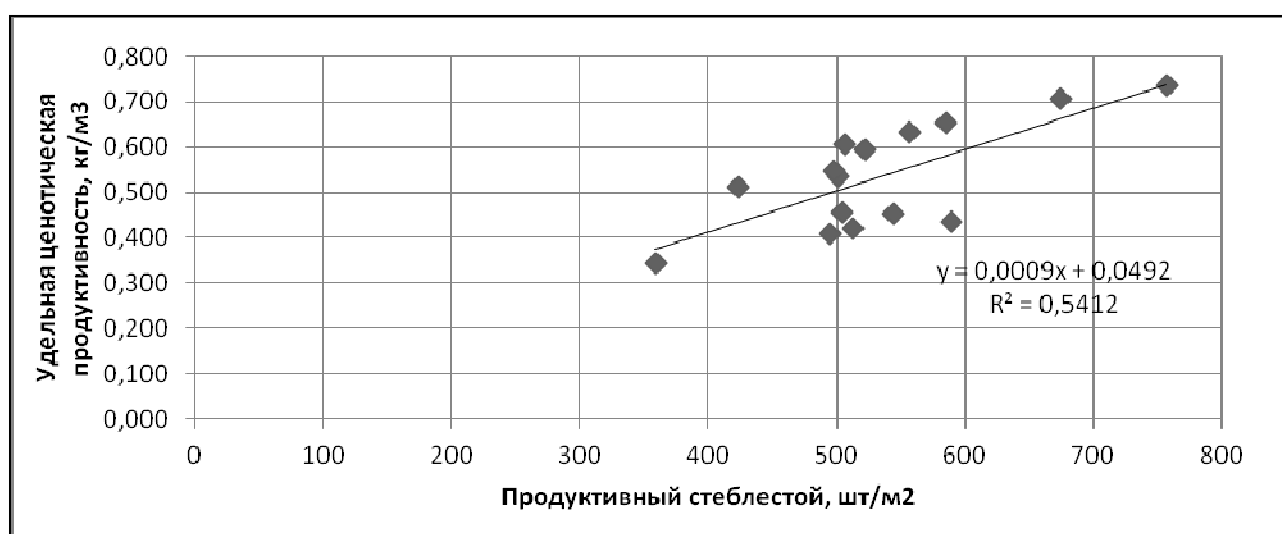

Рис. 2. Зависимость удельной ценотической продуктивности ярового ячменя от его продуктивного стеблестоя, 2012 – 2013 гг., $n = 120$

Для оценки зависимости плотности посева ячменя от нормы высева нами рассчитана удельная ценотическая продуктивность. УЦП – это количество биомассы, накапливаемое посевом зерновых культур в единице объема ценоза. Она определяется у хлебных злаков по общей биомассе делением величины биологического урожая с единицы площади на высоту посева, а по зерну – делением величины хозяйственного урожая на высоту посева. Выражаются они в кг/м^3 [5].

Нами отмечена достоверная тесная корреляционная связь между удельной ценотической продуктивностью и продуктивным стеблестоем ($r = 0,736$), урожайностью и удельной ценотической продуктивностью ($r = 0,965$) (рис. 2, рис. 3). Такая зависимость обусловлена повышением количества фертильных побегов в расчете на единицу площади и объясняется повышением плотности продуктивного стеблестоя до оптимального предела.

Высокая продуктивность отдельного растения чаще всего может коррелировать с урожайностью,

который зависит от числа растений на единице площади и от «ценотического взаимодействия», то есть степени снижения продуктивности отдельных растений по мере загущения травостоя. С. Ф. Коваль и В. П. Шаманин [4] считают, что урожай лимитируется в жестких экологических условиях устойчивостью к неблагоприятным факторам среды, а в близких к оптимуму – конкурентоспособностью растений.

При оценке сопряженности между отдельными элементами продуктивности и конечным урожаем нами обнаружены достоверно высокие связи между числом всходов, продуктивным стеблестоем и числом растений перед уборкой, а также отрицательные значения между высотой растений, длиной колоса и числом зерен главного колоса. Это связано с наличием механизмов конкуренции между отдельными элементами продуктивности и продуктивностью растения в целом.

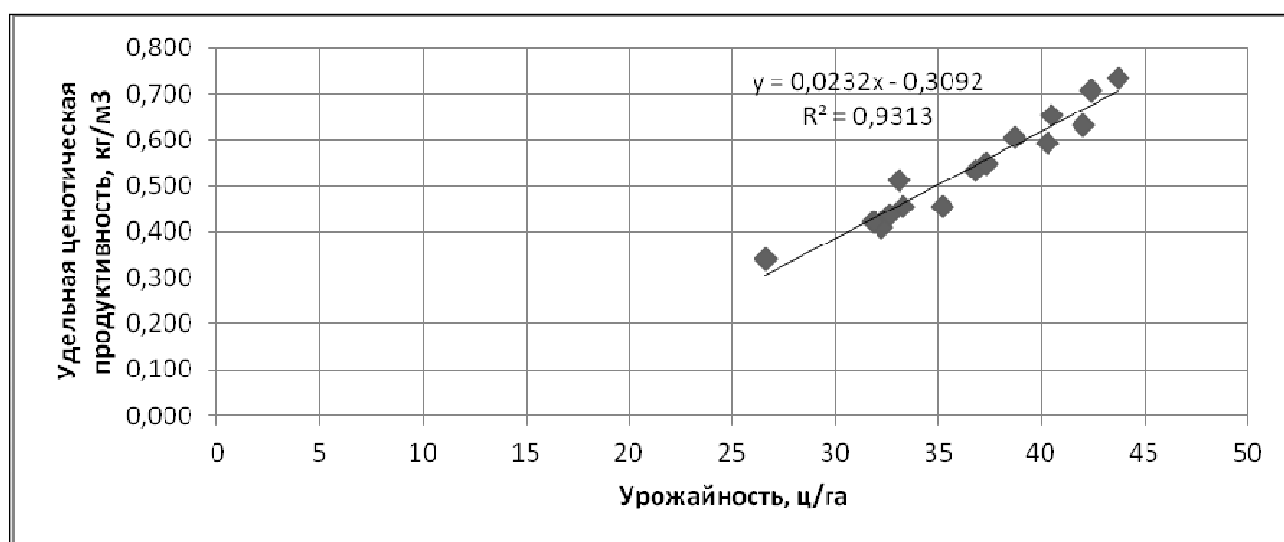

Рис. 3. Зависимость урожайности ярового ячменя от его удельной ценотической продуктивности, 2012 – 2013 гг., $n = 120$

Таблица 2

Коэффициенты корреляции между урожаем и элементами продуктивности, 2012 – 2013 гг., $n = 120$

Высота растений/урожайность	–0,824*
Число всходов/урожайность	0,624*
Продуктивный стеблестой/урожайность	0,758*
Число растений перед уборкой/урожайность	0,588*
Продуктивная кустистость/урожайность	–0,158
Длина колоса/урожайность	–0,731*
Число зерен главного колоса/урожайность	–0,844*
Масса 1000 зерен/урожайность	–0,336
Масса зерна с 1-го растения/урожайность	–0,635

Примечание: * – значения коэффициентов достоверны при $P \leq 0,05$.

Выводы

1. Таким образом, максимальная урожайность ячменя в условиях Красноярской лесостепи была достигнута в вариантах с нормой высева 400 – 500 шт. всхожих зерен на 1 м², при дальнейшем загущении растений повышение продуктивности оказалось незначительным. Высокие показатели массы 1000 зерен и коэффициента семенного размножения также были получены в вариантах с низкими нормами высева, что важно учитывать при размножении новых сортов. Вместе с тем использование пониженных норм высева приводит к получению невыравненных семян, что снижает их семенную ценность. Выявлено значительное влияние погодных условий в отличие от сортовых особенностей ячменя на посевные качества семян: энергия прорастания и лабораторная всхожесть.

2. В целом использование в производстве оптимальных норм высева ячменя, установленных много-

численными опытами Госкомиссией РФ по сортоиспытанию, относится к числу рекомендованных стандартов. Тем не менее пониженные нормы высева обеспечивают устойчивость растений к полеганию, в то же время из-за сильного кушения выращенное зерно чаще всего становится невыравненным по крупности, и при подработке мелкая фракция, как правило, попадает в отход.

3. Одновременно с этим загущенные посевы особенно при выпадении ливневых осадков, сопровождаемых сильными ветрами, сильно полегают и приводят к большим потерям урожая. В связи с этим при внедрении новых сортов важно знать их реакцию на нормы высева и на этой основе рекомендовать такие, которые могут обеспечить получение высококачественного зерна.

Литература

1. Аниськов Н. И., Поползухин П. В. Яровой ячмень в Западной Сибири (селекция, семеноводство, сорта): монография. Омск: Вариант-Омск, 2010. 388 с.
2. Беленкевич О. А., Шашко К. Г. Приспособленность сортов ярового ячменя к отдельным факторам среды по оценке количественных признаков // Сельскохозяйственная биология. 1997. № 5. С. 53 – 59.
3. Возиян В. И., Кишка М. Н., Журат В. Ф., Сергей Т. П., Плешка А. В. Влияние сроков посева и норм высева на урожай озимого ячменя в условиях Бельцкой степи Республики Молдова // Зернобобовые и крупяные культуры. 2013. № 2(6). С. 129 – 132.
4. Коваль С. Ф., Шаманин В. П. Растение в опыте. Омск: Омскбланкиздат, 1999. 204 с.
5. Ламан Н. А., Власова Н. Н., Поплавская Р. С., Прохоров В. Н., Стратилова Е. В. Биолого-экологические особенности формирования высокопродуктивных посевов хлебных злаков: селекционные аспекты // Известия Академии аграрных наук Республики Беларусь. 1999. № 3. С. 52 – 58.
6. Методические указания по изучению и сохранению мировой коллекции ячменя и овса. СПб: ГНУ ВИР Россельхозакадемии, 2012. 64 с.
7. Пигорев И. А., Комарицкая Е. И. Влияние норм посева на продуктивность ячменя в Курской области // Фундаментальные исследования. 2005. № 10. С. 51 – 52.
8. Щенникова И. Н., Куц С. А., Абдушаева Я. М. Оценка сортов и гибридов ярового ячменя в условиях Северо-Востока Нечерноземной зоны // Успехи современного естествознания. 2007. № 4. С. 11 – 13.

Информация об авторах:

Герасимов Сергей Александрович – кандидат сельскохозяйственных наук, ведущий научный сотрудник лаборатории селекции серых хлебов Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства СО РАНХ, g-s-a2009@yandex.ru.

Sergey A. Gerasimov – Candidate of Agricultural Science, Leading Research Associate at the Laboratory for Breeding Coarse Grain, Krasnoyarsk Research Institute of Agriculture of the Russian Academy of Agriculture.

Ляхова Надежда Евгеньевна – заведующая лабораторией селекции серых хлебов Красноярского научно-исследовательского института сельского хозяйства СО РАНХ, g-s-a2009@yandex.ru.

Nadezhda E. Liakhova – Head of the Laboratory for Breeding Coarse Grain, Krasnoyarsk Research Institute of Agriculture of the Russian Academy of Agriculture.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

ПРИМЕНЕНИЕ ОСАДКА СТОЧНЫХ ВОД В СОСТАВЕ ГРУНТОВ

И. В. Грехова, В. Ю. Грехова, А. А. Михайловская, Н. Ю. Приветкина

USE OF SEWAGE SLUDGE IN SOIL COMPOSITION

I. V. Grekhova, V. Yu. Grekhova, A. A. Mikhaylovskaya, N. Yu. Privetkina

Утилизация осадка сточных вод (ОСВ) – проблема многих городов. Но наличие в них тяжелых металлов (ТМ) является основной проблемой при использовании их в качестве удобрений и компонентов в составе грунтов. В вегетационном опыте изучали применение осадка сточных вод Тюменских очистных сооружений в составе грунтов. Установлено, что проростки тест-культуры испытывали угнетение при проращивании на осадке сточных вод и смеси осадка с торфом при соотношении 3:1, наблюдалось существенное снижение всех биометрических показателей. Смешивание почвы с осадком в соотношении 3:1 оказало существенное отрицательное действие на энергию прорастания и длину корневой системы. На трехкомпонентной смеси: почва+торф+осадок (2:1:1) проростки существенно превышали контроль по массе корневой системы и массе проростков. ОСВ можно использовать в соотношении 2:1:1 в составе грунта: почва+торф+осадок. Осадок в чистом виде и смеси с торфом 3:1 использовать нельзя из-за повышенного содержания тяжелых металлов.

Utilization of sewage sludge is the problem of many cities. But the presence of heavy metals in them is the main problem for their use as components of fertilizers and as a part of soil composition. In vegetative experience, the use of Tyumen treatment facilities sewage sludge as a part of soil composition was studied. It is established that test culture sprouts experienced suppression when sprouted on the 3:1 mix of sewage sludge and peat, an essential decrease in all biometric indicators was observed. The 3:1 mix of soil with sewage sludge has an essential negative effect on the energy of sprouting and the length of root system. The three-component 2:1:1 mix of soil + peat + sludge the sprouts significantly exceeded control in the mass of root system and mass of sprouts. Thus, sewage sludge can be used as a part of soil composition of 2:1:1 soil + peat + sludge mix. The pure sludge form and the 3:1 mix with peat can not be used because of the increased amount of heavy metals.

Ключевые слова: осадок сточных вод, грунты, тяжелые металлы, тест-культура, посевные качества семян, морфометрические параметры проростков.

Keywords: sewage sludge, soil, heavy metals, test culture, sowing qualities of seeds, morphometric parameters of sprouts.

Утилизация осадка сточных вод (ОСВ) становится проблемой многих городов. Осадки можно использовать в составе почвогрунтов при благоустройстве полотна откосов дорог, для восстановления плодородия почв в питомниках лесных и декоративных культур, т. к. в них содержатся органические вещества, макро- и микроэлементы, необходимые для развития растений. Основной проблемой при использовании ОСВ является нередко наличие в них тяжелых металлов (ТМ) в значительных количествах. При внесении в почву они могут отрицательно воздействовать на растения, животных и человека, поэтому ОСВ должен соответствовать ГОСТам [3 – 5]. ОСВ можно использовать в составе почвогрунтов при разбавлении, например, торфом. Необходимо установить оптимальные соотношения при смешивании ОСВ с почвой и торфом.

Цель исследований: изучение применения осадка сточных вод Тюменских очистных сооружений в составе грунтов.

Для решения поставленной цели были сформулированы и реализованы следующие задачи: определить соотношение компонентов в грунте; установить влияние ОСВ в составе грунтов на энергию прорастания, всхожесть, морфометрические параметры проростков тест-культуры; провести анализ агрохимических свойств грунтов и содержания ТМ.

Условия и методика исследований

Изучение действия осадка сточных вод, предоставленного с Тюменских очистных сооружений, проводили в вегетационном опыте методом проростков по ГОСТ 12038-84, но вместо песка использовали компоненты грунтов. Схема опыта: 1. Почва (контроль), 2. ОСВ, 3. ОСВ+торф (3:1), 4. Почва+ОСВ (3:1), 5. Почва+торф+ОСВ (2:1:1). Тест-культура – семена яровой пшеницы сорта Иргина. Почва – темно-серая лесная. Сосуды помещали в климатостат марки КС-200 СПУ. Опыт проводили в 6 кратной повторности. Семена проращивались при температуре 20 °С с заданной программой смены «дня» и «ночи». Подсчет энергии прорастания проводили на 4 сутки, всхожесть – на 7 сутки. На 7 сутки изымали по 3 сосуда с каждого варианта. Отмывали корневую систему проростков, подсчитывали число корешков и проводили биометрические замеры: длина и масса корневой системы, длина и масса проростков. Уборку оставшихся сосудов производили на 14 сутки после посева семян. Отмывали корневую систему и определяли массу корневой системы и массу проростков.

Содержание микроэлементов определяли на пламенном атомно-абсорбционном спектрометре «Conter-AA 300» с атомизацией в пламени и атомно-абсорбционном спектрометре «МГА 915» с электротермической атомизацией; гумуса – по ГОСТ 26213-91, pH_{сол} – ГОСТ 26483-85, гидrolитическая кислотность – ГОСТ 26212-91.

Для статистической обработки результатов исследований применяли дисперсионный анализ данных вегетационного опыта [2] с использованием программы Microsoft Excel 2010.

Результаты исследований

Почвы, благодаря высокой катионной поглощательной способности, хорошо удерживают положительно заряженные ионы металлов [1]. Поэтому их постоянное поступление даже в малых количествах способно привести к существенному накоплению металлов в почве. Кислотность почвы влияет на подвижность металлов и усвоение их растениями. Ней-

тральная реакция среды предотвращает фитотоксичность многих ТМ при существенном их содержании в почве. Но такое же содержание ТМ при pH 5,5 и ниже может быть летальным для растений.

Токсическое действие ТМ на растения можно проследить по посевным качествам семян и морфометрическим параметрам проростков.

На всех вариантах опыта наблюдается существенное снижение энергии прорастания на 21 – 71 % по сравнению с контролем (таблица 1). Всхожесть существенно снизилась только при смешивании осадка с торфом в соотношении 3:1.

Таблица 1

Влияние осадка сточных вод на проростки яровой пшеницы

Варианты	Энергия прорастания, %	Всхожесть, %	Число корешков, шт.	Длина корневой системы, мм	Длина проростков, мм
Почва (контроль)	86	93	4,7	124,6	176,5
ОСВ	55	97	5,3	31,7	107,5
ОСВ+ торф (3:1)	40	86	4,3	27,9	94,4
Почва+ОСВ (3:1)	25	91	5,0	77,2	154,6
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	68	92	5,1	114,2	183,8
НСР ₀₅	11,1	6,2	0,22	11,9	25,92

Число корешков повысилось на всех изучаемых вариантах, кроме смеси осадка с торфом. Осадок и смесь осадка с торфом особенно негативно повлияли на длину корневой системы, уменьшение составило 75 и 78 %. Смесь почвы с торфом и осадком в соотношении 2:1:1 не оказала существенного действия на этот показатель. Данный грунт положительно повлиял на длину проростков, но различие оказалось не существенно. Осадок и смесь осадка с торфом существенно снизили длину проростков на 39 и 47 %.

На осадке сточных вод масса корневой системы на 14 сутки была на уровне 7 суток (таблица 2) и существенно ниже контроля на 37,5 %. Масса корневой системы существенно превышала контроль при проращивании семян на смеси почвы с торфом и осадком (2:1:1): на 7 суток – на 50 %, на 14 суток – на 104 %. На варианте ОСВ+торф данный показатель на 14 сутки проращивания существенно меньше контроля на 29,2 %.

Таблица 2

Влияние осадка сточных вод на массу корневой системы и проростков яровой пшеницы, г

Варианты	Масса корневой системы		Масса проростков	
	на 7 сут.	на 14 сут.	на 7 сут.	на 14 сут.
Почва (контроль)	0,18	0,24	0,97	1,89
ОСВ	0,15	0,15	0,67	1,75
ОСВ+ торф (3:1)	0,10	0,17	0,55	1,68
Почва+ОСВ (3:1)	0,22	0,30	0,98	2,20
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	0,27	0,49	1,23	2,92
НСР ₀₅	0,08	0,05	0,19	0,24

Осадок и смесь осадка с торфом на 7 сутки существенно понизили массу проростков на 31 и 43 %, а смесь почвы с торфом и осадком повысила на 27 %. Негативное действие осадка и смеси осадка с торфом сохранилось и на 14 сутки. Существенно превышала контроль масса проростков на вариантах почва+осадок и почва+торф+осадок на 16 и 54 % (рис. 1).

В осадке сточных вод повышенное содержание гумуса – 7,7 %. При смешивании осадка с торфом содержание гумуса осталось почти на уровне осадка. В почве содержание гумуса – 5,4 %. При смешивании почвы с осадком и торфом в соотношении 2:1:1 содержание гумуса повысилось на 14,8 %.

Реакция среды оказывает сложное действие на условия питания растений, подвижность микроэлементов, активность микрофлоры, физико-химические свойства почвы. Кислотность осадка сточных вод – слабая, почвы – нейтральная. При добавлении к почве осадка кислотность остается нейтральной. У осадка сточных вод гидролитическая кислотность выше в 3,6 раза, а сумма поглощенных оснований меньше в 6 раз, емкость поглощения – в 3 раза, степень насыщенности почв основаниями – в 2 раза, чем в почве. Смешивание осадка с торфом ухудшает еще в большей степени обменную поглощательную способность. Добавление почвы к смеси осадка с торфом улучшает показатели, но они значительно ниже, чем в почве.

Рис. 1. Влияние осадка сточных вод на проростки пшеницы: 1 – почва (контроль), 2 – ОСВ, 3 – ОСВ+торф (3:1), 4 – почва+торф+осадок (2:1:1), 5 – почва+осадок (3:1)

Для сохранения благоприятных концентраций химических элементов у растений имеется защитная система [6]. Но при избыточном поступлении из почвы тяжелых металлов она может дать сбой. И растение из-за высокого содержания тяжелых металлов может быть опасным для животных и человека. Но при этом растения сами могут не иметь признаков угнетения. Корни и вегетативные органы растений практически не защищены биологическим барьером от поступления тяжелых металлов. Генеративные органы растений (зерно, плоды, клубни и т. д.) от поступления ТМ из стеблей и листьев защищены флоэмой.

Содержание цинка, меди и кадмия в ОСВ, грунтах и корнях растений многократно превышало их наличие на контроле (таблица 3). В растениях яровой пшеницы при проращивании на ОСВ и грунтах повышалось содержание цинка, снижалось – свинца и хрома.

Осадок и смесь осадка с торфом превышали ПДК по содержанию валовых и подвижных форм цинка, меди, кадмия и свинца. Все изучаемые варианты не превышали ПДК по содержанию никеля и хрома. В

растениях на почве и изучаемых грунтах наблюдалось превышение МДУ по содержанию свинца, кадмия и хрома.

Выводы

1. Проростки тест-культуры испытывали угнетение при проращивании на осадке сточных вод и смеси осадка с торфом при соотношении 3:1, наблюдалось существенное снижение всех биометрических показателей.

2. Смешивание почвы с осадком в соотношении 3:1 оказало существенное отрицательное действие на энергию прорастания и длину корневой системы.

3. На трехкомпонентной смеси (почва+торф+осадок) проростки существенно превышали контроль по массе корневой системы и массе проростков.

4. Для рекультивации можно использовать грунт почва+торф+осадок в соотношении 2:1:1. Осадок в чистом виде и смеси с торфом 3:1 использовать нельзя из-за повышенного содержания тяжелых металлов.

Таблица 3

Содержание тяжелых металлов, мг/кг

Варианты	Почва, ОСВ, грунты		Растения	Корни
	валовые формы	подвижные формы		
Цинк				
Почва (контроль)	65,8	3,8	24,7	44,3
ОСВ	435,1	313,7	36,8	255,4
ОСВ+торф (3:1)	371,7	258,7	30,5	220,0
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	120,1	76,8	29,0	123,4
ПДК (МДУ)	30	23	50	
Медь				
Почва (контроль)	15,1	0,3	7,4	10,9
ОСВ	75,6	4,6	7,4	36,3
ОСВ+торф (3:1)	58,5	3,4	7,3	34,3
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	19,8	0,7	8,0	35,2
ПДК (МДУ)	55	3	30	

<i>Свинец</i>				
Почва (контроль)	21,3	0,5	20,3	17,2
ОСВ (опыт)	37,5	1,7	13,0	22,2
ОСВ+торф (3:1)	34,9	1,5	10,2	21,4
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	26,6	0,8	28,8	22,7
ПДК (МДУ)	32	6	5	
<i>Никель</i>				
Почва (контроль)	17,9	1,3	н.о	8,0
ОСВ	27,4	3,3	н.о	10,4
ОСВ+торф (3:1)	15,8	2,8	н.о	12,5
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	6,7	1,6	н.о	10,7
ПДК (МДУ)	85	4	3	
<i>Хром</i>				
Почва (контроль)	27,2	0,2	4,6	14,2
ОСВ (опыт)	31,7	0,6	н.о.	20,2
ОСВ+торф (3:1)	28,2	0,6	1,3	23,2
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	19,9	0,4	1,1	18,0
ПДК (МДУ)	100	6	0,5	
<i>Кадмий</i>				
Почва (контроль)	1,5	0,1	1,8	1,6
ОСВ (опыт)	3,3	1,4	1,9	2,8
ОСВ+торф (3:1)	3,4	1,2	1,2	2,5
Почва+торф+ОСВ (2:1:1)	2,5	0,4	1,3	2,4
ПДК (МДУ)		1	0,3	

Литература

1. Алексеев Ю. В. Тяжелые металлы в агроландшафте. СПб, 2008. 216 с.
2. Доспехов Б. А. Методика полевого опыта. М.: Колос, 1979.
3. ГОСТ Р 17.4.3.07-2001. Охрана природы. Почвы. Требования к свойствам осадков сточных вод при использовании их в качестве удобрений.
4. ГОСТ Р 54534-2011. Ресурсосбережение. Осадки сточных вод. Требования при использовании для рекультивации нарушенных земель.
5. ГОСТ Р 54651-2011. Удобрения органические на основе осадков сточных вод. Технические условия.
6. Ильин В. Б. Тяжелые металлы и неметаллы в системе почва-растение. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. 220 с.

Информация об авторах:

Грехова Ираида Владимировна – доктор биологических наук, профессор кафедры общей химии ГАУ Северного Зауралья; grehova-rostok@mail.ru.

Iraida V. Grekhova – Doctor of Biology, Professor at the Department of General Chemistry, State Agrarian University of Northern Trans-Urals.

Грехова Валентина Юрьевна – соискатель, главный менеджер НПЦ «Эврика» ГАУ Северного Зауралья, rostok72@inbox.ru.

Valentina Yu. Grekhova – post-graduate student, chief manager of “Eureka” Research and Development Centre, State Agrarian University of Northern Trans-Urals.

(Научный руководитель – **И. В. Грехова**).

Михайловская Анжела Анатольевна – соискатель, маркетолог НПЦ «Эврика» ГАУ Северного Зауралья, rostok72@inbox.ru.

Angela A. Mikhaylovskaya – post-graduate student, marketologist at “Eureka” Research and Development Centre, State Agrarian University of Northern Trans-Urals.

(Научный руководитель – **И. В. Грехова**).

Приветкина Наталья Юрьевна – студентка 4 курса ГАУ Северного Зауралья, grehova-rostok@mail.ru.

Natalya Yu. Privetkina – student at State Agrarian University of Northern Trans-Urals.

(Научный руководитель – **И. В. Грехова**).

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

БИОРЕКУЛЬТИВАЦИОННОЕ РАЙОНИРОВАНИЕ КУЗБАССА

А. В. Заушинцева, Н. В. Кожеевников

BIO-RECLAMATION ZONING OF KUZBASS

A. V. Zaushintsena, N. V. Kozhevnikov

В статье рассматриваются зонально-географические закономерности распределения нарушенных земель на территории Кузбасса. В результате выделения и типизации структур нарушенных земель территория Кузбасса разделена на несколько районов по приоритетному направлению рекультивации. Принимая во внимание расположение угледобывающих предприятий, характер загрязнений и санитарно-гигиенической обстановки, выделены биорекультивационные зоны по степени очередности проведения рекультивации. В работе дана комплексная характеристика биорекультивационных районов. Полученные данные позволяют в зависимости от специфики районизируемого пространства выбрать направление рекультивации нарушенных земель, наиболее оптимально соответствующее созданию ландшафтов с высокой продуктивностью и имеющих значительную социальную и хозяйственную ценность.

The paper deals with change and disturbance of land caused by development and operation of coal deposits. The authors discovered some zonal-geographical regularities of distribution of disturbed lands on the territory of Kuzbass. Basing on the analysis of the heterogeneous and multi-level information, the territory of the Kuznetsk basin is divided into several areas for priorities of reclamation. Taking into account the location of the coal-mining enterprises, the nature of the pollution and sanitation, the bio-reclamation zones were allocated. The authors give a detailed description of the bio-reclamation areas. These data will allow to choose the method of land reclamation depending on the specifics of the zone, so that it most closely corresponds to creating landscapes with high productivity and significant social and economic value.

Ключевые слова: нарушенные земли, биологическая рекультивация, районирование.

Keywords: disturbed lands, biological reclamation, zoning.

Разработка и эксплуатация угольных месторождений приводит к нарушению почвенного покрова, гидрологического режима местности, образованию техногенного ландшафта и другим качественным изменениям состояния земель. Нарушенные земли становятся очагами загрязнения атмосферы, воды и почв, прилегающих угодий, ухудшают санитарно-гигиенические условия жизни населения.

По данным О. И. Глебовой [4], в результате работы угольных предприятий в равнинной части Кузнецкой котловины почвенный покров полностью нарушен на площади около 80 тыс. га. По другим данным не менее 70 % почвенного покрова равнинной части области в той или иной степени нарушено, около 200 тыс. га разрушено [2]. В основном эти площади сосредоточены в густонаселенных районах, занимая в ряде случаев 15 – 20 % территории (Прокопьевск, Киселевск, Белово, Ленинск-Кузнецкий). При таких масштабах разрушения эти районы вполне могут быть объявлены зонами экологического бедствия [16].

По данным космического мониторинга, около 40 – 45 % площади Кемеровской области занимает антропогенный ландшафт [8]. По доле нарушенных земель в общей территории региона Кузбасс в 10 раз опережает средний показатель по России [9].

Земли, измененные воздействием горнодобывающей промышленности, распределены на территории Кузбасса неравномерно, но подчиняются некоторым вполне определенным зонально-географическим закономерностям. Наиболее масштабные по площади и объему вскрыши нарушения сосредоточены в горно-таежной зоне юга Кузбасса. Довольно значительные площади нарушенных земель расположены в степной зоне Кузнецкой котловины. На территории северного

Кузбасса нарушенные земли приурочены к лесной и отчасти к лесостепной зоне.

Рис. 1. Слои схемы биорекультивационного районирования Кузбасса

Наиболее эффективным способом восстановления почвенно-экологических функций нарушенных экосистем является рекультивация нарушенных земель. Без преодоления процесса деградации почв и сохранения почвенного покрова невозможно сохранить ни растительный и животный мир, ни чистоту воды и воздуха, ни в целом нормальное функционирование биосферы.

Там, где рекультивации нарушенных земель не придается должного значения, они представляют собой безжизненные территории, становятся центрами эрозийных процессов, выводящих из строя земельные участки, прилегающие к угольным предприятиям.

Сложившаяся в горнодобывающей промышленности Кузбасса экологическая обстановка вызывает необходимость сохранения и восстановления почвенного покрова путем проведения рекультивационных работ. Для создания устойчивых природно-техногенных комплексов необходим правильный выбор мероприятий по рекультивации и одного из направлений использования нарушенных земель. Построение схемы биорекультивационного районирования позволит в зависимости от специфики районированного пространства выбрать направление рекультивации нарушенных земель, наиболее оптимально соответствующее созданию ландшаф-

тов с высокой продуктивностью и имеющих значительную социальную и хозяйственную ценность.

Схема биорекультивационного районирования Кузбасса построена на основе почвенной карты Кемеровской области М: 1:300000, составленной Западно-Сибирским государственным научно-исследовательским и проектно-изыскательским институтом по землеустройству [13] и почвенно-географическому районированию Кемеровской области [19]. Были проанализированы материалы по генезису и составу вскрышных пород. Использован картографический материал агроклиматического, лесорастительного и физико-географического районирования Кемеровской области. После анализа пространственного распределения картографических данных в виде послойного представления было выполнено объединение всех показателей в единую визуальную схему (рис. 1).

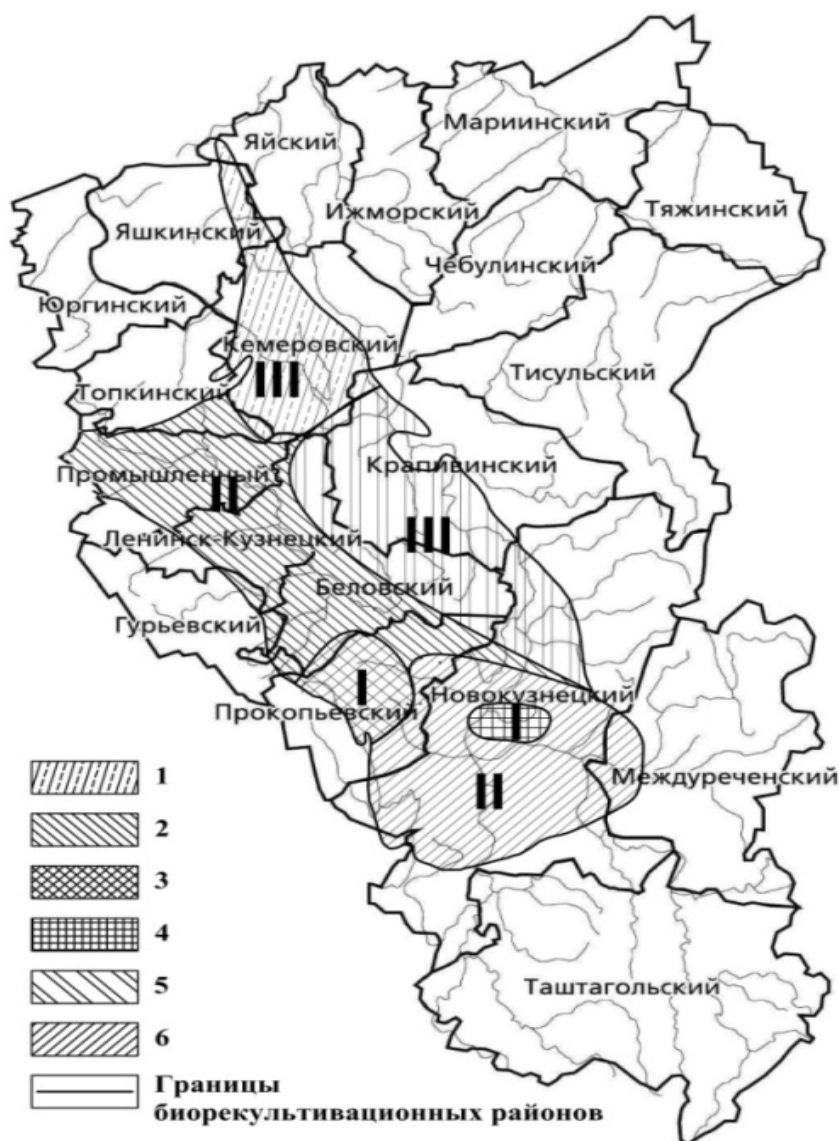

Рис. 2. Схема биорекультивационного районирования Кузбасса

Посредством выделения и типизации структур нарушенных земель выявлены биорекультивационные районы по направлению восстановления нарушенных земель и зоны по степени очередности проведения рекультивации. Предлагаемое биорекультивационное

районирование рассматривается как особый вариант комплексного природоохранительного районирования.

При создании схемы использовались подходы, реализованные Б. П. Колесниковым и А. И. Лукьянец при биорекультивационном районировании Свердлов-

ской области [6], и сравнительно географический метод почвенно-географического районирования [5].

В результате анализа разнородной и многоуровневой информации по территории Кузбасс разделен на несколько районов по приоритетному направлению рекультивации.

1. Северный Кузбасс – лесохозяйственное направление.

2. Центральный район – сельскохозяйственное направление.

3. Прокопьевско-Киселевский район – санитарно-гигиеническое и лесохозяйственное направление.

4. Центральная часть Новокузнецкого района – рекреационное и лесохозяйственное направление.

5. Восточный Кузбасс – санитарно-гигиеническое направление.

6. Горно-таежный район юга Кузбасса – лесохозяйственное направление.

Принимая во внимание расположение угледобывающих предприятий, характера загрязнений и санитарно-гигиенической обстановки, выделено 3 биорекультивационные зоны: I – неотложной рекультивации, II – первоочередной рекультивации, III – вторичной рекультивации (рис. 2).

Зона I – неотложной рекультивации – расположена на территории Прокопьевского и Новокузнецкого районов.

Угледобывающие предприятия этой зоны размещены в черте Новокузнецка, Прокопьевска, Киселевска и граничат с жилыми кварталами. Экономический, санитарно-гигиенический вред от разрушения земель, лишившихся в результате промышленной деятельности естественной продуктивности и являющихся источником загрязнения окружающей среды, вызывает необходимость проведения неотложной рекультивации.

Зона II – первоочередной рекультивации – расположена на территории Беловского, Ленинск-Кузнецкого, Новокузнецкого и частях Гурьевского, Прокопьевского, Междуреченского районов.

Большая концентрация промышленного производства в этой зоне неизбежно оказывает мощный отрицательный эффект на окружающую природную среду. Отрицательное воздействие распространяется как на жилые кварталы города, так и на обширную прилегающую территорию. Рекультивационные работы для территории зоны первоочередной рекультивации являются обязательными и совершенно необходимыми.

Зона III – вторичной рекультивации – расположена на территории Кемеровского, Крапивинского, частях Ленинск-Кузнецкого и Беловского районов.

Территория этой зоны относительно недавно стала осваиваться угольной промышленностью. Но высокая концентрация угледобывающих предприятий создает угрозу экологического кризиса территории. Для его предотвращения необходимо проведение временной санитарно-гигиенической рекультивации нарушенных земель.

В силу существенных различий горно-геологической обстановки и в технологии добычи полезных ископаемых, формировании отвалов и значительной пестроты пород по составу и свойствам, отразить спе-

цифику рекультивационных технологий картографическими методами в полной мере невозможно, что предполагает корректировку направления рекультивации в соответствии с местными условиями в каждом конкретном случае.

ЗОНА НЕОТЛОЖНОЙ РЕКУЛЬТИВАЦИИ

Центральная часть Новокузнецкого района

Биорекультивационный район расположен в лесостепной зоне Кузнецкой котловины с благоприятными природно-климатическими условиями. По данным «Материалов к Государственному докладу...» общая площадь нарушенных земель в г. Новокузнецк – 1825 га, или 4,3 % площади города [12].

Поскольку город является крупнейшим промышленным центром с высоким уровнем атмосферного загрязнения, на первый план ставится задача улучшения санитарно-гигиенических условий труда и жизни, необходимость создания лесных зеленых зон, лесных санитарно-защитных зон, организации мест отдыха трудящихся (зон рекреации), в целом – улучшение экологических условий [15]. Эти условия предусматривают проведения рекреационного направления рекультивации.

Запасы плодородного слоя почвы (ПСП) в буртах и интенсивное сельскохозяйственное производство в Новокузнецком районе не исключают проведение сельскохозяйственной рекультивации [3]. Возможно садово-ягодное направление рекультивации [19].

Значительная часть подработанных земель занята лесными культурами сосны, но остаются большие площади нарушенных земель, где необходима лесная рекультивация. В условиях атмосферного загрязнения повышенную устойчивость и средообразующие качества имеют высокополнотные лесонасаждения. Вместе с тем такие насаждения представляют собой объекты чрезвычайно высокой пожарной опасности. В целях снижения горимости создаваемых насаждений и поддержания высокой полноты древостоев следует создавать смешанные с лиственными породами лесонасаждения [15].

В пределах городских земель и на прилегающих территориях преобладают нарушенные земли при подземной добыче угля. Прямым следствием подземных горных работ является усыхание лесов в подработанных шахтами местах. Старые деревья не могут перестроиться на более сухой режим водного питания, к тому же происходящие при осадке кровли смещения грунтовой толщи приводят к разрыву корней [3].

В отличие от старых естественных лесов, погибающих после подработки и изменения почвенно-гидрологических условий, молодые леса способны адаптироваться к изменившимся эдафическим условиям [17]. Поэтому целесообразно заменять естественные деградирующие леса на шахтных полях молодыми лесонасаждениями.

Прокопьевско-Киселевский район

Прокопьевско-Киселевский биорекультивационный район характеризуется высокой концентрацией горного производства. Общая площадь нарушенных земель в районе достигает 20 тыс. га. По данным

«Материалов к Государственному докладу...» площадь нарушенных земель в г. Прокопьевск – 4157 га, или 19,2 %, в г. Киселевск – 4888 га, или 22,8 % площади города [11]. Общая площадь нарушенных земель в г. Полысаево – 282 га или 5,7 % площади города [12].

Месторождения обрабатываются по комплексной системе, при которой участки открытых горных работ и подземная добыча угля чередуются или находятся на одних площадях. В результате нарушения естественных ландшафтов особенно катастрофичны.

Преобладают мощные крутопадающие пласты, разработка которых открытым способом сопровождается образованием обширных внешних отвалов, а подземным – каньонообразных провалов. Все это в целом создает особенно неблагоприятные экологические условия, тем более что размещены угледобывающие предприятия среди жилой застройки [3].

Здесь наиболее сложные и трудные в Кузбассе условия для проведения рекультивации. Сложность этих условий состоит в том, что естественный режим атмосферного увлажнения из-за малого количества осадков усиливается глубоким дренажем поверхностной толщи горных пород. Кроме того, извлекаемые на дневную поверхность горные породы представлены преимущественно песчаниками и алевролитами с повышенным метаморфизмом, устойчивыми к выветриванию в обезвоженных условиях. В подобных условиях для мелиорации корнеобитаемого слоя используется способ нанесения на поверхность ПСП. Но его в районе нет в нужном количестве.

Проведение работ по рекультивации нарушенных земель в районе усугубляется сложной экологической обстановкой. Загрязнены водный и воздушный бассейны, почвенный покров и сами нарушенные земли [15].

Почвенный покров загрязнен тяжелыми металлами. Уровни загрязнений достигают 3 – 4 ПДК. По отдельным участкам почвы и грунты загрязнены подвижными формами двух, трех и даже четырех металлов одновременно. Спецификой загрязнения определяются типы нарушения земной поверхности: отвалам горной породы чаще свойственно загрязнение хромом, карьерным выемкам свойственно загрязнение кобальтом и никелем [14].

Атмосферное загрязнение достигает 250 – 300 тонн пыли и сажи на 1 гектар в год. Санитарно-гигиенические условия становятся здесь невыносимыми, растет заболеваемость людей [3]. В этих условиях особо важными становятся природоохранные экологические функции биологической рекультивации нарушенных земель с использованием древесной растительности. В основу работ необходимо положить принцип максимально возможного насыщения территории растительностью, т.е. создание сложных (обязательно с плотным ярусом травянистых видов) по строению фитоценозов [15]. Если нет отработанных земель и возможности – проводить временную санитарно-гигиеническую рекультивацию [3].

ЗОНА ПРЕВООЧЕРЕДНОЙ РЕКУЛЬТИВАЦИИ

Центральная часть Кузбасса

В центральной части Кузбасса (Белово, Ленинск-Кузнецкий) нарушенные шахтами и разрезами земли занимают площадь более 31 тыс. га [10]. По данным «Материалов к Государственному докладу...» общая

площадь нарушенных земель по городам этого района составляет: Ленинск-Кузнецкий – 449 га, или 4 % площади города, Белово – 595 га, или 3,5 % [11].

Река Иня – приток Оби, разделяет территорию района на две части – северную лесостепную и южную степную. Большая часть биорекультивационного района относится к степному ядру Кузнецкой котловины с богатыми черноземами, но малым количеством осадков (около 370 мм в год). В северной лесостепной части преобладающие почвы, которые разрушаются в ходе ведения открытых горных работ, относятся к лугово-черноземным и луговым, а также темно-серым [19].

По мнению Л. П. Баранника и А. М. Шмонова [3], здесь должно получить развитие сельскохозяйственное направление рекультивации. Но несмотря на приоритет сельскохозяйственного направления рекультивации, значительный удельный вес в этом районе занимает лесная рекультивация.

По мнению С. С. Трофимова [19], лесная рекультивация в этом районе должна иметь подчиненный характер. На участках открытых горных работ вскрышные горные породы довольно благоприятны для облесения по условиям почвенного минерального питания, но с напряженным водным режимом. Поэтому предпочтение следует отдавать засухоустойчивым видам деревьев и кустарников [15].

На землях, прилегающих к населенным пунктам и городам, направление рекультивации должно быть ориентировано на рекреационное. Откосы отвалов можно использовать для создания садово-ягодных насаждений и рекреационных территорий.

Характерной особенностью района при подземной добыче угля является подтопление и заболачивание подработанных площадей после осадки покровной толщи, что требует весьма значительных затрат на их осушение.

Горно-таежный район юга Кузбасса

В горно-таежном районе на юге Кузбасса сосредоточена большая группа шахт и разрезов. Здесь мало полностью отработанных участков, и рекультивация делает только первые шаги.

По данным «Материалов к Государственному докладу...» площадь нарушенных земель по городам этого района составляет: г. Осинники – 184 га, или 0,43 % площади города, в г. Калтан – 188 га, или 5,8 %, в г. Мыски – 933 га, или 8,6 % [11]. Общая площадь нарушенных земель в г. Междуреченск – 4340 га, или 12,9 % площади города [12].

В этом районе наиболее масштабные по площади и объему вскрышных горных пород нарушения. В то же время из-за незначительной площади отработанных участков угольных месторождений рекультивация проводится на небольших площадях. Это создает нетипичные ландшафты с неблагоприятными условиями и проявлением природно-климатических аномалий для этого района – загрязнением атмосферы, иссушением приземных слоев воздуха и повышением летних температур. Отрицательное воздействие распространяется как на жилые кварталы городов, так и на обширную прилегающую территорию [15].

Почти весь земельный фонд района представлен бурными таежными и дерново-подзолистыми почвами [19]. В этом районе планируется в основном лесохозяйственное направление рекультивации.

зяйственное направление рекультивации. Это определяют климатические особенности, отсутствие необходимого количества ПСП для покрытия отвалов, горный рельеф, отсутствие вблизи агропромышленных предприятий [3].

Характерной особенностью горно-геологических условий района является преобладание во вскрышной толще горных пород песчаников, которые трудно поддаются выветриванию, в результате чего высокая каменистость сохраняется длительное время. Агрохимические условия песчаников и их техногенных элювиев по признаку обеспеченности растений элементами почвенного питания неблагоприятные и малопригодны для роста растений.

Несколько улучшают лесорастительные условия района климатические факторы – большое количество атмосферных осадков. В горно-таежной зоне оно достигает 700 – 900 мм в год. Но низкая влагоемкость каменистых и песчаных фракций горной породы приводит к дефициту влаги в периоды отсутствия осадков. Нанесение на породные отвалы четвертичных отложений с высоким содержанием глинистой фракции кардинально улучшает водно-физические свойства корнеобитаемого горизонта на объекте рекультивации [15].

Для проведения качественной рекультивации требуется селективная отсыпка пород с сохранением потенциально-плодородных грунтов [3]. Также параметры перекрытия скальной породы четвертичными отложениями на объектах рекультивации повсеместно должны превышать глубину промерзания грунтов в этом районе. Этим условием обеспечивается устойчивость поверхности рекультивируемого объекта (предотвращается «выход» крупнообломочного материала на поверхность) [15].

При соблюдении этих условий можно создавать насаждения более высокой продуктивности, чем бывшие до проведения вскрышных работ осиново-пихтовые леса. Учитывая природно-климатические условия района в качестве лесообразующих пород, кроме сосны и лиственницы, возможно введение в состав кедра (сосны сибирской), ели и пихты.

По мнению Л. П. Баранника и А. М. Шмонова [3], вполне оправдано создавать плодово-ягодные плантации из облепихи. Но учитывая прошлый опыт посадки облепихи, мы считаем, что такой подход не обоснован.

Облепиховые плантации, созданные на нарушенных землях Кузбасса в 80-е годы, оказались неустойчивыми и подвержены вредителям, в частности облепиховой мухе [1]. В отличие от естественных ареалов, на отвалах облепиха не способна образовать долговечных устойчивых насаждений [7]. Таким образом, посадка облепихи целесообразна только в период мелиоративного этапа лесовозобновления, для создания условий для последующего поселения лесообразующих древесных пород.

ЗОНА ВТОРООЧЕРЕДНОЙ РЕКУЛЬТИВАЦИИ

Северный Кузбасс

Нарушенные земли биорекультивационного района расположены преимущественно в лесной и лесостепной зоне. По данным «Материалов к Государственному докладу...» общая площадь нарушенных земель в г. Березовский – 204 га, или 2,7 %, в

г. Анжеро-Судженск – 276 га, или 2,3 % площади города [12].

По литологическому составу вскрышные породы подобны таковым в горно-таежной зоне юга Кузбасса. Несколько отличаются климатические условия – сумма осадков – 450 – 500 мм в год, среднегодовая температура ниже на 10°C.

Из-за пологого залегания угольных пластов поверхностные нарушения менее выражены. Так же как и в Центральном Кузбассе, в бессточных мульдах проседания происходит подтопление и заболачивание.

Почвенный покров района представлен в основном дерново-подзолистыми и серыми почвами [19]. На землях, нарушенных в ходе ведения открытых горных работ, определяющим направлением рекультивации служит лесохозяйственное. Рекомендуемые породы: сосна, лиственница. Сельскохозяйственная рекультивация имеет подчиненное положение (сенокосные угодья).

На шахтах г. Анжеро-Судженска породные отвалы от проходческих работ и обогащения угля склонны к самовозгоранию. Здесь рекультивация любого направления возможна только при условии экранирования отвалов слоем суглинка для ликвидации существующих и недопущения в будущем появления очагов горения [15].

Восточный Кузбасс

Восточный Кузбасс относительно недавно стал осваиваться угольной промышленностью. В почвенном покрове доминируют дерново-подзолистые почвы [19]. Горными работами они сравнительно мало затронуты, но очень сильно эродированы.

Основным направлением рекультивации должно выступать лесохозяйственное. Но в этом районе мало отработанных участков, где возможна лесная рекультивация. Поскольку в зоне очень высокая концентрация угледобывающих предприятий (действующих, строящихся и проектируемых), то это создает угрозу экологического кризиса территории и необходимость проведения активных мероприятий по его предотвращению. В этих целях необходимо практиковать проведение временной санитарно-гигиенической рекультивации нарушенных земель с использованием кустарничковой растительности [15].

По мнению Е. Л. Счастливцева и В. Е. Брагина [18], ключевым направлением в развитии Кузбасса является последовательное перемещение центра тяжести добычи из действующих районов на вновь осваиваемые месторождения Восточного Кузбасса.

Таким образом, нарушенные горнодобывающей промышленностью районы в Кемеровской области, занимают огромные площади. Восстановление нарушенных земель является острой экологической проблемой Кузбасса.

Экономический, санитарно-гигиенический вред от разрушения земель, лишившихся в результате промышленной деятельности естественной продуктивности и являющихся источником загрязнения окружающей среды, здесь особенно ощутим. Он имеет комплексный характер, особенно когда нарушенные земли расположены в черте города и граничат с жилыми кварталами. Рекультивационные работы в этих условиях являются обязательными и совершенно необхо-

димы, прежде всего, для территории первых двух зон – неотложной и первоочередной рекультивации. Рекультивация для этих районов – наиважнейшая социально-значимая практическая задача области. В биологической рекультивации в первую очередь нуждаются земли, расположенные в селитебной черте населенных пунктов.

Результаты исследования позволят осуществить дифференцированный подход к выбору более рационального направления и приемов биологической рекультивации нарушенных земель в зависимости от специфики районируемого пространства, а значит, позволят изменить в лучшую сторону качество выполнения рекультивации нарушенных земель.

Литература

1. Андроханов В. А. Научные и практические основы рекультивации нарушенных территорий // Научные основы экологии, мелиорации и эстетики ландшафтов: Международная научно-практическая конференция. Тула: Гриф и К, 2010. С. 178 – 183. Режим доступа: <http://in-nature.ru/wp-content/uploads/2010/07/Androchanov.pdf> (дата обращения: 10.02.2014).
2. Баранник Л. П., Счастливцев Е. П. Рекультивация нарушенных земель // Экологические проблемы угледобывающей отрасли в регионе при переходе к устойчивому развитию: труды Международной научно-практической конференции. Кемерово, 1999. С. 232 – 238.
3. Баранник Л. П., Шмонов А. М. Рекультивация земель. Кемерово: Кемеровское книжное издательство, 1988б. 67 с.
4. Глебова О. И. Биогеографические исследования сингенетичности почв и растительности техногенных ландшафтов // Природа и экономика Кузбасса. 2004. Вып. 9. Т. 2. С. 2 – 9.
5. Добровольский Г. В., Урусевская И. С. География почв. М.: Колос, 2004. 460 с.
6. Колесников Б. П., Лукьянец А. И. Биорекультивационное районирование Свердловской области // Растения и промышленная среда. Свердловск: УрГУ, 1976. С. 10 – 16.
7. Куприянов А. Н., Манаков Ю. А., Баранник Л. П. Восстановление экосистем на отвалах горнодобывающей промышленности Кузбасса. Новосибирск: Гео, 2010. 160 с.
8. Литвиненко В. С., Пашкевич Н. В., Шувалов Ю. В. Экологическая емкость природной среды Кемеровской области. Перспективы развития промышленности // Эко-бюллетень ИнЭКА. 2008. № 3(128). С. 28 – 34.
9. Малахов С. М. Чрезвычайная экологическая ситуация в Кузбассе – возможные пути решения // Экологические проблемы угледобывающей отрасли в регионе при переходе к устойчивому развитию: труды Междунар. науч.-практ. конф. 1999. Т. 1. С. 120 – 125.
10. Манаков Ю. А. Нарушенные земли Кузбасса. Путь решения проблемы – фонд рекультивации // Эко-бюллетень ИнЭКА. 2008. № 4(129). С. 29 – 33.
11. Материалы к государственному докладу «О состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2012 году». Режим доступа: <http://gosdoklad.kuzbasseco.ru/2012/> (дата обращения: 20.12.2013).
12. Материалы к государственному докладу «О состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2011 году». Режим доступа: <http://gosdoklad.kuzbasseco.ru/2011/> (дата обращения: 22.12.2013).
13. Почвенная карта Кемеровской области М 1:300 000. Западно-Сибирский государственный научно-исследовательский и проектно-изыскательский институт по землеустройству Кемеровское предприятие.
14. Просяникова В. И., Просяникова О. И. Агроэкологическая оценка агрогенных почв степного ядра лесостепи кузнецкой котловины по содержанию тяжелых металлов // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2010. № 12. С. 28 – 30.
15. Рекомендации по лесной рекультивации нарушенных угледобычей земель в Кузбассе: Кемеровская обл. общественная организация «Союз экологов Кузбасса». Лаборатория рекультивации нарушенных земель и экологических исследований. Кемерово: ИНТ, 2005. 26 с.
16. Рязанова О. А. Повышение биологической продуктивности нарушенных земель в Кемеровской области // ЭКО-бюллетень ИнЭКА. 2002. № 2 (73). С. 12 – 13.
17. Салагаев А. Ф. Влияние угледобычи на лесные экосистемы (на примере зоны Восточного Кузбасса): автореф. дис. ... канд. биол. наук. Кемерово, 2004. 19 с.
18. Счастливцев Е. Л., Брагин В. Е. Геоэкологические проблемы угледобывающих районов Кузбасса и пути их решения // Уголь. 2007. № 7. С. 65 – 67.
19. Трофимов С. С. Экология почв и почвенные ресурсы Кемеровской области. Новосибирск: Наука, 1975. 299 с.

Информация об авторах:

Заушинцева Александра Васильевна – доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники КемГУ, alexaz58@yandex.ru.

Alexandra V. Zaushintsena – Doctor of Biology, Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Кожевников Николай Владимирович – аспирант кафедры ботаники КемГУ, Koghevnikov_NV@mail.ru.

Nikolay V. Kozhevnikov – post-graduate student at the Department of Botany, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – А. В. Заушинцева).

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

**ПРОБЛЕМА УСКОРЕННОГО ПОЧВООБРАЗОВАНИЯ
В РЕКУЛЬТИВАЦИИ НАРУШЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ***Н. В. Кожевников, А. В. Заушинцева***PROBLEM OF ACCELERATED PEDOGENESIS IN LAND RECLAMATION***N. V. Kozhevnikov, A. V. Zaushintseva*

Авторами представлена обзорная статья по проблеме ускоренного почвообразования на полях разных типов рекультивации. Проанализированы исследования почвоведов России и зарубежных стран. Теоретическое обобщение показало, что проблемы почвообразования на техногенных территориях требуют комплексного подхода и новых технологий рекультивации. Востребованы технологии с применением полезных микроорганизмов, животных, растений.

The paper provides a review on the problem of accelerated pedogenesis in the fields of different types of reclamation. The authors analyzed the studies of soil scientists from Russia and abroad. Theoretical generalization showed that the problem of soil formation in technological areas requires an integrated approach and new reclamation technologies. The technology using beneficial microorganisms, animals, and plants is demanded.

Ключевые слова: почвообразование, рекультивация, технологии, эффективность рекультивации, плодородие почвы.

Keywords: pedogenesis, reclamation, technology, reclamation efficiency, soil fertility.

Формирование почвенного покрова и растительности с момента уничтожения до достижения ими комплексной структуры в условиях оптимальной температуры и влажности – процесс не одной сотни лет [4]. Длительность трансформации техногенного ландшафта в естественный, природный для каждого техногенного ландшафта своя. Она определяется, с одной стороны, спецификой свойств и режимов каркасной основы, заложенной на техногенной фазе, и с другой – особенностями биоклиматической обстановки данной местности. В крайних, но весьма распространенных случаях на это потребуются многие тысячелетия [2]. В неблагоприятных условиях почва и растительный покров не сформируются никогда и будут пребывать в эволюционном тупике [4].

Исследования, проведенные В. П. Серединой и др. [13], свидетельствуют о том, что в благоприятных биоклиматических и почвенно-экологических условиях Кузнецкой лесостепи процессы аккумуляции гумуса протекают достаточно интенсивно. И тем не менее более чем за 15 лет формирования и развития техногенных ландшафтов (эмбриоземов) запасы органического вещества не достигли уровня зональной почвы [2]. Таким образом, даже в наилучших, но малораспространенных случаях, для этого потребуется несколько десятилетий.

Основным и наиболее эффективным способом восстановления почвенно-экологических функций нарушенных экосистем является рекультивация нарушенных земель. В соответствии с ГОСТ 17.5.1.01-83 «Охрана природы. Рекультивация земель. Термины и определения» [7] под рекультивацией понимается комплекс работ, направленных на восстановление продуктивности и народнохозяйственной ценности нарушенных земель, а также на улучшение условий окружающей среды в соответствии с интересами общества.

Экспериментальные исследования, проводимые почвоведом в Кузбассе на протяжении 40 лет, показывают, что полностью восстановить утраченные функции почвы невозможно. Максимальный результат, полученный на экспериментальных площадках, составляет 90 %, а среднее значение плодородия на рекультивированных землях составляет около 30 % [6].

В. А. Андрохановым [1] проведены исследования почвенного покрова экологической системы всех типов рекультивации, которые применялись в Кузбассе. На графике восстановления почвенно-экологических функций в техногенном ландшафте показано: первая кривая (1) – эффективность рекультивации при естественном зарастании, вторая кривая (2) – при рекультивации без формирования почвенного слоя. Эффективность этих методов рекультивации – низкая – и незначительно возрастает после 20 – 25 лет. И только создание искусственных почвенно-экологических систем с нанесением плодородного слоя почвы (третья кривая) позволяет действительно эффективно восстанавливать многие почвенно-экологические функции нарушенных экосистем (рис. 1).

Таким образом, формирование плодородно-растительного слоя в естественных условиях является процессом длительным, измеряемым десятилетиями, поэтому восстановление поврежденного промышленностью или создание нового ландшафта неразрывно связано с решением проблемы ускоренного почвообразования. Поэтому наряду с традиционными приемами биологической рекультивации, базирующимися на нанесении плодородного слоя почвы на восстанавливаемую поверхность, в настоящее время широко разрабатываются новые методы беспочвенного восстановления плодородия нарушенных земель.

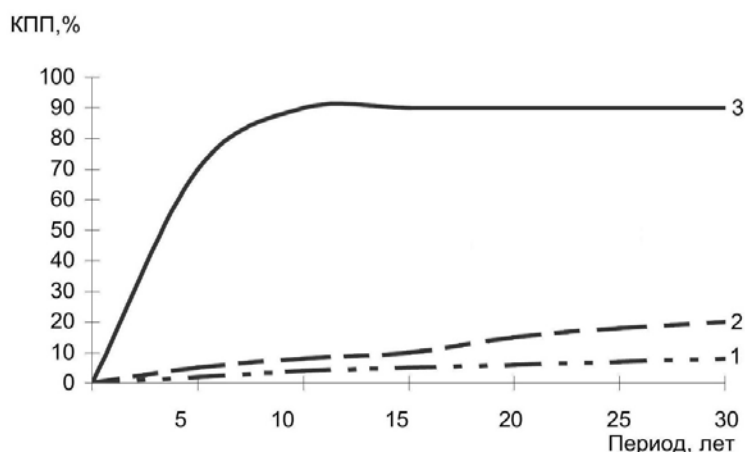

Рис. 1. График скорости восстановления почвенно-экологических функций в техногенном ландшафте [1]

В зарубежных странах проблема ускоренного почвообразования решается различными способами. В Германии для ускоренного почвообразования в грунты вносится большое количество удобрений, и особое внимание уделяется регулированию водного режима. Для улучшения физических свойств пород отвалов наряду с глубинным рыхлением применяются известкование, внесение полистироловых хлопьев, использование битумных эмульсий. В качестве удобрений применяются биошлам, биогенные воды, содержащие мочевины.

В Болгарии рекультивационные работы проводятся традиционным способом дифференцированно в зависимости от ландшафтно-экологических условий региона и степени загрязнения с учетом нарушений почвенного покрова и растительности. Изыскиваются способы рекультивации земель для сельскохозяйственного использования без нанесения почвенного слоя. Хороший результат получен при внесении 15 % золы угля и минеральных удобрений. Проводятся эксперименты с применением торфа и лигнита [8].

В Польше для рекультивации нарушенных земель в угольной промышленности наряду с землевладением используют внесение удобрений или компостов из осадка сточных вод (ОСВ), отходов целлюлозно-бумажной или фармацевтической промышленности, золы электростанций [15].

В США в последние 5 – 10 лет широкое распространение при восстановлении нарушенных земель получили технологии рекультивации с использованием осадков бытовых сточных вод. Сущность способа заключается в известковании кислых субстратов отвала известью до $pH = 7,0$. Затем с компостированием либо без него вносится ОСВ в количестве 120 – 134 т/га в пересчете на сухое вещество. После вспашки производится посев многолетних трав [16].

Наблюдения в течение 5 лет подтвердили благотворное влияние ОСВ на надземную и корневую биомассу, накопление в почве органического вещества. Другой способ использования ОСВ состоит в анаэробном сбраживании и обезвоживании осадка (до

консистенции около 25 %), смешивании с опилками в соотношении 1:2 и компостировании. Полученный компост смешивается с осадком в соотношении 1:1 и вносится в субстрат отвалов в количестве 12 – 13,4 кг/м². При этом восстановление нарушенных земель происходит значительно быстрее, чем при использовании минеральных удобрений. Анализ на наличие тяжелых металлов в выращенной продукции дал отрицательные результаты.

Заслуживает внимания также опыт использования ОСВ в Венгрии, где методом биологического инъецирования восстановлено более 2,0 тыс. га после разработки бурого угля. Сущность способа заключается в подготовке на основе ОСВ смеси из лигнита, опилок или соломы с удобрениями и инъецирования ее в поверхность отвала. Практика показала, что на подготовленных таким образом участках с успехом растет пшеница, рожь, овес, ячмень, овощи, древесные и кустарниковые культуры [12].

В России также разрабатывают новые методы восстановления нарушенных земель. Так, в институте ВНИИОСуголь (г. Пермь) разработан микробиологический способ рекультивации, не имеющий аналога в мировой практике. Повышение биологической активности рекультивируемых грунтов достигается сплошной инокуляцией активной почвенной микрофлоры, способствующей мобилизации потенциального плодородия субстрата, накоплению в нем органического вещества и элементов питания в доступной для высших растений форме. В отличие от традиционных приемов рекультивации при указанном способе образование почвенного слоя происходит в 2 – 3 раза быстрее. Разработанная технология ускоренной рекультивации земель с использованием почвенных микроорганизмов защищена 11 авторскими свидетельствами и запатентована в США, Канаде, Франции, Испании, Германии.

Способ заключается в том, что спланированные отвалы обрабатывают хозяйственно-бытовым осадком, а затем – гуминовым препаратом, содержащим культуру плесневого гриба *Aspergillus*. После этого

проводят вспашку, и поверхность отвала засевают семенами многолетних трав (бобовых и злаковых). Засеянную поверхность отвала инокулируют бактериальным препаратом, содержащим культуру аммонифицирующих и нитрифицирующих бактерий, выделенных из отвалов и поэтому адаптированных к их условиям. А во время всходов растений и в период их кущения производят инокуляцию поверхности отвалов бактериальным препаратом, содержащим культуру *Azotobacter* и фосфатрастворяющие бактерии.

Выделение бактерий, используемых для приготовления препаратов, осуществляется из породы рекультивируемых отвалов по специально разработанной методике, характеризующейся простотой, доступностью и низкими материальными затратами. Для выращивания бактериальной культуры используют специально созданную установку культивирования микроорганизмов, позволяющую ежедневно получать определенное количество культуры, необходимой для обработки поверхности породного отвала.

Уже во второй год происходит быстрый процесс почвообразования и на поверхности отвала формируется дерновый слой 10 – 15 см. Высота растений на рекультивируемых участках достигает 100 – 120 см, а количество биомассы – 190 ц/га. Увеличивается количество бактерий, участвующих в почвообразовании. Под влиянием метаболизма микроорганизмов улучшаются агрохимические свойства породы. Водная рН повышается с 3,0 до 7,0 (на кислых породах), а сумма обменных оснований – до 49,4 мг-экв/100 г. Увеличение подвижных фосфора и калия, а также тенденция к накоплению азота и гумуса свидетельствуют о возникновении важнейшего свойства образующейся почвы – плодородия [9 – 11].

Прогрессивными и экологически чистыми являются разработки специалистов института ВНИИОС-уголь и ПО «Средазуголь», а также КАТЭКНИИУголь (г. Красноярск), по получению гуминовых кислот, комплексных органоминеральных удобрений для активизации биохимических процессов в почве, что открывает широчайшую перспективу рекультивации земель, интенсификации сельскохозяйственного производства при практически неограниченной сырьевой базе, минимальных затратах и исключении применения химически вредных веществ [12].

Перспективные разработки ведутся томскими учеными. На основе полевых и экспериментальных исследований ими установлена эффективность торфяных препаратов в биологической рекультивации пород угольных отвалов. С целью ускорения биологической рекультивации поверхности грунта отвальной породы в полевом опыте на угольном отвале испытан торфяной препарат – органоминеральное удобрение (ОМУ), приготовленный на основе торфа низинного типа.

Полевые опыты показали, что использование торфяного препарата ОМУ обеспечило активизацию биологических процессов: по окончании вегетационного периода возросла численность микроорганизмов, потребляющих органические и минеральные формы

азота, сахаролитических грибов и разрушителей целлюлозы. При наличии высокой полифенолоксидазной и пероксидазной активности самого грунта отвальной породы и высокой дегидрогеназной активности, обусловленной внесением ОМУ, создаются условия для реакций поликонденсации окисленных фенольных соединений и продуктов дегидрирования низкомолекулярных соединений с образованием первичной структуры гумуса [14].

В Кузбассе разработка технологий рекультивации с высоким почвенно-экологическим эффектом обусловлена сложившейся в горнодобывающей промышленности острой экологической обстановкой. Интенсивность преобразующего воздействия угледобывающего производства Кузбасса на почвенный покров и природные ландшафты в целом достигла такого уровня, при котором негативные последствия оказывают существенное влияние на природные процессы и среду обитания человека. В этой ситуации особенно важны исследования, позволяющие осуществить практическое внедрение в Кузбассе технологий рекультивации с высоким почвенно-экологическим эффектом.

Современные рекультивационные технологии в нашем регионе основаны на использовании нетрадиционных мелиорантов (ОСВ городских очистных сооружений, иловых образований водозаборного ковша). ОСВ – возобновляемый рекультивационный ресурс, накопление которого неразрывно связано с деятельностью городских очистных сооружений. Во многих городах Кузбасса в результате дефицита площадей складывается неблагоприятная обстановка по складированию и утилизации ОСВ, приводящая к их аварийному выбросу в естественные водоемы [3]. Их применение позволяет не только повышать плодородие нарушенных земель при относительно небольших материальных затратах, но решать еще одну важную экологическую проблему – утилизировать отходы городских очистных сооружений и ковшевых иловых отложений предприятий энергетического комплекса Кузбасса [5].

Более чем за вековой период целенаправленной работы в сфере рекультивации накоплен положительный опыт по восстановлению продуктивности и реконструкции нарушенных угледобывающей промышленностью ландшафтов. Но несмотря на значительные достижения в области рекультивации нарушенных земель, существует еще немало трудностей и нерешенных задач. Ежегодно увеличивающиеся площади земель, нарушенных горными работами, а также возрастающие затраты на работы по их восстановлению, должны стать предпосылкой для разработки новых перспективных методов восстановления нарушенных земель и более активного использования современных технологий.

Литература

1. Андроханов В. А. Научные и практические основы рекультивации нарушенных территорий // Научные основы экологии, мелиорации и эстетики ландшафтов: Международная научно-практическая конференция. Тула: Гриф и К, 2010. С. 178 – 183. Режим доступа: <http://in-nature.ru/wp-content/uploads/2010/07/Androchanov.pdf> (дата обращения: 10.02.2014).
2. Андроханов В. А. Специфика и генезис почвенного покрова техногенных ландшафтов // Сибирский экологический журнал. 2005. № 5. С. 795 – 800.
3. Андроханов В. А., Водолеев А. С., Клековкин С. Ю. Организационные и технологические альтернативы рекультивации техногенно нарушенных земель // ЭКО-бюллетень. 2008. № 4. С. 26 – 28.
4. Андроханов В. А., Куляпина В. Д., Курачев В. М. Почвы техногенных ландшафтов: генезис и эволюция. Новосибирск: СО РАН, 2004. 151 с.
5. Водолеев А. С. Рекультивация техногенно-нарушенных земель Южного Кузбасса с использованием нетрадиционных мелиорантов: автореф. дис. ... д-ра с.-х. наук. Барнаул, 2007. 34 с.
6. Гаджиев И. М., Курачев В. М., Андроханов В. А. Стратегия и перспективы решения проблем рекультивации нарушенных земель. Новосибирск: ЦАРИС, 2001. 36 с.
7. ГОСТ 17.5.1.01-83 Охрана природы. Рекультивация земель. Термины и определения. Введ. 1983–12–13.
8. Каплунов Ю. В., Климов С. Л., Красавин А. П. Экология угольной промышленности России на рубеже XXI века. М.: Академии горных наук, 2001. 295 с.
9. Красавин А. П., Катаева И. В. Ускоренная рекультивация нарушенных горными работами земель с использованием бактериальных препаратов // Уголь. 1998. № 9. С. 53 – 58.
10. Красавин А. П., Катаева И. В., Лелекс А. И., Екатерининский В. А. Перспективы биотехнологии в угольной промышленности: Обзор. М.: ЦНИЭИуголь, 1996. 110 с.
11. Красавин А. П., Кукушкин В. М. Совершенствование природоохранных работ в угольной промышленности: Обзор. М.: ЦНИЭИуголь, 1993. 66 с.
12. Малышенко В. С., Каплунов Ю. В., Красавин А. П., Харионовский А. А. Совершенствование природоохранных работ в угольной промышленности. М.: ЦНИЭИуголь, 1992. 142 с.
13. Середина В. П., Алексеева Т. П., Сысоева Л. Н., Трунова Н. М., Бурмистрова Т. И. Исследование процессов формирования органического вещества в нарушенных при угледобыче почвах // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2012. № 1(17). С. 18 – 31.
14. Середина В. П., Андроханов В. А., Алексеева Т. П., Сысоева Л. Н., Бурмистрова Т. И., Трунова Н. М. Экологические аспекты биологической рекультивации почв техногенных экосистем Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Биология. 2008. № 2. С. 61 – 72.
15. Daniels W. L., Stuczynski T., Pantuck K., Pistelok F., Szymborski A. Restoration of mining wastes with sewage sludge in upper Silesia // Poland, 1995. P. 115 – 124.
16. Skousen J., Clinger C. Sewage sludge land application program in west Virginia // Soil and Water Conserv. 1993. 48. № 2. P. 145 – 151.

Информация об авторах:

Кожевников Николай Владимирович – аспирант кафедры ботаники КемГУ, Koghevnikov_NV@mail.ru.

Nikolay V. Kozhevnikov – post-graduate student at the Department of Botany, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – А. В. Заушинцева).

Заушинцева Александра Васильевна – доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники КемГУ, alexaz58@yandex.ru.

Alexandra V. Zaushintsena – Doctor of Biology, Professor at the Department of Botany, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

**К ИЗУЧЕНИЮ БИОРАЗНООБРАЗИЯ БЕСПОЗВОНОЧНЫХ ЖИВОТНЫХ
ЗАКАЗНИКА «КАРАКАНСКИЙ» (КЕМЕРОВСКАЯ ОБЛАСТЬ)**

Д. В. Сущёв, А. С. Бабенко, Д. А. Ефимов, С. В. Лукьянцев

**ON STUDYING THE BIODIVERSITY OF INVERTEBRATE ANIMALS
IN “KARAKANSKY” WILDLIFE RESERVE (KEMEROVO REGION)**

D. V. Sushchyov, A. S. Babenko, D. A. Efimov, S. V. Lukyantsev

В статье впервые приводятся сведения по биоразнообразию беспозвоночных животных заказника «Караканский», организованного в 2012 г. на территории Караканского хребта в Кемеровской области. Рассмотрен видовой состав и биотопическое распределение некоторых семейств чешуекрылых, жесткокрылых и пауков, наиболее многочисленных групп беспозвоночных, играющих значительную роль в наземных экосистемах заказника.

The paper first provides the information on the biodiversity of invertebrates in “Karakansky” Wildlife Reserve, organized in 2012 on the territory of the Karakan ridge in the Kemerovo region. The authors consider the species composition and habitat distribution of some families of Lepidoptera, Coleoptera and Spiders, the most numerous groups of invertebrates, which play a significant role in terrestrial ecosystems of the wildlife reserve.

Ключевые слова: биоразнообразие, видовой состав, биотопическое распределение, беспозвоночные животные, жесткокрылые, чешуекрылые, пауки, заказник «Караканский», Кемеровская область.

Keywords: biodiversity, specific structure, distribution of biotopes, invertebrate animals, Lepidoptera, Coleoptera, spiders, “Karakansky” wildlife reserve, Kemerovo region.

Кемеровская область – один из наиболее развитых промышленных регионов азиатской части России. Большая часть территории области расположена в пределах Кузнецкой котловины, ограниченной со всех сторон горными системами. Общий равнинный характер Кузнецкой котловины нарушен рядом горных хребтов так называемой «Мелафировой подковы», образующих крутую, открытую к северо-востоку дугу в средней части котловины. Сюда относятся Тарадановский увал, Салтымаковский хребет, горы Кайлотские, Нарыкские и Караканский хребет. Их возникновение обусловлено выходами магматических пород (мелафиров) [6, 22, 29].

Кемеровская область является лидером по добыче угля в стране, основная доля добычи которого приходится на Кузнецкую котловину. Кузнецкая котловина является одной из самых нарушенных территорий Кузбасса. Коренная растительность сохранилась только фрагментами и представлена березовыми колками и небольшими участками степных и луговых сообществ, нарушенных в той или иной степени. Степные сообщества в равнинной части практически разрушены полностью, а сохранившиеся приурочены к каменистым субстратам сопков и склонов невысоких хребтов. На Караканском хребте сохранились самые обширные для Кузнецкой котловины участки степных сообществ, около 2 тыс. га. [14; 20].

Караканский хребет располагается на территории Беловского и Прокопьевского районов Кемеровской области. Хребет представляет собой практически прямолинейное поднятие в виде чрезвычайно узкого и острого гребня около 25 км длиной и 1 – 1,5 км шириной, протянувшееся с северо-запада на юго-восток между 54°16' и 54°27' с.ш., 86°48' и 87°04' в.д. Абсолютные высоты достигают 350 – 450 м над ур. м. Самая высокая точка – гора Малахай (468 м над ур. м.) [21; 22; 29]. Несмотря на малую протяженность и небольшие высоты, Караканский хребет имеет локальное климато-

образующее значение, обуславливая перераспределение тепла и влаги на склонах различной экспозиции, что оказывает решающее значение на характер формирующейся растительности. Юго-западный склон хребта безлесный, покрыт различными типами степей и остепненными лугами. Северо-восточный склон в основном покрыт лесом. Основу растительного покрова составляют травяные березовые, реже осиновые леса в сочетании с остепненными лесными лугами на открытых участках [21].

Активное развитие открытых разработок угольных месторождений в Кузбассе привело к формированию сети разрезов, а также щебневых карьеров, окруживших Караканский хребет (рис. 1). Разрезы Пермьяковский, Виноградовский, Караканский, Майский, Кыргызский, Котинский, Черемховский, каждый с проектной мощностью по 2 млн тонн угля в год, поставили под вопрос существование Караканского хребта. В результате, из 25 км хребта в относительно благополучном состоянии сохранилось всего около 15 км [18].

Непосредственная угроза уничтожения уникального степного комплекса Караканского хребта привела к созданию особо охраняемой природной территории. В 2012 г. был организован Государственный природный заказник Кемеровской области регионального значения «Караканский» площадью 1,115 тыс. га. Заказник создан для восстановления и сохранения биоразнообразия Караканского хребта, оказавшегося на грани уничтожения в результате угольных разработок [7].

Уникальность природы Караканского хребта вызвала интерес биологов уже с середины XX века. Наиболее полные исследования этой территории были предприняты ботаниками. Итоговой работой можно считать «Растительный мир Караканского хребта» [21], где дана информация о 531 виде растений. Исследования сибирских ботаников стали основой для инвентаризации флоры заказника «Караканский».

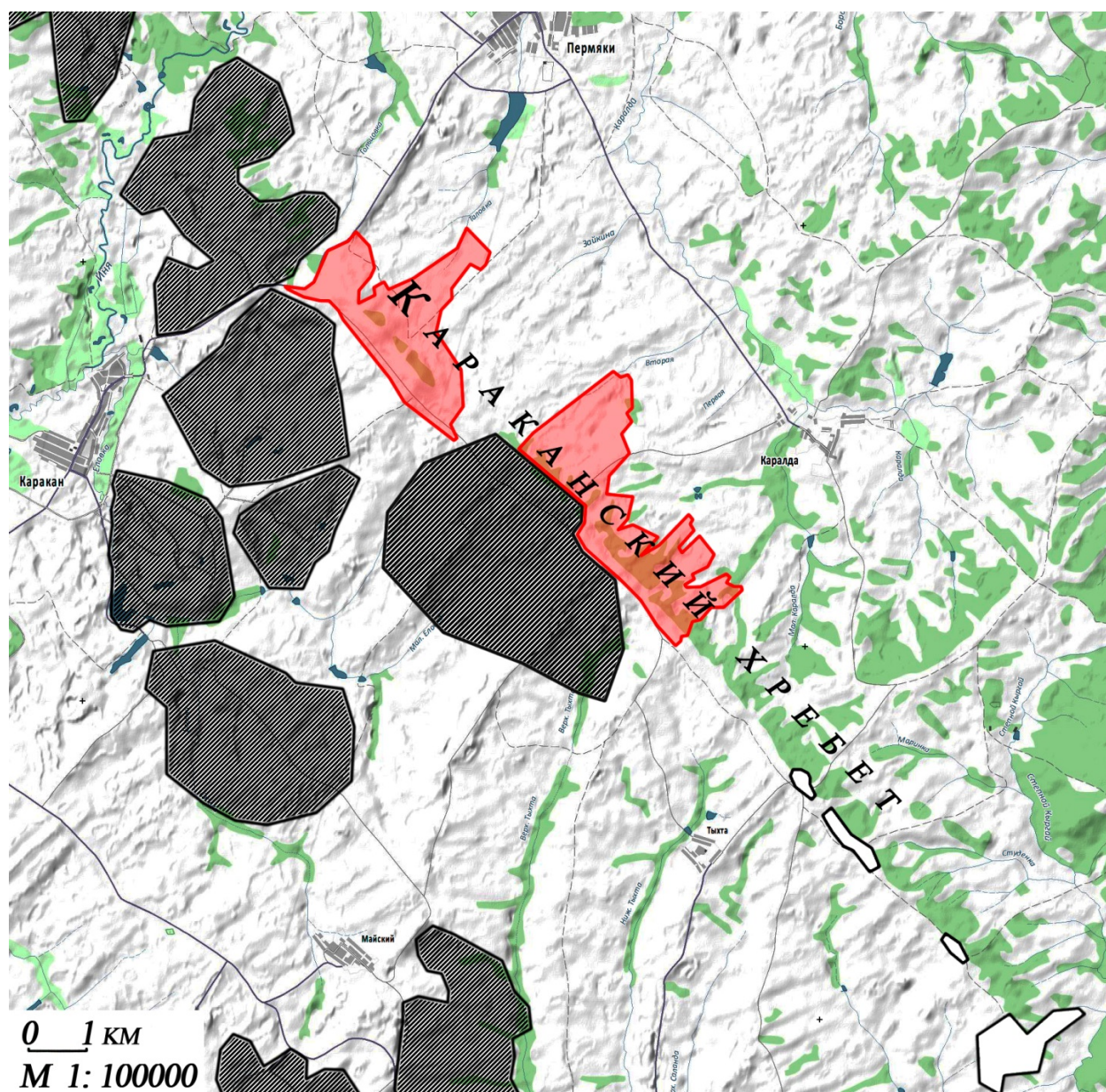

Рис. 1. Границы заказника «Караканский»

▨ – угольные разрезы; □ – щебневые карьеры; ■ – заказник «Караканский»

Для территории заказника отмечается 497 видов растений, из которых 12 видов занесены в Красную книгу Кемеровской области [7, 11, 21]. Напротив, зоологические исследования Караканского хребта, в особенности по беспозвоночным животным, носили фрагментарный и отрывочный характер. Некоторые сведения по позвоночным и беспозвоночным животным были опубликованы в ряде обзорных работ по территории Кузнецко-Салаирской горной области и ее отдельных провинций [15, 16, 20, 23, 24, 25, 26, 27]. Эти работы позволили выявить обитание 25 видов редких животных, включенных в Красную книгу Кемеровской области [12].

Таким образом, в настоящее время какие-либо комплексные работы по фауне беспозвоночных Караканского хребта отсутствуют. Авторами настоящей статьи предпринята первая попытка обобщить сведения по фауне отдельных групп членистоногих заказ-

ника «Караканский»: отр. Жесткокрылые (Coleoptera): сем. Стафилиниды (Staphylinidae), сем. Жужелицы (Carabidae), сем. Чернотелки (Tenebrionidae); отр. Чешуекрылые (Lepidoptera): сем. Толстоголовки (Hesperiidae), сем. Парусники (Papilionidae), сем. Белянки (Pieridae), сем. Сатириды (Satyridae), сем. Нимфалиды (Nymphalidae), сем. Голубянки (Lycaenidae); отр. Пауки (Aranei): сем. Theridiidae, сем. Linyphiidae, сем. Tetragnathidae, сем. Araneidae, сем. Lycosidae, сем. Pisauridae, сем. Dictynidae, сем. Clubionidae, сем. Eutichuridae, сем. Gnaphosidae, сем. Sparassidae, сем. Philodromidae, сем. Thomisidae, сем. Salticidae.

При сборе герпетобионтов и почвенных жесткокрылых использовались стандартные методы почвенных проб и почвенных ловушек. Для учета крупных почвенных беспозвоночных (макрофауны), наиболее оптимальным является метод почвенных проб с последующей послойной разборкой материала; для уче-

та подвижных насекомых использовались почвенные ловушки Барбера без фиксатора. Отбор педобионтов проводился до глубины встречаемости; как правило, до 15 – 20 см [2, 4].

Отлов чешуекрылых осуществлялся в основных местообитаниях стандартными методами на экскурсиях. При изучении численности использовался метод маршрутного учета [31]. Легко определяемые виды бабочек не отлавливались, а отмечались. Полученные результаты пересчитывались на 1 га. Для оценки численности дневных чешуекрылых были выделены 4 класса обилия: очень редкие виды, редкие, обычные, массовые [26]. Всего отловлено и отмечено более 1500 экземпляров бабочек.

Сбор пауков осуществлялся стандартными методами. Основной метод – кошение энтомологическим сачком сериями по 20 взмахов. Общая протяженность каждого учетного маршрута – 50 м. Дополнительно осуществлялся ручной сбор для более полного выявления видового состава. Собранных пауков фиксировали в 70 % спирте.

Отряд Жесткокрылые или Жуки – обширный отряд насекомых освоивший разнообразные природные местообитания и играющий исключительно важную роль в наземных экосистемах. Наибольший интерес представляют жуки-герпетобионты, как наиболее чутко реагирующая группа насекомых на разнообразное антропогенное воздействие. Основное внимание исследователей было направлено на изучение состава 3 семейств герпетобионтных жесткокрылых: жужелицы, стафилиниды, чернотелки.

В заказнике "Караканский" обнаружено 28 видов жужелиц, относящихся к 11 родам. Основу составляют 4 трибы, из которых Pterostichini, Harpalini и Carabini объединяют более половины видового разнообразия жужелиц (68 %) Среди родов наибольшим числом видов представлены Harpalus (6), Carabus (5), Amara и Pterostichus (по 4 вида). Остальные рода представлены тремя и менее видами. Стоит отметить, что два вида (*H. udegei* Lafer и *H. modestus* Dej.) впервые приводятся для Кузнецкой котловины и для Кемеровской области в целом. *H. modestus* из сопредельных с Кемеровской областью регионов известен из Новосибирской области [8].

Зоогеографический состав фауны карабид характеризуется преобладанием видов с широкими ареалами. Почти половину составляют западнопалеарктические виды (13 видов, 46 %). Центральнопалеарктические представлены 7 видами. К ним относятся два из четырех видов рода Pterostichus (*P. magus* Mnnh. и *P. dilutipes* Mots.), а также все представители рода Carabus (*C. sibiricus* Fisch., *C. regalis* Fisch., *C. henningi* Fisch., *C. schoenherri* Fisch., *C. aeruginosus* Fisch.). Транспалеарктические и восточнопалеарктические представлены 5 и 2 видами соответственно. Наконец, Pterostichus monticoloides Shil., единственный из горных эндемиков. Это алтае-саянский вид, причем в Кузнецкой котловине он отмечен пока только на Караканском хребте.

В лесных биотопах найдено 10 видов жужелиц. Видовой состав жужелиц лесов характеризуется преобладанием родов Carabus и Pterostichus. Высокой численности в березняках хребта достигают лесные

мезофилы *C. regalis*, *C. henningi*, *P. magus*, *P. oblongopunctatus* F.

Степи Караканского хребта характеризуются наиболее высоким видовым разнообразием жужелиц. В луговых степях характерным компонентом населения карабид являются, прежде всего, Harpalini (*H. cisteloides* Mots., *H. affinis* Schrank, *Ophonus puncticollis* Pk.), *Amara castanea* Putz.. Нередки также мезофильные *Amara*, *Agonum gracilipes* Duft., *Poecilus fortipes* Chaud. В каменистых степях доминируют представители рода Harpalus; к наиболее часто встречающимся относятся *H. anxius* Duft., *H. modestus*, *H. cisteloides*, *H. pumilus*. Обычны также *Microlestes minutulus*. В целом представители трибы Harpalini преобладают в степных ценозах Караканского хребта, они приурочены к степям и составляют также наибольшую долю в таксономическом разнообразии карабидофауны Кузнецкой котловины [9].

Стафилиниды на территории заказника представлены 26 видами 13 родов. Наиболее богат видами род Philonthus (7 видов), остальные рода коротконадкрылых жуков представлены 1 – 2 видами. Ранее в Кузнецкой котловине стафилиниды специально не изучались, однако 20 из отмеченных здесь 26 видов встречаются на территории Кузнецкого Алатау [3; 5; 30].

Как и у жужелиц, у стафилинид в районе исследований преобладают виды с широкими ареалами. Это прежде всего 10 транспалеарктических видов, среди которых наиболее многочисленны *Tachinus rufipes* DeGeer, *Xantholinus tricolor* F., *Philonthus varius* Gyll и *Oscypus fuscatus* Grav. Европейско-сибирская группировка представлена 6 видами, среди которых к числу наиболее часто встречающихся относятся *Philonthus decorus* Grav. и *Tachyporus solutus* Er.). К западнопалеарктическим относятся 5 видов, включая *Tachyporus abdominalis* F., *Philonthus lepidus* Grav., *Quedius boops* Grav. По два вида входят в голарктическую (*Philonthus politus* L., *Sipalia circellaris* Grav.) и восточно-палеарктическую (*Philonthus carbonarius* Gyll., *Philonthus rotundicollis* Maekl.) зоогеографическую группу, а центральнопалеарктическая группа представлена одним видом (*Staphylinus fulvipes* Scopoli).

Большинство стафилинид тяготеет к обитанию в лесных биотопах (14 видов). Среди них доминирует *Philonthus decorus* Grav., относительная доля которого в березовых и осиновых лесах составляет 38 % среди всех собранных стафилинид. Кроме этого вида повсеместно в лесах встречаются *Tachinus rufipes* DeGeer, *Quedius fuliginosus* F., *Philonthus rotundicollis* Maekl., *Oscypus fuscatus* Grav. Эти же виды являются постоянным компонентом мезофильных лесных лугов с элементами высокотравья. Для разнотравно-злаковых лугов характерен *Philonthus lepidus* Grav.

В луговых степях численность стафилинид относительно невысока и они представлены преимущественно эврибионтными видами (*Drusilla canaliculata* F., *Xantholinus tricolor* F.), а в каменистых степях стафилиниды практически не встречаются (за исключением случайно занесенных ветром).

Видовой состав чернотелок представлен всего 4 видами 2 подсемейств. Подсемейство Lagriinae представлено широко распространенным *Lagria hirta* (L.), из подсемейства Tenebrioninae обнаружены

Oodescelis polita (Sturm), *Pedinus femoralis* (L.) и *Opatrum sabulosum* (L.). Все виды чернотелок имеют обширные ареалы. Они являются западнопалеарктическими, и их распространение на восток ограничено долготными рубежами. *Lagria hirta* нередко встречается в степных и лесных ценозах. В лесах вид обычен в травяном ярусе.

Для степных сообществ характерны *Oodescelis polita*, *Pedinus femoralis* и *Opatrum sabulosum*. При этом последний вид достигает высокой численности, нами на относительно небольшом участке каменистой степи за день было собрано более двух десятков особей.

Отряд Чешуекрылые или Бабочки – своеобразная группа насекомых, тесно связанная с цветковыми растениями, как на стадии гусеницы, так и на стадии имаго. Бабочки уступают по видовому разнообразию только отряду Жесткокрылых, повсеместно встречаясь в наземных экосистемах, за исключением Антарктиды. Дневные чешуекрылые (*Diurna* или *Rhopalocera*) являются подотрядом отряда чешуекрылых насекомых, объединяющим булавоусых и крючкоусых бабочек, морфологически и экологически хорошо обособленных от других чешуекрылых. В связи с этим, в данном исследовании, отмеченные семейства дневных рассматриваются совместно, а не по отдельности. На территории Кемеровской области отмечено более 140 видов бабочек, из которых в границах заказника «Караканский» и на прилегающей территории Караканского хребта выявлено 75 видов 6 семейств: нимфалиды – 21 вид, голубянки – 21, сатириды – 13, белянки – 9, толстоголовки – 9, парусники – 2.

Группа из 17 видов бабочек отмечена во всех исследованных биотопах. Её образуют широко распространенные в Кузнецкой котловине виды: *Thymelicus lineola* (O.), *Leptidea sinapis* (L.), *Aporia crataegi* (L.), *Pieris rapae* (L.), *Pontia edusa* (F.), *Aglais urticae* (L.), *Inachis io* (L.), *Araschnia levana* (L.), *Brenthis ino* (Rott.), *Clossiana selene* ([D. et S.]), *Coenonympha pamphilus* (L.), *Hyponephele lycaon* (Kuhn), *Aphanthopus hyperantus* (L.), *Minois dryas* (Sc.), *Plebejus argus* (L.), *Polyommatus amanda* (Schn.), *Polyommatus icarus* (Rott.). Отмеченные виды, за исключением *A. crataegi*, встречаются в заказнике почти все лето, давая 1 – 2 поколения.

Наибольшее видовое разнообразие дневных бабочек отмечено в березовых и осиновых лесах Караканского хребта (58 видов). Только здесь встречается 15 видов: *Carcharodus flocciferus* (Zell.), *Syrictus tessellum* (Hb.), *Carterocephalus palaemon* (Pall.), *C. silvicola* (Mg.), *Ochlodes similis* (Leech), *Anthocharis cardamines* (L.), *Apatura iris* (L.), *Limenitis helmanni* (Ld.), *Nymphalis antiopa* (L.), *Euphydryas maturna* (L.), *Lasiommata maera* (L.), *Erebia ligea* (L.), *E. aethiops* (Esp.), *Thecla betulae* (L.), *Nordmannia prunoides* (Stgr.). Переливница *A. iris* является редким видом для Кузбасса, отмечаемым только с 2012 г. Обнаружение *A. Iris* на территории заказника – это третья находка данного вида в Кемеровской области.

Дневные чешуекрылые остепненных разнотравно-злаковых лугов представлен 55 видами. На лугах, несмотря на почти одинаковое количество видов с лесными биотопами, видовой состав существенно меняется. Здесь появляются 10 видов, не встречающихся в

березовых и осиновых лесах. К ним относятся *Papilio machaon* L., *Pieris brassicae* (L.), *Colias hyale* (L.), *Vanessa cardui* (L.), *Melitaea cinxia* (L.), *M. didyma* (Esp.), *Rathora lathonia* (L.), *Melanargia russiae* (Esp.), *Plebejus argyrognomon* (Brgstr.), *Agrodiaetus damon* ([D. et S.]). Такие виды, как *M. cinxia*, *M. didyma*, *M. russiae*, *A. damon* проникают сюда из степных местообитаний для питания на цветущих растениях, встречаются единично.

Степные биотопы показывают постепенное обеднение видового состава бабочек от расположенных на склонах хребта луговых степей до привершинных и вершинных ковыльных и каменистых степей. Тенденция к снижению видового разнообразия дневных чешуекрылых, по мере увеличения ксерофитизации биотопов, характерно для всей территории Кемеровской области [26; 27]. На участках луговой степи найдено 42 вида бабочек, в ковыльной степи – 32, на каменистой степи – 28. Только здесь отмечены *Parnassius apollo* (L.), *Melitaea phoebe* (Goeze), *Hipparchia autonoe* (Esp.), *Tongeia fischeri* (Ev.), *Plebejidea cyane* (Ev.).

К массовым видам на Караканском хребте можно отнести только *A. crataegi*, чья численность в отдельные годы перекрывает, в период лета, численность всех остальных видов вместе взятых. Редкими являются 26 видов бабочек: *Pyrgus malvae* (L.), *O. similis*, *Hesperia comma* (L.), *P. machaon*, *P. apollo*, *Limenitis populi* (L.), *Neptis rivularis* (Sc.), *Polygonia C-album* (L.), *E. maturna*, *Melicta athalia*, *M. cinxia*, *Melitaea phoebe* (Goeze), *Lopinga achine* (Sc.), *L. maera*, *Coenonympha hero* (L.), *E. ligea*, *E. aethiops*, *E. theano* (Tausch.), *Lycaena helle* ([D. et S.]), *Everes argiades* (Pall.), *T. fischeri*, *Glaucopsyche lycormas* (Btl.), *Maculinea nausithous* (Brgstr.), *M. telejus* (Brgstr.), *Aricia eumedon* (Esp.), *P. cyane*. К очень редким, встреченным единично, отнесены 11 видов дневных чешуекрылых: *C. flocciferus*, *S. tessellum*, *C. palaemon*, *C. silvicola*, *A. cardamines*, *A. iris*, *L. helmanni*, *N. antiopa*, *E. maturna*, *Thersamonolycaena alciphron* (Rott.), *Cupido osiris* (Meig.). Остальные бабочки образовали группу часто встречающихся, обычных видов (37 видов).

К редким, включенным в Красные книги разных рангов, отмеченных на территории заказника «Караканский» можно отнести лишь *P. apollo*. Парусник аполлон внесен в Международную, Российскую красные книги, в Красную книгу Кемеровской области и Беловского района [12; 13].

Отряд Пауки (*Aranei*) – самый многочисленный отряд класса Паукообразные, являются характерным компонентом сообществ беспозвоночных животных открытых ландшафтов и составляют значительную долю населения травянистого яруса. Обладая высокими способностями к расселению, многочисленные виды этой группы членистоногих активно освоили широкий круг биотопов. Пауки принадлежат к числу важнейших членистоногих-энтомофагов в лесных сообществах, заселяя все ярусы растительности, совместно с сенокосцами, жуками, стафилидами и муравьями они составляют основу (67,8 – 68,1 % мезофауны) всего комплекса хищных членистоногих [28].

За время исследований на территории Караканского хребта было найдено 33 видов пауков, принадлежащих к 14 семействам. Наиболее разнообразным по числу видов и родов является семейство Salticidae, представленное 8 видами из 6 родов: *Aelurillus v-insignitus* (Cl.), *Euophrys frontalis* (Walck.), *Evarcha arcuata* (Cl.), *Evarcha falcata* (Cl.), *Evarcha laetabunda* (C. L. Koch), *Heliophanus dampfi* Schenk., *Marpissa pomatia* (Walck.), *Sitticus floricola* (C. L. Koch). Семейство Thomisidae представлено 6 видами из 3 родов: *Heriaeus horridus* Tysch., *Misumena vatia* (Cl.), *Xysticus audax* (Schr.), *Xysticus cristatus* (Cl.), *Xysticus lanius* C. L. Koch, 1835, *Xysticus ulmi* (Hahn, 1831). Тремя видами представлено семейство Philodromidae: *Philodromus cespitum* (Walck.), *Thanatus arenarius* L. Koch и *Tibellus oblongus* (Walck.). Для ряда семейств отмечено необычно низкое видовое разнообразие. Пауки-волки (Lycosidae) представлены всего тремя видами – *Arctosa stigmosa* (Thor.), *Pardosa prativaga* (L. Koch), *Trochosa terricola* Thor., 1856. Таким же числом видов представлены пауки-кругопряды (Araneidae) – *Araneus marmoreus* Cl., *Nuctenea silvicultrix* (C. L. Koch), *Singa hamata* (Cl.). Найдено всего два вида (*Agyneta rurestris* C.L. Koch и *Linyphia triangularis* Cl.) из семейства Linyphiidae, самой разнообразной и многочисленной в Западной Сибири группы пауков-хортобионтов [17]. Остальные семейства представлены в фауне по одному

виду: *Phylloneta impressa* (L. Koch) (Theridiidae); *Tetragnatha pinicola* L. Koch (Tetragnathidae); *Pisaura mirabilis* (Cl.) (Pisauridae); *Dictyna arundinacea* (L.) (Dictynidae); *Clubiona caerulescens* L. Koch (Clubionidae); *Cheiracanthium erraticum* (Walck.) (Eutichuridae); *Drassyllus lutetianus* (L. Koch) (Gnaphosidae); *Micrommata virescens* (Cl.) (Sparassidae).

Большинство видов пауков, найденных на Караканском хребте, являются широко распространенными в лесной и лесостепной зоне Палеарктики [1; 10; 19].

Таким образом, на территории заказника «Караканский» впервые проведены комплексные исследования отдельных групп беспозвоночных животных. Полученные результаты могут быть использованы в природоохранных, экологических, образовательных целях, для создания кадастра животных заказника, так и в целом Караканского хребта, выступающего уникальным рефугиумом степных сообществ Кузнецкой котловины.

Авторы выражают благодарность А. Н. Курьянову – д-ру биол. наук; Ю. А. Манакову – д-ру биол. наук (Кузбасский ботанический сад ИЭЧ СО РАН) за предоставленную возможность собрать материал; Б. М. Катаеву (ЗИН, Санкт-Петербург) за помощь в определении жужелиц.

Литература

1. Ажеганова Н. С. Краткий определитель пауков. Л., 1968. 149 с.
2. Бабенко А. С. Структура населения почвенной мезофауны лесных экосистем Салаира // Эколого-географические аспекты лесообразовательного процесса: материалы Всероссийской конференции с участием иностранных ученых. Красноярск, 2009. С. 349 – 351.
3. Бабенко А. С. Экология стафилинид Кузнецкого Алатау. Томск. Изд-во Томского ун-та. 1991. 190 с.
4. Бабенко А. С., Булатова У. А., Нужных С. А. Методы учета почвенных беспозвоночных: учебно-методическое пособие. Томск: Изд-во Томского ун-та. 2010. 55 с.
5. Бабенко А. С., Романенко В. Н. Сезонная динамика активности герпетобионтов в предгорной лесостепи Кузнецкого Алатау // Труды Кемеровского отделения РЭО. Кемерово: Юнити, 2003. Вып. 2. С. 3 – 9.
6. Воскресенский С. С. Геоморфология Сибири. М.: МГУ, 1962. С. 220 – 222.
7. Доклад о состоянии и охране окружающей среды Кемеровской области в 2012 году. Кемерово, 2013. 71 с.
8. Дудко Р. Ю., Любечанский И. И. Фауна и зоогеографическая характеристика жужелиц (Coleoptera, Carabidae) Новосибирской области // Евразийский энтомологический журнал. 2002. Т. 1. Вып. 1. С. 30 – 45.
9. Еремеева Н. И., Ефимов Д. А. Жуки-жужелицы (Coleoptera, Carabidae) естественных и урбанизированных территорий Кузнецкой котловины. Новосибирск: Наука, 2006. 107 с.
10. Измайлова М. В. Фауна пауков юга Восточной Сибири. Иркутск, 1989. 182 с.
11. Красная книга Кемеровской области. Т. I: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды растений и грибов. Кемерово: Азия принт, 2012. 208 с.
12. Красная книга Кемеровской области. Т. II: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды животных. Кемерово: Азия принт, 2012. 192 с.
13. Красная книга (Редкие, исчезающие растения и животные Беловского района Кемеровской области, нуждающиеся в охране) / А. Н. Курьянов, Н. В. Скалон, Т. Н. Гагина, Ю. А. Манаков [и др.]. Кемерово: Ирбис, 2011. Вып. 2. 140 с.
14. Курьянов А. Н., Манаков Ю. А. Степные участки Кузнецкой котловины в опасности Степной бюллетень, 2006. № 20. С. 40 – 41.
15. Лузянин С. Л. Материалы по фауне шмелей-кукушек (Hymenoptera, Apidae, Psithyrus) Кузнецко-Салаирской горной области / Труды Кемеровского отделения Русского энтомологического общества. Кемерово: Компания Юнити, 2008. Вып. 6. Энтомологические исследования в Западной Сибири. С. 68 – 75.
16. Лузянин С. Л. Видовое разнообразие и экология пчёл трибы Bombini (Hymenoptera, Apidae) естественных и урбанизированных экосистем Кузнецко-Салаирской горной области: дис. ... канд. биол. наук. Кемерово, 2009. 204 с.
17. Лукьянцев С. В. Ярусное распределение пауков семейства Linyphiidae (Aranei) в смешанных лесах юга Западной Сибири // Проблемы сохранения биоразнообразия животных Южной Сибири. Кемерово, 1997. С. 83 – 84.

18. Манаков Ю. А. Караканский аватар // Наука в Сибири. 2011. № 36 – 37. С. 16.
19. Михайлов К. Г. Каталог пауков (Arachnida, Aranei) территорий бывшего Советского Союза (Тр. зоол. муз. МГУ. Т. 36). М., 1997. 416 с.
20. Поляков А. Д., Роткина Е. Б. О памятнике природы «Караканский хребет» в Кузбассе // Успехи современного естествознания. 2008. № 6. С. 57 – 59.
21. Растительный мир Караканского хребта / Н. Н. Лашинский, С. А. Шереметова, Н. И. Макунина, Т. Е. Буко, О. Ю. Писаренко; Рос. акад. наук, Сиб. отд-ние, Центральный сибирский ботанический сад, Институт экологии человека. Новосибирск: Гео, 2011. 120 с.
22. Сибирская советская энциклопедия: в 4-х т. Т. 2: 3-К. М.: Западно-Сибирское отделение ОГИЗ, 1931. 1152 с.
23. Сидоров Д. А. Видовое разнообразие и экология пчёл семейства Andrenidae (Hymenoptera, Apoidea) Кузнецко-Салаирской горной области: дис. ... канд. биол. наук. Кемерово, 2010. 200 с.
24. Скалон Н. В., Гагина Т. В. Спасать ли краснощекого суслика в Кузнецкой степи? // Степной Бюллетень, 2004. № 15. С. 42 – 46.
25. Скалон О. Н., Скалон Н. В. Фауна прямокрылых (Orthoptera) Кузнецко-Салаирской горной области // Труды русского энтомологического общества. Т. 78(2). (2007). СПб., 2008. С. 73 – 80.
26. Сущёв Д. В. Фауна и экология булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Diurna) Кузнецко-Салаирской горной области: дис. ... канд. биол. наук. Кемерово, 2001. 188 с.
27. Сущёв Д. В. Фауна и биотопическое распределение дневных чешуекрылых (Lepidoptera, Diurna) Кузнецкой котловины // Труды Кемеровского отделения Русского энтомологического общества. Кемерово: Юнити, 2006. Вып. 4. Энтомологические исследования в Западной Сибири. С. 61 – 64.
28. Узенбаев С. Д. О месте пауков в комплексе хищных членистоногих болотного биоценоза Южной Карелии // Фауна и экология пауков СССР. Л.: Тр. ЗИН АН СССР, 1985. С. 78 – 83.
29. Яровский В. И., Бутов П. И. Кузнецкий каменноугольный бассейн // Труды Геологического Комитета, нов. сер. Вып. 177. 1927. 135 с.
30. Babenko A., Temnikova I., Bokova U. Soil fauna as indicator of disturbed forest areas in West Siberian industrial regions (the Kuznetsky Alatau case study) // International Journal of Environmental Studies. 2014. Vol. 71. № 7. P. 671 – 677.
31. Yamamoto M. Notes on the methods of belt transect census of butterflies // J. Fac. Sci. Hokkaido Univ., Ser. VI, Zool. 1975. Vol. 20. № 1. P. 93 – 116.

Информация об авторах:

Сущёв Дмитрий Владимирович – кандидат биологических наук, доцент кафедры зоологии и экологии КемГУ, sushev@mail.ru.

Dmitry V. Sushchyov – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Zoology and Ecology, Kemerovo State University.

Бабенко Андрей Сергеевич – доктор биологических наук, профессор, зав. кафедрой защиты растений Томского государственного университета, andrey.babenko.56@mail.ru.

Andrey S. Babenko – Doctor of Biology, Professor, Head of the Plant Protection Department, Tomsk State University.

Ефимов Дмитрий Анатольевич – кандидат биологических наук, доцент кафедры физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, efim_d@mail.ru.

Dmitry A. Efimov – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Human Physiology and Life Safety, Kemerovo State University.

Лукьянцев Сергей Владимирович – кандидат биологических наук, доцент кафедры защиты растений Томского государственного университета, lukyantsev@sibmail.com.

Sergey V. Lukyantsev – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Plant Protection Department, Tomsk State University.

Статья поступила в редколлегию 31.01.2015 г.

**ИТОГИ КОМПЛЕКСНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССОВ ВОСПРОИЗВОДСТВА НАСЕЛЕНИЯ
В ЛОКАЛЬНЫХ ГРУППАХ ТОБОЛО-ИРТЫШСКИХ СИБИРСКИХ ТАТАР ТЮМЕНСКОЙ
ОБЛАСТИ: ГЕНЕТИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ**

*М. В. Ульянова, М. Б. Лавряшина, В. В. Поддубиков, М. Р. Зазулина, К. И. Осипов, А. П. Чемчиева,
З. А. Тychinskih, Б. А. Тхоренко, А. М. Веденин, О. Н. Нечипоренко, В. Г. Дружинин*

**RESULTS OF COMPLEX INVESTIGATIONS OF POPULATION REPRODUCTION PROCESSES
IN LOCAL GROUPS OF TOBOL-IRTYSH SIBERIAN TATARS IN TYUMEN REGION:
GENETIC AND DEMOGRAPHIC ASPECTS**

*M. V. Ulyanova, M. B. Lavryashina, V. V. Poddubikov, M. R. Zazulina, K. I. Osipov, A. P. Chemchieva,
Z. A. Tyhinskih, B. A. Tkhorenko, A. M. Vedenin, O. N. Nechiporenko, V. G. Druzhinin*

Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 14-06-00272-а и Государственного задания Минобнауки № 2014/64.

В статье обсуждаются результаты исследования динамики (1940 – 2014 гг.) генетико-демографических процессов в локальных популяциях тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области. Обследованы татары тюменско-туринской, тобольской и ясколбинской групп. Выявлена однонаправленная динамика генетико-демографических процессов и показателей воспроизводства: старение сельских популяций, снижение эффективно-репродуктивной доли населения, дисбаланс в структуре полов в сторону преобладания мужчин в репродуктивной части населения, усиление темпов межэтнического смешения, рост уровня миграционной активности. Отмечена разная интенсивность данных процессов в исследованных локальных популяциях.

The paper discusses the results of a study of the dynamics (1940 – 2014) of the genetic and demographic process in local populations Tobol-Irtysh Siberian Tatars in Tyumen region. The Tatars of Tyumen-Turin, Tobolsk and Yaskolbinsk groups were examined. A unidirectional dynamics of the genetic and demographic processes and indicators of reproduction was discovered: aging of the rural population, decline in the proportion of the reproductive group of the population, imbalance in the sex structure with men prevailing over of women in the reproductive group of the population, increasing rates of inter-ethnic mixing, rising levels of migration activity. Different intensity of these processes in the different studied groups of local population was identified.

Ключевые слова: воспроизводство, генетико-демографические процессы, мониторинг, тоболо-иртышские сибирские татары.

Keywords: reproduction, genetic and demographic processes, monitoring, Tobol-Irtysh Siberian Tatars.

Введение

Сибирские татары – коренное тюркоязычное население Западной Сибири. В составе сибирских татар выделяют три этнотерриториальных подразделения – барабинские, тоболо-иртышские и томские татары, которые, в свою очередь, делятся на ряд более мелких этнотерриториальных групп и подгрупп. Так, к барабинским татарам относятся барабинско-чановская, кыштовско-усть-таркская и каргатско-убинская группы. Томские татары включают в свой состав калмаков, чатов и зуштинцев. К тоболо-иртышским татарам принято относить татар тюменско-туринской, тобольской, ясколбинской, курдакско-саргатской и тарской групп. Тоболо-иртышские сибирские татары – наиболее крупная группа, как в численном отношении, так и по разнообразию входящих в ее состав территориальных групп и локальных популяций. Внутри тюменско-туринских татар, в свою очередь, выделяют собственно тюменских, туринских и ялуторовских татар. Внутри тобольских – аремзянско-наддинскую (северную), искеро-тобольскую (центрально-тобольскую), бабасанскую и иштякско-токузскую (вагайско-уватскую) подгруппы и т. д. Каждая из этих групп татар обладает особой этнической историей и занимает определенный ареал расселения.

Исторически сложилось так, что территория Западной Сибири явилась своеобразной этноконтактной зоной, перекрестком путей миграций различных народов и культур. По сибирским рекам Обского бассейна и просторам Западно-Сибирской равнины проходили древние и средневековые торговые пути. Именно поэтому этногенез сибирских татар, как и большинства народов Сибири, характеризуется длительной историей взаимопроникновения, смешения и расхождения различных по происхождению племен и народностей – угорских, самодийских, тюркских, монгольских. Это обусловило многокомпонентность этнического состава сибирских татар, нашло проявление в их антропологическом [4; 14], лингвистическом [1 – 2; 6; 13], этнокультурном [5; 12] и генетическом [8 – 9; 15 – 16] разнообразии.

В настоящее время в научном сообществе не существует единого взгляда на вопросы завершенности процесса этногенеза сибирских татар. Так, Ф. Т. Валеев [3; 5] полагает, что процесс консолидации сибирских татар, начавшийся в XV – XVI вв., завершился на рубеже XIX – XX вв., приведя к формированию, так называемой «буржуазной» народности. По мнению же Н. А. Томилова [10; 11], к началу XX в. единого этноса (народности) сибирских татар не существовало, и

они представляли собой не до конца консолидированную метаэтническую общность.

Необходимо отметить, что сибирские татары – одна из наиболее крупных этнических групп в составе населения Западной Сибири, характеризующаяся обширной территорией расселения («от Урала – до Енисея»). Так, например, существует мнение, что из 350 тысяч татар, проживавших на территории Запад-

ной Сибири в 1992 году, коренных сибирских татар было примерно 200 тысяч [13]. Ареал основного расселения современных сибирских татар охватывает, как минимум, четыре крупных сибирских региона: Тюменскую, Омскую, Новосибирскую и Томскую области (рис. 1). Кроме того, небольшие группы сибирских татар проживают в Кемеровской области (татары-калмаки) и в Красноярском крае (чулымские татары).

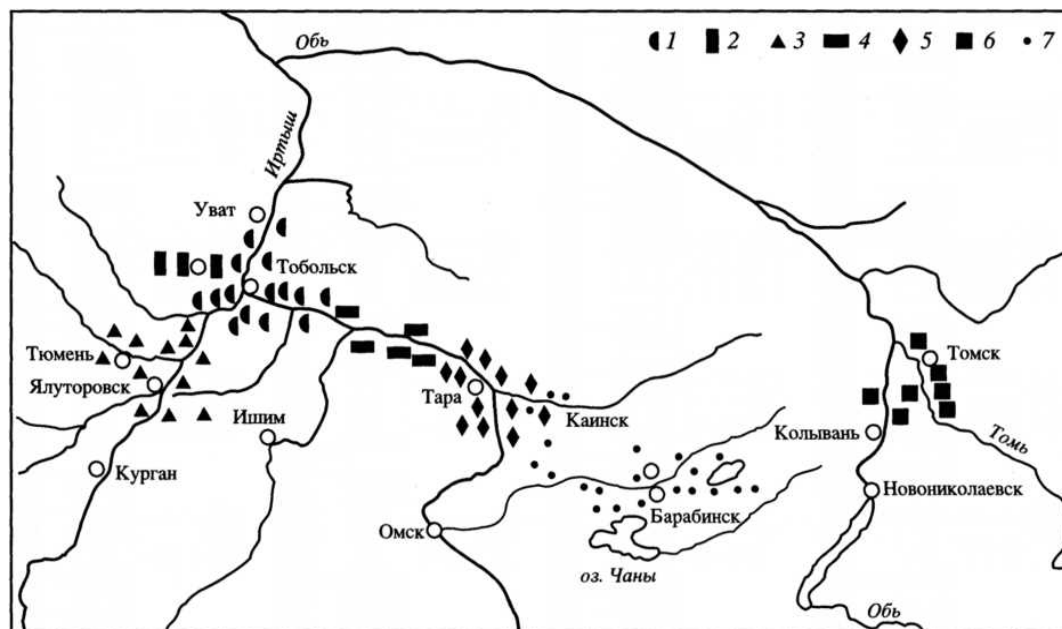

Рис. 1. Расселение сибирских татар в Западной Сибири (из [13])

Примечание: группы: 1 – тобольские, 2 – ясколбинские, 3 – тюменско-туринские, 4 – тевризские (курдакско-саргатские), 5 – тарские, 6 – томские, 7 – барабинские.

Отмеченные выше обстоятельства рожают две важные для настоящего исследования научные проблемы. Во-первых, будучи обширной по численности населения этнической общностью, сибирские татары имеют более широкие контакты (генетические, демографические, социальные, культурные) с доминирующим обществом, чем другие коренные народы Западной Сибири (в особенности малочисленные). По этой причине отдельные территориальные и локальные группы сибирских татар существенно различаются в отношении практикуемых ими моделей адаптации к природной, социально-экономической, культурной и этнической среде через особенности воспроизводства, структуру заболеваемости, механизмы демографического перехода, смены идентичности, социальных и культурных трансформаций. Однако эти процессы на современном этапе развития сибирских татар практически не осмыслены с позиций комплексного подхода. Во-вторых, существенный научный интерес представляет вопрос о соотношении разнообразия локальных форм этнической идентичности сибирских татар и локальных комплексов их традиционной культуры с наблюдаемым генетическим разнообразием соответствующих популяций.

Такая крупная этническая общность, как сибирские татары, неоднородна также в отношении самосознания и культурного облика отдельных локальных и этнотерриториальных групп. Это в значительной мере является деконсолидирующим фактором, созда-

вая условия для запуска этноразделительных процессов (пример: новейшая этническая история татар-калмаков Кемеровской области), особенно нарастающих в условиях этнополитической мобилизации идентичности малочисленных этнических групп. В этом отношении может представлять интерес синхронный анализ актуальных форм этнического самосознания (и этнокультурной отличительности / идентичности) на уровне отдельных групп сибирских татар и генетико-демографических данных о составе их популяций. Возможно, это позволит уточнить некоторые аспекты завершенных этапов этногенеза сибирских татар, широко артикулируемые в рамках современного этнополитического дискурса о возможном (обоснованном) «выделении» из сибирско-татарской этнической общности некоторых «новых» малочисленных этносов с правом на все установленные государством социальные преференции.

Настоящая работа открывает серию научных публикаций, обобщающих результаты проводимого авторами комплексного исследования текущих в среде сибирских татар демографических процессов, с учетом не только параметров естественного и миграционного движения населения, но и наблюдаемых трендов развития этнической идентичности сибирских татар, ее этнокультурных и этносоциальных компонентов.

В данной статье приводится анализ генетико-демографических аспектов современного этапа воспро-

изводства населения в локальных группах сибирских татар Тюменской области.

Материалы и методы

Настоящее исследование представляет собой, по сути, первую попытку реализовать комплексную программу мониторинга локальных групп сибирских татар Тюменской области при сочетании подходов, методов и исследовательского инструментария генетики, прикладной этнологии и этносоциологии. Материал для исследования был собран в ходе комплексных экспедиций 2013 – 2014 гг. в Тюменскую область генетиков и этнологов Кемеровского государственного университета, социологов Института философии и права (г. Новосибирск), историков Филиала Тюмен-

ского государственного университета (г. Тобольск). Экспедиционными работами было охвачено коренное население Западной Сибири – тоболо-иртышские сибирские татары (тобольской группы – искеро-тобольские, иштякско-тогузские; тюменско-туринской группы – ялutorовские и тюменские (бухарцы); ясколбинской группы – ясколбинские или заболотные). География исследованных территорий включала места компактного расселения вышеуказанных групп сибирских татар в административных границах четырех районов Тюменской области – Вагайском, Тобольском, Тюменском и Ялutorовском. Всего обследовано население 9 сельских поселений (СП), 31 сельского населенного пункта (таблица 1).

Таблица 1

География экспедиций и обследованные группы тоболо-иртышских татар Тюменской области

Группа	Район	Сельское поселение
Татары-бухарцы	Тюменский	Ембаевское
Ялutorовские татары	Ялutorовский	Асланинское
Искеро-тобольские	Тобольский	Загваздинское Полуяновское
Иштякско-тогузские	Тобольский Вагайский	Бегишевское Казанское, Тукузское
Ясколбинские	Тобольский	Ачирское, Лайтамакское

Материалом для исследования послужили записи книг похозяйственного учета сельского населения (около 30 тыс. человек), неперсонифицированные акты ЗАГС о заключении брака (30719 актов), демографические анкеты (327 анкет), интервью (25 человек), а также анкеты социологических и экспертных опросов (295 респондентов). На основе первичных материалов были созданы компьютерные базы данных, проанализированные при помощи статистических программ STATISTICA, SPSS, а также ряда оригинальных компьютерных программ для анализа генетических, демографических и социологических данных. Анализ генетико-демографических показателей осуществлялся в динамике (временной интервал с 1940-х по 2014 гг.). Максимальный охват составил три непрерывающихся поколения. Этносоциальный мониторинг проводился на одном временном срезе (данные 2013 – 2014 гг.).

Результаты и их обсуждение

Динамика параметров численности, половозрастной структуры и показателей воспроизводства (данные анализа записей похозяйственных книг) рассмотр-

ена на примере локальных популяций татар искеро-тобольской и тюменской подгруппы. Искеро-тобольские татары – это подгруппа тобольской группы тоболо-иртышских сибирских татар. Места компактного расселения татар искеро-тобольской группы расположены в Тобольском районе по правому берегу реки Иртыш на расстоянии от 35 – 70 км до г. Тобольска. Тюменские татары в исследовании представлены татарами-бухарцами. Это этносословная группа внутри тюменско-туринской группы тюменской подгруппы. Этнический ареал татар-бухарцев, расположенный в Тюменском районе, находится на расстоянии 17 км от областного центра – г. Тюмени. Проведенный анализ выявил следующее.

Динамика параметров численности (таблица 2).

Проанализированы тотальный (N_t), репродуктивный (N_r) и эффективно-репродуктивный (N_e) размер популяций, а также ряда интегральных характеристик – доля эффективно-репродуктивного объема (N_e/N_r), доля эффективного объема в тотальной популяции (N_e/N_t).

Таблица 2

Динамика параметров численности исследованных локальных популяций тоболо-иртышских татар

Группа	Временные периоды	N_t	N_r	N_e	N_e/N_r	N_e/N_t
Искеро-тобольская	1950-е	3063	1016,92	675,36	0,66	0,22
	1980-е	3165	1367,97	861,40	0,63	0,27
	2010-е	2313	1128,64	196,03	0,17	0,08
Тюменская	1950-е	1767	786,48	409,90	0,52	0,23
	1980-е	2437	1471,02	801,37	0,54	0,33
	2010-е	3766	2067,86	1120,13	0,63	0,30

Анализ динамики параметров численности продемонстрировал разнонаправленность регистрируемых процессов в исследованных локальных популяциях. У татар искеро-тобольской группы за изученный интервал времени показано снижение всех анализируемых характеристик. В то время как у татар тюменской группы, напротив, отмечается рост параметров численности. Отметим, что Ембаевское СП, в котором компактно проживают тюменские татары-бухарцы, расположено рядом с городом Тюменью,

что вероятно обуславливает особенности демографического развития населения данной территории.

Динамика половозрастной структуры (таблицы 3 и 4). Другим важным параметром является соотношение полов, так как любой дисбаланс в структуре полов будет ограничивать перспективы воспроизводства популяции. Наибольшее значение в этом отношении играет население, находящееся в репродуктивном возрасте, так как именно эта группа может внести свой вклад в процесс воспроизводства.

Таблица 3

Динамика соотношения полов в исследованных локальных популяциях тоболо-иртышских татар

Группа	Фертильный класс	Временной период (годы)		
		1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская	Дорепродуктивный	1,21	1,00	1,03
	Репродуктивный	1,02	1,30	1,15
	Пострепродуктивный	0,32	0,40	0,57
Тюменская	Дорепродуктивный	1,02	1,07	1,18
	Репродуктивный	0,77	1,05	1,54
	Пострепродуктивный	0,35	0,27	0,38

Данные, приведенные в таблице 3, показывают, что временной интервал 1950-х гг. являлся наиболее благоприятным для обеспечения процессов воспроизводства популяции искеро-тобольских татар, а 1980-х гг. – тюменской. На современном этапе в обеих исследованных популяциях отмечен дисбаланс в структуре полов в сторону увеличения доли мужчин, особенно выраженный в тюменской группе. Следующим изученным параметром была динамика показателя «средний возраст» (таблица 4). В ряду исследован-

ных поколений в обеих группах татар средний возраст демонстрирует выраженный рост, как у населения в целом, так и у мужчин и женщин, в частности. Средний возраст женщин во все интервалы времени оказывается выше, чем средний возраст мужчин. У искеро-тобольских сибирских татар в настоящее время средний возраст выше, чем у тюменских татар-бухарцев, что отражает тенденцию к постарению популяции, о чем будет сказано ниже.

Таблица 4

Динамика показателя среднего возраста в локальных популяциях тоболо-иртышских татар

Популяция	Пол	Временной период (годы)		
		1950-е	1980-е	2010-е
Искеро-тобольская	♂	20,17	24,10 ¹	35,23 ^{1,2}
	♀	26,29	29,91 ¹	36,49 ^{1,2}
	♂ + ♀	23,59	27,09 ¹	35,34 ^{1,2}
Тюменская	♂	19,98	25,94	32,37 ^{1,2}
	♀	25,96	30,09	35,47 ^{1,2}
	♂ + ♀	22,56	28,01	33,67 ^{1,2}

Примечание: Верхний индекс отображает статистически значимые различия между поколениями:

1 – 1950-е, 2 – 1980-е, 3 – 2010-е.

Таблица 5

Динамика соотношения фертильных классов в исследованных локальных популяциях

Репродуктивный класс	Временной период								
	1950-е			1980-е			2010-е		
	♂	♀	Σ	♂	♀	Σ	♂	♀	Σ
Искеро-тобольская									
Дорепродуктивный	58,57	47,95	53,22	38,67	35,52	37,03	28,02	25,57	26,76
Репродуктивный	33,68	32,75	33,24	51,71	36,79	43,95	53,91	44,41	49,03
Пострепродуктивный	7,75	19,30	13,55	9,62	27,69	19,02	18,06	30,03	24,21
Тюменская									
Дорепродуктивный	45,25	34,07	38,50	26,97	22,24	24,46	27,03	23,61	25,34
Репродуктивный	45,25	45,29	44,56	66,11	55,37	60,40	59,46	39,58	49,66
Пострепродуктивный	9,49	20,64	15,50	6,92	22,39	15,14	13,51	36,81	25,00

Динамика типа воспроизводства (таблица 5).

На основе соотношения фертильных классов оценивают свойственный популяции тип воспроизводства – расширенный, простой или суженный.

Данные таблицы 5 отражают произошедшую смену типа воспроизводства у искеро-тобольских и тюменских татар с простого (тюменские) и расширенного (искеро-тобольские) в 1950-е гг. на суженный в 2010-е гг. Суженный тип воспроизводства, характеризуется низкой долей лиц дорепродуктивного класса, что в перспективе может привести к снижению численности популяции.

Динамика старения популяции

Выявленный рост показателя среднего возраста в исследованных популяциях и смена типа воспроизводства позволяют предположить постарение исследованных популяций тоболо-иртышских сибирских татар. Для измерения старения населения применяют специальные шкалы, основанные на указанных значениях возраста. В России это возраст 60 лет, в этом случае применяется шкала Ж. Боже-Гарнье – Э. Россета. По этой шкале, если доля лиц в возрасте 60 лет меньше 8 %, то это демографическая молодость; от 8 до 10 % – первое преддверие старости; от 10 до 12 % – собственно преддверие старости; от 12 и выше – демографическая старость. Проведенный анализ возрастной структуры показал, что доля лиц в возрасте старше 60 лет у тюменских татар составила 11,22 %, т. е. данная популяция находится в преддверии старости. Что касается искеро-тобольских татар, то у них данный показатель преодолел 12 % порог и достиг 12,87, то есть для этой популяции свойственна демографическая старость.

Таким образом, исследование динамики параметров численности, половозрастной структуры и показателей воспроизводства, выявляет односторонность процессов генетико-демографического развития: увеличение среднего возраста, смену типа воспроизводства, дисбаланс структуры полов. Все это позволяет характеризовать динамику генетико-демографических процессов как негативную. Отмечено различие в динамике параметров численности исследованных популяций. Однако, как показало дальнейшее исследование, увеличение численности тюменских татар-бухарцев Ембаевского СП, определяется не процессами воспроизводства в данной популяции, а обеспечивается миграционным притоком с иных территорий.

Репродуктивный статус (таблица 6)

На следующем этапе исследования анализировались особенности репродуктивного статуса тоболо-иртышских татар с целью изучения динамики ряда важнейших показателей, характеризующих особенности репродукции населения, а именно: продолжительность физиологического и реального репродуктивного периода, уровень рождаемости, уровень пренатальных и дорепродуктивных потерь, механизмы регуляции рождаемости, давление естественного отбора и пр. Репродуктивный статус тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области исследован на примере татар ясколбинской и ялуторовской групп.

Ялуторовские татары относятся к тюменской подгруппе тюменско-туринской группы. Они компактно расселены в Ялуторовском районе. Локальные популяции ялуторовских татар расположены на расстоянии 35 – 60 км от г. Ялуторовска. Ясколбинские татары представляют отдельную группу тоболо-иртышских татар. Они населяют территорию болотистого края к западу и северо-западу от г. Тобольска (50 – 100 км). Локальные популяции ясколбинских татар территориально изолированы и представлены преимущественно моноэтническими поселениями.

Исследование репродуктивных особенностей вышеуказанных групп показало, что физиологический репродуктивный период у ясколбинских татар превышает таковой у ялуторовских на 2,5 года. Что касается реального репродуктивного периода, то он в обеих группах, характеризуется невысокой продолжительностью по сравнению, например, с коренными народами Южной Сибири (алтайцами и шорцами) [7]. В популяции ялуторовских татар реальный репродуктивный период не достигает даже 7 лет, у ясколбинских оказывается немного длиннее – 8,29 года. Кроме того, у ясколбинских татар оказывается выше среднее число беременностей и живорождений, при более низком среднем уровне медицинских аборт. Однако данная популяция испытывает большее давление естественного отбора – индекс Кроу (тотальная компонента отбора) у ясколбинских татар достигает 10,61 %, что в 2,5 раза выше, чем у ялуторовских татар (3,98 %). Эффекты естественного отбора в популяции ясколбинских татар проявляются более высоким, по сравнению с ялуторовскими, уровнем пренатальных потерь (мертворождения и спонтанные аборты). Средний уровень дорепродуктивных потерь (детская смертность) в обеих исследованных популяциях невысок, однако у ясколбинских татар (0,12) данный показатель в 6 раз выше, чем у ялуторовских (0,02).

Таблица 6

**Витальные характеристики
у сибирских татарок завершеного
репродуктивного периода, $\bar{x} \pm s. e$**

Показатель	Группа	
	Ялуторовские	Ясколбинские
Беременности	4,01 ± 0,25	4,92 ± 0,33
Живорожденные	2,55 ± 0,14	3,50 ± 0,23
Мертворожденные	0,07 ± 0,03	0,15 ± 0,06
Медицинские аборты	1,18 ± 0,15	0,91 ± 0,16
Спонтанные аборты	0,21 ± 0,11	0,35 ± 0,08
Выжившие дети	2,53 ± 0,14	3,33 ± 0,23

Примечание: жирным шрифтом выделены значения, статистически значимо отличающиеся между группами.

Таким образом, анализ динамики показателей репродукции в двух поколениях сибирских татар выявляет снижение рождаемости, например у ясколбинских с 5,65 до 3,05 и снижение среднего уровня пренатальных потерь, при большей распространенности медицинских аборт и тенденции с росту детской смертности в ясколбинской популяции.

Брачная структура (таблицы 7, 8)

Брачно-миграционная структура, индекс эндогамии и интенсивность метисации тоболо-иртышских сибирских татар Тюменской области исследована по данным архивных материалов (актов ЗАГСа о заклю-

чении браков и записей похозяйственных книг). Результаты анализа брачной структуры рассматриваются на примере иштякско-тогузских, искеро-тобольских и тюменских татар. Краткая характеристика этнической классификации и расположения этнических ареалов искеро-тобольских и тюменских татар уже была приведена выше. Что касается иштякско-тогузских татар, то они являются подгруппой тобольских татар. Места их компактного расселения расположены в Вагайском районе в левобережье реки Иртыша, по реке Вагаю и его притоку Агитке, а также в районе Уватских болот (60 – 100 км от районного центра с. Вагай).

Таблица 7

Структура браков в отношении национальной принадлежности супругов в татарском населении Вагайского района

Годы	Общее число браков	Индекс ассортативности A' (%)	Тип брака (%)		
			$T \times T$	$T \times P$	$T \times Др$
1940-е	117	98,93	97,44	0,00	2,56
1970-е	453	93,94	90,07	7,06	2,87
2010-е	247	85,71	83,00	15,79	1,21

Примечание: $T \times T$ – однонациональные татарские браки, $T \times P$ – браки татар и русских, $T \times Др$ – браки татар с представителями других национальностей.

Исследование динамики (1940 – 2013 гг.) индекса эндогамии иштякско-тогузских татар было проведено по данным актов ЗАГСа о заключении браков татарского населения Вагайского района. Индекс эндогамии – один из показателей популяционной структуры, чем выше уровень эндогамии в популяции, т. е. чем чаще супруги происходят из одной и той же популяции, тем выше вероятность, что они являются родственниками и несут общие гены. Уровень эндогамии отражает степень генетической изолированности популяции. Для татарского населения Вагайского района показаны высокие значения внутрирайонного индекса эндогамии для обоих исследованных временных интервалов (1970-е, 2010-е гг.). В 1970-е гг. величина индекса составила 0,72, а к первому десятилетию XXI века это значение продемонстрировало тенденцию к росту (0,75). Полученные значения эндогамии свидетельствуют о высокой степени брачной изолированности татарского населения Вагайского района, которая может определять и уровень инбридинга и уровень отягощенности наследственной патологией.

В таблице 7 представлено соотношение однонациональных и межнациональных браков у татарского населения Вагайского района репродуктивного возраста в разные временные периоды. Во всех поколениях преобладают однонациональные татарские браки. Однако одновременно регистрируется повышение удельного веса смешанных браков в начале XXI в., что позволяет предположить снижение положительной брачной ассортативности по национальному признаку (A'). Сравнительный анализ индекса этнической ассортативности татар показал, что в 1940-е гг. он очень высок, однако на протяжении трех поколений наметилась тенденция к снижению данного показателя, к началу 2010-х годов величина индекса снижается

на 13,22 %, что является прямым свидетельством снижения предпочтительного заключения браков с представителями своей национальности.

Приведенные результаты анализа динамики некоторых показателей брачно-миграционной структуры татар Вагайского района Тюменской области свидетельствуют о существовании определенных изменений и в миграционной активности населения, и в структуре браков, произошедших за три поколения. Расширение брачного рынка, снижение уровня эндогамии, рост числа смешанных браков может являться следствием стремления популяции к повышению уровня генетического разнообразия.

Далее был осуществлен анализ брачной структуры искеро-тобольских и иштякско-тогузских сибирских татар Вагайского района и тюменских татар-бухарцев Тюменского района Тюменской области по данным записей похозяйственных книг. Проанализированы архивы Казанского, Тукузского, Бегишевского и Ембаевского сельских поселений за 1950-е, 1980-е и 2010-е гг., что охватывает временной период соответствующий трем поколениям (таблица 8).

При сравнении темпов межэтнического смешения в популяциях искеро-тобольских и иштякско-тогузских сибирских татар показано некоторое усиление процессов метисации, однако уровень однонациональных браков в данных подгруппах татар остается на достаточно высоком уровне, а смешение на современном этапе идет в основном за счет заключения браков с русским населением. Темпы смешения у татар тюменской подгруппы оказываются значительно выше. В 2010-е гг. уровень межэтнических браков у них превышает 27 %, в структуре межэтнического смешения более половины составляют браки с русскими. Таким образом, исследование динамики брачно-миграцион-

ной структуры, уровня эндогамии и интенсивности метисации показало, что, несмотря на общность тенденций, заключающихся в усилении межэтнического смешения в среде сибирских татар, темпы и глубина этого процесса во времени в различных популяциях сибирских татар значительно варьируют.

Авторы выражают искреннюю благодарность Председателю комитета по делам национальностей Тюменской области Е. М. Воробьеву за неоценимую помощь в организации экспедиционного обследования сибирских татар Тюменской области.

Таблица 8

Структура браков (в %) в отношении национальной принадлежности супругов популяциях тоболо-иртышских сибирских татар (данные похозяйственных книг)

Группа	Годы	Общее число браков	Тип брака		
			Т x Т	Т x Р	Т x Др
Искеро-тобольские	1950-е	302	100,00	0,00	0,00
	1980-е	241	97,10	2,90	0,00
	2010-е	199	89,45	9,05	1,51
Иштякско-тогузские	1950-е	283	100,00	0,00	0,00
	1980-е	209	99,52	0,00	0,48
	2010-е	135	91,17	8,83	0,00
Тюменские	1950-е	296	82,34	10,64	7,02
	1980-е	328	75,91	18,29	5,79
	2010-е	18	72,22	16,67	11,11

Литература

1. Алишина Х. Ч. Тоболо-иртышский диалект сибирских татар. Казан. гос. пед. ин-т. Казань, 1994. С. 112 – 118.
2. Ахатов Г. Х. Диалект западносибирских татар. Уфа, 1963. 195 с.
3. Валеев Ф. Т. Западно-сибирские татары во второй половине XIX – начале XX в.: Историко-этнографические очерки. Казань, 1980. С. 22, 44.
4. Багашев А. Н. Таксономическое положение тоболо-иртышских татар в системе расовых типов Западной Сибири // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. Омск, 1991. С. 18 – 37.
5. Валеев Ф. Т. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. 208 с.
6. Гаджиева Н. З. Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 527 – 529.
7. Лавряшина М. Б., Ульянова М. В., Балановская Е. В. Особенности репродукции в сельских популяциях коренных народов Южной Сибири // Медицинская генетика. 2009. № 9. С. 3 – 7.
8. Наумова О. Ю., Рычков С. Ю., Морозова И. Ю., Хаят С. Ш., Семиков А. В., Жукова О. В. Разнообразие митохондриальной ДНК у тоболо-иртышских сибирских татар // Генетика в России и мире: материалы Международной конференции. М., 2006. С. 13.
9. Падюкова А. Д., Лавряшина М. Б., Кузнецова М. А., Жабагин М. К., Агджоян А. Т., Схалыхо Р. А., Тычинских З. А., Балановская Е. В. Генетический портрет тоболо-иртышских сибирских татар по гаплогруппам Y-хромосомы // Генетика человека и патология. Проблемы эволюционной медицины: сборник научных трудов / под ред. В. А. Степанова. Вып. 10. Томск: Печатная мануфактура, 2014. С. 59 – 61.
10. Томилов Н. А. Современные этнические процессы среди сибирских татар. Томск, 1978. С. 150 – 151.
11. Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI – начале XX в. Новосибирск, 1992. С. 212 – 213.
12. Томилов Н. А. Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. 678 с.
13. Рамазанова Д. Б. Сибирско-татарские диалекты и говоры татарского языка // Сулеймановские чтения – 2006: материалы IX Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень, 2006. С. 89 – 90.
14. Хитъ Г. Л., Томилов Н. А. Формирование татар Сибири по данным антропологии и этнографии // Методологические аспекты археологических исследований в Западной Сибири. Томск, 1981. С. 5 – 17.
15. Шнейдер Ю. В., Грошева А. Н., Евсюков А. Н., Жукова О. В. Полиморфизм иммуногенетических и биохимических маркеров генов у сибирских (тоболо-иртышских татар) // Генетика. 2011. Т. 47. № 12. С. 1655 – 1665.
16. Borinskaya S., Kal'ina N., Marusin A., Faskhutdinova G., Morozova I., Kutuev I., Koshechkin V., Khusnutdinova E., Stepanov V., Puzyrev V., Yankovsky N., Rogaev E. Distribution of alcohol dehydrogenase ADH1B*48His allele in Eurasia // Am. J. Hum. Genet. 2009. V. 84(1). P. 89 – 92.

Информация об авторах:

Ульянова Марина Владиславовна – кандидат биологических наук, доцент кафедры генетики биологического факультета КемГУ, ulmar2003@mail.ru.

Marina V. Ulyanova – Candidate of Biology, Assistant Professor at the Department of Genetics, Faculty of Biology, Kemerovo State University.

Лавряшина Мария Борисовна – доктор биологических наук, профессор кафедры генетики биологического факультета КемГУ, lmb2001@mail.ru.

Mariya B. Lavryashina – Doctor of Biology, Professor at the Department of Genetics, Faculty of Biology, Kemerovo State University.

Поддубиков Владимир Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры геологии и географии, заведующий лабораторией этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ, poddub@gmail.com.

Vladimir V. Poddubikov – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Geology and Geography, Head of the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University.

Зазулина Мария Рудольфовна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, zamashka@yandex.ru.

Maria R. Zazulina – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS.

Осипов Константин Иванович – научный сотрудник лаборатории этносоциальной и этноэкологической геоинформатики КемГУ, constantine-osipov@yandex.ru.

Konstantin I. Osipov – Research Associate at the Laboratory of Ethno-Social and Ethno-Ecological Geoinformatics, Kemerovo State University.

Чемчиева Аржана Петровна – кандидат философских наук, научный сотрудник Института археологии и этнографии СО РАН, Новосибирск, chemchieva@yandex.ru.

Arzhana P. Chemchieva – Candidate of Philosophy, Research Associate at the Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS.

Тычинских Зайтуна Антрашитовна – доцент Тобольской государственной социально-педагогической академии им. Д. И. Менделеева, zaituna.09@mail.ru.

Zaytuna A. Tychinskih – Candidate of History, Tobolsk State Social and Pedagogical Academy named after D. I. Mendeleev.

Тхоренко Борис Александрович – студент 3 курса биологического факультета КемГУ, tba2008@mail.ru.

Boris A. Tkhorenko – student at the Faculty of Biology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **М. Б. Лавряшина**).

Веденин Алексей Михайлович – студент 5 курса биологического факультета КемГУ, aleksei.vedenin2013@yandex.ru.

Alexey M. Vedenin – student, Faculty of biology Kemerovo State University.

(Научный руководитель – **В. В. Поддубиков**).

Нечипоренко Ольга Владимировна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН, Новосибирск, olganechiporenko@yandex.ru.

Olga V. Nechiporenko – Doctor of Sociology, Leading Research Associate at the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS.

Дружинин Владимир Геннадьевич – доктор биологических наук, профессор, проректор по НИР КемГУ, druzhinin_vladim@mail.ru.

Vladimir G. Druzhinin – Doctor of Biology, Professor, Head of the Department of Genetics, Vice-Rector for Science and Research, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 22.01.2015 г.

**ЗОНИРОВАНИЕ ФИТОГЕННЫХ ПОЛЕЙ ДЕРЕВЬЕВ СОСНЫ ОБЫКНОВЕННОЙ
(ПРОИЗРАСТАЮЩИХ НА УЧАСТКАХ ЛЕСНОЙ РЕКУЛЬТИВАЦИИ
КЕДРОВСКОГО УГОЛЬНОГО РАЗРЕЗА**

В. И. Уфимцев, И. П. Беланов, Д. А. Бочаров

**ZONING OF PHYTOGENEOUS FIELDS OF THE COMMON PINE (PINUS SYLVESTRIS L.)
TREES GROWING ON REFORESTATION SITES OF KEDROVSKY COAL MINE**

V. I. Ufimtsev, I. P. Belanov, D. A. Bocharov

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект 14-04-31088 мол_а).

В статье приведены результаты исследования влияния деревьев сосны обыкновенной на прилегающее пространство в условиях отвалов вскрышных пород. Установлено существенное влияние деревьев на распределение лесной подстилки, подроста, мохового покрова и общего проективного покрытия травостоя по мере удаленности от стволов. Пространство, охваченное влиянием дерева, является его фитогенным полем. Определена трехзональная структура фитогенного поля с выделением подкроновой, прикроновой и внешней зон. Определены характерные признаки напочвенного покрова для каждой зоны. Выявлены индикаторные виды-доминанты для каждой зоны.

The paper provides the results of the research into the influence of pine forestry trees on the adjacent space in a dump of overburden rocks. Essential influence of trees on the distribution of a forest laying, subgrowth, moss cover and the general projective covering of herbage depending on remoteness from the trunk is established. The space influenced by a tree is its phytogeneus field. The three-zone structure of a phytogeneus field with allocation of under-tree, near-tree and external zones is defined. Characteristic features of the ground cover for each zone are defined. Indicator dominant species for each zone are revealed.

Ключевые слова: сосна обыкновенная, отвалы, фитогенное поле, зонирование, лесная подстилка, моховой покров, подрост, травостой.

Keywords: pine forestry, dumps, phytogeneus field, zoning, forest laying, moss cover, subgrowth, herbage.

Формирование сосновых насаждений на отвалах угольной промышленности происходит под воздействием экологических условий, которые существенно отличаются от условий прилегающих естественных ландшафтов. Сосна обыкновенная – один из немногих древесных видов, безусловно, пригодных для произрастания на отвалах [2]. Сосна, будучи сильным эдификатором, по мере роста оказывает значительное влияние на ход растительной сукцессии формирующихся сообществ, преобразуя экологические условия окружающего пространства как в сомкнутых насаждениях, так и вокруг отдельных деревьев [6]. В ряде случаев это пространство принято называть фитогенным полем.

Термин «фитогенное поле» был предложен А. А. Урановым для обозначения части пространства, в пределах которой среда приобретает новые свойства под влиянием отдельного растительного организма [9, с. 251 – 254]. Особенности фитогенных полей сосны обыкновенной в естественных условиях изучены достаточно подробно [5, с. 87 – 88; 6]. Одним из важнейших свойств фитогенных полей является их дискретность, или зональность. В зависимости от характеристик напочвенного покрова, условий увлажнения и освещенности выделяется четырехзональная структура фитогенных полей, при которой две зоны (приствольная и внутренняя, зоны) находятся в пределах контура дерева, третья (переходная) занимает сравнительно неширокую область периферийной части кроны, а четвертая (внешняя) располагается за пределами растения [3, с. 135 – 140.].

По данным Е. Н. Журавлевой [4], наиболее ярко влияние фитогенных полей выражено в естественных луговых формациях, где под влиянием крон сосны, особенно старших возрастов, происходит смена типа растительности. Вследствие отрицательных реакций многих видов растений на опад сосны, ее отеняющее воздействие, происходит постепенное выпадение луговых видов и поселение лесной растительности при общем снижении числа видов. Однако подобных исследований в сосняках, произрастающих на отвалах вскрышных пород, не проводилось. Вследствие специфичности условий отвалов одни и те же процессы (подкисление субстрата, смена растительности и т. д.) могут быть интерпретированы с совершенно иной позиции. Так, изменение условий среды под влиянием деревьев сосны создает дополнительные экологические ниши для организмов, поселение которых было невозможным в исходных условиях. Формирование фитогенных полей будет способствовать увеличению пестроты экологических условий местообитаний отвалов и, в масштабе мезоландшафта, повышению биологического разнообразия. В данном аспекте изучение фитогенных полей приобретает глубокий научный и практический смысл.

Цель данной работы: определение наличия фитогенного поля у отдельностоящих деревьев сосны обыкновенной, произрастающей на отвалах угольной промышленности.

Задачи исследования:

1) определить дискретность напочвенного покрова по мере удаления от сосновых деревьев;

2) выявить отличительные признаки на различных участках фитогенного поля;

3) обосновать зонирование фитогенного поля по соответствующим признакам.

Объекты и методика

Исследования проводились на рекультивированных отвалах Кедровского угольного разреза в сосняках II класса возраста. Отвалы образованы железно-дорожным способом, с полной планировкой поверхности, без нанесения потенциально плодородного слоя. В составе горных пород преобладают частично разложившиеся песчаники на карбонатном и силикатном цементе, присутствует угольная пыль, незначительно – конгломераты и суглинки. Во фракционном составе преобладают глыбистая фракция (отдельности размером > 10 мм) – 25 – 30 % и каменистая (3 – 10 мм) – 35 – 40 %. Сумма поглощенных оснований составляет 9,0 – 24,2 мг-экв/100 г, pH нейтральная, 6,8 – 7. Обеспеченность основными элементами питания очень низкая: подвижный фосфор – 2,2 мг/кг, обменный калий – 0,95 мг/кг. Содержание общего азота составляет 0,18 %.

Фоновые растительные группировки, произрастающие на прилегающих участках отвалов – злаково-

разнотравно-бобовые луговины, имеют признаки сложных растительных группировок [7]: высокое общее проективное покрытие травостоя – 70 – 100 %, количество видов достигает 35 – 40, выделяются два подъяруса: нижний имеет высоту 35 – 40 см, верхний – 100 – 140 см и проективное покрытие 10 – 15 %. Доминируют *Dactylis glomerata* (ОПП 20 – 60 %), *Trifolium hybridum* (10 – 40 %), *Achillea millefolium* (5 – 30 %), *Melilotus officinalis* (5 – 20 %), *Leucanthemum vulgare* (до 20 %), *Medicago lupulina* (до 10 %), *Inula helenium* (до 10 %), *Galium verum* (до 10 %) и др. Рудеральные виды присутствуют единично, чаще встречаются *Cirsium setosum* (ОПП до 2 %), *Cirsium vulgare* (до 1 %) и *Elytrigia repens* (+). Признаки деградации травостоя (выпас скота, пирогенные явления и т. п.) отсутствуют.

Модельные деревья – в количестве 4 экз. – подобраны в несомкнутых древостоях на периферии лесного массива с северной, южной, западной и восточной сторон. Модели относятся ко II классу возраста (стадия жердняка) [1], имеют высокий класс бонитета (I-Ia), без признаков ослабления, механических повреждений или поражения заболеваниями, с развитой кроной от основания (таблица 1).

Таблица 1

Общая характеристика модельных деревьев

№ модели и направление трансекты	Возраст	Высота, м	Степень толщины, см	Высота прикрепления кроны, см	Радиус кроны, м
1 – Север	25	9,7	18 – 20	25	1,9
2 – Юг	23	8,0	18 – 20	20	2,5
3 – Запад	23	7,8	14 – 16	20	1,8
4 – Восток	23	9,1	12 – 14	30	1,9

От ствола каждого модельного дерева закладывалось по одной радиальной трансекте, соответственно сторонам света в сторону фоновых травянистых сообществ, длина трансект составляла 5 – 6 м. Каждая трансекта разбивалась на учетные площадки (УП) размером 30 × 30 см для более дробного учета дискретности границ фитогенного поля [8, с. 1022 – 1034]. На каждой УП регистрировались следующие показатели напочвенного покрова: видовой состав травостоя, его общее проективное покрытие (ОПП) травостоя (без учета подроста), количество подроста, его жизненное состояние, средняя высота и возраст, проективное покрытие мохового покрова и его видовой состав, мощность и вещественный состав подстилки.

Результаты

Характеристики напочвенного покрова имеют высокую вариабельность по мере удаления от стволов деревьев на всех четырех трансектах (рис. 1). У основания стволов присутствует лесная подстилка мощностью 4 – 7 см, состоящая на 100 % из соснового опада: хвои, шишек и мелких веток. Подстилка состоит из 2-слоев: опадного, составляющего 30 – 40 % мощности подстилки и состоящего из опада последних лет, совершенно не подверженного разложению, и более мощного ферментативного (60 – 70 %), бурого цвета,

подверженного частичному разложению, с сохранностью хвои до 70 % и 100 %-ной сохранностью шишек и веток, без признаков гумификации. Переход к нижележащему минеральному субстрату резкий, по вещественному составу, с большим количеством мелкозема на границе слоев.

В подкроновом пространстве состояние подстилки и ее мощность сохраняются на расстоянии 0,9 – 1,2 м от ствола, затем следует некоторое снижение мощности (на 30 – 50 %), к периферии кроны мощность подстилки резко снижается с преобладанием неразложившегося опада хвои последних лет и за пределами кроны исчезает. Исключение составляет северная трансекта, где слой подстилки мощностью 1 – 2 см выступает за пределы кроны на расстояние 0,3 – 0,5 м.

Моховой покров (ярус D) в подкроновом пространстве повсеместно отсутствует. На периферии кроны появляются вкрапления *Ceratodon purpureus*, с проективным покрытием 5 – 20 %, как правило, в местах оголения субстрата отвала от лесной подстилки. За пределами кроны проективное покрытие мохового яруса резко возрастает и сохраняется в пределах 60 – 100 % на расстоянии 1,2 – 1,8 м от края кроны. В видовом составе появляются *Bryum caespiticius* и *Plagiomnium cuspidatum*. Далее площадь мохового покрова снижается до 10 – 30 %, по мере удаления от ствола

варьирует скачкообразно, на некоторых учетных площадках исчезая полностью.

Общее проективное покрытие яруса С в подкروновом пространстве минимально, от 0 до 10 %, образовано единичными экземплярами травянистых видов, на всем протяжении кроны изменяется незначительно, лишь на западной трансекте к периферии кроны возрастает до 40 %, где доминирует *Poa angustifolia*. Среднее число видов на 1 УП – 3 – 5. За пределами кроны ОПП травостоя плавно возрастает (на западной трансекте – скачкообразно) и достигает максимальных значений (60 – 100 %) на расстоянии 3,9 – 4,8 м от

ствола дерева. В видовом составе в прикroновом пространстве выделяется *Melilotus officinalis* – его встречаемость составляет 80 %, прочие виды представлены единичными экземплярами, а *Poa angustifolia* исчезает полностью. На западной трансекте высокое проективное покрытие обнаруживается почти сразу за пределами кроны. Затем встречаемость и проективного покрытие *Melilotus officinalis* существенно снижается, доминирующим видом становится *Dactylis glomerata*. Число видов на одной учетной площадке возрастает до 7 – 9, травостой становится двухъярусным.

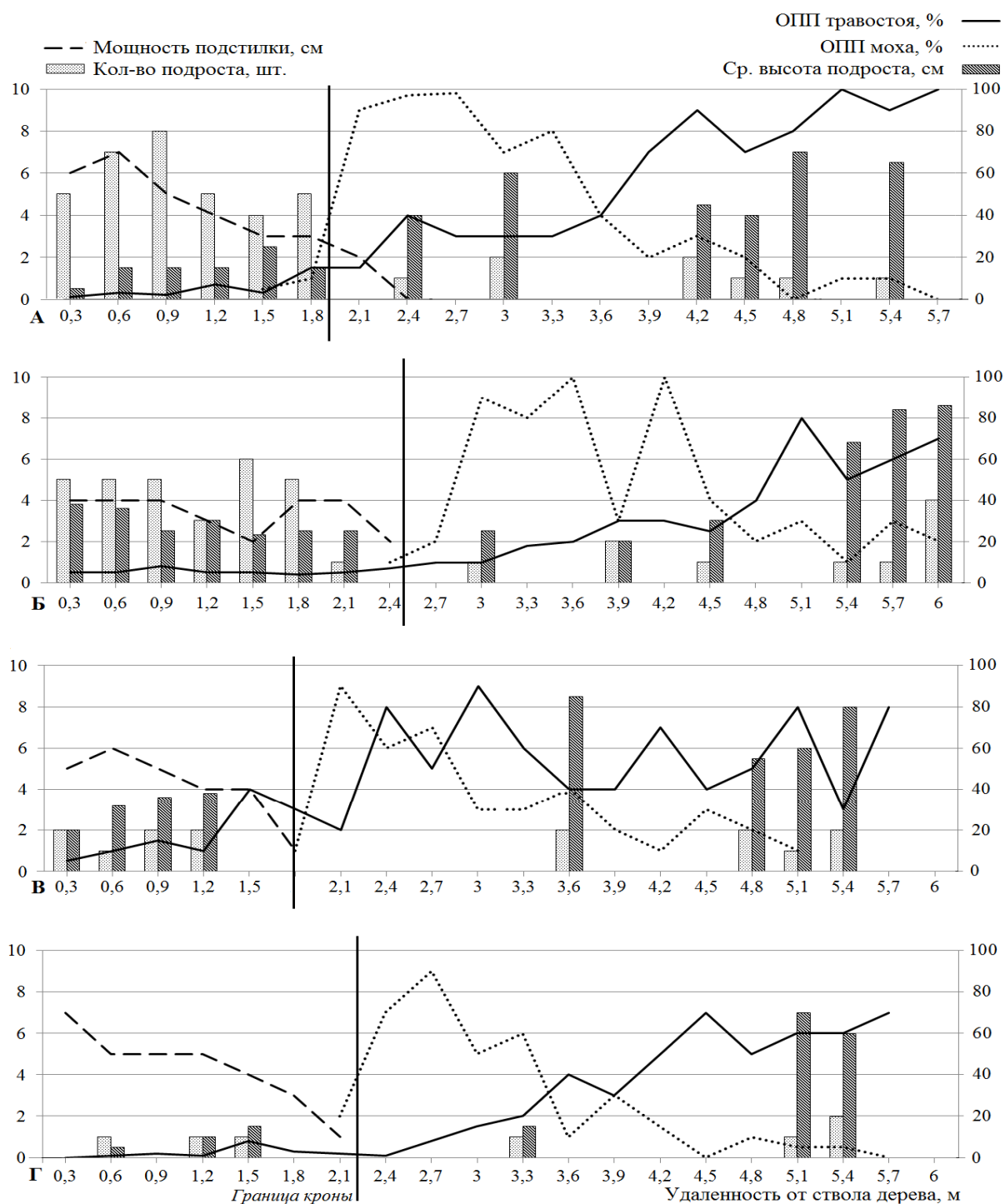

Рис. 1. Основные характеристики напочвенного покрова по трансектам: А – модель 1 (север), Б – модель 2 (юг), В – модель 3 (запад), Г – модель 4 (восток)

Подрост сосны присутствует на всех трансектах по всей их протяженности. Возраст подроста в подкroновом пространстве по числу мутовок идентифицируется слабо, во внекroновом – достаточно хорошо, в пределах ± 1 год, основная масса подроста имеет возраст 5 – 7 лет. Возобновление до 5 лет составляет не более 5 % от общего количества, сеянцы текущего года представлены единично. В подкroновом пространстве северной и южной трансект количество подроста максимально – 4 – 8 шт. и 3 – 6 шт. на 1 учетную площадку соответственно, а его встречаемость составляет 80 – 100 %. Жизненность подроста оценивается 1-й категорией состояния (сомнительный). Вне кроны количество подроста снижается, не превышая 1 – 2 шт. на 1 УП, его встречаемость в радиусе 2 – 2,5 м от границы кроны снижается до 10 – 30 %, затем возрастает до 50 – 80 %. По жизненному состоянию подрост относится ко 2-й категории (благонадежный).

На западной и восточной трансектах количество подроста на всем протяжении не превышает 1 – 2 шт. на 1 УП, а встречаемость, так же как на первых двух

трансектах, снижается до 0 – 10 % в прилегающей к границе кроны 2 – 2,5 метровой зоне, а затем снова возрастает. Средняя высота на всех трансектах минимальна в подкroновом пространстве – от 5 до 40 см, вне кроны возрастает до 55 – 84 см, причем максимальная высота отмечается на расстоянии 2,5 – 3 м от кроны.

Обсуждение

Исследуемые модельные деревья имеют выраженные признаки формирования фитогенных полей, что подтверждается различиями основных характеристик напочвенного покрова по мере удаления от стволов деревьев. Фитогенные поля имеют концентрическую трехзональную структуру, с выделением следующих зон: подкroновая, прикroновая и внешняя. Четвертая зона, приствольная, характерная для деревьев старших возрастов, не выделяется, т. к. определяющие ее признаки не выражены. Группировка учетных площадок по зонам позволяет выявить определяющие признаки для каждой из них (таблица 2).

Таблица 2

Основные признаки зон фитогенных полей и их параметры

Зона	Ориентация трансекты	Признаки ($\bar{X} \pm x$)				
		ОПП травостоя, %	мощность лесной подстилки, см	проективное покрытие мхов, %	кол-во подроста, шт./УП	средняя высота подроста, см
Подкroновая	Север	5,1 \pm 2,1	4,6 \pm 0,25	0	5,6 \pm 0,6	15,0 \pm 2,5
	Юг	5,5 \pm 0,4	3,4 \pm 0,32	0	4,3 \pm 0,6	28,8 \pm 2,2
	Запад	18 \pm 0,5	4,1 \pm 0,7	0	1,2 \pm 0,4	31,5 \pm 4,0
	Восток	2,4 \pm 0,9	4,2 \pm 0,7	0	0,5 \pm 0,2	10,2 \pm 2,8
Прикroновая	Север	36,0 \pm 6,4	0	70,1 \pm 11,3	0,4 \pm 0,2	45,0 \pm 3,0
	Юг	19,6 \pm 3,6	0	70,0 \pm 14,6	1,5 \pm 0,5	22,5 \pm 2,5
	Запад	60 \pm 12,2	0	56,1 \pm 11,6	0	0
	Восток	11,0 \pm 0,4	0	67,5 \pm 8,5	0,25 \pm 0,25	15 \pm 0
Внешняя	Север	88,3 \pm 4,7	0	8,3 \pm 3,0	0,8 \pm 0,9	55,3 \pm 7,3
	Юг	54,1 \pm 8,2	0	25,1 \pm 4,2	1,8 \pm 0,7	67,8 \pm 12,9
	Запад	53,7 \pm 7,0	0	21,4 \pm 4,0	1,1 \pm 0,3	70,2 \pm 21,6
	Восток	53,7 \pm 4,9	0	8,7 \pm 2,9	0,4 \pm 0,2	65,0 \pm 5,0

Отличительным признаком **подкroновой зоны** является наличие лесной подстилки мощностью 4,2 \pm 0,7 см. Общее проективное покрытие травостоя с участием *Poa angustifolia* достигает 18,0 \pm 0,5 %, без его участия – лишь 5,5 \pm 0,4 %. Мощная подстилка препятствует формированию мохового покрова, который совершенно отсутствует. Количество подроста в данной зоне максимально – до 5,6 \pm 0,6 шт./УП, однако это не является определяющим признаком данной зоны – прикroновая зона западной и восточной трансект не отличается по количеству подроста от прикroновой и внешней зон. Подрост в угнетенном состоянии, низкий, высотой от 15,25 \pm 2,5 до 31,5 \pm 4,0 см, что, очевидно, лимитируется отеняющим влиянием кроны.

В **прикroновой зоне** лесная подстилка сменяется моховым покровом, занимающим до $\frac{3}{4}$ площади поверхности – высокое увлажнение, связанное с пере-

распределением осадков на данную зону, способствует его развитию. Количество подроста минимальное – вероятно это связано с подавлением сеянцев выделениями мхов. Отеняющее влияние кроны снижается – оставшийся подрост способен достигать высоты 45,0 \pm 3,0 и иметь благонадежное жизненное состояние.

Внешняя зона имеет основной выраженный признак фоновых сообществ – высокое проективное покрытие травостоя (не менее 53,7 \pm 7,0 %) с двучленным ярусом. Моховой покров присутствует повсеместно, имеет проективное покрытие до 25,1 \pm 4,2 %. Подрост разреженный, как и в прикroновой зоне, с преобладанием благонадежных экземпляров высотой 70,2 \pm 21,6 см – существенно выше, чем в первых двух зонах. Отеняющее воздействие кроны в данной зоне не выражено, поэтому куртины подроста, выйдя из-под влияния травостоя, развиваются как самостоя-

тельные ювенильные насаждения, способные в будущем, совместно с материнскими деревьями, сформировать сомкнутые древостои.

Выводы

1. В прилегающем пространстве вокруг деревьев сосны обыкновенной наблюдаются существенные изменения характеристик напочвенного покрова. Пространство, для которого актуальны данные изменения, является фитогенным полем.

2. По мере удаления от стволов деревьев четко выделяются три концентрические зоны фитогенного поля: подкроновая, прикроновая и внешняя.

3. Идентификационными признаками подкроновой зоны является мощная лесная подстилка со 100 % проективным покрытием и обильный подрост сосны в составе яруса С, прикроновой – развитый моховой покров и низкая встречаемость подраста, внешней – травянистый ярус с фоновыми значениями ОПП и видового состава, спорадическая встречаемость подраста без признаков угнетения, переход подраста из яруса С в ярус В.

4. В подкроновой зоне доминантами травянистого покрова выступает *Poa angustifolia*, в прикроновой – *Melilotus officinalis*, во внешней – *Dactylis glomerata*.

Литература

1. Анучин Н. Лесная таксация. М: Лесная промышленность, 1977. 512 с.
2. Баранник Л. П. Биоэкологические принципы лесной рекультивации. Новосибирск: Наука, 1988. 89 с.
3. Горелов А. М. Особенности освещения во внутрикроновом пространстве древесных растений // Известия Самарского НЦ РАН. 2013. Т. 15. № 3. С. 135 – 140.
4. Журавлева Е. Н. Влияние *Pinus sylvestris* L. на луговую растительность // Развитие геоботаники: история и современность. СПб., 2011. С. 43.
5. Крышень А. М., Хокканен Т. Фитогенное поле сосны // Тез. докл. Межд. конф. «Экология таежных лесов». Сыктывкар, 1998. С. 87 – 88.
6. Лашинский Н. Н. Структура и динамика сосновых лесов Нижнего Приангарья. Новосибирск: Наука, 1981. 272 с.
7. Манаков Ю. А., Стрельникова Т. О., Куприянов А. Н. Формирование растительного покрова в техногенных ландшафтах Кузбасса. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2011. 167 с.
8. Самойлов Ю. И. Структура фитогенного поля на примере одиночных дубов *Quercus robur* (Fagaceae) // Ботанический журнал. 1983. Т. 68. № 8. С. 1022 – 1034.
9. Уранов А. А. Фитогенное поле // Проблемы современной ботаники. М.-Л.: Наука, 1965. Т. 1. С. 251 – 254.

Информация об авторах:

Уфимцев Владимир Иванович – кандидат биологических наук, научный сотрудник Института экологии человека СО РАН, uwy2079@gmail.com.

Vladimir I. Ufimtsev – Candidate of Biology, Research Associate at the Institute of Human Ecology of the Siberian Branch of the RAS.

Беланов Иван Петрович – кандидат биологических наук, младший научный сотрудник Института почвоведения и агрохимии СО РАН, г. Новосибирск, bel_ivan@rambler.ru.

Ivan P. Belanov – Candidate of Biology, Junior Research Associate at the Institute of Soil Science and Agrochemistry of the Siberian Branch of the RAS.

Бочаров Дмитрий Александрович – студент 5 курса биологического факультета КемГУ, kem.bocharov@gmail.com.

Dmitry A. Bocharov – Student at the Faculty of Biology, Kemerovo State University.

(Научный руководитель – В. И. Уфимцев).

Статья поступила в редколлегию 19.11.2014 г.

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ГУМИНОВЫХ ПРЕПАРАТОВ НА РОСТ, РАЗВИТИЕ И ПРОДУКТИВНОСТЬ ОВСА И КАРТОФЕЛЯ В ЛЕСОСТЕПИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Н. Н. Чуманова, О. В. Анохина

ESTIMATION OF HUMIC PRODUCTS INFLUENCE ON THE GROWTH, DEVELOPMENT AND PRODUCTIVITY OF OATS AND POTATOES IN KEMEROVO REGION FOREST-STEPPE

N. N. Chumanova, O. V. Anokhina

Дана оценка влияния гумата аммония (Hum NH_4 , 1 %) и гуминовых кислот (ГА, 1 %), полученных из бурых углей Барандатского месторождения Кемеровской области, на рост, развитие и продуктивность овса сорта Креол и картофеля сорта Удалец. Исследования проведены на опытном поле Кемеровского ГСХИ. Изучено три варианта – обработка семян (клубней) перед посевом, обработка по вегетации (фаза кущения), обработка семян + обработка по вегетации. Максимальную продуктивность овес формировал при обработке Hum NH_4 при обработке семян – 383,8 г/м² (контроль – 354,8 г/м²). Достоверная прибавка обеспечена за счет продуктивной кустистости (1,26) и крупности зерна (39,7). Наибольшая урожайность картофеля и выход товарных клубней получен при обработке клубней Hum NH_4 , прибавка относительно контроля – 45 %.

The paper discusses the influence of ammonium humate (Hum NH_4 , 1 %) and humic acids (ГА, 1 %), obtained from the brown coal of Barandat deposit, Kemerovo region on growth, development and yield of oats breed 'Creole' and potatoes breed 'Udalets'. The studies were conducted on the experimental field of Kemerovo State Agricultural Institute. The authors studied three options: seeds (tubers) treatment before sowing, vegetation processing (at the tillering phase), seed treatment + vegetation processing. The oats showed maximum productivity in seed treatment with Hum NH_4 – 383.8 g/m² (control sample – 354.8 g/m²). Reliable growth is ensured by productive tillering (1.26) and grain size (39.7). The potatoes showed maximum productivity and the yield of marketable tubers when treating tubers with Hum NH_4 , 45 % increase as compared to the control group.

Ключевые слова: гумат аммония, гуминовая кислота, рост, развитие, зерновая продуктивность, овес, количество зерна, товарность клубней картофеля.

Keywords: ammonium humate, humic acid, growth, development, productivity of grain, oats, quantity of grain, marketability of potatoes.

В Российской Федерации предприятия угольной промышленности добывают от 60 до 90 млн тонн бурого угля. Одним из видов продукции бурого угля являются выделяемые из них гуминовые препараты [8]. Многие исследователи отмечают полифункциональное действие гуминовых препаратов на растительные организмы [6; 1; 5].

В то же время нерегулярная и сложная структура гуминовых веществ (ГВ) предопределяет противоречивость результатов их применения. Действие ГВ на черноземных почвах с высоким содержанием гумуса, оструктуренных, с хорошей буферностью почвенного раствора, менее выражено [7]. При работе с ними необходимо принимать во внимание реакцию на них как культур, так и сортов.

Поэтому изучение гуминовых препаратов, обладающих комплексным действием при применении как при обработке семян, так и по вегетации, и их влияние на рост, развитие и формировании продуктивности овса и картофеля, является актуальным направлением исследований.

Цель исследований – оценка влияния гуминовых препаратов, полученных из бурых углей, на биологические и хозяйственные признаки культур и выявление их эффективности в зависимости от вариантов обработки.

Объекты и методы исследований

Исследования проводились на опытном участке кафедры земледелия и растениеводства Кемеровского ГСХИ, расположенного в лесостепной зоне Кемеров-

ской области. Почва опытного участка – чернозем оподзоленный. Основные физические и агрохимические свойства почвы представлены ниже (таблица 1). Предшественник зерновые. Подготовка почвы включала: с осени обработка фрезой на глубину 12 – 14 см, весной предпосевное боронование на глубину 4 – 5 см. Посев культур проводился в оптимальные для культур сроки, с учетом их биологических особенностей (7.05.2014).

Объект изучения:

– гуминовые препараты: гумат аммония (Hum NH_4 , 1 %) и гуминовые кислоты (ГК, 1 %);

– варианты обработки препаратами: обработка семян перед посевом, обработка по вегетации (фаза кущения); на картофеле – фаза бутонизации, обработка семян + обработка по вегетации;

– зернофуражная культура: овес (сорт Креол), картофель (сорт Удалец).

Площадь делянки – 1 м², в четырехкратной повторности.

В период исследований проводили следующие учеты и наблюдения с использованием общепринятых методик:

– определение структуры почвы методом сухого рассева по Н. И. Савину (А. Ф. Вадюнина, 1986);

– фенологические наблюдения за ростом и развитием овса и картофеля, элементов продуктивности по методике Государственного сортоиспытания полевых культур (М., 1989);

– масса 1000 зерен по ГОСТ;

– пленчатость овса по ГОСТ.

Погодные условия в период вегетации 2014 года были неблагоприятными для культур овса и картофеля. Гидротермический коэффициент (ГТК) составил 0,9. При превышении среднесуточных температур со II декады июня по III декаду августа, дефиците осадков в этот период, май характеризовался как холодный и влажный. Период от посева до всходов на овсе составил 17 дней. Эти условия вегетации повлияли на формирование качественных характеристик зерна – натуральный вес и пленчатость – и позволили выявить действие изучаемых препаратов.

Результаты исследований

Препараты гуминовой природы ускоряют рост и развитие растений, повышают устойчивость к неблагоприятным условиям среды [4].

Обработка гуминовыми препаратами на наступление основных фенологических фаз и в целом на продолжительность вегетационного периода овса не выявлена. Вегетационный период по всем изучаемым вариантам составил 83 дня. Влияние препаратов на ростовые показатели начинает проявляться в фазу выхода в трубку и прослеживается в течение всей вегетации (таблица 2). Максимальный эффект по высоте растений у овса отмечен при обработке гуминовыми кислотами, на варианте обработки семян (фаза выхода в трубку). Эффект, наблюдаемый в фазу выхода в трубку, в последующие фазы снижается. По-видимому, это связано с тем, что дефицит осадков в III декаде июля и I декаде августа является доминирующим.

Таблица 1

Основные физические и агрохимические свойства почвы

Почва	Плотность, г/см ³	Содержание агрегатов, %				pH _{сол}	N-NO ₃	P ₂ O ₅ легко-подвижный	K ₂ O обменный
		глыбистая	макро-струк.	микро-струк.	водопрочность				
Чернозем оподзоленный	1,24	5,6	83,2	10,7	67,5	5,6	62	109	115

Таблица 2

Высота овса по фазам развития в сравнении с контролем, %

Вариант		Кущение	Выход в трубку	Выметывание	Созревание
HumNH ₄ , 1 %	Обработка семян	-2,40	+12,57	+4,81	-3,50
	Обработка семян + обработка по вегетации	-0,79	+13,52	+5,94	+6,32
	Обработка по вегетации	+9,40	+17,29	+7,22	11,03
Гуминовые кислоты, 1 %	Обработка семян	-0,79	+20,75	+1,12	+14,40
	Обработка семян + обработка по вегетации	-2,40	+6,91	+9,15	+7,67
	Обработка по вегетации	-3,91	+1,89	-10,20	+10,09

Таблица 3

Влияние гуминовых препаратов на элементы продуктивности и качество зерна, 2014 г.

Препарат	Вариант	Число колосков, шт.	Продуктивная кустистость	Масса 1000 зерен, г	Масса зерна, г/м ²	Пленчатость, %	Натура, г/л
Контроль (без обработки)		25,5	1,28	38,74	354,8	30,30	480
Hum NH ₄ , 1 %	Обработка семян	26,0	1,26	39,76	383,76	28,15	450
	Обработка семян + обработка по вегетации	27,4	1,21	40,45	198,83	28,95	460
	Обработка по вегетации	31,1	1,17	41,08	253,25	29,95	480
Гуминовые кислоты, %	Обработка семян	28,4	1,29	44,59	293,71	29,55	480
	Обработка семян + обработка по вегетации	25,8	1,20	41,06	346,22	27,30	480
	Обработка по вегетации	21,8	1,13	42,88	283,0	29,30	485
HCP ₀₅		1,32		0,83	21,75	0,42	

Изучение гуминовых препаратов на компоненты продуктивности овса показало, что Hum NH_4 и гуминовые кислоты увеличивают число колосков в метелке и крупность зерна. Масса 1000 зерен сформировалась на уровне с 39,7 г (Hum NH_4 , обработка семян) по 44,6 г (гуминовые кислоты, обработка семян) (таблица 3).

Отмечено действие гуминовых препаратов и на качественные характеристики зерна. Пленчатость зерна снижается от 0,35 до 3,0 %. Содержание пленок до 27,30 % соответствует использованию зерна на пищевые цели на варианте совместной обработки семян с обработкой по вегетирующим растениям (ГК). На отмеченном варианте зерно крупное и высококачественное (480 г/л).

Исследованиями научных учреждений установлено, что сельскохозяйственные культуры неодинаково реагируют на гуминовые препараты. Для картофеля характерна максимальная отзывчивость на гуминовые удобрения, может быть получена прибавка урожая до 50 % [3].

Обработка клубней стимуляторами роста повышает интенсивность нарастания надземной массы у растений картофеля, это способствует образованию

большого числа клубней с наибольшим выходом клубней товарной фракции [9]. Опрыскивание гуминовым препаратом посадочного материала и вегетирующих растений картофеля уменьшает развитие болезней на 10 – 11 %, и обеспечивает повышение урожайности на 10 – 22 % [2].

Фенологические наблюдения за ростом и развитием растений картофеля показали, что обработка гуминовым препаратом не влияет на прохождение основных фаз развития. Вегетационный период по всем изучаемым вариантам составил 74 дня.

По высоте растений выделяется вариант с обработкой клубней Hum NH_4 – 49,3 см, прибавка по сравнению с контрольным вариантом составляет 3,7 см. Увеличение массы ботвы прослеживается на всех вариантах с обработкой препарата (таблица 4). Наибольшая масса ботвы отмечена при обработке клубней 512,3 г/куст.

По результатам динамических копок на вариантах с обработкой Hum NH_4 отмечено увеличение массы клубней растений картофеля. При третьей копке наибольший эффект получен на варианте обработки клубней 670,8 г/куст, где средняя масса одного клубня составила 74,5 г (таблица 5).

Таблица 4

Динамика накопления вегетативной массы растений картофеля

Вариант	Высота растения, см	Масса ботвы, г/куст		
		22.07	1.08	11.08
Контроль	45,6	261,5	255,9	266,0
Обработка клубней (Hum NH_4 , 1 %)	49,3	253,5	341,4	512,3
Обработка по вегетации	39,2	271,1	296,6	343,9
Обработка клубней + обработка по вегетации	41,0	312,1	321,5	355,1

Таблица 5

Динамика накопления клубнеобразования сорта Удалец

Вариант	Масса					
	клубней, г/куст	средняя 1 клубня, г	клубней, г/куст	средняя 1 клубня, г	клубней, г/куст	средняя 1 клубня, г
	22.07		1.08		11.08	
Контроль	236,5	33,8	267,3	53,5	356,4	59,4
Обработка клубней	162,1	27,0	399,5	57,1	670,8	74,5
Обработка по вегетации	209,0	26,1	371,7	52,9	422,3	70,4
Обработка клубней + обработка по вегетации	122,0	20,3	397,9	56,8	524,0	58,2

Урожайность любой сельскохозяйственной культуры – комплексный показатель, обеспечивающийся совокупностью разных процессов: проницаемостью клеток корня, скоростью и эффективностью фотосинтеза, эффективностью перемещения веществ по растению, активностью ферментных систем. Применение гуматов повышает эффективность всех четырех составляющих [3].

При изучении эффективности гумата аммония на картофеле нами была получена существенная прибавка урожайности на варианте обработка клубней (таблица 6). Наибольшая товарность (100 %) отмечена на контроле и при обработке клубней + обработка по вегетации, следует отметить, что вариант обработка

клубней показал наибольший выход клубней товарной фракции – 54,6 т/га.

Таким образом, исследование по оценке влияния гумата аммония и гуминовых кислот на рост, развитие и продуктивность овса сорта Креол и картофеля сорта Удалец позволило сделать следующие выводы.

1. Применение гуминовых препаратов более эффективно влияет на ростовые процессы растений и качественные показатели.

2. Максимальную продуктивность сорт овса Креол формировал при использовании гумата аммония (вариант обработка семян) – 383,8 г/м².

3. Наибольшая урожайность картофеля сорта Удалец получена при обработке клубней гуматом аммония – 58,5 т/га.

Авторы выражают благодарность М. М. Колосовой (Кемеровский ГСХИ) за предоставленные гуминовые препараты.

Таблица 6

Урожайность и товарность клубней картофеля сорта Удалец

Вариант	Урожайность, т/га	Отклонение от контроля, т/га	Выход товарных клубней (фракции 50 – 130 г), %	Отклонение от контроля, %	Выход товарных клубней, т/га	Отклонение от контроля, т/га
Контроль	37,6	-	100	-	37,6	-
Обработка клубней	58,5	+20,9	93,3	-6,7	54,6	+17
Обработка по вегетации	33,9	-3,7	94,1	-5,9	31,9	-5,7
Обработка клубней + обработка по вегетации	25,2	-12,4	100	-	25,2	-12,4
НСР ₀₅	8,32	1,67		7,35		

Литература

1. Ирмулатов Б. Р., Кабжанова Г. Р. Применение экибастузских бурых углей на посевах яровой пшеницы на пахотных почвах Павлодарского Приартышья // Сибирский вестник с.-х. науки. 2011. № 11(12). С. 117 – 123.
2. Касимова Л. В., Проскурина Л. Д., Малюга А. А. Влияние гуминового препарата из торфа Гумостим на урожайность и болезни картофеля // Достижения науки и техники АПК. 2012. № 5. С. 29 – 32.
3. Котиков М. В., Мельникова О. В., Мажуго Т. М. Действие гумистима на урожайность зерновых культур и картофеля // Агрохимический вестник. 2009. № 3. С. 36 – 38.
4. Кравец А. В., Бобровская Д. Л., Касимова Л. В., Зотикова А. П. Предпосевная обработка семян яровой пшеницы гуминовым препаратом из торфа // Вестник АГАУ. 2011. № 4(78). С. 22 – 24.
5. Неверова О. А., Егорова И. Н., Жеребцов С. И., Исмагилов З. Р. Влияние гуминовых препаратов на процесс прорастания и активность амилалитических ферментов семян *Sinapis alba* L // Вестник АГАУ. 2013. № 6(104). С. 43 – 46.
6. Постников А. В., Чумаченко Н. Н. Бурые угли как средство повышения плодородия почв // Земледелие. 1997. № 1. С. 27 – 29.
7. Сиротина Е. Н., Титова Э. В., Сорокин И. Б. Влияние оптимальных доз биологически активных удобрений на основе торфа на трансформацию органического вещества почвы и урожайность сельскохозяйственных культур // Агрохимия: наука и производство. Кемерово, 2004. С. 18 – 20.
8. Соколов Д. А., Быкова С. Л., Нечаева Т. В., Жеребцов С. И., Исмагилов З. Р. Оценка эффективности применения гуматов натрия и калия в качестве стимуляторов роста сельскохозяйственных культур в условиях техногенных ландшафтов // Вестник НГАУ. 2012. № 3. С. 25 – 30.
9. Яковлева Н. С., Охлопкова П. П. Эффективность стимуляторов роста при выращивании картофеля // Сибирский вестник с.-х. науки. 2008. № 7. С. 23 – 27.

Информация об авторах:

Чуманова Наталья Николаевна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, заведующая кафедры земледелия и растениеводства Кемеровского ГСХИ, agriculture@ksai.ru.

Natalia N. Chumanova – Candidate of Agricultural Science, Head of the Department of Agriculture and Plant Studies, Kemerovo State Agricultural Institute.

Анохина Оксана Викторовна – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент кафедры земледелия и растениеводства Кемеровского ГСХИ, agriculture@ksai.ru.

Oksana V. Anokhina – Candidate of Agricultural Science, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Agriculture and Plant Studies, Kemerovo State Agricultural Institute.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

ИСТОРИЯ

УДК 292.08 +947.084

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЦЕРКОВНО-ПРИХОДСКОЙ ЖИЗНИ
НА ТЕРРИТОРИИ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1944 – 1947 ГГ.

Е. С. Климова

THE RESTORATION OF CHURCH-PARISH LIFE IN KEMEROVO REGION IN 1944 – 1947

E. S. Klimova

В представленной статье ставится задача определить степень религиозной активности православных верующих Кемеровской области в 1944 – 1947 годы. Применяя историко-сравнительный метод, прослежена динамика её изменений. Период 1944 – 1945 годов обусловлен как период «религиозной движения», которым последовательно была охвачена вся Кемеровская область. Причину спада религиозной активности 1946 – 1947 годов автор связывает с удовлетворением настойчивых заявлений многочисленных ходатайствующих групп. В результате анализа писем верующих определен основной состав православного населения.

The paper seeks to identify the degree of religious activity of Orthodox believers in Kemerovo region in 1944 – 1947. Using historical-comparative method, the author traces the dynamics of its changes. The period of 1944 and 1945 is called a period of «religious movement», which consistently had covered the whole Kemerovo region. The author connects the cause of the decline in religious activity in 1946 – 1947 with the satisfaction of persistent allegations of numerous applicant groups. The analysis of believers' letters helped identify the core composition of the Orthodox population.

Ключевые слова: Русская Православная церковь, Кемеровская область, государственно-церковные взаимоотношения, Совет по делам Русской православной церкви, «религиозное Возрождение», «церковное движение».

Keywords: Russian Orthodox Church, Kemerovo region, state-church relations, the Council for Russian Orthodox Church, «Religious Revival», «church movement».

За последние четверть века в России религиозные объединения стали играть существенную политическую и общественную роль в жизни государства. Среди конфессий наибольшим влиянием продолжает обладать Русская Православная Церковь (далее РПЦ). За последние несколько лет по результатам различных опросов объявили себя православными 55 – 59 % граждан Российской Федерации, это около 70 – 85 млн человек. В 2004 году зарегистрировано 10767 организаций РПЦ [15, с. 1 – 19]. По состоянию на 1 декабря 2013 года по Кемеровской области числится 186 организации [14]. В связи с активизацией деятельности РПЦ возрос интерес к религиозным аспектам истории России. Большое внимание вызывает изучение исторического опыта взаимоотношений власти, общества и религиозных организаций в советский период. Особое место занимают труды, характеризующие непосредственно процесс восстановления деятельности церкви в 1940-е годы в стране и её регионах.

Говоря об изменении политики советского государства в отношении РПЦ, следует упомянуть о знаменательной встрече Сталина с митрополитами Сергием, Алексием, Николаем 4 сентября 1943 года. По мнению известного исследователя истории РПЦ М. И. Одинцова, договоренности, достигнутые в сентябре 1943 года, позволяют считать всё последующее десятилетие периодом «религиозного возрождения» в России [10, с. 145].

Исходной точкой возобновления деятельности РПЦ в регионах стали, ходатайствующие письма православных верующих, обратившихся в разные органы

государственной и церковной власти по вопросам открытия храмов и передачи культовых зданий в ведение РПЦ. В инструкции «О порядке открытия церквей», составленной для уполномоченных Совета по делам РПЦ при СНК СССР (далее уполномоченный) в 1943 году было определено, что после получения ходатайств верующих, уполномоченный должен был провести проверку их достоверности. Главными были сведения не только о наличии и состоянии церковного здания, но и об инициаторах прошений. Государственных служащих интересовало, действительно ли заявители были ходатайствующей группой верующих, их число, интересы, профессиональный и возрастной состав, а также информация об аргументах, которые приводят верующие, прося открыть конкретный храм [3, оп. 2, д. 1, л. 5].

Ходатайствующие группы, как правило, адресовали прошения в Совет по делам РПЦ, областные, городские и районные комитеты партии, местные органы исполнительной власти и архиереям. Почти все заявления составлены в виде официальной просьбы. Как правило, открытие церквей верующие обосновали религиозными мотивами, связанными с тяжёлыми условиями жизни в годы войны. По содержанию заявления имели ярко-выраженный эмоциональный характер. Обращение верующих г. Ленинск-Кузнецкий относится к таким: «...нам, православным христианам, нет места, где бы мы могли собраться и помолиться о здравии наших братьев, сыновей, внуков и мужей, находящихся в рядах Красной Армии, а также об упокоении душ наших сродников, живот свой по-

ложивших на поле брани за освобождение нашей священной земли от немецких захватчиков, и о скорейшей победе над гитлеровской нечистью» [3, оп. 2, д. 2, л. 64]. От имени верующих с. Афонино усердно просил Митрополит Новосибирский и Барнаульский Варфоломей «не оставить в туне слёзную просьбу верующих об открытии у них храма» [3, оп. 1, д. 7, л. 62]. В качестве аргумента приводились сведения о существовании значительной группы людей православного исповедания. Например, в письме патриарху верующие сообщают что «...в глубоком углу Кузбасса...» проживает не менее 160000 человек из них 30 % верующих «обречены на духовный голод» [3, оп. 2, д. 2, л. 154]. В течение 1944 года уполномоченному Кемеровской области Ф. Д. Узлову поступило 25 писем аналогичных по содержанию [3, оп. 2, д. 1, л. 141]. С помощью открытого и откровенного демонстрирования религиозно-патриотических чувств и потребности их выражения, верующие пытались воздействовать на представителей власти, чтобы добиться положительного результата.

Несмотря на то, что в 1945 году поступило 17 первичных заявлений, уполномоченный Узлов в информационных письмах руководству сообщает об оживлении «церковного движения» среди верующих области [3, оп. 2, д. 1, л. 154]. Термин «церковное движение», который уполномоченный неоднократно использовал для характеристики религиозной активности населения области, в православной экклесиологии является нонсенсом, поскольку сама Церковь призвана быть субъектом «духовного движения» [1]. Тем не менее, в РПЦ на протяжении всей её многовековой истории данный термин применяется для периодов возвращения к истокам духовной и церковной жизни, возрождения давно забытых ценностей. Поместный Собор 1945 года связывают с таким новым переломным моментом в жизни церкви. По мнению протоиерея Владислава Цыпина, историческое значение Собора не ограничилось замещением патриаршей кафедры и принятием «Положения об управлении Русской Православной Церковью», которое упорядочивало церковноприходскую жизнь. Собор является свидетельством того, что Церковь осталась жива Божией благодатью, в ней пребывающей [16].

В течение 1945 года в Кемеровской области год состоялось открытие трёх молитвенных домов в городе Прокопьевск, Кемерово, Анжеро-Судженск и двух церквей в городе Ленинск-Кузнецкий и в селе Кузеево [3, оп. 2, д. 1, л. 73].

Из городов и сельской местности, где ходатайства были отклонены от верующих стали исходить повторные заявления. Основанием для отказа в регистрации служило наличие церквей в соседних районах, неудовлетворительного технического состояния здания, отсутствия помещения, малочисленность ходатайствующей группы и подделка заявлений о регистрации. Так, например, в с. Лебеди Промышленновского района заявление верующих было отклонено из-за фабрикации двадцатки бывшим псаломщиком [3, оп. 2, д. 1, л. 140]. Использование культовых помещений в культурных и хозяйственных целях также являлось основанием для отказа верующих (с. Красное, с. Верх-Чебула) [3, оп. 2, д. 1, л. 157]. Заявление ве-

рующих из г. Салаир об открытии церкви было снято с рассмотрения властями по причине опасности от производящихся вблизи здания взрывных работ. В это же время руководство прииска получило согласие от горсовета переоборудовать церковное здание под клуб. Между прииском и верующими возник конфликт, в результате которого была ликвидирована незарегистрированная православная община [3, оп. 2, д. 1, л. 141].

Всего за 1945 год поступило 19 повторных писем [3, оп. 2, д. 1, л. 444]. В Совет часто поступали жалобы на медлительность разрешения вопроса об открытии церкви, на необоснованность отказа. В целом по области число повторных заявлений преобладало над первичными. Это свидетельствует о том, что верующие продолжали испытывать потребность в открытии храмов. Наибольшую настойчивость проявляли отдельные ходатайства из эвакуированного населения. Власти объясняли этот факт тем, что среди местных верующих наблюдалось недоверие к бывшим служителям культа. Так как в период гражданской войны в Сибири духовенство принимало активное участие в белогвардейских карательных отрядах против Красных [3, оп. 2, д. 1, л. 21]. Ссылные служили основным источником пополнения рядов членов, как зарегистрированных, так и незарегистрированных религиозных общин. Маргинальное положение спецпоселенцев способствовало вовлечению их в религиозные организации, где они чувствовали себя свободными и равными, приобщенными к общему делу, социализированными [5, с. 27].

Повседневным явлением стало «гастролирование» незарегистрированных служителей культа. Группы верующих поселка Яя, Поломошное, Мундыбаш, Абагур, городов Салаир и Прокопьевска вынуждены были проводить службы тайно, нелегально [11, с. 131 – 132]. В Мариинске после разрушения Никольского собора и закрытия кладбищенской церкви православная община также перешла на нелегальное положение [2, с. 33, 37].

О степени религиозности региона свидетельствуют данные о составе верующих. В отчётах уполномоченного по делам РПЦ дается достаточно краткая характеристика ходатайствующих групп. Известно, что среди заявителей большую долю составляли бывшие священнослужители, женщины, инвалиды, больные, в основном пожилые люди. Был отмечен случай, когда в роли ходатай об открытии церкви выступил депутат верховного Совета СССР [3, оп. 1, д. 1, л. 54 – 55]. Иногда несовершеннолетние были вовлечены в религиозную деятельность. Так, 14-летняя жительница Мариинска для открытия в городе православной церкви совершила в 1944 году поездку к митрополиту Варфоломею в Новосибирск, затем в Кемерово посетила уполномоченного Узлова [3, оп. 2, д. 1, л. 77].

Численные группы ходатайствующих были крайне неравномерны, что во многом было связано с высокой урбанизацией Кемеровской области в советский период. Наибольшее количество подписей было приложено к заявлениям из городов: Ленинск-Кузнецкий – 1892, Гурьевск – 600, Прокопьевск – 470, Сталинск и Анжеро-Судженск – 450. Значительная группа ходатайствующих имела в Верх-Чебуле – 290, Кузе-

деево – 250 [3, оп. 1, д. 1, л. 258]. Но в основном в сельской местности, откуда шёл основной поток заявлений, ходатайствующие группы были немногочисленны. Не редкими были случаи, когда заявители, не нашедшие поддержку среди единомышленников, действовали по своей личной инициативе (с. Кулаково, с. Большая Покровка, с. Большеямное, с. Егозово) [3, оп. 1, д. 1, л. 140].

Подобную неравномерность можно отметить в действующих храмах. Так, например, по сведениям Узлова в 1946 году в Гурьевске в большие церковные праздники Троицкий молитвенный дом посещало свыше 1000 молящихся. Крещение детей дошкольного возраста дома сначала носил массовый характер, во втором квартале года – до 10 через день. Изредка крестили детей школьного возраста. Совершенно иную ситуацию обрисовывал благочинный Фоменко уполномоченному в Анжеро-Судженске и Тайге: «...Службу посещают 5 – 6 старушек. Незаметно массового притока молящихся в Тайге». Архиепископ Варфоломей также признался уполномоченному, что посещаемость церквей в городах значительно снизилась. Зато по его словам увеличилось совершение треб на дому [3, оп. 2, д. 2, л. 148].

В 1946 – 1947 годы в Кузбассе были зарегистрированы 10 православных прихода (в городе Кемерово, Тайга, Гурьевск, Осинники, Сталинск, Белово, Топки; селах Верхотомка и Афонино). Всего с 1945 по 1947 годы было зарегистрировано 15 храмов и молитвенных домов [3, оп. 2, д. 1, л. 42]. Стоит отметить то, что они находились в городах и укрупненных селах.

За 1946 – 1947 год уполномоченному поступило 13 повторных писем. За весь исследуемый период зарегистрировано было 55 первичных ходатайств верующих, в то время как по области числилось 164 бывших церковных зданий. Таким образом, претензии были направлены на возобновление деятельности, не было только 33,5 %.

Несмотря на то, что за четыре года в области положительно разрешилось только 27 % ходатайств писем, поток заявлений значительно сокращался. Так, регистрация православных приходов в Кемеровской области продолжалась всего в течение трех лет (1945 – 47 гг.). Было зарегистрировано 15 православных церквей, из которых пять типовых и десять молитвенных домов [3, оп. 1, д. 1, л. 142].

Таблица 1

Количественное соотношение заявлений об открытии молитвенных зданий и их регистрации (1944 – 1947 гг.)

<i>Год</i>	<i>Из городов</i>	<i>Из районных центров</i>	<i>Из сел</i>	<i>Всего</i>	<i>Открыто церквей и молитвенных домов</i>
1944	10	6	9	25	не было
1945	2	1	14	17	5
1946	2	-	5	7	7
1947	1	8	4	6	3
Итого	15	16	32	55	15

Исходя из анализа статистических сведений уполномоченного 1944 – 1947 годов, следует то, что ходатайствующие группы с положительно принятым решением достаточно многочисленны. С открытием 15 православных храмов и молитвенных домов по Кемеровской области стало возможным удовлетворить духовные нужды официально около 5195 заявителей [3, оп. 2, д. 2, л. 203]. Верующим, чьи ходатайства так и не были удовлетворены, вынуждены были добираться до ближайшего действующего православного храма. Как правило, расстояние составляло от 15 до 50 км. Часть групп верующих, которые не получили регистрации, вынуждены были действовать нелегально.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что динамика государственно-церковных отношений в 1944 – 1947 годов по Кемеровской области в целом, соответствовали общесоюзным тенденциям. В годы войны по области произошла активизация деятельности культовых групп. С 1945 по 1947 годы шёл процесс регистрации религиозных общин и открытия культовых зданий преимущественно в городах. В сельской местности открытие храмов было в ограниченном количестве. Необходимо отметить, что местные власти продолжали вести политику

предшествующих лет, и открытие молитвенных зданий во многих населенных пунктах было затруднено и смогло осуществиться только благодаря настойчивости верующих. В районах, где действующих церквей было недостаточно, либо они вообще отсутствовали, большое распространение получило подпольное богослужение.

Заявления верующих с просьбой об открытии храмов в государственные органы власти относятся в основном к 1944 – 1945 годам. Связано это было с тем, что тяготы войны, утраты и лишения, а также изменения государственной политики по отношению к церкви, оживили религиозные настроения в народе. В 1946 – 1947 годы количество поступивших первичных и повторных заявлений заметно сократилось. Количество зарегистрированных приходов в области, советское руководство посчитало “оптимально достаточным” и в дальнейшем, в течение последующих более чем тридцати лет, численность храмов РПЦ только уменьшалась.

Региональной особенностью возрождения православия в Кемеровской области является то, что более активную позицию в вопросах легализации религиозных общин занимали послевоенные переселенцы. Местное население, в связи с историческими собы-

тиями, отнеслось к возобновлению деятельности РПЦ достаточно скептически. Разновозрастной и социальный состав инициаторов открытия храмов позволяет утверждать о том, что по области все же было сохранено традиционное религиозное сознание и религиозное чувство. «Религиозным движением» последовательно была охвачена вся область. Однако утверждать о том, что возрождение РПЦ масштабно проникло в общественную среду, будет некорректным.

Во-первых, по результатам исследований выяснилось, что из-за неравномерности заселения области основной поток заявлений исходил из сельской местности, где ходатайствующие группы были малочисленны и незначительны.

Во-вторых, претензии о возобновлении деятельности православных приходов со стороны верующих были направлены только на малую часть имеющихся культовых зданий по области.

И, в-третьих, в качестве основной причины спада «религиозного движения» в 1946 – 1947 годы автор связывает удовлетворением настойчивых заявлений православных верующих, поступающих из крупных населенных пунктов.

Таким образом, региональная и историческая специфика региона способствовала достаточно умеренному восстановлению церковно-приходской жизни на территории Кемеровской области в 1944 – 1947 годы.

Литература

1. Адельгейм П. А. Возрождение и границы церкви // Община XXI век. М., 2002.
2. Винников А. В. История православия на мариинской земле: [историко-литературные очерки]. Кемерово, 2009.
3. ГАКО. Ф. Р. 964.
4. Генина Е. С. Церковное движение в Кузбассе в середине 1940-х – начале 1950-х гг. // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. Четвертые научные чтения памяти проф. А. П. Бородавкина: сб. науч. трудов / под ред. В. А. Скубневского и Ю. М. Гончарова. Барнаул, 2003.
5. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Томск, 2009.
6. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940-е – 1960-е гг.: монография; Кемеровский государственный университет. Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008. С. 122.
7. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф.Р.-964. Оп. 2. Д. 1. Л. 5.
8. Кимеев В. М., Кандрашин Д. Е., Усольцев В. Н. Православные храмы Кузбасса. Кемерово, 1996.
9. Клибанов А. И. Русское православие: вехи истории. М., 1989.
10. Одинцов М. И. Сталин: "Церковь может рассчитывать на всестороннюю поддержку правительства". Диспут // Научно-публицистический журнал. М., 1992. С. 145.
11. Практический сборник по православию / под ред. А. Уминского. М., 2005.
12. Адаменко А. М., Иванов К. Ю., Горбатов А. В., Овчинников В. А., Устьянцева О. Н., Гизей Ю. Ю. Русская Православная Церковь юга Западной Сибири (XIX – XX вв.): исторические очерки. Кемерово: 2007. С. 131 – 132.
13. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40 – 60-е годы XX века. Томск, 2003.
14. Статистическая информация. Кемерово, 2013. 05.01.2014. Режим доступа: <http://www.ako.ru/Socsfera/-relig.asp?n=6> (дата обращения: 10.03.2014).
15. Филатов С. Б. Статистика российской религиозности: магия цифр и неоднозначная реальность // Социологические исследования. М., 2005.
16. Цыпин В. А., прот. История Русской Православной Церкви, 1917 – 1990. М., 1994.

Информация об авторе:

Климова Екатерина Сергеевна – соискатель кафедры истории цивилизации и социокультурных коммуникаций КемГУ, ekat.climova@yandex.ru.

Ekaterina S. Klimova – post-graduate student at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

(**Научный руководитель: Горбатов Алексей Владимирович** – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и теории культуры факультета истории и международных отношений КемГУ, gorbn1965@yandex.ru).

Gorbatov Alexey V. – candidate of historical Sciences, Associate Professor, head of the Department of history and theory of culture at the Department of history and international relations of the Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 09.12.2014 г.

ФИРМЕННЫЕ ПОЕЗДА В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1960-Х – 1980-Х ГГ.

С. Е. Мишенин

NAMED TRAINS IN WESTERN SIBERIA IN THE 1960s – 1980s

S. E. Mishenin

Статья посвящена становлению и объяснению сущности такого явления, как фирменные поезда. Статья раскрывает причины и пути их формирования, доминирующие маршруты, виды, количественные показатели и логику развития. В их практике отразились новые возможности системы, в которых переплетались как технические достижения, так и возможности общественных начал строя. Автор стремился к диалектическому раскрытию этого явления: и как одного из частных средств достижения концептуальных черт социального идеала, и как неосуществимости этой цели в конкретных исторических условиях.

The paper is devoted to the formation of named trains and to the explanation of the essence of this phenomenon. The author reveals the reasons and ways of their formation, the dominating routes, types, quantitative indices and logics of development. The creation of named trains reflected new possibilities of the system in which both technical achievements, and possibilities of the public beginnings intertwined. The author aspired for a dialectic definition of this phenomenon: both as a particular means of achieving conceptual lines of the social ideal, and as the impossibility of this goal under specific historic conditions.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, фирменный поезд, повышенная комфортность, пассажиры, пассажирские перевозки, купейные вагоны, плацкартные вагоны, прицепной вагон.

Keywords: railway transport, named train, increased comfort, passengers, passenger traffic, compartment cars, couchette cars, hook-on car.

Крах СССР – одно из базовых событий XX века. Историческая наука еще не смогла сформулировать все многообразные факторы, приведшие к этому эпилогу. По убеждению автора, они коснулись практически всех сторон жизни советского общества. Одним из них являются пассажирские перевозки. Они тоже сыграли свою роль, как в укреплении, так и в развале системы. Этот вопрос пока не обсуждался. А между тем его тоже не следует обходить молчанием.

Во второй половине XX века рост благосостояния населения стал приобретать все большую актуальность. Причиной этому стал феномен «революции в доходах», который коснулся развитых стран. СССР, который не без основания претендовал на место среди этих стран, не мог оставаться в стороне от этого процесса. Показателем возросшего благосостояния в области перевозки пассажиров в СССР на дальние расстояния стали т. н. «фирменные» поезда, т. е. поезда повышенной комфортности.

Советский вариант «революции в доходах» – достаточно спорный тезис, но использование его позволяет объяснить внутренние процессы в позднем советском обществе. Это явление коснулось многих областей общественной жизни. Не прошло оно и мимо железнодорожного транспорта. Одним из проявлений стало многообразие видов пассажирских поездов и вагонов (в сравнении с первой половиной XX века).

В отечественной историографии наработан достаточный комплекс работ по истории железнодорожного транспорта. Они касаются как истории всего железнодорожного транспорта СССР [22; 23; 27; 28], так и его подразделений в Западной Сибири [4; 6; 19; 31; 52]. В них был дан общий очерк истории

железнодорожного транспорта в целом, и в регионе, в частности. Логически группа обобщающих работ завершается выходом в конце первого десятилетия XXI века 3-х томной «Исторической энциклопедии Сибири» (2009 г.). В ней с учетом новейших разработок был подведен итог уже многовековой работы исследователей по истории региона.

Как и полагается работам такого рода, в них дается самый общий очерк содержания понятий и тенденций развития. В их число такая достаточно частная тема, как виды пассажирских составов, не вошла, а без такой детализации материал остается не полным.

Учебная и специальная справочная, техническая и технологическая литература уже дала классификацию устройство этих вагонов. Однако историческое объяснение этого феномена раскрыто еще недостаточно. К тому же сюжеты, связанные с этим вопросом, оказались рассредоточенными в разных опубликованных и не опубликованных источниках, в основном нормативного и справочного характера.

Автор статьи уже обращался к некоторым вопросам комфортности пассажира в зоне железных дорог Западной Сибири. В частности, уже были изложены сюжеты о браках в работе пассажирского железнодорожного транспорта [32].

Цель статьи состоит в том, чтобы показать этот сюжет в плане проявления «революции в доходах» в СССР и влияния этого явления на прочность советской системы.

Методологической основой разработки этой темы послужили методы структурного и функционального анализа, принципы историзма, детерминизма и поведенческого подхода.

Особенность архивных источников в том, что специальных фондов структур промышленного транспорта в западносибирских архивах не формировалось. Документы оказались рассредоточенными по разным фондам (прежде всего, Кемеровского, Новосибирского, Омского обкомов КПСС, Западно-Сибирской и Кемеровской железных дорог). Они представлены, главным образом, справками.

Разнообразный комплекс архивных источников дополняются материалами в центральной отраслевой и местной периодической печати. Статьи, подчас размещаемые в тематических рубриках, фактически и эмоционально уточняют положение пассажиров и пассажирские перевозки.

Анализ материала позволил следующим образом выстроить логику изложения темы.

Отличительной чертой второй половины XX века было учреждение многих видов пассажирских составов – появление их – свойство НТР и следствие «революции в доходах». Пассажиропоток в Западной Сибири в 1965 – 1990 гг. неуклонно нарастал. Если в начале исследуемого периода численность отправленных пассажиров находилась в среднем в год около 30 млн человек, то к концу этот показатель превысил 150 млн человек [24, с. 74; 25, с. 59; 26, с. 60; 29, с. 152; 30, с. 229; 33, с. 93; 47, с. 62; 48, с. 585; 54, с. 30], увеличившись более, чем в 5 раз.

Это стало возможным благодаря государственной тарифной и ценовой политике. Цены на билеты общие и с учетом качества пассажирского места в общем, плацкартном и купейном вагонах позволяли реализовывать широкие возможности лиц с разными доходами.

Такая политика органично дополнялась широкой сетью распространения билетов, что делало их потенциально доступными. Спрос на билеты в сезон желательных отпусков значительно превышал предложение, создавал феномен очереди. Обычно составы шли на предельной загрузке.

Углубление социальной политики сделало возможным по сравнению с первыми послевоенными пятилетиями значительно дифференцировать пассажирские составы по видам провоза пассажиров и степени комфортности следования в них.

В обычном пассажирском составе следовало до 500 человек [20, с. 3]. Типовой скорый поезд дальнего сообщения строился по следующей схеме: локомотив, 9 спальных вагонов и один вагон-ресторан. Предусматривался вариант нескольких прицепных вагонов в попутном направлении. Из локомотивов обычно использовались электровозы серии ЧС2 и ЧС3, ВЛ23 и ВЛ60, тепловозы серии ТЭП60. Все они были рассчитаны на общий вес состава в 1100 т [16, л. 11 об, 13 об; 17, л. 10 об, 13 об, 31 об, 43, 52 об, 56 об, 57, 65].

Рост пассажирооборота заставил подумать о вместимости поезда и параллельном росте комфортности обслуживания пассажира на всех этапах его контакта с железной дорогой. Длина или состав поезда не были постоянными. Длина обычного пассажирского состава за 1965 – 1966 гг. увеличилась с 12

до 15 вагонов, а поезда Томск – Андижан – до 17 вагонов. Плюс томские пассажиры получили дополнительные вагоны прямого сообщения на Абакан, Хабаровск [44, с. 2]. Длина или состав поезда не были постоянными. В 1975 г. он составлял 9 вагонов [7, с. 3]. Обычные составы пассажирских вагонов в конце 1970-х гг. составляли 16 – 18 вагонов [1, с. 2]. А в 1987 г. – 18 вагонов. При этом в новогодние праздники протяженность пассажирских составов доходила до 20 вагонов [7, с. 3].

С 1960-х гг., особенно в рамках реформы 1965 г., началась активная работа по повышению качества услуг на пассажирском транспорте. В первую очередь изменения коснулись крупных административных центров, а в них – центральных (городских и главных) вокзалов, а также новой формы пассажирских поездов – фирменных. Их признаками стали повышенные требования к оформлению, обеспечению материалами, а потому – повышенным комфортом.

Идея создания фирменных поездов возникла в 1964 г. Первоначально они формировались на маршрутах от областных центров или иных крупных городов до столицы СССР – г. Москва. Особенность следования поезда – высокая для того времени скорость (предельная для пассажирских поездов) и минимальное количество остановок, на которых он не стоял больше 12 минут [49, с. 2 – 4], а также повышенная комфортность.

В Западной Сибири первый такой поезд был сформирован в 1965 г. Это – поезд «Новосибирск – Москва». Ежедневно отходил от станции Новосибирск-Главный [3, с. 1]. Он получил имя «Сибиряк». В организации ее работы отличилась бригада проводников из Новосибирского резерва [15, л. 53]. Его первый рейс начался 12 июня 1965 г. [34, с. 305].

В 1967 г. к списку фирменных поездов в Западной Сибири прибавились «Алтай» (от станции Барнаул) [53, с. 17], в 1968 г. «Пионер Алтая» [10, л. 168]. В 1968 г. был организован фирменный поезд «Обское море» [8, л. 42].

Такой поезд был сформирован на Тюменском отделении Свердловской железной дороги. Два таких поезда были образованы на Омском отделении («Иртыш» 1968 г. [9, л. 88] и «Омич» [43, с. 7]), и три на кузбасских отделениях: «Томич», «Кузбасс» и «Новокузнецк – Москва» [5, с. 4].

1977 г. считается годом рождения фирменного поезда «Кузбасс» на маршруте Кемерово – Москва [11, л. 170] (маршрут № 29/30). Но курсировать он начал с 1 апреля 1978 г. по пути, 40 % которого было электрифицировано. Для него было выделено 6 составов с комбинированным отоплением [13, л. 8 – 9]. В 1980 г. на Кемеровской железной дороге формировали 2 фирменных поезда: «Кузбасс» и «Томич». (10 составов), 12 поездов дальнего следования (60 поездов), 9 поездов местного сообщения, прицепные вагоны по десяти направлениям [14, л. 16].

До середины 1980-х гг. в Западной Сибири фирменные поезда формировались в областных центрах. В 1984 г. (по другим данным в 1988 г. [18, л. 1]) на-

чалось движение фирменного поезда «Новокузнецк – Москва» (в количестве 7 составов) [12, л. 82, 84]. С 1987 г. по маршруту Новосибирск – Карасук начал курсировать фирменный поезд Новосибирск – Карасук. Это был один из первых в СССР фирменных поездов местного сообщения. Организатором стало вагонное депо Новосибирск. В 1988 г. фирменным стал поезд «Предгорье», следовавший по маршруту Бийск – Барнаул [45, с. 1]. 21 марта 1989 г. поезд № 603 отбыл в Новосибирск как фирменный [21, с. 3]. Картину дополняли фирменные поезда «Обь», «Новосибирск – Адлер», «Омск – Новосибирск» [2, с. 20] и т. д.

В СССР быстро сформировались доминирующие маршруты фирменных составов. 57 из них ежедневно отправлялись в Москву из Красноярского, Приморского и Алтайского краев и 54 областных центров РСФСР и других союзных республик. «Вторым центром притяжения» фирменных поездов был Ленинград – туда направлялось 12 составов (но из Западной Сибири – ни одного). Основное число поездов обращалось в европейской части СССР [46, с. 20 – 21].

На Кемеровской железной дороге действовало 7 таких поездов, на Западно-сибирской – 8, на Свердловской – 12. Притом в 1989 г. на Западно-Сибирской дороге при плане 2 не был сформирован ни один фирменный поезд, а на Кемеровской – при плане 3 сформировали 4 таких поезда. На 1 января 1990 г. в сети железных дорог СССР работало уже 276 фирменных поездов. Из них 34 таких поезда было сформировано в 1989 г. или 12,32 % от общего состава сети [51, с. 673].

Средняя маршрутная скорость движения всех фирменных поездов превышала 58 км/час. Это было на 17 % выше, чем у пассажирских дальнего следования. У международных фирменных поездов она превышала только на 15 %. Среднесуточный пробег вагонов фирменных поездов составлял около 960 км при электрической и 880 км при тепловозной тяге [53, с. 21 – 22].

Сокращение времени в пути достигалось не только за счет более высокой скорости движения, но и за счет исключения из числа промежуточных остановок на многих станциях (на них останавливались т. н. «пассажирские» поезда, следовавшие тем же курсом).

Отличие касалось оформления внешнего облика вагона и состава – цвет, наименование. Большим разнообразием отличалось оформление интерьера вагона (коврики и дорожки, «фирменные» знаки на постельном белье, посуде, салфетках, на стенах – фотографии в рамках, показывающие виды города, в котором формировался поезд). Летом в вагонах в тридцатиградусную жару применялся кондиционированный воздух.

В сравнении с обычными вагонами пассажиров должна была в пути сопровождать чистота, занавески на окнах, белизна занавесок, скатертей, сверкающий никель, постоянное наличие питьевой воды в специализированном кране вагона, постоянная (кро-

ме ночного времени) работа внутреннего (на поезде) радиозула. Около каждого пассажирского места – вешалка для верхнего платья, зажимы для сохранения складки брюк. Розетка для электрической бритвы, лампы, регуляторы громкости радио, кнопки вызова проводника.

К услугам пассажиров могла быть предоставлена поездная библиотечка на общественных началах, продажа пассажирам текущей периодики, некоторых предметов путевого быта и т. д. На станциях закупались газеты и журналы, их реализовывали в пути следования пассажирам [53, с. 17; 55, с. 1].

Важным признаком комфортности перевозки было наличие купейного вагона. К концу 1980-х гг. в СССР действовала примерно такая схема наличия купейных вагонов: в составе международного поезда их было 60 %, в скорых дальних поездах сети дорог СССР их удельный вес 43 % [46, с. 21].

Средний состав фирменного поезда обычно был равен 19 вагонам, в то время как в обычном пассажирском поезде дальнего следования их было только 16. Из них 1 – 2 были спальными вагонами люкс, несколько международных вагонов или вагонов РИЦ, 3 % состава составляли почтовые и 1 % – багажные вагоны. Вагоны-рестораны входили в составы, работающих на дальних маршрутах. Все фирменные поезда сети дорог СССР составляли 15 % общего числа дальних поездов, 3,3 % общего числа пассажирских поездов [46, с. 21 – 22].

Однако реализовывались эти качества не столь уж успешно. До настоящего времени этот сюжет принадлежит к одним из наименее изученных сюжетов в отечественной историографии. Цель статьи состоит в том, чтобы доказать, что советская железнодорожная система развивалась в русле роста благосостояния. Одним из элементов этой деятельности стало использование фирменных поездов.

Логику истории фирменного сообщения можно проследить на поезде «Томич» (от станции Томск), сформированного в 1968 г. [5, с. 4]. Появлению его предшествовала определенная подготовительная работа. Она включала в себя реконструкцию вагонного депо Томск, которая предусматривала монтаж нового оборудования, комплектацию как вагонов, так и состава поездных бригад [36, л. 96]. В частности, было сформировано 3 состава поезда из 53 вагонов, определены источники их получения. Почти 1/5 их составляли новые вагоны: 10 купейных производства ГДР и 3 – отечественного производства, с завода из г. Калинин. Остальные вагоны были взяты из уже эксплуатируемого парка вагонных депо Новосибирска и Томска.

Для художественного внешнего и внутреннего оформления вагонов, выбор образца посадочных документов был образован специальный художественный совет. В соответствии с его решениями вагоны были (если это требовалось) отремонтированы (в частности, 4 вагона-ресторана в г. Улан-Удэ) и покрашены. Притом обновление парка продолжалось до выхода на маршрут: число новых вагонов с 10 возросло к моменту начала эксплуатации до 31;

доминирующим их цветом стал вишневый [35, л. 51 – 53].

Когда начали формировать фирменный поезд «Томич» (а это было в 1969 г.), туда направлялись хорошие вагоны – 20 вагонов прямо с завода. Из них 5 были купейными, а 15 – плацкартными. Было закуплено нового постельного белья на сумму 184 тыс. рублей, чая и кондитерских изделий – на сумму 12,5 тыс. рублей, сувениров – 6,5 тыс. рублей [39, л. 6, 11].

Добились регулярной обмывки кузовов поезда после рейса [38, л. 66, 68]. Типография г. Томска изготовила полный блок всех сопроводительных документов (посадочные талоны, расписания движения, 200 экземпляров пейзажей городов для внутреннего оформления поезда). Для внутренних радио разработали текст сообщения о знаменательных датах и исторических событиях, характеризующих область и ее областной центр, музыкальную передачу на 40 минут. Заказы на изготовление постельного белья и фирменной одежды выполняли фабрики «Сибирячка» и объединение «Томскодежда» г. Томска.

Специальное решение потребовалось для организации питания в поезде. Решение нашли в заключении договоров на обслуживание вагонов-ресторанов фирменного поезда на базах треста «Вагон-ресторанов» в Омске, Свердловске и Москве. Посуда этих вагонов была украшена фирменной маркой «Томич». Таким вагонов было 4, в них работало 30 человек [35, л. 51 – 53]. Были приняты меры по обеспечению составов поезда «Томич» кондитерскими изделиями томских предприятий. В Томской области работали над улучшением внешнего вида железнодорожных пассажирских вагонов. В 1968 г. были перекрашены все 3 состава фирменного поезда «Томич». Первое время в фирменных поездах обновляли и пополняли библиотечки. В каждом поезде «Томич» были установлены антенны УКВ [37, л. 66, 68, 96, 101]. Для работы проводниками Томский горком ВЛКСМ направил в депо 59 комсомольцев. Были организованы специальные курсы по подготовке к работе проводников [35, л. 51 – 53].

Большие объемы постельного белья и другого мягкого инвентаря, малые мощности городских прачечных заставили построить прачечную в Тайге в 1967 г. Положительный опыт наработала бригада фирменного поезда «Томич», возглавляемая Р. Т. Киселевым. Это было отражено в специальном бюллетене. Помимо бригады Р. Т. Киселева документы называли бригады Б. Д. Желудкова. Первый опыт работы фирменных поездов станции Томск продемонстрировал неоспоримые преимущества: уже за первый год сократилось до 1 количество предъявляемых жалоб при росте числа благодарностей (с 493 в 1967 г. до 1154 в 1968 г.) [37, л. 66, 68, 70, 96].

Но уже к осени 1977 г. фирменный поезд «Томич» свои позиции сдал. Причины: ослабление материальной базы – инвентарь в вагонах пришел в негодность, а средств для его замены отпускалось недостаточно. Поэтому дорожки в вагонах пришли в негодность и т. д. А уюта из старых и потрепанных

вещей практически не создать. Частично это компенсировали проводники – из своих домов несли инвентарь для уборки помещений. Но всего этого было недостаточно [40, л. 83]. Сравнение «Томича» с другими фирменными поездами в регионе, например, с поездами «Сибиряк» и «Южный Урал», было не его в пользу [42, л. 8]. Фирменный поезд «Томич» уже в 1977 г. мало чем отличался от обычного поезда [50, с. 2]. Такая участь была у многих фирменных поездов.

Главными причинами ухудшения положения были дефицит политической и хозяйственной воли, дефицит делового внимания к нуждам поезда, невнимание к качеству в области обслуживания в советской системе в целом. Только один пример: в апреле 1982 г. в поездах «Томич» 90 % вагонов (а их уже стало 52) эксплуатировалось 8 – 13 лет (при норме эксплуатации не свыше 10 лет). Соответственно, ухудшилось оформление внутренних интерьеров и внешнего вида вагонов, снизилось качество сервиса обслуживания пассажиров и трудовая дисциплина [41, л. 53; 42, л. 8].

Однако была другая причина: все предыдущие факторы можно было значительно минимизировать, если бы включить «рыночные механизмы»: поднять плату за билеты, зарплату поездным бригадам, вести конкурс (конкуренцию) на рабочее место, тендерные торги на приобретение всех элементов материальной базы и т. п. Но это означало крушение самой системы. Поэтому она (эта система) пошла по уже известному пути.

Еще одной причиной было то, что такие поезда создавались по принципу «всем миром» – участвовали многие службы, многое за счет других служб. Но отвечать за эксплуатацию пришлось одной службе – службе пассажирского движения. В условиях слабеющей административной системы и отсутствия рыночного регулирования она переставала справляться со своими обязанностями.

Итак, в последние десятилетия Советской власти была найдена новая форма повышения комфорта пассажира в поезде – фирменные поезда. В принципе она подтвердила практику досоветского периода, когда существовала классность вагонов, а, следовательно, и мест, но все поезда шли с обычной скоростью. С образованием с середины 1960-х гг. фирменных поездов (т. е. нового высшего эталона комфорта) появился путь повышения среднего уровня качества пассажирских перевозок. Притом в комфортных поездах были вагоны и купейные, и плацкартные. Факторы приобретения билетов в них были разные: от уровня доходов потенциального пассажира до индивидуального выбора времени приобретения билетов. Подчас играли проблемы моральных установок, развитие «теневых» связей. К тому же дороги и региональные власти получили возможность по мере подготовки и согласования с союзными органами власти переводить на уровень фирменных новые маршруты.

В силу ослабления требовательности в последние десятилетия Советской власти, недостаточной

дифференциации в оплате особая комфортность достигалась усилиями многих структур, не всегда удавалось ее поддерживать на протяжении длительного периода. В контексте общего ослабления системы

это не могло не порождать степень сомнения в конкретном устройстве общества. Наряду с другими факторами это стало одной из причин его распада.

Литература

1. Вартаньян Г. Сколько профессий у проводника? // Гудок: Орган Министерства путей сообщения СССР. 1977. 20 нояб. / Читатель продолжает разговор.
2. Васильев В. Т. Пассажирский комплекс дороги // Железнодорожный транспорт: ежемесячный технико-экономический журнал, орган МПС СССР. 1996. № 10.
3. Васильев В. «Сибиряк» с эмблемой ССО // Молодость Сибири: Орган Новосибирского обкома ВЛКСМ. 1983. 6 авг. / Завтра – День железнодорожника.
4. Агеева И. А., Баянова Л. И., Ваулин Г. В. [и др.]. Вековой путь на службе Отечеству. Страницы истории Западно-Сибирской железной дороги / под общ. ред. В. И. Старостенко. Новосибирск: Сибирская горница, 2001.
5. Виктор Н. Сервис отличный! // Железнодорожник Кузбасса: Орган управления и дорпрофсожа Кемеровской железной дороги. 1981. 15 февр.
6. Вокзалы Западно-Сибирской железной дороги / под общ. ред. А. В. Целько. Новосибирск, 2005.
7. Глухов Ю. Будет поезд фирменным // Западносибирский железнодорожник: Орган управления и дорпрофсожа Западно-Сибирской железной дороги. 1987. 3 февр. / Внимание пассажирским.
8. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 1. Д. 1172.
9. ГАО. Ф. П-604. Оп. 1. Д. 978.
10. ГАО. Ф. Р-1695. Оп. 23. Д. 49.
11. ГАО. Ф. Р-1695. Оп. 23. Д. 178.
12. Государственный архив Кемеровской области (ГАО). Ф. П-74. Оп. 36. Д. 22.
13. ГАО. Ф. П-75. Оп. 35. Д. 113.
14. ГАО. Ф. П-75. Оп. 39. Д. 195.
15. ГАО. Ф. П-126. Оп. 13. Д. 47.
16. ГАО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 13.
17. ГАО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 251.
18. ГАО. Ф. Р-1207. Оп. 1. Д. 2098.
19. Железная дорога Екатеринбург – Тюмень – Омск: очерки истории Тюменского отделения дороги. Тюмень, 2000.
20. Железнодорожник Кузбасса: Орган управления и дорпрофсожа Кемеровской железной дороги. 1983. 21 июля.
21. Железнодорожник Кузбасса. 1989. 25 марта.
22. История железнодорожного транспорта России: учебное пособие / под ред. А. В. Гайдакина, И. И. Галиева, В. А. Четвергова. Омск: ОмГУПС, 2002.
23. История железнодорожного транспорта Советского Союза. Т. 3. 1945 – 1991 гг. / под общ. ред. В. Д. Кузьмича, Б. А. Левина. М.: МГУПС, 2004.
24. Кемеровская область в цифрах. 1970 – 1980 годы (Статистический сборник) / общ. ред. В. С. Королева. Кемерово: Кн. изд-во, 1981.
25. Кемеровская область в цифрах. 1975 – 1985 годы (статистический сборник) / отв. за вып. В. И. Безматерных, В. С. Королева. Кемеровск. кн. изд-во, 1987.
26. Кемеровская орденоносная: статистический сборник / общ. ред. С. Н. Витковского. Кемерово: Кн. изд-во, 1968.
27. Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. / сост. Г. М. Афонина. М., 1995.
28. Крейнис З. Л. Очерки истории железных дорог. Два столетия. М.: УМЦентр по образованию на железнодорожном транспорте, 2007.
29. Кузбасс. История в цифрах / Администрация Кемеровской области, Кемеровостат. / дир. проекта – О. В. Терехина. Новосибирск: Экор-книга, 2008.
30. Кузбасс. История в цифрах: стат. сб. / редкол.: С. М. Григорьев (пред.) [и др.]; Кемеровостат. Кемерово, 2008.
31. Магистраль. 1896 – 2006. Начальники железных дорог Западной Сибири: Исторические очерки / пред. орг. к-та А. В. Целько. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2006.
32. Мишенин С. Е. Железнодорожный транспорт в Западной Сибири в 1965 – 1991 гг.: организация сохранности грузов, безопасности и комфорта пассажиров: монография. Кемерово: Офсет, 2012.
33. Народное хозяйство Новосибирской области за 1971 – 1975 гг.: стат. сб. / ред. Н. В. Печорина. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1976.
34. Новосибирск. 100-лет. События. Люди. Новосибирск, 1993.
35. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. П-607. Оп. 1. Д. 3586.
36. ЦДНИТО. Ф. П-607. Оп. 1. Д. 3641.

37. ЦДНИТО. Ф. П-607. Оп. 1. Д. 3803.
38. ЦДНИТО. Ф. П-607. Оп. 1. Д. 3917.
39. ЦДНИТО. Ф. П-1142. Оп. 6. Д. 19.
40. ЦДНИТО. Ф. П-1142. Оп. 6. Д. 26.
41. ЦДНИТО. Ф. П-5607. Оп. 1. Д. 17.
42. ЦДНИТО. Ф. П-5607. Оп. 5. Д. 29.
43. Омское отделение Западно-Сибирской железной дороги: 50 лет [Б. г. Б. изд-ва] [1996].
44. Пассажиру – гладкий путь: корр. газеты «Красное знамя» встретился с начальником Тайгинского отделения Западно-Сибирской железной дороги Н. А. Кузнецовым // Красное знамя: Орган Томского областного комитета КПСС и областного совета народных депутатов. 1968. 4 авг. / Сегодня – всесоюзный день железнодорожника. Зовут на север стальные магистрали.
45. Петин А. Станция Бийск. «Предгорье» – поезд фирменный // Бийский рабочий: Орган Бийского городского комитета КПСС и городского Совета народных депутатов Алтайского края. 1988. 10 авг. С. 1.
46. Потапович Н. А., Химушкина Е. А., Купоров А. И. Фирменные поезда: особенности эксплуатации и экономика // Железнодорожный транспорт. 1988. № 1.
47. 50 лет Кемеровской области (1943 – 1993): юбилейный статистический сборник. Кемерово, 1992.
48. Регионы России. Статистический сборник: в 2-х т. / редкол. В. И. Галицкий (пред.) [и др.]. М.: Госкомстат РФ, 1999. Т. 2.
49. «Сибиряк» идет по стране // Вечерний Новосибирск: Орган Новосибирского городского комитета КПСС и городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся (с 1977 г. – Совета народных депутатов) Новосибирской области; с 1990 г. – Городская массовая газета. 1965. 12 июня / Репортаж из скорого поезда.
50. Совершенствовать работу стальных магистралей: [отчет с собрания партийно-хозяйственного актива работников железнодорожного транспорта в Томской области] // Красное знамя. 1977. 19 апр.
51. Справка Главного пассажирского управления МПС СССР в министерство о количестве фирменных поездов. Не ранее 31 декабря 1989 г. // Железнодорожный транспорт СССР 1971 – 1991 гг.: сборник документов / МПС РФ. Редкол.: Г. М. Фадеев (гл. ред.) [и др.]. М., 2003.
52. Угольная магистраль России. Из истории Кемеровской железной дороги: массово-политическое издание / сост. Е. Логинова, Г. Шалакин. Кемерово: Центр-полиграф, 2004.
53. Хронограф // Аргументы и факты Алтай: региональное приложение для читателей Алтайского края и Республики Алтай. 2005. № 49.
54. Банников В. В., Безматерных В. И. и др. Шаги пятилетки. Кузбасс – 1985; ред. Э. П. Дубровская. Кемерово: Кн. изд-во, 1986. Вып. 27.
55. Шолохов С. Чудо на колесах // Вечерний Новосибирск: Орган Новосибирского городского комитета КПСС и городского исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся (с 1977 г. – Совета народных депутатов) Новосибирской области; с 1990 г. – Городская массовая газета. 1966. 29 июля. / Репортаж.

Информация об авторе:

Мишенин Сергей Евгеньевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей отечественной истории факультета истории и международных отношений КемГУ, s-e-m-57@mail.ru.

Sergey E. Mishenin – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of Contemporary Russian History, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 29.12.2014 г.

ОТНОШЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО И ВРЕМЕННОГО СИБИРСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В 1918 Г. (по материалам газеты «Сибирский вестник»)

М. М. Стельмак

RELATIONS BETWEEN THE BRITISH GOVERNMENT AND THE PROVISIONAL SIBERIAN GOVERNMENT IN 1918

(as reflected in «Siberian herald» newspaper)

M. M. Stelmak

В статье рассматривается освещение деятельности союзников антибольшевистского движения в годы Гражданской войны в России на примере Великобритании. В качестве источника приводятся публикации из газеты «Сибирский вестник» – официального печатного органа Временного Сибирского правительства, находящегося в Омске. Основные учёные, поднимающие вопрос отображения образа союзников: Н. А. Глущенко, И. П. Колдомасов, П. В. Нестеренко, Е. Ю. Сергеев. Однако, непосредственно образ иностранных союзников в прессе времен Гражданской войны в России не получил должного освещения.

Также в статье приводятся характеристики данного периода, раскрывающие в каких условиях происходило формирование образа иностранного союзника, по какой причине, в публикациях «Сибирского вестника», все действия со стороны Великобритании преподносились только в положительном аспекте.

В заключении, автор делает вывод, что вопрос получения военной помощи от союзников стоял для Временного Сибирского правительства на первом месте, ввиду этого лишь положительные публикации о действиях союзников могли выйти в печать.

The paper studies the coverage of the activities of the anti-Bolshevik movement's foreign allies in the Civil War in Russia. As an example, foreign affairs with Great Britain are considered. The research is based on the materials of «Siberian Herald» – the main official newspaper of the Provisional Siberian Government.

The main scientists who studied this scientific field are: N. A. Glushchenko, I. P. Koldomasov, P. V. Nesterenko, E. Yu. Sergeyev. But it should be noted that the image of the anti-bolshevik movement's allies was poorly covered in the periodicals. The paper explains the events of this period, and suggests the reasons why Great Britain was only mentioned in positive contexts.

Finally, the conclusion is made stating that receiving military aid was necessary for the Provisional Siberian Government. In view of this «Siberian Herald» wrote only positive pieces about Great Britain.

Ключевые слова: Гражданская война в России, антибольшевистское движение, Великобритания, Антанта, пресса, международные отношения.

Keywords: Russian Civil War, Anti-Bolshevik movement, Great Britain, the Entente, the press, foreign affairs.

Осенью 1918 г. на фронтах Первой мировой войны шли последние бои. У Германии ещё оставались значительные силы для сопротивления. В России в этот период в внутривойсковой сфере ситуация была крайне напряженной. Практически вся территория востока России уже находилась под контролем антибольшевистских сил. Но в то же время, большая часть всех военно-промышленных предприятий и ресурсов находилась в Советской России. Внутри белого движения превалировала точка зрения об общности планов большевиков с немецким генеральным штабом. «В такой ситуации белое движение испытывало существенную необходимость в помощи извне, со стороны прежних союзников по Первой мировой войне. Последних сильно беспокоила возможность Германии использовать людские резервы в виде военнопленных, которые находились на территории России и извлечь экономические выгоды из мира с ней» [11, с. 36].

Изначально правительства западных стран не воспринимали Октябрьскую революцию как помеху в ведении войны, но вскоре такое отношение изменилось. Как отмечает воронежский историк, доктор исторических наук, профессор А. Я. Переверзев: «Бывший посол в Англии К. Д. Набоков, оставшийся в Лондоне, писал, что союзники были заняты войной, и

им было не до русских правительств. После Брест-Литовского мира и выхода России из войны в Англии зародилось сомнение в возможности одержать победу над Германией и Австро-Венгрией, настроение у всех было подавленное» [19, с. 239]. Антанта испытывала необходимость в восстановлении Восточного фронта и курс правительства Советской России, естественно, не находил поддержки. Американский исследователь П. Флеминг следующим образом характеризует значение России в годы Первой мировой войны: «Русский фронт, даже когда дела шли хуже некуда, неизменно отвлекал на себя внимание германского Верховного командования, и с самого начала войны именно этот непреложный факт накладывал отпечаток на планы, строившиеся в лагере западных союзников» [26, с. 27].

В то же время и антибольшевистские силы нуждались в помощи со стороны Антанты в войне с советской республикой. Но в таких условиях возникали опасения – не воспользуются ли союзники слабостью России, и не будут преследовать только свои интересы? Практически сразу после окончания Гражданской войны, уже бывшие деятели антибольшевистского движения регулярно подвергали критике иностранных союзников. «Можно с определенностью сказать, что общая политика союзников вызывала в Омске глущо-

кое разочарование. Вероятно, и недовольство политиков Министерства иностранных дел вызывалось растущим недовольством в отношении союзников» [14, с. 309], – писал С. П. Мельгунов о ситуации в Омске осенью 1919 г.

Подобные заявления стали появляться в момент отступления белых армий в связи с чем действиями союзников пытались оправдать военные поражения. Но в 1918 г. антибольшевистские силы были вынуждены искать союзнической помощи, зачастую не рассматривая вопрос о последующей оплате. Практически с самого начала Гражданской войны политические образования антибольшевистской России декларировали общность интересов с союзниками, неизбежность всех ранее заключённых соглашений. В августе 1918 г. в Омске появляется подобная правительственная декларация, содержащая следующее: «Временное Сибирское правительство считает Сибирь частью нераздельной России. Вместе со всей Россией она не признает Брестского мира и в предвидении грядущего объединения областных правительств под одну общероссийскую власть торжественно заявляет, что все договоры и обязательства перед союзниками так же обязательны для Сибири, как и для прочих частей России и что во имя общероссийских и союзных интересов Сибирская армия готовится к совместной с союзниками мировой борьбе...» [23, с. 370].

В отечественной историографии в последние два десятилетия возник интерес к истории формирования образа иностранных союзников в различные периоды истории. К настоящему моменту уже имеется целый ряд исследований посвящённых теме возникновения и эволюции представлений о союзниках [12; 22]. При этом вопрос формирования антибольшевистской прессы образа союзников в Сибири практически не изучен. Из работ, поднимающих данную проблематику, важно выделить диссертацию П. В. Нестеренко, где автор выявил информационные возможности сибирской и дальневосточной прессы для изучения взаимоотношений Российского правительства А. В. Колчака и стран-участниц союзной интервенции [15]. В исследовании Н. А. Глушенко рассматриваются вопросы освещения Гражданской войны и интервенции в Сибири со стороны союзников на примере американской периодической печати [6]. Тем не менее процесс эволюции образа союзников на страницах антибольшевистской прессы в ходе Гражданской войны в России еще не освещён должным образом.

В данной статье на примере Великобритании рассматривается освещение восприятия иностранной военной помощи белому движению на страницах газеты «Сибирский вестник» – официального печатного органа Временного Сибирского правительства. Газета издавалась с августа по ноябрь 1918 г. Редакция газеты находилась в Омске. Газета имела двух редакторов: за официальную часть отвечал П. Ф. Пономарёв, а за неофициальную – Л. С. Ушаков. С 25 октября 1918 г. главное редактирование газетой перешло в руки В. А. Кудрявцева. Редакция «Сибирского Вестника» находилась в подчинении правительственного информационного бюро [27, с. 106]. Выпуск газеты производился типолитографией Омской железной дороги.

Поскольку «Сибирский Вестник» был официальной правительственной газетой, то получение её экземпляра являлось обязательным для всех губернских (областных) и уездных (окружных) правительственных учреждений, должностных лиц и всех самоуправлений. Первая страница газеты, как правило, отводилась под официальные сообщения и публикацию нормативно-правовых актов Временного Сибирского правительства. Со второй страницы начиналась «Часть неофициальная», которая плавно переходила на третью и четвёртую страницы, отражая, наряду с иностранной и общероссийской жизнью, события регионального уровня, происходящие на востоке России и, в частности, в Омске. Заканчивался «Сибирский вестник» небольшим традиционным для прессы тех лет блоком рекламных объявлений, касавшихся Омска.

Международные отношения и иностранная военная помощь являлись для сибирской контрреволюции особо актуальным вопросом. В связи с этим, обсуждения последствий присутствия военных контингентов иностранных союзников не сходило со страниц антибольшевистской печати. За время выхода газеты «Сибирский вестник», с 16 августа по 6 ноября 1918 г., более 20 статей было посвящено английской политике в отношении России. И вполне очевиден и объясним информационный приоритет «Сибирского вестника» на публикацию статей и интервью об иностранных союзниках (по сравнению с другими сибирскими периодическими изданиями). Именно статус главного печатного органа Временного Сибирского правительства позволял публиковать на его страницах официальные заявления, интервью и прочие материалы, связанные с деятельностью великобританских подданных в Сибири.

В данных публикациях особо подчеркивалось, как редакцией газеты, так и приводимыми интервью, бескорыстная помощь Великобритании и полное совпадение её интересов с антибольшевистским движением, отсутствие у англичан каких-либо меркантильных интересов.

Так, в статье «Великобритания и русские дела» английский консул Т. Престон заявлял: «Мы намерены помогать России, во имя общих интересов людьми, снаряжением и финансами, но мы не намерены вмешиваться во внутренние русские дела» [1, с. 3]. В газете были опубликованы, в том числе, заявления об отсутствии каких-либо целей вмешиваться во внутреннюю политику России. Наоборот, Великобритания заинтересована в сильной России. В словах Т. Престона звучало: «Конечно, никакой речи быть не может об официальном вмешательстве в русские дела с нашей стороны. Я приветствую возвращение России к союзникам, ещё больше приветствую возрождение России и то обстоятельство, что есть данные на то, что Россия займет подобающее место среди других великих держав мира, которое занимало раньше» [1, с. 3].

В последующих публикациях неоднократно цитировались официозные заявления английских политиков о желании помочь в борьбе с общими (как им казалось) врагами – Германией и большевиками. Так, в опубликованной телеграмме, пришедшей из Владиво-

стока, министр иностранных дел А. Бальфур заявляет: «Мы прекрасно помним всю помощь, оказанную нам вашими геройскими армиями в первые годы войны. Теперь наша очередь прийти на помощь вам спастись от раздела и гибели, грозящих вам от рук Германии, которая старается поработить ваш народ и использовать для себя неисчислимые богатства вашей страны. Мы торжественно заявляем, что, вступая в пределы России, чтобы поддержать вас в борьбе против Германии, мы не удержим ни одной пяди вашей территории» [16, с. 2].

Таким образом, А. Бальфур должен был успокоить политические силы антибольшевистской России, беспокоящихся о распаде страны и утрате политической самостоятельности и показать совпадение целей. «Народ России! Мы не только стремимся отразить германское вторжение, но и оказать экономическую помощь вашей разорённой, страждущей стране. Партии некоторых припасов уже нами посланы, за ними последуют другие. Нашей задачей является содействие развитию вашей промышленности и использованию вами самими природных богатств вашей родины, но ни в коем случае не эксплуатация их в наших узких интересах. Мы хотим восстановить товарообмен, поощрить земледелие и, наконец, дать России силы занимать в семье свободных народов мира то место, которое подобает среди них. Русские люди, соединяйтесь же с нами в деле защиты ваших свобод. Наше единственное желание – видеть Россию сильной и свободной, и затем отойти в сторону, чтобы издали взирать на русский народ, выковывающий свою дальнейшую судьбу, согласно своей выраженной воле» [16, с. 2].

В свою очередь, с российской стороны шло проявление солидарности с союзниками. Омские власти старались организовать встречи и приёмы на самом высоком уровне. Накануне приезда британского консула Ч. Эллиота управляющему делами Министерством внутренних дел С. С. Старынкевичу из Министерства иностранных была послана телеграмма следующего содержания: «В понедельник 30-го сентября или во вторник 1-го октября через г. Омск проследует Чрезвычайный Уполномоченный Английского Правительства сэр Чарльз Эллиот, после чего возвратиться в Омск, а потому прошу не отказывать в любезности сделать срочное распоряжение Вашему уполномоченному полковнику Ерофееву о приготовлении в лучшей гостинице города шести отлично меблированных номеров» [4, л. 95]. Во время встречи Ч. Эллиота, С. С. Старынкевич высказал благодарность за помощь от британского правительства: «Приветствую в Вашем, Господин Чрезвычайный Уполномоченный, лице великий британский народ, который искренне неизменно становился там, где борьба за свободу и права человечества. И в настоящую войну английский народ монолитной стеной стоит против насильников, тщетно желающих сковать свободу культурных народов» [18, с. 2]. Причем, в конце данной статьи была поставлена пометка «для немедленного опубликования».

Редакция «Сибирского вестника» прилагала все усилия, чтобы оградить Великобританию от напрасной клеветы. Чтобы развеять слухи о планах Велико-

британии в отношении России, газета неустанно приводила слова Ч. Эллиота: «Слухи о том, что на основании состоявшегося соглашения, что Япония или другое союзное государство в награду за вмешательство получит часть русской территории, совершенно ни на чем не основаны» [8, с. 2].

Далее Ч. Эллиотом подчёркивалось, что Великобритания не желает сковывать действия России, наоборот стремится, чтобы она вновь стала самостоятельным государством, проводившим независимую политику во всех сферах. Прежде всего, это затрагивает вопросы военной политики. «Что касается взгляда сэра Эллиота на возможность в данное время создания самостоятельной боеспособной русской армии, мы получили ответ, что английское правительство и демократия желают воскрешения самостоятельной армии русских и имеет основание верить в скорое осуществление этого. Английское правительство готово признать всякую власть в России, какой бы она ни была, лишь бы она являлась принятой русским народом, лишь бы она была единой» [13, с. 3].

Между строк прослеживаются основные мотивы помощи со стороны Великобритании – восстановление Восточного фронта Первой мировой войны, продолжение войны до победного конца. Именно таким образом трактуются действия британского правительства на страницах «Сибирского вестника». «На вопрос, какие компенсации должны вознаградить союзников за их материальную, техническую и военную помощь России, сэр Эллиот сделал заявление от имени своего правительства, что как уже подчеркивалось в воззвании лорда Бальфура к русским, Англия не думает ни о каких территориальных компенсациях, и добавил, что для его страны не нужны и компенсации денежные. Англия вместе со своим правительством и народом, надеется исключительно на то, что за свою помощь России – русское правительство и народ поможет Англии своими силами создать мощное противодействие общему врагу – Германии и не откажется от борьбы с нею» [13, с. 3].

Верный союзник сам делает всё возможное, чтобы пресечь попытки Германии по захвату новых территорий: «Газета приводит речь Бальфура в парламенте, в которой указывается, что союзники не заключат мира, пока не заставят Германию отказаться от захватнических проектов в России» [9, с. 3]. Дается понять, что в Великобритании такой позиции придерживаются все от министра до простого офицера. Представитель английского отряда отметил, что цель приезда их в Россию – вместе с русскими бороться за идею свободы и полного народовластия, чтобы общими силами сломить упрямство германских империалистов и заставить германскую коалицию признать условия всеобщего демократического мира» [2, с. 2].

Заявления подобного рода подкреплялись на деле. 17 октября 1918 г. военный министр Временного Сибирского правительства П. П. Иванов-Ринов направил в Омск шифрованное сообщение об итогах переговоров с главой британской военной миссии. В документе говорилось: «Нокс проявляет горячую готовность помочь нам. Передал ему подробные письменные материалы об армии и сметы на её содержание. Получил обещание снабдить нас всем необходимым, включая

артиллерию, и вооружение, по расчету на 100 тысяч бойцов» [28, с. 61].

Газета уделяла много внимания непосредственно восприятию иностранной помощи местным населением и в других регионах страны. Так, приводились впечатления одного из английских дипломатов, наблюдавшего высадку десантных войск в Мурманске, которая была встречена с полным восторгом. «Пожилые мужчины и женщины плакали от радости и заявляли, что, наконец, Россия будет спасена» [21, с. 2]. Пропагандистский ход имел успех, в связи с чем, член британской военной миссии полковник Д. Уорд замечал: «Я должен сказать, что был польщен, той почти детской верой, которую поляк, чех и русский питают к имени и чести Англии. Без сомнения, мы представляем единственную нацию, из всех представленных на этом фронте, и вообще в Сибири, против которой не направлено ни одного слова подозрения» [25, с. 35].

Завершает обзор публикация, посвященная торжественному приему британских войск. Чтобы подчеркнуть всю важность этого события, статья начинается заголовком, написанным заглавными буквами *«СЕГОДНЯ ПРИЕЗЖАЮТ СОЮЗНЫЕ ВОЙСКА. ПРИВЕТ ДОБЛЕСТНОЙ АНГЛИЙСКОЙ АРМИИ»*. Судя по описанию церемонии, организации встречи уделялось большое внимание: «Сегодня в Омск прибывают английские войска. В 12 часов дня состоится торжественная встреча их на городской ветке. Будет выставлен почетный караул Сибирской армии и чехословаков. После приветствия и церемониального марша английские войска пройдут с оркестром музыки по Атаманской улице до кадетского корпуса» [20, с. 2]. Среди встречающих находились представители различных учреждений. Согласно церемониалу среди них были представители от: «Военного ведомства (ставки, штаба армии и корпуса), города, других ведомств по усмотрению Совета Министров, Красного Креста и городских дам» [10, л. 1].

В приведенных выше публикациях прослеживается линия, направленная на презентацию Великобритании, как одного из самых верных союзников России, не только в Первой мировой, но и в Гражданской войне. Подобного рода публикациями пытались воздействовать и на непосредственно британских консулов и членов военных миссий, поскольку осень 1918 г. зачастую, в частных беседах, не получали желаемых заверений о помощи. Председатель Временного Сибирского правительства П. В. Вологодский, во время командировки во Владивосток отмечал в своём дневнике от 21 сентября 1918 г., что во время беседы с дипломатами, было заявлено, что присланные союзниками войска должны обеспечить помощь чехословацким, а не русским войскам [7, с. 97]. Примерно в это время глава Восточного отдела ЦК кадетской партии В. Н. Пепеляев отметил, что хоть Великобритания готова искренне оказывать поддержку, снабжением и финансами, вопрос о военной помощи всё ещё остаётся открытым [17, с. 47]. Судьба чехословацкого корпуса не могла остаться без внимания Великобритании. В 1921 г. Г. К. Гинс писал, что кроме продолжения войны с Германией, союзники имели планы в отношении чехословацких солдат: «Забота о чехословацком войске – вот второй фактор поведения союзников. Надо вспомнить, что война приближалась к концу.

Человеческие ресурсы с обеих сторон истощались. Пятьдесят тысяч свежих обученных войск были очень существенной величиной. Поэтому стремление освободить чехам путь было вполне серьёзно, и первые союзные отряды проявляли даже военную активность» [5, с. 256].

Таким образом, из статей официального органа печати Временного Сибирского правительства, посвящённых политике Великобритании в отношении России, можно сделать вывод, что вмешательство во внутренние дела вызывало определенное беспокойство у сибирской общественности. Но в то же время антибольшевистское движение остро нуждалось в помощи извне, поскольку на территории Сибири не было ни одного военного завода. В связи с этим приходилось принимать помощь, не задумываясь о дальнейших последствиях. Однако ещё с середины 1917 г., благодаря агитации правительства А. Ф. Керенского, в различных слоях общества утвердилось мнение о финансировании большевиков Германией. Несмотря на отсутствие доказательств, такая точка зрения получила распространение в антибольшевистской среде. Германия и Советская Россия стали видеться единым противником.

Такая ситуация поставила белое движение в неловкое положение. Ведь приглашая иностранные войска на территорию России, они мало чем отличались от большевиков. В связи с этим, требовалось продемонстрировать разницу между действиями Германии и Великобритании. Поэтому, зачастую без какого-либо анализа, принимались на веру заявления британских политических деятелей как нечто само собой разумеющееся. Внешняя политика Великобритании преподносилась как совершенно бескорыстная, не имеющая каких-либо планов на экспансию в Россию, наоборот, заинтересованная в создании сильной державы. В то же время продолжавшаяся Первая мировая война позволяла продемонстрировать союзническую помощь как продолжение прежних соглашений с Антантой. Здесь миф о «немецком золоте» большевиков мог сыграть на руку, поскольку создавалось впечатление, что война с большевиками является лишь продолжением войны с Германией. На сомнительность одного из главных «доказательств» сотрудничества большевиков с Германией – «документов Сиссона», сфабрикованных авантюристом Ф. А. Оссендовским, предпочитали не обращать внимания [24].

Характер освещения британской политики в правительственной газете антибольшевистского движения «Сибирский вестник», позволяет продемонстрировать важность международной поддержки антибольшевистскому движению осенью 1918 г., ради которой все вопросы о цене такой помощи старательно камуфлировались или отходили на второй план. Тем более представители омских властей помнили, как ближе к концу Первой мировой войны простые солдаты стали относиться к союзникам, в основном, отрицательно. «Солдаты стали воспринимать войну не как рок, неподвластный человеческой воле, а как навязанную им внешними и внутренними силами, в частности союзниками, правящими классами, которые преследовали корыстные интересы, намеривались осуществить их ценой жизни, здоровья и благополучия крестьян и рабочих России» [3, с. 160].

Также, это свидетельствует о необходимости получить иностранную помощь любой ценой. Без нее Временное Сибирское правительство просто не видело возможности победить большевиков. В той ситуации вопрос о «цене такой помощи», правительствен-

ным органом печати либо замалчивался, либо помощь бывших союзников по Антанте представлялась как выполнение ими союзнических обязательств по отношению к России в ходе Первой мировой войны для борьбы с Германией.

Литература

1. Великобритания и русские дела // Сибирский вестник (Омск). 1918. 19 сентября.
2. Внутренние известия // Сибирский вестник (Омск). 1918. 2 октября.
3. Голубев, А. В., Поршнева О. С. Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн. М.: Новый хронограф, 2011. 392 с.
4. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 30.
5. Гинс Г. К. Сибирь, союзники и Колчак. Поворотный момент русской истории. 1918 – 1920. М.: Айрис-пресс, 2013. 672 с.
6. Глушенко Н. А. Гражданская война интервенция в Сибири и на Дальнем Востоке в оценках американской периодической печати (конец 1917 – апрель 1920 гг.): по материалам газеты «The New York Times»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 22 с.
7. За спиной Колчака: документы и материалы. М.: Аграф, 2005. 512 с.
8. Заявление сэра Эллиота // Сибирский вестник (Омск). 1918. 2 октября.
9. Известия Сибирского телеграфного агентства // Сибирский вестник (Омск). 1918. 24 октября.
10. Исторический архив Омской области. Ф. Р-1015. Оп. 1. Д. 17.
11. Какурин Н. Е. Как сражалась революция. Т. 1. М.: Политиздат, 1990. 272 с.
12. Колдомасов И. П. Образ союзников по антигитлеровской коалиции в представлениях советского общества в 1941 – 1945 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2000. 25 с.
13. К поездке сэра Эллиота // Сибирский вестник (Омск). 1918. 3 октября.
14. Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака: в 2 кн. Кн. 2. Ч. III. М.: Айрис-Пресс, 2004. 496 с.
15. Нестеренко П. В. Сибирская периодическая печать о взаимоотношениях правительства А. В. Колчака с союзниками: источниковедческий аспект: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2000. 30 с.
16. Обращение Великобританского правительства к русскому народу // Сибирский вестник (Омск). 1918. 26 сентября.
17. Окрест Колчака: документы и материалы. М.: Аграф, 2007. 512 с.
18. Омск // Сибирский вестник (Омск). 1918. 1 октября.
19. Переверзев А. Я. Комуч. Директория. Колчак. Антисоветский лагерь в Гражданской войне на Востоке России в документальном изложении, портретах, лицах. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2003. 703 с.
20. Приезд союзных войск // Сибирский вестник (Омск). 1918. 26 октября.
21. Разные сообщения // Сибирский вестник (Омск). 1918. 29 сентября.
22. Сергеев Е. Ю. Образ Запада в представлениях военной элиты России, 1900 – 1914 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2001. 34 с.
23. Серебrenников И. И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: Издательство АСТ, 2003. 695 с.
24. Старцев В. И. Немецкие деньги и русская революция: Ненаписанный роман Фердинанда Оссендовского. СПб.: Крига, 2006. 288 с.
25. Уорд Д. Союзная интервенция в Сибири 1918 – 1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного отряда полковника Джона Уорда. М.; П.: Государственное издательство, 1923. 172 с.
26. Флеминг П. Судьба адмирала Колчака 1917 – 1920. М.: Центрполиграф, 2007. 270 с.
27. Шереметьева Д. Л. Газета «Сибирский вестник» // Материалы XLIII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс»: История / НГУ. Ч. 2. Новосибирск, 2005. 154 с.
28. Эйхе Г. Х. Опрокинутый тыл. М.: Воениздат, 1966. 384 с.

Информация об авторе:

Стельмак Максим Максимович – аспирант кафедры Отечественной истории факультета гуманитарного образования ОмГТУ, stelmakmm@mail.ru.

Maksim M. Stelmak – post-graduate student at the Department of Russian History, Omsk State Technical University.

(Научный руководитель: Сушко Алексей Владимирович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры Отечественной истории факультета гуманитарного образования ОмГТУ.

Aleksey V. Sushko – Doctor of History, Associate Professor, Professor at the Department of Russian History, Omsk State Technical University).

Статья поступила в редколлегию 20.01.2015 г.

УДК 902/904 (574)

УКРЕПЛЕННАЯ УСАДЬБА БАЛАНДЫ (БУЛАНДЫ) В НИЖНЕМ ТЕЧЕНИИ СЫРДАРЬИ

Ж. Р. Утубаев

THE FORTIFIED FARMSTEAD OF BALANDY IN THE LOWER REACHES OF THE SYRDARIA

Z. R. Utubaev

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (проект № 0331/ГФ «Изучение памятников Чирикратской культуры в низовьях Сырдарьи (вторая половина I – тыс. до н. э.)»).

В статье рассматриваются памятники, отнесенные исследователями к чирикратской культуре укрепленная усадьба Баланды является центром небольшого земледельческого оазиса, который базировался на магистральном канале, между протоков Инкардарьи и Жанадарьи.

The paper focuses on some sites attributed by researchers to the Chirikrabat culture. The fortified farmstead of Balandy is the centre of a small farmland oasis situated on the magistral channel between the Inkardaria and the Zhanadaria flows.

Ключевые слова: Баланды, крепость, фортификация, усадьба, керамика.

Keywords: Balandy, fortress, fortification, farmstead, ceramics.

Проток Жанадарья, начинаясь от одного из древних русел Сырдарьи на территории Казахстана, используя старые русла системы протоков Инкардарьи, уходит на юго-запад, а потом на запад к Аральскому морю. Б. В. Андрианов считает, что древнее русло Жанадарья – одно из молодых русел древней Сырдарьинской дельты, которое возникло тогда, когда дельтовая равнина была в основном сформирована, и на ней существовали многочисленные, уже не обводняемые староречья. В это время река Сырдарья текла по современному руслу на северо-запад, а по Жанадарье и по некоторым другим протокам сбрасывалась лишь часть ее воды [1]. Эту же ситуацию мы видим в настоящее время, когда весной, в паводковое время, вода на Сырдарье поднимается, и часть воды вручную сбрасывают по древнему руслу Жанадарьи.

Наиболее ранние памятники на древнем русле Жанадарьи оставлены потомками сакских племен, которые на базе культуры ранних саков низовьев Сырдарьи и сильного культурного влияния земледельческих оазисов юга Средней Азии на рубеже V – IV вв. до н. э. создали своеобразную чирикратскую культуру, которая существовала в IV – II вв. до н. э. [8, с. 136 – 137; 2, с. 177 – 178].

Большой комплекс памятников, относящихся к чирикратской культуре сакских племен низовьев Сырдарьи, расположен в зоне древних протоков Средней Жанадарьи: это Бабишмуллинский, Чирикратский и Баландинский оазисы. Памятники чирикратской культуры, датирующиеся IV – II вв. до н. э., представляют собой небольшие укрепленные поселения или крупные городища, окруженные большим количеством неукрепленных сельских поселений. Хозяйство населения было полуоседлым, но ирригационные сооружения в системе сельских бабишмуллинских поселений свидетельствуют о существенной роли земледелия в хозяйстве их жителей, чему, видимо, в немалой степени способствовали культурные связи с земледельцами Среднеазиатских оазисов и прежде всего Хорезма.

Баланды находится в 200 км к юго-западу от современного Кызылорды и в 40 км к юго-востоку от

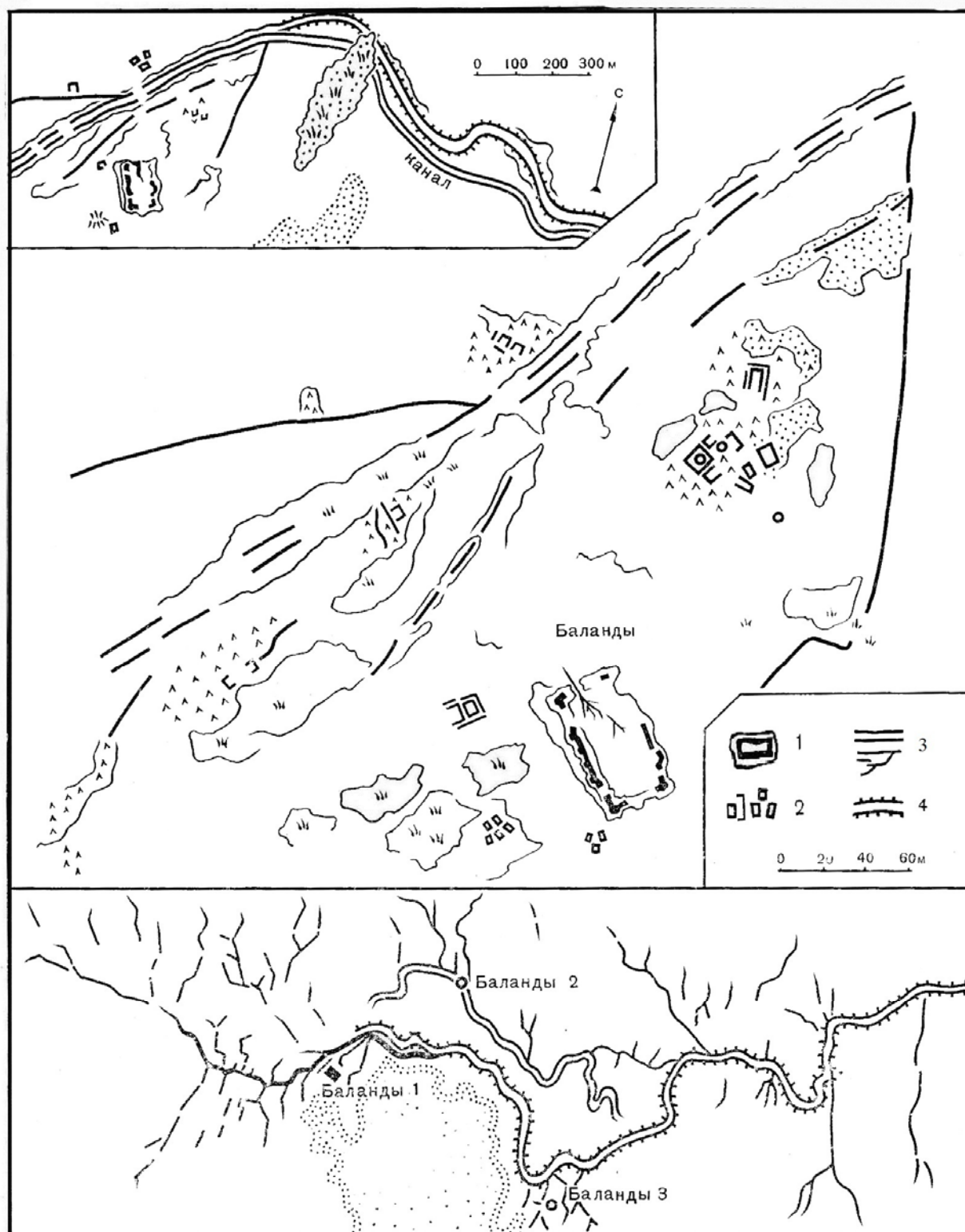
укрепленного поселения Чирик-рабата – одного из самых древних городов на территории Казахстана. Географические координаты: N 44°09'27.3" E 062°22'43.6" ALT 82 (по GPS).

Он является центром небольшого земледельческого оазиса, который базировался на магистральном канале, между протоков Инкардарьи и Жанадарьи. Общая площадь поселения составляет 8 га, на юго-востоке граничит с большими песчаными горами, а на северо-западе с обширной равнинной степью. Поселения выделяются такими особенностями, как мелкие арычные соединения на поверхности найдены коллекций обломков керамики. Можно заметить места планирования для постройки четырехугольных домов (рис. 1) [1, с. 200].

Памятник был открыт маршрутным отрядом Хорезмской археолого-топографической экспедиции в 1959 году. Работы, проведенные в 1960 – 1961 году, дали возможность определить, что Баланды является крепостью, окруженной стенами или дувалами. В процессе раскопок было исследовано несколько жилых комнат расположенных в северо-западной части памятника. Стены в этих комнатах были украшены разноцветной штукатуркой. Найденные декорированные костяные пластинки, фрагменты стеклянной посуды, большое зеркало из бронзы говорят о том, что крепость существовала в III – II вв. до н. э. [8, с. 172 – 174].

В последнее время, а именно с 2007 г., под руководством Ж. Курманкулова в регионе возобновились стационарные археологические исследования памятников [5, с. 230 – 234; 6, с. 115 – 117]. В связи с расширением и проведением археологических раскопок в крепости Баланды, были получены новые сведения о крепости.

Прямоугольный в плане памятник площадью 80 x 130 м окружен оборонительной стеной и ориентирован углами по сторонам света. Ворота расположены на северо-западе крепости, являющиеся входом в город, подобны коридору. Сохранилась крепостная стена высотой 3 м. Углы крепости усилены башнями, которые выступают полукругом наружу от оборонительной стены (рис. 2, рис. 3).

1. Укрепленная усадьба Баланды
2. Неукрепленные сельские поселений

3. Магистральные арыки
4. Магистральный канал

Рис. 1. Топографический план Баландинского оазиса

Рис. 2. Общий вид укрепленной усадьбы Баланды

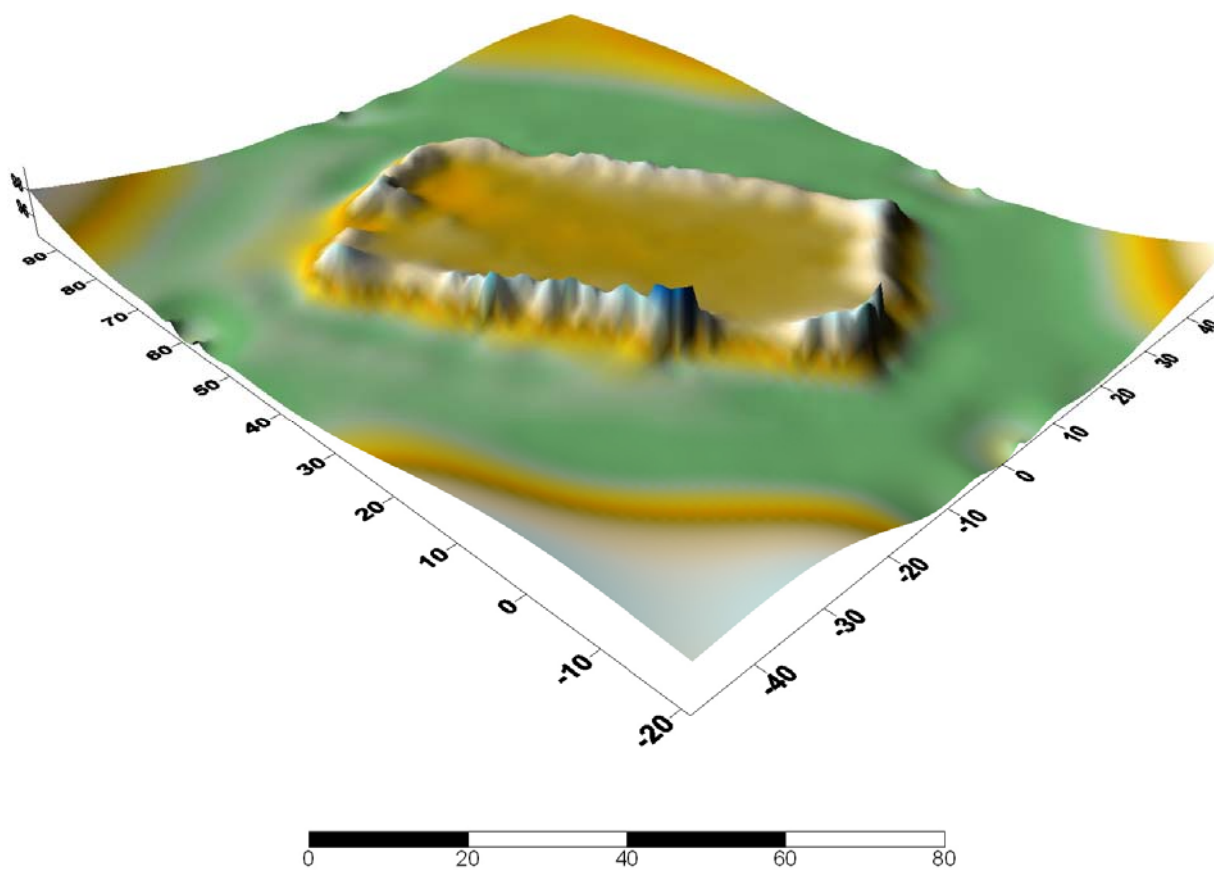

Рис. 3. Компьютерная трехмерная модель памятника

Рис. 4. Башня с бойницами

От уровня бойниц стены сложены из сырцового кирпича. На стенах и башнях бойницы, имели стреловидную форму. Высота 55 – 60 см, максимальная ширина 34 см, ширина ложа 20 см. Расстояние между бойницами 1,7 м (рис. 4). По внешнему облику крепость в определенной степени близка античной хорезмийской крепости Джанбас-кала и Кургашин-кала (IV в. до н. э.) [10, с. 16; 9, с. 120, рис. 29].

В ходе раскопок мы обнаружили что вокруг крепости были поселения и отдельные дома. Рядом с ними сохранились остатки посуды и следы арыков. Интересным фактом является то, что на юго-западной поверхности крепости были обнаружены трехгранные бронзовые наконечники стрел. Аналогичные бронзовые наконечники стрел были найдены в мавзолее Баланды 3, Чирик-2 [11, с. 30, рис. 2; 3, 47]. Наряду с этим явно видно, что башни усилены именно с этой стороны. По-видимому, внешние враги приходили именно с запада.

Как показал раскоп № 1 в юго-восточном углу памятника, удалось частично реконструировать довольно сложную картину строительства оборонительных сооружений Баланды.

В результате проведенных полевых исследований было выявлено два основных периода строительства оборонительной стены, которые, в свою очередь, подразделяются на этапы. Наиболее ранней (1-й этап, 1-го периода) является стена шириной не менее двух метров, построенная из слоистой комковатой пахсы серо-коричневого цвета. Она являлась юго-западной оборонительной стеной памятника на первом этапе его существования. В этой стене, на расстоянии 1,5 м от восточного угла стены обнаружен проход шириной 0,8 м, выводящий за пределы крепости. Можно предполагать, что это была так называемая «калитка»; конструктивный элемент, который довольно часто встречается в фортификационных системах Хорезма раннеантичного Кургашин-кала, Кырык-Молла в Куня-Ургенче [9]. Считается, что такие «калитки» ис-

пользовались для вылазок десанта обороняющихся или для незаметного отхода населения из крепости.

С внутренней стороны пахсовая стена, так же как стены прохода, была оштукатурена. Слой саманной штукатурки достигает 5 – 7 см. Очевидно, спустя некоторое время к ранней стене с внутренней стороны был пристроен стилобат шириной 1,8 м и высотой 0,8 м, сложенный из плотной комковатой глины серо-коричневого цвета. Строительство этого стилобата мы относим 2-му этапу первого периода. Обращает на себя внимание факт, что пол прохода совпадает с верхним уровнем стилобата. Вполне логично предположить, что проход во внешней стене был устроен одновременно с возведением стилобата. Таким образом, возведение внешней стены и стилобата являлось единым проектом и совершалось, если не одновременно, то с очень небольшим перерывом. При этом стилобат можно рассматривать как стрелковую площадку, откуда велся обстрел.

Культурные слои, относящиеся к первому периоду жизни памятника, зафиксированы в центральной и северо-западной частях раскопа. В центральной части раскопа обнаружена часть наземного легкого жилища овального или подпрямоугольного в плане. По всей видимости, это была немного заглубленная в грунт столбовая конструкция, может быть, навес. По краю сооружения выявлены столбовые ямки диаметром 14 – 15 см, глубиной не более 20 см. Возможно, жилище функционировало на протяжении всего первого периода, но было построено не ранее возведения стилобата.

На 20 см выше уровня «пола» зафиксирован напольный очаг в виде линзы прокаленной докрасна глины небольшого зольника. Выше очага по всей площади жилища идет зольный слой мощностью 14 – 20 см, который перекрывается слоем плотной супеси серого цвета. В этом слое был найден фрагмент бронзового сосуда – полусферическая чаша с резко отогнутым наружу верхним краем. Она близка керамическим

чашам с Г-образным венчиком, которые повсеместно встречаются среди керамики эллинистического времени – III – II вв. до н. э. [4, с. 109 – 111].

По всей видимости, зольник и очаг относятся к заключительному периоду функционирования крепости.

Ранняя внешняя стена крепости существовала довольно длительный период. В юго-восточной части хорошо прослеживаются следы ремонта – кирпичная кладка поверх пахсовой стены на отдельных участках. Эти ремонтные кладки мы относим ко второму периоду строительства стены.

Верх глиняного стилобата на высоту не менее 0,4 м обкладывается прямоугольным сырцовым кирпичом размерами 50 x 30 x 12 см или 50 x 25 x 10 см. Надо полагать, одновременно закладывается проход-«калитка». Вероятно, в это же время или чуть позже вдоль юго-восточной стены, на расстоянии 15 – 20 см от нее, также из прямоугольного кирпича строится небольшое возвышение. Наземное жилище в этот период уже не функционирует. На нем залегает культурный слой в виде пылевидной супеси с высоким содержанием золы. В этом слое обнаружено небольшое количество фрагментов керамических сосудов, в основном лепная кухонная посуда и большое количество костей животных.

Все надстройки из кирпича над ранними стенами, видимо, следует отнести к началу второго периода. К заключительному этапу строительства оборонительной стены относится возведение пахсового стилобата над ранней пахсовой стеной, послужившего основой для кирпичных стен, в которых были устроены стреловидные бойницы.

Видимо, к заключительному этапу жизни памятника относятся многочисленные ямы диаметром 0,7 – 1,2 м, сделанные в кирпичной обкладке и глиняном стилобате. Они все заполнены серой пылевидной супесью. Вероятно, эти ямы были для хранения зерна.

В ходе раскопок юго-западной стены, показали стратиграфическая ситуация здесь мало отличается от той, что была получена на раскопе 1. На раскопе 2, так же как и на раскопе 1 выявлено два периода строительства оборонительных стен. Сразу же под тонким слоем натеков – рыхлая супесь серо-коричневого цвета – идет слой кирпичного завала мощностью от 20 до 50 см. Он перекрывает довольно мощный слой натеков – толщина до 50 см, ниже которого идет культурный слой 2-го периода обживания памятника – комковатая супесь темно-серого цвета с небольшим количеством керамики и костями животных.

В этом слое была найдена ножка бронзового бокала высота 10,2 см, диаметр основания – 7,4 см. По морфологическим признакам сосуд находит полные аналогии среди керамического материала первой половины II в. до н. э. южных областей Средней Азии (Согд, Бактрия) [4, с. 114 – 115]. Ниже жилого уровня второго периода залегал слой плотного суглинка серого цвета, возможно, это забутовка, под которой зафиксирован жилой уровень 1-го периода функционирования памятника. С целью уточнения полученной периодизации была осуществлена зачистка разрушенной части оборонительной стены в южной части раскопа. Полученные материалы в целом подтвердили данные, полученные на раскопе 1.

К наиболее раннему этапу строительства относится стена – стилобат шириной 1,5 м и высотой 0,7 м. По всей видимости, первоначально, на уровне материка был построен пахсовый монолит шириной 1 м, затем ширина стилобата была немного увеличена; на расстоянии 20 – 25 см от внутренней грани пахсовой стены была построена еще одна пахсовая стенка шириной 38 – 40 см в нижней части. Она имела в сечении трехугольную форму. Пространство между этими двумя стенами было заполнено плотной комковатой глиной. Таким образом, общая ширина стилобата достигает 1,6 м. С внешней стороны к стилобату примыкает, надо полагать, внешняя оборонительная стена 1-го периода. Она была построена на основании из перемежающихся прослоек комковатого суглинка и плотной комковатой глины серо-желтого цвета. Толщина этих прослоек 20 – 35 см. На образовавшийся стилобат были положены прямоугольные или трапециевидные в сечении пахсовые блоки шириной от 50 см до 1 м. Общая высота ранней стены – 1,7 м. Ширина в нижней части достигает 3,4 м. Основания обеих стен находятся на одном уровне – на материке, который зафиксирован здесь на отметке – 3,01 от реперной точки. Видимо стены возводились одновременно или с небольшим перерывом. Таким образом, ранняя стена Баланды была ступенчатой. Можно предполагать, что она была площадкой, с которой велся обстрел нападавших.

Спустя некоторое время поверх стены стилобата, до уровня верха внешней стены укладывается слой плотной комковатой глины. Затем весь монолит ранних стен обкладывается блоками пахсы хорошего качества, ширина блока 1 – 0,8 м, высота 0,4 – 0,5 м. Таким образом, было построено основание для кирпичной стены шириной 2,8 м. На внешней части этого основания строится кирпичная стена шириной 1,2 м, в основании в которой и устраиваются бойницы. В ходе работ удалось расчистить две из них. Бойницы имели стреловидную форму: высота 55 – 60 см, максимальная ширина 34 см, ширина ложа 20 см. Таким образом, общая высота сохранившейся внешней стены составляет 3,34 м.

Остатков жилищ на раскопе 2 пока не выявлено, однако следы обживания этого участка внутри крепости как в первый, так и во второй период зафиксированы. Ко второму периоду относится очаг, устроенный на верхней поверхности стены стилобата. Напольный очаг был образован поставленными на ребро обломками сырцовых кирпичей и имел прямоугольную форму. Размеры – 55 x 37 см. К востоку от него, на уровне забутовки, расчищен еще один напольный очаг в виде небольшого овального углубления, заполненного золой и кусками обожженной глины диаметром 40 – 55 см. Видимо, к первому периоду относится кирпичное ступенчатое возвышение у стены стилобата. Максимальная высота 25 см. Весьма заманчиво предположить, что это были ступеньки, по которым поднимались на площадку у внешней стены.

Таким образом, на раскопе 2 также выявлено два периода строительства фортификационных сооружений крепости Баланды.

В результате раскопок получен немногочисленный керамический комплекс, не более 200 фрагментов керамики, из них чуть более 50 профильных частей со-

судов. В комплексе значительно (67 % от общего количества) преобладают лепные формы (горшки, кувшиновидные сосуды без ручек), изготовленные из глины с обильными примесями шамота, дресвы и перепреженного гипса. Гончарная керамика немногочисленна. Почти все сосуды имеют аналогии в керамическом комплексе Чирик-рабатской культуры [3]. Среди прочих можно отметить несколько фрагментов крупных сосудов с четко выраженным подкосом стенок в придонной части, что характерно для керамики VI – IV вв. до н. э. (так называемый «ахеменидский» археологический комплекс).

Полученные в результате раскопок материалы дают основание несколько удревнить нижнюю дату существования поселения. Наличие прямоугольного сырцового кирпича, относящегося к второму периоду жизни памятника, и керамических форм с подкосом в придонной части (цилиндроконические сосуды типа ЯзП-III) позволяют датировать время его строительства не позднее середины – конца IV в. до н. э. Уже с начала III в. н. э. на всей территории Средней Азии безраздельно господствует квадратная форма сырцового кирпича. В Хорезме квадратный сырцовый кирпич появляется уже в конце V – начале IV вв. до н. э. [8, с. 96 – 109]. Цилиндроконические формы сосудов в III в. уже не встречаются. Помимо этого о ранней дате возникновения поселения свидетельствует и длительная история сложения оборонительных сооружений. Обращает на себя внимание тот факт, что стены 1-го

периода строились из пахсы весьма низкого качества, что, возможно, свидетельствует о том, что строители имели весьма приблизительное представление о строительной технике. Лишь стены второго периода возводятся с некоторым соблюдением канонов крепостной архитектуры, прежде всего хорезмийской – кирпичные стены на паховом основании, стреловидные бойницы.

Наконец, не подтвердилось предположение о том, что Баланды являлся большим укрепленным домом. Во всяком случае, никаких жилых помещений или капитальных построек из сырца в юго-западной и юго-восточных частях памятника не обнаружено. Надо полагать, это была хорошо укрепленная усадьба с обширным двором. Центральное здание располагалось в северо-западной части, именно оно и было затронуто раскопками начала 1960-х годов. Эта усадьба, безусловно, являлась центром рассредоточенного поселения, места проживания сельской общины. Такая усадьба могла выполнять функции общинного хранилища и, при необходимости, быть крепостью-убежищем. Следует заметить, что подобная структура поселения находит прямые параллели в раннеантичном Хорезме, где небольшие неукрепленные усадьбы группировались вокруг крепости, служившей одновременно и общественным хранилищем и крепостью-убежищем (Кургашиновское, Аязкалиновское поселения) [7, с. 250].

Литература

1. Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.
2. Вайнберг Б. И. Этногеография Турана в древности VII в. до н. э. – VIII в. н. э. М., 1999.
3. Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Чирикратская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I. М., 1993.
4. Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода «Керамика Хорезма». М., 1959.
5. Курманкулов Ж., Болелов С. Б., Утубаев Ж., Дарменов Р., Торежанова Н. Исследования укрепленной усадьбы Баланды 1 в 2007 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2007 г. А., 2008.
6. Курманкулов Ж., Жетибаев Ж., Утубаев Ж. Археологические исследования нагордище Буланды 1 и в его окрестностях в 2010 г. // Отчет об археологических исследованиях по Государственной программе «Культурное наследие» в 2010 г. А., 2011.
7. Неразик Е. Е., Сельское жилище в Хорезме (I – XIV вв.). ТХАЭЭ. Т. IX. М.: Наука, 1976.
8. Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962.
9. Толстов С. П. По Следам Древне Хорезмской цивилизации. М.; Л., 1948.
10. Толстов С. П., Воробьева М. Г., Рапопорт Ю. А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ. Вып. 4. М., 1960.
11. Утубаев Ж. Р. Погребальные сооружения Баландинского оазиса // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. (Серия: Общества наук). Алматы, 2013. № 3.

Информация об авторе:

Утубаев Жанболат Раймкулович – аспирант кафедры археологии КемГУ, научный сотрудник Института археологии им. А. Х. Маргулана, Казахстан, utubaev_z@mail.ru.

Zhanbolat R. Utubayev – post-graduate student at the Department of Archaeology Kemerovo, State University; Research Associate at the Margulan Institute of Archaeology.

(Научный руководитель: **Мартинов Анатолий Иванович** – доктор исторических наук, профессор кафедры археологии КемГУ, prof_martynov@mail.ru).

Anatoliy I. Martynov – Doctor of History, Professor, Head of the Department of Archaeology Kemerovo State University).

Статья поступила в редколлегию 15.12.2014 г.

МАТЕМАТИКА

УДК 65.012.12

НЕЛИНЕЙНЫЙ ФИЛЬТР С ПОКАЗАТЕЛЬНЫМИ ВЕСАМИ ГИПЕРБОЛИЧЕСКОГО ВИДА

В. А. Толстунов

NONLINEAR FILTER WITH EXPONENTIAL WEIGHTS OF HYPERBOLIC TYPE

V. A. Tolstunov

Предлагается алгоритм усредняющего фильтра, весовые коэффициенты которого зависят от значений входного сигнала и являются показательными функциями гиперболического вида. Приведены результаты цифрового моделирования работы данного фильтра в случае, когда мешающий шум является суммой гауссовских и импульсных помех.

The author proposes the algorithm of the smoothing filter using weight coefficients. These coefficients depend on the input signal and are exponential of hyperbolic type. The results of digital modeling of the given filter are shown, when disturbing noise is a sum of the normal and pulsed components.

Ключевые слова: фильтр, мешающий шум, погрешность фильтрации, цифровое моделирование.

Keywords: filter, disturbing noise, inaccuracy of filtering, digital modeling.

Цифровые фильтры взвешенного усреднения нашли широкое применение при решении ряда практических задач [1 – 3]. Как правило, весовые множители этих фильтров являются константами, которые образуют фильтрующую маску, и значения этих констант зависят от их положения в маске.

В настоящей работе рассматривается усредняющий фильтр, весовые коэффициенты которого зависят от значений отсчетов входного сигнала и не зависят от их положения в апертуре [4].

Пусть на вход фильтра с длиной аперттуры m поступают дискретные сигналы $x_i = s_i + n_i$, $i = 1, 2, \dots$, где $s_i = s(t_i)$ – отсчеты полезного детерминированного сигнала, $n_i = n(t_i)$ – отсчеты мешающего шума. Будем полагать, что в пределах аперттуры фильтра отсчеты полезного сигнала практически одинаковы. Тогда $x_i = s_k + n_i$, $i = (k - \frac{m-1}{2}, \dots, k, \dots, k + \frac{m+1}{2})$. По значениям входного сигнала $(x_{k-m-1/2}, \dots, x_k, \dots, x_{k+m-1/2})$ будем определять значение выхода фильтра y_k , соответствующего отсчету x_k .

В качестве выхода сглаживающего фильтра возьмем среднее значение отсчетов x_i , с весовыми множителями $f(x_i)$, то есть

$$y_k = \frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} x_i f(x_i)}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} f(x_i)}. \quad (1)$$

Веса $f(x)$ выберем таким образом, чтобы слабые в числителе (1) имели относительно близкие значения. Положим, в частности

$$f(x) = \alpha^{-1/x}, \quad \alpha = \text{const} > 0.$$

Тогда из (1)

$$y_k = \frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} x_i \alpha^{-1/x_i}}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \alpha^{-1/x_i}}. \quad (2)$$

Рассмотрим свойства фильтра (2) в случае, когда $x_i = s_i + \xi_i + \eta_i$, где s_i – значение полезного сигнала, ξ_i – значение гауссовского шума, η_i – значение импульсного шума. Будем полагать, что гауссовский шум имеет нулевое математическое ожидание и дисперсию, равную σ^2 . Импульсный шум может принимать значения $-A, 0, A > 0$ с вероятностями

$$p(\eta_i = A) = p, \quad p(\eta_i = -A) = q,$$

$$p(\eta_i = 0) = 1 - p - q.$$

Фильтр (2) был промоделирован численно. В качестве полезного сигнала был выбран прямоугольный импульс с высотой ступеньки 20. Результат фильтрации характеризовался погрешностью

$$R = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N |s_i - y_i|, \quad (3)$$

где N – число отсчетов сигнала.

На рисунке 1 показана зависимость погрешности R при удалении импульсного шума

$$(m = 3, A = 30, p = 0.4, \sigma = 0)$$

от величины параметра α . Кривая (1) показывает зашумление сигнала согласно (4).

$$R_0 = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N |S_i - x_i|. \quad (4)$$

Кривая (2) показывает погрешность (3) для алгоритма (2). Как следует из данного рисунка, лучшие результаты фильтрации достигаются при $\alpha \ll 1$.

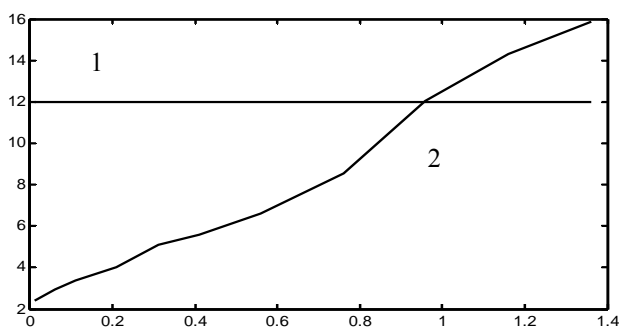

Рис. 1. Зависимость погрешности от параметра α

На рисунке 2 показана погрешность R при удалении импульсного шума от величины вероятности его появления p . Параметры моделирования:

$$A = 30, \sigma = 0, m = 3, \alpha = 0.001.$$

Кривая (1) показывает зашумление сигнала, рассчитываемое по формуле (4). Кривая (3) показывает погрешность фильтра (2). Для сравнения, кривая (2) показывает погрешность классического медианного фильтра [1, с. 349]. Из рисунка 2 видно, что, по сравнению с медианным фильтром, погрешность исследуемого фильтра (2) существенно меньше зависит от вероятности появления импульсного шума.

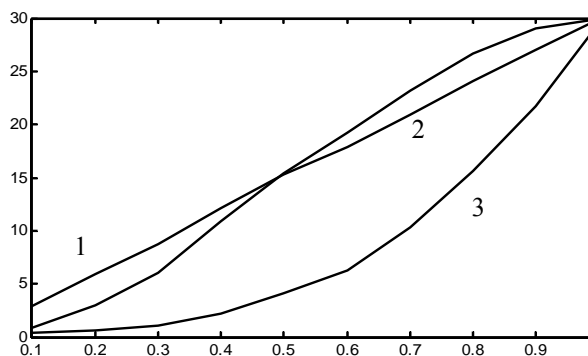

Рис. 2. Зависимость погрешности от вероятности p

На рисунке 3 показана зависимость погрешности R от амплитуды A импульсного шума. Параметры моделирования: $m = 3, p = 0.4, \sigma = 0, \alpha = 0.001$.

Кривая (1) показывает зашумление сигнала, кривая (2) показывает погрешность медианного фильтра, кривая (3) соответствует погрешности фильтра (2). Из рисунка видно, что, по сравнению с медианным фильтром, погрешность исследуемого фильтра также существенно меньше зависит от амплитуды импульсного шума.

На рис. 4 показана зависимость погрешности R от параметра σ гауссовского шума. Параметры моделирования: $m = 3, p = q = 0, \alpha = 1$. Кривая (1) показывает зашумление сигнала, кривая (2) показывает погрешность медианного фильтра, кривая (3) соответствует погрешности фильтра (2).

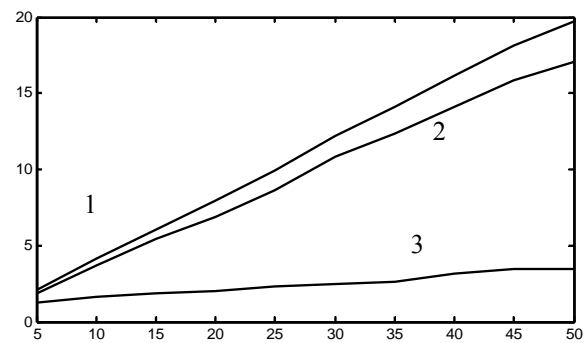

Рис. 3. Зависимость погрешности от амплитуды A

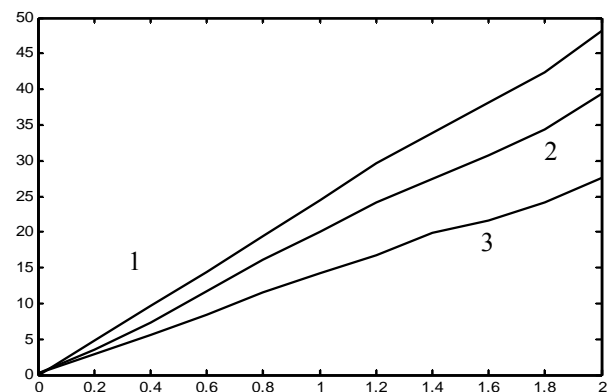

Рис. 4. Зависимость погрешности от параметра σ

На рисунке 5 показаны:

a – зашумленный полезный сигнал

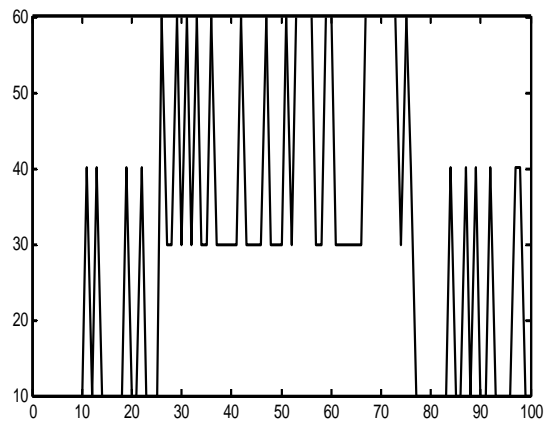
$$(A = 30, p = 0.4, q = 0, \sigma = 0, R_0 = 9.9),$$

b – выход классического медианного фильтра ($m = 3, R = 6.7$),

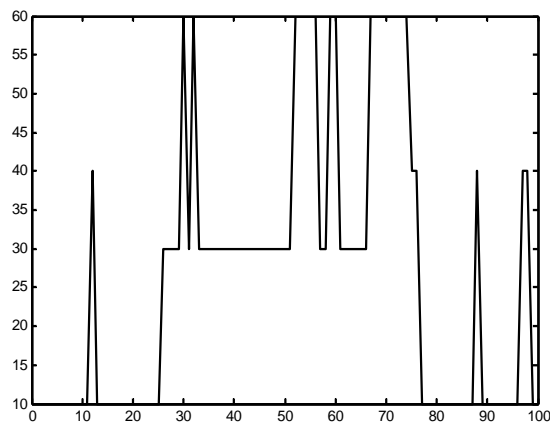
$в$ – выход исследуемого фильтра (2)

$$(m = 3, \alpha = 0.001, R = 2.31).$$

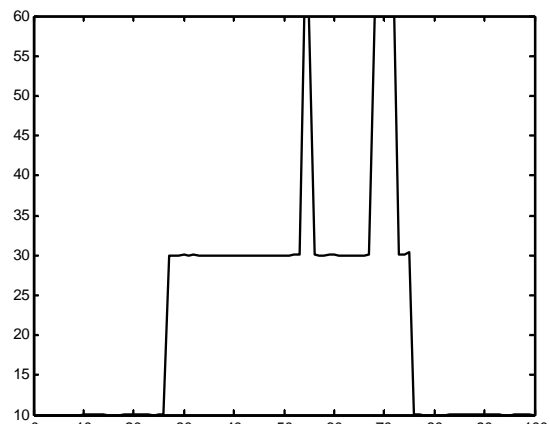
Как видно из приведенных результатов, фильтр (2) существенно лучше медианного фильтра удаляет отрицательный импульсный шум. Исследования показали также, что фильтр (2) лучше медианного удаляет и отрицательный импульсный шум, но при этом следует использовать параметр $\alpha \gg 1$.

5а

5б

5в

Рис. 5. Результаты удаления неотрицательного импульсного шума

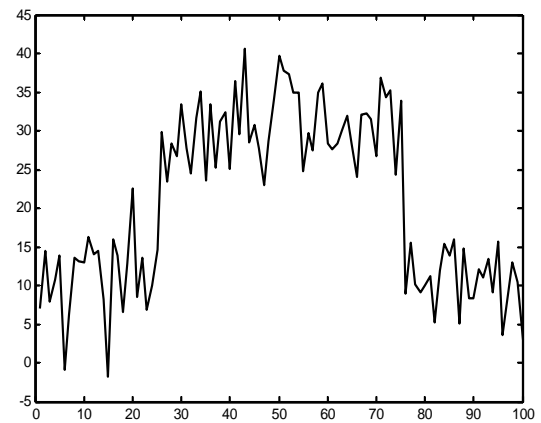
На рисунке 6 показаны:

а – полезный сигнал с наложенным гауссовским шумом ($p = 0, q = 0, \sigma = 1,5, R_0 = 3.74$),

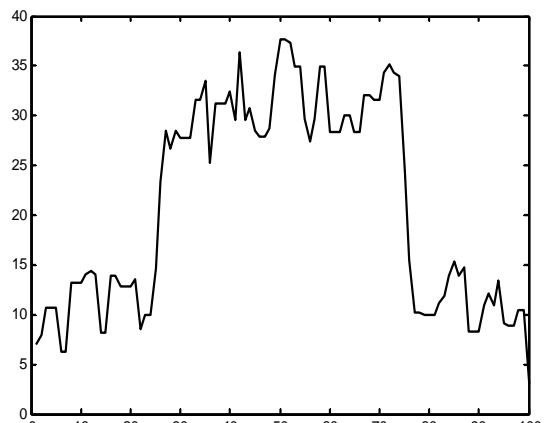
б – выход классического медианного фильтра ($m = 3, R = 2.58$),

в – выход исследуемого фильтра (2) ($m = 3, \alpha = 1, R = 2.28$).

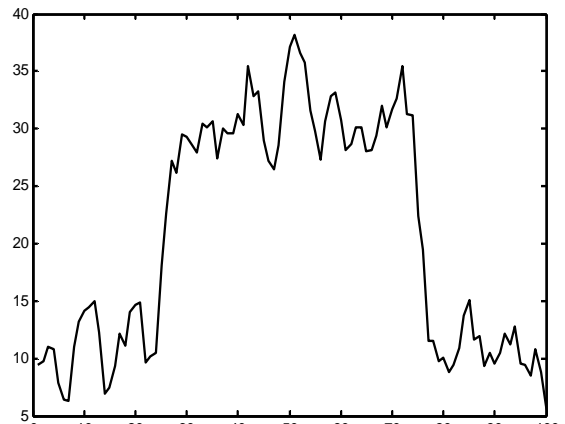
Как и следовало ожидать, медианный фильтр и фильтр (2) удаляют гауссовский шум практически одинаково.

6а

6б

6в

Рис. 6. Результаты удаления гауссовского шума

Фильтр (2) легко обобщается для обработки изображений. Если в этом случае размер апертуры равен $m \times n$, то

$$y_{kl} = \frac{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \sum_{j=l-(n-1)/2}^{l+(n-1)/2} \alpha^{-1/x_{ij}} x_{ij}}{\sum_{i=k-(m-1)/2}^{k+(m-1)/2} \sum_{j=l-(n-1)/2}^{l+(n-1)/2} \alpha^{-1/x_{ij}}} \quad (5)$$

Фильтр (5) был промоделирован численно. Результат фильтрации оценивался погрешностью:

$$R = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N |S_{ij} - y_{ij}|,$$

где N^2 – размер изображения. Результат зашумления характеризовался величиной

$$R_0 = \frac{1}{N} \sum_{i=1}^N \sum_{j=1}^N |S_{ij} - x_{ij}|.$$

7a

7б

Рис. 7. Исходное и зашумленное изображения

8a

8б

Рис. 8. Результат удаления шума

На рисунке 9 показаны: *a* – исходное изображение с наложенным отрицательным импульсным шумом

($A = 100, p = 0, q = 0.4, R_0 = 0.1519$),

б – выход медианного фильтра

($m = n = 3, R = 0.041$),

в – выход фильтра (5)

($m = n = 3, \alpha = 0.001, R = 0.0238$).

При этом, при использовании алгоритма (5) значения x_{ij} из $[0,1]$ обращались преобразованием

$x_{ij} = 1 - x_{ij}$. Обработанное изображение возвращалось затем к исходному представлению преобразованием $y_{ij} = 1 - y_{ij}$. Как видно из приведенных результатов, фильтр (5) существенно лучше медианного убрал отрицательный импульсный шум.

Таким образом, проведенные исследования нелинейного фильтра (2) показали, что он достаточно хорошо удаляет аддитивные гауссовский шум и импульсный шум большой амплитуды и высокой интенсивности.

a

б

в

Рис. 9. Результат удаления отрицательного шума

Литература

1. Гонсалес Р., Вудс Р. Цифровая обработка изображений. М.: Техносфера, 2005. 1072 с.
2. Грузман И. С., Киричук В. С., Косых В. П., Перетягин Г. И., Спектор А. А. Цифровая обработка изображений в информационных системах: учебное пособие. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2000. 168 с.
3. Толстунов В. А. Нелинейная фильтрация на основе степенного преобразования // Доклады ТУСУРа. 2012. № 1(25). Ч. 1. С. 71 – 75.
4. Толстунов В. А., Шлындова Ю. В. Нелинейный сглаживающий фильтр с гиперболическими весовыми множителями // Вестник КемГУ. 2013. № 4(56). Т. 2. С. 70 – 74.

Информация об авторе:

Толстунов Владимир Андреевич – кандидат технических наук, доцент кафедры автоматизации исследований и технической кибернетики КемГУ, vat@bk.ru.

Vladimir A. Tolstunov – Candidate of Technical Sciences, Assistant Professor at the Department of Investigations Automation and Engineering Cybernetics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 22.12.2014 г.

НАУКИ О ЗЕМЛЕ

УДК 551.435.11

ИЗМЕНЕНИЯ ПРИБРЕЖНОЙ ЗОНЫ КРАСНОЯРСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА В РАЙОНЕ ПОСЕЛКА ПРИМОРСКОЕ

Ю. С. Вербицкая, Г. Ю. Ямских

CHANGES IN THE COASTAL AREA OF THE KRASNOYARSK RESERVOIR IN VICINITY OF PRIMORSK SETTLEMENT (2008 – 2011)

Yu. S. Verbitskaya, G. Yu. Yamskikh

В статье отражены результаты многолетних наблюдений за изменением прибрежной зоны Красноярского водохранилища в районе поселка Приморское. Описаны процессы, участвующие в переформировании береговой зоны, в зависимости от изменения уровня режима водохранилища.

The paper presents the results of observations of costal changes in the Krasnoyarsk reservoir in vicinity of Primorsk. The authors describe the processes influencing the reformation of the water line depending on the changes in the level regime of the reservoir.

Ключевые слова: береговая абразия, береговой уступ, береговая отмель, уровень режим, оползневый процесс, Красноярское водохранилище.

Keywords: coastal abrasion, coastal bluffs, coastal shallows, level regime, landslide processes, Krasnoyarsk reservoir.

Красноярское водохранилище является одним из крупнейших водохранилищ России. Протяженность его береговой зоны составляет около 1500 км, вследствие этого его территория отличается различными инженерно-геологическими условиями и делится на районы и участки, каждый из которых имеет специфические особенности проявления геоморфологических процессов в прибрежной зоне, возникших при его заполнении и дальнейшей эксплуатацией. Благодаря многолетним натурным наблюдениям на водохранилище при его заполнении и дальнейшей эксплуатации было произведено инженерно-геологическое районирование территории с выделением семи инженерно-геологических районов и 40 инженерно-геологических участков (рис. 1). Инженерно-геологические районы выделены по геолого-структурному принципу и особенностям инженерно-геологического и геоморфологического строения территорий [6].

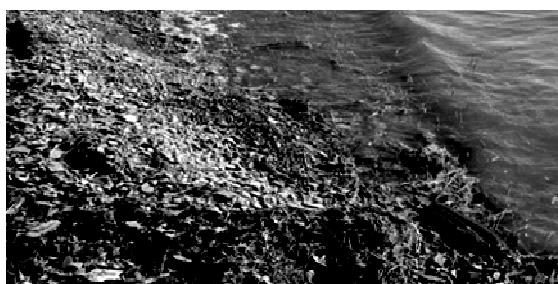
Приморский участок исследования относится к Дербинскому району, который в свою очередь приурочен к восточной окраине Чулымо-Енисейской впадины. Берега водохранилища в данном районе представлены в основном задернованными крутыми уступами высоких террас Енисея и коренными склонами, сложенными скальными породами верхнего девона, перекрытые рыхлыми четвертичными (преимущественно делювиальными) отложениями. В пределах района протяженность берегов различных типов составляет: обвально-абразионный – 22,5 км, в том числе 1 км в коренных породах; обвально-осыпной абразионный – 38,5 км, в том числе 5 км в коренных породах; обвально-глыбовый – осыпной абразионный – 13,5 км, оползнево-абразионный – 10,5 км, в том числе 1 км в скальных породах [1; 6]. У поселка Приморск на протяжении 2 км наблюдается относительно пологий террасовый склон крутизной в 5 – 6°. Также

встречаются крутые склоны – 30 – 40°, сложенные коренными породами – аргиллитами, алевролитами, туфитами комарковской свиты нижнего карбона, перекрытые делювиальным обломочно-щебнистым материалом, мощностью в несколько метров. При действии волн происходит абразионная подрезка делювиальных склонов на глубине 0,5 – 1,0 м, приводящая к оживлению делювиальных осыпей на расстоянии нескольких десятков метров. На пологих террасовых склонах переработка идет в супесях и суглинках с включением щебенчатого материала. Величина абразионных уступов достигает 4,0 м, общая протяженность – 5 км.

Наши исследования охватывали берег водохранилища, находящийся в 3 км на юго-восток от п. Приморское. На данном участке было изучено 296 м береговой зоны и заложено 5 профилей в 2008 году, 325 м и 9 профилей в 2009 году и соответственно 415 м и 9 профилей в 2011 г. В работе в виде графиков представлены 5 профилей, которые отражают динамику берега за 2008, 2009 и 2011 годы. На данном участке микрорельеф представлен чередованием сравнительно небольших гряд и ложбин, ориентированных в основном нормально к линии берега с общим увеличением абсолютных отметок в сторону берега. Склон берега заканчивается обрывом, высота которого в пределах участка колеблется от 2,5 до 13 м. На склонах берега выражены локальные осыпи и обвалы, обусловленные действием поверхностного стока и климатических факторов [4; 8].

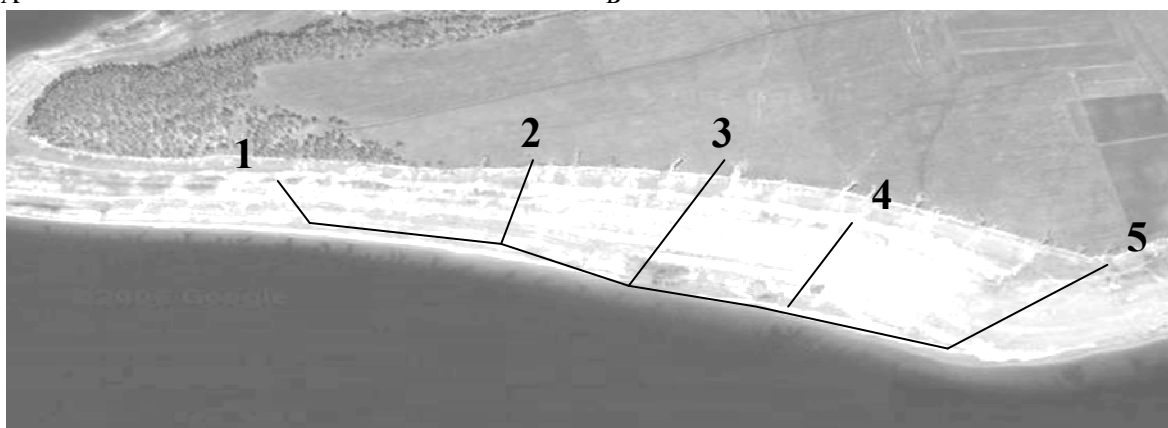
Рис. 1. Схема инженерно-геологического районирования Красноярского водохранилища [6].
 I – Минусинский; II – Сыдо-Ербинский; III – Батеневский; IV – Новоселовский; V – Куртакский;
 VI – Дербинский; VII – Приплотинный; 1 – 18 – участки режимных наблюдений
 по переформированию берегов

А

Б

В

Рис. 2. Участок берега водохранилища в 3 км на юго-восток от пос. Приморское.
 А – фрагмент поверхности аккумулятивной отмели при низком уровне воды (237 – 238 м);
 Б – береговой уступ, выработанный в лессовидных отложениях;
 В – схема заложенных на изучаемом участке профилей (по космическому снимку)

При анализе профилей, которые были заложены на участке берега водохранилища, находящегося в 3 км на юго-восток от п. Приморское (рис. 2 в), было выявлено, что в 2008 году при поднятии уровня водохранилища выше отметки 237 м (до отметок 238 – 239 м) с высотой волны, равной 1,0 м, точка обрушения волны находилась на отметках не ниже 237 – 238 м. В свою очередь, эти отметки находятся на расстоянии, которое является достаточно большим до

основания берегового уступа (100 м). Уклон отмели на данном участке: $2^{\circ} - 3^{\circ}$. Эти условия являются оптимальными для аккумуляции на данном участке и дополнительному выполаживанию отмели, уменьшению ее уклона. При таких условиях волны, высотой 2,0 м, проходят пляж до основания уступа, и точка обрушения волны, находясь на расстоянии от 67 – 98 м от берегового уступа, не вызовет активного разрушения клифа (рис. 3 – 7) [10].

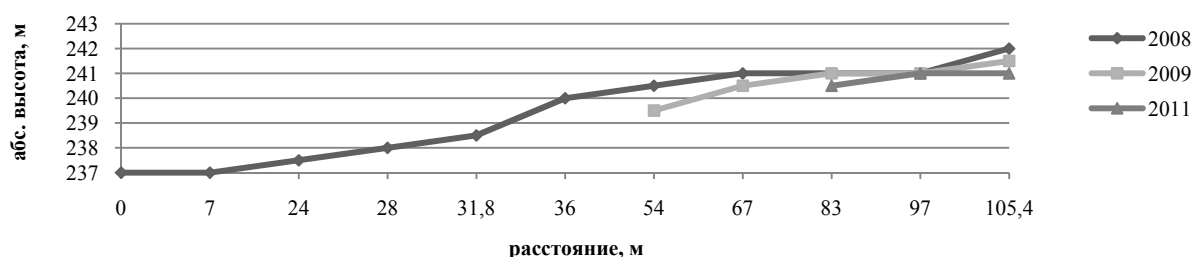

Рис. 3. Профиль № 1 берега на участке в 3 км на юго-восток от пос. Приморское

В 2008 году на исследуемом участке в районе заложения профиля № 1, непосредственно у уреза воды, сформировался береговой вал высотой 50 см (рис. 3). При анализе профиля № 1 нами установлено, что на расстоянии 54 м от основания уступа отмель меняет свой уклон в сторону увеличения. Аналогичное строение отмель имеет на участке, отображенном на профиле № 2 (рис. 4), но в отличие от участка, где был

заложен профиль № 1, здесь наиболее четко выражено ее ступенчатое строение. На участке отмели, где заложен профиль № 3, на расстоянии 38,5 м от уреза воды образовался береговой вал, высота которого – 40 см (рис. 5). Формы микрорельефа, сформировавшиеся в районе исследований береговой зоны свидетельствуют о переотложении отложений береговой отмели в условиях низкого уровня режима.

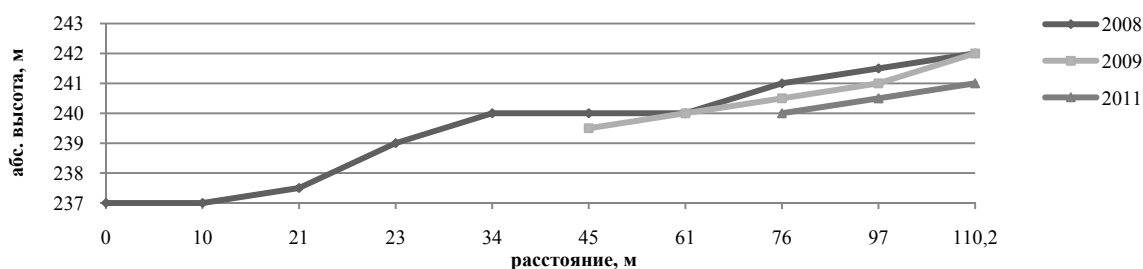

Рис. 4. Профиль № 2 берега на участке в 3 км на юго-восток от пос. Приморское

Участок исследования находится в районе, где преобладают юго-западные ветры (30 % повторяемости). Они же являются и наиболее сильными – 55 % от всех штормовых случаев. Разгон волн по этому направлению составляет 14 км, по другим активным румбам – 5 – 7 км. При юго-западном ветре со скоростями 10 – 15 м/с на внешней границе береговой зоны (на судовом ходе) в районе участка высота волн достигает 1 – 1,5 м [3; 6]. Однако эти наиболее мощные волны ориентированы к береговой линии под значи-

тельным углом. Угол между нормалью к фронту волны и перпендикуляром к береговой линии (угол подхода волн) составляет для юго-западного румба 60° [5; 9]. Данный ветро-волновой режим в сочетании с низким уровнем водохранилища способствуют вдольбереговым перемещениям материала, слагающего отмель. Они же в свою очередь способствует аккумуляции рыхлого материала и образованию береговых валов.

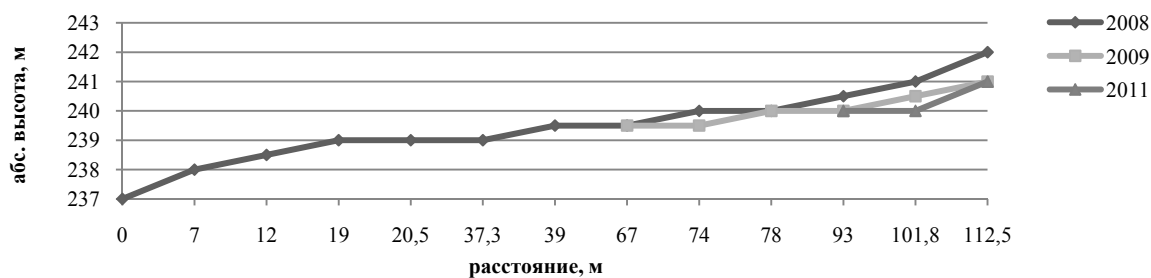

Рис. 5. Профиль № 3 берега на участке в 3 км на юго-восток от пос. Приморское

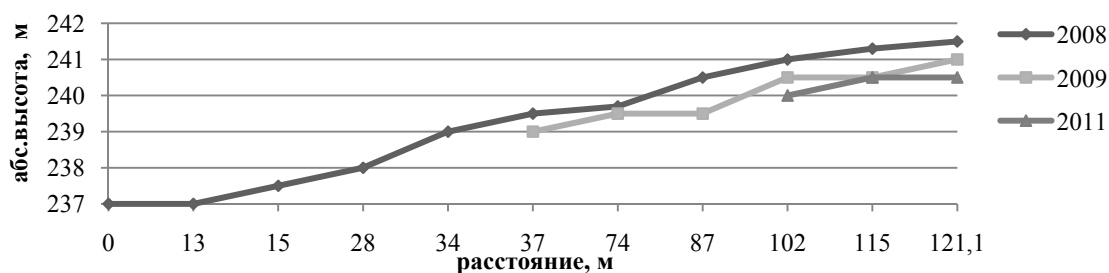

Рис. 6. Профиль № 4 берега на участке в 3 км на юго-восток от пос. Приморское

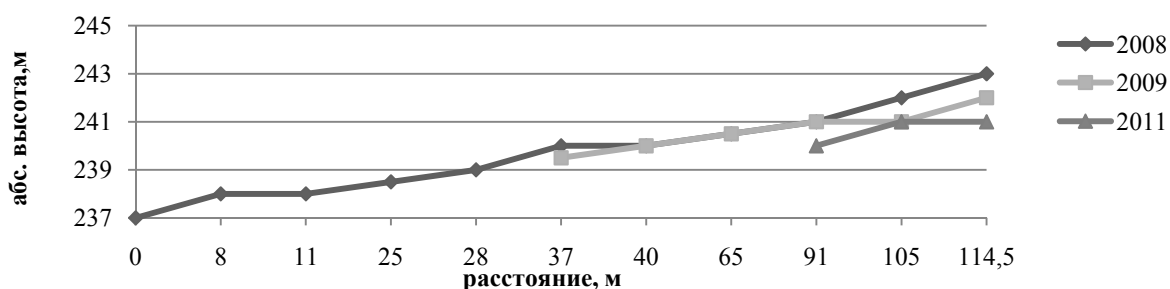

Рис. 7. Профиль № 5 берега на участке в 3 км на юго-восток от пос. Приморское

На участке берега (в районе заложения профиля № 5) было установлено, что в его строении, так же как и в строении других участков, присутствует береговой вал. Он сформировался на расстоянии 77,5 м от уреза воды и на высоте 240 м, имеет ширину 12 м и высоту 0,5 м. Уклон отмели после берегового вала меняется незначительно. Нашими исследованиями подтверждено, что формирование береговых валов на отметках высот 239 – 240 м происходило при более высоком уровне водохранилища (рис. 7).

При анализе профилей, которые были заложены в 2009 году, установлено, что на всем протяжении данного пляжа произошло уменьшение его ширины (таблица). На всех участках заложения профилей в береговой зоне произошло вымывание материала. Так, в районе заложения профиля № 1 наивысшая отметка опустилась на 50 см (рис. 3). Кроме этого, на расстоянии 24 м от берегового уступа произошел активный вынос материала и изменение уклона отмели на 2°. В

береговой зоне профиля № 2 произошло сглаживание одной из его ступеней, что также связано с выносом части материала (рис. 4). Установлено отступление отмели с изменением её уклона и сохранением ступенчатых форм на участке заложения профиля № 3 (рис. 5). При анализе береговой зоны в районе построения профиля № 5 произошло перемещение рыхлого материала берегового вала и его размыв, при этом на отметке 25 м от основания клифа отмечается выравнивание «ложбинки» между береговым валом и последующим участком с более резким уклоном за счет заполнения его материалом при размыве отмели. Одновременно фиксируется, что от берегового уступа до отметки равной 11 м уменьшился уклон, но при этом общий уклон на данном участке изменился мало. По материалам исследований 2011 год было выявлено, что на данном участке происходил размыв береговой отмели и ее выполаживание (рис. 3 – 7).

А

Б

В

Рис. 8. Прибрежная зона участка берега Красноярского водохранилища в 3 км на юго-восток от пос. Приморское. А – вторичный абразионный береговой уступ, выработанный при более высоком уровне воды (244 – 245 м), 2009 г. Б, В – береговая отмель, обнажившаяся при понижении уровня воды в 2011 г.

Таблица

Результаты разновременных полевых измерений и расчетов, полученных при исследовании береговой отмели на участке в 3 км на юго-восток от пос. Приморское

№ профиля	Дата измерений	Ширина отмели, м	Угол наклона отмели, в градусах
1	23.07.2008	105,4	2°42'
	14.08.2009	31,8	4°30'
	16.08.2011	28	4°07'
2	23.07.2008	110,2	2°36'
	14.08.2009	34	4°12'
	16.08.2011	31,5	4°52'
3	23.07.2008	112,5	2°33'
	14.08.2009	37,3	4°36'
	16.08.2011	33	4°35'
4	23.07.2008	121,1	2°09'
	14.08.2009	33,9	3°24'
	16.08.2011	32	3°81'
5	23.07.2008	114,5	3°12'
	14.08.2009	37	3°54'
	16.08.2011	35	4°15'

Выводы

1. Установлено, что процессы абразии на участке берега Красноярского водохранилища в 3 км на юго-восток от пос. Приморское возможны при повторяющихся и длительных подъёмах уровня от отметок НПУ (нормальный подпорный уровень, 243 м) и выше в сочетании с продолжительными штормами.

2. Учитывая то, что в последние годы уровень водохранилища редко поднимается до уровня НПУ, на данном участке в ближайшие годы будет происходить переформирование береговой отмели и стабилизация берегового уступа.

Литература

1. Водохранилище Сибири. Ангара-Енисейский бассейн / отв. ред. А. В. Петренко, Красноярск, 1987. 280 с.
2. Вышегородцев А. А., Космаков И. В., Ануфриева Т. Н., Кузнецова О. А. Красноярское водохранилище. Новосибирск: Наука, 2005. 212 с.
3. Кусковский В. С., Подлипский Ю. И., Савкин В. М., Широков В. М. Формирование берегов Красноярского водохранилища. Новосибирск: Наука, 1974. 234 с.
4. Кусковский В. С. Закономерности изменения геологической среды в береговой зоне глубоководных водохранилищ Алтае-Саянской области: дис. ... д-ра геогр. наук. Новосибирск: Институт водных и экологических проблем Сибирского отделения РАН, 1995.
5. Космаков И. В., Петров М. В., Андреева Т. Г. Некоторые особенности гидрологического режима Красноярского водохранилища в период нормальной эксплуатации // Биологические процессы и самоочищение Красноярского водохранилища. Красноярск, 1980. С. 5 – 22.
6. Подлипский Ю. И., Широков В. М. Гидрологический режим и формирование берегов Красноярского водохранилища в 1967 – 1970 гг. // Биологические исследования Красноярского водохранилища. Новосибирск: Наука, 1975. С. 4 – 35.
7. Савкин В. М. Эколого-географические изменения в бассейнах рек Западной Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2000. 152 с.
8. Хабидов А. Ш., Жиндарев Л. А., Кусковский В. С. Геоморфология береговой зоны и побережий крупных водохранилищ Сибири. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2001. 119 с.
9. Хабидов А. Ш., Жиндарев Л. А., Хейнс Д. М. Береговая зона озёр, морей и водохранилищ. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2001. 229 с.
10. Хабидов А. Ш., Леонтьев И. О., Марусин К. В. Управление состоянием берегов водохранилищ. Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 2009. 236 с.

Информация об авторах:

Вербицкая Юлия Сергеевна – аспирант Сибирского Федерального университета, г. Красноярск.

Yliya S. Verbitskaya – post-graduate student at Siberian Federal University.

(Научный руководитель – Г. Ю. Ямских).

Ямских Галина Юрьевна – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой географии Сибирского Федерального университета, г. Красноярск.

Galina Yu. Yamskikh – Doctor of Geography, Professor, Head of the Department of Geography, Siberian Federal University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

**СОЗДАНИЕ БАЗЫ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКИХ ПАЛЕОКЛИМАТИЧЕСКИХ ДАННЫХ
ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ СРЕДЫ ЖИЗНИ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА
НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ**

Д. В. Новик, Г. Ю. Ямских, М. Л. Махрова, Е. В. Павлова

**CREATING A PALYNOLOGICAL PALEOCLIMATIC DATABASE
FOR RECONSTRUCTION OF ANCIENT HUMAN LIFE IN THE SOUTH MINUSINSK DEPRESSION**

D. V. Novik, G. Yu. Yamskikh, M. L. Makhrova, E. V. Pavlova

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-05-98015 -р_сибирь_а).

Огромное количество палинологического материала хранится на бумажных носителях, что осложняет доступ к нему и не дает возможности рационально использовать практические результаты. Выходом из сложившейся ситуации является создание баз данных климатических и палинологических показателей, содержащих одновременно и сведения о географической привязке к местам наблюдений. Такой принцип хранения данных гарантирует удобство поиска и обработки информации, а также позволяет обеспечить доступ к использованию современных информационных технологий и телекоммуникационных каналов.

A huge amount of palynological material is stored on paper, which complicates access and does not allow efficient use of practical results. A way out of this situation is creating a database of climatic and palynological data comprising as well the information on geo-referenced to the places of observation. This storage principle guarantees the convenience of searching and processing information, as well as provides access to the use of modern information technology and telecommunication channels.

Ключевые слова: база данных, палеоклиматические и палинологические данные, Microsoft Excel, клиентское приложение, язык Object Pascal, SQL сервер, среда Borland Delphi, веб-приложение.

Keywords: database, palynological and paleoclimatic data, Microsoft Excel, client application, Object Pascal language, SQL Server, Borland Delphi environment, web application.

Применение математических методов в палинологических исследованиях способствует существенному совершенствованию технологии палеогеографических реконструкций. В наибольшей степени это справедливо в отношении пыльцевого анализа четвертичных отложений и особенно голоцена, так как в этом случае опираются на принцип актуализма, согласно которому в прошлом между климатом и составом спорово-пыльцевых спектров разнотелетических отложений существовали те же связи, что и в настоящее время. Это позволяет находить зависимости между современными спорово-пыльцевыми спектрами и современными показателями климата и переносить их в прошлое, т. е. проводить реконструкцию палеоклимата и растительности на основе получаемых количественных оценок.

Свидетельством тому, что климатические условия и ландшафты, близкие к современным, получили повсеместное распространение после последнего максимального оледенения (Сартанского), служат многочисленные находки ископаемых остатков растительного происхождения, извлекаемые из отложений неоплейстоцена [1].

Так, качественный и количественный состав спорово-пыльцевых спектров вмещающих пород показывает, что в этом отрезке геологического времени были представлены почти все типы ныне существующих растительных зон, сменявшие друг друга во времени вслед за изменением климата в сторону потепления или похолодания. Поэтому естественно полагать, что состав «пыльцевого дождя», оседавшего на поверхности Земли, объективно отражает состав окружающей

растительности и тесно связан с существовавшими в этот момент термическими показателями климата, влагообеспеченностью, радиационным балансом и т. д. Это обстоятельство используется палинологами для интерпретации спорово-пыльцевых спектров на уровне качественных или количественных оценок. Таким образом, палинологические материалы (данные) можно использовать в качестве объектов для математической обработки и применять, комбинируя их при создании оригинальных методик, например, получать зависимости и использовать для восстановления количественных оценок элементов палеоклимата по составу ископаемых споро-пыльцевых спектров и для определения типа растительной зоны, выявления доминирующих периодов в изменении климата и растительного прошлого, расчленения и корреляции разрезов, установления сходства и различия спектров разного возраста, проведения видовых определений ископаемых пыльцевых зерен. Все палинологические материалы отличаются большим объемом цифрового материала, т. к. сам метод является процентно-статистическим. Для его упорядочения и рационального использования необходимо создавать базы данных, позволяющие оптимизировать эти процессы [5].

База данных – представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронной вычислительной машины (ЭВМ). Большинство баз данных тем или иным образом используют структурированную информа-

цию, или, другими словами, упорядоченные данные. Такими данными могут быть, например, климатические, геологические, палинологические и др. При компьютерной обработке информации упорядоченные каким-либо образом данные принято хранить в базах данных – особых файлах, использование которых вместе со специальными программными средствами позволяет пользователю как просматривать необходимую информацию, так и по мере необходимости манипулировать ею, например, добавлять, изменять, копировать, удалять, сортировать и т. д. База данных хранится и обрабатывается в вычислительной системе. Таким образом, любые внекомпьютерные хранилища информации (архивы, библиотеки, картотеки и т. п.) базами данных не являются. Данные в БД логически структурированы (систематизированы) с целью обеспечения возможности их эффективного поиска и обработки в вычислительной системе. Структурированность подразумевает явное выделение составных частей (элементов), связей между ними, а также типизацию элементов и связей, при которой с типом элемента (связи) соотносится определённая семантика и допустимые операции [8].

Палеоклиматические и палинологические данные хранятся преимущественно на бумажных носителях и, как правило, в разрозненном виде, вследствие этого усложняется поиск интересующих данных и их анализ. В связи с этим ограничивается круг владельцев информацией, что препятствует развитию климатической

теории и моделированию климатических процессов. Выходом из сложившейся ситуации является создание баз данных палеоклиматических показателей, содержащих одновременно и сведения о географической привязке мест наблюдений. Такой принцип хранения данных гарантирует удобство поиска и обработки информации, а также позволяет обеспечивать доступ к использованию современных информационных технологий и телекоммуникационных каналов.

База данных палеогеографических и палинологических показателей представляет собой таблицу структурированных данных по критериям: станция, год, месяц, температура, влажность, осадки, тип пробы, природная зоны, место привязки пробы, место отбора проб, количество подсчитанных зерен, пыльца, споры, виды пыльцы, средняя температура в тёплый и холодный период, годовая температура, влажность воздуха, осадки, показатель сухости [2; 9]. Для хранения данных выбран формат Microsoft Excel как формат, не требующий использования специального программного обеспечения для добавления, модификации, удаления и манипуляции данными. Кроме того, Microsoft Excel входит в состав любого офисного пакета для операционной системы Windows, а также совместим с аналогичными программными продуктами под другие операционные системы. Сделанный выбор полностью решает проблему совместимости при работе с данными на различных рабочих станциях (рис. 1, рис. 2).

1	Станция	Год	Месяц	Температура	Влажность	Осадки
4553	Бея	1961	1	-11,4	72	9,7
4554	Бея	1961	2	-8,0	74	5,3
4555	Бея	1961	3	-5,0	80	2,9
4556	Бея	1961	4	5,4	-	22,3
4557	Бея	1961	5	10,0	56	58,1
4558	Бея	1961	6	18,8	62	101,1
4559	Бея	1961	7	18,8	72	46,8
4560	Бея	1961	8	15,1	74	86
4561	Бея	1961	9	9,4	72	42,4
4562	Бея	1961	10	-3,4	71	14,1
4563	Бея	1961	11	-7,1	74	19,7
4564	Бея	1961	12	-12,5	74	3,7
4565	Бея	1961с	1..12	2,5	71,0	34,3
4566	Бея	1962	1	-13,6	70	3,7
4567	Бея	1962	2	-8,8	65	4,1
4568	Бея	1962	3	-8,8	85	7,5
4569	Бея	1962	4	3,9	55	5,5
4570	Бея	1962	5	11,9	50	54,5
4571	Бея	1962	6	16,2	65	43,9
4572	Бея	1962	7	19,0	69	52,9
4573	Бея	1962	8	17,4	66	59
4574	Бея	1962	9	10,4	66	26,6
4575	Бея	1962	10	1,6	70	12,9
4576	Бея	1962	11	-9,7	68	3,2
4577	Бея	1962	12	-9,5	68	7,1
4578	Бея	1962с	1..12	2,5	66,4	23,4
4579	Бея	1963	1	-16,0	72	19,9

Рис. 1. Данные климатических показателей в Microsoft Excel

Работа с базой данных осуществляется следующими способами:

– клиентское приложение через связь с драйвером базы данных получает доступ к сведениям, хранящимся в ней и на основании этого осуществляет поиск необходимой записи;

– клиентское приложение отправляет запрос драйверу базы данных на поиск необходимой записи, после чего получает ответ искомой информации либо с уведомлением о ее отсутствии в базе данных.

Основные преимущества и недостатки этих двух методов можно определить, рассматривая процесс

работы с базой данных, с точки зрения сложности работы и быстродействия. В первом случае приложение-клиент – вынуждено работать непосредственно со всеми данными, хранящимися в БД, а также данное приложение должно иметь полное представление о структуре самой базы данных, что увеличивает сложность приложения, а также замедляет процесс работы с базой данных, что особо сказывается в случае большого объема данных и сетевого доступа к БД и особо усугубляется при многопользовательском способе доступа [3; 4].

	A	B	C	D	E	F	G	H
	Тип пробы	Природная зона	Широта, град.	Широта, мин	Долгота град.	Долгота, мин.	Высота, м	Место отбора проб
1								
21	Аллювий	Степь сухая	53	45	90	45	520	Биджа 1, Биджа 1/1, Биджа 1/1, Биджа 1, Биджа 1/1
22	Аллювий	Степь сухая	53	40	90	47	520	Биджа 2, Биджа 2/1, Биджа 2/1, Биджа 2, Биджа 2/1
23	Аллювий	Степь сухая	53	44	90	35	514	Уйбат, Биджа 3/1, Биджа 3/1, Уйбат, Биджа 3/1
24	Аллювий	Степь сухая	53	37	90	24	465	Аскиз, Уйбат - 1, Уйбат - 1, Аскиз, Уйбат - 1
25	Аллювий	Степь сухая	53	15	90	33	432	Бея, Аскиз -1, Аскиз -1, Бея, Аскиз -1
26	Аллювий	Степь сухая	53	23	90	40	488	Биджа 1, Бея - 1, Бея - 1, Биджа 1, Бея - 1
187	Озерные отложения	Степь сухая	53	45	90	44	517	Биджа 1/1
188	Озерные отложения	Степь сухая	53	40	90	45	507	Биджа 2/1
189	Озерные отложения	Степь сухая	53	42	90	38	499	Биджа 3/1
190	Озерные отложения	Степь сухая	53	48	90	26	526	Уйбат - 1
191	Озерные отложения	Степь сухая	53	19	90	18	443	Аскиз -1
192	Озерные отложения	Степь сухая	53	9	90	23	471	Бея - 1
256	Торф	Степь сухая	53	45	90	45	524	Биджа 1
257	Торф	Степь сухая	53	40	90	49	529	Биджа 2
258	Торф	Степь сухая	53	48	90	23	524	Уйбат
259	Торф	Степь сухая	53	19	90	21	364	Аскиз
260	Торф	Степь сухая	53	9	90	56	468	Бея
433	Пойменные отложения	Степь сухая	53	45	90	45	822	Биджа 1, Биджа 1/1
434	Пойменные отложения	Степь сухая	53	40	90	48	518	Биджа 2, Биджа 2/1
435	Пойменные отложения	Степь сухая	53	45	90	31	512	Уйбат, Биджа 3/1

Рис. 2. Данные мест отбора палинологических поверхностных проб

Второй способ лишен этих недостатков за счет того, что приложению-клиенту не требуется знать особенности организации БД, способ их хранения, так как эту функцию в отдельной системе доступа выполняет программа – драйвер БД. Кроме того, скорость доступа многократно выше за счет того, что весь объем БД не передается от одного приложения к другому, а вместо этого эти два приложения обмениваются запросами, что значительно более эффективно при сетевом доступе. Исходя из этих соображений, для доступа к данным выбран второй способ, при этом программой клиентом будет выступать оконное приложение в виде визуальной формы поиска, реализованное на языке Object Pascal, в среде Borland Delphi. Назначение этого приложения – исключительно формирование запроса и передача его приложению – драйверу БД. В качестве приложения драйвера БД соответственно будет выступать Microsoft Excel, в котором имеются все необходимые функции работы с базой данных.

Алгоритм отправки запроса может иметь следующий вид:

– прием данных запроса от пользователя путем предложения ему полей для заполнения и формализации запроса;

- запуск приложения Microsoft Excel;
- открытие файла БД (только для чтения);
- посылка формализованного запроса;
- визуализация обработанных данных.

Программа-клиент базы данных метеорологических показателей написана на языке Object Pascal, в среде Borland Delphi, в виде оконного приложения с одной формой, на которой размещены объекты управления [10; 6]:

- Combo Box (поле для выбора из выпадающего списка);
- Edit – текстовое поле для однострочного ввода;
- Label (для пояснения назначения остальных компонентов);
- button (кнопка);
- Визуальный компонент GroupBox (для группировки вышеупомянутых элементов по функциональному признаку) (рис. 3).

Рис. 3. Размещение визуальных элементов на форме приложения

При запуске приложения пользователю предлагается заполнить текстовые поля для формирования необходимого запроса, затем он должен нажать соответствующую кнопку согласно критериям поиска, после чего выполнится одна из процедур передачи запроса.

Пример исходного кода процедуры поиска по названию станции приведен ниже:

```
try
XL := CreateOleObject('Excel.Application');
except
raise Exception.Create('Ошибка открытия файла
данных');
end;
XL.Application.EnableEvents := False;
XL.WorkBooks.Add(GetCurrentDir() + '\DB.dat');
XL.Visible := True;
XL.Cells[1, 1].AutoFilter(1, ComboBox1.Text, xlAnd, -
EmptyParam, True);
XL.DisplayAlerts := False;
XL := Unassigned.
```

Поиск по другим критериям осуществляется аналогичным образом за исключением того, что в качестве запроса в Microsoft Excel передаются поисковые параметры других столбцов таблицы данных, по этой причине исходный код программы не приводится. В итоге выполнения запроса происходит открытие программы Microsoft Excel, при этом в рабочей области отображаются исключительно искомые данные (данные, удовлетворяющие запросу) [11; 7] (рис. 4). После чего эти данные могут быть скопированы, обработаны, сохранены на диск.

Для общего пользования был создан веб-интерфейс, обеспечивающий удаленный доступ к базам палинологических и климатических данных. Веб-интерфейс включает в себя базу данных климатических и палинологических показателей. Созданная база данных хранится на SQL сервере (MySQL), доступ к которому производится посредством отправки типовых SQL-запросов. Такой формат и способ доступа к

данным обеспечивает высокий уровень совместимости с любыми программными средствами, работающими с базами данных. Большинство WEB-серверов и интернет-сервисов сегодня поддерживают работы с таким видом БД, делая ее использование еще более популярным и доступным. Главным преимуществом SQL является то, что он нацелен в большей степени на результат (конечный) обработки данных, чем на саму процедуру этой обработки, а также независимость от конкретной СУБД, наличие стандартов, декларативность, возможность создания интерактивных запросов, поддержка архитектуры типа клиент-сервер.

Для работы с БД создано веб-приложение (рис. 5), реализованное на языке веб-программирования PHP – это один из популярных сценарных языков благодаря своей простоте, скорости выполнения, богатой функциональности и распространению исходных кодов на основе лицензии PHP. Данный язык поддерживают все современные веб-сервера и хостинг-провайдеры, что обеспечивает легкую адаптацию к любой веб-платформе [12; 1]. Доступ к базе данных осуществляется посредством SQL запросов. В этом случае совершенно неважно размещение и способ организации БД. Поиск данных по запросу осуществляет сервер, собственными высокопроизводительными алгоритмами. Приложение получает только лишь те данные, которые выводятся в виде таблицы, в доступной форме для конечного пользователя. Для формирования запросов в приложении сделаны три формы: первая и вторая для формирования запроса к БД климатических показателей, третья – для формирования запросов к БД палинологических показателей. Пользователь заполняет поля для ввода текста и при нажатии на кнопку «Поиск» на основе введенных данных генерируется и отправляется запрос на сервер БД. Полученные в ответ данные динамически дополняют содержимое веб-страницы в виде таблицы данных (рис. 6).

Кол-во подсчитанных зерен	Пыльца древесных и кустарников	Пыльца трав и кустарничков	Споры	Larix sibirica	Abies sibirica	Picea obovata	Pinus sibirica	Pinus sylvestris	Pinus sp.	Juniperus sibirica	Betula sect. Nanae	Betula sect. Albae	Betula sp.	Dusheikia fruticosa	Alnus
740	91,3	5,8	2,9	0,0	9,5	9,5	24,3	55,6	0,0	0,0	1,1	0,0	0,0	0,0	0,0
690	84,7	6,1	9,2	0,0	9,9	2,0	18,9	66,2	0,0	0,0	3,0	0,0	0,0	0,0	0,0
721	85,0	8,0	7,0	0,1	0,9	1,8	3,0	45,3	0,0	0,0	48,0	0,0	0,0	0,3	0,0
700	64,6	21,1	14,3	0,0	4,0	0,0	4,4	36,8	0,0	0,0	51,3	0,0	0,0	0,0	0,0
690	65,5	18,2	16,3	0,0	7,4	2,3	13,1	59,7	0,0	0,0	17,5	0,0	0,0	0,0	0,0
660	80,6	11,8	7,6	0,0	0,5	2,2	21,1	59,0	0,0	0,0	17,2	0,0	0,0	0,0	0,0
654	90,9	4,6	4,5	0,0	1,5	1,7	31,7	18,9	0,0	0,0	35,3	0,0	0,0	8,1	0,0
680	84,7	10,3	5,0	0,0	1,9	2,3	15,5	65,8	0,0	0,0	11,5	0,0	0,0	3,0	0,0
365	86,6	9,1	4,3	0,0	6,0	6,4	14,2	56,2	0,0	0,0	8,8	0,0	0,0	8,4	0,0
820	79,0	2,0	19,0	0,2	2,1	8,6	9,0	39,5	5,6	0,0	0,0	29,4	2,0	0,0	3,6
790	74,0	10,0	16,0	1,0	3,4	4,0	21,2	29,0	7,4	0,0	0,0	24,8	1,4	0,0	5,4
382	70,6	23,1	6,3	1,5	7,0	21,6	10,0	30,7	0,0	0,0	29,2	0,0	0,0	0,0	0,0
575	75,1	10,2	14,7	3,9	13,1	6,0	12,2	60,3	0,0	0,0	0,0	4,5	0,0	0,0	0,0
357	76,3	18,2	5,5	3,1	7,7	26,7	11,2	36,4	0,0	0,0	14,9	0,0	0,0	0,0	0,0
423	73,4	10,8	15,8	2,7	13,9	4,8	11,0	52,0	0,0	0,0	0,0	0,0	15,6	0,0	0,0
375	84,1	12,3	3,6	1,2	13,9	25,8	13,8	31,9	0,0	0,0	13,4	0,0	0,0	0,0	0,0
540	88,4	7,9	3,7	0,7	20,0	9,8	6,5	47,0	0,0	0,0	0,0	15,0	0,0	0,0	0,0
408	83,1	8,4	8,5	2,5	16,6	20,4	10,2	35,8	0,0	0,0	14,5	0,0	0,0	0,0	0,0
554	74,0	10,3	15,7	2,4	10,1	4,6	13,3	57,3	0,0	0,0	12,3	0,0	0,0	0,0	0,0
309	40,8	42,7	16,5	0,0	10,0	0,0	4,3	60,9	0,0	0,0	17,8	0,0	0,0	0,0	7,0

Рис. 4. Данные состава спорово-пыльцевых спектров (на примере поверхностных проб торфяников)

База климатических данных

Поиск по дате

Поиск по станции

1990

Январь

Поиск

Станция

Боя

Поиск

База палинологических данных*

Тип пробы

Природная зона

Широта, град.

Долгота, град.

Высота, м

Поиск

Рис. 5. Размещение визуальных элементов на форме приложения

	A	B	C	D	E	F	G	H
	Тип пробы	Природная зона	Широта, град.	Широта, мин	Долгота, град.	Долгота, мин.	Высота, м	Место отбора проб
1								
27	Аллювий	Степь настоящая	54	42	93	20	485	Тегреш, Тегреш1/2, Тегреш1/2, Тегреш, Тегреш1/2
28	Аллювий	Степь настоящая	54	39	90	27	316	Джирим 1, Джирим 1/2, Боград-1/2, Джирим 1, Боград-1/2
29	Аллювий	Степь настоящая	53	27	91	30	357	Сарагаш-1, Боград-1/2, Знаменка-1/2, Джирим 3, Кирово -1/2
30	Аллювий	Степь настоящая	53	29	92	29	418	Боград-1, Первомайское1/2, Кирово -1/2, Сарагаш-1, Таскино- 1/2
31	Аллювий	Степь настоящая	53	36	91	25	346	Боград-2, Знаменка-1/2, Таскино- 1/2, Боград-1, Тегреш1/3
32	Аллювий	Степь настоящая	52	34	92	18	378	Первомайское, Троицкое-1/2, Светлопобово-1/2, Боград-2, Боград-1/3
33	Аллювий	Степь настоящая	53	35	92	22	368	Знаменка-1, Тегреш1/2, Кирово -1/2, Первомайское, Знаменка-1/3
34	Аллювий	Степь настоящая	53	20	92	29	417	Знаменка-2, Качулька-1/2, Боград-1/2, Знаменка-1, Кирово -1/3
35	Аллювий	Степь настоящая	5	45	92	26	326	Троицкое-1,Таскино- 1/2, Знаменка-1/2, Знаменка-2, Таскино- 1/3
36	Аллювий	Степь настоящая	54	27	91	28	427	Кирово, Шира-1/2, Кирово -1/2, Троицкое-1, Боград-1/4
37	Аллювий	Степь настоящая	53	24	92	41	389	Качулька, Светлопобово-1/2, Таскино- 1/2, Троицкое-3, Кирово -1/4
38	Аллювий	Степь настоящая	53	43	92	37	371	Таскино, Хакасское-1/2, Светлопобово-1/2, Кирово, Таскино- 1/4
39	Аллювий	Степь настоящая	54	50	92	35	437	Шира-1, Тегреш1/2, Тегреш1/2, Качулька, Светлопобово-1/4
40	Аллювий	Степь настоящая	54	45	91	36	347	Шира-2, Джирим 1/2, Боград-1/2, Таскино, Знаменка-1/5
41	Аллювий	Степь настоящая	54	27	91	39	358	Светлопобово-1, Боград-1/2, Знаменка-1/2, Шира-1, Кирово -1/5
42	Аллювий	Степь настоящая	54	31	92	34	429	Светлопобово-2, Первомайское1/2, Кирово -1/2, Шира-2, Таскино- 1/5
43	Аллювий	Степь настоящая	53	43	91	29	335	Хакасское-1, Знаменка-1/2, Таскино- 1/2, Светлопобово-1, Светлопобово-1/5
44	Аллювий	Степь настоящая	53	37	91	17	401	Хакасское-2, Троицкое-1/2, Светлопобово-1/2, Хакасское-1, Кирово -1/6
193	Озерные отложения	Степь настоящая	54	43	92	23	363	Тегреш1/2
194	Озерные отложения	Степь настоящая	54	28	92	30	363	Боград-1/2

Рис. 6. Данные палинологических показателей

Для наглядности и повышения информативности на веб-странице размещены электронные карты с обозначенными на них местами отбора проб и размещения метеостанций.

Выводы

1. В результате проведенной работы установлено, что для хранения палинологических и палеоклиматических данных в базе данных «Климат» и «Поверхностные пробы» подходит формат Microsoft Excel как формат, не требующий использования специального программного обеспечения для расширения базы

данных, добавления фактического материала, модификации, удаления и манипуляции данными.

2. Все проанализированные многолетние данные климатических показателей метеостанций наиболее полно отражают общую картину изменения климата на территории Южно-Минусинской котловины.

3. Данные палинологических поверхностных проб расширили возможность получения палинологической информации не только для равнинных территорий, но и для горных территорий Западного Саяна.

4. Созданный веб-интерфейс обеспечивает удаленный доступ к базам палинологических и климатических данных.

Литература

1. Дари К. Баланеску Э. PHP и SQL. М.: Вильямс, 2010. 539 с.
2. Дейт К. Дж. Введение в системы баз данных = Introduction to Data base Systems. Вильямс, 2005. 1328 с.
3. Квентин Зервас. Web 2.0: создание приложений на PHP = Practical Web 2.0 Applications with PHP. М.: Вильямс, 2009. 544 с.
4. Краморенко Н. В. Базы данных: учебное пособие. Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. 85 с.
5. Костарев А. Ф. PHP 5. СПб.: БХВ-Петербург, 2008. 1104 с.
6. Кульгин Н. А. Основы программирования в Delphi XE. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 416 с.
7. Кузин А. В. Базы данных: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: УМО вузов России, 2010. 280 с.
8. Костарев А. Ф. PHP 5. СПб.: БХВ-Петербург, 2008. 1104 с.
9. Мэтт Зандстра. PHP: объекты, шаблоны и методики программирования. М.: Вильямс, 2010. С. 560.
10. Осипов Д. В. Базы данных и Delphi. СПб.: БХВ-Петербург, 2011. 752 с.
11. Скотт Б., Нейл Т. Проектирование веб-интерфейсов. М.: Символ-Плюс, 2010. 352 с.
12. Хотек В. М. Microsoft SQL Server 2008. Реализация и обслуживание. 2012. 402 с.
13. Шелдон Р. MySQL 5. М.: Диалектика, 2007. 880 с.

Информация об авторах:

Новик Диана Валерьевна – студентка кафедры географии Сибирского Федерального университета.

Diana V. Novik – student at the Department of Geography, Siberian Federal University.

(Научный руководитель – Г. Ю. Ямских).

Ямских Галина Юрьевна – заведующая кафедрой географии Сибирского Федерального университета.

Galina Yu. Yamskikh – Doctor of Geography, Head of the Department of Geography, Siberian Federal University.

Махрова Марина Леонидовна – кандидат географических наук, доцент кафедры химии и геоэкологии Института естественных наук и математики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, marina-mahrova@mail.ru.

Marina L. Makhrova – Candidate of Geography, Assistant Professor at the Department of Chemistry and Environmental Geoscience, Institute of Natural Sciences and Mathematics, Katanov Khakass State University.

Павлова Екатерина Валерьевна – старший лаборант кафедры химии и геоэкологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, eve21@yandex.ru.

Ekaterina V. Pavlova – senior technician at the Department of Chemistry and Environmental Geoscience, Institute of Natural Sciences and Mathematics, Katanov Khakass State University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЙ КАРКАС ЮЖНО-МИНУСИНСКОЙ КОТЛОВИНЫ

Е. В. Павлова, М. Л. Махрова, Г. Ю. Ямских

ECOLOGICAL FRAMEWORK OF THE SOUTH MINUSINSK DEPRESSION

E. V. Pavlova, M. L. Makhrova, G. Yu. Yamskikh

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 13-05-98015 -р_сибирь_а).

В статье отражены результаты поэтапного формирования геоинформационного проекта – экологического каркаса территории Южно-Минусинской котловины. В его структуре выделено четыре блока: природный, социально-экономический, инженерно-инфраструктурный, функционально-планировочный, каждый из которых представляет свою базу данных. Проект состоит из двадцати традиционных векторных картографических слоев (населенные пункты, реки, автодороги, железные дороги и т. п.) и десять тематических векторных слоев – крупноареальные элементы (ядра), линейные (транзитные территории), точечные, буферные территории, территории рекультивации и восстановления и другие. В результате комплексного ландшафтного, исторического и геоэкологического подходов выделены эколого-хозяйственные территории с несколькими режимами природопользования. Экологический каркас Южно-Минусинской котловины может служить органам управления муниципальных образований инструментом поддержания устойчивости эколого-экономической системы территории Республики Хакасия и юга Красноярского края.

The paper presents the results of the gradual formation of the geo-information project: ecological frame of the territory of South Minusinsk Depression. Four blocks are allocated within its structure: natural, socio-economic, engineering infrastructure, functional planning, each of which represents a database. The project consists of twenty traditional vector map layers (localities, rivers, roads, railways, etc.) and ten thematic vector layers – large areal elements (cores), linear elements (transit area), point objects, buffer areas, reclamation and recovery territories and others. As a result of the complex landscape, historical and geo-ecological approaches, the environmental-economic territories with multiple modes of nature are outlined. The ecological framework of South Minusinsk Depression can be used by municipal authorities as a control tool for sustaining the ecological and economic system in the Republic of Khakassia and South of Krasnoyarsk region.

Ключевые слова: природопользование, экологический каркас, Южно-Минусинская котловина, геоинформационная система.

Keywords: natural resources, ecological framework, South Minusinsk Depression, GIS.

Устойчивое развитие территории является одной из приоритетных задач многих государств. При этом охрана природы рассматривается наряду с экономикой как одинаково важная цель, поскольку окружающая среда является составной частью деятельности человека, а экосистемы дают нам возможность жить, обеспечивая продовольственные, производственные, медицинские, рекреационные и другие потребности человека. Кроме того, природные экосистемы обладают культурной, религиозной и эстетической ценностью, однако продолжающаяся активная разрушительная деятельность человека и утрата биоразнообразия разрушает их [2]. Поэтому на территории стран мира и в России в последнее время активно формируется тенденция разработки концепций, программ и проектов с целью сохранения ландшафтов.

Российскими учеными сформулирована концепция природно-территориального каркаса как системы особой экологической ответственности, которая используется в схемах охраны природы, организации систем особо охраняемых природных территорий (ООПТ) и при проведении эколого-функционального зонирования. Основным постулатом данной концепции является то, что разрушение одного из элементов природно-территориального каркаса ведет к потере экологического равновесия [18]. Параллельно с развитием идеи экологической сети в 1992 г. Е. В. Пономаренко, С. В. Пономаренко, В. П. Хавкиным, Г. Ю. Офманом был предложен проект «Зеленая стена России», в котором говорилось о создании на территории России пространственно-взаимосвязанной сети территорий, имеющих регламентированный режим природопользования. Такую сеть предлагается именовать экологическим каркасом территории (ЭКТ). Концепция ЭКТ, вмещает в себя не только задачи по развитию сети ООПТ, но и одновременно развивает механизм реализации идеи устойчивого развития, направленной на сохранение долговременной экологической устойчивости региона, в том числе за счёт расширения функциональности земель различных категорий [6; 16].

Реальный опыт ландшафтного планирования показывает, что формирование экологического каркаса – многоуровневая и сложная задача. Однако в масштабах огромной территории Российской Федерации это значительная проблема. Затрудняет сбор, обобщение информации и формирование базы данных отсутствие общей системы планирования территории России, однако в отдельных регионах страны предпринимаются попытки по проектированию экологических каркасов территорий на основе европейской школы и оригинальных подходов, методов и принципов.

Первые попытки разработки схем экологического каркаса в России были проведены в ходе выполнения

задания Министерства природных ресурсов РФ по теме «Ландшафтное планирование модельных участков Байкальской природной территории» в 1994 – 1998 гг. Программа каркаса базируется на территориально дифференцированном подходе выделения типов экологических территорий (зон) – географические системы, имеющие разную средоформирующую значимость. Всего для Байкальской природной территории было выделено 9 типов экологических зон – от полного запрета на хозяйственную деятельность (ООПТ) до регламентированного интенсивного развития с максимальным воздействием на природную среду региона [3]. В рамках программ «Экологическая безопасность России» и «Биологическое разнообразие» в 2000 г. был разработан «Экологический каркас центра России», включающий в себя 3 региональных каркаса: «ЭКТ Центра Русской равнины», «ЭКТ Волго-Вятского региона» и «ЭКТ Нижнего Поволжья». Авторы разработали методические подходы и оригинальные методы картографического анализа, суть которых заключается в создании продукта путём обобщения информации, содержащейся в нескольких ГИС и базах данных. Каркас состоит из ключевых и транзитных территории, участков, на которых целесообразно проведение реставрации природных сообществ для восстановления целостности экологического каркаса, а также существующие и наиболее важные проектируемые особо охраняемые природные территории.

В 2005 году в Алтайском крае в рамках концепции трансграничной биосферной территории (ТБТ) «Алтай», разработанной в Институте водных и экологических проблем СО РАН, был реализован проект экологического каркаса территории. В его основу положена идея биосферных резерватов, в соответствии с Севильской стратегией – это экологические системы, имеющие интернациональный статус и служащие для поиска путей и отработки моделей сбалансированного взаимодействия человека и природы [17].

Информация о природе и хозяйственной деятельности человека является пространственной, поэтому наиболее эффективным инструментом для организации, анализа и управления такой информацией являются географические информационные системы (ГИС) [13]. По существу, любая ГИС природопользования есть не что иное, как методическое или практическое руководство по оптимизации и организации территории, т. е. рациональному использованию потенциальных возможностей природных ландшафтов для различных целей. Поэтому при создании экологического каркаса территории целесообразно использовать возможности ГИС.

Цель исследования: разработка гис-проекта «Экологический каркас Южно-Минусинской котловины» для обеспечения экологического равновесия и рационального природопользования территории.

Для достижения поставленной цели были определены и реализованы задачи по выделению особенностей Южно-Минусинской котловины как полигона для создания экологического каркаса территории, по отбору принципов включения природных территорий и объектов хозяйствования в экологический каркас и по формированию базы данных для гис-проекта «Экологический каркас». В процессе исследования

были использованы общепринятые методы географических исследований (сравнительно-географический, картографический, полевых ландшафтных исследований). На базе платформы ArcGIS 10.1 компании ESRI, карт масштаба 1:200000, 1:100000, космических снимков масштабов от 1:25000 до 1:200000, базовых карт облачной инфраструктуры ArcGISOnline, схем землеустройства, публичной кадастровой карты масштабов от 1:1 000000 до 1:100000, картосхем ООПТ, расположенных в границах Южно-Минусинской котловины, а также данных полевых исследований создавалась система карт. Анализ фондовых материалов и аналитико-информационных отчётов учреждений охраны природы; статистических отчетов демографических показателей; материалов Министерства сельского хозяйства и продовольствия Республики Хакасия, Министерства сельского хозяйства Красноярского края; списка объектов археологического наследия Республики Хакасия и перечень объектов культурного наследия Красноярского края и др. позволил систематизировать разнотипную информацию в соответствии с целью ЭКТ. Для выделения особенностей природы и хозяйствования в Южно-Минусинской котловине применялись ландшафтный и исторический подходы.

Южно-Минусинская котловина является уникальной территорией имеющей: эталонные ковыльные степи, богатые с точки зрения биоразнообразия, а также реликтовые виды, в том числе журавельник татарский, копеечник минусинский, звездчатка скальная и др.; культурно-исторические памятники – это стоянки человека каменного века, памятники культуры бронзового и железного веков, курганы, «каменные бабы», остатки древних оросительных систем и др. [4]. Таким образом, проектирование экологического каркаса Южно-Минусинской котловины позволило бы создать условия для сохранения и устойчивого функционирования разнообразных и уникальных ландшафтов.

Результаты исследований

Южно-Минусинская котловина находится в южной части межгорной Минусинской впадины. На юге и юго-востоке она ограничена северными склонами Западного Саяна, на западе – Абаканским хребтом и отрогами Кузнецкого Алатау, на востоке и северо-востоке – отрогами Восточного Саяна. На севере граница котловины проходит по невысоким хребтам Косинский (Азыртал) и Байтакский, отделяющим Южно-Минусинскую от Сыдо-Ербирской котловины [19]. Общая площадь территории исследования составляет 19 тыс. км², максимальная длина – 210 км, ширина – 100 км. Абсолютные высоты котловины колеблются от 250 м над ур. м. в северной части до 300 м над ур. м. в южной, на периферии достигают 500 – 600 м над ур. м. [7, с. 21 – 29]. Природные условия Южно-Минусинской котловины определяются горно-котловинным рельефом и расположением в центральной части материка. Для территории характерно разнообразие природно-климатических условий, отличающихся резко континентальным климатом с недостаточным увлажнением, слабым развитием речной сети, концентрической зональностью климата и почвенно-растительного покрова. Гидрография Южно-Минусинской котловины представлена речным бассейном Енисея,

текущим с юга на север, расчленяющим территорию исследования на две примерно равные части: левобережную и правобережную. Его самыми крупными притоками в пределах котловины являются Абакан, Оя и Туба. Для котловины характерны озера, которые имеют тектоническое происхождение. Для периферийных участков котловины характерны лесостепные ландшафты на полого-увалистых слаборасчленённых и плоскосклонных эрозионно-денудационных низкотеррасах с осиново-березовыми, сосновыми лесами с сочетанием разнотравно-злаковыми кустарниковыми степями на выщелоченных черноземах. В центральной части исследуемой территории представлены степные ландшафты пологонаклоненных аккумулятивных бугристо-грядовых равнин. В долинах крупных притоков р. Енисея распространены пойменные луга с сочетанием кустарниковых зарослей и мелколиственных лесов на дерново-луговых почвах. Таким образом, в регионе на сравнительно небольшом расстоянии представлено разнообразие природных комплексов: низкотеррасы и эрозионно-аккумулятивные равнины со сменой зон лесостепи на настоящую, сухую и каменистую степи.

В административном отношении левобережье Южно-Минусинской котловины занимают несколько административных районов Республики Хакасия – весь Алтайский район, юго-восточную часть Усть-Абаканского района, восточную часть Аскизского, западную часть Бейского района и небольшую юго-восточную часть Таштыпского района. В правобережной части котловины находятся территории 6 административных районов Красноярского края: Минусинский район, большая часть Шушенского района, северная часть Ермаковского, северо-западная часть Каратузского района, южная часть Красногвардейского района, юго-западная часть Курагинского района.

Вертикальное расчленение рельефа обуславливает не только разнообразие ландшафтов, но и природных ресурсов и интенсивность их освоения. В периодизации процесса преобразования природных комплексов и ландшафтов Южно-Минусинской котловины в результате многосторонней хозяйственной деятельности выделяются следующие стадии антропогенеза: начальная – 12 тыс. лет – 8 тыс. лет назад; ранняя – 6 тыс. лет до н. э. – нач. II тыс. до н. э.; средняя – начало II тыс. до н. э. – VI вв. н. э.; зрелая – VI вв. н. э. до настоящего времени. Нами выделены следующее особенности хозяйственной деятельности человека, обусловленные природными условиями и ресурсами:

- во-первых, продолжительность антропогенеза на территории долины р. Абакан составляет около 14 тыс. лет и состоит из 4 стадий, наиболее длительными являются начальная и ранняя (4 – 3 тыс. лет), а средняя и зрелая стадии лишь по 1,5 тыс. лет;

- во-вторых, происходит смена типов хозяйствования в определенные временные промежутки. Так, на ранней стадии антропогенеза наблюдается переход от присваивающего к производящему труду, на средней – к аграрному типу хозяйствования, а на зрелой стадии появляется промышленность. На протяжении всей истории освоения территории расширение спектра типов хозяйственной деятельности происхо-

дило благодаря обогащению достижениями пришлого населения (кыргызы, монголы, русские);

- в-третьих, спектр типов хозяйственной деятельности обусловлен природными особенностями и условиями территории. В низкотеррасах развивается яйлажное скотоводство, земледелие и добыча и выплавка металла, а на равнинных территориях – ирригационное земледелие, ремесла и т. д.;

- в-четвертых, проявляется пространственная приуроченность начальной и ранней стадий антропогенеза к периферийным (низкотеррасным) частям котловины, а средней и зрелой – к центру [14].

Основой хозяйственного развития почти всей исследуемой территории является сельское хозяйство, интенсивно развивающееся с эпохи Тагарской культуры (VII – III вв. до н. э.). Последний этап антропогенеза был обозначен новейшим периодом зрелой стадии, он начинается с середины XX в. и продолжается до настоящего времени. В данный период идет наиболее интенсивное преобразование территории, характеризующееся изменением отраслевой структуры хозяйства с аграрной на индустриальную. Формирование Саянского территориально-промышленного комплекса привело к развитию топливно-энергетического, агропромышленного, лесопромышленного комплексов, легкой промышленности, транспорта и рекреационного хозяйства [9]. Строительство промышленных объектов сопровождалось изъятием сельскохозяйственных угодий и территориальной реорганизации сельскохозяйственного производства. Увеличивалось число населенных пунктов, территориально разрастались поселения городского типа (г. Абакан, г. Черногорск, г. Минусинск, г. Саяногорск). Таким образом, в течение зрелой стадии антропогенеза человек значительно преобразовывал природные ландшафты в антропогенные.

На территории исследования в наибольшей степени распространены степной пояс растительности и реликтовые ленточные боры, которые требуют необходимости выработки особой стратегии оптимизации природопользования.

В отличие от других природоохранных систем ЭКТ по своей сути – модель планирования территории, созданная для управления природопользованием. Он является не только формой охраны природы, но и опорным планом развития природопользования на конкретной территории [8; 10]. В нашем исследовании под экологическим каркасом территории мы будем понимать модель ландшафтного планирования, позволяющую эффективно решать задачи сохранения ценных земель и улучшать репрезентативность системы ООПТ за счет создания неразрывной пространственной мозаики ценных природных территорий и зон природопользования, а также выявления недостающих звеньев для обеспечения экологической устойчивости региона.

С точки зрения ландшафтного планирования экологическому каркасу присуще большое количество разносторонних функций: воспроизводство основных компонентов природной среды, обеспечивающее необходимый баланс в межрегиональных потоках вещества и энергии; соответствие силы антропогенного давления уровню биохимической активности и физи-

ческой устойчивости природной среды, в том числе наличие условий для достаточно высоких темпов загрязнения, их биологической переработки, стабилизации воздействия на ландшафт транспортных, инженерных и рекреационных нагрузок; баланс биологической массы в ненарушенных или слабо нарушенных хозяйственной деятельностью основных ландшафтах региона; максимально возможные в данных условиях разнообразие и сложность входящих в регион экологических систем [12, с. 70]. Также можно выделить несколько общих принципов построения экологического каркаса: «природа знает лучше» (Б. Коммонер), экологических коридоров, поляризации ландшафта (принцип Б. Б. Родомана); буферных зон, иерархических ячеек (принцип Пономаренко); общей иерархичности устройства; взаимопроникновения природной и экономической инфраструктуры; мозаичности территорий разных масштабов и функций; относительной экологической автономности и дискретности отдельных участков и др. [11, с. 302].

В соответствии с задачами экологического каркаса территории (сохранение ценных земель, восстановление территорий, подверженных антропогенному воздействию, улучшение репрезентативности ценных территорий, обеспечение сохранения экологического равновесия региона) нами взяты за основу несколько критериев отбора объектов для включения в экологический каркас:

1) критерий типичности базируется на принципе ландшафтно-географической репрезентативности и заключается в том, что в пределах каждой группы типичных территорий различного таксономического ранга должны быть сохранены эталонные участки [5];

2) критерий уникальности позволяет, помимо типичных территорий, включить в экологический кар-

кас редкие и уникальные местности и сообщества, например, с геологическими обнажениями, местообитаниями эндемичных и реликтовых растений и животных, памятники природы и археологии и пр. [1];

3) критерий учета биологического и ландшафтного разнообразия предполагает выделение под охрану территорий с наибольшим биоразнообразием, т. е. наличие в регионе мест обитания или произрастания редких или функционально важных для экосистем видов растений и животных, наличие эконо-

4) критерий функциональной развитости предусматривает использование разнообразных по своему целевому назначению и выполняемым функциям форм территориальной охраны природы, соответствующих всем направлениям охраны ландшафтов;

5) критерий размерности предполагает, что размер территории должен максимально способствовать сохранению экологического равновесия [15].

Элементы, составляющие экологический каркас любой территории, вне зависимости от различных подходов считаются общепризнанными – это крупно-арёальные, линейные и точечные элементы [12, с. 81].

Ядра экологического каркаса выполняют средо-защитно-санитарную роль и являются территориями с жестким режимом использования (федеральный заповедник) и территориями с регламентированным использованием (памятники природы и природные парки). Ядрами экологического каркаса являются два участка государственного природного заповедника (ГПЗ) «Хакасский» («Камызякская степь с озером Улугколь», «Оглахты»), четыре памятника природы регионального значения (Лугавский, Кривинский, Бондаревский, Очурский боры), один проектируемый памятник природы оз. Куринка и др. (рис. 1).

OBJECTID *	SHAPE *	Название	тип	SHAPE Length	SHAPE Area
1	Полигон	Древняя крепость г.Куна	15	5140,623	1852628,676153
6	Полигон	Заказник Урочище Трехозерки	16	17088,823221	20869014,966187
17	Полигон	Заказник " Лугавский бор"	10	59835,846468	123706720,618467
20	Полигон	Заказник "Кебежский"	3	80564,501801	176540942,139365
21	Полигон	Заказник "Краснотуранский бор"	11	17744,643216	18590879,05699
16	Полигон	Заказник "Ойское болото"	19	26187,160351	21641664,869968
25	Полигон	Заказник Минусинский	12	43462,672893	79952817,904148
2	Полигон	Музей-заповедник "Казановка"	13	52679,42383	143498956,09448
13	Полигон	Памятник природы "Очурский бор"	7	15835,945462	9950107,316137
10	Полигон	Памятник природы "Бондаревский бор"	4	25630,184095	19908776,518401
12	Полигон	Памятник природы "Уйтаг"	14	18317,119652	17144594,773033
11	Полигон	Памятник природы Большой Монок	17	23038,827454	22034932,486644
24	Полигон	Памятник природы Лугавский бор	6	20773,07912	19872840,355694
9	Полигон	Памятник природы оз. Куринка	18	10790,514023	8244438,662771
7	Полигон	Памятник природы Смирновский бор		12909,142587	6205520,458535
8	Полигон	Памятник природы Смирновский бор	8	7028,633653	3044108,220589
19	Полигон	Памятник природы "Кривинский бор"	5	38453,424833	14243828,676253
5	Полигон	Участок ГПЗ "Камызякская степь с оз.Улугколь"	2	44072,688604	56016781,680482
3	Полигон	Участок ГПЗ Хакасский Оглахты		20998,514195	25707439,671461
4	Полигон	Участок ГПЗ Хакасский Оглахты	1	17768,821348	9591775,830159
14	Полигон	Шушенский Бор участок 2 река Шушь	9	52906,497621	51158962,213489

Рис. 1. Фрагмент атрибутивной таблицы слоя «ООПТ» базы данных Экологического каркаса Южно-Минусинской котловины

В правобережной части Южно-Минусинской котловины располагаются большие по площади памятники природы – ленточные боры и государственный биологический природный заказник краевого значения, организованный с целью охраны и воспроизводства охотничье-промысловых видов животных, расположенный на территории Ермаковского и Каратузского районов в бассейне реки Большой Кебеж. В долине реки Енисей в южной части исследуемой территории расположены: национальный парк «Шушенский бор» на участке Перовского лесничества, заказники «Ойское болото», «Шушенские острова»; ближе к центру – памятник природы «Кривинский бор». Следует отметить, что заказник «Краснотуранский бор» расположен в северной части правобережья на границе Южно-Минусинской и Сыдо-Ербиринской котловин.

Участки ГПЗ «Хакасский» приурочены к северо-западной (участок «Камызякская степь с озером Улугколь») и к северной (участок «Оглахты») границе Южно-Минусинской котловины. В долины реки Абакан и ее притоков расположены три памятника природы («Уйтаг», «Бондаревский бор», «Большой Монак») и национальный парк «Казановка». На территории междуречья рек Енисей и Абакан расположились три памятника природы («Смирновский бор», «Очурский бор», «Озеро Куринка») и заказник «Урочище Трехозерки».

Точечные элементы каркаса, сохраняющие отдельные уникальные объекты природы, не превышающие 10 км², представлены тремя памятниками природы (гидрологическим «Река Шушь» (уч. № 1, 2),

ботаническим «Сныть реликтовая», комплексным «Урочище Сосновый носок») и культурно-историческими объектами (9 федерального и 397 регионального значения: Салбыкский курганы, каменные божеества Ах Тас, Оглахтинская крепости, писаница Ха-зынХыр и др.). Точечные элементы природного плана располагаются исключительно в правобережной части котловины, а большинство культурно-исторических объектов в Хакасии – в районе Уйбатской степи близ села Московское.

Экологические коридоры являются наиболее сложными элементами каркаса, они осуществляют связь между ядерными элементами и поддерживают экологическую стабильность территории. К ним отнесены: 67 крупных (Енисей, Абакан, Туба, Оя, Уйбат, Камышта) и мелких речных долин общей протяженностью 3398,7 км (рис. 2); временные водотоки оросительных каналов Кайбальской и Уйбатской степей левобережья Южно-Минусинской котловины и пересыхающие русла рек всей территории (1032 км); водоохранные леса (общей площадью 881 км²), расположенные на юго-восточном участке; система перелесков среди паши; полезащитные лесные насаждения; ЛЭП; миграционные пути (водно-болотные, озерные комплексы, лесозащитные насаждения, места обитания исчезающих видов), функционирование которых обеспечивают Госкомитет по охране животного мира и окружающей среды Республики Хакасия и Государственный комитета по охране окружающей среды Красноярского края (рис. 2).

SHAPE *	Название	Тип	SHAPE Length
Полилиния	Аскиз	постоянный водоток	50633,421836
Полилиния	Ашпа	постоянный водоток	27547,332696
Полилиния	База	постоянный водоток	11605,363554
Полилиния	Бейка	постоянный водоток	83144,360195
Полилиния	Бея	постоянный водоток	39807,839296
Полилиния	Бея Кузнецова	постоянный водоток	14893,401439
Полилиния	Биджа	постоянный водоток	97453,469413
Полилиния	Биджа	временный водоток	2609,255257
Полилиния	Бол. Еь	постоянный водоток	22746,711899
Полилиния	Бол. Сея	постоянный водоток	5460,862512
Полилиния	Большая Коя	постоянный водоток	15621,124287
Полилиния	Большая Шуль	постоянный водоток	3981,674241
Полилиния	Большой Монак	постоянный водоток	5264,610812
Полилиния	Большой Сыр	постоянный водоток	23848,938859
Полилиния	Бор	постоянный водоток	21073,509153

Рис. 2. Фрагмент атрибутивной таблицы слоя «Реки» базы данных Экологического каркаса Южно-Минусинской котловины

Защиту ядер и транзитных территорий от неблагоприятных внешних воздействий осуществляют буферные территории – санитарно-защитные зоны: озер, рек, водохранилищ, особо охраняемых территорий, промышленных предприятий и земель лесного фонда (1416,1 км²).

К территориям рекультивации и восстановления биоразнообразия Южно-Минусинской котловины нами отнесены многочисленные участки природных степных ландшафтов, которых практически не осталось вследствие массовых распахов. Одним из путей восстановления степных ландшафтов может быть пе-

ревод пашни в пастбища. Рекультивация территорий многочисленных карьеров будет способствовать рекреационному использованию и последующему включению их в природную систему.

Проектирование экологического каркаса предполагает определенные функции каждого элемента в его структуре, которому соответствует свой режим использования и его правовая форма исходя из его роли в поддержании экологической стабильности как окружающей местности, так и всей территории региона.

В нашем каркасе роль природных экосистем выполняют территории с жестким режимом природопользования. Данный режим соблюдается на нетронутых антропогенным воздействием территориях ГПЗ

«Хакасский» (73,8 км²), что составляет лишь 0,3 % от всей площади ЭКТ.

Территории регламентированного режима природопользования занимают 14 % от площади каркаса и к ним относятся: ООПТ – заказники (668,6 км²), памятники природы (94 км²), национальный парк (644 км²); водоохранные зоны (водохранилищ, рек, озер, водозаборов), санитарно-защитные зоны (особо охраняемых территорий, промышленных предприятий, горных выработок, земель лесного фонда), зоны санитарной охраны лечебно-оздоровительных местностей и курортов (озер Ханкуль, Куринка и Тагарское) (1416,1 км²); участки земель запаса расположены как в левобережной, так и правобережной частях общей площадью 137 км² (рис. 3).

Таблица

Населенные пункты

OBJECTID	SHAPE	Название	Тип	Количество чел	SHAPE Length	SHAPE Area
245	Полигон	Ермаковское	с.	20307	12852,119576	5481045,492731
259	Полигон	Ермолаево	д.	129	5548,128236	1124044,880166
261	Полигон	Жеблахты	с.	634	4252,14609	740926,7791
206	Полигон	Жерлык	с.	610	5886,990811	785466,668724
258	Полигон	Зарничный	п.	411	4462,188087	493867,235733
153	Полигон	Заря	д.	89	3420,796625	699886,798652
11	Полигон	Зеленое	с.	1467	8453,448107	2541541,194573
178	Полигон	Знаменка	с.	2570	7777,790493	1760016,704731
277	Полигон	Ивановка	с.	368	3903,026899	862994,276104
256	Полигон	Иджа	с.	797	7863,426817	1377314,146104
16	Полигон	Изыхские Копи	п.	1571	5499,367437	1355869,232496
197	Полигон	Ильинка	д.	123	4471,588257	800591,119246
115	Полигон	Имени Ильича	п.	140	6088,127791	1404840,053547
163	Полигон	Иничул	д.	5	3976,317837	852288,408047
221	Полигон	Кавказское	с.	1207	8880,138486	2078762,702301

95 (0 из 279 Выбранные)

Населенные пункты Реки Дороги

Рис. 3. Фрагмент атрибутивной таблицы слоя «Населенные пункты» базы данных Экологического каркаса Южно-Минусинской котловины

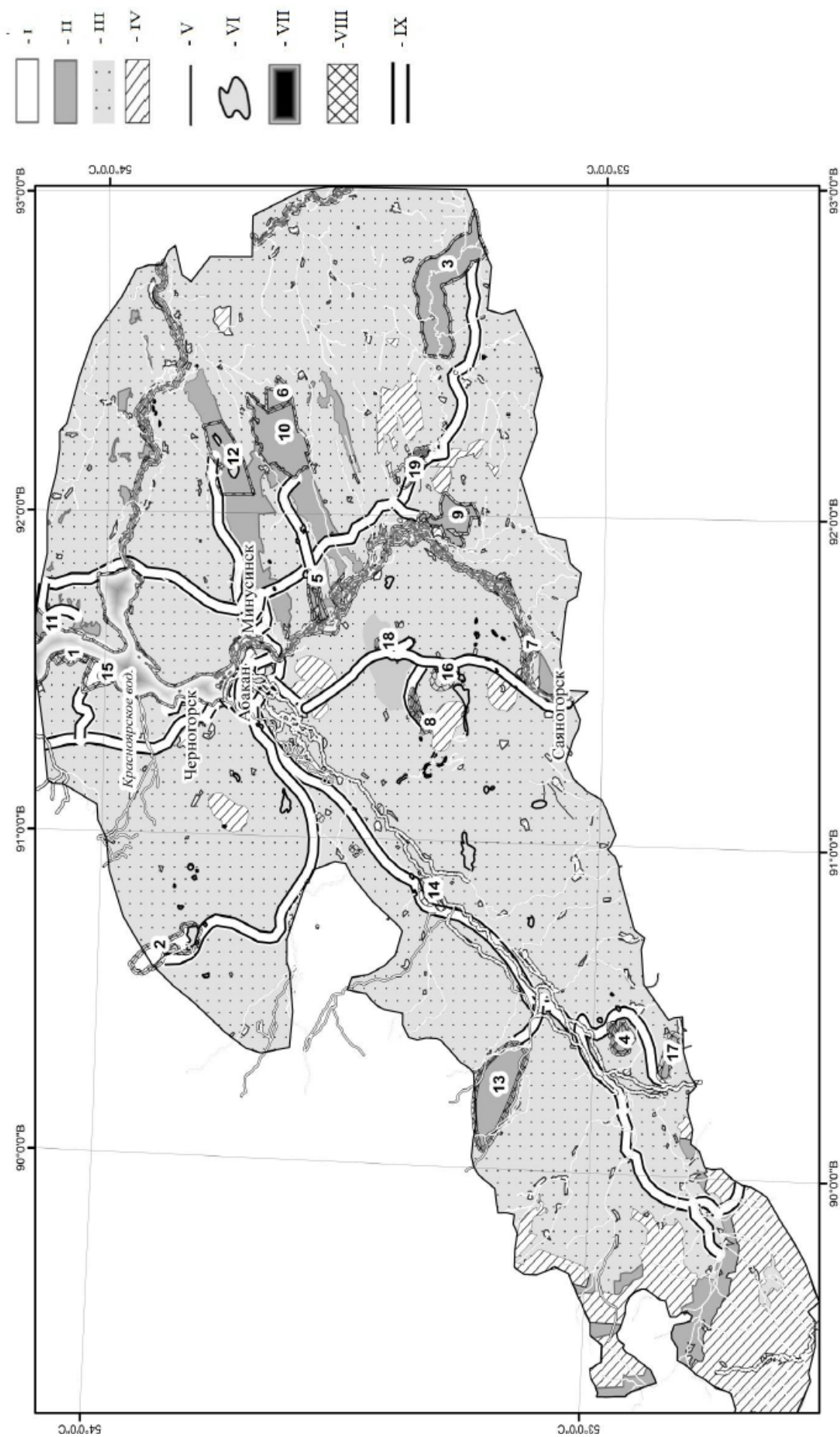
К территориям умеренного режима природопользования относятся: леса, расположенные в лесостепях и степях на юго-восточной окраине правобережной части котловины, в пределах которых возможно использование отдельных участков в сельском хозяйстве (2316,4 км²); сельхозугодия (11001 км²).

К территориям интенсивного природопользования относятся: населенные пункты, разработки полезных ископаемых, промышленные и транспортные объекты. В 226 населенных пунктах проживают 801706 человек, из которых 74,4 % являются городскими жителями (4 города, 27 поселков). При этом в правобережной части Южно-Минусинской котловины – 90 населенных пунктов (1 город, 17 поселков, 24 деревни и 48 сел), а в левобережной располагается 136 населенных пунктов, в том числе: 3 города, 10 поселков и поселков городского типа, 44 деревни, 42 села и 37 аалов, в которых проживает 596900 человек (рис. 4).

Горно-добывающие предприятия преимущественно сосредоточены в левобережье – ООО «Хакас-

уголь», ООО «Хакас разрезуголь», ООО «Саянсоюзсервис», ООО «СУЭК-Хакасия», ООО Угольная компания «Разрез Степной», ОАО «Разрез Изыхский», ОАО «Восточно-Бейский разрез», ООО «Аргиллит», ООО «Хакасский бентонит», ЗАО «Барит», ООО Артель старателей «Золотая долина» и др. Основными транспортными путями в пределах Южно-Минусинской котловины являются Южно-Сибирская железнодорожная магистраль, федеральная трасса Р257 «Енисей», соединяющие республику с Красноярским краем, Иркутской областью и Республикой Тыва, а также автодороги регионального значения (Абакан – Саяногорск (Р411), Ак-Довурак – Абакан (А161)).

Внедрение уникального гис-проекта «Экологический каркас территории Южно-Минусинской котловины» будет способствовать сохранению связи между административными районами в целях поддержания устойчивости эколого-экономической системы.

Условные обозначения для рисунка 4:

Рис. 4. Схема экологического каркаса Южно-Саяно-Минусинской котловины

- I – территории жесткого режима природопользования,
- II – территории регламентированного природопользования,
- III – территории щадящего природопользования,
- IV – территории интенсивного природопользования,
- V – Красноярское водохранилище,
- VI – реки,
- VII – озера,
- VIII – буферные территории,
- IX – транзитные территории.

Действующие ООПТ:

- 1 – участок государственного природного заповедника (ГПЗ) «Хакасский» Оглахты,
- 2 – участок ГПЗ Камызякская степь с оз. Улугколь,
- 3 – Заказник Кебежский,
- 4 – памятник природы Бондорецкий бор,
- 5 – памятник природы Кривинский бор,
- 6 – памятник природы Лугавский бор,
- 7 – памятник природы Очурский бор,
- 8 – памятник природы Смирновский бор,
- 9 – «Национальный парк Шушенский Бор» участок – 2, Перовское лесничество;

планируемые:

- 10 – Заказник Лугавский бор, южный участок,
- 11 – Заказник Краснотуранский бор,
- 12 – Заказник Лугавский бор, северный участок,
- 13 – Национальный парк Казановка,
- 14 – памятник природы Уйтаг;
- 15 – Древняя крепость г. Куня,
- 16 – Заказник Урочище трехозерки,
- 17 – памятник природы Большой Монок,
- 18 – памятник природы озеро Куринка,
- 19 – природный заказник Ойское болото.

Выводы

1. Южно-Минусинская котловина является уникальной природной территорией с разнообразием ландшафтов и обладает большим потенциалом для развития различных типов природопользования, длительный период вовлечена в процесс преобразования природы преимущественно сельскохозяйственной деятельностью и добывающими отраслями промышленности.

2. Проект включает в себя более двадцати традиционных векторных картографических слоев (населенные пункты, реки, автодороги, железные дороги и т. п.) и десять тематических векторных слоев – крупноареальные элементы (ядра), линейные (транзитные

территории), точечные, буферные территории и территории рекультивации и восстановления. Также в составе экологического каркаса были выделены территории по степени охраны с тремя режимами природопользования: жестким, регламентированным и щадящим.

3. Экологический каркас территории Южно-Минусинской котловины позволяет анализировать, редактировать и дополнять все имеющиеся данные совместно с созданием нормативных правовых документов, регламентирующих охрану и использование территорий ЭКТ, может выступать инструментом управления природопользованием.

Литература

1. Андреев А. В. Оценка биоразнообразия, мониторинг и экосети / под ред. П. Н. Горбуненко. Ch.: BIOTICA, 2002. 168 с.
2. Андреев А., Казанцева О., Жосан Л. Экологическая сеть. Вызовы. Решения. Кишинев: BIOTICA, 2012. 20 с.
3. Антипов А. Н., Дроздов А. В. Ландшафтное планирование: принципы, методы, европейский и российский опыт. Иркутск: изд-во института СО РАН, 2002. 141 с.
4. Безруких В. А., Елин О. Ю. Историко-географические аспекты развития аграрного сектора экономики Приенисейской Сибири // Изв. РГО. СПб, 2009. Т. 141. Вып. 4. С. 52 – 57.
5. Бородин А. М., Крицкий В. В., Исаков Ю. А. Система охраняемых природных территорий в Советском Союзе и место в ней биосферных заповедников // Охрана природы, наука и общество: материалы Первого Междунар. конгресса по биосферным заповедникам. Минск (26 сентября – 2 октября 1983 г.). М.: Внешторгиздат, 1987. С. 182 – 186.
6. Воропаева Т. В. Региональные модели экологического каркаса территории: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Улан-Удэ: Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет имени Н. Г. Чернышевского, 2011. 23 с.

7. Гавлина Г. Б. Климат Хакасии // Природные условия и сельское хозяйство Хакасской автономной области. М., 1954.
8. Гриднев Д. З. Природно-экологический каркас в территориальном планировании муниципальных образований: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. М.: Издательство Института географии РАН, 2011. 24 с.
9. Рюмин В. В. Динамика и эволюция южносибирских геосистем. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1988. 137 с.
10. Дьяконов К. Н., Дончева А. В. Экологическое проектирование и экспертиза. М.: Аспект Пресс, 2002. 384 с.
11. Елизаров А. В. Экологический каркас – стратегия степного природопользования XXI века // Самарская Лука. 2008. Т. 17. № 2(24).
12. Колбовский Е. Ю. Ландшафтное планирование: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008. 336 с.
13. Михеев В. С. Ландшафтный синтез географических знаний. Новосибирск: Наука, 2001. 216 с.
14. Павлова Е. В., Махрова М. Л., Ямских Г. Ю. Долина реки Абакан: этапы антропогенеза и типы хозяйствования // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2012. № 2. С. 134 – 138.
15. Рудский В. В. Охраняемые природные территории в региональном природопользовании 15 (географические аспекты) // Проблемы региональной экологии: материалы II Всерос. конф. Вып. 8. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2000. С. 242 – 244.
16. Стаценко Е. А. Планирование объектов экологического каркаса в структуре землеустройства Белгородской области: автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2012. 23 с.
17. Стоящева Н. В. Экологический каркас территории и оптимизация природопользования на юге Западной Сибири (на примере Алтайского региона) / отв. ред. Б. А. Краснаярова; Рос.акад. наук, Сиб. отд-ние, Ин-т вод. и экологических проблем. Новосибирск: Издательство СО РАН, 2007. 140 с.
18. Стоящева Н. В. Экологический каркас территории и оптимизация природопользования на юге Западной Сибири (на примере Алтайского региона): автореф. дис. ... канд. геогр. наук. Барнаул: Институт водных и экологических проблем СО РАН, 2005. 23 с.
19. Чернов Г. А., Вдовин В. В., Окишев П. А., Петкевич М. В., Мистрюков А. А., Зяткова Л. К., Миляева Л. С. Рельеф Алтае-Саянской горной области. Новосибирск: Наука. Сибирское отделение. 1988. 206 с.

Информация об авторах:

Павлова Екатерина Валерьевна – старший лаборант кафедры химии и геоэкологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 8 (390) 22-21-63, eve21@yandex.ru.

Ekaterina V. Pavlova – senior technician at the Department of Chemistry and Environmental Geoscience, Institute of Natural Sciences and Mathematics, Katanov Khakass State University.

Махрова Марина Леонидовна – кандидат географических наук, доцент кафедры химии и геоэкологии Института естественных наук и математики Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, marina-mahrova@mail.ru.

Marina L. Makhrova – Candidate of Geography, Assistant Professor at the Department of Chemistry and Environmental Geoscience, Institute of Natural Sciences and Mathematics, Katanov Khakass State University.

Ямских Галина Юрьевна – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой географии Института экономики, управления и природопользования Сибирского федерального университета (СФУ), г. Красноярск, yamskikh@mail.ru.

Galina Yu. Yamskikh – Doctor of Geography, Professor, Head of the Department of Geography, Siberian Federal University.

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

ПЕДАГОГИКА

УДК 37.01

**НАУЧНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ГАБДЕРАХИМА УТЫЗ ИМЯНИ (к 260-летию со дня рождения поэта)**

Р. Р. Абызова

**SCIENTIFIC, EDUCATIONAL AND PEDAGOGICAL ACTIVITIES OF GABDERAHIM UTYZ IMYANI
(to the poet's 260th anniversary)**

R. R. Abyzova

В данной статье освещается научно-просветительская деятельность татарского поэта и писателя, ученого и педагога Габдерахима Утыз Имяни (1754 – 1834), внесшего значительный вклад в развитие татарской культуры. В частности, автором проводится подробный анализ арабоязычных трудов Г. Утыз Имяни, которые были написаны ученым в качестве учебных пособий для шакирдов татарских медресе. Наряду с раскрытием основных идейно-тематических особенностей данных произведений, в статье выявляются цели, которые преследовал Г. Утыз Имяни при написании настоящих пособий, делается вывод о роли и значимости рассматриваемых трудов для образования и просвещения той эпохи.

The paper describes the scientific and educational activities of the Tatar poet and writer, scientist and teacher Gabderahim Utyz Imani (1754 – 1834), who made a significant contribution to the development of the Tatar culture. In particular, the author analyzes the Arabic-language works of G. Utyz Imani, which were written by the scientist as a schoolbook for the pupils of the Tatar madrassah. The author of the paper presents the main ideas of these works, finds out the aims that were pursued by G. Utyz Imani at their writing, draws a conclusion about a role and meaningfulness of these works for the education and enlightening of that time.

Ключевые слова: Г. Утыз Имяни, педагогические взгляды, арабский язык, рукопись, медресе, учебное пособие, средневековая татарская литература.

Keywords: G. Utyz Imani, pedagogical views, Arabic, manuscript, madrassah, schoolbook, medieval Tatar literature.

Крупный поэт, ученый, педагог и просветитель Габдерахим Утыз Имяни (1754 – 1834) своей разносторонней творческой деятельностью внес значительный вклад в развитие татарской культуры. Литературное наследие поэта включает в себя многочисленные стихотворения и десять поэм, в числе которых «Төхфәтел-горабаз вә ләтаифел-газа» («Подарок обездоленным и притчи о терпении»), «Гаварифез-заман» («Просвещенные эпохи»), «Тәнзиһел-әфкяр фи нәсаихел-әхьяр» («Добрые наставления для очищения мыслей»), «Мөһиммәтез-заман» («Важнейшие проблемы эпохи»).

Г. Утыз Имяни – автор научных трудов на татарском, арабском и персидском языках, посвященных вопросам языкознания и морали, мусульманской философии и права, педагогики и истории («Рисаләи мөһиммәт»/«Трактат о важном»; «Сәеф-ес-сарим»/«Острый меч»; «Жәваһир-ел-бәйан»/«Жемчужины разъяснений»; «Рисаләи шәфәкыйя»/«Трактат о закате» и др.).

Г. Утыз Имяни внес значительный вклад и в развитие филологической науки. Так, писатель, кроме написания литературных произведений и научных трактатов, занимался и переводческой деятельностью. К примеру, им были переведены с персидского языка на татарский поэмы Дж. Руми «Булбуль ва гуль» («Соловей и цветок»), с арабского на татарский – отрывок из трактата ал-Газали «Дурратуль-фахира фи кашфе гомумуль ахира» («Жемчуг, прославленный при открытии тайн рая»). Г. Утыз Имяни был известен и как каллиграф своего времени. Он переписал многие тома произведений крупных поэтов и ученых Востока таких как Саади, Дж. Руми, Аттара, Мухаммеда Хафиза, Гашик па-

ши, ал-Газали, Шамсутдина Мухаммеда ал-Хорасани и др. [8, с. 64]. Г. Утыз Имяни внес большой вклад и в область татарской текстологии. В 1824 году он провел кропотливую текстологическую работу над первым крупным произведением болгаро-татарской литературы – поэмой Кул Гали «Кыйссаи Йусуф». Собрав около десяти ее древних списков и сличив их, он составил сводный научно-критический текст поэмы. В 1839 году при первом издании поэмы в основу был положен именно этот научно-критический текст. Подобную же текстологическую работу Г. Утыз Имяни выполнял и над другими известными произведениями восточных авторов [8, с. 63 – 64].

Наконец, необходимо отметить, что Г. Утыз Имяни занимался и педагогической деятельностью. Как известно, он с раннего возраста вместе с другими детьми посещал сельское медресе – начальное учебное заведение того времени. Повзрослев, будущий поэт, выделявшийся среди сверстников незаурядными способностями и прекрасной памятью, вскоре сам начинает преподавать в медресе родной деревни [2, с. 387]. В дальнейшем он обучался и преподавал в медресе таких городов, как Бухара, Акча, Туфи, Самарканд, Шахимардан и др. [9, с. 60]. В процессе педагогической деятельности учебными пособиями для Г. Утыз Имяни иной раз выступали собственные произведения писателя. Среди таких трудов необходимо отметить арабоязычные комментарии Г. Утыз Имяни к двум сочинениям среднеазиатского поэта Суфи Аллаяра – «Собател-гажизин» («Стойкость слабых») и «Морадел-гарифин» («Цель познавших истину»).

«Шәрх «Собател-гаджизин» – прозаический комментарий к сочинению Суфи Аллаяра «Собател-гаджизин» («Стойкость слабых»), написан на арабском языке; по указанию исследователей, был составлен Габдерахимом Утыз Имяни в 1782 году [7, с. 44]. В рукописных фондах нашей страны сосредоточены несколько списков этого комментария. Так, например, в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского университета имеются две рукописи этого произведения (673 т., 736 т.). В рукописных фондах Института востоковедения Российской академии наук хранятся пять рукописных списков комментария Г. Утыз Имяни, каждый из них переписан на территории Поволжья (В 3693, В 2558, В 4223, В 4054, В 3705; из них В 3693, В 4223, В 3705 – полные списки) [5, с. 439 – 440].

Полный список комментария Г. Утыз Имяни (шифр 673 т.; конец XVIII – начало XIX в.; 123 лл.; имя переписчика неизвестно) [7, с. 44], хранящийся в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского университета, состоит из предисловия, основной части и заключения, в котором приводится шестнадцатистрочное стихотворное обращение автора к своему читателю.

В предисловии Г. Утыз Имяни, в соответствии с традицией средневековой тюрко-татарской литературы, восхваляет Всевышнего и его пророка Мухаммада, затем выражает свое восхищение интерпретируемым источником – сочинением «Собател-гаджизин», отмечает привлекательный язык и художественные достоинства этого литературного памятника. После этого писатель говорит о причине, побудившей его прокомментировать произведение Суфи Аллаяра. По словам Г. Утыз Имяни, татарские читатели, как и в случае с Таджеддином Ялчыгулом, обратились к нему с просьбой изъяснить сочинение «Собател-гаджизин» более доступным языком для лучшего понимания столь любимой ими книги.

Основная часть состоит из текста «Собател-гаджизин» и собственно прозаических комментариев Г. Утыз Имяни к нему. При комментировании литературного памятника писатель опирается главным образом на традиции интерпретирования, принятых на Востоке: он объясняет труднопонятные слова и выражения комментируемого источника, иногда в качестве иллюстрации приводит слова пророка Мухаммада – хадисы.

К комментарию прилагается стихотворное обращение Г. Утыз Имяни на татарском языке, в котором писатель говорит, что закончил этот труд с помощью Всевышнего, призывает Аллаха не судить его строго, а если читатель найдет в сочинении какие-либо ошибки, просит исправить их. Что интересно: в последних строках стихотворения говорится, что в этом обращении скрывается имя автора. Действительно, если собрать последние буквы рифмующихся слов, можно получить имя Утыз Имяни – Г-б-д-р-х-и-м – Габдерахим. Это стихотворение, являющееся одним из первых поэтических творений Г. Утыз Имяни, было включено и в стихотворный сборник поэта [2, с. 29].

Татарский ученый-просветитель Шихабуддин Марджани (1818 – 1889) в своем труде «Мөстәфадел-эхбар фи ахвали Казан вә Болгар» («Сведения, привлеченные для истории Казани и Булгара») положительно отзывается о составленном Г. Утыз Имяни комментарии, хотя

и отмечает наличие некоторых ошибок и неточностей [6, с. 292]. Нарекания Ш. Марджани вызвали главным образом неверное истолкование Габдерахимом Утыз Имяни отдельных слов, которые на тюркском языке народов Средней Азии имеют совсем иное значение.

Необходимо отметить, что оба комментария, составленные Г. Утыз Имяни к сочинениям Суфи Аллаяра – «Собател-гаджизин» и «Морадел-гарифин», как было отмечено выше, были написаны на арабском языке. В предисловии к «Шәрх «Собател-гаджизин» автор объясняет причину своего выбора. Как признается Г. Утыз Имяни, арабский язык удобен как для объяснения, так и для понимания. На этом языке был ниспослан Коран, это язык пророка Мухаммада – любимца Аллаха, – говорит писатель.

Другой комментарий Габдерахима Утыз Имяни – «Төхвәт-эт-талибин фи шәрхе әбйәте «Морадел-гарифин» («Подарок ищущим истину в виде комментариев к стихам «Цель познавших истину») – был составлен писателем к произведению Суфи Аллаяра «Морадел-гарифин» («Цель познавших истину»). «Морадел-гарифин» – сочинение на персидском языке, посвящено изложению основных положений суфийской доктрины; комментарий к нему, как и в случае с «Собател-гаджизин», был написан Габдерахимом Утыз Имяни на арабском языке.

Сочинение Г. Утыз Имяни, по-видимому, пользовалось популярностью среди определенного круга татарских читателей, об этом свидетельствуют сохранившиеся рукописные списки произведения. Так, например, в отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки имени Н. И. Лобачевского Казанского университета имеются пять списков этого памятника (502 ф., 1097, 1204 – 1206 г., 2324 г., 459 ф.). Из них рукопись под номером 459 ф. переписана рукой сына Г. Утыз Имяни (Әхмәтжан бине Габдерәхим Болгари), который, как известно, занимался переписыванием книг и сам являлся автором нескольких сочинений [7, с. 45 – 46]. В рукописных фондах Института востоковедения Российской академии наук сосредоточены шесть рукописей комментария Г. Утыз Имяни (А 1009, В 2626, В 3300, С 1808, С 2202, С 2210) [1, с. 104].

Наибольшее число списков «Төхвәт-эт-талибин фи шәрхе әбйәте «Морадел-гарифин», как полных, так и частичных, хранится в рукописных архивах Института языка, литературы и искусства имени Г. Ибрагимова (№ 741, 489, 2575, 2736/І, 2738, 2745/І, 3202, 485/І, 304, 1276/VIІІ, 1446, 1591/II, 2227/III, 4639, 4992, 5208/І). Эти рукописи подробно описаны в трудах исследователя С. М. Гилязутдинова [3, с. 194 – 197; 4, с. 149 – 153].

Комментарий Г. Утыз Имяни к сочинению Суфи Аллаяра «Морадел-гарифин» состоит из предисловия, краткого грамматического очерка, текста первоисточника, собственно комментариев и стихотворного обращения автора к своему читателю.

В предисловии Г. Утыз Имяни объясняет причину создания своего сочинения. По словам писателя, к написанию комментария к произведению «Морадел-гарифин» его побудил учитель – ‘Абд ал-Каййум ибн ‘Абд ал-Карим ал-Хусайни, внук Суфи Аллаяра. После чего Г. Утыз Имяни, уповав на Аллаха, взялся за этот нелегкий труд. Вначале автор собрал различные списки «Морадел-гарифин», исправил ошибки и создал научно-критический текст. Затем разделил весь текст по

смыслу на шестнадцать глав, дал название комментарию и подарил его своему старому другу – ‘Абд ал-Мотталиб ал-Булгари. Как пишет Г. Утыз Имяни, во время работы ему часто снился Суфи Аллаяр, с которым он разговаривал во сне, и эти сновидения вдохновляли его для дальнейшего творчества [3, с. 194].

Помимо этого, в предисловии дается краткий очерк по персидской грамматике, который состоит из четырех глав: в первых двух главах рассматриваются личные местоимения персидского языка, в третьей и четвертой – словообразующие суффиксы.

Что касается собственно комментариев, то они носят в большей степени филологический характер: Г. Утыз Имяни истолковывает только трудные для понимания слова и выражения. Решение писателя остановиться на грамматическом разборе и анализе текста первоисточника можно объяснить особенностями языка произведения Суфи Аллаяра, в частности, ярко выраженной омонимичностью сочинения «Морадел-гарифин». Ведь употребление различных по смыслу, но одинаковых по написанию слов в одной строфе, использование омонимов в качестве рифмующихся слов является одним из излюбленных художественных приемов поэта Суфи Аллаяра, который характерен как для сочинения «Морадел-гарифин», так и для «Собател-гажизин».

Комментарий «Төхвэт-эт-талибин фи шәрхе әбйате «Морадел-гарифин», как и «Шәрх «Собател-гажизин», завершается стихотворным обращением автора на татарском языке, состоящем из восемнадцати строк. По словам Г. Утыз Имяни, он прокомментировал произведение Суфи Аллаяра для своих лучших друзей, изложил в этом труде свои знания, чтобы люди извлекли из них пользу, и просит читателя не судить его строго,

если тот обнаружит в сочинении какие-либо погрешности. Это стихотворение Г. Утыз Имяни было включено в стихотворный сборник поэта [2, с. 30].

Из стихотворения видно, что Г. Утыз Имяни решил прокомментировать сочинение Суфи Аллаяра «Морадел-гарифин» также по просьбе татарских читателей:

*Бәйте Аллаһиар бәкдин сурдилар мәндин хисаб,
Бәйте Аллаһиар бәк дин мән аңа вирдем жәуаб.*

Бу жәуабдин хуб жәуабни әстәсәң, и дилкәбәб,

Куб, нәгяһ кыйл суи әфляк, сур сөрәйядин жәуаб [2, с. 30].

(О количестве стихов Аллахиар бека у меня спросили счет,

О количестве стихов Аллахиар бека я им дал ответ.

Если пожелаешь лучшего ответа,

Встань, взгляни на небо и спроси его у звезд).

(Подстрочный перевод – Р. А.).

Таким образом, Габдерахимом Утыз Имяни были написаны комментарии к двум произведениям поэта Суфи Аллаяра. Десятки сохранившихся до наших дней рукописей «Шәрх «Собател-гажизин» и «Төхвэт-эт-талибин фи шәрхе әбйате «Морадел-гарифин» свидетельствуют, что сочинения Г. Утыз Имяни имели широкое распространение среди определенного круга читателей. Ведь судя по названию одного из них «Төхвэт-эт-талибин...» – «Подарок шакирдам», комментарии к произведениям «Собател-гажизин» и «Морадел-гарифин» были составлены и адресованы писателем для шакирдов медресе. Впоследствии эти труды Г. Утыз Имяни, активно переписываясь и распространяясь на протяжении всего XIX века, служили для них учебными пособиями при изучении филологических дисциплин.

Литература

1. Акимускин О. Ф. Персидские и таджикские рукописи Института народов Азии АН СССР (краткий алфавитный каталог). Ч. 1. М.: Наука, 1964. 663 с.
2. Габдерахим Утыз Имәни әл-Болгари. Шигырьләр, поэмалар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1986. 397 б.
3. Гилязутдинов С. М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Казань: Фикер, 2002. 254 с.
4. Гилязутдинов С. М. Описание рукописей на персидском языке из хранилища Института языка, литературы и искусства. Вып. 2. Казань: Фикер, 2006. 192 с.
5. Дмитриева Л. В. Каталог тюркских рукописей Института востоковедения Российской академии наук. М.: Восточная литература, 2002. 616 с.
6. Мәржани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар (Казан һәм Болгар хәлләре турында файдаланылган хәбәрләр). Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989. 415 б.
7. Фәтхиев А. С. Кульязмалар тасвирламасы. Татар әдипләре һәм галимнәренә кульязмалары. Өченче бүлек. XII чыгарылыш. Казан: Казан университеты нәшрияты, 1968. 84 б.
8. Шарипов А. М. Славный сын татарского народа // Научный Татарстан. 2004. № 4.
9. Юзеев А. Н. Философская мысль татарского народа. Казань: Татарское книжное издательство, 2007. 214 с.

Информация об авторе:

Абызова Резеда Равиловна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия), arezeda22@rambler.ru.

Rezeda R. Abyzova – Candidate of Philology, Senior Research Associate at Sh. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

**ЭФФЕКТИВНЫЕ МЕТОДЫ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ РЕЧЕВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ
НА ПРИМЕРЕ ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ (экономическое направление)***С. Я. Евтушенко***EFFECTIVE METHODS OF SPEECH COMPETENCE FORMATION: THE EXAMPLE OF LANGUAGE
FOR SPECIAL PURPOSES (Economics)***S. Ya. Evtushenko*

В статье затрагивается тема подготовки будущего специалиста – формирование речевых компетенций у иностранных студентов, (экономистов) в условиях языковой среды на примере языка специальности. Особое внимание уделено методам и формам работы, способствующим более эффективному формированию речевых, языковых, предметных компетенций. На основе проведенных исследований практического опыта автором предложены различные подходы к обучению студентов-иностранцев. Такой взгляд будет интересен преподавателям, работающим со студентами экономистами из Китая.

The paper discusses the training of future specialists – the formation of speech competencies of foreign students (majoring in Economics) in the language environment with the example of Language for Special Purposes. Particular attention is paid to the methods and forms of work, encouraging more efficient formation of speech, language, subject competences. Basing on research into practical experience, the author suggests a variety of approaches to teaching foreign students. Such a view will be interesting for the teachers working with students from China majoring in Economics.

Ключевые слова: речевые компетенции, языковые компетенции, формы работы, компетентностный подход, коммуникативная компетенция, межкультурная компетенция, русский язык.

Keywords: speech competence, linguistic competence, forms of work, competence approach, communicative competence, intercultural competence, the Russian language.

Научно-технический прогресс и продвижение высоких технологий делают высшее образование одним из важнейших факторов экономического и социокультурного развития. Российское высшее образование продолжает сохранять стабильное положение в мировой образовательной системе [11]. В вузы России стремятся иностранные граждане, чтобы получить современные востребованные профессии. В настоящее время в Азиатско-Тихоокеанском регионе, как и во всем мире, проходят процессы, направленные на усиление интернационализации образования и формирование единого образовательного пространства. Вузы Дальнего Востока разрабатывают различные технологии развития образовательной системы в рамках международной интеграции [9]. Сегодня лидерами на дальневосточном рынке экспортных образовательных услуг являются Приморский и Хабаровский края. Развитие международного сотрудничества – одно из приоритетных направлений деятельности Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, как одного из ведущих университетов Приморского края. Наиболее важные направления работы Международного института в структуре университете – развитие международных отношений в области совместных образовательных программ, участие в международных научно-исследовательских программах и проектах, реализация программ обмена студентами и преподавателями. Наибольшую значимость для обучения иностранных студентов имеют различные схемы подготовки в рамках двухуровневой модели бакалавриат – магистратура. Одной из традиционных моделей, которую использует Международный институт Дальрыбвтуза, является модель обучения «1+4». Она представляет собой

сочетание годовичного обучения в рамках образовательных программ факультета русского языка для иностранцев и последующего обучения выбранному направлению бакалавриата. Но, как показывает опыт, это вызывает определенные трудности. Основные их них языковой барьер, культурно-социальные различия, специфика национальных образовательных традиций. Чтобы обеспечить высокое качество обучения иностранных студентов, была разработана программа «2.5+2.5». Она ориентирована главным образом на китайских студентов и подготовлена с участием вузов-партнеров из КНР. Главная цель модели «2.5+2.5» – создание адаптационного периода для студентов из Китая. В первые два с половиной года студенты обучаются в КНР совместно российскими и китайскими преподавателями. На всех курсах бакалавриата обучение студентов постоянно сопровождается углубленным изучением русского языка с учетом специфики дисциплин и уровня языковой подготовки студентов. Это способствует созданию комфортного психологического состояния студентов для оптимального выполнения учебных задач; стимулирует потребность к изучению русского языка и постоянному языковому тренингу в совместной культурной деятельности; дает навыки межкультурного общения. И как результат, помогает молодым людям находить взаимопонимание с другими, уметь правильно и адекватно действовать в новой обстановке.

Основным мотивом при обучении русского языка как иностранного является не столько общение с русскими людьми на бытовом уровне, сколько возможность получения специальности [11]. Можно с уверенностью утверждать, что овладение языком специ-

альности позволяет решить различные задачи в учебно-профессиональной деятельности.

На современном этапе язык специальности является предметом особого внимания, как при изучении родного языка, так и иностранного. Вследствие глобальных изменений в российском обществе изменилась и роль РКИ в системе высшего образования: из простого учебного предмета он превратился в средство достижения профессиональной реализации личности. Как следствие, появилось огромное количество иностранных граждан, приехавших с деловыми целями и желающих изучать русский язык как средство профессионального общения (в сфере торговли, маркетинга, экономики).

С образованием единого экономического пространства в Европе широко распространились термины «рыночный язык», «язык бизнеса», «язык маркетинга»: русский язык относится к числу таких языков. Он активно используется в экономической сфере. Любая иностранная фирма, имеющая торговые отношения с Россией, предпочитает иметь сотрудников, владеющих русским языком, что, несомненно, является большим стимулом к его изучению. Следовательно, наблюдается стабильное увеличение контингента иностранных граждан, заинтересованных в знании языка профессионального общения.

Сегодня анализ языков специальности является частью дисциплин прикладной лингвистики, где особое место отводится терминологическому нормированию при переводе специальных текстов и обеспечению их понимания [3, с. 5].

Язык специальности – это совокупность всех языковых средств, которые применяются в ограниченной специальностью сфере коммуникации в целях обеспечения взаимопонимания занятых в этой сфере людей. В описании структуры языка специальности выделяют три взаимодействующих в процессе коммуникации плана:

- 1) лексико-терминологический,
- 2) морфолого-синтаксический,
- 3) текстовой [1, с. 45].

Необходимо выделить коммуникативные потребности иностранных специалистов. Они состоят в том, чтобы:

- участвовать в деловых разговорах с коллегами, партнерами и клиентами при непосредственном общении по телефону;
- представлять фирму, ее продукцию на выставках, ярмарках, презентациях;
- участвовать в разговорах во время протокольных и культурных мероприятий;
- извлекать информацию из печатных и звучащих материалов (деловое письмо, рекламное объявление и т. д.);
- писать деловые письма;
- заполнять бланки/формуляры.

В практической деятельности преподавателям РКИ предстоит найти ответы на вопросы: каким образом сформировать у иностранных студентов образ будущей профессии, какие педагогические условия должны быть созданы для ее эффективности, каковы возможности языковой подготовки в решении данной задачи.

Основной, глобальной целью обучения является достижение заданного уровня коммуникативной компетенции учащихся, что предполагает, в частности, целенаправленное формирование таких ее основных компонентов, как речевая, языковая и предметная компетенция. Поставленные цели и задачи определяются автором на основе выявленных коммуникативных потребностей, возникающих у студентов экономического профиля в учебно-научной сфере общения.

Формирование речевой компетенции учащихся предполагает развитие навыков и умений обработки информации в области устной и письменной речи. Для того чтобы подготовить будущего студента-экономиста к обсуждению проблематики, составляющей содержание его профессиональной подготовки, каждый урок мы выстраиваем на материале текстов по экономике. Именно текст служит источником информации и является основой для взаимосвязанного обучения. Весь языковой материал (лексика и грамматика) должен быть характерен только для профессиональной сферы общения, а также для делового общения. Урок строим таким образом. Тексту предшествуют предтекстовые задания, которые подготавливают учащихся к преодолению трудностей лексического и понятийного характера. Например, работая над текстом «*Экономика как наука*», предлагаются следующие виды заданий, а именно:

1. Прочитайте и переведите незнакомые слова и словосочетания: *Рыночная экономика; Мировая экономика; Наука общественная; Общественные отношения; Управление хозяйством*.

2. Образуйте прилагательные от существительных. *Образец:* экономика – экономический – экономическая политика.

3. Образуйте существительные от глаголов. *Решишь, развивать, осуществлять, воспитывать, отдыхать, создавать* [2, с. 15].

Как отмечает Л. С. Журавлева *послетекстовые задания* формируют и развивают у учащихся навыки репродуктивных и продуктивных видов речевой деятельности в соответствии с разработанной речевой программой урока. Обратимся к тексту «*Экономические системы*». Примеры послетекстовых заданий.

1. Закончите предложения, пользуясь текстом. Запишите составленные вами предложения.

2. Составьте диалог по тексту на основе данных вопросов. – Какие три главные экономические вопросы ставит перед собой общество? Чем традиционная экономика отличается от командной? Почему производитель обязательно должен знать интересы, вкусы потребителя?

3. Расскажите, с какими новыми экономическими понятиями вы познакомились.

4. Составьте вопросный план к тексту. Запишите эти вопросы.

5. Прочитайте план работы над конспектом. Составьте краткий конспект текста.

План работы над конспектом

1. Общая характеристика текста:

- текст посвящён теме (вопросу, проблеме);
- текст представляет собой изложение (описание/анализ);

- текст носит название (называется);
- в тексте излагается (обобщается, дается описание, оценка, анализ).

2. Проблема: автор ставит (затрагивает, касается, рассматривает), суть проблемы заключается, сводится (заключается в).

3. Композиция: текст делится (состоит из...; включает в себя).

4. Иллюстрация позиции автора: автор приводит пример, (ссылается на; иллюстрирует в тексте; даются примеры).

На формирование коммуникативных компетенций направлены различные формы организации учебного процесса. Ту информацию, которую студент получил, работая с текстом, должен ее творчески переработать, логически выстроить и воспроизвести в монологической и диалогической речи (задание 2 – 3).

Так происходит актуальное творческое использование только что используемой лексики в коммуникативной ситуации.

Задания 4 – 5 формируют навыки письменной речи. Как показала практика, в иностранной аудитории, а именно в китайской, лучше применять дифференцированный алгоритм. Но есть свои трудности.

Например, после чтения текста «Свободный цивилизованный рынок: быть или не быть?» в послетекстовых заданиях перед студентами стояла задача – расставить предложения в последовательности текста [2, с. 23]. И именно употребление слов-ориентиров вызывает непонимание. Чтобы устранить это, предлагаем следующий тип упражнений.

Вставьте слова вместо пропусков. Любой из указанных признаков может нарушаться, ...государство заведомо запрещает продажу отдельных товаров (наркотиков, оружия). ...невозможно предотвратить сговор между продавцами товаров.... на вопрос о существовании рынка ответ однозначный: «быть». ...что надо сделать, чтобы он был цивилизованным. Ибо те негативные явления, которые присущи рынку в настоящее время – астрономические цены, рэкет, инфляция и др. – только дискредитируют идею цивилизованного рынка. Рынок – мирное поле сотрудничества самых разных народов. ...это своего рода язык общения людей. Слова для справок: поэтому, но, итак, потом. Так как слова-ориентеры служат указателями логико-смысловых связей в тексте [4, с. 318] данное упражнение помогает студентам увидеть эти связи и понять, как следует работать со словами-ориентерами при чтении текста. Часто процесс коммуникации затрудняется тем, что студент оказывается неподготовленным к свободному общению в профессиональной среде. В этом нам поможет ролевая игра. Выстраиваем тактику поведения говорящих. В качестве примера приведем задание: *Вы прочитали текст «Основные функции денег». Представьте, что Вы социолог. Проведите социологический опрос среди студентов вашей группы с целью выяснить, как они распределяют свои денежные средства. Распределите роли.* Следует отметить, что ролевое общение совмещает в себе одновременно игровую, учебную и речевую деятельность: с позиции студентов ролевое общение – это игровая деятельность, а с позиции преподавателя – оно является формой организации учебного

процесса [2, с. 94]. Игры могут быть разнообразными, но главное, чтобы был сохранен базовый лексико-грамматический материал текста специальности. Обратим внимание, что студентов можно «перенести» в те социокультурные реалии, в которых они находятся. Так студенты-экономисты Дальрыбвтуза после прочтения текста «Экономика Приморского края: перспективы развития» могут принять участие в ролевой игре: Один – пессимист, другой – оптимист. *Составьте диалог двух экономистов, один из которых одобряет использование инвестиций для развития экономики Приморского края, а другой – нет. Принимая участие в диалоге, используйте фразы. Согласие: согласен с Вами, да, разумеется, это так, с этим можно согласиться, да, это действительно так, мне кажется это так, да, и я так думаю... Возражение: не могу согласиться, кажется это не так, к сожалению, Вы ошибаетесь, у меня другая точка зрения, я не согласен с вами категорически...*

Могут быть и другие формы работы. *Задание 1. Обсудите вопросы, связанные с подготовкой пакета документов для последующего подписания договора о сотрудничестве. 2. Проведите телефонные переговоры с иностранным партнером с обсуждением интересующего вас круга вопросов* [5, с. 35]. Такие формы позволяют повторить знание этикетных форм, поведенческих стереотипов изучаемого языка. Для того чтобы улучшить разговорные навыки языка специальности, нужно предоставить учащимся возможность самостоятельно окунуться в дополнительные источники изучения русского языка [10, с. 417] Например, к чтению российских газет, к использованию ресурсов Интернета. Работаем над текстами: «Экономические потребности, ресурсы и блага». Виды заданий: *Подберите материалы СМИ о мероприятиях правительства в сфере деятельности с ограниченными ресурсами. «Торгово-экономические отношения Китая и России». Узнайте больше о крупных российских торговых компаниях, посетите сайты:*

www.gazprom.ru www.tnk-bp.ru

www.nornik.ru www.rosneft.ru

www.wbd.ru «Бизнес и власть». Посетите сайт РСПП m.www.rspp.ru и познакомьтесь с результатами социологического опроса: «Как уживаются бизнес и власть?». Все это расширяет кругозор, дает понимание традиций России.

Проведение дискуссии на уроке способствует не только формированию профессиональных компетенций, но и помогает на практике формулировать и выражать свои мысли посредством монологических высказываний, аргументировано отстаивать свою точку зрения. Рассмотрим примеры.

1. *Вы присутствуете на дискуссии «круглого стола» между известными российскими и китайскими партнерами. Главной темой является: роль государства в развитии рыбной промышленности; возможности создания компаний – партнеров; опыт работы российских и китайских кластеров. Каковы позиции вступающих? Определите, кому из выступающих принадлежат следующие суждения (1 мнение лишнее).*

2. *Вы прочитали текст «Ценовая политика Китая и России». Примите участие в дискуссии. Тема*

для обсуждения: «Ценовая политика моей страны». Готовя свое выступление, используйте следующие слова и словосочетания: Я считаю, что... Отстаиваю точку зрения... Мне кажется, что... Как принято считать... Придерживаюсь точки зрения...

Констатируя вышесказанное, отметим, что для формирования коммуникативных компетенций весь образовательный процесс должен быть построен таким образом, чтобы иностранный студент мог не только владеть русским языком в пределах социальных контактов, но свободно владел профессиональной лексикой. Работа над текстом экономической направленности способствует реализации умений, необходимых учащимся для профессионально ориентиро-

ванной коммуникации в учебно-научной сфере деятельности: для чтения литературы по специальности, конспектирования, участия в работе семинарских занятий, для построения монологических высказываний, а также для участия в диалогах и полилогах. Мы понимаем, что время ориентирует нас на подготовку специалистов в любой сфере деятельности с высоким профессиональным уровнем [7, с. 11]. Но невозможно достигнуть высоких результатов, если не будем учитывать, что эффективность учебного процесса в компетентностном формате возможна только при наличии преподавателей с высоким научно-инновационным потенциалом [8, с. 50].

Литература

1. Багрова А. Я. Формирование коммуникативных умений в чтении // Коммуникативная ориентированность обучения иностранному языку в неязыковом вузе. М.: МГЛУ, 1998.
2. Батраева О. М. Интеграция интерактивных технологий в методику преподавания русского языка как иностранного (из опыта работы) // Материалы Международной научно-практической конференции «Русистика в Китае: традиции и инновации». 2013.
3. Бим И. Л., Садомова Л. В. Некоторые актуальные проблемы организации обучения иностранного языка // Иностранный язык в школе. 1998. № 6.
4. Гордеева В. М. Обучение чтению иностранных учащихся с применением методики дифференциального алгоритма // Материалы Международной научно-практической конференции «Русистика в Китае: традиции и инновации». 2013.
5. Евтушенко С. Я. Профессиональный иностранный язык 2: язык специальности в профессиональном аспекте (экономика). Владивосток: Дальрыбвтуз, 2014.
6. Журавлева Л. С., Калиновская М. М., Клобукова Л. Н., Трушина Л. Б., Ускова О. А., Хавронина С. А. Русский язык профессионального общения. Модуль «Бизнес» Базовый уровень. Типовой тест. М.: Рус.яз. Курсы. 2007. С. 7.
7. Ким Г. Н., Ким И. Н., Жук Т. А. О стратегических задачах образовательной деятельности ФГОУ ВПО «Дальрыбвтуз» при реализации стандартов третьего поколения // Материалы Региональной научно-методической конференции. Владивосток, 2011.
8. Ким И. Н., Лисиенко С. В. Об эффективном использовании потенциала магистратуры в рамках ФГОС ВПО (на примере Дальрыбвтуза) // Материалы Первой всероссийской межвузовской научно-методической конференции. Южно-Сахалинск. 2012.
9. Лазарев Г. И. Международная интеграция российских вузов. Международное совещание ректоров высших учебных заведений Дальнего Востока и Сибири и Северо-Восточных провинций КНР. – Режим доступа: http://rudocs.exdat.com/docs/ind_332081.html (дата обращения: 10.04.14).
10. Лю Фан. Специфика обучения русскому языку студентов университетов при подготовке специалистов в торгово-экономической сфере // Материалы Международной научно-практической конференции «Русистика в Китае: традиции и инновации». 2013.
11. Тимина С. В. Методика обучения иностранных студентов аудированию на материале языка специальности *nauredagogika*. Режим доступа: com/viewer/ (дата обращения: 09.04.14).

Информация об авторе:

Евтушенко Светлана Яковлевна – старший преподаватель кафедры русского языка как иностранного Международного института Дальневосточного государственного технического рыбохозяйственного университета, ms.klimentina15@mail.ru.

Svetlana Ya. Evtushenko – Senior Lecturer at the Department of Russian as Foreign Language, Far Eastern State Technical Fisheries University.

Статья поступила в редколлегию 14.04.2014 г.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОГО ПОДХОДА В ОЗДОРОВИТЕЛЬНОЙ ТРЕНИРОВКЕ НА КОРРЕКЦИЮ ФИГУРЫ ЖЕНЩИН 21 – 35 ЛЕТ

И. А. Ивко, Г. А. Тарасевич, Т. А. Колесник

EFFECTIVENESS OF GRADED APPROACH IN THE BODY SHAPING FITNESS TRAINING FOR WOMEN AGED 21 – 35

I. A. Ivko, G. A. Tarasevich, T. A. Kolesnik

В статье представлено исследование, направленное на решение вопроса эффективности использования дифференцированного подхода на групповых занятиях в оздоровительной тренировке женщин 21 – 35 лет, который позволяет осуществить оптимальный подбор средств и параметров нагрузки в процессе тренировки на коррекцию фигуры женщин с учетом типа фигуры по буквенной классификации. Цель исследования – разработка методики оздоровительной тренировки на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода. Методы исследования: анализ и обобщение данных научно-методической литературы; визуальная оценка фигуры; антропометрия; педагогический эксперимент; методы математической статистики. Для достижения цели коррекции фигуры в каждой подгруппе женщин, решались свои частные задачи. Для женщин Х-типа фигуры основная задача – это равномерное уменьшение жировых отложений в верхней и нижней частях тела. Для женщин А-типа – увеличение объемов верхней части туловища и уменьшение объемов бедер. У женщин Н-типа – уменьшение объемов талии, плеча, совершенствование формы ягодиц. У Т-типа – уменьшение объема верхней части туловища и совершенствование формы ягодиц. Результаты исследования показали, что разработанная методика оздоровительной тренировки на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода с учетом типа фигуры по буквенной классификации способствует эффективной коррекции состава и объемов тела. Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанная и апробированная методика, может применяться инструкторами в фитнес-клубах на групповых и индивидуальных занятиях в оздоровительной тренировке, которая направлена на коррекцию телосложения женщин.

The paper presents a study addressing the issue of efficient use of a graded approach in group fitness training classes for women aged 21 – 35. It allows optimal selection of tools and load parameters during shape correction training for women with respect to the shapes in letter classification. The purpose of the study was to develop a methodology for a healthy shaping workout for women aged 21 – 35 using a graded approach. Research methods used include: analysis and generalization of scientific and methodological literature; visual shape assessment; anthropometry; pedagogical experiment; methods of mathematical statistics. To achieve the goal of correction individual problems were solved in each subgroup of women. For women with X-type shape, the main task is uniform reduction of fat in the upper and lower parts of the body. For women of A-type the goal is to build the upper body and reduce hips. For women of N-type the goal was to reduce the waist and shoulders improving the shape of the buttocks, for the T-type – reduction of the upper body and improving the shape of the buttocks. The results showed that the developed method of body-shaping fitness workout for women aged 21 – 35 years using a graded approach, taking into account the shape type in letter classification enables effective correction of the composition and volume of the body. The practical significance of the research lies in the fact that the developed and tested methodology can be used by instructors in the fitness clubs in the group and individual in fitness training lessons aimed at correcting women's physique.

Ключевые слова: оздоровительная тренировка, коррекция фигуры, дифференцированный подход, типы фигуры, женщины молодого возраста, шейпинг-тренировка.

Keywords: fitness training, body shaping, differentiated approach, types of shapes, young women, shaping training.

Актуальность исследования. Для современных женщин процесс приобретения и сохранения привлекательных форм тела встал наравне с бытовыми, семейными и другими жизненными проблемами [5, с. 77 – 82]. В современных фитнес-клубах две трети посетительниц и более главной целью своих занятий называют желание уменьшить массу тела, изменить пропорции, укрепить мышцы [13, с. 48 – 52]. На сегодняшний день разными авторами разработано множество систем и методик, направленных на решение проблемы коррекции фигуры (И. В. Прохорцев, 1996; Е. А. Репникова, 2003; А. Н. Дианов, 2004; Л. В. Королева, 2004, 2005; А. С. Купцов, 2011, 2012). Авторы указывают на то, что разработка программы оздоро-

вительной тренировки на коррекцию телосложения предполагает учет индивидуальных особенностей фигуры. Чаще всего при разработке программ авторы учитывают особенности телосложения, используя классификации соматотипирования по Р. Н. Дорохову, В. Г. Петрухину, М. В. Черноруцкому, которые в основном выделяют три типа телосложения (А. С. Власов, 2000; Г. Горцев, 2004; Р. М. Тахватулин, 2007; Н. А. Дарданова, 2007; Т. Б. Кукоба, 2009, 2010, 2011). На наш взгляд, если речь идет о коррекции физических форм женщин, то трех типов телосложения недостаточно, поскольку существует несколько смешанных типов, где признаки одного типа телосложения сочетаются с признаками другого. Ряд

авторов: Л. Ю. Коткова [9, с. 81 – 86], Н. К. Ким [7], Т. Н. Власенко [2] предлагают использовать классификацию, включающую шесть типов, где каждый тип телосложения обозначен буквой латинского алфавита – А, Н, Т, Х, О, I.

Анализ научно-методической литературы и опыт собственной практической деятельности свидетельствуют о том, что если цель физической тренировки – коррекция фигуры, то речь должна идти об индивидуальных занятиях. Однако для многих женщин регулярные индивидуальные занятия недоступны. Тем не менее и от групповых тренировок женщины хотят получить эффективную коррекцию фигуры, которую можно достичь, на наш взгляд, используя дифференцированный подход.

В научно-методической литературе на сегодняшний день вопрос эффективности дифференцированного подхода в оздоровительной тренировке, направленной на коррекцию телосложения у женщин с различными типами фигуры мало изучен. Данной проблеме посвящена работа Т. Н. Власенко [2]. Эффективность дифференцированного подхода в оздоровительной тренировке женщин также изучала Т. Б. Кукоба [10], но в ее исследованиях критерием дифференциации являются конституциональные особенности, то есть соматотип. На основании выше изложенного мы считаем изучение данного вопроса актуальным.

Проблема исследования заключается в том, что в данных научно-методической литературы представлено недостаточно сведений об использовании дифференцированного подхода на групповых занятиях в оздоровительной тренировке женщин 21 – 35 лет, которые необходимы для оптимального подбора средств и параметров нагрузки в процессе тренировки на коррекцию телосложения женщин с различными типами фигур.

Объектом исследования является процесс групповых занятий в оздоровительной тренировке, направленной на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода.

Предметом исследования выбрана методика оздоровительной тренировки на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода.

Целью исследования является разработка методики оздоровительной тренировки на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода.

Гипотеза исследования. Предполагается, что методика оздоровительной тренировки на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет, основанная на дифференцировке средств и параметров нагрузки с учетом типа фигуры по буквенной классификации, будет способствовать эффективной коррекции компонентов состава и объемов тела.

Для достижения поставленной цели нами были решены следующие задачи.

1. Изучить состояние проблемы использования дифференцированного подхода на групповых занятиях в оздоровительной тренировке, направленной на коррекцию телосложения у женщин 21 – 35 лет с раз-

личными типами фигур в данных научно-методической литературы и практики.

2. Изучить антропометрические показатели и особенности компонентного состава тела женщин 21 – 35 лет и определить типы их фигур по буквенной классификации.

3. Разработать методику оздоровительной тренировки, направленной на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода и экспериментально обосновать ее эффективность.

Для решения поставленных задач применялись методы исследования: анализ и обобщение данных научно-методической литературы; визуальная оценка фигуры; антропометрия; педагогический эксперимент; методы математической статистики.

Исследование проводилось с декабря 2011 года по август 2013 г. на базе шейпинг-центра «Мадонна» г. Омска. На втором этапе исследования был организован педагогический эксперимент. В нем приняли участие 41 женщина в возрасте 21 – 35 лет. В результате проведенной нами визуальной оценки телосложения по буквенной классификации женских типов фигур женщины, принявшие участие в исследовании, были распределены на подгруппы (рис. 1). Так, из общего числа женщин в результате визуальной оценки было выявлено 14 женщин (34 %) с Х-типом фигуры, 13 женщин (31,7 %) – с А-типом, 12 женщин (29,3 %) – с Н-типом и 2 женщины (4,9 %) – с Т-типом.

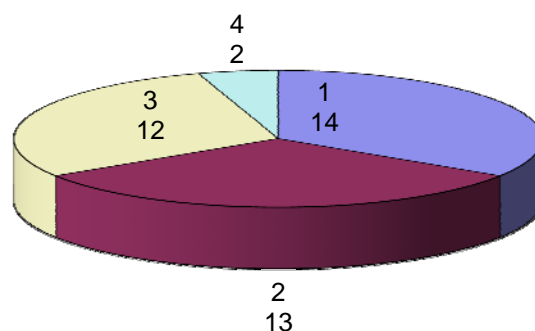

Рис. 1. Распределение женщин 21 – 35 лет по типам фигур на основании визуальной оценки фигуры по буквенной классификации, количество человек:

1 – Х-тип фигуры; 2 – А-тип фигуры;
3 – Н-тип фигуры; 4 – Т-тип фигуры

В виду небольшого количества женщин с Т-типом фигуры их экспериментальные данные не представлены в данном исследовании. Женщины с остальными типами фигуры были распределены на контрольную и экспериментальную группы по 19 и 20 человек соответственно. Женщины ЭГ занимались по разработанной нами методике оздоровительной тренировки с использованием дифференцированного подхода в подгруппах по типу фигуры. Женщины КГ занимались по программе Федерации Шейпинга России. Продолжительность педагогического эксперимента составила 8 месяцев.

Сравнение изучаемых показателей антропометрии между подгруппами женщин с разными типами фигур в начале эксперимента показало, что по всем иссле-

дваемым данным экспериментальная и контрольная группы достоверных различий не имеют (таблица 1).

Анализ данных показал, что все женщины имеют процент жира в массе тела выше нормы, предложен-

ной Федерацией шейпинга России, которая составляет – 15,5 – 24,5 % (И. В. Прохорцев, 1996); а также отклонения в основных обхватных размерах тела.

Таблица 1

Сравнение антропометрических показателей женщин с разными типами фигуры экспериментальной (э) и контрольной (к) групп до педагогического эксперимента ($X \pm \sigma$)

Показатели	Подгруппы по типам фигур		F-критерий Фишера
	$X_{\text{э}} n = 7$	$X_{\text{к}} n = 7$	
Рост, см	166,9 ± 4,6	167,2 ± 5,1	> 0,05
Вес, кг	65,7 ± 5,5	66,6 ± 5,4	> 0,05
% жира	32,2 ± 3,1	33,1 ± 2,5	> 0,05
Масса жира, кг	21,3 ± 3,9	22,0 ± 2,3	> 0,05
Масса б/жировая, кг	44,4 ± 2,2	44,6 ± 4,3	> 0,05
ОП, см	27,6 ± 1,4	28,5 ± 2,7	> 0,05
ОГсв, см	85,7 ± 3,0	86,5 ± 3,2	> 0,05
ОГр, см	91,6 ± 2,2	92,6 ± 1,4	> 0,05
ОТ, см	69,4 ± 3,6	71,1 ± 2,6	> 0,05
ОБр, см	100,4 ± 3,3	101,4 ± 5,1	> 0,05
ОБ, см	59,1 ± 3,5	58,0 ± 4,0	> 0,05
ОГ, см	36,2 ± 2,3	34,9 ± 3,2	> 0,05
	Аэ n = 7	Ак n = 6	
Рост, см	168,6 ± 4,2	164,9 ± 4,0	> 0,05
Вес, кг	60,9 ± 3,0	60,8 ± 3,7	> 0,05
% жира	33,1 ± 3,3	35,4 ± 2,2	> 0,05
Масса жира, кг	20,0 ± 1,5	21,6 ± 2,3	> 0,05
Масса б/жировая, кг	40,5 ± 4,2	39,3 ± 2,1	> 0,05
ОП, см	25,8 ± 1,2	24,8 ± 1,0	> 0,05
ОГсв, см	82,4 ± 1,9	81,1 ± 1,2	> 0,05
ОГр, см	85,8 ± 1,1	84,5 ± 1,2	> 0,05
ОТ, см	65,6 ± 2,9	66,2 ± 1,5	> 0,05
ОБр, см	97,0 ± 2,7	98,3 ± 1,5	> 0,05
ОБ, см	57,1 ± 1,1	58,5 ± 2,2	> 0,05
ОГ, см	34,3 ± 1,1	35,6 ± 1,7	> 0,05
	Нэ n = 6	Нк n = 6	
Рост, см	163,0 ± 6,9	164,3 ± 2,8	> 0,05
Вес, кг	60,7 ± 3,1	63,3 ± 3,6	> 0,05
% жира	31,9 ± 1,6	32,6 ± 1,7	> 0,05
Масса жира, кг	19,4 ± 1,1	20,7 ± 2,2	> 0,05
Масса б/жировая, кг	41,4 ± 2,6	42,6 ± 1,8	> 0,05
ОП, см	27,3 ± 1,0	28,5 ± 1,2	> 0,05
ОГсв, см	86,8 ± 2,9	86,7 ± 3,0	> 0,05
ОГр, см	92,3 ± 2,4	92,8 ± 2,5	> 0,05
ОТ, см	71,1 ± 3,6	69,9 ± 2,5	> 0,05
ОБр, см	94,5 ± 3,4	94,6 ± 2,4	> 0,05
ОБ, см	56,5 ± 2,5	56,2 ± 1,4	> 0,05
ОГ, см	34,5 ± 1,6	35,9 ± 1,9	> 0,05

Примечание: F – критерий Фишера = σ_1^2 / σ_2^2 , где $\sigma_1^2 > \sigma_2^2$; ОП – обхват плеча; ОГсв – обхват груди сверху; ОГ – обхват груди; ОТ – обхват талии; ОБр – обхват бедер; ОБ – обхват бедра; ОГ – обхват голени.

Так, у женщин А-типа отмечен недостаток по показателю «обхват груди» и избыток по показателю «обхват бедер». У женщин Н-типа имеется избыток объема талии, при этом объем бедер недостаточен и при наружном осмотре создается впечатление примерно одинаковой ширины плеч, талии и таза. У женщин Х-типа отмечен равномерный избыток всех объемов измеряемых частей тела при гармоничном телосложении.

Полученные результаты обусловлены особенностями типов фигур и процесс коррекции телосложения был направлен именно на проблемные области каждого типа, с учетом которых разрабатывалось содержание нашей методики (рис. 2).

Для достижения цели коррекции фигуры в каждой подгруппе женщин, решались свои частные задачи. Для женщин Х-типа фигуры основная задача – это равномерное уменьшение жировых отложений в верхней и нижней частях тела. Для женщин А-типа – увеличение объемов верхней части туловища и уменьшение объемов бедер. У женщин Н-типа – уменьшение объемов талии, плеча, совершенствование формы ягодиц. У Т-типа – уменьшение объема верхней части туловища и совершенствование формы ягодиц.

В оздоровительной тренировке использовались разнообразные средства: силовые упражнения на тренажерах, со свободными весами и с собственным весом, шейпинг-тренировка, циклические упражнения

(бег, ходьба), упражнения для укрепления мышечного корсета, стретчинг. Режим выполнения упражнений: динамический, статодинамический, статический. Занятия проводились фронтальным и малогрупповым методом. При выполнении упражнений использовались поточный метод выполнения упражнений, повторный, переменный, непрерывный.

Занятия проводились три раза в неделю по 60 минут и состояли: из общей для всех занимающихся разминки 5 – 7 минут (ОРУ на месте, базовые шаги аэробики) и заминки 5 – 7 минут (стретчинг). Основная часть имела продолжительность 45 – 50 минут. Ее содержание зависело от типа фигуры (таблица 2).

Женщины с Х-типом фигуры два раза в неделю выполняли упражнения на развитие силовой выносливости мышц верхней и нижней частей тела и один раз в неделю упражнения на развитие силовой выносливости мышц нижней части тела (25 – 30 мин) и циклические аэробные упражнения (20 – 25 мин).

Женщины А-типа фигуры два раза в неделю выполняли силовые упражнения на тренажерах и со свободными весами на увеличение объемов верхней части туловища. На каждом занятии в течение 20 – 30 минут выполняли упражнения на развитие силовой выносливости мышц живота, ног и ягодиц. Один раз в неделю применяли циклические аэробные упражнения.

Рис. 2. Методика оздоровительной тренировки, направленной на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода

Содержание основной части занятия по методике оздоровительной тренировки с учетом типа фигуры

Тип фигуры	Занятие № 1	Занятие № 2	Занятие № 3
Х-тип	Верх + низ (сил. вынослив.)	Низ (сил. вынослив.) (30') + кардио (20')	Шейпинг (упр. 1 – 9) + плечевой пояс (сил. вынослив.) (15')
А-тип	Плечевой пояс (увеличение объема) (30') + низ (сил. вынослив.) (20')	Шейпинг (упр. 1 – 7) + кардио (20')	Плечевой пояс (увеличен. объема) (30') + низ (сил. вынослив.) (20')
Н-тип	Плечевой пояс (силовая выносливость) (30') + кардио (20')	Низ (силовая выносливость) (25') + кардио (25')	Верх + низ (сил. вынослив.)
Т-тип	Низ (совершенств. форм) (35') + «здоровая спина» (15')	Плечевой пояс (сил. вынослив.) (30') + кардио (20')	Низ + верх (сил. выносливость)

Условные обозначения:

- Верх + низ (сил. вынослив.) – комплекс упражнений на развитие силовой выносливости мышц верхней и нижней частей тела.
- Низ (сил. вынослив.) – комплекс упражнений на развитие силовой выносливости мышц живота, ног, ягодичных мышц.
- Плечевой пояс (сил. вынослив.) – комплекс упражнений на развитие силовой выносливости мышц рук, плеч, спины, груди.
- Плечевой пояс (увеличение объема) – комплекс упражнений для мышц рук, плеч, спины, груди, нагрузка подобрана в соответствии с целью увеличения объема.
- Низ (совершенств. форм) – комплекс упражнений для совершенствования форм ног, ягодиц.
- Кардио – циклические упражнения, выполняемые в аэробном режиме.
- «Здоровая спина» – комплекс упражнений для укрепления мышечного корсета.

Женщины Н-типа фигуры на первом занятии выполняли упражнения на развитие силовой выносливости мышц верхней части туловища (25 – 30 мин) и циклические аэробные упражнения (20 – 25 мин). На втором занятии – силовые упражнения на развитие силовой выносливости мышц нижней части тела (25 – 30 мин) и циклические аэробные упражнения (20 – 25 мин). На третьем занятии – комплекс упражнений на силовую выносливость для основных мышечных групп всего тела.

Шейпинг-тренировка проводилась один раз в неделю с женщинами Х- и А-типами фигуры в соответствии с принципами построения шейпинг-тренировки Федерации Шейпинга России. Содержание шейпинг-тренировки:

- 1 упражнение – для мышц передней поверхности бедра;
- 2 – для мышц задней поверхности бедра;
- 3 – для мышц внутренней поверхности бедра;
- 4 – дополнительное для мышц бедра, определяется индивидуально для каждой занимающейся на основании антропометрии;
- 5 – для боковой поверхности бедра;
- 6 – 7 – на ягодичные мышцы;
- 8 – для области талии;
- 9 – для мышц живота;
- 10 – дополнительное для мышц живота и спины;
- 11 – дополнительное (для мышц голени, рук или верхней части спины).

Женщины с Т-типом фигуры выполняли один раз в неделю силовые упражнения на развитие силовой выносливости мышц верхней части туловища (30 мин) и циклические аэробные упражнения (20 мин). На втором занятии – упражнения на силовую выносливость для основных мышечных групп всего тела. На третьем занятии – упражнения на тренажерах и со свободными весами, направленные на совершенствование формы ног и ягодиц, а также упражнения для укрепления мышечного корсета.

Результаты антропометрии в конце педагогического эксперимента показали достоверные изменения практически всех изучаемых показателей как в экспериментальной (ЭГ), так и в контрольной группах (КГ), при $p < 0,01$ и $p < 0,05$ (таблица 3).

У женщин с Х-типом фигуры в ЭГ процент жира снизился на 16,1 %, а в КГ – на 11,5 %; в ЭГ обхват плеча уменьшился на 5,1 %, обхват талии – на 5,5 %, обхват ягодиц – на 4,2 %, обхват бедра – на 5,1 %. В то время как в КГ изменения составили 2,6 – 4,1 %.

У женщин с А-типом фигуры в ЭГ процент жира снизился на 15,4 %, а в КГ – на 6,5 %. В ЭГ обхват талии уменьшился на 4,0 %, обхват ягодиц – на 3,3 %, обхват бедра – на 4,6 %. В КГ изменения по данным показателям составили 1,7 – 3,2 %. В ЭГ значения обхватов груди (груди и груди сверху) увеличились на 0,8 % и 1,2 %, в КГ эти показатели уменьшились.

Динамика антропометрических показателей женщин с разными типами фигуры экспериментальной (э) и контрольной (к) групп за период педагогического эксперимента

Показатели	До $x \pm \sigma$	После $x \pm \sigma$	Дос- тов., P	При- рост, %	До $x \pm \sigma$	После $x \pm \sigma$	Дос- тов., P	При- рост, %
	$X_{\text{э}}, n = 7$				$X_{\text{к}}, n = 7$			
Вес, кг	$65,7 \pm 5,5$	$61,9 \pm 5,3$	$<0,01$	-5,8	$66,6 \pm 5,4$	$63,3 \pm 5,5$	$<0,01$	-5,0
Жир, %	$32,2 \pm 3,1$	$27,0 \pm 3,2$	$<0,01$	-16,1	$33,1 \pm 2,5$	$29,3 \pm 2,0$	$<0,01$	-11,5
Масса жира, кг	$21,3 \pm 3,9$	$16,7 \pm 3,6$	$<0,01$	-21,6	$22,0 \pm 2,3$	$18,5 \pm 1,8$	$<0,01$	-15,9
Масса б/жир., кг	$44,4 \pm 2,2$	$45,2 \pm 2,2$	$<0,01$	1,8	$44,6 \pm 4,3$	$44,8 \pm 4,5$	$<0,01$	0,4
ОП, см	$27,6 \pm 1,4$	$26,2 \pm 1,3$	$<0,01$	-5,1	$28,5 \pm 2,7$	$27,4 \pm 2,1$	$<0,05$	-3,9
ОГсв, см	$85,7 \pm 3,0$	$85,9 \pm 3,1$	$>0,05$	0,2	$86,5 \pm 3,2$	$85,9 \pm 2,9$	$>0,05$	-0,7
ОГр, см	$91,6 \pm 2,2$	$91,1 \pm 1,9$	$<0,05$	-0,5	$92,6 \pm 1,4$	$91,6 \pm 2,5$	$>0,05$	-1,1
ОТ, см	$69,4 \pm 3,6$	$65,6 \pm 3,4$	$<0,01$	-5,5	$71,1 \pm 2,6$	$68,2 \pm 2,2$	$<0,01$	-4,1
ОЯ, см	$100,4 \pm 3,3$	$96,2 \pm 2,8$	$<0,01$	-4,2	$101,4 \pm 5,1$	$98,8 \pm 4,0$	$<0,01$	-2,6
ОБ, см	$59,1 \pm 3,5$	$56,1 \pm 2,4$	$<0,01$	-5,1	$58 \pm 4,0$	$56,4 \pm 2,7$	$<0,01$	-2,8
ОГ, см	$36,2 \pm 2,3$	$35,6 \pm 2,1$	$<0,05$	-1,7	$34,9 \pm 2,1$	$34,4 \pm 1,8$	$<0,05$	-1,4
	$A_{\text{э}}, n = 7$				$A_{\text{к}}, n = 6$			
Вес, кг	$60,9 \pm 3,0$	$57,3 \pm 3,0$	$<0,01$	-5,9	$60,8 \pm 3,7$	$58,5 \pm 3,4$	$<0,01$	-3,8
Жир, %	$33,1 \pm 3,3$	$28,0 \pm 2,9$	$<0,01$	-15,4	$35,4 \pm 2,2$	$33,1 \pm 2,1$	$<0,01$	-6,5
Масса жира, кг	$20 \pm 1,5$	$16,0 \pm 1,4$	$<0,01$	-20,0	$21,6 \pm 2,3$	$19,4 \pm 2,0$	$<0,01$	-10,2
Масса б/жир., кг	$40,5 \pm 4,2$	$41,4 \pm 3,3$	$<0,05$	2,2	$39,3 \pm 2,1$	$39,1 \pm 2,2$	$>0,05$	-0,5
ОП, см	$25,8 \pm 1,2$	$25,2 \pm 0,9$	$<0,05$	-2,3	$24,8 \pm 1,0$	$24,5 \pm 0,8$	$>0,05$	-1,2
ОГсв, см	$82,4 \pm 1,9$	$83,4 \pm 1,6$	$<0,05$	1,2	$81,1 \pm 1,2$	$80,5 \pm 1,0$	$<0,05$	-0,7
ОГр, см	$85,8 \pm 1,1$	$86,5 \pm 0,9$	$<0,05$	0,8	$84,5 \pm 1,2$	$84,3 \pm 1,0$	$>0,05$	-0,2
ОТ, см	$65,6 \pm 2,9$	$63,0 \pm 2,9$	$<0,01$	-4,0	$66,2 \pm 1,5$	$65,0 \pm 1,3$	$<0,01$	-1,8
ОЯ, см	$97,0 \pm 2,7$	$93,8 \pm 2,8$	$<0,01$	-3,3	$98,3 \pm 1,5$	$96,6 \pm 1,7$	$<0,01$	-1,7
ОБ, см	$57,1 \pm 1,1$	$54,5 \pm 1,2$	$<0,01$	-4,6	$58,5 \pm 2,2$	$56,6 \pm 2,3$	$<0,05$	-3,2
ОГ, см	$34,3 \pm 1,1$	$33,8 \pm 0,8$	$>0,05$	-1,4	$35,6 \pm 1,7$	$35,4 \pm 1,7$	$>0,05$	-0,6
	$H_{\text{э}}, n = 6$				$H_{\text{к}}, n = 6$			
Вес, кг	$60,7 \pm 3,1$	$57,7 \pm 3,4$	$<0,01$	-4,9	$63,3 \pm 3,6$	$61,5 \pm 3,6$	$<0,01$	-2,8
Жир, %	$31,9 \pm 1,6$	$27,0 \pm 0,7$	$<0,01$	-15,4	$32,6 \pm 1,7$	$30,6 \pm 2,2$	$<0,05$	-6,1
Масса жира, кг	$19,4 \pm 1,1$	$15,6 \pm 1,1$	$<0,01$	-19,6	$20,7 \pm 2,2$	$18,8 \pm 1,9$	$<0,01$	-9,2
Масса б/жир., кг	$41,4 \pm 2,6$	$42,1 \pm 2,5$	$<0,05$	1,7	$42,6 \pm 1,8$	$43,4 \pm 2,5$	$>0,05$	1,9
ОП, см	$27,3 \pm 1,0$	$26,1 \pm 1,1$	$<0,05$	-4,4	$28,5 \pm 1,2$	$27,6 \pm 1,0$	$<0,05$	-3,2
ОГсв, см	$86,8 \pm 2,9$	$85,3 \pm 3,0$	$<0,01$	-1,7	$86,7 \pm 3,0$	$86,0 \pm 2,8$	$<0,05$	-0,8
ОГр, см	$92,3 \pm 2,4$	$90,5 \pm 1,8$	$<0,05$	-2,0	$92,8 \pm 2,5$	$91,9 \pm 2,3$	$<0,05$	-1,0
ОТ, см	$71,1 \pm 3,6$	$67,8 \pm 2,5$	$<0,01$	-4,6	$69,9 \pm 2,5$	$68,8 \pm 2,4$	$<0,01$	-1,6
ОЯ, см	$94,5 \pm 3,4$	$93,8 \pm 2,3$	$>0,05$	-0,7	$94,6 \pm 2,4$	$93,3 \pm 2,2$	$<0,05$	-1,4
ОЯ-ОТ, см	$23,4 \pm 1,9$	$25,9 \pm 1,1$	$<0,05$	10,7	$24,7 \pm 1,0$	$24,6 \pm 1,1$	$>0,05$	-0,4
ОБ, см	$56,5 \pm 2,5$	$54,1 \pm 2,5$	$<0,01$	-4,2	$56,2 \pm 1,4$	$54,9 \pm 0,7$	$<0,05$	-2,3
ОГ, см	$34,5 \pm 1,6$	$34,3 \pm 1,3$	$>0,05$	-0,6	$35,9 \pm 1,9$	$35,4 \pm 1,3$	$>0,05$	-1,4

У женщин с Н-типом фигуры в ЭГ процент жира снизился на 15,4 %, а в КГ – на 6,1 %. Обхват плеча в ЭГ уменьшился на 4,4 %, обхват груди – на 2,0 %, груди сверху – на 1,7 %, обхват талии – на 4,6 %, обхват бедра – на 4,2 %. Уменьшение соответствующих показателей в КГ составили 0,8 – 3,2 %. В ЭГ по показателю «разница между обхватом ягодиц и талии» произошли значительные положительные изменения, увеличение на 10,7 %, в контрольной группе значение этого показателя уменьшилось.

Таким образом, результаты исследования показали, что разработанная нами методика на коррекцию фигуры женщин 21 – 35 лет с использованием дифференцированного подхода способствует эффективной коррекции состава и объемов тела.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что разработанная и апробированная методика, основанная на использовании дифференцированного подхода, может применяться инструкторами в фитнес-клубах на групповых и индивидуальных занятиях в оздоровительной тренировке, направленной на коррекцию телосложения женщин.

Литература

1. Власов А. В. Особенности методики занятий атлетической гимнастикой с женщинами в зависимости от их соматического развития: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Малаховка, 2000. 23 с.
2. Власенко Т. Н. Дифференцированная методика оздоровительных занятий с женщинами 20 – 35 лет в физкультурно-спортивных клубах: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Хабаровск, 2006. 24 с.
3. Горцев Г. Ничего лишнего: аэробика, фитнес, шейпинг. Ростов н/Д.: Феникс, 2004. 251 с.
4. Дарданова Н. А. Мотивация женщин, занимающихся в фитнес-клубах // Спорт. Олимпизм. Гуманизм: межвуз. сб. науч. тр. / Смолен. ин-т физ. культуры. Смоленск, 2004. Вып. 5. С. 78 – 81.
5. Дарданова Н. А. Характеристики весоростовых показателей женщин 20 – 25 лет в зависимости от соматического типа, занимающихся различными видами фитнеса // Дети, спорт, здоровье: межрегион. сб. науч. тр. по проблемам интегративной и спортивной антропологии / Смолен. акад. физ. культ., спорта и туризма. Смоленск, 2007. Вып. 3. С. 77 – 82.
6. Дианов А. Н. Совершенствование телосложения у женщин 21 – 35 лет различными вариантами круговой тренировки с отягощениями: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Майкоп, 2004. 22 с.
7. Ким Н. К. Идеальная фигура. Энциклопедия современного фитнеса. М.: АСТ-ПРЕСС, 2006. 280 с.
8. Королева Л. В. Динамика морфологических показателей женщин 35 – 45 лет, занимающихся оздоровительной физической культурой на основе аэробики и шейпинга // Интегративная антропология – медицине и спорту: межрегион. сб. науч. тр., посвященных 50-летию науч.-пед. деят. проф. Р. Н. Дорохова / Смолен. ин-т физ. культуры. Смоленск, 2004. С. 130 – 134.
9. Коткова Л. Ю. Фитнес-тренинг – как средство оздоровления женщин разных возрастных групп // Проблема сохранения здоровья в Сибири и в условиях Крайнего Севера: сб. материалов всерос. науч.-практ. конф. / СибГУФК. Омск, 2007. С. 81 – 86.
10. Кукоба Т. Б. Оздоровительная тренировка женщин 21 – 35 лет на основе упражнений изотонического характера с учетом соматотипа: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Омск, 2011. 23 с.
11. Купцов А. С. Влияние разных методов развития силовой выносливости на динамику компонентного состава тела женщин 25 – 30 лет в процессе оздоровительной тренировки // Сибирский ун-т физ. культуры и спорта. Научные труды: ежегодник / СибГУФК. Омск, 2012. С. 132 – 136.
12. Прохорцев И. В. Способ определения режима тренировки, направленной на коррекцию телосложения человека, типа «Шейпинг». Патент № 2068721, кл. А 63 В 23 / 00 от 10.11.1996.
13. Руненко С. Д. Фитнес-тестирование для разработки индивидуальных программ коррекции фигуры в современных оздоровительных центрах // Физкультура в профилактике, лечении и реабилитации. 2007. № 2. С. 48 – 52.
14. Репникова Е. А. Методика повышения эффективности занятий шейпингом на основе применения статодинамического режима выполнения упражнений: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2003. 23 с.
15. Тахватулин Р. Н., Яковлева М. В. Оценка соматотипа женщин 20 – 30 лет, занимающихся оздоровительным фитнесом // Проблемы спортивной и медицинской антропологии: межвузов. сб. науч. тр. / Смолен. акад. физ. культ. Смоленск, 2007. С. 78 – 81.

Информация об авторах:

Ивко Ирина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и методики гимнастики и режиссуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта, iivka@mail.ru.

Irina A. Ivko – Candidate of Pedagogics, Associate Professor, Assistant Professor at the Department of Theory and Methodology of Gymnastics and Directing, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Тарасевич Галина Анатольевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры физического воспитания и спорта Омского государственного университета путей сообщения, akvatrener@mail.ru.

Galina A. Tarasevich – Candidate of Pedagogics, Assistant Professor at the Department of Physical Education and Sport, Omsk State University of Railway Engineering.

Колесник Татьяна Анатольевна – тренер групповых и индивидуальных программ Фитнес-центра GymStudio, выпускница кафедры Теории и методики гимнастики и режиссуры Сибирского государственного университета физической культуры и спорта.

Tatyana A. Kolesnik – group and individual coach at GymStudio Fitness Centre, graduate of the Department of Theory and Methodology of Gymnastics and Directing, Siberian State University of Physical Culture and Sports.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2014 г.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ И ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ РЕГИОНА В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САООПРЕДЕЛЕНИЯ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Н. Э. Касаткина, Е. А. Пахомова, Е. Л. Руднева

COOPERATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS AND REGIONAL INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE FORMATION OF STUDENTS' PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

N. E. Kasatkina, E. A. Pakhomova, E. L. Rudneva

В статье идет речь о взаимодействии образовательных организаций и предприятий в процессе формирования профессионального самоопределения учащейся молодежи региона. В статье анализируется эксперимент, проводимый в условиях Кузбасского региона и Сибирского федерального округа.

The paper discusses the cooperation of educational institutions and social partners, the formation of students' professional self-determination in the region. The paper analyzes the experiment, implemented in Kemerovo Region and the Siberian Federal District.

Ключевые слова: взаимодействие, социальные партнеры, профессиональное самоопределение, учащаяся молодежь, регион, образовательные организации, модернизация системы образования.

Keyword: cooperation, social partners, professional self-determination, students, region, educational organizations, modernization of the education system.

Модернизация системы образования потребовала от органов управления образованием, образовательных организаций и социальных партнеров взаимодействия в условиях профильного и профессионального обучения всех обучающихся [1].

Достигнутые результаты теории и практики профильного и профессионального обучения, изучение позиции директоров и преподавателей общеобразовательных школ региона, осуществляющих профильное обучение, выявило ряд проблем: изменение намерений учащихся; лей, исходя из возможностей учащихся; недостаточная подготовленность учителей для преподавания профильных предметов; отсутствие педагогически грамотных взаимоотношений «школа – профессиональная образовательная организация», «школа – предприятие»; необходимость пересмотра учебных планов для профильных классов; отсутствие финансовой возможности для перехода на индивидуальный учебный план; отсутствие необходимого учебно-методического обеспечения профильного обучения, не соответствующего требованиям; не ликвидированы проблемы в разработке курсов по выбору.

Обозначенные проблемы невозможно было решить в отдельной образовательной организации, их решение возможно только в условиях образования в регионе.

Как показало наше исследование, отдельно взятому образовательному учреждению трудно включиться в муниципальную сеть, так как для этого требуется решение достаточно большого количества не свойственных ему задач: подготовка к работе в профильных классах учителей; выбор социальных партнеров; планирование учебного процесса; создание материально-технического обеспечения; комплектование профильных классов; определение направлений и количества профилей обучения обучающихся и др.

Профильное обучение рассматривается нами как путь формирования профильного и профессионального самоопределения обучающихся. В ходе реализации инноваций в образовательных учреждениях нами была сформирована система непрерывного образования

обучающегося в течение всего процесса обучения. Образовательную сеть мы рассматриваем в условиях реализации системного подхода. Взаимодействие субъектов образовательного процесса осуществлялось на основе преемственности образовательных учреждений и социальных партнеров. Создавая сетевую организацию профильного обучения в условиях регионального образования, мы создавали локальную образовательную сеть, которая рассматривалась нами как сеть организаций, которые решают общие образовательные задачи [4].

Таким образом, разработанное нами сетевое взаимодействие общеобразовательных учреждений и предприятий как новую форму образования, построенную на совместной работе школ с другими образовательными организациями, с целью объединения их усилий для формирования профессионального самоопределения обучающихся [2 – 3].

Реализуя профильное обучение, в локальную образовательную сеть, мы включили однопрофильные школы и многопрофильные школы. Мы создали необходимое материально-техническое, финансовое, организационное, кадровое, научно-методическое, нормативно-правовое и информационное обеспечение.

Анализ психолого-педагогической литературы, проведенное нами исследование позволили определить пути совместной реализации учебных программ профильного обучения, распределить обязанности между организациями, обеспечивающими профильное обучение; организовать ресурсный центр профильного обучения [5].

В своей экспериментальной работе мы исходили из того, что профильное обучение является одним из важных направлений модернизации системы регионального образования и предполагает обновление системы образования, которая бы наиболее полно учитывала интересы, склонности, способности каждого обучающегося. Сетевое взаимодействие общеобразовательных школ и предприятий, позволяющих реализовать профильное обучение, мы рассматриваем как целостную педагогическую систему.

В ходе эксперимента по реализации профильного обучения в школе мы выделили следующие направления: профессиональное просвещение и профессиональная консультация; профессиональная диагностика; организацию профессиональных проб и др., – что позволило нам разработать и реализовать муниципальную программу, которая была направлена на создание условий для формирования у школьников профильного и профессионального самоопределения [6].

В течение 2005 – 2013 годов мы проводили исследование обучающихся общеобразовательных школ региона на предмет их профессиональных намерений, сформированности профессиональных планов их достижения.

В начале эксперимента мы провели исследование факторов, повлиявших на выбор профессии обучающихся, которое показало, что подавляющее большинство обучающихся выбирали профессию, исходя из собственных интересов (15 %), к совету родителей и родственников прислушались 34 % школьников, на лишь 10 % школьников повлияли встречи с представителями профессий. Курсы по выбору профессии повлияли на 36 % старшеклассников, но самое важное состояло в том, что 51 % опрошенных признались, что на начало эксперимента ничего не знали о выбранной ими профессии.

В процессе исследования мы проанализировали и организовали реализацию учебных планов и программ общеобразовательных организаций. Проведенный анализ показал, что в процессе эксперимента увеличился познавательный интерес школьников, углубилось преподавание базовых профильных дисциплин, влияющих на формирование профессиональное самоопределение обучающихся. В то же время на промышленных предприятиях увеличилось число рабочих мест для выпускников школ, были сняты ограничения для временного трудоустройства обучающихся, были разработаны и реализованы профессиональные пробы, были созданы условия для получения среднего и высшего профессионального образования.

Результаты эксперимента по реализации профильного обучения позволили нам утверждать: причины, тормозящие процесс формирования профессионального самоопределения обучающихся, – это недостаточное знание учебного материала, недостаточная информация о профессиях, а также несформированность профессиональных интересов, отсутствие возможности проверить себя в профессиональных пробах.

В ходе эксперимента мы выявили особенности образования в регионе, способствующие оказывать содействие развитию образовательной среды, ориентированной на формирование профессионального самоопределения выпускников школ, которые необходимы на рынке труда.

Сетевое взаимодействие общеобразовательных школ и социальных партнеров рассматривалась нами как совместная деятельность организаций, обеспечивающая возможность обучающимся выбирать профили обучения, в основном соответствующие потребностям регионального рынка труда, активно формирующие индивидуальную профессиональную карьеру [4].

Для организации процесса внедрения и развития профильного обучения была разработана и осуществ-

лена программу организационных и методических мероприятий по ознакомлению с основами профильного и профессионального самоопределения и возможностями их реализации в образовательной среде региона. Для этого мы проводили:

- совещания, семинары, научно-практические конференции;
- обучение педагогов по основным направлениям профильного образования и предпрофильной подготовки на курсах повышения квалификации;
- изучение нормативно-правовых, организационно-методических и педагогических основ;
- создание системы материального и морального стимулирования педагогов, осуществляющих экспериментальную деятельность по формированию профессионального самоопределения обучающихся;
- развитие инфраструктуры образовательных учреждений, принимающих участие в опытно-экспериментальной деятельности;
- реализацию системы дел по корректировке промежуточных результатов эксперимента;
- обеспечение непрерывного функционирования системы мониторинга экспериментальной деятельности;
- выявление позитивные и негативные аспекты педагогического процесса;
- обеспечение стабильной взаимосвязи между звеньями управления экспериментальной работы;
- привлечение родителей к деятельности в режиме эксперимента, ознакомление их с результатами исследования;
- проведение итогового сбора и обработки информации экспериментальной деятельности [4].

Мы организовали сетевой вариант профильного обучения, создали ассоциацию связанных друг с другом образовательных организаций, которая обеспечила создание образовательной среды, преемственность программ, способных удовлетворять запросы обучающихся при активном участии всех субъектов образовательного процесса.

Для реализации профильного обучения в общеобразовательных школах совместно с социальными партнерами мы организовали совет по профильному обучению, который выступил объединяющим звеном, в который вошли представители органов управления образованием, высших и средних профессиональных организаций, общеобразовательных организаций, организаций дополнительного образования и работодатели.

С целью повышения качества профильной подготовки обучающихся мы оказывали практическую помощь школам в содействии и организации практик и профессиональных проб; изучали спрос и предложения на рынке труда; осуществляли взаимодействие с органами управления образования, общественными организациями; организовали семинары и тренинги, направленные на формирование навыков самопрезентации, развитие умений составлять и презентовать резюме, профессиональное портфолио и пр.

В процессе экспериментальной работы мы определили этапы взаимодействия общеобразовательных школ и предприятий в профильном обучении. Каждый этап с одной стороны, обеспечивал реализацию профориентационной работы, а с другой – обеспечивал на всех этапах согласованность действий всех участни-

ков образовательного процесса. На каждом этапе совместная работа осуществлялась в содержательном и организационном аспектах. В процессе исследования большое внимание мы уделяли разработке системы информационного обеспечения выпускников общеобразовательных школ.

На первом этапе мы осуществляли профильную ориентацию обучающихся, их информационное обеспечение о перспективах дальнейшего профессионального образования в соответствии с выбранным профилем обучения.

На втором этапе мы разрабатывали систему мероприятий, направленную на повышение привлекательности профессий, востребованных на рынке труда региона для выпускников школ, и реализовали программы профильной подготовки; осуществляли развитие социального партнерства в процессе формирования профессионального самоопределения;

Для этого мы:

- проводили мониторинг информированности выпускников школ о кадровых потребностях региона и осознанности их профессионального выбора;
- создали единый портал в сети «Интернет», предназначенный для профориентационной работы с обучающимися: знакомство с профессиями, в которых нуждается регион;
- информировали молодежь о перспективных научно-технических направлениях региона (экскурсии, круглые столы, деловые игры и мастер-классы);
- организовали и проводили конкурс творческих работ для обучающихся «Как я планирую свое профессиональное будущее» (конкурс проектов и сочинений);
- разработали и реализовали дистанционную сетевую профильную программу подготовки обучающихся по направлениям профессиональной ориентации.

На третьем этапе с целью реализации возможностей выбора профиля обучения, связанного с процессом формирования профессионального самоопределения обучающихся, получения дополнительного профессионального образования на базе учреждений среднего и высшего профессионального образования нами были созданы центры довузовской подготовки выпускников.

К основным задачам центров мы отнесли:

- содействовать подготовке выбора профессии выпускниками;
- проводить индивидуальное консультирование выпускников по вопросам профессиональной ориентации и выбора будущей профессии;
- сформировать банк вакансий профессий, необходимых для региона, для выпускников;
- организовать сотрудничество с предприятиями в целях профильного обучения выпускников, организовать экскурсии на производство;
- сформировать банк резюме выпускников для их предоставления потенциальным работодателям;
- провести совместные совещания, семинары руководителей школ и социальных партнеров по вопросам профессиональной ориентации выпускников школ.

Для выпускников, имеющих шанс быть незачисленными в учреждения среднего и высшего профессионального образования, мы разработали программы развития малого бизнеса, сформировали группы для

участия в конкурсах по поиску рабочих мест при поддержке бизнес-инкубаторов; реализовали методики содействия трудоустройству выпускников школ. Мы помогли сделать выбор будущего места работы, проводили ярмарки вакансий, содействовали временному трудоустройству, организации стажировок, оказывали индивидуальную поддержку при трудоустройстве в другом регионе.

Все это позволило расширить диапазон профильного образования; ввести многоуровневую и многопрофильную подготовку обучающихся при взаимодействии общеобразовательных школ и социальных партнеров, соответствующую целям профильного обучения.

Таким образом сетевое взаимодействие, организованное нами на базе ресурсных центров, строилось по следующим направлениям:

- взаимодействие образовательных организаций, не имеющими материально-технической базы для организации профильного обучения, с образовательными организациями, имеющими хорошую материально-техническую базу;
- использование педагогов, владеющих информационными технологиями на высоком уровне в ресурсных центрах и в образовательных учреждениях, в которых осуществляется профильное обучение;
- увеличение количества профильных образовательных программ: повышение педагогического мастерства педагогов; семинары, мастер-классы; изучение применения новых материалов, и т. д.);
- введение в процесс обучения технологий дистанционного обучения;
- анализ результатов экспериментальной деятельности и их распространение на другие образовательные организации для использования в практике работы.

Одним из показателей результативности реализации профильного обучения являлись данные сравнительного анализа количества профильных классов в Кемеровской области. Количество обучающихся в системе профильного обучения за период проведения эксперимента увеличилось на 40 %.

Также увеличилось количество учебных заведений, реализующих профильное обучение.

Совокупность всех учебных учреждений, принимающих участие в эксперименте, объединение учреждений и организаций в системе профильного обучения в локальных образовательных сетях, создание результативной системы управления позволили значительно повысить качество формирования профессионального самоопределения обучающихся. Что подтвердило результаты участия образовательных организаций региона в олимпиадах, в научно-практических конференциях обучающихся.

Еще одним показателем результативности управления профильным обучением в региональной и муниципальной системе образования являются результаты поступления учащихся 11-х классов в вузы и техникумы региона по профилю обучения.

Наибольшую результативность (73 – 86 %) поступления по профилю показали классы физико-математического, физико-технического, информационно-тех-

нологического, экономического, юридического, исторического, филологического направлений.

В ходе исследования мы определили особенности регионального рынка труда, позволяющие судить о наличии на рынке достаточного количества возможностей, реализация которых позволяет обеспечить регион в необходимых кадрах. В качестве наиболее действенных из них мы выделили: бизнес-инкубаторы; центры научных разработок; центры технологий; консалтинговые компании, поддерживающие инновационную деятельность, и другие структуры поддержки малого и среднего бизнеса региона; организации сферы образования; предприятия региона и т. д.

На основе полученных данных мы разработали модель сетевого взаимодействия, способствующую улучшению положения молодежи на рынке труда. Основу данной модели составляет взаимодействие всех участников образовательной деятельности и участников рынка труда. Ключевыми элементами формирования партнерских отношений на рынке труда являлись: государственная служба занятости и организации СПО и ВПО. В рамках реализации модели мы разработали основные направления, способствующие формированию профессионального самоопределения обучающихся:

- функционирование системы образования в качестве базовой площадки приобретения необходимых знаний, умений и навыков, обеспечивающих непрерывное профессиональное развитие выпускников;

- исполнение государственными органами управления образования роли координатора взаимодействия между участниками образовательного процесса;

- реализация форм сотрудничества между субъектами образовательного процесса, способствующими изменениям потребностей регионального рынка труда, ценностных ориентаций молодежи;

- укрепление системы профильного обучения для различных групп молодежи с учетом особенностей каждой из них и кадровых потребностей региональных рынков труда в профессиях, необходимых для региона трудоустройстве молодых специалистов.

Экспериментальным путем мы доказали, что организация совместных мероприятий: специализированные ярмарки вакансий рабочих; профессиональные пробы; семинары для работодателей; получила повсеместное распространение и поддержку, что способствовало осознанному выбору профессии выпускниками и повышению их конкурентоспособности на рынке труда.

Существующая образовательная система позволила сформировать у выпускников образовательных организаций профессиональное самоопределение. Учащиеся получали знания, необходимые для осуществления данного выбора, обучались тому, как делать выбор. Профильное обучение согласовывалось с учебной мотивацией обучающихся, которые связывали свои интересы с учебой в средних и высших профессиональных образовательных организациях. Это стало достоинством разработанной нами образовательной системы.

Литература

1. Новиков А. М. Методология образования. М.: Эгвейс, 2006.
2. О мерах по поддержке и развитию профессионального образования Кемеровской области. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области № 372-р от 16.05.2011.
3. О развитии социального партнерства в системе профессионального образования Кемеровской области. Распоряжение Коллегии Администрации Кемеровской области № 888-р от 13.10.2011.
4. Судьина Л. Н., Покачалова Т. В. Управление профильным обучением в системе муниципального образования // Модернизация общего и профессионального образования: материалы межрегиональной научно-практической конференции (Новокузнецк, 19 – 20 июня 2008 г.). Томск: 2008. С. 294 – 300.
5. Ткаченко Е. В., Смирнов И. П., Бурмистрова А. С. Профессиональное образование и молодежь России. М.: НИИРПО, 2012.
6. Чистякова С. Н. Педагогическое сопровождение самоопределения школьников. М.: Академия: Московские учебники, 2010.

Информация об авторах:

Касаткина Наталья Эмильевна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ, Заслуженный работник высшей школы РФ, kasatkina@kemsu.ru.

Natalia E. Kasatkina – Doctor of Pedagogy, Professor at the Inter-University Department of General and High School Pedagogy, Kemerovo State University; Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation.

Пахомова Елена Алексеевна – кандидат педагогических наук, доцент, заместитель Губернатора Кемеровской области.

Elena A. Pakhomova – Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Deputy Governor of Kemerovo Region.

Руднева Елена Леонидовна – доктор педагогических наук, профессор, директор Кузбасского регионального института развития профессионального образования, заведующая межвузовской кафедрой общей и вузовской педагогики КемГУ, elena_rudneva@rambler.ru.

Elena L. Rudneva – Doctor of Pedagogy, Professor; Head of the Inter-University Department of General and High School Pedagogy, Kemerovo State University; Director of Kuzbass Regional Institution of Vocational Training Development.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2015 г.

**ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ОБОСНОВАНИЕ МЕТОДИКИ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ТЕХНИКИ ОТТАЛКИВАНИЯ ПРЫГУНОВ В ДЛИНУ
С РАЗБЕГА 15 – 17 ЛЕТ**

П. И. Ковган

**THEORETICAL AND EXPERIMENTAL JUSTIFICATION OF THE TECHNOLOGY FOR IMPROVING
REPULSION TECHNIQUE OF RUNNING LONG JUMPERS AGED 15 – 17**

P. I. Kowgan

В статье представлены результаты исследований взаимосвязи педагогических установок и биомеханических параметров техники отталкивания в прыжках в длину. Цель настоящей работы состоит в разработке методики совершенствования техники отталкивания у прыгунов в длину с разбега 15 – 17 лет, основанной на взаимосвязи биомеханических характеристик техники отталкивания прыгунов в длину, педагогических установок. На основе установленных взаимосвязей дано теоретическое обоснование методики совершенствования техники отталкивания прыгунов в длину 15 – 17 лет. Эффективность разработанной методики определена в процессе педагогического эксперимента.

The paper presents the results of studies of the relationship between pedagogical systems and biomechanical parameters of repulsion technique in the long jump. The aim of this work is to develop methods of improving repulsion technique of running long jumpers aged 15 – 17 years old, based on the relationship between biomechanical characteristics of long jumpers' repulsion technology and educational settings. Based on the established relationships, the paper suggests a theoretical justification for the methods of improving repulsion technique of long jumpers aged 15 – 17. The effectiveness of the developed method is defined in the pedagogical experiment.

Ключевые слова: двигательная установка, биомеханические параметры, прыжок в длину, отталкивание, амортизация.

Keywords: propulsion system, biomechanical parameters, long jump, repulsion, amortization.

Исследование техники легкоатлетических прыжков свидетельствует о важнейшем значении начальной скорости полета общего центра масс тела (ОЦМТ) для преодоления наибольшего горизонтального расстояния. Скорость прыгуна на последних метрах разбега во многом определяет скорость вылета ОЦМТ и конечный результат, что подтверждается тесной корреляцией между этими параметрами [1 – 5]. Система движений, реализуемая в процессе выполнения отталкивания, не позволяет эффективно реализовать возросший двигательный потенциал прыгунов, является одним из основных факторов сдерживания роста достижений спортсменов в прыжках в длину с разбега. В связи с этим, отталкивание в прыжках в длину с разбега заслуженно называют [3 – 9] главной частью прыжка. Эффективность техники отталкивания спортсменов определяет, в конечном счете, степень реализации их двигательного потенциала и динамику достижений в этом виде спорта. Поэтому вполне закономерен интерес к разработке методики совершенствования действий прыгунов в длину при выполнении этой части прыжка.

Доказано, что в сознании спортсмена формируется двигательная установка, обладающая функцией регулирования движений [6]. Исследования показали [6 – 8], что сформированный в сознании спортсмена образ предстоящего двигательного действия способен заметно повлиять на эффективность решения им двигательной задачи.

Анализ результатов анкетирования показал, что все спортсмены из числа опрошенных используют в процессе соревновательной деятельности (перед выполнением прыжков в длину с разбега и процессе выполнения прыжков) те или иные двигательные установки, и все тренеры рекомендуют спортсменам ис-

пользовать в процессе соревновательной деятельности определенные двигательные установки.

При этом, в большинстве случаев (31,15 % от числа опрошенных) предпочтение было отдано установке на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости и на быстрое отталкивание». Установка на «быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом» отдали предпочтение 21,36 % анкетированных; установке на сильное (акцентируемое) отталкивание – 16,02 % анкетированных; глобальной установке на далекое приземление – 8,9 % анкетированных; иным установкам – 1,78 % анкетированных. Установлено также, что глобальную установку на далекое приземление используют только высококвалифицированные прыгуны в длину. Спортсмены 15 – 17 лет используют в процессе соревновательной деятельности три основные педагогические установки: установку на сильное (акцентируемое) отталкивание; установку на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом; установку на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание.

Педагогический эксперимент проводится в два этапа, с мая 2011 года по июнь 2013 года. Всего в эксперименте приняло участие 48 прыгунов в длину (I разряд – КМС), занимающихся в группах спортивного мастерства (СПС). Возраст испытуемых – 15 – 17 лет.

Используя методы математической статистики, установлено, что в уровне специальной физической подготовленности участников констатирующего эксперимента, использующих в процессе соревновательной деятельности установку на сильное (акцентируемое) отталкивание, использование традиционных методик физической и технической сторон подготовки позволило достоверно повысить уровень специальной

физической подготовленности. В прыжках в длину с разбега результат также достоверно повысился.

В уровне специальной физической подготовленности участников констатирующего эксперимента, использующих в процессе соревновательной деятельности другие установки, уровень специальной физической подготовленности при использовании традиционных методик физической и технической сторон подготовки также достоверно повысился. В тоже время, результат в прыжках в длину с разбега результат хотя и увеличился, но изменения носили не достоверный характер.

На основании результатов первого этапа педагогического эксперимента сделано заключение, что существующие методики позволяют эффективно осуществлять процесс подготовки тех прыгунов в длину, которые используют в процессе соревновательной деятельности установку на сильное (акцентируемое) отталкивание. Методики, реализуемые в процессе подготовки спортсменов, использующих при выполнении прыжка в длину с разбега установку на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом, а также установку на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание, не достаточно эффективны. На основании анализа научно-методической литературы, результатов исследований взаимосвязи педагогических установок с биомеханическими характеристиками, техники отталкивания прыгунов в длину с разбега была выдвинута гипотеза, что в тренировочном процессе прыгунов в длину, использующих установку на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом, а также установку на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание, необходимо повысить эффективность взаимосвязи биомеханических характеристик техники отталкивания в прыжках в длину с разбега, средств, используемых в процессе совершенствования техники отталкивания и названных педагогических установок. Методики, основанной на взаимосвязи биомеханических характеристик техники отталкивания в прыжках в длину с разбега, средств, используемых в процессе совершенствования техники отталкивания и педагогических установок, используемых спортсменами в прыжках в длину с разбега, позволят повысить эффективность процесса технической подготовки спортсменов.

На втором этапе эксперимента (формирующий эксперимент: с сентября 2012 года по июнь 2013 года) из прыгунов в длину ($n = 32$), участвующих в констатирующем эксперименте и использующих установку на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом, а также установку на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание, были сформированы две группы: контрольная группа «А» ($n = 16$) и экспериментальная группа «Б» ($n = 16$).

Сравнительный анализ уровня специальной физической подготовленности участников контрольной и экспериментальной групп показал, что достоверных отличий в уровне физической подготовленности и в уровне достижений в основном соревновательном упражнении в начале констатирующего эксперимента нет.

На втором этапе эксперимента в тренировочный процесс участников экспериментальной группы был введен экспериментальный фактор – разработанная методика совершенствования техники отталкивания прыгунов в длину, основанная на взаимосвязи биомеханических характеристик техники отталкивания в прыжках в длину с разбега, средств, используемых в процессе совершенствования техники отталкивания и педагогических установок, используемых спортсменами в прыжках в длину с разбега. Участники контрольной группы тренировались по общепринятым методикам. В конце второго этапа педэксперимента на соответствующем этапе тренировочного процесса (предсоревновательный мезоцикл: май – июнь 2013 года) были проведены контрольные испытания с целью определения уровня специальной физической подготовленности спортсменов перед первым главным стартом весенне-летнего соревновательного периода 2013 года. Во время выступления спортсменов на первом главном старте весенне-летнего соревновательного периода (май – июнь 2013 года) сделана видеозапись техники отталкивания участников педэксперимента. Используя методики биомеханики, определена эффективность техники отталкивания спортсменов. Были также определены величины и характер нагрузок спортсменов, выполненные ими в процессе подготовки к главному старту весенне-летнего соревновательного периода 2013 года с начала осеннего подготовительного периода 2012 года. Основные результаты исследований представлены в таблице.

Сравнивая изменения параметров техники отталкивания прыгунов в длину контрольной группы, установлено, что произошли изменения в следующих показателях: уменьшился угол сгибания опорной ноги в фазе амортизации, увеличился угол вылета ОЦМТ, уменьшились потери горизонтальной составляющей в фазе амортизации. В тоже время, эти изменения не имели достоверных различий. Как следствие, в процессе формирующего эксперимента не произошло достоверного повышения достижений в прыжках в длину с разбега. У участников экспериментальной группы произошли достоверные изменения следующих параметров техники отталкивания: уменьшилось время выполнения первой половины фазы амортизации, потери горизонтальной составляющей фазы амортизации, скорость вылета ОЦМТ и другие параметры (таблица). Изменения в уровне технической подготовленности позволили участникам экспериментальной группы достоверно повысить достижения в прыжках в длину с разбега.

Таким образом, у участников экспериментальной группы за счет введения в тренировочный процесс экспериментального фактора (методики, основанной на взаимосвязи биомеханических характеристик техники отталкивания в прыжках в длину с разбега, средств, используемых в процессе совершенствования техники отталкивания и педагогических установок, используемых спортсменами в прыжках в длину с разбега) произошли достоверные запланированные изменения в технике отталкивания, что и определило достоверное улучшение достижений спортсменов в основном соревновательном упражнении – прыжках в длину с разбега.

**Динамика параметров техники отталкивания прыгунов в длину экспериментальной группы
в ходе формирующего эксперимента (n = 16)**

<i>Показатели техники отталкивания в прыжках в длину с разбега</i>	<i>Начало этапа эксперимента, $\bar{O} \pm \delta$</i>	<i>Окончание этапа эксперимента, $\bar{O} \pm \delta$</i>	<i>Достоверность различий, Р</i>
Время выполнения фазы амортизации, с	0,05 ± 0,009	0,045 ± 0,009	< 0,05
Время выполнения первой половины фазы амортизации, с	0,03 ± 0,006	0,027 ± 0,006	< 0,05
Время выполнения второй половины фазы амортизации, с	0,02 ± 0,006	0,02 ± 0,006	< 0,05
Время выполнения фазы отталкивания, с	0,08 ± 0,009	0,07 ± 0,009	< 0,05
Скорость ОЦМТ прыгуна в момент постановки ноги на опору, м/с	8,69 ± 0,06	8,73 ± 0,06	> 0,05
Потери горизонтальной составляющей скорости ОЦМТ в фазе амортизации, м/с	1,78 ± 0,05	1,65 ± 0,05	< 0,05
Скорость вылета ОЦМТ в момент отрыва от опоры, м/с	6,60 ± 0,015	6,75 ± 0,015	< 0,05
Угол вылета ОЦМТ, градусы (°)	21,1 ± 0,9	21 ± 0,9°	> 0,05
Максимальная величина сгибания опорной ноги, градусы (°)	51,1 ± 1,3	52,7 ± 1,3	> 0,05
Угол постановки ноги на опору, градусы (°)	69 ± 2,6	71,1 ± 2,6	< 0,05
Результат прыжков в длину с разбега, м	6,72 ± 0,09	6,84 ± 0,09	< 0,05

Выводы

Спортсмены 15 – 17 лет используют в процессе соревновательной деятельности три основные педагогические установки:

- установку на сильное (акцентируемое) отталкивание – 16,02 % от числа опрошенных;
- установку на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом – 21,36 % от числа опрошенных;
- установку на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание – 31,15 % от числа опрошенных.

Двигательные установки оказывают влияние на биомеханические параметры техники выполнения прыгунами в длину основного соревновательного упражнения и, как следствие, на результат прыжков в длину с разбега. Установка на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом и установка на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание однонаправлено влияют на названные биомеханические параметры техники отталкивания по сравнению с влиянием других педагогических установок. Отличия в биомеханических параметрах техники отталкивания при использовании исследуемых педагогических установок не являются достоверными, т. е. по своей эффективности влияния на системы движений прыгунов в длину во время отталкивания они сравнительно равны.

Влияние педагогических установок, используемых прыгунами в длину в процессе соревнований, на биомеханические параметры систем движений должны носить однонаправленный характер с процессом оптимизации систем движений, осуществляемым во время подготовки к соревнованиям. В случае, когда спортсмены оптимизируют системы движений в направлении снижения потерь горизонтальной состав-

ляющей фазы амортизации за счет уменьшения амплитуды сгибания опорной ноги, целесообразно в процессе соревновательной деятельности использовать педагогическую установку на сильное (акцентируемое) отталкивание. Констатирующий педагогический эксперимент показал, что существующие методики совершенствования техники отталкивания прыгунов в длину 15 – 17 лет позволяют достоверно повышать достижения в основном соревновательном упражнении тем спортсменам, которые используют двигательную установку на сильное (акцентируемое) отталкивание, влияющую на систему движений прыгуна во время отталкивания однонаправленно с воздействиями, получаемыми во время тренировочного процесса.

Формирующий педагогический эксперимент подтвердил выдвинутую гипотезу об эффективности разработанной методики, основанной на взаимосвязи биомеханических характеристик техники отталкивания в прыжках в длину с разбега, средств, используемых в процессе совершенствования техники отталкивания и педагогических установок, используемых спортсменами в прыжках в длину с разбега. Спортсменам, использующим в процессе соревновательной деятельности установки на быстроту разбега и максимальную скорость выполнения прыжка в целом и установки на выполнение разбега «бежать за планку не снижая скорости» и на быстрое отталкивание, в процессе подготовки целесообразно оптимизировать системы движений, реализуемых в отталкивании, за счет снижения потерь горизонтальной составляющей скорости ОЦМТ в первой части фазы амортизации (в учебно-тренировочном процессе для повышения эффективности техники отталкивания целесообразно таким образом влиять на систему движений, чтобы первую часть фазы амортизации спортсмен выполнял

с минимальным сопротивлением сгибанию опорной ноги, а во второй части фазы амортизации двигательные возможности позволяли спортсмену затормозить сгибание опорной ноги за минимальное время). За десять месяцев педагогического эксперимента уровень достижений в основном соревновательном уп-

ражнении (прыжках в длину с разбега) у участников экспериментальной группы достоверно ($<P_{0.05}$) повысился (на 0,12 метра); у участников контрольной группы достижения также повысились (на 0,02 метра), но повышение достижений имело не достоверный ($>P_{0.05}$) характер.

Литература

1. Александрова О., Сидоренко С., Тер-Ованесян И. Разбег и скорость // Легкая атлетика. 1978. № 6. С. 6 – 7.
2. Верхошанский Ю. В. Каким должен быть разбег // Легкая атлетика. 1966. № 5. С. 3 – 4.
3. Донской Д. Д., Зациорский Д. Д. Биомеханика: учебник для институтов физической культуры. М.: Физкультура и спорт, 1979. 264 с.
4. Еремин Ю. С. Исследование влияния различных двигательных установок спортсмена на структуру движений в спортивных упражнениях: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1967. 19 с.
5. Иориш Ю. 8.90: Феноменальный прыжок // Легкая атлетика. 1981. № 6. С. 24 – 27.
6. Легкая атлетика (прыжки): программа для детско-юношеских спортивных школ, специализированных детско-юношеских школ олимпийского резерва. Минск, 2005. 169 с.
7. Озолин Н. Г., Воронкин В. И., Примакова Ю. Н. Легкая атлетика: учебник для институтов физической культуры. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Физкультура и спорт, 1989. 671 с.
8. Руденик В. В. Совершенствование двигательной структуры отталкивания у прыгунов в длину высокой квалификации: автореф. дис. ... канд. пед. наук. АФВ и С РБ. Минск, 1998. 20 с.
9. Скобликов В. И. Исследование влияния педагогических установок на спортивно-технический результат: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Л., 1973. 17 с.

Информация об авторе:

Ковган Павел Иосифович – преподаватель кафедры физического воспитания Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Республика Беларусь, +375-33-623-48-32, kowgan.pavel@yandex.by.

Pavel I. Kowgan – Lecturer at the Department of Physical Training, Janka Kupala Grodno State University Republic of Belarus.

Статья поступила в редколлегию 02.12.2014 г.

УДК 378.37

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ ПОВЫШЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧИТЕЛЕЙ

Е. П. Лебедева, М. И. Губанова

ORGANIZATIONAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR IMPROVING TEACHERS' TECHNOLOGICAL COMPETENCE

E. P. Lebedeva, M. I. Gubanova

В статье раскрывается значение и смысл изменения процессуальной стороны школьного образования в связи с реализацией требований Федеральных государственных образовательных стандартов начального и основного общего образования. Детально охарактеризованы структура и содержание трёхэтапной циклической формы повышения технологической компетентности учителя. Представлены формы и методы системной подготовки педагога к использованию образовательных технологий деятельностного типа.

The paper reveals the significance and meaning of the school education process changes in connection with the implementation of the Federal state educational standards for primary and basic education. The structure and content of 3-steps cyclic form of teacher's technological competence increasing are given a detailed description. The authors propose the forms and methods of training teacher to use educational technology of activity type.

Ключевые слова: образовательная технология деятельностного типа, обучение педагогов, технологическая компетентность.

Keywords: educational technology of activity type, teachers' training, technological competence.

В связи с введением Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС), учитель общеобразовательной школы столкнулся с непростой многоаспектной задачей структурно-содержательной перестройки собственной профессиональной деятельности. В последнее время особо актуальным становится не только глубокое теоретическое изучение, но

и продуктивное внедрение в педагогическую практику инновационных подходов. В обобщенном виде они представлены:

– *содержательно:* в целевой установке, предусматривающей формирование универсальных учебных действий (УУД), необходимых для формирования у обучающихся опыта *самостоятельного* реше-

ния познавательных, коммуникативных, организационных, нравственных и иных задач;

– *инструментально*: в использовании современных технологиях обучения как интегрированной системе урочной и внеурочной деятельности, ставшей неотъемлемой частью образовательного процесса в школе;

– *процессуально*: в дифференциации содержания обучения, обеспечивающий баланс основного и ознакомительного материалов, способствующих формированию общей культуры, социализации, расширению кругозора современных школьников.

Реализация требований ФГОС предполагает, прежде всего, освоение педагогами любого уровня образования (общее, профессиональное, дополнительное) особенностей личностно- и компетентностно ориентированного образования, системного и деятельностного подходов. Особо отметим необходимость *овладения методами и приемами* реализации психолого-педагогических и дидактических принципов *развивающего обучения*. Как показывают опросы слушателей курсов повышения квалификации, все большее количество педагогов на практике убеждаются в продуктивности использования *образовательных технологий деятельностного типа*. Среди множества современных методов и технологий обучения обозначим наиболее перспективные: проблемно-диалогическое введение новых знаний, продуктивное чтение, развитие критического мышления, проектная и исследовательская деятельность, модульное обучение, оценивание учебных успехов учащихся, уровневая дифференциация и др.

Вполне очевидно, что самостоятельное освоение такого объема постоянно обновляющейся информации, детальное изучение новых для учителя образовательных технологий и поэтапное их внедрение в воспитательно-образовательный процесс связано со значительными затруднениями. Методические просчеты, технологические ошибки, профессиональные промахи учителя-практика вызваны различными причинами и механизмами их возникновения. Подготовка педагога к использованию новых форм организации воспитательно-образовательного процесса значительно облегчается в условиях осуществления методического сопровождения его профессиональной деятельности.

В психолого-педагогических исследованиях сопровождение рассматривается как взаимодействие, а педагогическое сопровождение – как его вид, который отражает управляемую сторону процесса развития человека в системе социального и педагогического взаимодействия с другими людьми (Е. А. Александрова, О. М. Зайченко, Е. И. Казакова, И. А. Липский, М. Н. Певзнер, С. Н. Чистякова, Л. М. Шипицын и др.). При этом педагогическое сопровождение определяется как деятельность, процесс, система, технология.

В своей преподавательской практике мы используем *организационно-методическое сопровождение* как целенаправленное, планомерное, практикоориентированное, пошаговое взаимодействие преподавателей и методистов Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования с учителями, начавшими работать в условиях реализации требований ФГОС. Непосред-

ственно во время обучения на курсах повышения квалификации и в послекурсовой период мы осуществляем в организационном плане и на процессуальном уровне информационную поддержку и методическую помощь учителям: в совершенствовании их профессионального мастерства; в углублении теоретического освоения основных положений ФГОС и практического усвоения новых образовательных технологий; в обеспечении продуктивности практической деятельности по реализации изученных психологических и дидактических принципов развивающего обучения и внедрению освоенных технологий в образовательный процесс; в выявлении, разборе и устранении дидактических затруднений, возникающих в процессе педагогической деятельности с использованием образовательных технологий.

Цель организационно-методического сопровождения – создание условий для осознанного повышения учителями собственной профессиональной, и в первую очередь, *технологической*, компетентности по формированию и развитию УУД школьников. При этом мы акцентируем внимание учителей на постоянное повышение уровня профессиональной деятельности посредством поэтапного освоения и практического использования как традиционных, так и новых для них технологий.

Изменение целей повышения квалификации педагогов от ориентации на знание предмета к созданию условий для развития личности ученика повлекло за собой обновление содержания педагогического образования на курсах повышения квалификации. На первом месте стоит индивидуальность, самостоятельность, неординарность и инициатива личности учителя, способного воспитать будущее поколение творчески мыслящим, профессионально мобильным, интеллектуально независимым и конкурентоспособным. В связи с этим мы стремимся акцентировать личностно ориентированный характер профессионального обучения самого учителя.

Необходимость развития, а нередко и формирования у педагогов способностей к самоорганизации, саморазвитию, умений самостоятельно осваивать постоянно обновляющуюся информацию, побуждает к дальнейшей разработке теории и методики повышения квалификации, обеспечивающих возрастание степени самостоятельности, рефлексивности, творческой активности обучающихся педагогов, реализацию и развитие их субъектной позиции в образовательной деятельности. Педагог – не только субъект профессиональной деятельности, но и субъект непрерывного профессионального образования, т. к. основой профессионального роста и личностного развития является активное и заинтересованное отношение педагога к своему образованию.

Ориентация на личность педагога, его творческое развитие, способность к саморазвитию, самосовершенствованию в зависимости от изменения условий и характера труда рассматривается как важное средство совершенствования профессиональной подготовки. Наиболее важными профессионально-важными и личностно-значимыми качествами современного учителя становятся:

– высокий уровень психолого-педагогической подготовки, обеспечивающий возможность реализа-

ции индивидуального подхода в организации образовательного процесса, создание эмоционально-насыщенной атмосферы конструктивных взаимоотношений с учениками и родителями;

- широкую эрудицию, позволяющую качественно и интересно преподнести учебный материал, увязать его в единую систему и тем самым способствовать формированию в сознании младшего школьника целостной картины мира;

- способности к творчеству и организации совместной деятельности;

- свободу от стереотипов и педагогических догм как в организации, так и в содержании учебно-воспитательного процесса.

Проведя анализ научно-методической литературы об *этапах, подходах и направлениях* в осуществлении повышения квалификации педагогов, мы определили наиболее приемлемой трёхэтапную циклическую форму повышения технологической компетентности учителя, включающую *исходно-подготовительный, теоретико-практический и рефлексивно-внедренческий* этапы.

На первом этапе (исходно-подготовительный) каждый учитель, прибывший на курсы повышения квалификации, определяет при помощи средств диагностики уровень своей осведомленности о технологиях проблемно-диалогического обучения, продуктивного чтения, оценивания учебных успехов учащихся и с его учётом и нашей помощью составляет проект роста своей квалификации. Далее совместно определяются цель, задачи, формулируются ожидаемые результаты обучения, выбираются методы отслеживания изменения профессионализма.

В ходе второго этапа (теоретико-практический) каждый обучаемый производит постоянный самоанализ учебной деятельности, уровень своей самостоятельности по направлениям: научно-теоретическая подготовка; психолого-педагогическая подготовка; технологическая подготовка; развитие личностных качеств; апробирование новых для учителя технологий и др.

На данном этапе мы максимально используем разнообразные организационные формы обучения: интерактивные, групповые, индивидуальные, самостоятельные и другие. На этом этапе формируется ядро запланированного профессионального проекта, поэтому в образовательном процессе у нас доминируют только те технологии, которые носят деятельностный характер. В целях плановой организации внеаудиторной деятельности в состав дополнительных образовательных программ включены темы для самостоятельной работы, вопросы к зачету, собеседованию, организованы тематические выставки, проводится обзор литературы.

Третий этап (рефлексивно-внедренческий) является показателем для отслеживания результативности курсового обучения. Именно здесь осуществляется полномасштабная рефлексия всей деятельности в ходе второго этапа повышения технологической компетентности. Третий этап предусматривает творческий отчёт учителя об осуществлённой им деятельности на первых двух этапах, систему мастер-классов для своих коллег в методическом объединении. В то же время, каждый учитель, прошедший обучение,

имеет возможность получать нашу постоянную методическую поддержку.

С одной стороны, у него формируется ответственность за результаты обученности, а с другой, – эта деятельность очень серьёзно мотивируется, так как по своему характеру большинство учителей хотят, чтобы их опыт был замечен. На этом же этапе мы совместно с учителями выявляем трудности и проблемы, связанные с внедрением изученных технологий в учебный процесс и планируем новый проект по решению этих проблем. Таким образом, цикл повторяется.

Лекционные и практические занятия во время курсового обучения мы проводим с использованием изучаемых технологий: проблемного диалога, продуктивного чтения, оценивания образовательных достижений и др. Таким образом, мы не просто информируем педагогов о технологиях обучения деятельностного типа. Используя эти технологии в преподавании, мы даем реальную возможность учителю почувствовать их продуктивность, эффективность, гарантированную мотивацию к изучению нового, возможности для творчества и развития не только учащихся, но и самого профессионала. Реализуя данную образовательную программу повышения квалификации, мы стремимся сделать теоретический материал, преподаваемый в учебном курсе, практикоориентированным для того, чтобы обеспечить слушателям курсов понимание природы методов обучения с использованием перечисленных образовательных технологий и механизмов, обеспечивающих их результативность.

В ходе курсовой подготовки мы стараемся сформировать у педагога первичный опыт как устойчивую базу для того, чтобы он мог использовать усвоенные образовательные технологии на уроках сразу после окончания обучения на курсах. Мы считаем, что современные технологии обучения должны осваиваться учителями в условиях использования таких же технологий. Поэтому занятия проводились не традиционно, а в виде проблемных уроков, интерактивных и модераторских семинаров при изучении каждой отдельной темы.

Организация образовательной среды курсов повышения квалификации педагогов позволила интегрировать профессиональное, общекультурное и личностно-творческое содержательные поля, дала возможность выстраивания каждым слушателем своего индивидуального образовательного маршрута и осуществления организационно-методического сопровождения их профессионально-личностного развития. Возможность выбора образовательного маршрута, участие в разработке и реализации образовательной программы, ответственность за результаты своего обучения позволяет педагогам в полной мере проявить себя как субъекта образовательной деятельности.

В качестве примера представим занятие по теме «Применение технологии продуктивного чтения в начальной школе», которое проводилось с использованием технологий проблемно-диалогического обучения и оценивания образовательных достижений (таблица 1).

По завершении обучения на курсах повышения квалификации каждый учитель может рассчитывать на дальнейшее организационно-методическое сопровождение процесса повышения его технологической компетентности, который мы постарались сделать разнообразным и многоплановым: *проведение теоре-*

тических семинаров (доклады, сообщения), проблемных семинаров (с показом уроков, внеклассных, внешкольных мероприятий), «круглых столов», «деловых игр», ролевых игр; *обсуждение* трудностей в реализации изученных технологий, отдельных открытых уроков, авторских программ, учебных пособий, результатов предметных олимпиад учащихся, подготовки учащихся к мониторингу качества знаний и др.; *консультирование* учителей по различным возникающим у них вопросам (индивидуальное, групповое, тематическое, обзорное и др.).

Выбор формы занятий зависит от заинтересованности педагогов в освоении инновационных форм работы, от активности позиций и творческого потенциала. Наша система деятельности была направлена на поддержание инновационного духа и творческого поиска, совершенствование того, что наработано, и применение новых подходов и идей.

Таким образом, организация и проведение теоретических, проблемных, практических семинаров и «круглых столов» позволило нам получить следующие результаты: принятие учителями начальных классов идеи построения образовательного процесса на основе принципов личностно ориентированного образования, их реализации с помощью современных образовательных технологий; понимание основных характеристик технологий деятельностного типа; проявление умений проектировать учебный процесс на основе изученных технологий; проявление умения рефлексировать и анализировать развитие собственного опыта решения профессиональных задач на основе использования современных образовательных технологий; наличие умений и навыков учителей по организации и проведению каждого этапа урока с использованием изученных технологий.

Таблица 1

Блок-схема занятия «Применение технологии продуктивного чтения в начальной школе»

<i>Этапы</i>	<i>Операции</i>
I этап. Создание проблемной ситуации. Формулирование проблемы занятия.	1. Предъявление слушателям противоречивых фактов: а) для усваивания большого количества информации школьникам необходимо владеть различными видами чтения; б) современные школьники не любят читать, техника чтения низкая. 2. Осознание противоречия. Формулирование проблемного вопроса («Как учить?»).
II этап. Поиск решения.	3. Выдвижение слушателями гипотез (мнений). Проверка гипотез (аргументы и контраргументы слушателей). 4. Подведение к решающей гипотезе. 5. Выдвижение решающей гипотезы «На уроке нужно читать так, как это происходит в жизни». 6. Проверка решающей гипотезы (несоответствие структуры «традиционного» урока литературного чтения действиям грамотного читателя в жизни).
III этап. «Открытие» нового знания.	7. Поиск ответа на вопрос: «Каким должен быть современный урок литературного чтения?» (Определение этапов урока, целей и задач каждого этапа). 8. Изучение технологии формирования типа правильной читательской деятельности.
IV этап. Воспроизведение знаний.	9. Чтение и анализ текстов различных жанров. 10. Работа в группах: моделирование уроков литературного чтения в начальной школе. 11. Презентация уроков. 12. Итоговый самоконтроль и самооценивание.

Литература

1. Федеральный государственный образовательный стандарт начального общего образования / М-во образования и науки Российской Федерации. М.: Просвещение, 2010. 31 с. (Стандарты второго поколения).
2. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования / М-во образования и науки Российской Федерации. Режим доступа: <http://old.mon.gov.ru/dok/fgos/> (дата обращения: 2010).
3. Федеральный государственный образовательный стандарт среднего (полного) образования / М-во образования и науки Российской Федерации. Режим доступа: <http://old.mon.gov.ru/dok/fgos/> (дата обращения: 2012).

Информация об авторах:

Лебедева Елена Павловна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры начального общего образования Кузбасского регионального института повышения квалификации и переподготовки работников образования, shahray_e@mail.ru.

Elena P. Lebedeva – Candidate of Pedagogy, Assistant Professor at Kuzbass Regional Institute of Professional Skills Improvement and Retraining of Educators.

Губанова Маргарита Ивановна – доктор педагогических наук, профессор межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, m.gubanova32@mail.ru.

Margarita I. Gubanova – Doctor of Pedagogy, Professor at the Inter-University Department of General and High School Pedagogy, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 29.01.2015 г.

К ВОПРОСУ О СТЕРЕОТИПАХ МАСКУЛИННОСТИ И ФЕМИННОСТИ

Л. Х. Урусова

TO THE QUESTION OF STEREOTYPES OF MASCULINITY AND FEMININITY

L. Kh. Urusova

Цель статьи – рассмотреть стереотипы маскулинности и феминности. Эти стереотипы касаются как личностных черт, так и особенностей поведения. Современные представления о социальной модели мужчин и женщин изменили многие общепринятые нормы и их уже рассматривают не как девиантные, а как естественные и даже необходимые.

The purpose of the paper is to analyze the stereotypes of masculinity and femininity. These stereotypes relate to both personality traits and behavioral characteristics. Modern views on the social model of men and women have changed numerous generally accepted standards so that they are now considered not deviant but rather natural and even necessary.

Ключевые слова: социальный стереотип, гендерный стереотип, маскулинность, феминность, маскулинная гендерная роль, феминная гендерная роль.

Keywords: social stereotypes, gender stereotypes, masculinity, femininity, masculine gender role, feminine gender role.

В современном обществе большинству людей свойственно стереотипное мышление, особенно касающееся гендерных отличий. При знакомстве они часто приписывают лицам противоположного пола качества, которыми, согласно формируемым в обществе стереотипами, они должны обладать. Однако эти стереотипы часто преувеличивают гендерные отличия, которые могут не являться характеристиками отдельных людей. Таким образом, актуализируется потребность изучения стереотипов, с целью социологического анализа их влияния на восприятие и жизнедеятельность в обществе.

Наиболее распространёнными оказываются стереотипы о типично женских или мужских качествах. Они обуславливаются наличием определенных социальных ролей в обществе, которые на протяжении всей человеческой истории приписывались мужчинам и женщинам. Социальные роли выявляют фундаментальные различия в поведении и психике мужчин и женщин, тем самым создавая гендерные стереотипы. В результате чего возникают проблемы при межличностном общении, в основе которых лежит непонимание личности противоположного пола в силу стереотипных представлений.

Актуальность гендерных стереотипов не вызывает сомнений, потому как они являются основанием в устройстве любого общества. Именно общество обозначает мужчинам и женщинам те задачи, которые они должны выполнять. Эту тенденцию можно проследить от появления первобытного общества и до наших дней. На протяжении всего существования человечества люди жили, подчиняясь стереотипам, для того чтобы соответствовать принятым в обществе стандартам поведения. В противном случае индивид подвергался критике и неприятию.

Первое восприятие различий между полами обнаруживается в раннем возрасте примерно после первого года жизни. Данное восприятие формируется уже инстинктивно, подражая взрослому, что само по себе и есть начальная форма полоролевой идентификации.

На этом этапе в формировании половых стереотипов важнейшую роль играет взаимодействие и общение с родителями, которые направляют ребенка на социально одобряемое поведение, на ориентирование социальной роли девочки или мальчика. Формирование ощущения самоидентичности (в два-три года), когда ребенок осознает самого себя, происходит первичное понимание стабильности и изменчивости внешних признаков, особенностей поведения мужчин и женщин. В начале дошкольного возраста (около трех лет) продолжается активное овладение собственным телом – формирование образа тела и отношение к нему, ребенок начинает изучать свое физическое строение, интересоваться и половой дифференциацией в общем, что также способствует половой идентификации. Дошкольник осваивает специфику социальных ролей, связанных с половой принадлежностью. Именно в этом возрасте характерно стереотипное воспроизводство достигнутого опыта, социальными способами взаимодействиями с другими людьми через развитие механизмов идентификации и подражания. Ребенок трех-шести лет имеет уже определенные хорошо выраженные гендерные стереотипы, которые ярко проявляются, например, в ведущей деятельности, во взаимодействии со сверстниками и различными взрослыми людьми [1].

Утверждение себя в роли мальчика или девочки, ориентир на выполнение «мужской» или «женской» работы дети понимают уже в школьном возрасте, где в общении происходит дистанцирование, связанное с полом, то есть происходит категоризация и дифференциация в рамках полоролевой группы.

В подростковом возрасте складываются гендерные ауто- и гетеростереотипы, «я как мужчина», «я как женщина» в собственной внешности, поведении, личностных качеств, поведении и качеств лица противоположного пола, возможна гиперболизация представлений о людях своего и противоположного пола.

В юности человек через рефлексию стремится к идентификации с собой, сверстниками, происходит

стабилизация гендерных стереотипов и гендерной самоидентификации. В зрелости анализ уже сформированных половых и гендерных стереотипов связан с уникальной человеческой способностью к самопознанию и самооценки, что позволяет взаимодействовать с окружающими людьми, осуществлять коррекцию собственного поведения и оценок других людей с точки зрения существующих авто- и гетеростереотипов, человек сам является объектом для подражания [2]. Следовательно, мальчики и девочки в поведении и деятельности идентичны до конкретного возрастного этапа, и лишь по мере их взросления они приобретают соответствующую гендерную роль.

Маскулинность и феминность являются социально конструируемыми понятиями. Представления о мужественности и женственности различаются в культурах, что влияет на вербальное поведение и взаимосвязь феминных и маскулинных конструктов в обществе. К примеру, в цивилизованных государствах женщины высокообразованны и деятельно вовлечены в социальную жизнь. Напротив, в традиционных культурах, особенно в странах с мусульманской религией, поведение женщины в обществе строго регламентировано. До сих пор в мире сохраняются гендерные предубеждения и дискриминация. В Саудовской Аравии женщинам запрещено водить автомобиль. В западных странах больше платят тем (обычно мужчинам), кто занимается уборкой мусора, чем тем (обычно женщинам), кто смотрит за детьми. В мировом масштабе, две трети детей без начального образования – девочки. Гендерное предпочтение прослеживается также в проведении выборочных в отношении пола аборт, например в Пенджаб, штат Индии, соотношение мальчиков к девочкам 126/100 [10]. Действительно, в научных работах чаще подчеркивается негативный аспект стереотипов, связанных с существующими гендерными различиями. Возможно, это связано с тем, что стереотипы называют «подсознательными конструктами, создающими основу для предрассудков».

Стереотипные представления об образе мужчины и женщины распространяются на всех представителей того или иного пола, независимо от индивидуальных особенностей и возраста. Дж. Вильямс и Д. Бест полагают, что половые стандарты появились в древности, где разделение феминной и маскулинной деятельности было представлено так, что введение домашнего хозяйства – привилегия женщин, а мужская роль была направлена на работу вне жилища [12]. Мужчины занимались деятельностью, требующей физической силы, а феминная роль женщины предполагала воспитание детей и ведение домашнего хозяйства. Так как такое разделение труда сегодня еще актуально, то продолжают существовать и маскулинные стандарты действия, и феминные стереотипы взаимодействия. Значит, по мере того как эти роли меняются, гендерные стереотипы также станут варьировать.

Ч. Осгуд признает, что сознание человека, является биполярным и обладает как отрицательными, так и положительными свойствами, где отрицательные свойства соединяются с отрицательными, а положительные – с положительными [9]. Двойственный конструкт маскулинного и феминного (рациональное и

эмоциональное, логика и интуиция, общественное и личное, твердость и мягкость) – это сама суть восприятия гендерной дифференциации. Гендерные стереотипы дифференцированы и принимаются в том числе и теми группами, для которых они сформированы. Стереотипы диктуют нам представления о слабости женщин, доблести мужчин, феминной эмоциональности или маскулинном самоконтроле.

Маскулинные и феминные стереотипы – результат истории и этнокультуры. Исследуя эти явления, важно придерживаться явной асимметрии половых ролей и то, чью точку зрения (маскулинную или феминную) выражает данный стереотип.

Т. В. Бендас дает следующее толкование понятий «маскулинность» и «феминность». Маскулинность – сочетание психологических и поведенческих черт, соответствующих стереотипу «настоящего мужчины»: властность, уверенность в себе, мужественность, и т. д. Феминность – набор личностных и поведенческих черт, соответствующих стереотипу «настоящей женщины»: мягкость, заботливость, нежность, слабость, беззащитность и т. д. [1]. Г. Келли отмечает: маскулинность и феминность выражаются в стиле одежды, в походке и речи, в манерах, увлечениях и других видах поведения [11]. И. С. Кон в определении понятий «маскулинность» и «феминность» показывает многомерность данных понятий, выделяя три их значения:

а) маскулинность/феминность как описательные категории – совокупность поведенческих и психических характеристик, объективно присущих мужчинам и женщинам.

б) маскулинность/феминность как нормативные (предписывающие) категории, – совокупности идеальных, желательных образов того, какими должны быть мужчины и женщины.

в) маскулинность/феминность как атрибутивные (приписывающие) категории, мужчины и женщины в социальных представлениях людей [5].

Маскулинность и феминность – генетически заданные свойства психики, формирующиеся под влиянием социальных факторов. Феминный гендерный стандарт предписывает женщинам заботливость, эмоциональность, чувствительность к интересам и проблемам других людей. Маскулинная гендерная роль требует от мужчин агрессивности, доминирования, активности, амбициозности.

Следует отметить, что недостаточно исследована проблема влияния гендерных стереотипов на супружеские отношения. Несомненным является тот факт, что многие мужчины не хотят помочь своей супруге с домашним хозяйством, считая это «женским занятием», а большинству женщин кажется, что мужчина должен хорошо зарабатывать и обеспечивать семью, а не следить за детьми и заниматься домашними делами. В современном обществе практически всегда отклонения от данного способа разделения обязанностей в семье рассматриваются как ненормальные и даже осуждаются. Например, мужчина-домохозяин, по мнению большинства, ведет себя как женщина, а женщина-начальница, которая оставила заботы о семейном хозяйстве на муже, будет считать не выполнившей одну своих главных «женских обязанностей».

И даже если мужчину и женщину в распределении ролей подобным образом все устраивает, остальные члены общества могут воспринять такое распределение обязанностей неприемлемым.

Выходом из сложившейся ситуации может быть правильная первичная социализация следующего поколения: если ребёнок увидит то, как родители симметрично распределяют свои обязанности, то в будущем, несомненно, будет применять подобную модель поведения к себе и своей семье.

Таким образом, если гендерные стереотипы не будут оказывать влияние на формирование личности индивида (ребёнок видел, как его мать занимается всеми домашними делами в дополнение к своей оплачиваемой работе, а отец не хочет быть вовлеченным в выполнение домашних обязанностей), то общество, не испытывая давления со стороны традиционных гендерных установок, сможет гарантировать действительное равноправие и мужчин, и женщин, как нам было обещано Конституцией, но так и не осуществилось в полной мере.

Однако не стоит забывать тот факт, как сильно укоренились в общественном сознании гендерные стереотипы: они были закреплены в обычаях и законах на протяжении тысячелетий. А потому, даже не смотря на старания многих ученых, направленные на установления равенства между мужчинами и женщинами, индивидуумы разного пола всё равно будут не способны противостоять нормам общепринятого поведения.

Биполярная модель была пересмотрена С. Бем [4]. Женщины и мужчины не обязательно должны соответствовать традиционным моделям и могут сочетать в своем поведении как маскулинные, так и феминные характеристики. Черты мужественности и женственности, являясь биполярными противоположностями, могут быть присущи одному человеку, независимо от его биологического пола. Поэтому шкалы маскулинности (мужественности) и феминности (женственности) в личностных тестах являются не биполярными, а дополнительными. И. С. Кон считает, что с переменной гендерных стандартов большинство классических дифференциаций между полами, на которых основываются стереотипы маскулинности и феминности, исчезают или уменьшаются [5].

Представления о «мужественности» и «женственности» в профессиях отражаются в гендерном разделении труда в современном социуме. Также семья и домашнее хозяйство формируют половую дифференциацию, передавая гендерные нормы из поколения в поколение и в зависимости от пола, предопределяя роль каждого члена семьи. Существует стереотипное представление, что биологическая доминанта феминности выражается, в первую очередь в материнстве и связанными с этим бытовыми обязанностями, к тому же зависимое положение женщины закрепляется более низкой заработной платой. Мужчина, в свою очередь, является главным добытчиком средств существования. Так, биологическая дифференциация укрепляется и резонируется экономическими условиями.

Проведенный в статье анализ позволяет сделать некоторые выводы. Гендерные стереотипы являются модификацией социальных стереотипов, они склады-

ваются в процессе общественной коммуникации и передаются в процессе коммуникации. В современном обществе происходит эффективное коммуникативное взаимодействие с использованием традиционных и электронных СМИ, телевидения, сети «Интернет», социальных сетей. Ежедневно пользуются Интернетом 40 % россиян. Социальные сети посещает 52 % пользователя Интернета. Гендерные социальные сети создаются для общения пользователей определенной половой принадлежности.

Представления о мужественности и женственности в разные времена и в различных культурах различаются, можно выделить универсальные представления, например, терпимость, скромность, сострадание, заботливость, традиционно рассматривались как специфически женские качества. Выраженные мужские качества: сила, стойкость, решительность, мужество. Можно констатировать смешение маскулинных и феминных черт в личности современного человека, сочетание типично мужских и типично женских черт и форм поведения в личности одного индивида (проявление андрогинности), что позволяет человеку чувствовать себя свободно в большинстве жизненных или деловых ситуаций.

Образованность и общественная активность женщин показали, что стереотипное представление об универсальном «половом разделении труда» условно. «Маскулинную» и «феминную» деятельность могут успешно выполнять представители обоих полов, а изменение характера деятельности неизбежно влияет на их самосознание. Появилось много семей, где обязанности по воспитанию ребенка разделяются равномерно между супругами, то есть отец активно участвует в воспитании своих детей. Женщины добились равенства с мужчинами в политических, экономических и социальных правах, получили доступ к политике и бизнесу. Активным участником общественно-политической жизни становится женщина, которая стремится повысить свой образовательный уровень и реализоваться в профессиональной сфере. Хотя до сих пор в мире сохраняются гендерные предубеждения и дискриминация, происходящие изменения в социальной дифференциации маскулинности и феминности изменили многие привычные гендерные стереотипы, побуждая рассматривать эти вариации уже не как нежелательные отклонения от подразумеваемой нормы, а как нормальные, естественные и даже необходимые.

Личностная полоролевая идентификация — это комплекс, состоящий из гендерных стереотипов, гендерных представлений, полоролевой самооценки и гендерной поведенческой структуры. Смысловое наполнение и различное сочетание данных компонентов выражают вариант гендерной идентичности личности. Сегодня гендерные стереотипы меняются, но по-разному у различных слоев общества. Так, стереотип женственности сложился в XIX в., но остается популярным до сих пор (особенно у мужчин): женщина должна быть ласковой, нежной, мягкой, красивой и, в то же время зависимой и пассивной. Но, по представлениям самих современных женщин, им надо быть энергичными, предприимчивыми, умными, — т. е. обладать мужскими качествами.

Также изменился стереотип маскулинности: традиционно в него входили: физическая сила, подавление нежности, функциональное отношение к женщине и одновременно несдержанность в выражении чувств. Современный портрет иной: интеллект ценится выше физической силы, допускается проявление нежности и душевной тонкости, требуется обуздание «грубых» чувств, хотя у менее образованных людей стереотип маскулинности остается более традиционным. В целом можно констатировать, что современная культура, безусловно, отличается по своим представлениям о гендерных различиях и гендерном равенстве от предшествующих культур. Можно отметить следующие характерные современные тенденции: радикальная ломка традиционной половой стратификации, ослабление половых различий в поведении, переход

во взаимоотношениях между мужчинами и женщинами от иерархического соподчинения к равноправию, изменение культурных стереотипов маскулинности и фемининности.

Исследуя гендерные установки общества, западные ученые считают, что в более неблагополучной ситуации находятся девочки. Однако в нашей культуре дело может обстоять по-другому: в ней сочетаются элементы маскулинности и фемининности – мужские качества (лидерство, смелость, решительность, независимость) кажутся более привлекательными на рациональном уровне, однако на эмоциональном уровне более позитивно отношение к фемининным качествам (сочувствие, понимание других, слабость и беззащитность всегда ценились нашим народом) и, может быть, в целом – к женщинам.

Литература

1. Бендас Т. В. Гендерная психология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2006. 431 с.
2. Бёрн Ш. Гендерная психология. М.: Олма-Пресс Инвест: 2004. 320 с.
3. Гендерные стереотипы в меняющемся обществе. Опыт комплексного социального исследования / под ред. Н. М. Римашевской. М.: Наука, 2009. 272 с.
4. Ильин Е. П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2003. 544 с. (Серия: Мастера психологии).
5. Кон И. С. Мужские исследования: меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Введение в гендерные исследования. Ч. I: учебное пособие / под ред. И. А. Жеребкиной. Харьков: ХЦГИ, 2001; СПб.: Алетейя, 2001. 708 с.
6. Кондратьев М. Ю., Ильин В. А. Азбука социального психолога-практика. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
7. Урусова Л. Х. Исторический аспект гендерных исследований в адыгской этнопедагогике // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 1(22). С. 61 – 67.
8. Урусова Л. Х. Модели гендерного воспитания в этнокультурном пространстве адыгов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2(58). Т. 1. С. 115 – 117.
9. Charles E. Osgood, *Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space*. Mouton Publishers, 1979.
10. David G. Myers.: *Psychologie*. Springer Medizin Verlag, Heidelberg. 2005. 1029 s.
11. Kelley H. Attribution: Receiving the Causes of Behavior. N.Y., 1972.
12. Williams J. E., & Best, D. L. (1986). Sex stereotypes and intergroup relations. In S. Worshel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations* (P. 244 – 259). Chicago: Nelson-Hall.

Информация об авторе:

Урусова Лаура Хабаловна – кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин Северо-Кавказского института повышения квалификации (филиала) Краснодарского университета МВД России, г. Нальчик, lauraurusova@gmail.com.

Laura Kh. Urusova – Candidate of Pedagogics, Senior Lecturer at North-Caucasian Institute of Advanced Training (branch) of Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Статья поступила в редколлегию 24.11.2014 г.

РАЗРАБОТКА МУЛЬТИМЕДИЙНОГО УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА С ИНТЕРНЕТ-ДОСТУПОМ

В. Е. Шехтман

DEVELOPMENT OF MULTIMEDIA EDUCATIONAL COMPLEX WITH INTERNET ACCESS

V. E. Shekhtman

Работа поддержана грантом НФИ КемГУ (договор № 12-05/10-14 на выполнение НИР).

Объектом исследования является определение рационального способа создания интерактивного учебно-методического комплекса (УМК) с элементами мультимедиа, способного обеспечить поддержку процесса изучения дисциплины “Системы искусственного интеллекта”.

The object of the study is to determine the rational ways to create an interactive educational complex with multimedia elements, capable of providing support to the process of studying the discipline “Artificial Intelligence Systems”

Ключевые слова: интерактивный мультимедийный учебно-методический комплекс, видео-лекция, online-тестирование, wiki-движок, online-взаимодействие преподавателя и студентов, интернет-портал вуза.

Keywords: interactive multimedia training complex, video lecture, online-testing, wiki-engine, online teacher-students interaction, internet portal of the university.

Одно из многообещающих направлений инновационного развития в области технологий преподавания – использование интерактивных мультимедийных учебно-методических комплексов (УМК). Они могут быть как “настольными”, так и размещаться на интернет-портале вуза. В последнем случае на их основе можно создать среду взаимодействия преподавателя и студентов, отличающуюся возможностями оперативного взаимодействия, сохранения истории взаимодействия, организации ритмичной работы студентов в ходе изучения дисциплины. Также это позволяет отслеживать степень успешности в изучении дисциплины и динамически корректировать его ход. Эти возможности приводят и к более рациональной организации труда преподавателя за счет автоматизированной поддержки некоторых аспектов его деятельности. Кроме того, такое представление курса способствует его большей проработанности, формализации, стимулирует на лучшее усвоение студентами.

При разработке ставились задачи:

- предоставления учебных материалов как в виде традиционных тексто-графических курсов лекций, так и в форме видео-лекций, что значительно повышает активность восприятия и степень усвоения;
- тестирования знаний и умений для оперативного и объективного контроля хода индивидуального процесса обучения;
- обеспечения взаимодействия лектора и студентов, а также студентов друг с другом для оперативной поддержки процесса обучения.

Для решения указанных задач были предприняты шаги, описанные ниже.

Во-первых, исследованы несколько возможностей по разработке подобных УМК:

- 1) на базе специализированного программирования (язык C#),
- 2) на базе системы управления контентом (content management system, CMS) с открытой лицензией (CMS MODX Revolution [3])

3) на основе программы-движка типа wiki с открытой лицензией (DokuWiki [2]).

Первый способ выглядит весьма привлекательным ввиду неограниченных возможностей, однако уступает остальным по такой характеристике, как независимость от платформы, на которой УМК будет развернут. Кроме того, трудоемкость в программировании делает его разработку нерентабельной. Второй лишен этих недостатков, но, поскольку CMS предназначены для быстрой разработки сайтов общего назначения, а не учебных, в нем в базовом комплекте отсутствуют некоторые важные компоненты, а необходимость добавления их приводит к требованию их разработки, что сопряжено с использованием специализированных программных интерфейсов прикладного уровня. Это также делает проект неприемлемо затратным. В результате был сделан вывод о целесообразности использования последнего, третьего, способа.

К основным достоинствам этого подхода, проверенным экспериментально, можно отнести то, что преподаватель может:

- эффективно поддерживать актуальную версию программы курса, выкладывать и обновлять конспекты, презентации, видео лекций, задачи, исходные данные и задания для лабораторных работ;
- привлекать широкий круг коллег к обсуждению программы курса;
- создавать гипертекстовый конспект лекций, привлекая студентов;
- создавать списки студентов с отметкой хода выполнения заданий, что привносит эффект соревнования и способствует вовлеченности в изучение предмета.

Кроме того для студентов упрощается получение дополнительных материалов (этому способствует оформление тем программы курса в виде ссылок на соответствующие страницы).

Во-вторых, принято решение использовать в УМК записанные в ходе лекции видео со звуком. Видео представляет экран монитора компьютера препода-

давателя (оно же – изображение, проецируемое на большой экран для студентов), который использует заранее подготовленные слайды и программы, а в качестве средства комментирования – планшет с перьевым вводом. Важным представляется разбить лекции на относительно короткие фрагменты (5 – 25 минут) для того, чтобы обеспечить снижение порога сложности при усвоении материала, а также дать студентам возможность обращаться непосредственно к теме, необходимой для выполнения заданий в ходе самостоятельной работы и при подготовке к экзаменам.

Было решено в качестве средства тестирования использовать программу Quick-Tutor, разработанную автором и применяемую как для контроля знаний студентов по различным дисциплинам, так и для контроля знаний профессионалов [1]. Основные принципы ее работы:

- тест состоит из “карточек”, создаваемых в редакторе Word с помощью простого языка разметки;
- подготовленный текст теста компилируется для использования на целевой платформе: настольное Windows-приложение или приложение с WEB-интерфейсом;
- после чего исполняется соответствующим интерпретатором тестов в режиме обучения (с возможностью узнать правильный ответ после сеанса тестирования) или контроля знаний – в обоих случаях сохраняется протокол ответов.

Карточки теста (примеры см. на рис. 1) представляют из себя задания с единственным правильным ответом, с множественным выбором ответов и др., а также осуществляют служебные функции – условные переходы в случае того или иного выбора ответа и др. Каждая карточка может относиться к одной из нескольких тем, принадлежащих тесту. Интерпретатор теста обеспечивает случайный выбор вопросов для каждого из тестирующихся с соблюдением ограничений по количеству вопросов, относящихся к каждой

из тем, задаваемых разработчиком теста. Это обеспечивает формирование дифференциальной оценки по каждой из тем в рамках теста (что позволяет оценить слабые и сильные стороны тестируемого), а также и итоговой оценки. Система отчетности дает возможность сравнить индивидуальные знания тестируемых в группе (рис. 2) и сопоставить результаты тестирования групп.

Для визуальной организации учебных материалов в УМК за основу принят план проведения лекционных и лабораторных занятий (рис. 3).

Наполнение отдельной темы дидактическим материалом складывается из обязательных компонентов: компьютерной презентации, перечня знаний и умений, которые должен приобрести студент, перечень вопросов и задач, которые позволяют оценить успешность усвоения материала, а также необязательного компонента – видео-фрагментов лекции (рис. 4).

На сайте УМК следует также размещать требования к выполнению лабораторных работ (по мере прохождения тем), требования к курсовой работе, учебные материалы и примеры (программы, базы данных и знаний, видео с примерами работы с соответствующим инструментарием, а также в традиционном виде), тесты для итоговой или промежуточной оценки степени усвоения материала.

Там же возможно организовать взаимодействие субъектов учебного процесса на основе технологии форумов, темы которых задаются как преподавателем, так и самими студентами.

Следует отметить, что на автора глубокое впечатление произвели открытые общедоступные курсы, предлагаемые Принстонским университетом (США) [4], примером которых он и вдохновлялся (но не ограничивался)! Их важной характеристикой является экспресс-тестирование понимания материала студентом непосредственно в ходе видео-лекции, однако в текущей версии УМК это не реализовано – оставлено на будущее.

Вопрос №11. Инфологическое моделирование

База данных, основанная на модели “сущность-связь”, представленной ниже.

```

graph TD
    A[Зарплата по штатному расписанию  
Месяц  
Сумма] --- B[Отделы  
Отдел]
    B -- "Числится в" --> C[Сотрудники  
ФИО  
Дата рожд.]
    C -- "Работает над" --> D[Проекты  
Проект]
    E[Зарплата за проект  
Месяц  
Сумма] --- D
  
```

НЕ позволит ответить на вопрос

- ☐ Сколько денег заработали сотрудники отдела Y работая над проектом X за месяц Z?
- ☐ Сколько денег выплачено сотрудникам, работавшим над проектом X за месяц Z?
- ☐ Сотрудники каких отделов работают над проектом X?
- ☐ Какую суммарную зарплату получили сотрудники отдела Y за месяц Z за работу в отделе (не за участие в проектах)?

Зафиксировать ответ

Рис. 1. Представление задания с одним из вариантов выбора правильных ответов

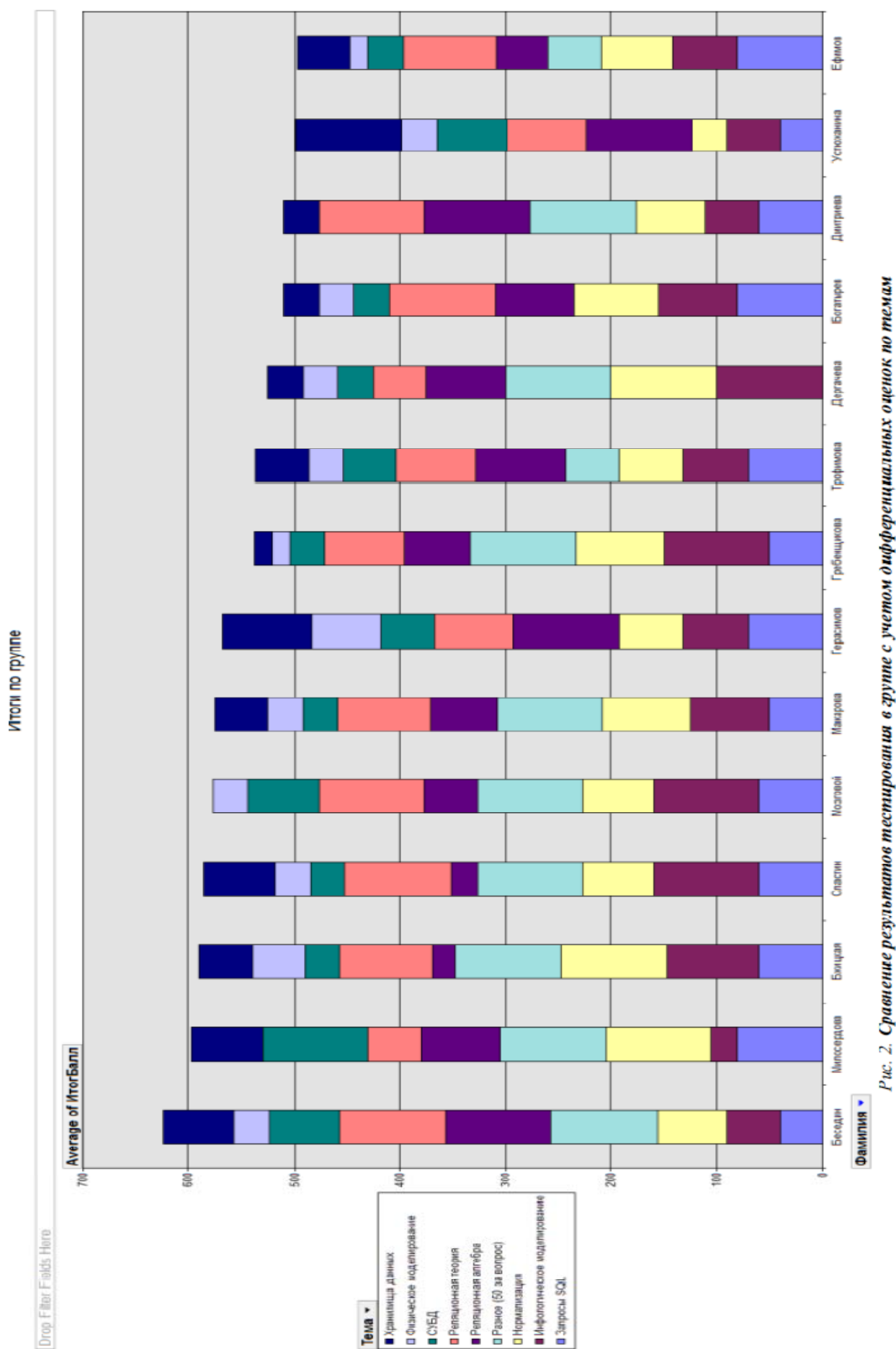

Рис. 2. Сравнение результатов тестирования в группе с учетом дифференциальных оценок по темам

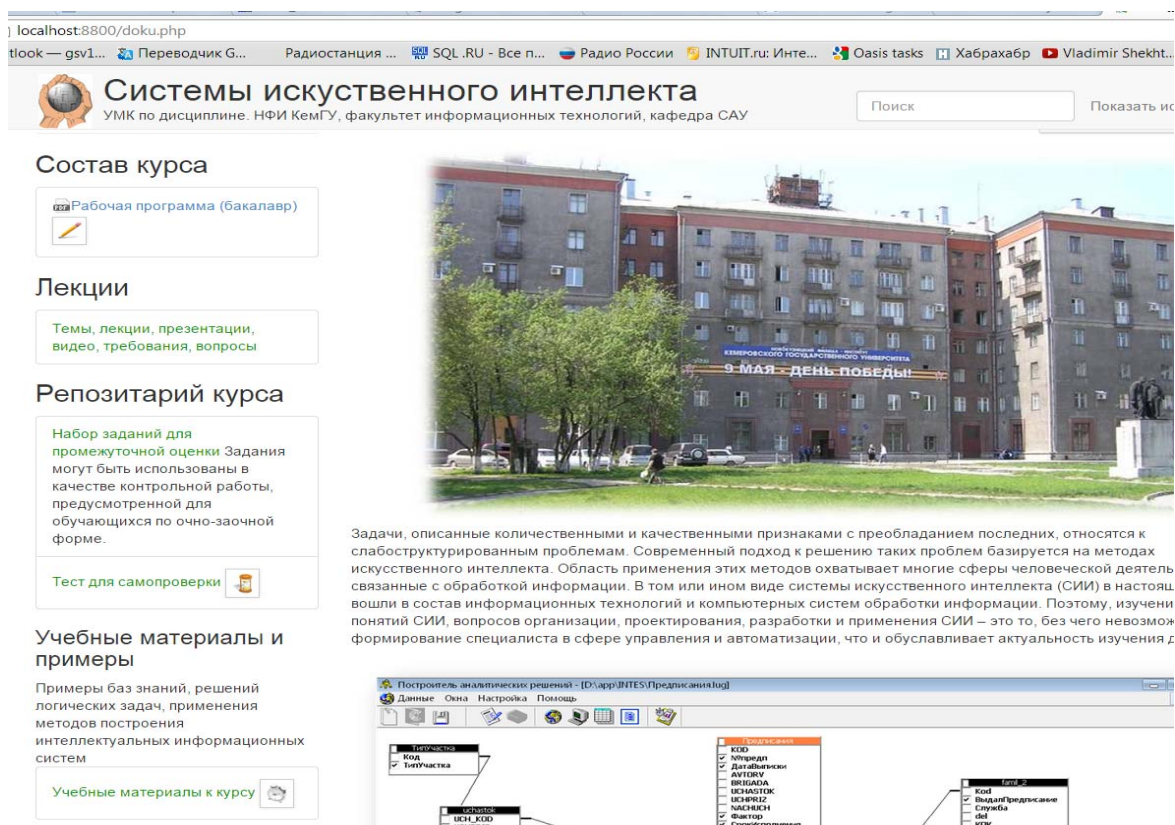

Рис. 3. Внешний вид главной страницы в интернет-браузере

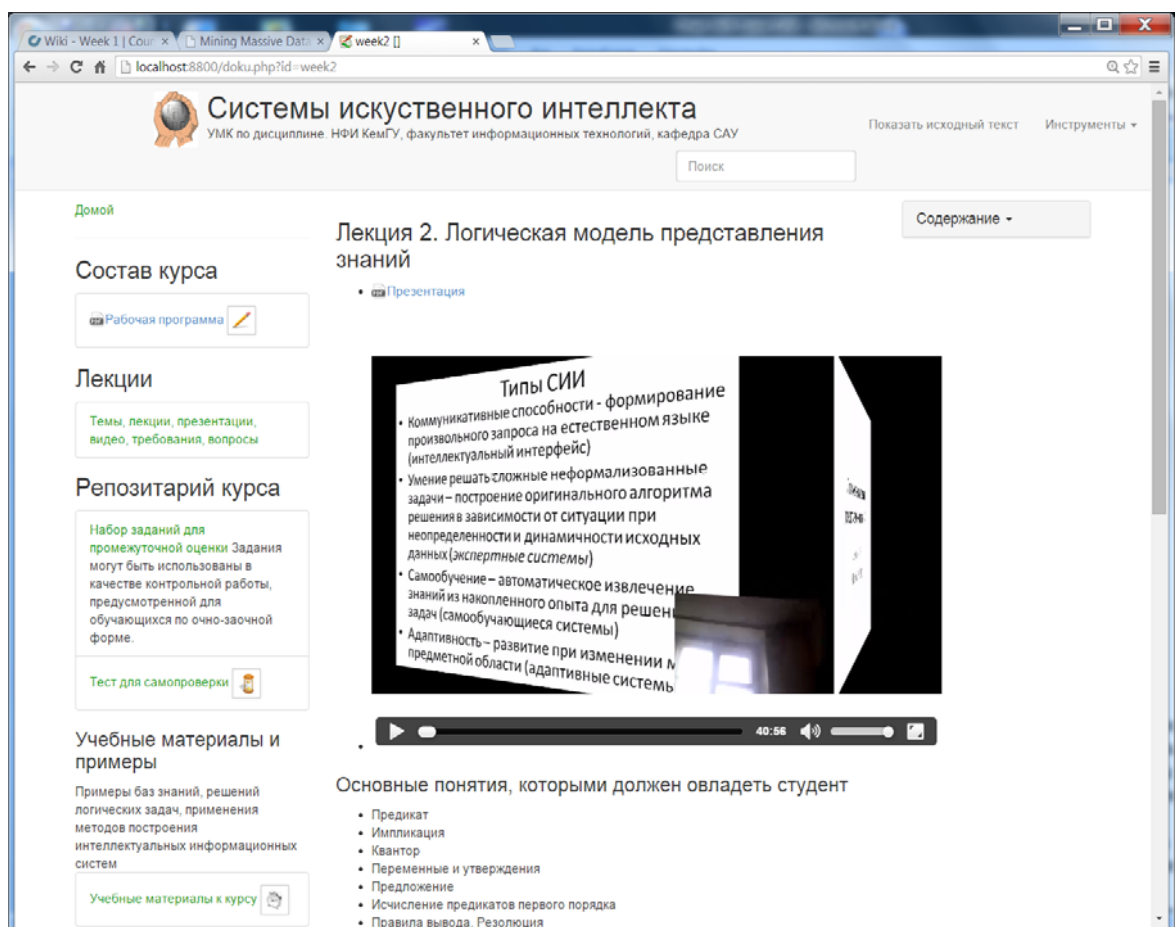

Рис. 4. Материалы к одной из тем курса

В результате создан интерактивный УМК с мультимедийными элементами, включающий все необходимые традиционные компоненты, а также видеолекции. При размещении его на интернет-портале вуза открываются возможности непрерывного совершенствования и расширения курса, заключающиеся в обновлении видео-фрагментов лекций на более удачные, добавлении новых учебных материалов и исправлении ошибок, поддержке активной обратной связи со студентами.

шенствования и расширения курса, заключающиеся в обновлении видео-фрагментов лекций на более удачные, добавлении новых учебных материалов и исправлении ошибок, поддержке активной обратной связи со студентами.

Литература

1. Зельцер С. Р., Михайлова О. В., Шехтман В. Е. Тренажерные и обучающие комплексы в решении проблем безопасности угольных шахт (стендовые материалы) // Уголь России и Майнинг-2012: 19-я Международная специализированная выставка. Новокузнецк, 2012.
2. DokuWiki // Википедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/DokuWiki> (дата обращения: 15.08.2014).
3. MODX // Википедия. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/MODX> (дата обращения: 15.08.2014).
4. Your courses / Coursera. Universal access to the world's best education. Режим доступа: <https://class.coursera.org/> (дата обращения: 29.09.2014).

Информация об авторе:

Шехтман Владимир Ефимович – доцент кафедры систем автоматизации управления НФИ КемГУ, veshekhtman@gmail.com.

Vladimir E. Shekhtman – Assistant Professor at the Department of Automated Control Systems, Novokuznetsk Institute (branch) of Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 18.08.2014 г.

УДК 373.51:614.8:612.8.04

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ БЕЗОПАСНОГО И ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ ШКОЛЬНИКОВ

А. С. Шинкаренко

THE PEDAGOGICAL MODEL OF FORMATION OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS' SAFE AND HEALTHY LIFESTYLE

A. S. Shinkarenko

Представленные материалы предлагают разработанную нами педагогическую модель формирования безопасного и здорового образа жизни школьников на современном этапе развития общества, которая предполагает создание педагогических условий для межпредметной интеграции основ безопасности жизнедеятельности физической культуры, естественно-научных и гуманитарных дисциплин), реализуемых в сфере урочной и внеурочной деятельности с учетом характера воздействия средовых факторов, возрастных и типологических особенностей учащихся с целью расширения когнитивной и деятельностной функции, направленной на повышение приспособительных возможностей организма в различных условиях жизнедеятельности, создание устойчивой мотивации к сохранению и укреплению социального и психофизического здоровья, межличностных отношений, свободных от психического и физического давления и насилия.

The paper presents the developed pedagogical model of formation of secondary school students' safe and healthy lifestyle at the present stage of the development of society. The model involves the pedagogical conditions for cross-curricular integration (Life Safety, Physical Education, Natural Science and Humanities), implemented in the area of curricular and extracurricular activities with regard to the nature of the environmental factors, age and typological characteristics of students.

The purpose of the proposed model is to create a sustainable motivation to preserve and strengthen social and psychological health, interpersonal relationships, free from mental and physical pressure and violence through increased cognitive activity and functions aimed at improving the adaptive capacity of the organism under different conditions of life.

Ключевые слова: безопасный и здоровый образ жизни, педагогическая модель, интегративный и дифференцированный.

Keywords: safe and healthy lifestyle, pedagogical model, integrated and differentiated approach.

«Под моделью в науке понимают искусственно созданный объект в виде схемы, чертежа, логико-математических формул, физической конструкции и т. д., который, будучи аналогичен (подобен, сходен)

исследуемому объекту, отражает и воспроизводит в более простом, уменьшенном виде структуру, свойства, взаимосвязи и отношения между элементами исследуемого объекта». Моделирование является важ-

ным средством педагогических исследований, так как предполагает построение системы, которая адекватно отображает предмет исследования и функционирует аналогично исследуемому процессу [8].

Технология педагогического моделирования имеет свою логику, в соответствии с которой действия производятся в определенной последовательности: компонентный анализ объекта проектирования, анализ информационного обеспечения, выбор системообразующего компонента, определение пространственно-временных основ, материально-технических, педагогических и других условий [9].

Внедрение новых ФГОС потребует массового перехода школ к широкому и *ответственному применению в образовательном процессе технологий формирования культуры здоровья, важной составляющей которой является нацеленность человека на гармоничное развитие личности*. Такие технологии уже наработаны – прежде всего в образовательных учреждениях, получивших статус школ здоровья. Эти школы *готовы, как подчеркивали выступавшие на «круглом столе» директора учреждений такого типа, стать ресурсными центрами для передачи положительного опыта педагогическим коллективам других учреждений общего образования*.

Разрабатывая педагогическую модель формирования безопасного и здорового образа жизни школьников с позиций системно-деятельностного, онтогенетического и компетентностного подхода, мы исходили из методологического представления о компетентностном подходе к формированию личности педагога [5] концепции здорового образа жизни [10; 2; 9; 11], деятельностного подхода к личности учащегося и процессу его развития.

С целью формирования безопасного и здорового образа жизни через совокупность урочной и внеурочной деятельности на основе интегративного и дифференцированного подходов нами были проанализированы концептуальные подходы к решению данной проблемы в педагогической теории и практике, а также выявлены факторы, способствующие и препятствующие сохранению и укреплению здоровья и безопасности школьников.

В рамках проведенного констатирующего эксперимента были проанализированы индивидуально-типологические особенности влияющих на процесс психосоциальной и физиологической адаптации подростков на разных возрастных этапах (школьников 5, 8 классов МБОУ «Лицей № 62» г. Кемерово в количестве 186 человек).

В ходе нашего исследования была разработана представленная ниже педагогическая модель (рис.).

Педагогическая модель формирования безопасного и здорового образа жизни рассматривается нами в *теоретико-методологическом и организационно-педагогическом аспектах*.

Теоретико-методологический аспект отражает цели, задачи, принципы, критерии, компоненты, содержательные характеристики деятельности по формированию безопасного и здорового образа жизни школьников.

Организационно-педагогический аспект определяет структуру и функции каждого компонента в направлении непрерывности процесса формирования безопасного и здорового образа жизни школьников в урочной и внеурочной деятельности, прогнозируемые результаты деятельности.

Новизна представленной педагогической модели заключается в том, что все ее структурные компоненты и их функции определены в соотношении со структурой процесса формирования безопасного и здорового образа жизни школьников, данная модель по нашему определению, состоит из теоретического, практического и личностного компонентов.

Содержательная составляющая нашей модели – дополнительная образовательная программа формирования безопасного и здорового образа жизни школьников, полностью ориентированная на теоретическую, практическую и личностную компоненты.

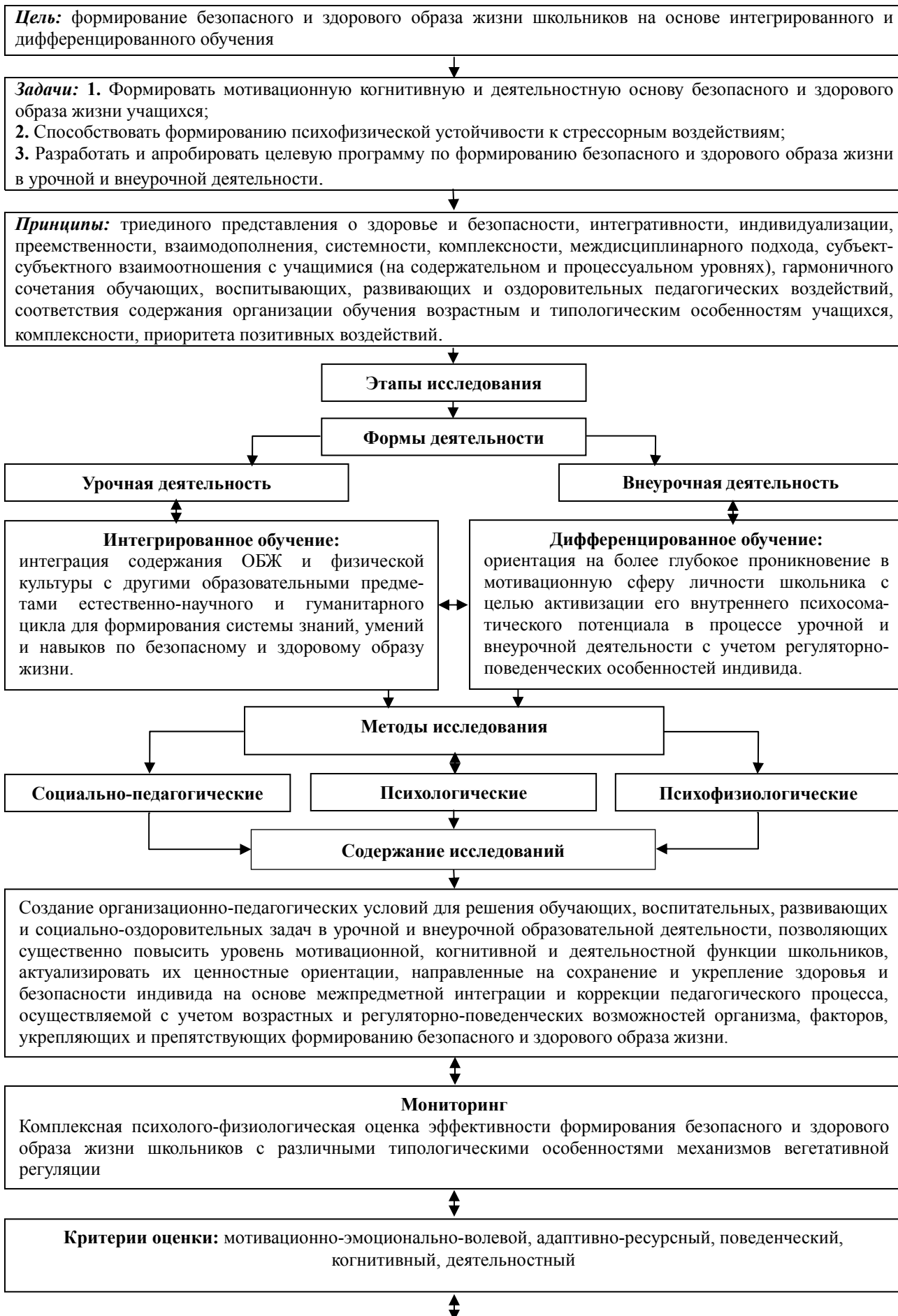
Целью педагогической модели, предложенной нами, является расширение у педагогов и школьников знаний о здоровье и безопасности учащихся, способах их сохранения (теоретический компонент), развитие умений и навыков безопасного и здорового образа жизни (практический компонент), формирование мотивации безопасного и здорового образа жизни, ценностных установок на здоровье и безопасность (личностный компонент) через совокупность урочной и внеурочной деятельности на основе интегративного и дифференцированного подходов.

Для достижения данной цели были сформулированы следующие задачи:

- формировать мотивационную, когнитивную и деятельностную основу безопасного и здорового образа жизни учащихся;
- способствовать формированию психофизической устойчивости к стрессорным воздействиям;
- разработать и апробировать целевую программу по формированию безопасного и здорового образа жизни школьников в урочной и внеурочной деятельности.

Социально-педагогическая деятельность по формированию безопасного и здорового образа жизни учащихся реализуется на базе следующих принципов:

- принцип *триединого представления о здоровье и безопасности*;
- принцип *непрерывности и преемственности*;
- принцип *интегрального представления и здоровья и безопасности*;
- принцип *индивидуализации и учета возрастных и типологических особенностей субъектов воспитательно-образовательного процесса*;
- принцип *системности и комплексности*;
- принцип *субъект-субъектного взаимоотношения с обучающимися*;
- принцип *комплексности междисциплинарного подхода*;
- *общедагогический принцип гармоничного сочетания обучающих, воспитывающих, развивающих и образовательных педагогических воздействий.*

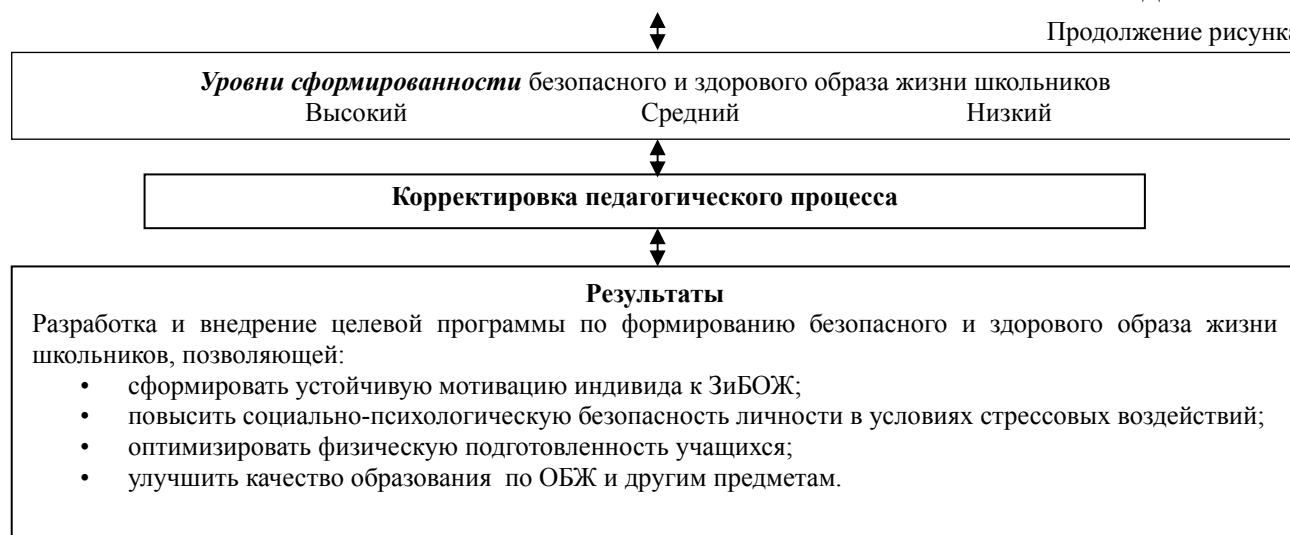

Рис. Педагогическая модель формирования безопасного и здорового образа жизни школьников на современном этапе развития общества

Приоритет позитивных воздействий (подкреплений) над негативными (запретами, порицаниями) – один из важнейших общепедагогических постулатов и одно из важнейших условий здоровьесберегающей педагогики. Неблагоприятное воздействие на здоровье и психическое развитие обучающихся оказывает преобладание запретов, порицаний, неодобрений и т. д., превалирующих как в профессиональной, так и в родительской педагогике. Привычка преподавателей (а дома родителей) фиксировать внимание молодого человека преимущественно на недостатках, ошибках, ограничениях и т. д. формирует психологически ущербную личность, с заниженной самооценкой, комплексом неполноценности, не способную ставить настоящих целей и добиваться их достижения, что является признаком нарушения здоровья и снижением уровня психологической устойчивости, психологического нездоровья.

Организационно-педагогический аспект педагогической модели формирования безопасного и здорового образа жизни школьников содержит описание взаимосвязи таких компонентов модели, как формы деятельности (урочная, внеурочная деятельность, корректировка педагогического процесса), методы (социально-педагогические, психологические, психофизиологические) и содержательный компонент, который заключается в создании организационно-педагогических условий для решения обучающихся, воспитательных, развивающих, социально-оздоровительных задач в урочной и внеурочной образовательной деятельности. Сочетание этих видов деятельности должно позволить, по нашему мнению, существенно повысить уровень мотивационной, когнитивной и деятельностной функции школьников; актуализировать их ценностные ориентации, направленные на сохранение и укрепление здоровья и безопасности индивида на основе межпредметной интеграции и коррекции педагогического процесса, осуществляемых с учетом возрастных и регуляторно-поведенческих возможностей организма, факторов, укреп-

ляющих и препятствующих формированию безопасного и здорового образа жизни.

При этом, по нашему мнению, следует обратить особое внимание на:

– организацию физической активности учащихся, профилактику гиподинамии (учебные перегрузки школьников, интенсификация обучения, увлечение Интернетом и видеофильмами, компьютерными играми, недостаток возможностей для занятий физкультурой и спортом – главные причины малоподвижного образа жизни, распространения среди городских школьников гиподинамии, что приводит к задержке роста и развития, снижению адаптационных возможностей организма, общему ухудшению состояния здоровья; физическая активность учащихся в школе должна быть организована на основе взаимодополняющего сочетания двух направлений: занятий больших форм (уроков физкультуры и работы спортивных секций во внеурочное время) и занятий малых форм, вводимых в структуру учебного дня для поддержания высокого уровня работоспособности школьников в течение всего времени обучения;

– охрану и укрепление психологического здоровья, психологической устойчивости учащихся: предупреждение школьных стрессов, распространение среди учащихся вредных привычек, зависимостей и т. п. (накопление стрессов (кумуляция) приводит к ухудшению психологического здоровья, снижению уровня нервно-психического благополучия, успеваемости, ухудшению дисциплины; появляются проблемы личного плана, к числу которых относится использование такого средства преодоления стрессов, как употребление психоактивных веществ (ПАВ));

– формирование культуры здоровья учащихся и компетентности педагогов в вопросах использования здоровьесберегающих и развивающих технологий (эти вопросы могут быть выделены в отдельную область – **педагогика здоровья**, решающую проблему повышения эрудиции учителей в вопросах интеграции педагогических, информационных и здоровьесберегающих технологий);

– *организацию сотрудничества с родителями* учащихся по вопросам формирования безопасного и здорового образа жизни школьников.

Общие подходы, в ходе реализации программы, направлены на использование *интегрированного и дифференцированного подходов на основе реализации образовательных, воспитательных, развивающих и социальных функций.*

Содержание интегративного подхода: интеграция содержания ОБЖ и физической культуры с другими предметами естественно-научного и гуманитарного цикла для формирования системы знаний, умений и навыков по безопасному и здоровому образу жизни.

Содержание дифференцированного подхода: ориентация на более глубокое проникновение в мотивационную сферу личности школьника с целью активизации его внутреннего психосоматического потенциала в процессе урочной и внеурочной деятельности с учетом регуляторно-поведенческих особенностей индивида.

С учетом уровня сформированности безопасного и здорового образа жизни школьников (низкий, средний, высокий) реализуются образовательные, развивающие, воспитательные и социальные функции.

С целью контроля за процессом формирования безопасного и здорового образа жизни школьников мы проводили комплексный социально-педагогический и психолого-физиологический мониторинг, предусматривающий оценку как психолого-педагогических, так и медико-физиологических параметров.

При разработке критериев и показателей, позволяющих определить уровень сформированности безопасного и здорового образа жизни школьников (высокий, средний, низкий), мы отталкивались от ранее разработанных и апробированных при нашем участии в процессе реализации экспериментальных программ в образовательных организациях – *когнитивного* (идеи, мнения, знания), *эмоционально-волевого* (чувства, ценности), *мотивационно-поведенческого* (мотивы, потребности, готовность и желание осуществлять деятельность), *деятельностного* (действия и деятельность), *адаптивно-ресурсного* (функциональное состояние, уровень функционального резерва и стрессоустойчивости) [9].

Исходя из специфики разрабатываемой проблемы, мы идентифицировали индивидуальные критерии сформированности безопасного и здорового образа жизни следующим образом:

– *мотивационно-поведенческий* – сформированность навыков регуляции, поведения, направленного на поддержание рационального режима дня, питания, двигательной активности, закаливания, отказа от вредных привычек, устойчивого интереса к безопасному и здоровому образу жизни;

– *когнитивный* – сформированность системы знаний и представлений о социально-экологической, социально-экономической безопасности, здоровье, здоровом образе жизни, сформированность негативного отношения к употреблению алкоголя, психоактивных веществ;

– *деятельностный* – сформированность полезных привычек, способов организации и практических

навыков безопасного и здорового образа жизни, владение индивидуальными стратегиями когнитивного поведения, сформированность двигательных умений и навыков;

– *эмоционально-волевой* – сформированность навыков регуляции, психоэмоционального самочувствия, саморегуляции стрессоустойчивости; степень психологического благополучия и эмоционального комфорта, удовлетворенности занятиями физической культурой и спортом, ведением безопасного и здорового образа жизни;

– *адаптивно-ресурсный* – показатели социально-психологической адаптации и стрессоустойчивости, величина функционального резерва организма, степень напряжения ведущих регуляторных механизмов, характеристика нейродинамических процессов и типа вегетативной регуляции.

В практике реализации представленной нами педагогической модели в воспитательно-образовательном процессе следует указать на то, что это означает расширение возможностей внедрения в мотивационную сферу учащихся за счет:

1) *когнитивного компонента*, предполагающего получение знаний по данной проблеме с помощью обеспечения интегрированных межпредметных связей (ОБЖ, физической культуры, дисциплин естественно-научного и гуманитарного цикла) в процессе урочной и внеурочной деятельности;

2) *деятельностного компонента*, позволяющего во внеурочном педагогическом процессе формировать умения и навыки безопасного и здорового образа жизни, направленные на повышение психологической устойчивости (безопасности), физической подготовленности, стрессоустойчивости к разным субэкстремальным и экстремальным воздействиям;

3) *коррекционного компонента*, предполагающего учитывать индивидуально-типологические особенности регуляторно-поведенческого (личностного) потенциала школьников, уровень их психосоциальной, физиологической адаптации и стрессоустойчивости, характер ценностных ориентаций, отношение к ЗОЖ, физической культуре в процессе внеурочной деятельности в условиях интеграции основного и дополнительного образования.

Совокупность данных подходов может позволить конкретизировать структуру социально-педагогической деятельности по формированию безопасного и здорового образа жизни школьников, к которой относятся: *рациональная организация учебного процесса в соответствии с санитарными нормами, физиолого-гигиеническими и психофизиологическими требованиями; оптимизация двигательной активности обучающихся, включающая не только предусмотренные программой занятия физкультурой, но и внеурочные формы, включающие динамические перемены и активные паузы в режиме дня, а также спортивно-массовую работу; организация рационального питания обучающихся; система работы по формированию психологической и физической безопасности, устойчивости к стрессу, ценности здоровья, безопасного и здорового образа жизни.*

В качестве конечного результата реализации педагогической модели формирования безопасного и

здорового образа жизни школьников является разработка и внедрение целевой программы, позволяющей: сформировать устойчивую мотивацию индивида к безопасному и здоровому образу жизни; повысить социально-психологическую безопасность личности в условиях стрессовых воздействий; оптимизировать физическую подготовленность учащихся; улучшить качество образования по ОБЖ и другим предметам гуманитарного и естественно научного цикла.

Комплексная программа, включающая интегрированный, деятельностный и коррекционные модели, является необходимой составной частью создания адаптивно-развивающей и безопасной образовательной среды [11].

В соответствии с общетеоретическим представлением, сформулированным рядом исследователей [9], мы считаем, что наличие в образовательном учреждении адаптивно-развивающей и безопасной образовательной среды является одновременно как фактором, повышающим уровень развития здоровьесберегающей компетентности педагога, так и условием, способствующим формированию системы ценностных

ориентаций личности на безопасный и здоровый образ жизни, которые, в свою очередь, направлены на адаптацию, социализацию, индивидуальное развитие учащихся.

Разработанная нами педагогическая модель формирования безопасного и здорового образа жизни школьников на современном этапе развития общества предполагает создание педагогических условий для межпредметной интеграции (ОБЖ, физической культуры, естественно-научных и гуманитарных дисциплин), реализуемых в сфере урочной и внеурочной деятельности с учетом характера воздействия средовых факторов, возрастных и типологических особенностей учащихся с целью расширения когнитивной и деятельностной функции, направленной на повышение приспособительных возможностей организма в различных условиях жизнедеятельности, создание устойчивой мотивации к сохранению и укреплению социального и психофизического здоровья, межличностных отношений, свободных от психического и физического давления и насилия.

Литература

1. Абаскалова Н. П. Теоретико-практические аспекты здоровьесориентированных педагогических технологий, обеспечивающих формирование ключевой компетенции «быть здоровым» // Вестник педагогических инноваций. 2008. № 2(14). С. 62 – 73.
2. Амосов Н. М. Раздумья о здоровье. 2-е изд. 1979. 192 с.
3. Байденко В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие. М., 2005.
4. Байденко В. И. Концептуальная модель государственных образовательных стандартов в компетентностном формате (дискуссионный вариант): материалы ко второму заседанию методологического семинара: монография. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
5. Гурьев А. И. Статус межпредметных связей в системе современного образования // Наука и школа. 2002. № 2. С. 41 – 45.
6. Дмитриев С. Д. Межпредметные связи в учебном процессе. Киров – Йошкар-Ола: Кировский гос. пединститут, 2004. С. 80.
7. Загвязинский В. И. Социальные функции образования и его стратегические ориентиры в период модернизации // Образование и наука. 2011. № 7. С. 14 – 22.
8. Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. М.: Дело, 2002. С. 480.
9. Здоровьесберегающая деятельность в системе образования: теория и практика: учебное пособие / под научной ред. Э. М. Казина; ред. коллегия: Н. Э. Касаткина, Е. Л. Руднева, О. Г. Красношлыкова и др. Кемерово: Изд-во КРИПКиПРО, 2009. 347 с.
10. Здоровьесберегающая инфраструктура в системе образования: учебное пособие / Э. М. Казин, Н. П. Абаскалова, Р. И. Айзман и др.; отв. ред.: Э. М. Казин, Н. Э. Касаткина. М.: Омега-Л, 2014. 575 с.
11. Казин Э. М., Зубанов В. П., Коваленко Н. В., Сапего А. В. Формирование здорового образа жизни посредством развития физической культуры личности // Здоровьесберегающее образование. 2010. № 5. С. 57 – 61.

Информация об авторе:

Шинкаренко Андрей Семенович – аспирант межвузовской кафедры общей и вузовской педагогики КемГУ, andrey.c.shinkarenko@yandex.ru.

Andrey S. Shinkarenko – post-graduate student at the Inter-University Department of General and High School Pedagogy Kemerovo State University.

(Научный руководитель: Казин Эдуард Михайлович – доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки, профессор кафедры физиологии человека и безопасности жизнедеятельности КемГУ, 8(3842)58-35-15, valeol@kemsu.ru.

Eduard M. Kazin – Doctor of Biology, Professor, Honored Scientist, Professor of the Department of human physiology and life safety, KemSU).

Статья поступила в редколлегию 17.12.2014 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ И СОЦИОЛОГИЯ

УДК 32:316.423

МАРОККО: РЕФОРМИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРЕОДОЛЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО СДВИГА

В. В. Желтов, М. В. Желтов

MOROCCO: A REFORM AS A WAY TO OVERCOME REVOLUTIONARY SHIFT

V. V. Zheltov, M. V. Zheltov

Мир ислама переживает очень сложный период своей истории, политическим выражением которого в последние годы стала Арабская весна. Взрыв протестных движений в последние 4 – 5 лет не обошел большинство стран арабского мира. Однако Марокко сумело избежать революции. Сказалась гибкая и умелая политика монарха и его двора по преодолению политического кризиса. Свою роль сыграло принятие новой конституции, а также меры по усилению государства и взаимодействия властей с политическими партиями страны.

Islamic world is going through a very difficult period in its history, the political expression of which in the recent years has become the Arab Spring. The explosion of protest movements in the last 4 - 5 years did not pass most of the Arab world. However, Morocco has managed to avoid a revolution. A flexible and skillful policy of the monarch and his court made it possible to overcome the political crisis. The significant role played by the adoption of a new constitution, as well as measures to strengthen cooperation between the authorities of the state and political parties of the country.

Ключевые слова: Арабская весна, революция, исламизм, партия, конституция, протест социальный, политическое поле, выборы, парламент.

Keywords: Arab Spring, Islamism, the party, constitution, social protest, political field, elections, parliament.

К началу 2011 г. в Марокко сложились многочисленные предпосылки для, казалось бы, неизбежного революционного взрыва, как это произошло в ряде других арабских стран вслед за жасминовой революцией в Тунисе. (Переворот 14 января 2011 года (Вторая Жасминовая революция), в результате которого был свергнут президент Зин эль-Абидин Бен Али, в западных СМИ стали называть Жасминовой революцией согласно номенклатуре «цветных революций». «Жасминовая революция» – местное название от символа этой страны – цветка жасмина). Об этом свидетельствовали социально-экономические показатели развития страны, в соответствии с которыми Марокко сталкивалось на протяжении ряда десятилетий с немалыми проблемами. Фактом является то, что в арабском мире эта страна занимает далеко не передовые позиции. Марокко, по обобщенным социально-экономическим показателям развития, опережает только три мусульманских страны – Судан, Йемен и Мавританию.

Сложности социально-экономического развития

Одной из трудноразрешимых пока проблем Марокко, как, впрочем, и ряда других арабских стран, является демографическая проблема. Речь идет о том, что за последние пять десятилетий в Марокко произошел, что называется, взрывной рост численности населения. Марокко в итоге демографического взрыва стало страной молодежи: 56 % населения составляют молодые люди в возрасте до 30 лет. Это привело к образованию так называемого «молодежного бугра» [1]. Сказались, с одной стороны, улучшение условия жизни большинства населения страны, что объективно произошло во второй половине прошлого столетия, а с другой – внедрение вакцинаций и улучшение медицинского обслуживания марокканцев. Это получило свое выражение, в частности, в том, что за полвекакратно (примерно в 5 раз!) сократилась детская смертность и одновременно

резко увеличилась средняя продолжительность жизни – с 42 лет в 1960-х гг. до 74,8 года в наши дни.

Другой проблемой социально-экономического развития Марокко является безработица. Официальная безработица составляет около 10 процентов от экономически активного населения. Этот показатель – не самый высокий среди стран арабского мира. Правда, особое беспокойство властей не может не вызывать вопрос безработицы среди выпускников университетов. Она составляет 25 %. Не удивительно, что именно лица с высшим образованием из числа марокканцев наиболее склонны к участию в протестных действиях.

Нельзя не сказать и о проблеме бедности в Марокко. Она (бедность) аналитиками характеризуется как умеренная, которая определяется долей населения, живущего менее чем на 2 доллара в день. Эта категория населения очень чувствительна к колебаниям цен на топливо и продукты питания. Любое повышение цен приводит к тому, что широкие массы населения переходят в категорию крайне бедных (крайне бедные составляют до 15 % населения стран). Следствием этого может быть рост социального недовольства.

Можно привести и другие данные, свидетельствующие о непростой социально-экономической ситуации большинства населения в Марокко: более половины горожан (54 %) передвигаются пешком и лишь четверть марокканцев (28 %) могут позволить себе автобус или такси, а собственные автомобили есть только у 14,5 % населения.

Несмотря на запущенную в 2005 году государственную программу «Город без бидонвелей» (трущоб), 125 тыс. официально зарегистрированных семей остаются в бараках. Перспективы решения этой проблемы пока весьма призрачны. Только в 2011 г. место переселенных в муниципальные дома жителей трущоб заняли 75 тыс. буквально спустившихся с гор новых сквоттеров (сквоттер (англ. squat – селиться самостоя-

тельно на чужой земле) – вселившийся незаконно в незанятый дом; поселившийся неправомочно на незанятую землю), требующих теперь реализации их права на жилье [5].

Как и во многих других арабских странах, в Марокко остро стоит вопрос социального неравенства. Так, уровень экономического неравенства (индекс Джини) в Марокко равен 40 и находится на одной линии с Тунисом и США и ниже, чем в нашей стране. Парадоксально, что индекс Джини в Египте, где Арабская весна получила бурное развитие, заметно ниже, чем в Марокко. В Йемене и Сирии, где конфликты дошли до острой фазы, индекс Джини был также ниже марокканского [6]. (Индекс Джини – статистический показатель степени расслоения общества данной страны или региона по отношению к какому-либо изучаемому признаку. Наиболее часто в современных экономических расчётах в качестве изучаемого признака берётся уровень годового дохода. Индекс Джини является макроэкономическим показателем, характеризующим дифференциацию денежных доходов населения в виде степени отклонения фактического распределения доходов от абсолютно равного их распределения между жителями страны).

Весьма чувствительна для Марокко и этническая проблема. Так называемое этническое меньшинство – берберы – составляют едва ли не большую часть населения. (Берберы – общее название принявших ислам в VI в. коренных жителей северной Африки от Египта на востоке до Атлантического океана на западе и от Судана на юге до Средиземного моря на севере). На протяжении десятилетий, в частности, в эпоху правления Хасана II (Хасан II (1929 – 1999) король Марокко с 3 марта 1961 года до своей смерти. Отец пяти детей, в том числе нынешнего короля Мохаммеда VI), власти вели борьбу с ростом берберского самосознания, не признавали берберский язык и дискриминировали представителей меньшинства по национальному признаку. (Берберский язык тамазит объединяет три группы языков, на которых говорит население северной, центральной и южной частей Марокко: тарифит, тамазит и ташельхит).

Между тем в Марокко проблема языка является чрезвычайно важной. Как сообщал марокканский еженедельник «TelQuel», согласно результатам исследования, проведенного Королевским комиссариатом планирования в 2004 г., берберские языки в повседневной жизни используют 28 % населения страны, при этом 21 % – в городах и 34 % – в сельской местности. Между тем в 1950-х гг. на них говорили 80 – 85 % жителей Марокко [14]. ЮНЕСКО признал тамазит языком, который находится под угрозой исчезновения после 2050 г. [13].

Протестные выступления в Марокко

Протестные действия и манифестации получили распространение в Марокко начиная с XIX в. Однако марокканские протесты, особенно в годы правления Хасана II, когда они жестко подавлялись, обрели черты, которые отличали массовые действия в Марокко от протестов в других странах, по крайней мере, двумя моментами – своим содержанием и организацией.

Прежде всего, протестные действия в Марокко, вплоть до самого последнего времени, отличаются тем, что они, за редким исключением, не связаны с выдви-

жением политических требований. Требования марокканских сил протеста носят все последние годы социально-экономический характер. Они направлены на улучшение условий жизни, совершенствование работы публичных служб (здравоохранение, образование, транспорт), повышение заработной платы и создание новых рабочих мест и т. д.

Во-вторых, организаторами социальных протестов в Марокко, как и во многих других странах, до самого недавнего времени выступали профсоюзы, политические партии и организации по защите прав человека. Однако в 2000-е гг., в силу утраты доверия к политическим партиям со стороны значительной части населения страны, инициатива по организации протестных действий переходит к деполитизированным автономным структурам [7, р. 67 – 68].

Как отмечает профессор политологии университета Хасана I в г. Сеттате, Абдельджаббар Арраш, трудности повседневной жизни и накопившие в марокканском обществе проблемы нацеливают общественное мнение страны на выражение недовольства и в отношении проводимой в стране политики [7, р. 69].

Такая постановка вопроса получила свое подтверждение в ходе событий, последовавших в Марокко после начала Арабской весны. Уже в начале февраля 2011 г. группа молодых марокканцев призвала своих соотечественников через социальную сеть Facebook выйти 20 февраля на «мирную манифестацию» с требованиями проведения «широкой политической реформы».

Несмотря на противодействие властей, запугивание активистов и аресты некоторых из них, 20 февраля 2011 г. тысячи марокканцев в ряде городов страны вышли на улицы с лозунгами «Народ хочет перемен», «Долой коррупцию», а также с призывами ограничить прерогативы монарха. Большинство шествий были мирными. Тем не менее в ряде городов не обошлось без столкновений с полицией.

Данные манифестации положили начало возникновению массового протестного движения, получившего широкую известность, в том числе и за пределами страны, под названием «М 20» – Движение 20 февраля (Mouvement du 20 février). Это движение, как отмечали С. Смауи и М. Вазиф, сразу же «стало выразителем «демократических» надежд «марокканского народа», призывая его встать на путь, проложенный народами Туниса и Египта» [12, р. 95].

До возникновения «М 20» в Марокко не существовало относительно стабильных социальных и народных движений, которые соединяли бы конкретные социальные и демократические требования с более глобальными задачами на политическом уровне. Отсутствие реального опыта контактов и взаимодействий на протяжении двух десятилетий с различными социальными секторами, а также отсутствие широкого политического движения в стране, затрудняло проведение мобилизации общества на достижение политических целей и требований.

И тем не менее в начале 2011 г. под влиянием Арабской весны, уже заявившей о себе к тому времени в Тунисе и Египте, ситуация в Марокко стала меняться. Вслед за движением «М 20», с требованием «срочных демократических изменений» выступила одна самых влиятельных исламистских организаций Марокко –

Справедливость и благочестие. По оценкам властей, она насчитывает до 40 тыс. активистов, а ее лидеры утверждают, что пользуются поддержкой 200 тыс. марокканцев.

Думается, не без влияния Арабской весны, дочь лидера Справедливости и благочестия А. Яссина – Надия Яссин – заявила, что эта организация отказывается от идеи установления в Марокко исламского государства. Своеобразным вызовом исламу прозвучало ее заявление: «Можно сказать определенно точно, что движение Справедливость и благочестие не призывает к созданию исламского государства. Оно считает более приемлемым гражданское государство... Мы заявляем об этом со всей ясностью впервые, поскольку существующий контекст и, в частности, подъем Движения 20 февраля, потребовал этого» [6, с. 239].

Реакция властей последовала незамедлительно. Уже 21 февраля 2011 года король Мохаммед VI выступил с заявлением о своей «приверженности делу продолжения структурных реформ». Он подчеркнул, что его высшая цель – «обеспечение условий для достойной жизни всех марокканцев, особенно малоимущих, а также реализация всеобъемлющего развития, позволяющего создать продуктивные рабочие места для молодежи».

Двор не стал дожидаться усиления низовых волнений, которые начались на фоне событий в Тунисе и Египте, и сработал на опережение ситуации. Силового давления на манифестантов не было, за исключением явных провокаций со стороны митингующих [3, с. 163 – 164].

9 марта 2011 г. Мохаммед VI объявил о проведении демократических реформ, в частности, о расширении полномочий премьер-министра и индивидуальных свобод. Король Марокко в обращении к нации заявил со всей определенностью: «Мы решили предпринять глобальную конституционную реформу», подчеркнув при этом свое «твердое намерение придать сильный импульс динамике глубокого реформаторства» [2]. В подтверждение этого в своем обращении к нации марокканский монарх объявил о решении провести референдум по принятию проекта новой Конституции.

Несмотря на заявления монарха, народное движение нарастало. 20 марта 2011 г. в столице Марокко и в ряде городов страны вновь состоялись массовые манифестации. Причем они носили ярко выраженный политический характер. Манифестации проходили под лозунгами «Марокканцы требуют изменений», «Правительство – в отставку!». По официальным данным в акциях протеста приняли участие до 35 тыс. человек.

Требования манифестантов не остались незамеченными властями. 27 апреля 2011 г. марокканские власти предприняли шаг, направленный на ослабление социальной базы протестного движения. В Рабате было объявлено об увеличении с 1 мая «чистых» зарплат чиновников на 600 дирхамов (50 евро). Эта мера больше всего затронула многотысячную армию мелких чиновников, получающих около 200 евро в месяц. Кроме того, правительство и профобъединения договорились об увеличении минимального размера пенсии отставных чиновников с 600 до 1000 дирхамов (около 90 евро).

Параллельно правительством Марокко были приняты и социально значимые меры по поддержанию относительно низких цен на продукты первой необхо-

димости – хлеб, молоко, сахар и растительное масло, а также на природный газ [5]. Излишне, видимо, говорить о том, что эти меры отвечали интересам большинства населения страны, что в значительной мере снижало остроту противостояния населения и власти.

Новый всплеск политической активности в Марокко был связан с назначением королем даты референдума по принятию новой конституции. Во второй половине июня 2011 г. в Марокко развернулась острая политическая борьба. Движение «М 20» и его союзники проект конституции подвергли острой критике, подчеркивая «косметический» характер изменений в Основном законе страны. Не удивительно, что на митинге 26 июня 2011 г. скандировались лозунги «Нет – конституции, сделанной для рабов!», «Мы отвергаем конституцию, сделанную махзеном», «Мы не будем голосовать за эту конституцию!».

Данный митинг по числу участников в нем оказался не столь многочисленным, как прежние акции протеста. К тому же митингующие натолкнулись на решительное противодействие властей. Сказалось и то, что власти Марокко вели в эти июньские дни весьма активную кампанию по подготовке к референдуму. Повсеместно были организованы шествия под лозунгом «Да – новой конституции!». Показательно, что 26 июня 2011 г. исламисты при активном содействии властей вывели в столице 300000 своих сторонников в знак поддержки проекта конституции и в качестве наглядной демонстрации масштабов влияния в обществе исламистов прокоролевской ориентации. Усиленному психологическому нажиму подвергались участники движения 20 февраля. Власти не останавливались и перед подкупом большого числа людей. Велись профилактические беседы. Как покажут результаты референдума, это принесло королевской власти вполне ощутимые результаты.

Принятие конституции как победа монархии

2 июля 2011 года на референдум был вынесен проект новой конституции Марокко. В референдуме приняло участие от 57 до 63 % избирателей (по разным регионам), что продемонстрировало несомненный интерес, проявленный марокканцами к реформам [6, с. 164], так как на предыдущих парламентских выборах 2007 г. явка составляла 37 %. 98,94 % марокканцев, принявших участие в референдуме, высказались «за». Можно утверждать, что королевский двор переиграл протестную часть населения [3, с. 254].

Основные изменения по сравнению с прошлой конституцией: теперь король назначает премьер-министра, выдвинутого от партии, победившей на выборах; зафиксировано расширение полномочий правительства и парламента, прав регионов, независимость судов. Право роспуска парламента и назначения министров переходит от короля к премьер-министру. Но при этом король остался главнокомандующим вооруженными силами, а также официально провозглашен «высшим религиозным авторитетом» страны. За королем осталось назначение губернаторов, послов, руководителей армии и служб безопасности.

Конституция впервые закрепляет в стране «свободу вероисповедания». Тем не менее простое перечисление основных prerogatives короля, которыми он теперь обладает по новой конституции, показывает, что так на-

зываемая конституционная реформа не изменила абсолютистского характера монархии. Даже новая редакция статьи 46 не повлияла на статус монарха – если раньше характер личности короля определялся в ней как «священный», то теперь в конституции записано, что «целостность личности короля не может быть нарушена».

Таким образом, не оправдались ожидания тех, кто полагал, что в ответ на массовое протестное движение, возникшее в Марокко на фоне революций в других арабских странах, Мохаммед VI сделает хотя бы шаг в сторону реальной конституционной монархии. Действительно новым в конституции стало то, что отныне берберский язык – тамазит – стал официальным языком Марокко наравне с арабским (Марокко стало второй после Ирака страной в арабском мире, где помимо арабского допущен второй государственный язык – в Ираке это курдский, а в Марокко – берберское наречие тамазит). Этот факт нейтрализовал значительную часть протестного движения – сторонников берберской идентичности марокканцев и равноправия языков. В условиях Арабской весны это привело к выводу берберской составляющей из протестного движения, что существенно его ослабило [6, с. 254 – 255].

В условиях нарастающего влияния Арабской весны у власти в Марокко был выбор: либо попытаться подавить антиправительственное протестное движение, либо расколоть это движение, привлекая на свою сторону те или иные его части посредством проведения определенных преобразований. Власть, как известно, избрала второй путь, для реализации которого в стране существовали определенные политические предпосылки. Марокканская монархия смогла навязать обществу проведение реформ сверху, по инициативе властей. И это позволило избежать революционного взрыва в стране.

«Восстановление авторитета государства»

Успеху властей в Марокко в проведении политики накануне и в период Арабской весны содействовал ряд факторов. Прежде всего, следует сказать о специфической форме марокканской монархии. Нынешний король Марокко Мухаммед VI является «Повелителем правоверных». Этим религиозным и политическим одновременно титулом еще в Средние века наделялись мусульманские суверены. Нынешний король Марокко носит этот титул как выходец из алауитской династии, которая претендует на то, что она по происхождению восходит к Пророку Мухаммеду. Эта династия правит в стране с 1664 г.

В своем правлении король опирается не столько на поддержку армии верующих, сколько на то, что получило в Марокко название «махзен». Впервые данная властная структура была создана Мулаем Исмаилом (Мулай Абу-уль Насир Исмаил ас-Самин ибн Рашид (1645 – 1727) – второй правитель Марокко династии Алауитов, правил с 1672 по 1727 гг.).

Махзен – это централизованная власть, контролирующая территория, в частности, в вопросах сбора налогов. В настоящее время махзен представляет собой специфический марокканский этатический аппарат. Центральным звеном махзена являются вспомогательные силы, которые объединяют 45 тыс. человек. Эти силы находятся в подчинении министра внутренних дел, но в то же время имеют свое собственное руководство.

Махзен представлен тремя географическими зонами:

- зона Севера, протянувшаяся от Рабата до Уджда, включая и Танжер;

- зона Юга – от Касабланки до Агадира;

- «операционная» зона, наделенная специальным статусом; она располагается от Агадира до марокканомавританской границы, включает также и территорию Западной Сахары.

Каждая зона имеет два подразделения: 1) «фиксированный махзен», развернутый в административных образованиях и обеспечивающий совместно с полицией безопасность в городах, а совместно с жандармерией – в сельской местности; 2) «мобильный махзен», расквартированный в казармах; его подразделения находятся в разных местах той или иной территории, главная миссия которых – быстрое действие в сотрудничестве с королевскими вооруженными силами [8, р. 137 – 138].

В 2006 г. в Марокко была проведена реформа махзена, которая превратила эту структуру в относительно милитаризованный орган безопасности. Главное предназначение его структурных единиц – слежка и контроль за действиями людей с позиций общественной безопасности. Структуры современного махзена представлены в каждом округе, в каждой провинции, в каждом министерстве, в каждом суде и т. д. В своей совокупности указанные структуры в настоящее время представляют собой замкнутую сеть, нацеленную на получение информации по разным вопросам внутренней жизни. Эта информация идет снизу, от округов, префектур и департаментов и представляется в министерство.

Силу структуры махзена обретают из своей близости к королю и доверию с его стороны. (Летом 1971 г. курсанты военного училища, во главе которых стоял директор королевского военного кабинета генерал Мохаммед Медбух, совершили нападение на королевский дворец Схират близ Рабата в момент проходившего там дипломатического приема по случаю дня рождения короля Хасана II. Королевские войска мятеж подавили. А сам король был спасен офицером махзена Ахмедом Курима, который потом стал бригадным генералом). Особо следует сказать о том, что система махзен, на которую опирается центральная власть Марокко, является формой администрирования, в рамках которой комбинируется традиционная, патриархальная, религиозная легитимность, с одной стороны, и современная национальная, легальная легитимность – с другой. Причем эта, как бы двухсторонняя, легитимность смогла соединить воедино политические, социальные, экономические, культурные формы организации территориальных единиц с довольно разнородным населением страны.

При помощи разнообразных механизмов махзенское государство смогло в последние десятилетия обеспечить социальное единство на основе действия довольно совершенных механизмов политического господства, которые придают государству Марокко современный характер, который никак нельзя отождествлять с полицейским государством. Важно подчеркнуть, что современное марокканское государство обладает так называемой социальной легитимностью, которая обеспечивается тем, что государство играет первостепенную роль в распределении ресурсов.

Как мы уже отмечали, в Марокко дают о себе знать ряд сложных проблем. В частности, в стране существу-

ет глубокое социальное расслоение. Марокканское общество никак нельзя считать гармоничным и эгалитарным. Однако постепенно в стране была создана целая система структур и организаций, которые объединяют людей, вовлеченных в процесс экономического развития. Этот процесс основывается на предоставлении узкому кругу лиц концессий, а также даруемых властями привилегий, которые встраиваются в логику капитализма и неопатримониализма.

К слову сказать, благосклонность монархии ко многим представителям марокканской элиты нередко становится питательной средой для коррупции, к существованию которой марокканская власть проявляет известную терпимость. Эта терпимость объясняется тем, что она осуществляется в обмен на политическое и экономическое подчинение государству и высшему политическому руководству страны.

Понятно, что такой фаворитизм носит личностный характер: он реализуется в интересах монарха. Однако с помощью фаворитизма обеспечивается известная устойчивость сложившейся иерархии власти, а также поддерживается индивидуальная, коллективная, корпоративная и профессиональная зависимость от власти широкого круга лиц. Все это позволяет обеспечивать для власти довольно представительную социальную опору, функционирующую на принципах лояльности в отношении проводимой политики.

Добавим: указанная социальная опора является одновременно выразителем в марокканском обществе совокупного интереса правящего класса, что играет ключевую роль в объединении различных социальных групп вокруг руководства страны и ее политической элиты.

На вершине иерархии политической элиты Марокко находится королевская семья со своим ближайшим окружением, которая является гегемонической фракцией правящего класса, которая одновременно является основным экономическим актором. И эта фракция получает немалые доходы, которые образуются, помимо ренты, из поступлений публичного сектора экономики, который развивается в том числе по принципам либерализма.

Нужно сказать, что несмотря на необходимость преодолевать немалые трудности экономического развития в условиях глобализации, новых вызовов общественного развития, обострения международной обстановки и т. д., властям Марокко удается сохранять массовидно выраженную поддержку традиционных социальных слоев общества, представленных прежде всего жителями сельских районов периферии. А это в немалой степени содействует сохранению социальной стабильности в стране.

Демократический фасад власти как амортизатор кризиса

Вторым фактором управления политическим кризисом политологи называют наличие демократического фасада у абсолютной власти в стране. Этот демократический фасад призван, с одной стороны, обеспечивать социальную поддержку действующему режиму, а с другой – структурировать политическое поле контролируемой властями многопартийности, опять же, в интересах власти.

Власть в Марокко строит свою политику на основе обеспечения равновесного подхода к политическим партиям, используя свои немалые возможности в распределении привилегий между «левыми» и «правыми» партиями, не оставляя без своего внимания и «исламистов». В итоге политические партии оказываются в ситуации постоянного подчинения в обмен на получения определенных привилегий от власти придержащих. В такой же зависимой от власти ситуации оказываются все последние годы политические и экономические элиты страны. В отношении этой социальной категории, помимо привилегий экономического характера, власть использует еще и феномен безнаказанности за, по сути дела, уголовные деяния. Это во многом предопределяет то, что политическая и экономическая элита оказываются в конечном счете в положении добровольного подчинения власти короля.

Следует сказать и о том, что марокканская монархия при проведении своей политики видит свою задачу в том, чтобы максимально использовать возможности сил (партии, ассоциации, движения, профсоюзы, НПО и т. д.) гражданского общества в том, чтобы с их помощью по возможности ограничивать поле социальных протестов в марокканском обществе. При этом властями страны последовательно решается задача радикального отделения вопросов социальных и демократических от всего того, что относится к полю политических институтов. Говоря иначе, в Марокко небезуспешно для власти предпринимается все для того, чтобы не допустить возникновения относительно независимого и одновременно конфликтного политического, институционального и электорального пространства. В этом смысле речь даже не идет о «демократуре».

В Марокко сформировался «полулиберальный деспотизм», в рамках которого открыто ограниченное публичное пространство для социальных протестов. Марокканский режим оказался способным проводить политику комбинирования формальных уступок в сочетании со стратегией изоляции любой социальной мобилизации и проведением прицельных репрессий. Это пока позволяет властям избегать возникновения неконтролируемых форм социальных протестов, направляя острие их действий на критику действий правительства [10, p. 155 – 156].

Словом, демократический фасад королевского режима позволяет марокканским властям вовлекать социальные, профсоюзные и политические организации и движения в политическое пространство, где указанные организации и структуры имеют ограниченные возможности. Обращает на себя внимание тот факт, что демократический фасад королевской власти, по сути, исключает из поля деятельности политических институтов народные массы. Не случайно, попытки протестных действий, выходящие за рамки «демократического процесса», подвергаются тяжелым репрессиям.

Фрагментация политического поля

В последние годы, особенно после начала Арабской весны, в Марокко в движение пришли все политические объединения и партии, образующие современную партийную систему страны.

Эту партийную систему характеризуют две основные тенденции: исламистская и либеральная. Причем

обе эти тенденции представлены немалым числом политических партий и объединений, что приводит к фрагментации политического поля Марокко. И это, к слову сказать, умело использовала в период кампании по подготовке референдума по проекту конституции власть во главе с монархом.

Исламисты Марокко

Наиболее влиятельной тенденцией в партийной системе Марокко являются исламисты, политическое влияние которых значительно возросло с начала 1990-х гг. Аналитики выделяют три основные формы исламизма, утвердившиеся в начале 2000-х гг.: 1) «народный» ислам, который апеллирует к базовым положениям учения и затрагивает вопросы прав женщин; 2) «политический» ислам, отражающий стремление исламских партий победить на выборах; 3) «джихадистский» ислам, получающий выражение в вооруженных актах и покушениях [8, p. 140].

Эти основные формы исламизма, в свою очередь, представлены многочисленными течениями и позициями, ведущими подкоп под религиозным основанием монархии.

На марокканском идеологическом рынке есть «мягкие» исламистские течения, т. е. политические партии, выдвигающие в программах требования утверждения ислама в стране, но исключающие использование насилия для реализации программы. Речь в данном случае идет о Партии справедливости и развития, которая образует основу оппозиции в стране и которая родилась из слияния в 1997 г. партий, выступавших с позиции обновления марокканского общества. Это довольно разнородное объединение нацелено на основательную работу с населением, наподобие такой же деятельности египетских Братьев мусульман. Иначе говоря, Партия справедливости и развития ориентируется на исламизацию «снизу» в надежде на то, что прогрессирующее преобразование марокканского общества снизу приведет к изменению режима под народным давлением.

Марокканский режим придает особое значение организациям «братства», которые он интегрировал в последние годы в свою религиозную практику, не идя на меры сдерживания религиозных экстремистов, и на которые он опирается в своем противодействии народным протестам, возникшим на волне Арабской весны. Одна из таких организаций – Путь, которая входит в братства, объединяющая суфийские объединения Кадирия и Тиджания. (Кадирия – суфийский тарикат, основанный Абдул-Кадиром аль-Джилани (1077 – 1166). Организационно оформилось к концу XIII в.; Тиджания ("Тиджанийского Путь") – суфийский тарикат (приказ, путь) в суннитском исламе). Эти организации после начала Арабской весны провели ряд массовых манифестаций в поддержку монархии, объявленных монархом реформ и принятия новой конституции.

Эта стратегия была также принята «ассоциацией», взявшей название Партия справедливости и благочестия, основанной в 1973 г. шейхом Абдессаламом Яссином, бывшим в свое время инспектором в Министерстве народного образования в Марокко. Его считают одним из наиболее значимых марокканских исламистов, являющимся автором множества трудов. Ассоциация Яссина – одно из самых значительных мусульманских образований, которое насчитывает более 200000 чле-

нов, что примерно в два раза превышает численность Партии справедливости развития.

В январе 2011 г. после масштабных революционных выступлений в Египте и Тунисе Партия справедливости и благочестия призвала короля Мухаммеда VI осуществить «фундаментальное изменение», отменить конституцию и приступить к справедливому распределению богатств страны. После свержения Бен Али в Тунисе в феврале 2011 г. ассоциация, о которой идет речь, потребовала от властей положить конец «банализации» страны, иначе говоря, положить конец коррупции в махзене и обогащению окружения короля.

Наряду с названными нами партиями, относительно «умеренными», существует немало групп и организаций салафитов, которые выступают за возвращение религии предков, которая является единственным средством сохранения мусульманских ценностей.

С этими традиционалистскими салафитами конкурируют сторонники ваххабизма, которые выступают за строгое соблюдения положений и требований Корана и шариата. Среди сторонников ваххабизма можно, к примеру, назвать марокканского богослова Мохамеда бен Абдеррахмана аль Магарауи, который недавно отличился тем, что выдал фетву (религиозное заявление) о том, что законный брак для девочек может начинаться с 9 лет [11].

Однако это ваххабитское течение имеет конкурента в лице другого салафитского течения, его нередко называют джихадистским течением. Это течение выступает не только за утверждение исламского государства и строгое соблюдение шариата, но и выступает с позиции использования для этого любых средств, не исключая насилия и террор.

Данная тенденция представлена Марокканской исламской группой комбатантов, которая в конце 2006 г. вошла исламскую группу Аль-Каиды, действующую в Марокко [4].

Наконец, внутри данного радикального движения существуют и организации экстремистов, члены которых не останавливаются даже перед тем, чтобы покинуть родину для того, чтобы вести борьбу с неверными в Афганистане, Ираке или других странах. Речь идет о радикальной исламистской группе Такфир валь-Хиджра [4].

Исламисты оказывают сильное давление на марокканское политическое поле как в национальном измерении (в отношении других политических сил), так и в международном плане (отношение с Западом). Это двойное давление оказывается прямо на королевскую область власти и подрывающую символическое основание ее легитимности, противопоставляя трансцендентному исламизму народный исламизм.

Давление исламистов в обществе является сильным. Свидетельство тому – молчание интеллигенции. Исключением является только Тахар Бен Джелун (1944 г. рождения) – марокканский писатель и поэт. В газете «Le Monde» он напомнил, что Марокко является мусульманской страной, однако он не видит необходимости смешивать религию и политику. Он не приемлет концепцию «умеренного исламизма» как «лишенную смысла» и опасную в силу того, что «религиозное и политическое в сочетании с современной техникой и коммуникациями, приводит к автократии». Джелун отрицает религию как последнее средство в борьбе с

социальными проблемами общества: «Использование религиозных принципов в борьбе с бедностью и коррупцией является обманом, полной неадекватностью принципам современности... Говорят людям о морали вместо того, чтобы бороться с первопричинами зла, которое относится к разряду экономического и политического» [9].

Либеральная тенденция в партийной системе Марокко

Определенное влияние в марокканском обществе имеет организация Демократический путь, вышедшая из революционного движения 1970-х гг. Она ориентирует свою политическую стратегию на построение правового государства и формирование пространства для политической борьбы в условиях демократии. Речь идет о создании «радикального демократического блока», способного на основе демократизации страны найти выход в разрешении «основного противоречия» между «компрадорскими» и «народными» классами. В интересах обеспечения демократического развития основное требование данной политической силы – принятие новой демократической конституции на основе деятельности независимой комиссии и конституционного собрания.

При всем уважении к такого рода требованиям, нужно сказать, что они сами по себе, без массовых действий снизу, не могут обеспечить проведение в жизнь социальных и политических изменений. Это тем более важно подчеркнуть потому, что именно на базе таких требований, как было нами отмечено выше, формируется социальная опора и поддержка движения «М 20».

Отметим и еще один момент. Опыт реформирования, осуществлявшегося в Марокко после завоевания национальной независимости, показывает, что такие требования являются уделом элит, партий, власти, а не делом самого народа. Связанные с институциональным аспектом, указанные требования не рассматриваются многими людьми в качестве ответа на неотложные социальные нужды. Эти требования оказываются не связанными с главными вопросами, в числе которых находятся, безусловно, вопросы распределения национального богатства, а в политическом плане – все то, что связано с формированием народного правления, независимого от махзена, нельзя рассматривать как требования неотложного характера различных групп населения. И если народное движение возникнет, то, как показывает опыт Арабской весны, на переднем плане окажутся требования свержения режима.

Ориентация, о которой мы ведем речь, становится своеобразным ограничителем политической борьбы, которая сводится к тому, что этим занимаются только партии. Более того, в указанном подходе профсоюзная и социальная борьба ограничивается защитой частных требований, а также не приходит осознание того, что необходимо добиваться глубоких и радикальных политических изменений в стране. Левые радикалы в своей деятельности как бы воспроизводят разделение между социальным и политическим. То же самое можно сказать о рабочем и профсоюзном движениях, занимающихся выдвижением и отстаиванием неотложных требований. Это значит, что социальная проблематика рассматривается как двигатель массовой демократической борьбы, а не как поддержка политического проти-

воборства с властями. В этом же ключе действует и «М 20», которое не занимает наступательной позиции в решении политических вопросов.

Демократический путь нацелен на союз с течениями «парламентской монархии», формируя тем самым политический блок, способный осуществить демократическую альтернативу махзенской власти. В таком подходе переоценивается место и роль этих течений в демократических преобразованиях, и одновременно недооценивается значение их связей с правящим классом.

Концепция радикального демократического блока воспринимается как добавка разнородным левым движениям, которые возникли в иную историческую эпоху, и не отражает назревших новых требований под влиянием глобализации. Кроме того, массовое народное движение протеста предполагает в современных условиях наличие стратегии борьбы, которая смогла бы объединить разнородные силы, направив их на борьбу за подлинные демократические преобразования. Но как мы уже отмечали, профсоюзы, вместо организации протестного движения, заняты главным образом тем, чтобы развивать сотрудничество с силами власти, что исключает деятельность по формированию массового движения.

Что касается баасистов и революционных марксистов, они отличаются слабостью и получают незначительную социальную поддержку в своей деятельности.

Альянс за демократию образован в 2008 г. Фуадам Али аль-Хумма в результате объединения Партии национального объединения независимых, Народного движения, Конституционного союза и Партии подлинности и современности. Получив 155 мест на последних выборах, этот Альянс стал основной силой парламента. (Фуад Али Эль-Химма (1962 г. рожд.) – влиятельный марокканский политик и старший советник короля Мухаммеда VI, один из его близких людей. Эль-Химма был одноклассником Мохаммеда VI в Королевском колледже и был директором его кабинета, когда он был наследным принцем).

Демократический блок – это политический союз, действующий на протяжении ряда десятилетий. Он образовался в итоге объединения Партии независимости, Партии прогресса и социализма и Социалистического союза народных сил, который был основной партией оппозиции при правлении короля Хасана II. Однако популярность этого союза была растеряна за последние годы в результате внутренних расколов. Блок возглавляет правительственную коалицию с 1998 г., образуя из своих членов в том числе «альтернативное правление». Основная сила этой коалиции – Партия независимости, созданная в 1944 г.

Парламентские выборы и исламистское правление

Эффективность политики властей Марокко в отношении политических сил страны подтвердили итоги досрочных выборов в парламент, которые состоялись 25 ноября 2011 г. Явную победу на выборах одержали умеренные исламисты из Партии справедливости и развития (ПСР). ПСР, ранее имевшая в однопалатном парламенте 47 мест из 325, теперь получила 107 мест и в его нижней палате из 395.

Успех Партии справедливости и развития на парламентских выборах во многом определился тем, что

эти выборы проходили менее чем через месяц после победы на парламентских выборах Партии «ан-Нахда» в Тунисе и в преддверии выборов в Египте, где предрекалась победа «Братьев-мусульман». Однако залогом победы ПСР стало и недоверие избирателей к традиционным партиям, а также утрата веры марокканцев в дееспособность большинства партий.

29 ноября 2011 г. король назначил лидера ПСР Абд аль-Илаха ибн Кирана премьер-министром. Затем было сформировано и коалиционное правительство. Однако одним из результатов политического обновления в Марокко стал не только факт формирования коалиционного правительства, но и факт наличия в парламенте страны устойчивой антиисламистской группы депутатов, в том числе 60 женщин-парламентариев, которые отнюдь не являются убежденными сторонниками исламизма как политического выражения. И это можно рассматривать как некий ограничитель наступлений исламистов.

Сейчас еще, видимо, рано давать однозначные оценки деятельности властей Марокко после изменения конституции страны и формирования коалиционного правительства. Одно можно сказать со всей определенностью: оперативность, гибкость и политический прагматизм Мухаммеда VI и его окружения сыграли решающую роль в том, что революция в Марокко не произошла. Это не значит, что политическое равновесие в стране установилось навсегда. Нельзя сказать, что Марокко полностью преодолело критическую ситуацию, возникшую на Севере Африки под влиянием Арабской весны. Это хорошо осознает и нынешний глава правительства Бин Киран. Выступая на съезде ПСР, он, в частности, заявил: «То, что недавно произошло с арабской и мусульманской нацией – невероятно, и этот процесс изменений еще не завершился» [6, с. 259]. И нерешенные социально-экономические проблемы могут вновь вызвать волну народного протеста.

Литература

1. Коротаев А. В., Зинькина Ю. В., Ходунов Ю. В. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков. Арабская весна 2011 г. М., 2012.
2. Куделев В. В. Ситуация в Марокко: март 2011 // Институт Ближнего Востока. 12 апреля 2011. Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=12476>
3. Орлов В. В. Роль исламского фактора в арабском кризисе // Арабский кризис и его международные последствия / под общ. ред. академика РАН А. М. Васильева. М., 2014.
4. Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Jemaah_Islamiyah
5. Сухов Н. Король начинает и выигрывает // Эксперт. № 30-32 (813). 30 июля 2012. Режим доступа: <http://expert.ru/expert/2012/31/korol-nachinaet-i-vyigryivaet/>
6. Сухов Н. В. «Политическая весна» в Марокко // Системный мониторинг глобальных и региональных рисков: Арабский мир после Арабской весны / отв. ред. А. В. Коротаев, Л. М. Исаев, А. Р. Шишкина. М., 2013.
7. Arrach A. Printemps arabe et mouvements sociaux au Maroc // Abidi H. Où va le monde arabe? Les enjeux de sa transition. P., 2012.
8. Guidère M. Le choc des revolutions arabes. De l'Algérie au Yémen, 22 pays sous tension. P., 2012.
9. Le Monde. 5 décembre 2011.
10. Le «printemps arabe»: un premier bilan / Point de vue du Sud, coordonnés par Bichara Khader // Alternative sud. Volumes 19. 2012.
11. Pédophilie en islam? Et une tare de plus; une! // Francaisdefrance's Blog. 29.12.2011. Режим доступа: <https://francaisdefrance.wordpress.com/tag/cheikh-marocain-mohamed-ben-abderrahman-al-maghrawi/>
12. Smaoui S., Wazif M. Étendre de lute ou pavillon de complaisance? S'engager sous la bannière du «mouvement du 20 février» a Casablanca // Au cœur des revolutions arabes. Devenir révolutionnaires / Sous la dir, de Amin Allal et Thomas Pierret. P., 2013.
13. TelQuel. 6 décembre 2010.
14. TelQuel. 26 février – 4 mars 2011.

Информация об авторах:

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии КемГУ, 8-906-912-60-55, vjeltov@kemsu.ru.

Viktor V. Zheltov – Doctor of Philosophy. Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Political-on yk and Sociology Kemerovo State University.

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ.

Maxim V. Zheltov – Doctor of Social Sciences, Department of State, and administra-porate law Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2015 г.

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ПРОЦЕССЕ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ: ОБОБЩЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ВЫВОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

М. А. Казаков

INSTITUTIONALIZATION OF REGIONAL POLITICAL ELITES IN THE PROCESS OF RUSSIAN NATIONAL INTERESTS IMPLEMENTATION: GENERALIZATION OF SOME FINDINGS OF THE STUDY

М. А. Kazakov

В статье даны обобщения некоторых выводов почти одноименного исследования проведенного под руководством автора, представленные научно-экспертному сообществу для обсуждения и использования в дальнейшем изучении феномена с целью оптимизации практик и процессов, стратегически важных для политического развития страны.

The paper provides some generalizations about the findings of the research supervised by the author presented to the scientific and expert community to discuss the use and further study of the phenomenon in order to optimize practices and processes that are strategically important for the country's political development.

Ключевые слова: институционализация, национальные интересы, политический процесс, развитие, региональные элиты, федерализм.

Keywords: institutionalization, national interests, political process, development, regional elites, federalism.

Дискурсу предшествует некая сакральность в отношении феномена институционализации и неоднозначность в рассмотрении элит. Наблюдение эволюции постсоветских элит и лидеров субъектов РФ, их адаптации к меняющимся реалиям, позволяет углубить, дифференцировать и в чем-то приблизить появление обобщенной парадигмы их развития. Переосмыслить асимметрию элитистских практик, вызовы и рецидивы их контекста, которые с учетом глобальных, страновых и внутри-региональных изменений сделали *квинтэссенцией политического процесса современной России процесс реализации ее национальных интересов*. В качестве такового он изучается нами с кризисных явлений 2008 – 2009 гг., что одновременно закрепило на периферии федеративные процессы и отношения как связи и взаимодействие между носителями разделенной власти в РФ.

Поиск ответов в заявленной теме связан с комплексным подходом. Содействующему и изменения в методологии. В ней, помимо комплексного анализа, способного к решению разнородных задач путем объединения в одно целое элементов разной природы, институциональный и неинституциональный подходы в их комбинациях с другими, заложили, по сути, фундамент для строительства института элит. Он: а) определяет организацию деятельности и отношений элит в сфере политики и экономики, воплощающих ныне (пусть и через несовершенный рынок особых продуктов и услуг) нормы и правила поведения управляющих и управляемых; б) ориентирует на идентификацию интересов и смыслов, которые образуют, по П. Бергеру и Т. Лукману «общие релевантности». Где опосредованно – институционализация это взаимная типизация оприличенных действий деятелями разного рода» [1, с. 92].

На вопрос: «как это происходит?» – определенным образом и отвечает процесс институционализации элит. Он имеет в качестве объяснительного принципа «институции» – «традиции» – «инновации», которые соотносят индивидуальную по своей природе деятельность и поведение с набором правил, что являясь их обобщением, обеспечивают социальную координацию и политическую интеграцию (*прим. автора: Важней-*

шим понятием среди них является «политический институт» как идеальная модель системы отношений и коммуникаций (общения) людей по поводу власти и управления, опирающаяся на совместные ценности, организационные принципы и рациональные нормы (установления)). Она существует и воспроизводится в политической практике посредством коллективной воли в системе норм и принципов, ценностей, интересов, целей). Из их институтов, различающихся по критериям традиционного и современного общества (П. Штомпка), складывается реальный общественно-политический порядок.

«Институционализация элит» в качестве понятия, употребляемого в отечественной элитологии, политологии для выделения и анализа специфического властного процесса, раскрывающего атрибутивные черты, свойства и отношения явления, восходящего к институту, складывается на рубеже XX – XXI веков. Оно меняет традицию исследования элиты как *особой социальной группы* (общности) в терминах возникновения, становления, формирования на более адекватные логику ее развития и организации в настоящих отношениях политические категории. Это согласуется с тем, что современный политический анализ исходит из сопряженности пространственных и политических категорий, важных своей однозначностью; термином *институционализация* в политической науке «модерна» как: 1) учреждение каких-либо новых общественных институтов; 2) правовое и организационное закрепление тех или иных отношений.

Уже эти ориентиры, требующие к себе более пристального внимания, чему мешают рамки статьи, позволяют перейти к объекту и предмету проведенного исследования. Как его объект политическая элита субъектов Федерации – это социальная группа «класса управляющих», центр политического руководства и управления субъекта РФ, включенный в комплекс отношений со средой, обладающий определенной властью и осуществляющий управленческие функции в социально-политических границах региона.

Как предмет исследования это «становящийся» институт, чье развитие обусловлено созданием основ

«общества модерна» и свойственной ему политической жизни, исполнением своей миссии в соответствии с национальными интересами страны и ее безопасностью, которая не может прогрессировать далее без организации эффективной системы обратных связей «общество – государство». В этом обнаруживается главный смысл институционализации как мерно-поступательного процесса и суть политической элиты как института, служащего организационному оформлению и обеспечению структуры социально-политического взаимодействия страны и ее регионов.

Институционализация региональных элит (в Российской Федерации – элит субъектов РФ) (*прим. автора*: В исследовании мы акцентируем внимание на политической элите субъектов Федерации, т. е. элите *федерированного* государства, сохраняющей «некоторые атрибуты внутреннего суверенитета. Разграничение компетенции доверено конституционному и договорному урегулированию, в политическом смысле исходящему из реального соответствия сил и возможностей между федерацией как целым и ее участниками» [7, с. 250]), понимается в работе как процесс установления особого типа властных отношений, согласительный и рефлексивный характер которого на начальном этапе, сменяясь затем нормативным регулированием отношений управляющих и управляемых, приводит к закреплению социально-организованного субъекта политической деятельности, ориентирующего поведение людей территориального сообщества на определенные правила. Разнообразие ее проявлений может быть представлено посредством оснований классификации по условиям и содержанию отношений, взаимодействию, их пространственно-временной локализации и масштабу, институциональным, структурным и субъектным характеристикам.

В соответствии с задачами исследования дается определение политической элиты субъекта Федерации. В рамках выбранной теоретико-методологической базы оно используется в прояснении проблематики институционализации элит регионов и уточнении оснований их функционирования в процессе реализации национальных интересов России (ПРНИР). Политическая элита субъекта Федерации – интегрированная структура социально-политических ценностей, отношений и инструментов, носителем которой является самовоспроизводящаяся доминирующая общность. Она состоит из «связанных групп», концентрирующихся на принятии решений, ориентации и интеграции групп интересов на основе базовых и продуцируемых ими политических ценностей, непосредственном осуществлении функций управления в границах региона, что материализуется в системе институтов контроля, влияния и преемственности руководства.

ПРНИР представляет собой сложное явление, отличающееся своеобразием стадий и фаз: а) формулирование национальных интересов; б) определение их целей; в) выбор средств и способов достижения; г) внесение коррективов и т. д.

Обеспечивается нормативно-правовой и экономической базой, разнообразием методов и средств, квалифицированными кадрами руководителей, технологий, исполнителей, осуществляющих цели комплексных целевых программ и приоритетных проектов (ПНП). Процесс реализации национальных интересов связан не только с существующим миропорядком,

геополитическим и экономическим положением страны, борьбой за ресурсы (в силу чего строятся различные перспективы национальных интересов) [4, с. 24 – 29], но и тем механизмом функционирования, что сопряжен с участием в нем элит и граждан.

Характер связей между элитами разных уровней власти РФ, их отношений с социальными группами, соотношение их сил и возможностей – принципиальный аспект институционализации элит субъектов Федерации. В нашем случае он прослеживается и фиксируется в сложном взаимодействии процессов осмысления, формулирования и выработки необходимых средств (способов) реализации национальных интересов на постсоветском пространстве с процессами возникновения, становления, формирования самих элит территорий в интеракции с людьми, властными инстанциями Центра и других регионов. Они воздействуют (с переменным успехом) как на первый ряд процессов, так и на динамику собственного воспроизводства в условиях тревожного бытия федерализма.

Попытка верного соотношения указанных процессов потребовала выработки рабочего определения институционализации национальных интересов. Применительно к ним, институционализация означает установление и закрепление системы, целью которой предстает комплекс конституционных общественных отношений, выраженный в наличии структуры национальных интересов и взаимодополняющих друг друга институтов их исполнения, обеспечения, достижения и защиты. Их установление (соотнесенное с нормами Основного Закона и международного права; показателями изменения организационного типа национальных и международных отношений) (*прим. автора*: Неореалисты и конструктивисты в качестве таких необходимых показателей выделяют: общий организационный принцип, качественные характеристики акторов, соотношение их сил и возможностей (К. Вальц), характер культуры, способный оказывать влияние на формирование общего института (Э. Этциони)) необходимое условие институционализации элит региона как субъекта. Выходя на национальную или мировую арену с набором неких ценностей и идей, этот «актор распространяет их, взаимодействуя с другими субъектами, благодаря чему рождаются коллективные знания, представления и убеждения, разделяемые большинством участников, но и объединяющие, связывающие их, – формируется общность культуры» [10].

В границах изменения организационного типа национального руководства дается обоснование понимания института политического лидерства как неотъемлемого элемента институционализации элит, адресно посылающего этому процессу регулирующие импульсы и наоборот. И элит федерации как субъекта процесса реализации национальных интересов, прошедшего через стадии политического самоопределения и самоорганизации, соотношения их возможностей с элитой и лидерами Центра. Для уточнения базы их функционирования, следуя логике переменных Т. Парсонса, проанализированы изменения в статусе и осуществлении полномочий в национально-государственном масштабе 90-х гг. XX века, в современном региональном политическом процессе и в ПРНИР.

Статус элит субнационального уровня в современном федеративном государстве характеризуется: а) наличием у них определенных коммуникационно-

технологических возможностей – способностей к взаимодействию с центром, обеспечению горизонтальных отношений между собой и подобными структурами во внешнем мире; б) зависимостью от переменной местной поддержки и паритета национальных/региональных интересов – быть их представителями и выразителями; в) наличием институционализированной связи между населением и федеральным центром; г) обязанностью реализации общенационального курса в субъекте Федерации.

Они имеют орган регионального представительства (в РФ – Совет Федерации), располагают конституционно закрепленной компетенцией региональных органов власти (органов власти субъекта Федерации). В целом, по положению, ресурсам и инструментам это «самоорганизующийся» элемент институциональной структуры, способный правильно соотносить цели и возможности, воздействовать на процессы, происходящие в центре и на местах, вполне определенным, конкретно-функциональным образом. Закономерен вопрос о критериях и функциях институционализации элит.

В национально-государственном масштабе переходного социума она связана как «с принципиальным общественным переустройством, так и с возникновением новых общественных потребностей и становлением отношений, взаимодействий по их удовлетворению, а также появлением индивидов и групп, осуществляющих эти взаимодействия» [8, с. 52]. Чуть позже А. В. Дука «сам себя» уточнил: «Под институционализацией элит здесь будут пониматься процессы становления властных групп, возникновения и поддержания устойчивых практик этих групп и норм их регулирования по авторитетному распределению общественных ресурсов, структурированию общественной жизни и собственного воспроизводства. Такое понимание основывается на представлении институтов как рутинной структурированной... деятельности, предполагающей определенность взаимодействия индивидуальных и коллективных акторов» [3, с. 25]. Иначе говоря, их *спецификацию* как сформировавшуюся специализацию ролей и отношений, четкое разделение труда (не без корпоративных механизмов), обеспечивающих это взаимодействие.

В общем плане критериями институционализации политических элит могут быть нормы организации политической жизни и функционирующие на этой основе учреждения, организации, персоны, устоявшиеся традиции, принципы и правила политического поведения, которые характеризуют качество политической системы и выступают регуляторами политической жизнедеятельности общества. В дополнительном анализе выстраивается их иерархия. В ней аскриптивные критерии уступают место *достиженческим*. Посредством них обеспечивается интериализация ценностей компетентности, командной игры и личной (без) ответственности, рациональности и универсальности; проявляются особенности независимости, самоорганизации и взаимовлияния, подтверждающие потенциал элитизма, связанный с воспроизводством его институтов и «перехватом» функций управления. Неинституционалисты видят в них правила определенного типа взаимодействия и иерархии в обществе, носителем которых на уровне регионов являются их элиты. Их установление для стабилизации своего по-

ложения и «игры по правилам» как других не менее влиятельных субъектов, так и тех политических, экономических акторов, обладающих таким влиянием ранжировано.

Политическая элита «общества модерна» (будучи уже сформированной) в индексах, отражающих ее существенные изменения, имеет высокий уровень реализации своего адаптационного ресурса. Средние показатели – по способности (решительности и умению) к ревизии элементов стагнации; к функционированию в режиме представительства всего многообразия общественных и национальных интересов. Это лишь подчеркивает актуальность исследований роли элит регионов и практик их исполнения в процессе реализации национальных интересов РФ, которые как основание курса страны выступают в качестве *показателя определенности внешней и внутренней политики* [9, с. 183].

Разбор имеющихся в литературе трактовок позволяет сделать вывод о целесообразности в их обобщении следовать системному подходу. Исходя из чего, *национальные интересы это система осознанных потребностей личности, общества и государства устойчивом и безопасном развитии*. Где *устойчивость и безопасность развития* это не только базовые критерии ПРНИР, но и необходимые показатели институционализации элит как специфического процесса, закрепляющего ее превосходство в социальных отношениях. Почему и не исключаются в удовлетворении/достижении интересов отдельных групп антиэлитистские цели. В связи с чем, следует различать и подвергать тщательному анализу средовые (социальные, политические, экономические, идеологические, организационно-управленческие, ситуационные) и субъективные факторы, детерминирующие институционализацию элит, как в процессе реализации национальных интересов, так и сфере политики в ее «общем и особенном».

В общем виде, институционализация определяет особый тип связей личности, общества и государства, что можно объединить во властных отношениях, каковые мыслятся на основе различных моделей в зависимости от места, которое политика занимает в обществе и в отношении к рядовым гражданам. В этом смысле роль элиты как института проявляется в выработке и трансляции в общество определенных систем знаний и правил. В их рамках проведение и управление изменениями (инновациями) осуществляется в соответствии с национальной культурой и сопряженного с ней институционального порядка. В «особенном» – все гораздо сложнее. Структурирование политики, в большей степени опирается на внутреннюю организацию деятельности элит, имеющей в качестве пред-конструкции образы и представления, нормы и правила, паттерны и примеры взаимодействия из арсенала социального неравенства. Именно они определяют позицию элит к требуемым обществом изменениям, которые в силу опосредующей их рассогласованности понимаются и отражаются в их поведении не одинаково, а соответственно имеющейся у субъектов культур(ы). Ее содержание обуславливает появление различий в практиках и оценках преобразований.

Изучение их исторических и современных примеров свидетельствует, что прохождение социальных инноваций в обществе, зависят, прежде всего, от дея-

тельности правящей элиты, в другом случае – от активности одной из ее групп, в ряде других – от удачной или неудачной попытки представителей контрэлиты занять ключевые позиции в государстве, используя недовольство масс. В любом случае, социальная инновация может быть усвоена лишь в меру пластичности институциональной структуры (матрицы) элиты, где сохранение принципов построения и функционирования институтов (как ее элементов), формирующих элиту, это нормы ее развития или оптимальная траектория их движения, способная меняться при переходе к *метаорганизации*.

Анализ процесса институционализации элит позволяет выделить ряд базовых функций, которые он выполняет в основных сферах общества, это: координационная (компромиссно-консенсуальная или согласительно-примиренческая), интегративно-регулятивная, партисипативная (социально-управленческая), коммуникативная и эволюционная (проектно-стратегическая, развивающая). Помимо них при формировании институциональных механизмов, их запуске или сбоях в работе, могут возникнуть явные или латентные дисфункциональные последствия, требующие для лучшего понимания их *сценирования*. Типы практик в свою очередь дифференцируются по функциям, выполняемым ими в обществах определенного типа развития, наличию нормативных и девиантных (комплементарных) властных практик, корпоративных механизмов, по характеру, обусловленности их проявления, правового регулирования и т. д.

Корректное включение в практики ПРНИР мероприятий по осуществлению ПНП и отправление общественных функций элит федерации в нем, позволило выявить этапы и особенности интегрирования данной социальной группы в ожидания масс и новые требования власти. Особенностью в первом случае является то, что «наличие институтов и процесса институционализации не является спецификой политики и представляет собой частный случай более сложной антропологической реальности» [6, с. 21]. Сегодня – это, как никогда, острая потребность в *современном человеке*, россиянин – патриоте и гражданине. Он требует для своего самовыражения и развития более благоприятной среды. Особенностью второго плана предстал другой аспект реальности. Структурные реформы 2000-х гг., направленные на укрепление вертикали власти, не дали ответа на вопрос об истинной роли федерализма в стране, имеющем в целом иные, чем на Западе, условия для развития современного государства и общественного строя. Одновременно новой нации – *российский народ* – нужны и современные элиты в центре/на местах и граждане, активно участвующие во многообразии проявлений политического процесса.

Завуцавший в них вызов заставил обратить особое внимание на структурно-содержательные аспекты институционализации элит, понимание которых требует разбора специализированного комплекса действий. Если это «определение и фиксирование ролей, связанных с осуществлением структурирования социальных (под)систем, определения правил их деятельности, контролем над их функционированием, авторитетным распределением общественных ресурсов и собственного воспроизводства посредством подчинения себе публичных инстанций» (А. В. Дука). То на

практике эти аспекты находят свое выражение в *деятельности элит, тесно связанных с государством*, обладающим преимуществами в структурировании политики, согласовании социальных интересов даже в условиях отсутствия должной межуровневой и межгрупповой коммуникации.

В независимости от предписаний той или иной методологии (в частности, рутинности практик и институциональных взаимодействий в видах институционализма) поиск *модели устойчиво позитивной* деятельности элит остается проблемой, как в теории, так и для практической политики. В ней он тесно связан с ценностями, рисками и ограничениями модернизации, особенно в ее политическом облике. Как и ПРНИР, модернизация требует консолидации усилий всей нации, соотнесения ее содержания со способностями и возможностями ее структур. Ибо когда отдельные из них в лице конкретных людей теряют интерес к общей программе развития, государство вступает на путь застоя. «Российским гражданам необходимо через политические реформы укрепить государство, но при этом задать политикам и бюрократам правильную мотивацию», а государство, в свою очередь становится движущей силой, «способной изменить мотивацию экономических агентов и одновременно стать фокусом модернизации» [2, с. 96].

Процесс реализации национальных интересов России в этом контексте, отстаивая значимость входящих в него идей и явлений, становится ныне регулятором поведения людей в их сплочении вокруг Конституции РФ. В ситуации неблагоприятной политико-экономической конъюнктуры это не упрощение задач, а взвешенная политическая позиция. Она реально способствует соединению ресурсного потенциала общества и власти на базе Основного закона, гарантирующего умеренно-поступательную линию эволюции социально-политических структур и форм «институционализации рационализации» – разделения видов их деятельности, ее нормирования с целью рутинизации организаций современного типа в центре и на местах.

От их способностей использовать консенсусные стратегии и правовые технологии властвования зависит возможность избежать насилия и двойных стандартов при проведении реформ, исключить издержки политизированного экстремизма и национализма. Продолжение структурных, нормативных преобразований в системе государственной власти и МСУ, в частности, связанных с развертыванием регламентов, законодательных актов и практик оказания государственных и муниципальных услуг, обрело «командность» и исполнимость задач в тех параметрах и с теми темпами, которые были заданы майскими (2012 г.) Указами Президента РФ [5].

Параллельно институционализация элит субъектов Федерации «столкнулась» с потребностями «новых» контрэлит, фронда которых на пересечении с экстремистами, предстала опасной и ограниченной. Они оказались «вытолкнутыми» историческим развитием, но организационно слабыми, чтобы претендовать на позиции авторитетного распределения власти и общественных ресурсов, способными узко влиять на структуру общественного мнения и видимость своих практик. Вне личностной и гламурной привлекательности этих групп, существо их активности можно оп-

ределять как дестабилизирующее относительно основных подсистем общества.

Их наличие лишний раз подчеркивает, что институционализация элит мерный (в пределах разумного) современный процесс с разнонаправленной внутренней динамикой и сложной конфигурацией акторов. Чья мера поступательности определяется интересами стабильного развития общества, безопасности государства и личности. Он идет путем рефлексии, сокращения социальных дистанций между элитой и другими группами социума, имеющими разную возможность ее коррекции, находит выражение в рационализации жизнедеятельности взаимосвязанных политических институтов, поддерживающих связь между личностью, обществом и государством. Отражается в эволюции образов, представлений, правил, норм и практик взаимодействия, закрепленных в политических традициях страны, и определяющих комплекс позиций и взаимоотношений элит субъектов РФ во внутренней и международной политике, несущих в себе *ценность сохранения и развития данной институции*.

Ее специфика сегодня – в адекватном структурировании текущей политики, определяющей тот тип участников и стратегий их поведения, что является действенным в соотнесении, как с глобальным рынком, так и с национальными интересами страны, в удовлетворении потребностей которых складывается новая модель институционализации политических элит РФ. Она в равной мере нуждается в смене вектора развития адаптационного потенциала элит и масс, такой их организации и коммуникации, что канализирует волю народа, сообществ территорий как проявление их достоинства в процессы рекрутирования в ряды элиты, ее легитимацию и преемственность поколений. Этим конкретные институциональные прак-

тики приводятся к своему логическому целому. Исполняются теми элитами и лидерами, для которых нет выше миссии, чем непосредственно и сопричастно проблемам людей осуществлять общественные функции в единстве их форм и содержания, времени и масштаба задач современной России.

В лице групп интересов она требует от действующих и становящихся, по сути, институтов власти *правильной*, по-новому продуктивной деятельности, привносящей не только «правила игры» и ориентиры участия в ней, но и реальные блага рядовым гражданам, стране в целом. Это означает, что современная модель институционализации элит страны, является не описательной, а практически-ориентированной, не просто на смену практик, а мышления и элит, и масс. Она исходит из оснований, факторов и заданных обстоятельств в рамках действующего государства с его стратегическими приоритетами. Обращена к тем системам общества, что могут быть модернизированы и потому, способными к *метаорганизации – коллективному созданию солидарного общества России и его инновационной элиты*.

То, что эти процессы в РФ, с трудом, но идут, свидетельствует: спрос на обратную связь государства и общества в стране растет. В сфере государственного управления запрос на проведение *эффективной внутренней политики* России (тем более в условиях санкций) не только вызрел, но и окреп. В этом плане новая модель институционализации элит (как носителей метаорганизации с опорой в их инновационном инструментарии на гуманитарные технологии) может формировать тематику корректирующих ее общественных дискуссий, чем данный текст с его научно-образовательными целями и ответами «вписывается» в их стратегию.

Литература

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум, 1995.
2. Бусыгина И. М., Филиппов М. Г. Политическая модернизация в России: необходимость, направления, издержки, риски. М.: Либеральная миссия, 2012.
3. Дука А. В. Институционализация и социальное дистанцирование властных групп // Власть, государство и элиты в современном обществе / под ред. А. В. Дуки и В. П. Мохова. Пермь: НГТУ, 2005.
4. Казаков М. А., Лемкина Е. С., Савельева И. В. Гуманитарная перспектива национальных интересов // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. (Серия: Социальные науки). 2011. № 4(24).
5. Казаков М. А., Савельева И. В. Институционализация региональных элит в процессе реализации национальных интересов современной России // Вестник Тамбовского университета им. Г. Р. Державина. (Серия: Гуманитарные науки). 2014. № 2(130). С. 182 – 187.
6. Кола Д. Политическая социология / пер. с фр. М.: Весь мир, ИНФРА-М, 2001.
7. Мельвиль А. Ю., Алексеева Т. А., Боришполец К. П. Политология: учебник. М.: МГИМО (Университет) МИД России, Проспект, 2010.
8. Региональные элиты Северо-запада России: политические и экономические ориентации / под ред. А. В. Дуки. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
9. Соловьев А. И. Политология. Политическая теория, политические технологии. М.: Аспект Пресс, 2000.
10. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge, 1999. P. 139 – 141.

Информация об авторе:

Казаков Михаил Анатольевич – доктор политических наук, профессор кафедры прикладного политического анализа и моделирования ИМОМИ ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 8-910-137-35-42, kazakov_mihail@list.ru.

Mikhail A. Kazakov – Doctor of Political Science, Professor at the Department of Applied Political Analysis and Modeling Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

Статья поступила в редколлегию 10.11.2014 г.

УДК 316.3

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ МЕНТАЛИТЕТА КОРЕЙСКОГО НАРОДА

Е. Г. Пак

THE HISTORY OF KOREAN MENTALITY FORMATION: A SOCIO-PHILOSOPHICAL APPROACH

E. G. Pak

У исследователей вызывает большой интерес высокий темп экономического развития, который с начала 60-х годов XX века демонстрирует Южная Корея. Добросовестный и успешный анализ «южнокорейского чуда» невозможен без изучения менталитета народа, характерные черты которого можно обнаружить в деятельности людей, в истории и памятниках материальной культуры, в народном искусстве, в религиозных обрядах, обычаях и языке. Изучение истории формирования менталитета корейцев позволило прийти к выводу, что стремительная экономическая модернизация Южной Кореи была бы немыслима без колоссального трудолюбия, сильного чувства национальной идентичности/патриотизма, приверженности коллективным/родовым традициям, жажды знаний, прагматизма и стремления к материальному благословению – фундаментальных характеристик менталитета корейского народа, которые были сформированы в процессе истории под влиянием географических, социально-экономических, политических, культурных и религиозных факторов.

The high rate of economic development that South Korea has been demonstrating since the early 1960s is the point of interest for many researchers. However, the diligent and successful research of “South Korean miracle” is not possible without studying the nation’s mentality whose outstanding characteristics can be discovered in people’s diligence, in national history and artifacts, in folk art, forms of worship, traditions and language. In the process of studying the history of Korean mentality formation the author comes to conclusion that “the South Korean Miracle” could not happen without several fundamental characteristics of Korean mentality such as tremendous hard-working spirit, strong national identity, collectivism, thirst for knowledge, pragmatism and pursuit of material well-being what were formed in the process of history under the influence of geographical, socio-economic, political, cultural and religious factors.

Ключевые слова: Южная Корея, «экономическое чудо», история, этнос, корейский менталитет.

Keywords: South Korea, “economic miracle”, history, ethnos, Korean mentality.

Южная Корея – одна из так называемых «четырёх азиатских тигров». Так неофициально называют азиатские страны: Южную Корею, Сингапур, Гонконг и Тайвань, чьи экономики демонстрируют очень высокие темпы экономического развития с начала 60-х годов XX века. В Корее в XVIII – XIX веках наблюдалось снижение производительности сельского хозяйства вплоть до конца XIX века, но за этим последовало движение вверх, которое наблюдалось в течение всего XX века и достигло своего апогея в 80 – 90-х годах [17] прошлого столетия. Об экономике Кореи часто говорят «экономическое чудо», но это скорее образное выражение. Многие экономисты, в том числе ведущие российские ученые: В. И. Шипаев, В. М. Мазуров, С. С. Суслина, обращаясь к изучению «южнокорейского чуда», хотя и выделяли разные политические, социальные факторы, приведшие к этому явлению, но все же отмечали, что «никакого “чуда” и не было, а был чрезвычайно напряженный труд всего населения страны, необычайные трудолюбие, терпение, выносливость и тяга к знаниям, и еще монолитность нации, десятилетиями угнетаемой, но стремящейся к прогрессу» [11, с. 6] Профессор С. С. Суслина указывает на то, что для добросовестного и успешного анализа успеха южнокорейской модернизации необходимо обратиться к изучению менталитета народа.

В словаре психологического лексикона мы находим следующее определение менталитета: «Менталитет – характерная для конкретной культуры (субкультуры) специфика психической жизни людей, детерминированная, в первую очередь, экономическими и политическими обстоятельствами и имеющая надсознательный характер» [14, с. 176]. Разработке теории этноса и вопросам этнического самосознания посвятили свои труды Ю. В. Бромлей, Л. Н. Гумилев, В. И. Козлов и другие. В современной российской философии проблема менталитета рассматривается с различных ракурсов в работах Ю. И. Семенова, И. А. Гобозова и др.

В XX веке из культур и менталитетов народов дальневосточного региона более или менее изучалась лишь Япония. Феномен корейского менталитета ожидает своего глубокого исследования и осмысления. В Корее изучением этноменталитета и культуры занимался гуру корейской философии Ким Тэ Гиль, и он отмечал, что невероятные успехи в области политической и экономической модернизации, которые сделала Корея во второй половине XX века, уходят корнями в глубокое прошлое народа [19, с. 335, 346].

Современные исследователи, говоря о менталитете корейского народа, выделяют такие характерные черты, как патриотизм, коллективизм, гармония Инь и Ян, догадливость/прагматизм, сдержанность в словах, молчание и улыбчивость, достоинство/репу-

тация, почтительность, чувственность [18, с. 93 – 114]. В силу нашего интереса к «экономическому чуду» мы постараемся выявить те черты, которые могли оказать влияние на стремительную модернизацию Южной Кореи.

Любая этническая система и ее менталитет складываются и формируются на протяжении многих веков. На отдельные стороны духовной культуры и психического склада каждого этноса определенное влияние оказывают характерные особенности географической среды, эмоциональная же сторона психики в значительной мере детерминирована социальными и политическими факторами [1, с. 189 – 192, 212]. Так в нашем исследовании невозможно обойти вниманием изучение географических, политических, социальных и религиозных факторов, оказавших влияние на формирование менталитета корейского народа.

Расположение корейского этноса на полуострове послужило основой для маргинализации и формирования менталитета, отличного от соседних: материкового китайского и островного японского. Ландшафт и климат полуострова сыграли важную роль в формировании мировоззрения и характера людей, заселивших его. Выбрав свою землю, они тем самым выбрали и свою историю. Археологические исследования позволили ученым выдвинуть теорию о заселении Корейского полуострова в неолите (IV – II тыс. до н. э.) сибирскими рыболовами-охотниками, которые мигрировали из Сибири на юг, в Маньчжурию, Корею и Японию в поисках земли с более теплым климатом, смешиваясь с автохтонным неолитским населением полуострова, которое вело общинный образ жизни, занималось рыболовством, охотой и собирательством. Их обществу не были свойственны серьезное социальное расслоение и заметное вооруженное насилие [9, с. 154 – 159].

Бронзовый век во всем мире характеризовался периодом активного становления этносов и зарождением очагов государственности. Государства с более развитой металлургией выдвигались на передний план, становились «ядром цивилизации», успешно колонизируя и эксплуатируя «варварскую периферию». Так в XXI – XVI веках до н. э. Китай являлся мощным центром ранней государственности в восточноазиатском регионе, а разрозненные племена, населяющие корейский полуостров, были так называемой ближней периферией. В настоящее время считается доказанным, что под воздействием протокитайской шаиньской, южносибирской и севернокитайской ордосской бронзовой культуры на рубеже II – I тыс. до н. э. на севере корейского полуострова сформировалась маньчжурско-протокорейская племенная группа, которая в течение I тыс. до н. э. постепенно распространилась по всей территории полуострова, образуя единую этнолингвистическую общность [12, с. 48]. Уже в VII веке до н. э. у трех главных корейских племен появляются этнонимы (ма-хан (마한); чин-хан (진한); пён-хан (변한)), общее основание «хан» (한; 韓) («первый», «единственный», «единственный») которых позволяет судить об

осознании их членами единства происхождения, что свидетельствует о зарождении корейского этноса [20, с. 75 – 128]. Таким образом, зарождение корейского этноса можно датировать VII веком до н. э., а в IV – III вв. до н. э. в северной части полуострова создается протогосударство Древний Чосон (고조선), которое служит «буфером» от китайского проникновения на полуостров.

Стоит отметить, что наряду со структурно-пространственными характеристиками этноменталитет непременно включает в себя такой генетически-временной параметр, как представление об общности происхождения членов этноса [1, с. 186 – 187]. В период Древнего Чосона возникает миф о Тангуне, мифическом основателе корейского этноса, который родился от сына небесного правителя и женщины-медведицы и начал править своим народом в 2333 году до н. э. В эпоху татаро-монгольского нашествия этот миф был записан в первой исторической хронике Кореи «Летописи Трех Царств» («삼국사기») и в дальнейшем активно использовался, чтобы искусственно «удревнить» историю Кореи до уровня китайско-шаниньской бронзовой культуры. В период аннексии Кореи Японией в начале XX века «догмат о чистокровной нации» как высшей форме существования этноса еще больше закрепился в сознании корейцев. Корейские националисты превратили Тангуна в высший символ «корейской этнической гомогенности» [12, с. 61]. Здесь мы находим, что чувство национализма уходит корнями в далекое прошлое и глубоко укоренено в сознании корейцев. На протяжении веков корейцы считали, свой народ лучше других, и тщательно хранили себя от ассимиляции с другими этносами и культурами. Ким Тэ Гиль называет это «радикальным национализмом» [19, с. 230, 277]. По уровню национализма среди азиатских стран Корея уступает только Вьетнаму. В нашем понимании это скорее патриотизм, мощнейшее чувство национальной идентичности, которое помогало корейскому народу спланировать и идти вперед в самые сложные исторические моменты. Несмотря на то, что в XX веке в процессе модернизации Корея получила колоссальное влияние со стороны США и успешно интегрировалась в новый миропорядок, менталитет корейцев плохо поддается глобализации, и по сей день в повседневной жизни люди руководствуются негласным правилом: «Свое самое лучшее» [6, с. 40 – 52].

Зачатки формирования коллективного сознания в корейском этносе мы находим уже со среднего неолита, когда небольшим деревенским кровнородственным коллективам невозможно было в одиночку выживать в суровых условиях. Это сознание еще больше усилилось, когда главным в сельском хозяйстве стало возделывание заливного риса, технологии, требовавшей создания системы искусственного орошения, которое не под силу отдельным деревням. В I – IV вв. н. э. государственная бюрократия естественным образом взяла на себя ответственность за строительство и функционирование крупных гидротехнических сооружений, а в IV – VI вв. н. э. в об-

щественную жизнь прочно вошли мобилизации населения на гидротехнические работы. «Общее благо» в сознании корейцев получило неоспоримый приоритет над личными нуждами и заботами. Индивидуализм в обществе презирается, а коллективизм находит отражение в самых разных сферах жизни и культуры. Кореец никогда не скажет «моя страна», «моя школа» и даже «моя жена», а только «наша страна, школа» и даже «наша жена». Когда в 40 – 50-х годах XX века, в первые послевоенные годы, корейское правительство проводило аграрную реформу, столь необходимую для развития капитализма и модернизации страны, успешной её сделало именно использование многовековых традиций взаимных поддержек и коллективных действий [8, с. 17 – 18].

Трудолюбие, целеустремленность как определяющие черты национального характера являются общечеловеческими, особенно среди азиатских народов, но географические и социальные условия жизни сформировали в корейском менталитете уважение к труду, доведенное до культа. В сознании корейцев заложен твердый постулат: «Трудиться должен каждый, ибо только усердная работа приносит в жизни успех». Корейцы официально отдыхают две недели в году, но 66 % населения готовы провести отпуск на работе [4]. В школе на уроках морали детей учат трудолюбию на примере народной сказки, где главный герой, будучи в крайне стесненных обстоятельствах, находит путь к спасению, выдолбив себе лодку из бревна при помощи иголки. Труд, даже если он не приносит видимых быстрых результатов, возведен в ранг добродетели, и корейцы уверены, что усердно трудящийся непременно будет вознагражден. «Спасибо» (수고 하세요) с корейского переводится как «Потрудитесь!» Благоговейное отношение к труду столетиями только усиливалось конфуцианскими нормами, регулирующими жизнь, что, в итоге, внесло значительный вклад в возникновение «корейского экономического чуда».

Немаловажную роль в формировании менталитета корейцев сыграло их взаимодействие с окружающими народами и их культурами, в особенности с Китаем и Монголией. Несмотря на то, что эти международные контакты зачастую были крайне болезненными для корейского этноса, в итоге, они привели к интеграции внутриэтнической консолидации и укреплению самосознания населения полуострова. Заимствуя китайскую культуру, корейцы вместе с тем активно сопротивлялись китайской экспансии, угроза которой нависала вплоть до XII века, до татаро-монгольского нашествия. В этом смысле корейскую культуру можно считать «вторичной», оформившейся на «цивилизационной периферии» в процессе противостояния «цивилизационному центру», Китаю, и заимствования его культуры. Именно классический китайский язык на многие века стал языком древнекорейской «высокой» культуры, сделав ее органической частью общерегиональной культуры Дальнего Востока. Через Китай в Корею приходили все религиозные учения: буддизм, даосизм, конфуцианство и даже христианство. Процесс слияния

разных племен в единый корейский этнос растянулся с VII в. н. э. вплоть до нашествия монголов в 1225 г. н. э. Патриотический порыв и народная воля к сопротивлению «невежественным варварам» были общенародными. Именно представление о высшей ценности своей культуры и своей религиозной традиции, которая противопоставлялась дикости язычников-завоевателей, легло в основу этногосударственного самосознания корейцев [12, с. 72 – 135].

В эпоху совершения «экономического чуда» в среде корейского народа явно проявились такие глубокие ценностные ориентации, как жажда благословенной жизни, терпение, выносливость и колоссальное стремление к знаниям, и изучая эти явления, невозможно обойти вниманием влияние на менталитет исповедуемых корейцами религиозных верований. Как говорил Густав Лебон: «Религиозные верования составляют всегда самый важный элемент жизни народов и, следовательно, их истории» [7, с. 90]. Корейский народ уникален тем, что, имея свою аутентичную религию, шаманизм, он принял и активно взрастил в своей среде буддизм, конфуцианство и христианство.

Шаманизм, который восходит к эпохе первобытно-общинного строя, имел особую религиозную власть над умами корейцев. Его основой являлось почитание неба, от которого исходят все земные блага. Шаманская вера провозглашала, что духи обитают повсюду, и от них зависит процветание в мирской жизни: спасение от бед, долголетие, здоровье, рождение мальчика, богатство и репутация. Шаманизм стал религиозно-культурным базисом, на котором формировалось самосознание и мироощущение корейцев. С одной стороны, они самозабвенно и экзальтированно уповали на помощь небес, с другой стороны, все их просьбы были направлены на осуществление мирских, материальных, судьбоносных и прагматичных желаний [3].

Становление корейской государственности в III – V веках н. э. было тесно связано с проникновением в страну буддизма и конфуцианства. Поиск материальных благ всевозможными путями приводил к тому, что корейцы оказались восприимчивы к принятию новых религий, которые фактически не конфликтовали между собой, а находили своих последователей в разных слоях общества. Корейская элита увлекалась популярной в то время в Китае даосской философией и буддизмом. Для государства, стремившегося к централизации, буддизм выглядел крайне привлекательным, и бедняки находили утешение и надежду в учении Будды. Под влиянием буддистской философии многие азиатские страны, включая Корею, установили высочайшей ценностью совершенствование собственной души на социальном и религиозно-идеализированном уровне. Буддийские философия, искусство и культ способствовали объединению гетерогенного населения страны в одну этнокультурную общность. С VI века н. э. с целью укрепления государства в Корею началось внедрение конфуцианства в качестве государственной идеологии, что ничуть не ослабляло позиций буддизма. Государю отводилась главная роль хранителя и покровителя буддийского учения и образца

конфуцианских добродетелей, что позволяло преодолевать аристократически-клановый партикуляризм, создавая единство в стране [12, с. 116]. В конфуцианстве особенно подчеркиваются семейные и социальные ценности, самосознание человека и создание гармоничных межличностных взаимоотношений, а также возвращаются такие качества как взаимная ответственность членов общества и коллективизм. Многие исследователи находят, что успех экономической модернизации Кореи обусловлен сочетанием многих факторов, часть из которых тесно связана с традиционной конфуцианской культурой, а именно с конфуцианским ритуалом «ли», который способствовал централизации власти в стране, а также возвращал в душах корейцев преданность своей стране, экономии, творческую активность и инициативу [14, с. 10].

Конец XIX века в Корею знаменовался падением последней царской династии, сменой общественно-политической формации, резким переходом от феодализма к капитализму, аннексией Кореи Японией, что привело к глубоким изменениям в духовной жизни народа, еще раз свидетельствуя о том, что подвижные социально-экономические явления способны привести к сдвигу более устойчивые этнокультурные явления. В конце XIX века влияние традиционных религий на души людей ослабело, и этот вакуум стремительно заполнялся христианскими идеями социальной справедливости, почитания науки и обучения как высшей ценности, возможности достижения лучшей жизни, равенства людей и народов перед Богом. Чан Джэен отмечает, что «в период модернизации просветительское движение христианства, разворачиваемое через культурные учреждения, сыграло большую роль в преобразовании многих сфер общественной жизни, внесло решающий вклад в дело становления современного гражданского сознания корейцев» [15, с. 57 – 59]. В начале XXI века более трети населения Южной Кореи активно исповедуют христианство.

Также в среде корейской интеллигенции приобрели широкую популярность социал-дарвинистские идеи, которые гармонично дополняли древнее учение Конфуция о «золотом веке» и воспитании народа [15, с. 22 – 23]. В XX веке в работах корейских мыслителей господствовали идеи об извечности и неизменности «национального духа» (민족성 – минджоксон) корейцев, нередко возводимого к первобытно-общинному строю; о том, что формирование нации и национального духа связано с ранними этапами этногенеза, что использовалось также как мощный

инструмент в идеологическом противостоянии двух социальных систем [2]. В процессе капиталистического развития в Южной Корее осваивались наукоемкие отрасли производства, повышались образованность и творческий потенциал народа, а вследствие этого росло и его благосостояние. В результате глубоких преобразований всех сфер жизни Южная Корея превратилась из отсталой, аграрной и безнадежно бедной страны в высокоразвитое, индустриальное и урбанизированное государство, чья экономика вышла на 13 место в мировом рейтинге [16].

В ходе нашего исследования мы обнаружили, что такие особенности менталитета корейцев, как колоссальное трудолюбие, сильное чувство национальной идентичности/патриотизм, приверженность коллективным/родовым традициям, жажда знаний, прагматизм и стремление к материальному благополучию, без которых было бы немыслимо «корейское экономическое чудо», были сформированы в процессе истории под влиянием географических, социально-экономических, политических, культурных и религиозных факторов. Анализ истории формирования корейского менталитета лишь подтверждает тот факт, что каждый народ имеет свой собственный менталитет, проявляющийся в его повседневной жизни, и он формируется не только благодаря национальной истории, традициям, культуре, но благодаря единству народов мира, обменивающихся материальными и духовными ценностями и культурой. Несмотря на то, что менталитет есть специфический психический настрой этноса и субстанция иррациональная, которая детерминирована экономическими и политическими обстоятельствами, он сам оказывает влияние на все сферы жизни общества, в том числе на экономическую (хотя конечно связи экономики с этносом носят сложный, опосредованный характер). В случае с Кореей экономическая общность людей, основанная на разделении труда в процессе общественного производства, и этническая общность, основанная на языково-культурных и других связях, отражающихся в менталитете, совпали как через племенную организацию, так и через государство. «Экономическое чудо» в Корее началось в момент перехода от феодального общества к капиталистическому, когда в каком-то смысле произошло совпадение эволюции экономической и этнической, и усиление экономической общности, основанной на разделении труда, совпало с процессом национальной консолидации, который тесно связан с менталитетом народа, что и сыграло немаловажную роль в рывке экономического развития страны [5, с. 60].

Литература

1. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. 4-е изд. М.: Либроком, 2012.
2. Джарылгасинова Р. Ш. Этническое самосознание корейцев в раннефеодальную эпоху. М., 1986.
3. Ким Г. Н. История религий Кореи. Конфуцианство. Алматы: Казак университеті, 2001.
4. Кирьянов О. В. Наблюдая за корейцами. Страна утренней свежести. М.: РИПОЛ-классик. 2010.
5. Козлов В. И. Этнос и экономика. Этническая и экономическая общности // Советская этнография. 1970. № 6.
6. Корейский полуостров: мифы, ожидания и реальность // материалы IV научной конференции. Москва, 15 – 16.03.2000 г. Институт Дальнего Востока. М., 2001.
7. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический Проект. 2014.

8. Мазуров В. М. От авторитаризма к демократии (практика Южной Кореи и Филиппин). М.: Восточная литература РАН. 1996.
9. Пан М. К. Проблема происхождения населения Корейского полуострова (по данным антропологии) // Археология, этнография и антропология. 2008. № 2.
10. Психологический лексикон: энциклопедический словарь: в 6 т. / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского. М.: ПЕР СЭ. 2005.
11. Суслина С. С. Республика Корея на постиндустриальной стадии развития (конец 80-х-начало 90-х годов). М.: Восточная литература РАН. 1997.
12. Тихонов В. М., Кан М. История Кореи. Т. 1. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
13. Тягай Г. Д., Пак В. П. Национальная идея и просветительство в Кореи в начале XX века. М.: Восточная литература РАН. 1996.
14. Хун Ц. Влияние конфуцианской идеи ритуала «ли» на идеологию и культуру народов Кореи и Японии // Вестник ЧитГУ. 2011. № 10(77).
15. Чан Д. Первомайское движение 1919 года и корейская протестантская церковь / пер. с корейского. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН. 1997.
16. Amsden A. H. Asia's Next Giant, South Korea and Late industrialization. Oxford Scholarship Online. 2003.
17. Kim D., Park Ki-Joo A cliometric revolution in the economic history of Korea: a critical review // Australian Economic History Review. Vol. 52. № 1
18. Kim [Suk-hyon](#) Korean Cultural Codes and Communication // International Area Studies Review. March. 2003. Vol. 6. №. 1.
19. Kim Tae-Kil Values of Korean People Mirrored in Fiction / V. II. // Dae Kwang Munwhasa. Seoul. ROK. 1990.
20. 양근석, 제 3 장 한국사상과 민본정치이념 (A Study of the Korean thoughts and Political Ideology rooting People) // 민족사상 창간호. 2007 년.

Информация об авторе:

Пак Елена Геннадьевна – аспирант кафедры философии языка и коммуникации Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, +7 (909) 663-79-00, lenapakubf@mail.ru.

Elena G. Pak – post-graduate student at the Department of Philosophy of Language and Communication, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: Гобозов И. А. – доктор философских наук, Заслуженный профессор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

I. A. Gobofov – Doctor of Philosophy, Emeritus Professor of Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 08.12.2014 г.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.7:314.6

**СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ФУНКЦИЙ ПЕРЕДНИХ ОТДЕЛОВ ГОЛОВНОГО МОЗГА
У ДОШКОЛЬНИКОВ, ВОСПИТЫВАЮЩИХСЯ В СЕМЬЯХ
С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МАТЕРИАЛЬНОГО ДОХОДА***М. С. Платонова***COMPARATIVE ANALYSIS OF THE FUNCTIONS OF THE FRONT PARTS OF THE BRAIN
OF PRESCHOOLERS BROUGHT UP IN THE FAMILIES WITH DIFFERENT LEVELS
OF MATERIAL INCOME***M. S. Platonova*

Публикация подготовлена при поддержке фонда РГНФ, грант № 14-06-00293 «Нейропсихологический подход к изучению роли средовых факторов в формировании высших психических функций у детей».

Современная социальная ситуация требует учета новых семейных факторов, влияющих на психологическое развитие ребенка. Одним из них является материальный статус семьи. Целью исследования было сравнение состояния функций передних отделов головного мозга у дошкольников, воспитывающихся в семьях с разным уровнем материального дохода. Функции передних отделов головного мозга связаны с третьим блоком мозга. Блоком программирования, регуляции и контроля, а так же серийной организации движений. Были использованы методы нейропсихологического обследования, разработанные А. Р. Лурией и снабженные количественной оценкой коллективом авторов во главе с Т. В. Ахутиной. В эмпирическом исследовании мы рассмотрели различие функций передних отделов мозга у дошкольников, воспитывающихся в семьях с высоким, средним и низким материальным уровнем. Полученные результаты свидетельствуют о различиях в степени зрелости передних функций отделов головного мозга у детей, воспитывающихся в семьях с разным уровнем материального дохода. А именно: влияние материального положения семьи на развитие функций передних отделов мозга носит линейный характер. Чем выше материальный достаток семьи, тем успешнее показатели функций передних отделов головного мозга у детей дошкольного возраста.

The modern situation of society development requires considering new family factors that affect the psychological development of the child. One of them is the family wealth. The aim of the study was to compare the functions of the front parts of the brain of preschoolers brought up in the families with different wealth levels. The functions of the front parts of the brain are connected with the third block of the brain which is the block of programming, regulation and control, as well as that of the serial organization of movements. The methods of neuropsychological examination developed by A. R. Luriya and provided with a quantitative assessment of the group of authors headed by T. V. Ahutina were used in this research. In the empirical study we examined the difference between the functions of the front parts of the brain of preschoolers brought up in the families with high, medium and low wealth level. The results indicate the differences in the maturity degree of the functions of the front parts of the brain of the children brought up in the families with different wealth levels. Namely, the influence of the family wealth on the development of the functions of the front parts of the brain is linear: the higher the family wealth is, the better the performance of the functions of the front parts of the brain of preschoolers is.

Ключевые слова: социально-экономический статус; материальный уровень семьи; функции передних отделов мозга; функции программирования, регуляции и контроля; серийная организация движений; нейропсихологические пробы.

Keywords: socio-economic status; family wealth; functions of the front parts of the brain; programming functions of regulation and control; serial organization of movements; neuropsychological tests.

Семья для ребенка это микромодель общества и она оказывается важнейшим фактором в выработке системы социальных установок, формировании жизненных планов, направленности личности, а так же в развитии интеллектуальных способностей и когнитивных функций. Общественные правила впервые осознаются в семье, культурные ценности общества потребляются через семью, познание других людей начинается с семьи. Влияние семейной среды на развитие ребенка является многофакторным. Различные переменные в их сложных взаимосвязях и взаимосвя-

зисимостях оказывают определенное воздействие на его психическое развитие в течении жизни [3].

Изменение социальной ситуации при развитии общества требует учета новых семейных факторов, влияющих на психологическое развитие ребенка. Одним из них является социально-экономический статус – понятие, используемое для описания экономических и социальных условий жизни семьи.

В работах многих авторов [10; 12; 13; 15], социально-экономический уровень семьи получил статус предиктора психологического развития ребенка. Одним из подробно изученных фактов является связь

между социально-экономическим статусом семьи и интеллектуальным развитием детей. По мере появления данных о зависимости интеллекта от разнообразных условий жизни человека делались попытки установить причинно-следственные связи между различными социально-экономическими параметрами, выяснить, какие из них являются наиболее существенными для формирования интеллекта. Одним из таких параметров является уровень материального благосостояния семьи.

Выделяются конкретные механизмы влияния материального благосостояния семьи на когнитивное развитие детей. Экспериментальные данные многих авторов разбивают подобные исследования на два класса: исследования влияния обогащенной среды и обедненной среды [2]. Однако результаты этих исследований часто противоречивы. С одной стороны, некоторые эмпирические данные подтверждают более сильное влияние уровня дохода семьи в сравнении с влиянием уровня образования родителей и их профессионального статуса на учебные достижения ребенка. А, с другой стороны, высокий уровень доходов сам по себе не гарантирует успех ребенка в обучении [9], является косвенным условием успешности развития и может помочь реализовать заложенный в нем биологический потенциал.

Так, А. Рис, Ф. Палмер [7; 8] установили, что изменения IQ между 6 и 12 годами значимо связаны с материальным статусом семьи. Высокий материальный статус родителей воздействует на интеллектуальное развитие ребенка через создание обогащенной среды, привитие ценности знаний и образования, предоставляемых для развития возможностей.

Низкий материальный статус семьи, напротив, отрицательно сказывается на развитии ребенка. Причем, чем дольше ребенок находится в социокультурно обедненной среде, тем ниже будут его когнитивные способности [2] и, как было установлено, если дети росли у родителей, которые постоянно стимулировали их психику, давая им возможность общаться с разными людьми, манипулировать с новыми предметами и осваивать новые навыки, то они развивались гармонично.

Если родители с высоким материальным статусом в силу различных социокультурных обстоятельств не справляются с развивающей, контролирующей и воспитательной функциями, они начинают «перекладывать» свои обязанности на такие социальные институты, как школа, система дополнительного образования, кружки, секции и т. д. Если организация в целом или конкретные педагоги и воспитатели идут навстречу этим запросам, то более пристальное внимание к детям (своеобразное «квазиродительство») может компенсировать недостаток родительского внимания и некомпетентности в вопросах воспитания [10].

Отечественными учеными так же была установлена связь между материальным благосостоянием семьи и речевым развитием ребенка [5; 10]. Анализ полученных результатов указывает на то, что с ухудшением социально-экономического статуса семьи наблюдается прямо пропорциональное ухудшение уровня речевого развития детей в области морфоло-

гии и работы с целостным текстом в младшем школьном возрасте.

Таким образом, социально-экономический уровень родителей обуславливает развитие ребенка на длительном отрезке онтогенеза: родители с высоким материальным статусом имеют дополнительные возможности создания обогащенной среды для интеллектуального, когнитивного и речевого развития своих детей.

Несмотря на встречающиеся подобные исследования в психологии индивидуальных различий, в нейропсихологии детского возраста таких исследований не представлено. Именно нейропсихологический подход, по нашему мнению, является чрезвычайно продуктивным для сравнения состояния высших психических функций у детей дошкольного возраста, воспитывающихся в семьях с разным материальным уровнем благосостояния.

Поэтому целью нашего исследования является сравнительный анализ состояния функций передних отделов головного мозга у дошкольников, воспитывающихся в семьях с разным уровнем материального дохода.

Функции передних отделов головного мозга в соответствии с теорией А. Р. Лурия о трех функциональных блоках мозга, связаны с третьим блоком мозга. Третий блок – это блок программирования, регуляции и контроля, а так же серийной организации движений. Здесь главную роль играют лобные отделы мозга. Роль второго плана, более элементарную, однако необычайно важную, незаменимую с точки зрения генезиса указанных функций – премоторные, а ведущую – префронтальные отделы. Это уровень произвольной саморегуляции, самостоятельного, активного программирования человеком протекания любого психического процесса и своего поведения в целом [6]. Очевидно, что способность и возможность произвольной саморегуляции, формируются у человека по мере взросления и инвариантно зависят от окружающей среды.

Для выявления состояния функций передних отделов головного мозга нами было проведено исследование, в котором принимали участие 180 детей, в возрасте от 6 – 7 лет, 46 детей из семей с высоким уровнем дохода (более двух прожиточных минимумов на одного члена семьи), 64 ребенка из семей со средним уровнем дохода (от одного до двух прожиточных минимумов на одного члена семьи) и 70 детей из семей с низким уровнем дохода (менее одного прожиточного минимума на одного члена семьи).

Для выявления особенностей состояния III блока мозга были использованы методы нейропсихологической диагностики, разработанные А. Р. Лурия и снабженные количественной оценкой коллективом авторов во главе с Т. В. Ахутиной [1; 11]. Статистическая обработка данных осуществлялась на основе пакета программ SPSS for Windows с использованием описательной статистики и однофакторного дисперсионного анализа ANOVA.

В целях обобщенного анализа полученных данных нами была использована специальная процедура вычисления нейропсихологических индексов. Индексы представляют собой комплексные величины, кото-

рые в совокупности более надежны, чем в отдельности. Система подсчета индексов помогает в исследовании конкретных высших психических функций и представляет собой значения, в которые входят параметры, отвечающие за конкретный фактор.

Результаты представлены в таблице 1. Полученные нами индексы дают возможность сравнить функции передних отделов мозга детей дошкольного возраста в зависимости от материального уровня семьи.

В результате мы видим: показатели функций произвольной регуляции поведения и серийной организации движений у дошкольников, воспитывающихся в

семьях с высоким уровнем дохода выше, чем у детей из семей со средним и низким уровнем дохода.

Проанализируем состояние функций программирования и контроля произвольных форм деятельности. Это можно сделать, рассмотрев показатели реакции выбора, свободных ассоциаций, некоторых аспектов пересказа текста, а также ритмов по инструкции.

Различия в характеристиках программирования и контроля у детей, воспитывающихся в семьях с разным уровнем материального дохода, проявляются во всех нейропсихологических пробах на изучение данной функции (таблица 2).

Таблица 1

Средние показатели индексов передних функций

<i>Значения индексов</i>	<i>Высокий 1 гр</i>	<i>Средний 2 гр</i>	<i>Низкий 3 гр</i>	<i>Уровень различий 1 и 2 гр</i>	<i>Уровень различий 1 и 3 гр</i>	<i>Уровень различий 2 и 3 гр</i>
Программирования и контроля	0,57	0,09	-0,46	0,008*	0,000**	0,001**
Серийной организации движений	0,33	0,07	-0,28		0,001**	0,037*

Примечания: * различия на уровне $p < 0,05$; ** различия на уровне $p < 0,001$; символом «~» обозначена тенденция.

Таблица 2

Среднегрупповые показатели функций программирования и контроля

<i>Показатели</i>	<i>Высокий 1 гр</i>	<i>Средний 2 гр</i>	<i>Низкий 3 гр</i>	<i>Уровень различий 1 и 2 гр</i>	<i>Уровень различий 1 и 3 гр</i>	<i>Уровень различий 2 и 3 гр</i>
Реакция выбора: правильность выполнения	2,54	2,32	1,67		0,000**	0,002**
Смысловая адекватность пересказа	2,92	2,58	1,85		0,000**	0,004**
Программирование текста	2,52	1,95	1,61	0,001**	0,000**	0,05*
Свободные ассоциации	3,00	2,59	2,60	0,04*	0,04*	
Ритмы по инструкции	3,08	2,60	2,00	0,019*	0,001**	

Примечания: * различия на уровне $p < 0,05$; ** различия на уровне $p < 0,001$; символом «~» обозначена тенденция.

Все перечисленные в таблице показатели ниже на статистически значимом уровне у детей, чьи родители имеют низкий материальный уровень. Наиболее успешны показатели у детей из семей с высоким материальным уровнем.

Проведем сравнительный анализ показателей функций программирования и контроля по каждой отдельной нейропсихологической пробе. Наиболее информативной, является проба на реакцию выбора. Проба направлена на исследование условных двигательных реакций, на анализ возможности следования речевой инструкции, умения оттормаживать более простые, непосредственные реакции, выделять и удерживать их сигнальное значение. Незначительное число ошибок в следовании программе указывает на то, что программа усвоена достаточно прочно и ребенок следует ей (таблица 3).

Больше половины детей (52,2 %) воспитывающихся в семьях с высоким материальным уровнем легко усваивали инструкцию и выполняли пробу без ошибок. Несколько детей в начале выполнения пробы допускали ошибочное поднятие руки, которое тут же ими замечалось и исправлялось. Иногда можно было отметить лишь легкую тенденцию к неправильному движению, которая немедленно подавлялась самим ребенком. Достаточно высокий процент детей (28,3 %) данной группы выполняли пробу с 1 – 2 ошибками без самокоррекции. Часть детей замечала свои ошибки, но продолжала выполнять программу без исправления ошибок.

Таблица 3

Распределение испытуемых в зависимости от степени успешности выполнения пробы на реакцию выбора (кол-во испытуемых, имеющих соответствующий балл в %)

Балл*	Реакция выбора: правильность выполнения		
	высокий	средний	низкий
4	26,1	21,9	12,9
3	26,1	20,3	7,1
2	28,3	32,8	25,7
1	15,2	18,8	42,9
0	4,3	6,3	11,4

Примечания: * балл:

- 4 – безошибочное выполнение;
- 3 – одна ошибка с самокоррекцией;
- 2 – 1 – 2 ошибки без коррекции;
- 1 – постоянные сбои;
- 0 – инертный стереотип.

Дошкольники из семей со средним уровнем достатка близки по показателям успешности выполнения программы к дошкольникам из семей с высоким материальным уровнем. Так, почти 42 % детей выполняли программу безошибочно или допускали одну ошибку с самокоррекцией. А 32 % дошкольников допускали от 1 до 2 ошибок, без исправления.

Что касается детей из семей низкого материального уровня, то они имеют значимые различия с детьми первых двух групп, в показателях успешности выполнения пробы. А именно более 50 % дошкольников выполняли программу с постоянными ошибками или демонстрировали инертный стереотип воспроизведения. Чаще всего дети из данной группы правильно поднимали на один стук правую руку, а на два стука – левую, пока порядок сигналов был постоянным. Но как только порядок предъявления сигналов менялся, ребенок продолжал поднимать руки попеременно. Регулировать свои действия в соответствии с инструкцией для дошкольников из семей низкого материального достатка оказалось весьма трудной задачей.

Проанализируем характеристики устной речи, касающиеся рассматриваемой функции (таблица 4).

Таблица 4

Распределение испытуемых в зависимости от степени успешности пересказа текста (%)

Балл*	Смысловая адекватность пересказа			Программирование пересказа		
	высокий 1 гр	средний 2 гр	низкий 3 гр	высокий 1 гр	средний 2 гр	низкий 3 гр
3	69,6	48,4	25,7	58,7	32,8	18,6
2	21,7	29,7	42,9	37	35,9	32,9
1	2,2	4,7	11,4	2,2	25	40
0	6,5	17,2	20	2,2	6,3	8,6

Примечания: *Балл: пересказ текста:

смысловое соответствие: 3 – правильный и самостоятельный пересказ;

2 – неточное описание ситуации с правильными ответами на вопросы;

1 – правильное понимание смысла с буквальным пониманием смысла;

0 – искажение ситуации при пересказе, неадекватное толкование даже в условиях помощи;

программирование: 3 – пересказ содержит все основные смысловые звенья в правильной последовательности, между ними имеются связи, нет трудностей переключения;

2 – пропуск отдельных смысловых звеньев;

1 – фрагментарность текста, тенденция к перечислению деталей и событий; неоднократные необоснованные повторы слов и грамматических конструкций (стереотипность оформления), необходимость наводящих вопросов, или сочетание нескольких ошибок из предыдущего пункта;

0 – невозможность построения связного текста даже в условиях помощи.

Правильный и самостоятельный пересказ, верное понимание смысла происходящего показали 69,6 % детей из семей с высоким материальным уровнем, 48,4 % дошкольников, чьи родители имеют средний уровень дохода и только 25,7 % детей из семей низкого материального уровня.

При этом большинство детей (42,9 %) из семей с низким материальным доходом, описывают ситуацию не точно, но с правильными ответами на вопросы, указывающие на понимание скрытого смысла, или правильное и полное описание ситуации с пониманием смысла после уточняющих вопросов. 20 % данной

категории детей искажают ситуацию или неадекватно дают толкование смысла, даже с помощью уточняющих вопросов.

Возможности программирования текста у детей из семей с разным материальным уровнем, так же различаются (таблица 4).

Более половины детей из семей с высоким материальным уровнем не имеют трудностей в построении текста. Пересказ содержит все основные смысловые звенья в правильной последовательности. У 37 % детей данной группы отсутствуют в тексте связующие звенья или наблюдается пропуск отдельных

смысловых звеньев. У детей из семей со средним и низким уровнем дохода также встречаются подобные трудности в программировании текста (35,9 и 32,9 %). Однако у 40 % детей, чьи родители имеют низкое материальное положение, наблюдаются более сложные проблемы в построении текста, такие как фрагментарность текста, тенденция к перечислению деталей и событий, неоднократные необоснованные повторы слов и грамматических конструкций (стереотипность оформления), необходимость наводящих вопросов.

Таким образом, наиболее успешное смысловое программирование и построение высказывания демонстрируют дети из семей с высоким материальным уровнем, чуть ниже эти показатели у детей из семей со средним материальным уровнем и значительно хуже эти возможности у детей из семей низкого материального достатка. Что подтверждает результаты многочисленных исследований: социально-экономический уровень родителей обуславливает речевое развитие ребенка на длительном отрезке онтогенеза. Родители с высоким и средним социально-экономическим статусом имеют дополнительные возможности для создания обогащенной речевой среды, тем самым способствуют их развитию [10].

С помощью свободного ассоциативного эксперимента изучалась способность активной актуализации слов, возможность переключения с одного слова на другое (таблица 5).

Таблица 5

Распределение испытуемых в зависимости от продуктивности выполнения пробы на свободные ассоциации (кол-во испытуемых, имеющих соответствующий балл в %)

Балл*	Свободные ассоциации: продуктивность		
	высокий	средний	низкий
4	26,9	10,8	17
3	46,2	40,5	31,9
2	26,9	45,9	44,7
1	-	2,7	6,4
0	-	-	-

Примечания: * балл:

4б – 17,5 слов и более;

3б – 17 – 11,5 слов; 2б – 11 – 5 слов;

1б – 4,5 – 0,5 слов;

0б – 0 слов.

Степень развития произвольности речи различна у детей из семей с высоким уровнем дохода, в сравнении с детьми, чьи родители имеют средний и низкий достаток. А именно, – актуализация свободных ассоциаций продуктивнее у детей воспитывающихся родителями с высоким уровнем дохода. Так 26,9 % дошкольников данной группы демонстрировали высокую способность к актуализации свободных ассоциаций от 17,5 до 27 слов.

Наиболее характерная продуктивность для большинства дошкольников (46,2 %) из семей с высоким

уровнем дохода, составляет диапазон от 17 до 11,5 слов в минуту. А вот для дошкольников из семей среднего и низкого уровня достатка наиболее характерной (45,9 и 44,7 %) является продуктивность от 5 до 11 слов. В целом анализ результатов позволяет говорить, что у детей дошкольного возраста произвольная функция речи только начинает свое формирование. Как известно, произвольность формируется в ходе развития и обучения ребенка постепенно. А. Р. Лурия вслед за своим учителем Л. С. Выготским, изучая развитие произвольности речи, писал, что «...первый большой период в развитии ребенка характеризуется тем, что, активно употребляя грамматическую речь и обозначая словами соответствующие предметы и действия, ребенок еще не может сделать слово и словесные отношения предметом своего сознания» [4, с. 87 – 88]. Только в процессе обучения развиваются осознанное отношение ребенка к слову и способность к произвольному речевому действию.

Еще одной информативной пробой на исследование произвольной регуляции деятельности, является проба на выполнение ритмов по речевой инструкции. Проба предполагает исследование целенаправленной деятельности ребенка, программированной речевой инструкцией, способности произвольного выполнения необходимого количества постукивающих движений разной силы.

Таблица 6

Распределение испытуемых в зависимости от продуктивности выполнения пробы на выполнение ритмов по инструкции (кол-во испытуемых, имеющих соответствующий балл в %)

Балл*	Ритмы по инструкции: продуктивность		
	высокий	средний	низкий
4	39,1	23,4	18,6
3	41,3	34,4	27,1
2	10,9	21,9	35,7
1	6,5	18,8	12,9
0	2,2	1,6	5,7

Примечания: * балл:

4б – 4 – правильно выполненные пробы;

более 3б – 3 – правильно выполненные пробы;

2б – 2 – правильно выполненные пробы;

1б – 1 – правильно выполненная проба;

0б – 0 – нет правильно выполненных проб.

У большинства детей, воспитывающихся родителями высокого материального достатка, наблюдается высокая продуктивность в выполнении ритмов по речевой инструкции (таблица 6). Почти 40 % дошкольников правильно выполняли все четыре задания и 41 % испытуемых данной группы допускали одну ошибку. Дети из семей низкого материального уровня только в 18,6 % случаев справлялись со всеми четырьмя заданиями. Больше половины детей, чьи ро-

дители имеют низкий материальный доход, выполняли правильно две или менее речевые инструкции.

Наибольшие трудности у данных дошкольников возникали в заданиях, где требовалось не только соблюдать число ударов, но и выполнять их с определенной громкостью – постучать «1 громко и 2 тихо» и «3 тихо и 1 громко». Так как в программу выполнения вводилось одновременно два параметра: число ударов и их громкость, требующих одновременного учета в удержании программы, то выполнение пробы усложнялась.

Дети из семей со средним уровнем дохода занимают промежуточное положение в способности произвольного выполнения действия по речевой инструкции. Так дети из семей с высоким уровнем дохода в среднем выполняют 3 пробы, дети из семей низкого материального уровня 2 пробы, а дети из семей среднего материального достатка 2,6 пробы (таблица 2).

Таким образом, анализ полученных результатов указывает на то, что с ухудшением материального статуса семьи наблюдается прямо пропорциональное ухудшение функций программирования и контроля произвольных форм деятельности дошкольников.

Необычайно важным, незаменимым с точки зрения генезиса указанных функций, является кинетический (эфферентный) праксис. Характеризуя кинетиче-

ский фактор, подчеркивается, что в нем содержится два основных компонента: смена звеньев процесса (развертывание во времени) и плавность ("мелодичность") перехода от одного звена к другому, предполагающая своевременное отторгивание предшествующего элемента, незаметность перехода и отсутствие перерывов.

Очевидно, что способность и возможность серийной организации движений, формируются у человека по мере взросления и инвариантно зависят от окружающей среды.

Основываясь на особенностях выполнения проб на динамический праксис, рассмотрим в сравнительном анализе особенности функций серийной организации движений у дошкольников из семей с разным материальным уровнем.

Как видно, у дошкольников из семей разного уровня благосостояния, серийная организация движений имеет свои различия. Это отчетливо видно по характеру выполнения пробы на динамический праксис (таблица 7).

Проба направлена на исследование возможности усвоения двигательной программы и сформированность кинетических механизмов серийной (сукцессивной) организации движений.

Таблица 7

Среднегрупповые показатели состояния функции серийной организации движений

<i>Показатели</i>	<i>Высокий 1 гр</i>	<i>Средний 2 гр</i>	<i>Низкий 3 гр</i>	<i>Уровень различий 1 и 2 гр</i>	<i>Уровень различий 1 и 3 гр</i>	<i>Уровень различий 2 и 3 гр</i>
Динамический праксис: автоматизированность выполнения 1 программы	2,84	2,34	2,14	0,04*	0,005*	
Динамический праксис: серийная организация 1 программа	2,63	2,54	2,01		0,004*	0,007*
Динамический праксис: автоматизированность выполнения 2 программы	2,93	2,70	2,24		0,004*	
Динамический праксис: серийная организация 2 программа	2,87	2,62	2,38		0,02*	

Примечания: * различия на уровне $p < 0,05$; ** различия на уровне $p < 0,001$; символом «~» обозначена тенденция.

Способность к автоматизации двигательного навыка у детей из семей с высоким уровнем дохода значительно лучше, чем у детей, воспитывающихся родителями низкого уровня достатка. Так 41,3 % дошкольников из семей, высокого уровня дохода, выполняли движения плавно и автоматизировано с самого начала, 26 % достигали плавности и автоматизации после некоторого периода вработываемости. Что касается детей из семей с низким уровнем дохода, то только 13 % детей могли выполнять плавно, и автоматизировано пробу с самого начала. Остальные дети имели разнообразные трудности в выполнении программы. Так почти 40 % испытуемых данной группы выполняли элементы двигательной программы «пачками» или переходили к плавному выполнению, только после поэлементного. И почти 15 % дошкольников данной группы выполняли движения поэлементно и не автоматизировано с частыми сбоями при увеличении тем-

па работы. Характер выполнения этой пробы у детей, чьи родители имеют средний уровень дохода, варьирует в большинстве случаев (56,3 %) от выполнения отдельными сериями – «пачками» до плавной смены элементов программы. Подобные результаты мы видим и при выполнении второй двигательной программы.

Показатели серийной организации, зависящие от ошибок выполнения двигательной программы, у детей трех сравниваемых групп имеют так же свои особенности (таблица 8). Основная масса детей дошкольного возраста допускает ошибки разной степени грубости. У больше половины детей (54 % и 54,7 %) из семей с высоким и средним уровнем достатка, не возникают ошибок вовсе или возникают единичные ошибки в последовательности движений. Ребенок может начать серию движений не с ладони, а с кулака. Основная масса детей, из семей с низким уровнем

дохода делают большое количество ошибок в основном грубых. У 68 % дошкольников возникали постоянные сбои в движениях. В ряде случаев программа заменялась хаотичным порядком элементов. Помимо изменения порядка движений часть детей упрощали

последовательность движений до двух элементов – ЛР или КР. Так же наиболее встречаемой ошибкой являлось расширение двигательной программы и персеверации.

Таблица 8

Распределение испытуемых в зависимости от успешности выполнения пробы на динамический праксис (кол-во тестируемых в %, имеющих соответствующий балл)

Баллы	Динамический праксис: автоматизированность 1 программа			Динамический праксис: серийная организация 1 программа			Динамический праксис: автоматизированность 2 программа			Динамический праксис: серийная организация 2 программа		
	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий	высокий	средний	низкий
4	41,3	21,9	12,9	37	25	7,1	43,5	28,1	20	34,8	25	17,1
3	26,1	34,4	37,1	17,4	29,7	24,3	26,1	39,1	31,4	34,8	25	35,7
2	13	12,5	15,7	21,7	20,3	34,3	13	15,6	11,4	17,4	39,1	20
1	15,2	18,8	20	19,6	25	31,4	15,2	9,4	27,1	8,7	9,4	22,9
0	4,3	12,5	14,3	4,3	-	2,9	2,2	7,8	10	4,3	1,6	4,3

*Примечания: *Баллы за выполнение (автоматизированность):*

- 4 – плавное выполнение;
- 3 – от замедленного выполнения или выполнение «пачками» к плавному;
- 2 – переход от поэлементного выполнения к плавному;
- 1 – выполнение «пачками»;
- 0 – поэлементное неавтоматизированное выполнение или сбои при увеличении темпа.

Баллы за серийную организацию:

- 4 – безошибочное выполнение;
- 3 – единичные сбои;
- 2 – более частые сбои, единичные персеверации, инертное повторение ошибок с самокоррекцией;
- 1 – эпизодическое расширение или сужение программы;
- 0 – наличие инертного стереотипа в выполнении.

Представленные результаты оценок за выполнение проб позволяют говорить, что выделенные параметры действительно обнаруживают различия в развитии серийной организации движений – важного компонента в формировании психических процессов, у детей из семей разного материального дохода. Наиболее успешны эти показатели у детей из семей с высоким и средним материальным уровнем, и значительно хуже эти показатели у детей из семей низкого материального достатка.

Таким образом, качественный анализ проб, направленных на исследование функций программирования, контроля и серийной организации движений, так и их статистическая обработка позволяют говорить об адекватности нейропсихологических методов задачам оценки развития высших психических функций у дошкольников.

Кроме того, полученные результаты свидетельствуют о различиях в степени зрелости передних функций отделов головного мозга у детей, воспитывающихся в семьях с разным уровнем материального дохода, а именно:

1) влияние материального положения семьи на развитие функций передних отделов мозга носит линейный характер: чем выше материальный достаток

семьи, тем успешнее показатели функций программирования, контроля и серийной организации движений;

2) у детей из семей с низким материальным уровнем степень сформированности функций третьего блока мозга значительно ниже как в произвольной регуляции, так и в серийной организации движений, что проявляется:

- в затруднении следования речевой инструкции и умении отгормаживать непосредственные реакции;
- в недостатках смыслового программирования текста, выстраивания его основных смысловых звеньев в правильной последовательности;
- снижении способности к активной актуализации слов, возможности переключения с одного слова на другое;
- трудностях усвоения двигательной программы и плохой сформированности кинетических механизмов организации движений;

3) уровень сформированности функций третьего блока мозга у детей, воспитывающихся в семьях высокого материального достатка значительно выше по всем показателям, как в произвольной регуляции деятельности, так и в серийной организации движений;

4) показатели функций передних отделов головного мозга у детей из семей среднего уровня дохода

занимают промежуточное положение по отношению к показателям детей двух других групп.

Так, полученные нами результаты нейропсихологического обследования дошкольников, в зависимости от материального уровня семьи, согласуются с данными полученными учеными в университете Джорджтауна в области нейрофизиологии. Их исследование показало, что у дошкольников из бедных семей две важнейшие нейрокогнитивные функции – языковая и управляющая (которая отвечает за принятие ре-

шений и выбор, на какие стимулы реагировать) работают заметно хуже, чем у сверстников, принадлежащих к среднему классу. Исследователи протестировали и детей постарше, в начальной и средней школе. Разрыв в оценках деятельности этих систем сохранился. То есть у более бедных детей хуже развиты конкретные зоны мозга, «ответственные» за языковые навыки и умение действовать по ситуации, а именно префронтальные области коры и участки левого полушария вокруг латеральной борозды [14].

Литература

1. Ахутина Т. В., Пылаева Н. М. Преодоление трудностей обучения: нейропсихологический подход. СПб.: Питер, 2008. 320 с.
2. Глейтман Г., Фридлунд А., Райсберг Д. Основы психологии: учебное пособие. СПб.: Речь, 2001. 1068 с.
3. Лаврик О. В. Сравнительные исследования развития познавательной способности детей и родителей: дис. ... канд. психол. наук. М., 1997.
4. Лурия А. Р. Основы нейропсихологии: учебное пособие. М.: Академия, 2006.
5. Равич-Щербо И. В., Марютина Т. М., Григоренко Е. Л. Психогенетика: учебник / под ред. И. В. Равич-Щербо. М.: Аспект Пресс, 2000. 447 с.
6. Семенович А. В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте. М.: Академия, 2002.
7. Сермягина О. С. Эмоциональные отношения в семье (социально-психологическое исследование). Кишинев, 1991.
8. Сидоренко Е. Методы математической обработки в психологии СПб.: Речь, 2004. 350 с.
9. Синявская О. В. Основные факторы воспроизводства человеческого капитала // Экономическая социология. 2001. Т. 2. № 1. С. 43 – 87.
10. Чернов Д. Н. Взаимосвязь типа родительского отношения и речевого развития младших школьников в семьях с разным социоэкономическим статусом // Школа здоровья. 2011. № 1.
11. Фотекова Т. А. Стандартизированная (тестовая) процедура нейропсихологического обследования // Возрастные, половые и индивидуально-типологические особенности высших психических функций в норме: коллективная монография / под ред. Т. А. Фотековой. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 2007. С. 6 – 34.
12. Kreft I. G. Using multilevel analysis to assess school effectiveness: A study of Dutch secondary schools // Sociology of Education. 1993. V. 66. P. 104 – 129.
13. Parcel T. L., Dufur M. J. Capital at home and at school: Effects on student achievement // Social Forces. 2001. V. 79. P. 881 – 911.
14. Sheeva A. Poverty and the Developing Brain: Insights from Neuroimaging // Synesis: A Journal of Science, Technology, Ethics, and Policy 2013. Режим доступа: http://synesisjournal.com/vol4_g/Azma_2013_G40-46.pdf
15. Votruba-Drzal E. Economic Disparities in Middle Childhood Development: Does Income Matter? // Developmental Psychology. 2006. V. 42. P. 1154. Режим доступа: <http://www.childpsy.ru/>

Информация об авторе:

Платонова Марина Сергеевна – аспирант 3 курса по направлению «клиническая психология» Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, s.mariana@lit.ru.

Marina S. Platonova – post-graduate student at Katanov Khakass State University.

(Научный руководитель: **Фотекова Татьяна Анатольевна** – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, mpsi.khsu@gmail.com).

Tatiana A. Fotekova – Doctor of Psychology, Professor at the Department of Psychology, Katanov Khakass State University).

Статья поступила в редколлегию 23.12.2014 г.

ФИЗИКА

УДК 535 (075.8) + 539.1 (275.8)

ИЗУЧЕНИЕ КИНОФОРМНОЙ ЛИНЗЫ КАК ЗОННОЙ ПЛАСТИНКИ

Г. И. Зайцев, Г. И. Колесников

STUDY OF KINOFORM LENS AS A ZONE PLATE

G. I. Zaitsev, G. I. Kolesnikov

Описанная в статье лабораторная работа посвящена изучению в университетах одного из современных оптических элементов – дифракционной линзы. Приводится описание самой работы и методические указания к ее выполнению.

The described laboratory work is devoted to studying one of modern optical elements – diffractive lens – at universities. The description of the work and guidance for its implementation are provided.

Ключевые слова: зоны Френеля, зонная пластинка, киноформная линза, фокусное расстояние.

Keywords: Fresnel zone, zone plate, kinoform lens, focal length.

В настоящее время широкое распространение получили оптические элементы, работа которых основана на дифракции света. Этот класс дифракционных оптических элементов (ДОО) включает в себя дифракционные решетки для спектральных исследований, фокусаторы лазерного излучения, концентрирующие его в тонкие линии или в заданные области пространства, расщепители световых пучков и т. д. Благодаря уникальным фокусирующим и абберационным свойствам ДОО используются в головках для записи и считывания в оптических приводах CD и DVD-форматов, для построения объективов телескопов, микроскопов и фотокамер для видимого и ИК-диапазонов. ДОО применяются также в проекционной аппаратуре, прожекторах и автомобильных фарах.

Для ознакомления с принципом действия и устройством ДОО нами была разработана и поставлена на кафедре физики КузГТУ лабораторная работа [2] по изучению фазовой зонной пластинки (ЗП) с целью определения ее фокусного расстояния.

Во время подготовки к работе студенты знакомятся с принципом Гюйгенса – Френеля и способом разбиения волнового фронта световой волны на зоны Френеля, учатся выводить формулу для радиуса внешней границы m -й зоны, сравнивают действие амплитудной и фазовой ЗП. В практической части работы студенты измеряют фокусное расстояние ЗП двумя различными способами, строят положение нулевого фокуса и фокальных точек высшего порядка и рассчитывают размер первой зоны Френеля.

В методическом пособии к работе указана цель работы, конкретные номера параграфов в списке рекомендуемой литературы и что нужно освоить в результате проработки учебного материала. Контрольные вопросы приведены не в конце методички, как это обычно делается, а в ее начале, чтобы студенты заранее знали, что от них требуется при выполнении работы. Там же изложена теория амплитудной и фазовой ЗП и пластинки с параболическим профилем толщины зон под названием киноформной линзы (КЛ). Затем описан порядок проведения эксперимента для определения фокусного расстояния. Так как у студен-

тов часто возникают проблемы с написанием заключительного вывода, то в описании работы даны рекомендации как его сделать так, чтобы он отражал физическое содержание проведенного опыта.

ЗП по своему действию подобна линзе (точнее говоря, сразу нескольким линзам, «вложенным» в одну апертуру). Если направить на ЗП монохроматический свет с длиной волны λ от точечного источника, находящегося на расстоянии a от пластинки, то на экране, расположенном на расстоянии b , будет наблюдаться ярко освещенная точка – изображение источника. Это объясняется тем, что вторичные световые волны от соседних прозрачных зон Френеля придут в данное место с разностью хода в λ и усилят друг друга. Относительное расположение ЗП, источника и его изображения связаны с радиусами зон Френеля r_m и их номерами $m = 1, 2, 3, \dots$ формулой:

$$r_m = \sqrt{\frac{ab}{a+b}} m \lambda. \quad (1)$$

Ее нетрудно преобразовать к виду:

$$\frac{1}{a} + \frac{1}{b} = \frac{1}{F}, \quad (2)$$

где

$$F = \frac{r_m^2}{m \lambda}. \quad (3)$$

Формула (2) аналогична формуле тонкой линзы, и величину F можно считать фокусным расстоянием, а саму ЗП – дифракционной линзой. Характерной особенностью ЗП по сравнению с линзой является то, что фокусное расстояние F сильно зависит от длины волны (хроматизм). Фокусирующее действие ЗП будет наблюдаться и тогда, когда разность хода между лучами из прозрачных зон равна $3\lambda, 5\lambda, \dots$, т. е. в каждом светлом кольце будет по 3, 5 и т. д. зон Френеля. Следовательно, для каждого монохроматического света ЗП имеет несколько фокусов. Это аналогично су-

существованию максимумов различных порядков у дифракционных решеток. Правда, интенсивность света в фокусах высшего порядка сильно убывает с ростом номера порядка фокуса.

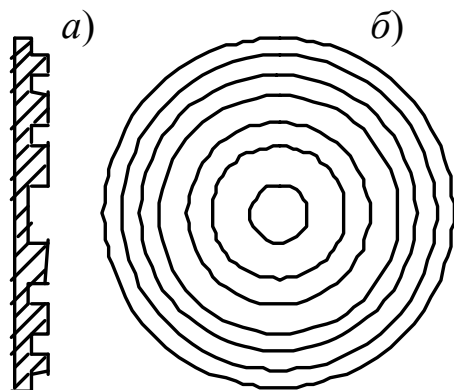

Рис. 1. Фазовая зонная пластинка: вид сбоку (а), вид спереди (б)

ЗП можно усовершенствовать, заставив «работать в фазе» четные и нечетные зоны Френеля.

Для этого нужно каким-либо образом ввести для каждой четной зоны дополнительный фазовый набег, равный π . Можно изготовить профилированную (фазовую) ЗП, имеющую разную толщину четных и нечетных колец (рис. 1). В этом случае яркость изображения увеличится примерно в 4 раза. Еще лучше изготавливать ЗП, у которых фаза выходящей световой волны в пределах каждой зоны изменяется плавно [1, 3, 5]. Тогда устраняются вторичные фокусы и, как следствие этого, существенно повышается яркость в основном фокусе. Этой цели удовлетворяет ЗП с криволинейным (параболическим) профилем толщины зон, показанная на рис. 2. Такая ЗП, называемая киноформной линзой (КЛ), собирает весь падающий на нее свет в точку (точнее, в малой окрестности этой точки).

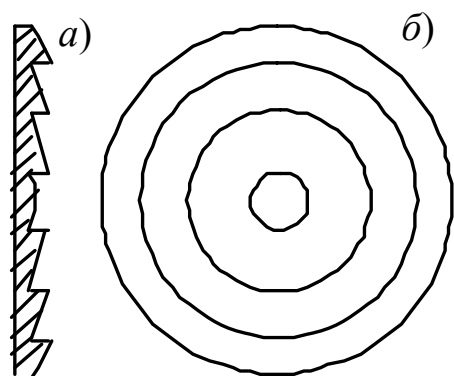

Рис. 2. Фазовая зонная пластинка с криволинейным профилем (киноформная линза): вид сбоку (а), вид спереди (б)

В работе используется киноформная линза, выштампованная из органического стекла так, что фазовый профиль ее зон близок к параболическому. Установка для исследования КЛ включает в себя светодиод

в качестве источника монохроматического света, КЛ на подставке (рейтере) и экран, на котором наблюдают изображение светящегося светодиода. Измерения выполняются на оптической скамье, вдоль которой могут перемещаться рейтеры с киноформной линзой, экраном и светодиодом. Расстояния между деталями оптической системы измеряют с помощью рулетки. Наводка изображения на резкость производится на глаз. Чтобы уменьшить роль возникающих при этом неточностей, измерения в каждом случае рекомендуется выполнять несколько раз, а результаты – усреднять.

Фокусное расстояние КЛ можно определять различными способами [4]. 1. F определяют, исходя из формулы (2). Для этого нужно измерить расстояния a от светодиода до КЛ и b от КЛ до его изображения на экране.

При измерениях на одном конце оптической скамьи устанавливают рейтер со светодиодом, на другом – рейтер с экраном. Перемещая КЛ вдоль скамьи, получают на экране четкое изображение светодиода, и с помощью рулетки отсчитывают расстояния a и b . Затем изменяют расстояние между светодиодом и экраном и вновь повторяют измерения. Рекомендуется три измерения выполнить при увеличенном и три – при уменьшенном изображении. По результатам измерений вычисляют фокусное расстояние F , его среднее значение и погрешности.

Студентам предлагается проверить совместимость полученных результатов. Для этого нужно построить график, по осям которого отложить значения $1/a$ и $1/b$. Если результаты опыта описываются формулой (2), то все точки должны лечь на прямую, отсекающую на обеих осях отрезки, равные $1/F$. По графику тоже находится среднее значение фокусного расстояния.

2. Если расстояние между светодиодом и экраном превышает $4F$, то всегда найдутся два таких положения КЛ, при которых на экране получают отчетливые изображения светодиода: в одном случае (I) – увеличенное, в другом (II) – уменьшенное (рис. 3).

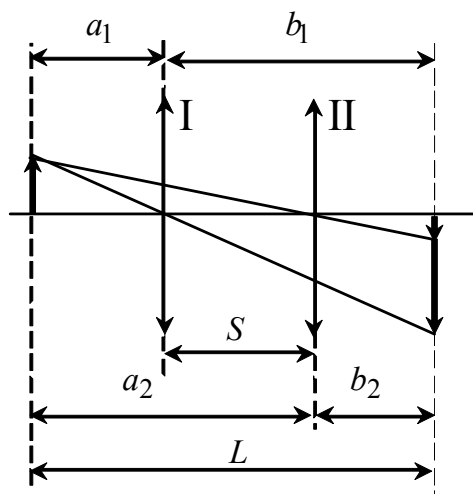

Рис. 3. Измерение фокусного расстояния киноформной линзы по методу «смещения»

Из соображений симметрии ясно, что $a_1 = b_2$ и $a_2 = b_1$. Обозначая расстояние между светодиодом и экраном через L , а расстояние между двумя положениями КЛ через S , получим $L = a_1 + b_1$ и $S = b_1 - b_2 = a_2 - a_1$. Отсюда

$$a_1 = \frac{L - S}{2} \quad \text{и} \quad b_1 = \frac{L + S}{2}. \quad (4)$$

Подставляя (4) в формулу (2), найдем после несложных преобразований:

$$F = \frac{L^2 - S^2}{4L}. \quad (5)$$

Таким образом, для определения фокусного расстояния достаточно измерить расстояние L между светодиодом и экраном и расстояние S между двумя положениями КЛ, при которых на экране получаются четкие изображения. Опыт проводится при трех расстояниях L . Найденное при усреднении результатов

фокусное расстояние следует сравнить с значением, полученным при измерениях первым способом.

Зная фокусное расстояние КЛ, можно по формуле (3) определить радиус ее первой зоны. Следует отметить [6], что для киноформной линзы радиус первой зоны в $\sqrt{2}$ раз больше, чем для зонной пластинки, поскольку разность хода от краев двух соседних зон здесь λ , а не $\lambda/2$ как для ЗП. С учетом этого формула (3) дает для радиуса первой ($m = 1$) зоны выражение:

$$r_1 = \sqrt{2F\lambda}. \quad (6)$$

При расчете по этой формуле нужно положить, что длина волны излучения светодиода равна $\lambda = 0,5$ мкм.

В выводе студентам предлагается обсудить совпадение или расхождение результатов измерения фокусного расстояния киноформной линзы разными способами и ответить на вопрос – какой способ точнее.

Литература

1. Ахманов С. А., Никитин С. Ю. Физическая оптика: учебник. М.: Изд. Моск. ун-та, 1998. 656 с.
2. Зайцев Г. И. Практикум по оптике и квантовой физике. Кемерово: КузГТУ, 2014. 148 с.
3. Ландсберг Г. С. Оптика: учеб. пособие для студентов физических специальностей вузов. 6-е изд., стереотип. М.: Физматлит, 2003. 848 с.
4. Трофимова Т. И. Курс физики: учебное пособие. М.: Академия, 2005. 560 с.
5. Шредер Г., Трайберг Х. Техническая оптика. М.: Техносфера, 2006. 422 с.

Информация об авторах:

Зайцев Геннадий Иванович – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры физики КузГТУ, geniz@kemcity.ru.

Gennady I. Zaitsev – Candidate of Physics and Mathematics, Assistant Professor at the Department of Physics, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Колесников Геннадий Иванович – кандидат физико-математических наук, профессор, советник при ректорате Кемеровского государственного сельскохозяйственного института, ksai@ksai.ru.

Gennady I. Kolesnikov – Candidate of Physics and Mathematics, Professor, Advisor to the Rector of Kemerovo State Agricultural Institute.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2015 г.

СПЕКТРАЛЬНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ДИФФУЗИИ ПРИМЕСНЫХ АТОМОВ В КРИОГЕННОЙ МАТРИЦЕ ИНЕРТНЫХ ГАЗОВ

Б. П. Невзоров, Е. В. Салтанова, Ю. А. Фадеев

SPECTRAL MANIFESTATIONS OF IMPURITY ATOMS DIFFUSION IN CRYOGENIC INERT GAS MATRICES

B. P. Nevzorov, E. V. Saltanova, Yu. A. Fadeev

В статье анализируются причины изменения колебательного спектра матрично-изолированного вещества. В работе показано, что одной из причин изменения спектра является заполнение вакансий в кристаллической решетке реального кристалла атомами примеси. Атомы примеси достраивают кристаллическую решетку инертного газа до псевдокристалла, что отражается в спектрах комбинационного рассеяния. Другой причиной изменения спектральных параметров полос примесей, наблюдаемых при отжиге аргоновой матрицы, вызваны её структурной перестройкой и активизацией диффузных процессов с образованием ассоциатов молекул примесей.

The paper analyzes the reasons for the change of the vibrational spectrum of matrix-isolated substances. It is shown that one of the reasons for the spectrum change is the filling of space in the real crystal lattice by impurity atoms. Impurity atoms complete the crystal lattice of inert gas to a pseudocrystal, which is reflected in the Raman spectra. Another reason for the spectral parameters change of the impurity bands observed upon annealing argon matrix is caused by its restructuring and activation of diffusion processes with the formation of molecules associate impurities.

Ключевые слова: молекулярный кластер, ИК-спектр, аргон, бензойная кислота, ацетонитрил, диффузия молекул примеси.

Keywords: molecular clusters, IR spectrum, argon, benzoic acid, acetonitrile, diffusion of impurity molecules.

Исследования молекулярной динамики в конденсированных средах проводят различными физико-химическими методами, в том числе и спектроскопическими [7]. Изучение ассоциаций молекул в различных средах предусматривает комплексный подход, поскольку одного применяемого метода недостаточно для получения полной информации. Время жизни надмолекулярных образований (от самых простых, например, димеров, до сложных в виде кластеров) зависит как от внешних условий, так и от специфических характеристик взаимодействующих молекул [6].

Изучение межмолекулярного взаимодействия в условиях низких температур при матричной криогенной изоляции имеет свои достоинства и недостатки. В первую очередь отмечается, что исследование ассоциаций можно проводить методами колебательной спектроскопии в широких диапазонах частот, так как матрица инертных газов достаточно прозрачна при проведении экспериментов. Во-вторых, концентрации исследуемых веществ можно варьировать в большом диапазоне. В-третьих, инертная среда препятствует протеканию химических реакций. В последнем случае необходимо отметить, что достаточно низкие температуры (40 – 10 К) замедляют процессы распада ассоциаций. В то же время исследование веществ в твердых криогенных растворах имеют свои особенности, учет которых необходим при интерпретации экспериментальных данных.

Спектроскопические исследования матрично-изолированных молекул встречаются трудности, связанные именно с интерпретацией экспериментальных данных. При переходе к низким температурам колебательные спектры претерпевают значительные изменения по сравнению со спектрами веществ при обычных условиях. Эти изменения получили название в литературе как «матричный эффект».

Целью данной работы является экспериментальное определение некоторых причин, приводящих к трансформации колебательного спектра матрично-изолированного вещества.

В частности, на наш взгляд, необходимо учитывать диффузию включений в кристалле инертных газов, которая отражается на интенсивности спектральных полос колебаний примеси. Существует несколько способов создания кристаллов инертных газов с внедренными атомами или молекулами. Один из них заключается в том, что применяется одновременное осаждение исследуемого вещества на охлажденную подложку с инертным газом. Замороженный твердый раствор удаётся получать в различных пропорциях от 1:100 до 1:1000 и ниже. Данный способ нашел свое обширное применение при изучении и консервации химически активных радикалов. Другой способ заключается в бомбардировке атомами или молекулами уже сформированного инертного кристалла. Но в этом случае внедрение примесных частиц приводит к нарушениям кристаллической структуры, причем более значительным, чем в первом случае.

В данной работе экспериментальные данные были получены на спектрометре Specord 75 IR с применением гелиевого криостата. Методика подобных экспериментальных исследований подробно описана одним из авторов в работе [5].

Для получения ИК-спектров исследуемых веществ использовался наливной гелиевый криостат. Регистрация спектров проводилась на модернизированном спектрометре SPECORD 75 IR. Для повышения отношения сигнал/шум запись спектров проводилась с накоплением сигнала. Для того чтобы исключить влияние паров воды и CO₂ при регистрации спектров, спектрометр помещался в герметический кожух и в течение всего эксперимента продувался сухим азотом. Образцы

получены одновременным напылением исследуемого вещества и матричного газа на охлажденную подложку CsI. При напылении образца температура оптической подложки поддерживалась в диапазоне от 10 до 16 К. Для предотвращения перегрева матрицы в луче спектрометра температура матрицы понижалась до 12 К. Концентрация вещества в матрице контролировалась с помощью микровесов с точностью до $\sim 3\%$. Необходимо отметить, что именно в этом диапазоне температур в напыленной пленке Ag происходит структурный переход от аморфного состояния к кристаллическому [1] (рис. 1).

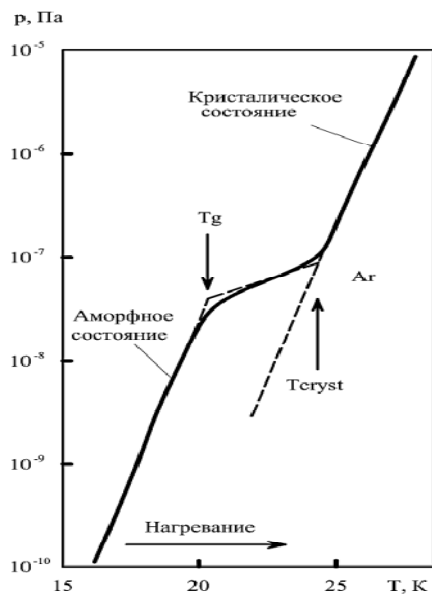

Рис. 1. Температурная зависимость для давления насыщенных паров над нагретой пленкой аморфного Ar ($T = 10$ K)

Особенность кристаллов инертных газов заключается в том, что при больших расстояниях между атомами потенциал их взаимодействия, обусловленный электронными энергиями, весьма мал. Применяемый потенциал согласно асимметрической теории

$$U = -\frac{C}{R^6} + BR^\alpha e^{-R/\beta} \quad (1)$$

указывает, что следует учитывать только парное взаимодействие между соседними атомами [4].

В работе [7] была произведена оценка энергии парного взаимодействия между полярными связями молекул бензойной кислоты и атомами аргона с помощью потенциала:

$$U(r) =$$

$$= -\frac{1}{2}(4\pi\epsilon_0)^{-2}\alpha^{(b)} \left\{ \mu^{(\alpha)^2} R^{-6} (3\cos^2 \theta_\alpha + 1) + \right. \\ \left. + 12\mu^{(\alpha)} \theta^{(\alpha)} R^{-7} \cos^3 \theta_\alpha + \dots \right\}, \quad (2)$$

где $\mu^{(\alpha)}$ – дипольный момент молекулы бензойной кислоты, $\alpha^{(b)}$ – поляризуемость атома аргона,

R – расстояние между центром диполя полярной связи и атомом аргона,

θ_α – угол между направлением R и осью диполя, $\theta^{(\alpha)}$ – квадрупольный момент молекулы α .

Полученные оценки для $U(r)$ составили около 1,5 кДж/моль. Если допустить, что взаимодействие происходит с несколькими ближайшими атомами аргона одновременно, то и в этом случае энергия будет составлять $\sim 10 \pm 15$ кДж/моль, что в несколько раз меньше энергии внутреннего вращения – COOH молекул бензойной кислоты. Согласно [7] барьер внутреннего вращения – COOH бензойной кислоты в аргоновой матрице составляет 40 кДж/моль.

Образование реальной кристаллической решетки сопряжено с тем, что в ней содержится разнообразные дефекты. Так согласно [4] концентрация вакансий в кристалле достаточно велика и может достигать 10^{-3} . Таким образом, если число атомов или молекул сопоставимо с числом вакансий, то можно предположить, что примеси, занимая вакансии, достраивают кристаллическую решетку инертного газа.

Выполненные в работе [5] спектроскопические исследования ацетонитрила в криогенной матрице аргона при концентрациях 1:1000 моль/моль указывают на наличие малых частот, несмотря на достаточно низкую концентрацию примесного вещества. Полученные экспериментальные результаты КР-спектра ацетонитрила в аргоновой матрице расходятся со спектром малых частот чистого кристаллического ацетонитрила как по интенсивности линий, так и по их частотам. Это свидетельствует о том, что наблюдаемый спектр относится к псевдокристаллу ацетонитрила в матрице.

Кроме того наблюдаются изменения спектральных параметров полос примесей при отжиге аргоновой матрицы.

В литературе отсутствует однозначное объяснение этих изменений. В результате отжига температура матрицы сначала повышается на 15 – 30 К, а за тем вновь охлаждается до первоначальной температуры 10 К. При отжиге матрицы происходит её структурная перестройка. Наблюдаемые спектральные изменения примесей объяснялись тем, что в результате кратковременного отжига в криогенной матрице снимались напряжения, и внедренный молекулярный кластер приходил в равновесное состояние. В этом диапазоне температур в напыленной пленке Ag происходит структурный переход от аморфного состояния к кристаллическому. Кроме того, образованию молекулярного кластера способствует происходящая диффузия молекул примеси внутри кристалла. Возникновение молекулярных кластеров в газовых кристаллах приводит к ликвидации метастабильного состояния самого кристалла матрицы.

Как известно, в кристаллическом состоянии инертные газы образуют гранецентрическую кристаллическую структуру [2]. Однако при кристаллизации Ag возможно образование как гранецентрической, так и гексагональной решетки. Гексагональная элементарная ячейка по своему объему превышает гранецентрическую и потому:

- во-первых, нанокластер в такой ячейке может состоять из большего числа молекул;
- во-вторых, каркас кристаллической ячейки будет оказывать на него меньшее деформирующее влияние.

Известно, что кристаллическая структура оказывает деформирующее воздействие на молекулы. Следует

отметить, что независимо от симметрии кристалла аргона молекула примеси, заполняя вакансию, непосредственно взаимодействует с одним и тем же числом атомов решетки, её окружает 12 атомов. Поэтому потенциал парного взаимодействия будет существенно зависеть только от межчастичного расстояния.

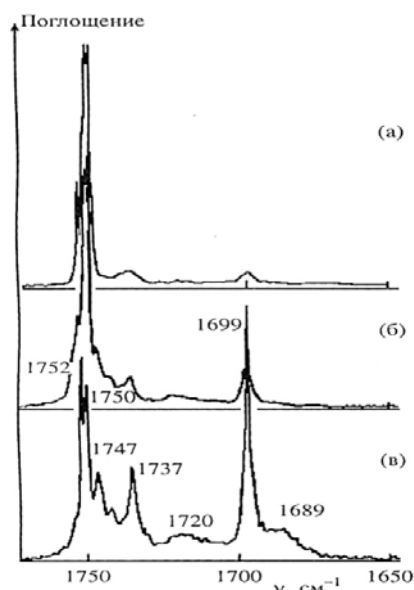

Рис. 2. Участок ИК-спектра бензойной кислоты в Ar матрице при различных концентрациях: а) $C = 1:750$ моль/моль, б) $C = 1:250$ моль/моль ($T = 10$ К), в) ИК-спектр матрицы после отжига, $C = 1:250$ моль/моль

Как видно из рис. 2, при отжиге матрицы в ИК-спектре бензойной кислоты в области валентных

колебаний карбонильной связи $1720 - 1760 \text{ см}^{-1}$ наблюдается усложнение мультиплетной структуры полос. В этой области спектра проявляются полосы валентных колебаний $\text{C}=\text{O}$, участвующих в межмолекулярной водородной связи. Можно предположить, что кратковременное нагревание матрицы аргона дает возможность молекулам бензойной кислоты перестроиться в ассоциате. Мономолекулярный открытый димер с одной водородной связью переходит в циклический димер при отжиге матрицы. Изучение кинетики межмолекулярной водородной связи в бензойной кислоте и её растворов в различных растворителях показало, что в активном растворителе уменьшается энергия активации процесса диссоциации комплекса. Можно предположить, что возникает процесс увеличения концентрации циклических centrosymmetric димеров при отжиге матрицы и этому процессу способствует процесс диффузии примесных молекул в кристаллическом аргоне.

Поэтому следует ожидать, что по мере нагревания матрицы на первоначальном этапе происходит диффузия молекул примеси с последующим образованием кластеров. Процесс диффузии облегчается тем, что при отжиге возможен процесс перестройки кристаллической решетки, который сопровождается увеличением числа краевых дислокаций и их перемещением. Скорость дислокаций составляет $\sim 1 \text{ нм/с}$ [3]. В этом случае происходит ускорение диффузных процессов.

Таким образом, отжиг матрицы способствует не только её перестройки, но и активации диффузных процессов с образованием ассоциатов молекул примесей.

Литература

1. Бери Р. С., Смирнов Б. М. Фазовые переходы и сопутствующие явления в простых системах связанных атомов // Успехи физических наук. 2005. Т. 175. № 4. С. 367 – 411.
2. Киттель Ч. Введение в физику твердого тела. М.: Наука. 1978. 789 с.
3. Крумликова Н. И., Невзоров Б. П., Фадеев Ю. А. Исследование механических свойств монокристаллических волокон на основе CsI // Вестник КемГУ. 2014. Вып. 1. Т. 1. С. 117 – 120.
4. Смирнов Б. М. Кристаллы инертных газов с примесями // УФН. 1978. Т. 125. Вып. 2. С. 331 – 349.
5. Фадеев Ю. А. Спектроскопическое изучение молекулярных комплексов ацетонитрила в жидкости и в твердых растворах // Вестник КузГТУ. 1999. № 3. С. 24 – 30.
6. Фадеев Ю. А., Прыкин А. Г. Электронно-колебательная структура молекул и кристаллов. Томск: Изд. ТГУ, 1999. 173 с.
7. Фадеев Ю. А., Сечкарев А. В. Исследование самоассоциаций карбоновых кислот в низкотемпературной аргонной матрице методом ИК спектроскопии // Оптический журнал. 2000. Т. 67. № 1. С. 29 – 34.

Информация об авторах:

Невзоров Борис Павлович – доктор педагогических наук, профессор кафедры генетики КемГУ, nevzorov@kemsu.ru.

Boris P. Nevzorov – Doctor of Pedagogics, Professor at the Department of Genetics, Kemerovo State University.

Салтанова Елена Владимировна – старший преподаватель кафедры медицинской и биологической физики и высшей математики КемГМА, elena.saltanova2011@yandex.ru.

Elena V. Saltanova – Senior Lecturer at the Department of Medical and Biological Physics and Higher Mathematics, Kemerovo State Medical Academy.

Фадеев Юрий Александрович – доктор физико-математических наук, профессор кафедры математики КузГТУ, 8(3842) 39-63-18.

Yuriy A. Fadeev – Doctor of Physics and Mathematics, Professor at the Department of Mathematics, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редколлегию 15.01.2015 г.

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81'33

РЕЧЕВОЙ ЖАНР СЕКСТИНГА В СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЕ ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ И ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ

Н. С. Бельская

SPEECH GENRE OF SEXTING IN FORENSIC LINGUISTICS ANALYSIS APPLICABLE TO SEX CRIMES INVESTIGATION

N. S. Belskaya

Подростковый секстинг (сексуальный разговор, переписка на сексуальные темы) находится в поле зрения правоохранительных органов как инструмент груминга – тактического подхода взрослого человека к несовершеннолетнему с целью подготовки к сексуальным отношениям и, в конечном итоге, к эксплуатации, который используется педофилами при поиске жертв и является одним из наиболее серьезных рисков для детей и подростков в интернете. В публикации обобщены методические результаты анализа речевого поведения пользователей социальной сети «ВКонтакте» в рамках судебной лингвистической экспертизы по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ. Эксплицирована структура речевого жанра секстинга с речевым актом «Побуждение к действиям сексуального характера» и коммуникативной стратегией доминирования в форме эмоционального давления и навязывания ценностей с целью воздействия на принятие решений другим человеком. Предложена экспертная методика по этой категории дел.

The paper describes sexting (sending, receiving and forwarding sexually explicit text messages or photos electronically) as a speech genre and an instrument of criminal offence known as “online grooming”. This is a special course of regular conduct enacted by a paedophile with the purpose of searching for his victims on the Internet. The author of the paper synthesized the methodical results of the forensic linguistic analysis of the social network users’ speech behaviour for describing the structure and peculiarities of sexting and the speech act of persuading a minor into engaging in unwanted sexual activity through domination strategy and emotional manipulation. Thus the methods of forensic linguistics in sex crimes investigation are offered.

Ключевые слова: речевой жанр, речевое поведение, интернет-груминг, секстинг, речевой акт «Побуждение к действиям сексуального характера», судебная лингвистическая экспертиза.

Keywords: speech genre, speech behavior, online grooming, sexting, speech act of persuading a minor into engaging in an unwanted sexual activity, forensic linguistics.

Слово «секстинг» (буквально «переписка сексуального характера» от англ. *Sexting*: комбинация слов «sex» – пол и «texting» – обмен текстом, написание текста, **текстовые сообщения**) не существовало до 2008 г., однако уже в 2009-м, согласно Новому Оксфордскому Американскому словарю, получило статус «слова года» как обозначение вида виртуального секса – процесса, во время которого онлайн коммуниканты соединяются вместе для **обмена электронными текстовыми сообщениями – «секстами» с вложением визуальных материалов (личных фотографий и видео) на сексуальную тему** при помощи технологий дистанционной связи и мгновенного месседжинга.

Национальный центр помощи пропавшим и эксплуатируемым детям США, где каждый третий подросток пересылает свои фото в обнаженном виде посредством мобильной связи или соцсетей, оценил явление секстинга, зафиксированное тогда же в Великобритании, Австралии, Канаде и Китае, как «неожиданную проблему, которая может привести к непредсказуемым последствиям национального масштаба» (*Teens caught «sexting» face porn charges* by W. Koch, USA Today, 3/11/2009 и др.). В странах, где производство, распространение и хранение изображений несо-

вершеннолетних в сексуальном контексте подпадает под определение детской порнографии, секстинг признан уголовным преступлением, однако уверенно получил у молодежи статус модной игры, развлечения и даже заслужил ироничное определение «воздушный поцелуй XXI века».

Прежде всего, это связывается с невероятной популярностью электронных коммуникационных устройств со встроенными камерами и возможностью передавать изображение. На 2010 г. 87 % американской молодежи имели смартфоны и иные устройства с выходом в интернет, порядка 89 % – профиль в социальных сетях [29, с. 2]. Большинство подростков указывало текстовые сообщения как доминирующий способ взаимодействия (до 100 в день), при этом из всех возможностей поддержания контактов наиболее интенсивным стало общение в соцсетях. Очевидно, что по мере дальнейшего технического прогресса эта тенденция продолжила свой рост и получила мировое распространение, не заставив долго ждать и проблему виртуальной педофилии как форму потенциальной сексуальной эксплуатации несовершеннолетних. Так, русская служба Радио Ватикана приводит данные, согласно которым на первом месте в мире по педо-

порнографии – Россия, на втором – Япония, на третьем – Индия, а в Европе охвачено более 50 процентов всех сайтов (http://ru.radiovaticana.va/storico/2013/02/19/организация_«метр»_по_защите_детей_от_сексуальных_злоупотреблений/rus-666312).

По результатам исследования, осуществленного Фондом Развития Интернет, факультетом психологии МГУ им. М. В. Ломоносова и Федеральным институтом развития образования Минобрнауки России в рамках Международного проекта Еврокомиссии EU Kids Online II (2010 – 2011), Россия опережает все европейские страны по проценту детей, получающих или сталкивающихся с сообщениями сексуального характера в Интернете. Почти треть (28 %) российских школьников (в Европе – 15 %) встречались с секстингом, при этом получают подобные сообщения в 7 раз чаще, чем отправляют сами, а в некоторых регионах в 10 раз чаще. По самым скромным подсчетам каждый пятый ребенок читал размещенные в открытом доступе сообщения сексуального характера (20 %), каждый десятый видел в сети, как другие люди занимаются сексом, каждый двадцатый сталкивался с предложениями поговорить о половом акте или получал сообщения сексуального характера, и только треть детей от этого количества рассказывали об этом кому-либо из близкого окружения. Наибольшая концентрация контента приходится на всплывающие окна и сайты социальных сетей, причем в России в три раза чаще, чем в Европе [22]. Между участием детей и младших подростков в секстинговой переписке и наступлением у них ранней и рискованной сексуальной активности просматривается отчетливая взаимосвязь.

В процессе интернет-опосредованного межличностного контакта грумер выстраивает речевое поведение с несовершеннолетним по регулярной речежанровой модели, включающей:

- инициацию и поддержание дружеского общения, чаще от имени ровесника;
- сбор персональной и контактной информации;
- установление отношений виртуального секса в форме секстинга – текстового обсуждения различных видов, способов, количественных и качественных характеристик половых контактов, сопровождаемого взаимной демонстрацией обнаженного тела, половых органов и действий сексуального характера посредством фотоизображений и видеосвязи, которое применяется как основная коммуникативная стратегия в прелюдии к физической близости для того, чтобы стимулировать или уговорить ребенка, сломить его внутренние запреты и моральное сопротивление;
- побуждение к реальной встрече с целью совершения полового акта.

Речевой жанр секстинга, так же как и флирт, является производным от поведенческого жанра (вид общения и форма сексуального поведения). Однако границы флирта для секстинга оказываются тесными, и к этой проблеме, как представляется, вплотную подошел В. В. Дементьев: «Можно говорить не только о некоторых частных новых особенностях жанра, оставшегося в целом и главным прежним, но и о весьма существенных трансформациях, которые затрагивают даже важнейшие признаки флирта. Так, современный

флирт утрачивает не только изощренную технику, но и в значительной степени игровой характер и даже косвенность. Практически все подборки, чаты, форумы, предлагаемые в интернете на стимулы *флирт*, *flirt*, включают огромное количество подобных абсолютно прямых, полностью лишенных игрового начала сексуальных смыслов, интенций и призывов (*Эротическое общение для тебя*; *Send me your naked pictures*). Напротив, найти что-либо в традиционном значении (флирт-игра, флирт-намек, словесный поединок в любовной игре) в интернет-ресурсах крайне сложно. Складывается впечатление, что флиртом теперь называется все, что в гендерно маркированном поведении мужчины и женщины просто выходит за рамки собственно полового акта, или же... слово *флирт* превращается в эвфемизм прямого наименования полового акта!» [9, с. 431, 433].

С точки зрения типологии здесь имеется в виду совершенно иной, не получивший до сих пор лингвистического и жанроведческого описания речевой жанр **секстинга**, который формировался с 2006 г. по мере развития технологий веб 2.0 (интернет как социальное пространство постоянного взаимодействия) [7], по аналогии с такой существовавшей ранее разновидностью виртуального секса, как секс по телефону.

Лингвистическое исследование, предпринятое нами на материале диалогов (переписки) пользователей социальной сети интернета «ВКонтакте» двадцатичетырехлетнего Х-а с двадцатью пятью девочками в возрасте от 9 до 14 лет при производстве судебной лингвистической экспертизы по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (иные действия сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшей, совершенные в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста), позволило разграничить речевые жанры флирта и секстинга.

Методика экспертного исследования

Содержательно-тематический, лексико-семантический, семантико-синтаксический, семантико-когнитивный, контекстный, лингвопрагматический анализ, дискурс-анализ, лингвистически ориентированный конверсационный анализ, метод моделирования речевого жанра и графического формализма, общенаучные методы анализа, синтеза и систематизации.

**Структурные опознавательные характеристики жанров секстинга и флирта
как регулярных способов построения речи**

	<i>Речевой жанр флирта</i>	<i>Речевой жанр секстинга</i>
Коммуникативная цель	Форма речевого поведения, направленная на то, чтобы привлечь и удерживать внимание партнера путем выражения симпатии, влечения к нему косвенным, игровым образом [9, с. 411].	Форма речевого поведения, направленная на возбуждение и удовлетворение полового (сексуального) влечения при помощи отправления соответствующих сообщений.
Тематическое содержание общения	Сигнализирование объекту флирта «ты нравишься мне как лицо противоположного пола» и выражение желания понравиться самому [9, с. 408 – 409].	Сексуальные отношения между инициатором общения и собеседником, т. е. половые отношения, связанные с проявлением и удовлетворением полового влечения.
Степень косвенности	Непрямая коммуникация, т. е. подразумевающая смыслы, не выраженные эксплицитно, отсюда возможность одновременного прочтения двух коммуникативных смыслов [10, с. 244]. Косвенный жанр, в котором интенция не высказывается прямо («Я с тобой флиртую»), но однозначно угадывается собеседником [8].	Прямая коммуникация, т. е. предельно эксплицитные сообщения о любовном чувстве с преобладанием физического полового желания, соглашение о близости/любви (признание), выражение прямых сексуальных смыслов, интенций и побуждений. Отсутствие содержательной многомерности речи выражается в невозможности косвенных речевых актов в разговоре о сексе. Относится к группе вектор-ускорение-ориентированных фатических речевых жанров [8]: 1) степень косвенности равна нулю; 2) возможны перформативные высказывания; 3) это в равной мере фатический и информативный жанр: цель удовлетворения потребности в общении трансформируется в удовлетворение сексуальной потребности посредством общения как прелюдию к половому акту, обсуждаемому уже в информативном поле – когда и где.
Речевая форма жанра	«Говорю: я хочу, чтобы ты себе представил(а), что я говорю Х. Думаю, что ты понимаешь, что, может быть, я этого совсем не думаю. Говорю это, потому что хочу, чтобы ты себе представил(а), что нравишься мне как лицо противоположного пола» (А. Вежицка [цит. по: 8]).	Говорю: я рассматриваю тебя как желаемого сексуального партнера. Описываю тебе виды и способы, количественные и качественные детали сексуальных контактов и действий сексуального характера, желаемых мной к осуществлению по отношению к тебе, и хочу от тебя аналогичных речевых действий. Демонстрирую и описываю тебе свои половые органы и процессы полового возбуждения и удовлетворения при помощи пересылки фото и видео материалов и хочу от тебя аналогичных действий. Делаю это, потому что знаю, что процесс виртуального секса в форме обмена с тобой текстовыми сообщениями и визуальными материалами является способом возбуждения и удовлетворения моего полового (сексуального) влечения, и хочу этого.
Родовой признак жанра	Диалог, имеющий целью установление и регулирование межличностных отношений, в классификации Н. Д. Арутюновой [1]. Реализуется эмотивная функция языка: воздействие на эмоционально-волевую сферу собеседника.	

Подготовительный этап

Описание классификационных признаков дискурса: компьютерно-опосредованная онлайн-коммуникация в форме разговорной письменной речи [6, с. 15]. Служба интернета – социальная сеть, т. е. многофункциональная веб-страница, объединяющая функции самовыражения и (а)синхронной коммуникации, реализуемой в едином (виртуальном) пространстве, которое символизирует экран монитора каждого из говорящих с последовательностью появляющихся в главном окне одна под другой реплик в печатном виде [28,

с. 216]. Общение коммуникантов зафиксировано в виде статичного продукта речетворчества в конкретный снятый момент его производства посредством создания скрин-шотов электронной переписки. Границы текста определяются физически (уникальный адрес в интернете, пересылаемая за один раз информация в электронном письме), а также содержательным, стилистическим, грамматическим и прагматическим единством [28, с. 96]. Выделены информативные объекты для исследования в виде диалогов с пятью девочками, в которых, исходя из критериев интенсив-

ности текстопорождающей деятельности и смены коммуникативных ролей, достигается максимально репрезентативное самовыражение коммуникантов в темах, структуре и языковом оформлении текста, и диалогов, имеющих вспомогательное значение.

Анализ речевого поведения

Речевая воля X-а осуществляется в выборе специфического речевого жанра в повторяющейся ситуации общения в конкретных обстоятельствах и воплощении его набором типизированных речевых действий (объективных регулярных речевых предпочтений) для реализации коммуникативных намерений и стратегий воздействия на собеседниц. Порядок исследования определяется методикой экспликации речевого жанра.

1 этап. Выявление содержательно-концептуальной информации: а) тематического лексикона X-а путем сплошной выборки ключевых слов в актуальных значениях; б) его когнитивного тезауруса (концептуальная словесная модель отрасли знания, представляющая ее терминологию) (таблица 2).

На данном этапе была проанализирована семантика регулярно используемой X-м в переписке тематической лексики объемом порядка 1108 слов, репрезентативно представляющей слова и понятия групп лексики в составе тематического смыслового поля «секс», под которым в широком смысле понимается сфера половых отношений и половой жизни людей, связанная с проявлением и удовлетворением полового влечения или желания продолжить род (таблица 3).

Таблица 2.

Анализ лексических средств, использованных в речи коммуниканта X

Анализ лексических средств X-а	
Вербально-семантический уровень: тематическая лексика высказываний.	Когнитивный уровень: выражаемые понятия.
Используемые X-м слова, словосочетания, функционально обусловленные дискурсивные формулы и обороты речи, коммуникативные клише в их речевом контексте.	Значения лексики по специализированным терминологическим словарям.

Таблица 3

Репрезентация тематических групп лексики коммуниканта X

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ *СЕКС*	Тематические группы в тексте диалогов (переписки)	Основное вербальное обозначение в высказываниях X-а	Смысловое ядро значения
	Получение сексуального удовлетворения вне полового акта	Тематическая лексика из таблицы 2	Вербальная репрезентация получения X-м полового удовлетворения вне полового акта.
	Оральный секс		Вербальная репрезентация орогенитального полового контакта с преобладающей пассивной ролью X-а.
	Анальный секс		Вербальная репрезентация анально-генитального полового контакта с X-м в роли активного партнера.
	Генитальный секс		Вербальная репрезентация полового акта как генитального полового контакта с X-м в роли активного партнера.
	Групповой секс		Вербальная репрезентация полового сношения группы лиц мужского пола, включая X-а, с одной девочкой по очереди.
	Половые органы и связанные с ними физиологические процессы человека		Вербальная репрезентация мужского и женского половых органов, процессов полового возбуждения, удовлетворения.
	Демонстрация обнаженного тела и физиологических процессов человека		Вербальная репрезентация наглядных способов взаимной демонстрации обнаженного тела, половых органов, процессов полового возбуждения и удовлетворения.
	Совершение действий сексуального характера за вознаграждение		Вербальная репрезентация форм поощрения, награды собеседницам за совершение означенных половых контактов с X-м, а также за демонстрацию ему обнаженного тела, половых органов собеседниц.
	Близкие и интимные отношения между людьми		Вербальная репрезентация X-м любовного чувства к собеседницам с преобладанием физического полового желания, страсти.

2 этап. Экспликация речевого жанра как регулярного способа построения речи Х-а:

а) участники речевого взаимодействия. Инициатор: самопрезентация – парень, 15 лет, высокий, взрослый. Партнер: самопрезентация – девочки в возрасте от 9 до 14 лет.

б) тематический репертуар и предметы обсуждения в диалогах Х-а с собеседницами;

в) событийное (сюжетное) содержание дискурса общения – конструкции реализованных сценариев речевого взаимодействия;

г) общая коммуникативная цель речевого жанра;

д) речевой акт, составляющий ядро речевого жанра;

е) коммуникативная стратегия Х-а в виде программы интенциональных речевых действий;

ж) условия успешности реализации коммуникативного замысла и удовлетворения коммуникативно-деятельностных потребностей Х-а в процессе общения с собеседницами;

з) положительные и отрицательные ценности, репрезентируемые Х-м на уровне концепта.

В ходе исследования было выявлено, что Х как инициатор общения выстраивает свое речевое поведение по модели речевого жанра секстинга, при этом максимальное выражение его коммуникативной цели, стратегии, предметно-тематического содержания наблюдается в диалогах с собеседницами, которые выстраивают свое речевое поведение по модели флирта.

Кроме результатов, изложенных в таблице 1, нами были выявлены и описаны:

– предмет общения со стороны Х-а, фигурирующий в побудительной, деонтической, интенциональной, желательной модальностях и положительном оценочном контексте;

– любовное чувство Х-а к собеседнице с преобладанием физического полового желания, страсти (сексуального влечения).

Процессы и способы, качественные характеристики:

– получения Х-м сексуального удовлетворения вне полового акта;

– орогенитального полового контакта между Х-м и собеседницей с первым преимущественно в роли пассивного партнера;

– анально-генитального и генитального полового контакта между Х-м и собеседницей с первым в роли активного партнера;

– *полового сношения с собеседницей группы лиц мужского пола, включая Х-а, поочередно.*

Половые органы Х-а и собеседницы как объекты желаемых им сексуальных действий, процессы полового возбуждения и удовлетворения.

Наглядные способы взаимной демонстрации обнаженного тела, половых органов, процессов полового возбуждения и удовлетворения Х-а и собеседницы.

Формы поощрения, награды со стороны Х-а за совершение с ним половых контактов, а также за демонстрацию ему обнаженного тела, половых органов собеседницы.

Репрезентация секретности, конспиративности предмета общения.

Встреча для физического совершения полового контакта.

Средства реализации жанра

1. Речевая (коммуникативная) стратегия: стратегия доминирования (персуазивности) – воздействия на эмоции человека (эмоциональное давление) и навязывания ценностей с коммуникативной целью воздействия на принятие собеседником решений [21, с. 191] по вступлению в унисонное речевое взаимодействие и совершению поступка в виде встречи с Х-м.

2. Речевые тактики персуазивной атаки: прямые (выражение побуждения, категоричного требования, желательности) + косвенные при стратегии противостояния со стороны собеседницы (семантического типа: уговаривание, убеждение и дискредитация – оскорбления, издевки, обвинения; прагматического типа: формирование эмоционального настроения – комплимент, похвала, положительная самопрезентация, обида, жалоба, недовольство; диалогового типа: контроль над темой, тактика сближения против воли собеседника, тактика откровенного разговора, объяснения [12]).

Речевой акт «Побуждение к действиям сексуального характера»

– **Говорю:** ты нравишься мне как лицо противоположного пола и определенного возраста.

– **Говорю:** я рассматриваю тебя как желаемого сексуального партнера.

– **Говорю:** я хочу от тебя постоянного общения со мной при помощи обмена электронными текстовыми сообщениями для обсуждения видов и способов, количественных и качественных деталей сексуальных контактов и действий сексуального характера, желаемых мной к осуществлению по отношению к тебе.

– **Описываю** тебе виды и способы, количественные и качественные детали сексуальных контактов и действий сексуального характера, желаемых мной к осуществлению по отношению к тебе, **и побуждаю тебя** к выражению согласия и желания совершать со мной половое сношение именно таким образом.

– При помощи пересылки фото и видео материалов **демонстрирую и описываю** тебе свои половые органы и процессы, состояния полового возбуждения и удовлетворения, **побуждаю тебя** также демонстрировать мне твое обнаженное тело, половые органы как объекты моих сексуальных действий и процессы полового возбуждения и удовлетворения.

– **Говорю это тебе, потому что знаю**, что процесс виртуального секса в форме обмена с тобой текстовыми сообщениями и визуальными материалами является способом возбуждения и удовлетворения моего полового (сексуального) влечения, **и хочу этого.**

– **Говорю:** я хочу стать твоим сексуальным партнером для осуществления желаемых мной по отношению к тебе видов и способов сексуальных контактов и действий сексуального характера в физической реальности.

- **Говорю или спрашиваю** когда, где мы встретимся.
- **Говорю:** назови свой адрес и телефон.
- **Говорю:** предмет нашего общения – это секрет.
- **Говорю так, потому что хочу** вступить с тобой в сексуальный контакт в целях возбуждения и удовлетворения моего полового (сексуального) влечения.
- **Думаю**, что ты будешь действовать и поступать так, как хочу от тебя, вне зависимости от осознания тобой последствий этого, если я буду побуждать тебя к действиям сексуального характера, используя по отношению к тебе речевую стратегию доминирования

в форме эмоционального давления и навязывания ценностей (*Прим. автора: данный принцип описания используется в [4]*)

Условия успешности/коммуникативной неудачи: реализована интенция Х-а стимулировать сексуальную активность собеседницы/собеседника не готова воспринять интенцию Х-а и адекватно отреагировать на предлагаемый жанр общения или не расположена к кооперативной коммуникации.

3 этап. Графическое отображение речевого поведения Х-а и собеседниц по модели [13].

Таблица 4

Модель описания речевого поведения в дискурсе общения между коммуникантом Х и собеседницами

<i>Прагматические параметры</i>				<i>Формально-структурные параметры</i>
<i>Как?</i>	<i>Зачем?</i>	<i>О чем?</i>	<i>Кто? Кому?</i>	<i>В какой форме?</i>
1. Дискурсивные коммуникативные стратегии и тактики, ядерный речевой акт. 2. Условия успеха/неудачи.	1. Коммуникативная цель. 2. Ценности и ключевой концепт.	Темы и предмет речи.	Участники общения.	Речевой жанр, реализуемый Х-м и собеседницами.
Экспликация последовательности и пропозиционального содержания речевых ходов Х-а при реализации речевого акта «Побуждение к действиям сексуального характера».				

Выводы

Общение Х-а с собеседницами в возрасте от 9 до 14 лет, представленное в текстах диалогов, содержит натуралистическое описание в положительном оценочном контексте сексуальных отношений и любовного чувства с преобладанием физического полового желаний, страсти (сексуального влечения), а именно: представление различных способов, количественных и качественных характеристик орогенитального, генитального, анально-генитального, группового половых контактов и действий сексуального характера, желаемых Х-м к осуществлению с собеседницами, и взаимная демонстрация обнаженного тела и половых органов как объектов сексуальных действий, что являет

собой речевое взаимодействие в жанре секстинга (разновидность виртуального секса).

Высказывания Х-а, адресованные собеседницам, содержат побуждения, реализуемые речевой стратегией доминирования в форме эмоционального давления и навязывания ценностей с целью воздействия на принятие решений, к вступлению с ним в отношения виртуального секса для достижения им коммуникативного эффекта в виде возбуждения и удовлетворения полового (сексуального) влечения и к реальной встрече для совершения половых контактов и иных действий сексуального характера, в том числе за определенное вознаграждение.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Диалогическая модальность и явление цитации // Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. М.: Наука, 1992. С. 52 – 79.
2. Бабушкин А. П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: научное издание / под ред. И. А. Стернина. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 2001. С. 52 – 57.
3. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Понятие речевой формулы: определение и типология // Русский язык сегодня. Вып. 2. Сб. статей. Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2003. С. 39 – 55.
4. Бринев К. И. Теоретическая лингвистика и судебная лингвистическая экспертиза. Барнаул: АлтГПА, 2009. 363 с.
5. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.
6. Голев Н. Д. Русская письменная разговорная речь и ее отражение в обыденном метаязыковом сознании участников виртуальной коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Томск. 2013. № 5(25).
7. Горошко Е. И., Землякова Е. А., Полякова Т. Л. Жанры 2.0: проблема типологии и категоризации на примере коммуникативного сервиса «Твиттер» // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов; М.: Лабиринт, ЖЗ1, 2012. Вып. 8: Памяти К. Ф. Седова. Жанр и творчество. С. 344 – 357.
8. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 37 – 55.

9. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
10. Дементьев В. В. Косвенные директивы и манипуляции в русской речи: национально-ценностный взгляд // Культура и текст. 2013. № 2(15). С. 238 – 251.
11. Интернет-коммуникация как новая речевая формация: колл. монография / науч. ред. Т. Н. Колокольцева, О. В. Лутовинова. М.: Флинта: Наука, 2012. 328 с.
12. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: УРСС; ЛКИ, 2008. 304 с.
13. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.
14. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: УРСС, 2006. 264 с.
15. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. М.: Либроком, 2012. 352 с.
16. Кожина М. Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты и проблемы) // Жанры речи. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 54 – 60.
17. Компанцева Л. Ф. Интернет-коммуникация: когнитивно-прагматический и лингвокультурологический аспекты. Луганск: Знание, 2007. 444 с.
18. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
19. Попова Т. И., Вознесенская И. М., Колесова Д. В., Савотина В. М. Интернет-пространство: речевой портрет пользователя: коллективная монография / под ред. Т. И. Поповой. СПб: Эйдос, 2012. 224 с.
20. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М.: Лабиринт, 2007. С. 7 – 38.
21. Сергеев В. М. Когнитивные модели в исследовании мышления: структура и онтология знания // Интеллектуальные процессы и их моделирование: сборник / под ред. Е. П. Велихова, А. В. Чернавского. М.: Наука, 1987. С. 179 – 196.
22. Солдатова Г., Рассказова Е., Лебешева М. Беспощадный секстинг: жестокий опыт // Дети в информационном обществе. № 12 (октябрь – декабрь 2012). С. 26 – 35.
23. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России: Функционирование русского языка в Интернете: концептуально-сущностные доминанты. М.: Изд-во РУДН, 2004. 380 с.
24. Федосюк М. Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи // Жанры речи. Саратов: Издательство ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 66 – 88.
25. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика. М.: ИКАР, 2007. 480 с.
26. Шляхов В. И. Сценарная основа речевого общения. М.: КРАСАНД, 2010. 136 с.
27. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 91 – 96.
28. Щипицына Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: лингвистический аспект анализа. М.: КРАСАНД, 2010. 296 с.
29. Jolicœur M., Zedlewski E. Much Ado About Sexting. National Institute of Justice. Discussion Paper. June 2010. NCJ 230795. 16 p.

Информация об авторе:

Бельская Николь Сергеевна – аспирант кафедры общего и русского языкознания филологического факультета АлтГПУ, эксперт-лингвист, nicole_belskaya@mail.ru.

Nicole S. Belskaya – post-graduate student at the Department of General and Russian Linguistics, Altai State Pedagogical University; linguistic expert.

(Научный руководитель: Бринев Константин Иванович – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания, декан филологического факультета Алтайского государственного педагогического университета, brinevk@yandex.ru.

Konstantin I. Brinyov – Doctor of Philology, Professor of the Department of General and Russian linguistics, Dean of the Faculty of Philology of the Altai State Pedagogical University).

Статья поступила в редколлегию 19.11.2014 г.

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СИТУАЦИИ МОЛЧАНИЯ И ВЫХОДА ИЗ НЕЁ

С. В. Валиулина

REPRESENTANTS OF THE SITUATION OF SILENCE AND WITHDRAWAL FROM IT

S. V. Valiulina

Предметом данного исследования является молчание как значимый компонент вербальной коммуникации. Объект исследования – контексты, содержащие маркёры молчания. Цель работы заключается в том, чтобы выявить, какими языковыми средствами автор описывает ситуацию молчания и выхода из неё, а также определить каузаторы молчания. Контекстному анализу подвергались тексты сибирских писателей В. Шукшина, В. Распутина и А. Вампилова. В результате исследования были выделены две группы каузаторов молчания: связанные с каким-либо чувством или эмоцией и связанные с определенным состоянием коммуникантов. Кроме того, данные статистического анализа употребления каузаторов позволяют назвать базовые каузаторы молчания. Ситуация молчания описывается авторами чаще посредством глагольной лексики. Анализ ситуации выхода из молчания позволил определить нестандартность ситуации, поскольку субъект молчания с трудом начинает говорить. Выход из ситуации молчания может происходить неожиданно, со слезами, у субъекта молчания меняется темп и тон голоса, он меняет позу или свое местоположение в локуме, задействованы руки субъекта молчания. Таким образом, ситуация выхода из молчания, несмотря на осознанность субъектом, является пограничной для него: коммуникант меняется внутренне и внешне.

The research focuses on silence as a major component of verbal communication. The object of the research is contexts containing markers of silence. The research is aimed to distinguish the language means used by writers to describe the situation of silence and ways to withdraw from silence, as well as factors causing silence. In the course of the research the author analysed the texts of the Siberian writers: V. Shukshin, V. Rasputin and A. Vampilov. As a result of the research two groups of factors causing silence were distinguished: silence caused by emotions and silence caused by a particular state of the speakers. Besides, statistical analysis helped define the major causes of silence. The authors describe the situation of silence through verbs. The analysis of the situation of silence helped define this situation as non-standard, as the subject of silence withdraws from silence with effort. Withdrawal from silence can be spontaneous, accompanied by tears; the subject of silence changes their speech tempo and tone, changes their posture or location, uses their hands. Thus, despite being conscious, the situation of withdrawal from silence is border-line: the speaker changes both inwardly and outwardly.

Ключевые слова: коммуникативная деятельность, нулевой речевой акт, каузатор, ситуация выхода из молчания, элементы невербального речевого дискурса.

Keywords: communication, zero speech act, causation, situation of withdrawal from silence, non-verbal discourse.

Что такое молчание? Молчание – от глагола «молчать» – 1. Не произносить ничего, не издавать никаких звуков. 2. *о чём.* Соблюдать что-нибудь в тайне, не рассказывать о чём-нибудь, не высказываться [6, с. 364]. В нашей работе исследуется лексема с первым значением. Толкование глагола «молчать» проводится через отрицание «не», «ничего», «никаких». Само понятие, следовательно, содержит «отрицательный заряд» [1, с. 107], причем отрицание является внутренним, лексическим.

Интересно, что не всякое молчание является коммуникативно значимым. Если человек находится в состоянии сна, то его молчание коммуникативно нерелевантно, так же, когда человек молчаливо гуляет в парке или молча выполняет какую-либо работу, не требующую вербальной коммуникации, то молчание не имеет функциональной нагрузки. Ситуация меняется, когда «молчание выступает как компонент вербальной коммуникации и несет определенную знаковую функцию» [2, с. 12]. Именно такое молчание и является предметом нашего исследования. Например,

– Ну как, товарищи специалисты?

Специалисты молчали. <...>

– Согласны, чего там! – ответил за всех агроном.

Остальные молчали (В. Распутин. Деньги для Марии).

В данной ситуации герой спрашивает «товарищей специалистов», а они молчат, находясь в состоянии раздумья и не желая давать положительный ответ. Для оценки состоявшейся коммуникации это значимо, поскольку открывает позицию героев, хотя они ничего не говорят.

Как справедливо замечает В. В. Богданов, молчание, «как и всякий нулевой знак, многозначно» [2, с. 14], поэтому причины молчания определяются конкретной ситуацией, психологическим состоянием, отношением коммуникантов друг к другу и их национальным характером. В. Шукшин [8], В. Распутин [7] и А. Вампилов [4] писали в своих произведениях об обычных жителях Сибири. Творчество этих писателей отличает откровенное реалистичное описание своих героев, которые жили и живут рядом с нами, поэтому, анализируя их произведения, можно выявить определенную константу значений молчания, характерную для жителей Сибири.

В результате анализа произведений В. Шукшина, В. Распутина и А. Вампилова было выделено 27 каузаторов молчания, 10 из них характерны поведению героев всех обозначенных авторов. Представим эти данные в виде таблицы (таблица 1).

Каузаторы молчания

Каузаторы, характеризующие молчание героев		
В. Шукшина	В. Распутина	А. Вампилова
раздумье удивление неловкость попытка успокоиться обида воспоминание нежелание говорить злость подавленность/грусть наслаждение	ожидание испуг/страх ответ «нет» желание собраться с мыслями/перейти к другой теме	
растерянность		растерянность
нежелание открывать свои мысли и чувства игра сдерживание конфликта гордость	болезнь волнение манипуляция опустошенность недовольство	тревога стыд

Таким образом, герои чаще молчат, находясь в состоянии раздумья, удивления, неловкости, обиды, воспоминания, злости, подавленности и грусти, наслаждения, при попытке успокоиться, нежелании говорить. Эти каузаторы встречаются в текстах всех представленных авторов. Выделена группа каузаторов молчания, которые встречаются в произведениях двух авторов. Это ожидание, испуг или страх, желание собраться с мыслями или перейти к другой теме, ответ «нет», растерянность. Единичными, редкими являются следующие каузаторы молчания: нежелание открывать свои мысли и чувства, игра, сдерживание конфликта, гордость (В. Шукшин), болезнь, волнение, манипуляция, опустошенность, недовольство (В. Распутин), тревога, стыд (А. Вампилов). Рассмотрим примеры единичных каузаторов молчания.

– Ну, што, свояк-то? – первым заговорил Емельян Спиридоныч. Ему хотелось дослушать историю.

Сергей Федорыч еще маленько помолчал из гордости, но и самому хотелось рассказать, и он продолжал... (В. Шукшин. Любавины).

Автор указывает в тексте на каузатор молчания – из гордости. В данной ситуации герои поссорились в разговоре, но Емельян Спиридоныч первым прервал молчание. Сергей Федорыч продолжительным молчанием показывал свою гордость.

– Городишь, говоришь? – с вызовом сказала старуха и помолчала, как бы заманивая Михалыча спорить. Он, покачиваясь, стоял теперь посреди комнаты. – А не помнишь, как ты напужал меня? (В. Распутин. Последний срок).

Героиня В. Распутина молчит, «заманивая спорить» адресата молчания, она как бы манипулирует коммуникантом, пытается перевести разговор в спор так, как ей хочется.

Дергачев. Работать-то ты работал, а документы у тебя есть?

Еремеев. А?

Дергачев. Документы, говорю. Трудовая книжка? ...Справки, что ты у геологов работал? ... Есть у тебя?

Еремеев молчит.

Хороших. Неужто нету?

Дергачев. Нет? ... А раз нет, значит, пенсию не жди. Без справок ты ее не получишь. Даже не пытайся. (А. Вампилов. Прошлым летом в Чулимске).

Герой своим молчанием в данной ситуации говорит «нет», именно по этой причине он и молчит.

Анализ частотности каузаторов молчания показал, что чаще герои молчат, находясь в состоянии раздумья. Представим результаты анализа в таблице (таблица 2).

Мы видим, что наиболее частотными являются 13 каузаторов, они набрали более 2 % от всех примеров употребления в контекстах молчания. На основании их частотности, а также на том, они же встречаются в произведениях большинства авторов, мы можем назвать данные каузаторы базовыми, основными в ситуации молчания.

Все выделенные каузаторы молчания можно классифицировать на 2 вида:

1) каузаторы молчания, связанные с эмоцией или чувством (удивление, неловкость, обида, растерянность, тревога, стыд, испуг/страх, злость, наслаждение, подавленность/грусть, воспоминание, недовольство, гордость);

2) каузаторы, связанные с состоянием (раздумье, ожидание, попытка успокоиться, воспоминание, желание собраться с мыслями или перейти к другой теме, нежелание говорить, ответ «нет», нежелание открывать свои мысли, игра, болезнь, манипуляция, опустошенность, усталость, сдерживание конфликта). Герои молчат, находясь в каком-либо из перечисленных состояний или в процессе переживания какого-либо чувства или эмоции.

Таблица 2
Частотность каузаторов молчания

Каузаторы молчания	Частотность употребления (%)
1. Раздумье	35
2. Неловкость	12,2
3. Удивление	7,3
4. Попытка успокоиться	4,5
5. Обида	4,5
6. Воспоминание	4,5
7. Желание собраться со своими мыслями/перейти к другой теме	3,8
8. Нежелание говорить	3,8
9. Ожидание	3,5
10. Злость	3,5
11. Подавленность/грусть	3,5
12. Нежелание открывать свои мысли	2,4
13. Ответ «нет»	2,1
14. Недовольство	1,7
15. Наслаждение	1,4
16. Испуг/страх	1,4
17. Манипуляция	1
18. Растерянность	0,7
19. Тревога	0,7
20. Стыд	0,7
21. Игра	0,7
22. Болезнь	0,7
23. Волнение	0,3
24. Опустошенность	0,3
25. Усталость	0,3
26. Сдерживание конфликта	0,3
27. Гордость	0,3

Ситуация молчания описывается авторами художественных произведений с помощью глаголов, существительных, наречий и фразеологических единиц. Анализ контекстов молчания показал, что чаще всего (69,05 %) авторы используют глаголы: молчать (38 %), помолчать (16,2 %), замолчать/замолкать (6,7 %), умолкнуть (4,6 %), промолчать (2,5 %), отмалчиваться (0,35 %), смолкнуть (0,35 %), примолкнуть (0,35 %). На втором месте по частотности употребления находится существительное «молчание» (24,3 %), далее наречие «молча» (5,5 %), фразеологическая единица «отнялся язык» (0,35 %). Глагол «молчать» употребляется чаще других. В этом контексте интересно замечание Н. Д. Арутюновой о том, что глагол «молчать» и его производные употребляются «в ситуации нарушения стереотипа поведения» [1, с. 107]. Коммуниканты, нарушающие стереотипные ситуации поведения, действуют сознательно, то есть полностью контролируют свое молчание. Ранее мы указывали на то, что молчание может быть «обойденным, когда каузаторы молчания коммуникантов совпадают, и оппозиционным при несовпадении каузаторов молчания» [3, с. 238]. Наш интерес привлекло то, как коммуниканты выходят из ситуации молчания. Поскольку молчание является осознанным и контролируемым, то и выход из этого состояния должен быть осознанным. Однако примеры показывают наличие какой-либо неожиданности в данном процессе. Например:

– Ты чего замолчал?

Кузьма кхакнул, глубже надвинул на лоб шапку. *Неожиданно для себя*, довольно резко, непонятно для чего и с какой стати, заявил:

– Живешь ты, Клавдя, и, видать, никакого тебе дела до других (В. Шукшин. Любавины).

Герои неожиданно выходят из состояния молчания, причем часто неожиданно даже для себя. Авторы указывают на неожиданность ситуации с помощью наречий «вдруг», «неожиданно», «резко».

Более подробно описать и проанализировать ситуацию выхода из молчания позволит исследование невербального речевого дискурса. Невербальный речевой дискурс – это «фрагмент диалогического текста, декодирующий языковыми средствами невербальное эмоционально-речевое поведение персонажа и его истинные намерения в каждый конкретный момент общения, состоящий более чем из одного предложения равноправной части диалогической реплики» [5, с. 50]. Ситуация выхода из молчания специфична, так как речь отсутствует, а значит, отсутствует маркер интонации; выход из молчания, как и молчание, контролируем, поэтому вегетативные реакции субъекта также отсутствуют. Мы можем выделить и проанализировать конкретизаторы маркера эмоционального состояния: проксемические и кинесические сомативы. Это позволит более полно представить исследуемую ситуацию выхода из молчания.

Проксемический соматив – «пространственно-временная организация речевого взаимодействия. Каждому эмоциональному состоянию, каждому чувству соответствуют характерные для них двигательные реакции, определенные выразительные движения» [5, с. 135]. Динамические движения коммуникантов ограничиваются локумом или стремлением выйти из локума. Ситуация выхода из молчания сопровождается проксемическими соматическими реакциями «движение в локуме», выраженными глаголами совершенного вида. Например: «Папиросы докурились, почти в одно время они бросили их себе под ноги и еще помолчали. Потом Кузьма *пошевелился*, сказал: «Живешь, живешь и не знаешь, с какой стороны тебя огреют» (В. Распутин. Деньги для Марии). Герои, выходя из ситуации молчания, шевелятся, поднимаются, опускаются, выпрямляются, глубже надвигают шапку, то есть они меняют свое местоположение в локуме, меняют позу. Данные движения помогают переломить, изменить ситуацию молчания. Однако субъект молчания не выходит из локума. Можно предположить, что молчание – это пауза в диалоге, поэтому герой не покидает пространства диалога. Тот факт, что проксемические соматические реакции репрезентированы проксемическими соматическими речениями с глаголами совершенного вида, говорит о том, что ситуация меняется, авторы описывают изменения, а не процесс.

Кинесические соматические реакции – это мимика и жестика. «Мимическая и жестовая коммуникация предвосхищает то, что будет передано вербально, с достаточной очевидностью выражает чувства и эмоции человека» [5, с. 142]. В ситуации выхода из молчания выделяется кинесическая соматическая реакция «руки». Она репрезентирована кинесическими соматическими речениями в форме глагольных сочетаний. Например: «Он невесело, утверждающе усмехнулся, будто знал об этом больше других, помолчал еще, *теребя себя за бороду*, и заговорил уверенней и злей» (В. Распутин, Живи и помни). «Дед Махор некоторое время молчал, потом *тронул* темной, как высохшее дерево, *рукой* морщинистую шею,

сказал негромко: – Я тоже бывал там, язви ее» (В. Шукшин, Любавины). Движения рук направлены на лицо и шею. В процессе репрезентации ситуации молчания «кинестические соматические реакции героев направлены на голову» [3, с. 239], указывая на каузатор молчания – раздумье. Движения рук, направленные на лицо и шею, помогают субъекту молчания переломить ситуацию, изменить ее.

Интересно, что субъект молчания часто выходит из ситуации молчания со слезами. Например: «Некоторое время молчали. Марфа вдруг *всплакнула*... Вытерла платочком слезы и сказала:

– Разлетелись наши детушки по всему белому свету» (В. Шукшин. Одни).

Героини, а это чаще женщины, плачут, чтобы облегчить выход из ситуации молчания, изменить ситуацию.

Когда субъекты молчания начинают говорить, часто их голос меняется: изменяется темп и тон голоса. Например: «Мать вспыхнула горячим румянцем. Помолчала, потом заговорила *торопливо*, с усмешечкой, которая должна была скрыть ее растерянность» (В. Шукшин. Племянник главбуха). «Тамара долго молчала. Глядела мимо Ленки на светлый край неба. Глаза у нее были сердитые. – Ну и не надо, – сказала она наконец *холодным голосом*» (В. Шукшин. Ленка). Когда субъект молчания начинает говорить, наблюдаются следующие изменения: 1) темп голоса: «торопливо», «резко», «медленно и осторожно», «спокойней и легче»; 2) тон голоса: «холодным голосом», «негромко», «уверенней и злей».

Темп голоса субъекта, выходящего из ситуации молчания, становится быстрее или медленнее. Тон меняется в зависимости от эмоционального состояния коммуникантов: голос становится холодным и злым или тихим.

Таким образом, мы видим, что ситуация выхода из молчания переживается субъектом молчания с трудом. Если молчание затягивается, то выйти из него достаточно сложно. Субъект молчания может при этом плакать, у него меняется темп и тон голоса. Движениями он пытается облегчить изменение ситуации. Данные характеристики ситуации выхода из молчания были выделены благодаря анализу невербального речевого дискурса.

Литература

1. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М.: Наука, 1994.
2. Богданов В. В. Молчание как нулевой речевой акт и его роль в вербальной коммуникации // Языковое общение и его единицы: Межвузов. сб. научн. тр. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1986.
3. Валиулина С. В. Каузаторы и репрезентанты ситуации молчания // Вестник Иркутского государственного технического университета. 2014. № 2(85).
4. Вампилов А. В. Избранное. М.: Согласие, 1999. 778 с.
5. Муzychук Т. Л. Невербальный речевой дискурс: монография. М.: РУДН, 2010. 318 с.
6. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
7. Распутин В. Г. Повести и рассказы. М.: Современник, 1984. 736 с.
8. Шукшин В. М. Любавины: Роман. Сельские жители: ранние рассказы / Сост. и ком. В. Горна. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1987. 464 с.

Информация об авторе:

Валиулина Светлана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка как иностранного Международного института экономики и лингвистики Иркутского государственного университета, svetlana-valiuli@mail.ru.

Svetlana V. Valiulina – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian as a Foreign Language, International Institute of Economics and Linguistics, Irkutsk State University.

Проведенный анализ позволяет определить особенности нулевого речевого акта и выхода из него: 1) молчание многозначно и имеет множество каузаторов; 2) каузаторами молчания выступают эмоции и чувства (удивление, неловкость, обида и др.), а также состояния коммуникантов (раздумье, ожидание, попытка успокоиться и др.); 3) выделяются базовые каузаторы, наиболее частотные и встретившиеся в текстах всех исследуемых авторов; 4) ситуация молчания описывается авторами художественных произведений посредством глагольной лексики (69,05 %), существительного «молчание» (24,3 %), наречия «молча» (5,5 %), фразеологической единицы «отнялся язык» (0,35 %); 5) молчание часто играет роль паузы в диалоге. Коммуниканты молчат, переживая определенные чувства и эмоции, настраиваясь на другое течение диалога. Субъект молчания может выходить из данной ситуации неожиданно для себя и для других; 6) специфичность ситуации выхода из молчания отражается и в наборе элементов невербального речевого дискурса: отсутствуют маркеры интонации, вегетативные реакции субъекта. Ситуация выхода из молчания репрезентирована конкретизаторами маркера эмоционального состояния: проксемическим и кинестическим сомативами; 7) проксемическая соматическая реакция субъекта «движение в локуме» выражена глаголами совершенного вида. В процессе выхода из молчания субъект шевелится, поднимается, опускается, выпрямляется, глубже надвигает шапку, то есть меняет позу; 8) кинестическая соматическая реакция субъекта «руки» вербализована глагольными сочетаниями. Движения субъекта молчания направлены на лицо и шею; 9) факт описания авторами ситуации выхода из молчания с помощью глагольной лексики говорит о том, что ситуация меняется, движется, она уже не статична; 10) в процессе выхода из молчания коммуникант может плакать; 11) когда субъект молчания начинает говорить, темп и тон его голоса меняется.

Все языковые репрезентанты ситуации выхода из молчания говорят о нестандартности и сложности описываемой ситуации. Это переломная ситуация, когда субъект молчания меняется внутренне и внешне.

Статья поступила в редколлегию 28.11.2014 г.

ОБРАЗ СТАТУИ КАК ИДОЛА И ЛЖЕ-ИДОЛА В НЕМЕЦКОМ ЛОКУСЕ

(на материале поэзии Саши Черного)

С. С. Жданов

REPRESENTATION OF STATUE AS IDOL AND FALSE IDOL IN THE GERMAN LOCUS

(exemplified in Sasha Chorny's poetry)

S. S. Zhdanov

В статье рассматриваются образы статуй как особые объекты маркируемого немецкостью хронотопа в поэзии Саши Черного. При этом они выступают в качестве сатирически переосмысленных духов-хранителей места и воплощают в себе характерные черты данного локуса. Живая и неживая природа в стихотворениях Саши Черного активно взаимодействуют друг с другом. В результате в рамках немецкого локуса актуализируется мотив оживающей статуи, которая несет угрозу миру живых. В свою очередь, человеческие персонажи приобретают статуарные черты. Кроме того, в филистерском локусе образ статуи как идола может подвергаться деса-кразации. В этом случае мистериальный сюжет о постижении священной тайны подвергается инверсии, оборачиваясь сатирическим фарсом.

The paper presents word pictures of statues as special spatial objects within a "German" chronotope described in Sasha Chorny's poetry. Besides, they act as a satirical reimagining of *genii loci* and embody distinctive features of this locus. Inanimate and animate natures in Sasha Chorny's poetry interact with each other. As a consequence, the motive of a dangerous coming-to-life statue becomes actual within the German locus. Human characters get statuesque features for their part. The statue as idol could be also desacralized in the philistine locus. In this case the mysterial story of epiphany is inverted turning to burlesque.

Ключевые слова: русская литература XX века, Серебряный век русской поэзии, Саша Черный, хронотоп, экфрасис, мотив статуи.

Keywords: Russian literature of the 20th century, Silver Age of Russian poetry, Sasha Chorny, chronotope, ecphra-sis, motive of statue.

На протяжении нескольких веков русская и немецкая культура находятся в состоянии тесного взаимодействия. Г. А. Тиме видит в этом проявление обостренного «интереса к взгляду Другого», обоюдной «насушной потребности посмотреть на себя со стороны» [8, с. 3]. Вглядываясь в «чужое» (в данном случае немецкое), сравнивая с ним «свое», русские познавали себя, собственную культуру. Примечательным в этом плане является жанр травелога, в котором диалог культур как их встреча находит яркое пространственное воплощение.

В качестве подобного своеобразного травелога можно рассматривать стихотворения С. Черного, посвященные его пребыванию в Германии. В этих произведениях русское пространство сжимается фактически до самого лирического героя-странника, который оказывается окружен немецким локусом. Взаимодействуя с последним, русский путешественник выделяет в своем описании значимые объекты, олицетворяющие, по его мнению, инаковую сущность пространства Другого. Одним из таких объектов в творчестве С. Черного выступает образ статуи, в котором соединяется множество культурных смыслов.

Как пишет Р. Якобсон, «связь с неким существом превращает статую в идол...» [13, с. 148]. Таким образом, путем «ассоциаций через полисемическое поле» происходит присвоение дополнительных значений: «статуя = идол, изваяние, памятник, кумир, манекен» [10, с. 97]. В результате статуя наделяется свойствами как неживого, так и живого объекта и может становиться духом места, охраняющим данный локус. Например, в качестве олицетворения подобного *genius loci* Петербурга рассматривалась с конца XVIII века статуя Петра I работы Фальконе [4, с. 29].

В поэзии Саши Черного мы сталкиваемся с аналогичным явлением при описании пространства Берлина (стихотворение «В Берлине»): «Нелепые монументы из чванного железа – квадратные Вильгельмы на наглых лошадях, – умилая берлинских торгующих Крезов, давили землю на серых площадях» [11, с. 250]. С помощью эпитетов «чванное» и «наглые» происходит перенос свойств живого на неживое. Примечателен и мотив железа, который прочно связан с восприятием немецкости в русской культуре. В качестве примера можно привести повесть Н. С. Лескова «Железная воля», в которой образ «немецкого железа» переносится на мир людей: «...и железный-то у них граф, и железная-то у них воля...» [2, с. 6], а главный герой, инженер Гуго Пекторалис с железной волей, намеревается «всё подчинять» [2, с. 15]. Квадратные Вильгельмы в стихотворении С. Черного также связаны с подчинением/подавлением, давя землю на площадях. Любопытным образом мотивы железа/стали, статуарности (неподвижности), а также войны как захвата/подавления смешиваются в стихотворении «Пленные», в котором описываются захваченные в плен немецкие солдаты – стоящие «неподвижные скалы» «странные люди» со «стальными глазами» [12, с. 32]. По сути, люди здесь превращены в статуи, тогда как берлинские статуи начинают оживать.

Обращает на себя внимание и связь между образами статуи и немецких дельцов, утрачивающих человечность. Последние в стихотворении «Хмель» проявляют черты статуарности: они описываются сидящими в «серо-каменном» Берлине «на тюках из ассигнаций» «безотлучные года» [11, с. 281] (ведь статуя может покинуть свое место лишь в исключительных случаях).

Каменная твердыня города может рассматриваться как постамент, тюки из ассигнаций – как замена лошадям. В произведении «В Берлине» дельцы умиляются статуям кайзера, кажущимся русскому герою нелепыми. В разнице восприятий проходит граница между миром филистеров-немцев и миром русского наблюдателя. Поскольку «статуя бессмысленна вне коммуникации с живой, одухотворенной природой» [7, с. 30], на основе этого взаимодействия становится возможен обмен качествами между косной и живой материей. Железные императоры и немецкие дельцы уподобляются друг другу. Черты статуи можно найти в образах и берлинских старух, чья «жесткая святость» напоминает жесткость (твердость) камня или металла и так же губительна для живых людей, как и встреча с ожившей статуей: «Кто против – погиб!» [11, с. 251].

Кроме того, в образах железных Вильгельмов актуализируется ещё один смысл статуи. Они становятся объектом поклонения немцев-филистеров, своеобразным возрождением римского культа императоров. Вообще, по словам В. Клемперера, значение слова «империя» для немцев затрагивает область «духовного, трансцендентного»: в названии *Священная Римская Империя немецкой нации* слово «священная» – «это не украшающий или просто восторженный эпитет», тем самым говорится, «...что в этом государстве речь идет не только о посостороннем порядке...», но и в гораздо большей степени об «области потустороннего» [14, с. 123] (*Прим. автора: здесь и далее пер. с нем. автора*). Недаром Дидерих Геслинг, главный герой романа Г. Манна «Верноподданный», требовал признать Вильгельма «орудием Божьим» [15, с. 165], а кульминацией всех усилий немецкого дельца становится сооружение памятника кайзеру. От Вильгельмов из чванного железа протягивается ниточка к еще одному варианту сюжета об ожившей статуе, к пушкинскому Медному Всаднику, который «...уздой железной Россию поднял на дыбы» [5, с. 147]. Правда, в случае с немецкими статуями происходит сдвиг в сторону филистерского пространства. Если у Медного Всадника «гордый конь» [5], то у Вильгельмов – «наглые лошади» [11, с. 250]; если Медный Всадник уникален, то Вильгельмы множественны. Впрочем, тиражированные образы власть предержащих встречаются повсюду в филистерских локусах, описываемых С. Черным. Вспомним «бюсты герцогов с женами» [11, с. 242] в доме Гете. Кроме того, «желтый Вильгельм» [11, с. 250] оказывается среди призов (вместе с лампами, щипцами для волос, кружками и ночным горшком) в заведении «Зеленая свинья»; в журнале рядом с тупыми остротами и выставкой мопсов в Берлине печатается портрет кронпринца [11, с. 244]; портрет кронпринца с семейством висит и в корпорантской пивной над «игрушечным знаменем» в окружении кабаньей морды и чепрака [11, с. 248]. Своеобразную отсылку к Медному Всаднику можно найти также в стихотворении С. Черного «Исторический день», в котором «настоящий» Вильгельм обращается к народу: «...в тираде о победе над врагом-социалистом император оказался выдающимся стилистом: "Да-с, Германия умеет наконец верхом кататься! Скоро будем брать барьеры..."» [11, с. 130]. Но опять-таки акценты оказываются смещены: если Медный Всадник торжествует над хаотическим началом бездны, то в случае с Вильгельмом скачка оборачивается конкурсом.

Апофеозом филистерства выступает описание статуи в стихотворении «Бавария». Здесь мы имеем дело с тем, что М. Рубинс обозначила в рамках экфрасиса как «иконоборческий дискурс», который «...подавляет или разрушает статую как полноценный предмет, заслуживающий внимания сам по себе» [6, с. 159], и делает это «...во имя утверждения определенных задач, находящихся за пределами искусства. В таком повествовании эстетические вопросы отходят на задний план, уступая место этической, философской или религиозной проблематике» [6, с. 163]. Стоит напомнить, что стихотворение «Бавария» входит в цикл «У немцев», целью которого было, как пишет А. И. Иванов, показать Германию как страну «коллективной пошлости», как «апогей обезличивания» [1, с. 26] (а где обезличивание, там люди превращаются в свои подобию). С первых строк произведения лирический герой упрекает мюнхенцев в отсутствии вкуса: «Что за грубое безвкусье – эта баба из металла ростом в дюжину слонов!» [11, с. 252]. В этом железная «Бавария» аналогична «нелепым монументам» Вильгельмов [11, с. 250]. Таким образом задается маркер филистерского пространства, а заодно происходит игра смыслов (баба как простонародное название женщин и баба как синоним к слову «истукан»). Далее статую уподобляется «живым» немкам, которые, в свою очередь, называются монументами: «Между немками немало волооких монументов (смесь Валькирии с коровой), – но зачем же с них лепить?» [11]. К подобному приему С. Черный прибегает в портретном экфрасисе («портрет фон-Курца в клетчатых штанах») в стихотворении «Профан»: «Но для чего фон-Курцев выставлять? Ведь в жизни нам до смерти надоело их чинную бесцветность созерцать!» [11, с. 346]. В обоих произведениях речь идет о немцах-филистерах.

Отметим также травестийный образ Валькирии. Эта Валькирия не имеет никакого отношения к германскому мифу о дочерях Одина-Вотана. Сходным образом снижен, переведен с мифологического на утилитарный уровень еще один вариант статуи – «Валькирия с копилкой в голове» [12, с. 95] из стихотворения «Игрушки». Как будет подробнее сказано ниже, и у Валькирии-«Баварии» в голове окажется пуста. Кроме того, монумент как туристический аттракцион служит средством для сбора денег.

Мифологический образ коровы и связанный с ним эпитет «волоокий», который в мифопоэтике относится к богиням и подчеркивает их красоту, здесь также подвергается снижению, служа маркерами профанного пространства. Недаром «Бавария» также называется «почтенной дамой» [11, с. 242], т. е. филистершей. В аналогичном смысле упоминаются в стихотворении «В немецкой Мекке» «праздные коровницы» [11, с. 243], воплощение типажных немок. По сути, статуя Баварии выступает в качестве сатирического переосмысленного лжеидола богини. Отметим, что здесь начисто отсутствует мотив «монументофилии» [7, с. 29], какой бы то ни было эротический подтекст в описании.

Статуя изображается не только с помощью гиперболы (в стихотворении – рост в дюжину слонов, в реальности – примерно 18,5 метров), но и в символическом смысле как трюизм: «что за идея – на баварские финансы вылить в честь баварцев бабу и "Баварией" назвать?!» [11, с. 252]. Статуя, которая по задумке должна воплощать квинтэссенцию «баварности», быть

genius loci, является пустышкой. Характеристика пустоты (одновременно пространственной и духовной) усиливается тем, что фигура, являясь полой, описывается прежде всего не снаружи (например, сидящий рядом лев вовсе не упомянут), что обычно бывает при экфрасисе статуй, а изнутри, как бы демонстрируя ее подноготную. Таким образом, «Бавария» оборачивается симулякром, фальшивкой.

В отличие от идола, в котором, по представлениям верующих, обитает бог или демон, в лжеидоле «Баварии» находятся обыватели (болтающие немки, «потный бурш» [11] и т. п.). Мотив проникновения в это псевдосага sanctorum напоминает мотив проникновения лирического героя в склеп Шиллера и Гете, «народной славы торговый подвал» [11, с. 244]. В обоих случаях герой платит привратнику и в обоих случаях разочаровывается в увиденном. Мотив попадания в иное, смертельное пространство (пусть и поданный в сниженной травестийной форме) усиливается тем, что страж «Баварии» назван «величавым сфинксом», «неумолимым, как рок» [11, с. 253], что отсылает нас к образу египетского стража гробниц.

Травестийность сюжета также заключается в том, что в мифологии попадание в иное пространство может выступать как второе рождение человека. В стихотворении же «Бавария» мы имеем дело с инверсированным рождением: если младенец выходит из живота матери, то герой вслед за остальными «полез в живот» «почтенной дамы» [11, с. 252]. При этом подъем персонажа к голове статуи в соответствии с «вывернутой наоборот» логикой сюжета оборачивается прохождением через ад: «В животе был адский климат!»; там царила «гулкая темнота» [11]. Мотив иницирующего второго рождения подчеркивается на финальной стадии – при попадании в голову лжебогини: «Наконец, с трудом, сквозь горло влез я в голову пустую...» [11]. Но не все проходят через это испытание: толстяк-баварец с «темно-розовой плешью» [11], которая усиливает его сходство с младенцем, из-за своей тучности не может «родиться»: «Содрогаясь, как при родах, он мучительно старался влезть "Баварии" в мозги» [11, с. 253]. Здесь образ роженицы переносится на самого рождаемого. Заметим, что в мифологии смена гендерных ролей не такое уж редкое явление. Так, Зевс рождает Афины как раз из своей головы.

Инверсия проявляется также в том, что если, например, в романтическом экфрасисе «каждая встреча с предметом искусства есть обогащение...» [3, с. 71], то в данном случае герои лишь понапрасну теряют время и деньги. Ведь перерождения не происходит и с попавшими в голову лжеидола, поскольку их там ждет пустота. Маркером профанного пространства служит «дешевый стертый плюш» [11, с. 252] сидений для отдыха в голове статуи. Неудивительно, что герою не открываются здесь никакие мистериальные истины: «Поглядел и я сквозь дырку: небо, тучки – и у глаза голубиные следы» [11]. Священная тайна превращается в фарс. Герой разоблачает перед нами симулякр идола. В то же время эта инверсированная священная истина оказывается недоступной немцу-филистеру, остается для него загадкой: «О, наивный мой баварец! О, тщеславный рыцарь жира! Не узнать тебе вовеки, что в "Баварской" голове!» [11, с. 253]. Сходным образом назван «жестокою загадкой» шиллеровский «гениальный череп из папье-маше» [11, с. 242]. Жестокость заключается в отсутствии загадки, поскольку пустой череп из папье-маше ничего не сообщит о гениальности того, кому он уподоблен. В связи с мотивом тайны-загадки образ привратника-сфинкса приобретает дополнительные значения, отсылая нас уже к греческой мифологии. Мотив псевдозагадочности и сомнение в телеологичности нечеловеческого мира встречается и у Ф. И. Тютчева, в чьем стихотворении природа называется сфинксом, у которого загадки «нет и не было» [9, с. 251]. При этом отсутствие знака является знаком. Пустота статуи Баварии является материальным воплощением душевной пустоты филистеров.

Итак, в рассматриваемых нами немецких локусах происходит инверсия, когда статуи и люди меняются местами: первые получают черты вторых и наоборот. Кроме того, монументы выступают в качестве идолов, своего рода *genii loci* государства или отдельной земли/страны. Однако, поскольку действие развивается в рамках филистерского локуса, мифологическая основа вырождается. Русский герой, обладающий способностью взгляда со стороны, разоблачает подавляющую, губительную сторону статуи либо полностью десакрализует ее, показывает в травестийном варианте сюжета об идоле отсутствие означаемого, семантическую пустоту.

Литература

1. Иванов А. С. Оскорбленная любовь // Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирики. Стихотворения. 1905 – 1916. М.: Эллис Лак, 1996. .
2. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 11 т. Т. 6. М.: Худ. лит-ра, 1957. 686 с.
3. Морозова Н. Г. Акустический и акционный мотивы в романтическом экфрасисе // Интерэкспо ГЕО-Сибирь-2014 в 6 т. Т. 6. Глобальные процессы в региональном измерении: опыт истории и современность в 2 ч. Ч. 2. Новосибирск: СГГА, 2014.
4. Назиров Р. Г. Сюжет об оживающей статуе // Фольклор народов России. Фольклор и литература. Общее и особенное в фольклоре разных народов: межвузовский научный сборник. Уфа: Башкирский ун-тет, 1991.
5. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 17 т. Т. 5: Поэмы 1825 – 1833 / общ. ред. С. М. Бонди. М.: Воскресенье, 1994. 570 с.
6. Рубинс М. «Пластическая радость красоты»: Экфрасис в творчестве акмеистов и европейская традиция. СПб.: Академический проект, 2003. 357 с.
7. Солнцева Н. М. Сюжет о статуе // Вестник РУДН. (Серия: Литературоведение, журналистика). 2014. № 2. С. 29 – 35.
8. Тиме Г. А. Путешествие Москва – Берлин – Москва. Русский взгляд Другого (1919 – 1939) / отв. ред. Р. Ю. Данилевский. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 158 с.
9. Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. СПб: Т-во А. Ф. Марксъ. 1912. 712 с.

10. Ханинова Р. М. Некоторые аспекты экфрасиса в русской прозе XX века: статуй в парадигме текста // Преподаватель XXI век. 2007. № 4. С. 95 – 103.
11. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сатиры и лирика. Стихотворения. 1905 – 1916 / Сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. 464 с.
12. Черный С. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2: Эмигрантский уезд. Стихотворения и поэмы. 1917 – 1932 / сост., подгот. текста и коммент. А. С. Иванова. М.: Эллис Лак, 1996. 496 с.
13. Якобсон Р. Работы по поэтике: Переводы / сост. и общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Прогресс, 1987. 464 с.
14. Klemperer V. LTI. Notizbuch eines Philologen. Leipzig: Reclam, 1978. 302 s.
15. Mann H. Der Untertan. Leipzig: Kurt Wolf Verlag, 1918. Режим доступа: <http://www.gutenberg.org/files/-38126/38126-h/38126-h.html> (дата обращения: 3.01.2015).

Информация об авторе:

Жданов Сергей Сергеевич – кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков и межкультурных коммуникаций Сибирского государственного университета геосистем и технологий, fstud2008@yandex.ru.

Sergey S. Zhdanov – Candidate of Philology, Associate Professor, Head of Foreign Languages and Intercultural Communications Department, Siberian State University of Geosystems and Technology.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.

УДК 82.0

КЛАССИЧЕСКАЯ КОМЕДИЯ И КЛАССИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

(к вопросу о генезисе жанра)

Н. Н. Кириленко

CLASSIC COMEDY AND CLASSIC DETECTIVE STORY

(on the genesis of the genre)

N. N. Kirilenko

В статье ставится вопрос о происхождении жанра классического детектива, а именно о его преемственной связи с классической комедией. (Его связь с драматическим родом, точнее, с классической драмой уже рассматривалась в отдельной статье). При сопоставлении автор опирался на понимание классической драмы Н. Д. Тамарченко и на собственную концепцию классического детектива. Автор приходит к выводу, что классическая комедия является основным источником классического детектива на уровнях диалогов, типа героя и по практической роли игры и нормы.

The main thesis of the paper is that one of the fundamental literary sources of the classic detective story is the classic comedy. The connection of the classic detective story with the classic drama was discussed in a separated study. The author's comparison is based on N. D. Tamarchenko's conception of the classic drama and the author's conception of the classic detective story. The author came to the conclusion that the classic comedy is the main source of the classic detective story on the levels of dialogues, hero type and acting and norm.

Ключевые слова: классический детектив, жанр, классическая драма, классическая трагедия, классическая комедия, диалог, рациональность, игра, норма, тип героя.

Keywords: classic detective story, genre, classic drama, classic tragedy, classic comedy, dialogue, rationality, acting, norm, hero type.

Вопрос о том, какие явления можно считать «истоками жанра», его генезисом или генеалогией, требует отдельного, основательного и – в свете существующих гипотез – критического изучения и описания.

В своей работе «Драма как источник классического детектива» [11] мы говорили о несостоятельности попыток вывести **происхождение любого литературного жанра**, в том числе и жанров криминальной литературы, из реальной действительности, из социально-экономических предпосылок [17, с. 12] или из какого-либо философского течения [4].

Полагаем, что теоретическое осмысление проблемы происхождения литературного жанра должно проводиться без привлечения чужеродных, лежащих вне области *Слова*, элементов. В качестве истоков литера-

турного жанра могут рассматриваться, во-первых, уже давно сформировавшиеся к моменту его появления и во многих случаях уже и «застывшие» литературные жанры. Во-вторых, на ранних стадиях словесности, по концепции В. И. Тюпы, в такой роли могут выступать *протожанры* [25, с. 36]. Именно поэтому непродуктивным кажется нам и смешение понятий «основатели жанра» и его «истоки», что наблюдается в ряде работ [5; 6].

Исследуя генеалогию детектива, по нашему убеждению, необходимо:

– рассматривать происхождение не некоего «детектива» вообще, а конкретных жанров криминальной литературы, которые имеют различные источники. Например, от авантюрного романа тянется нить к

жанру авантюрного расследования, но не к классическому детективу и не к полицейскому роману;

- различать литературные и нелитературные источники жанра, т. е. протожанры, например, фольклорные;

- учитывать как способствующие востребованности того или иного жанра, но не рассматривать в качестве источников экономические условия, философские течения и т. д.;

- изучать каждый из источников отдельно.

В названной выше работе мы уже сопоставляли классический детектив с драмой как родом. В результате было выявлено сходство между единствами времени и места в драме и хронотопом классического детектива; признаки единства действия в классическом детективе; соотнесённость перипетии и детективного поворота и разрешение после катастрофы (комической) [11].

В настоящей статье мы намерены сопоставить классический детектив с классической трагедией и комедией там, где они выступают антагонистами: диалог и тип героя. Также это касается тех понятий, которые были определены нами как важнейшие в ходе работы над инвариантом классического детектива: это понятия *рациональности, игры и нормы* [10; 9; 12].

Прежде чем приступить к выполнению задачи, необходимо подчеркнуть, что мы будем говорить только о трагедии и комедии, **относящихся к классической драме**. Под *классической* здесь понимается не драма классицизма и не драматические произведения разных периодов, считающиеся к данному моменту *классикой*, а *классическая* в противоположность *новой*. Мы опираемся на разграничение этих видов драмы, сформулированное Н. Д. Тмарченко в главе «Драма» из «Теории литературы» [21] и, более подробно, в главе «Теории литературных жанров», которая так и называется «Классическая драма» [22]. Согласно данному пониманию, «исторические различия между классической и неклассической, или “новой”, драмой (разделяющий их рубеж – XVIII век) важны в не меньшей степени, чем разница между эпопеей и романом. Неучёт этих различий, попытки увидеть в драматургии XIX – XX вв. ту же художественную логику, на которой строилась драма древности, Средневековья и эпохи классицизма, ведут к неадекватным трактовкам» [21, с. 305].

Классическое противопоставляется *неклассическому* следующим образом: «Понятие “классический” по отношению к художественному творчеству всегда предполагает “образцовый” характер созданных произведений. <...> С этой точки зрения, наши представления о жанрах и особенно о жанровой системе классической драмы могут и должны опираться на литературное самосознание всего “периода Возрождения, классицизма, барокко”, который в целом “можно рассматривать как переходный”» [7, с. 32]; «к ней [к классической драме – Н. К.] в одинаковой мере относятся драматургия Шекспира и Кальдерона, с одной стороны; Мольера и Корнеля или Расина, с другой» [22, с. 296 – 297]. Такое достаточно широкое объединение историко-литературных периодов по принципу «дореклексивного традиционализма» («генерализующий подход к классической драме», как назвала это

явление В. Б. Зусева), не всем кажется достаточно продуктивным. Однако, в противном случае не только понятие «классическая драма» остается неопределённым, но и как следствие понятие «новая драма» совершенно размывается, что приводит, как писал Н. Д. Тмарченко, к неадекватным трактовкам пьес Чехова и т. д.

Материалом для нашего исследования служат тексты трагедий и комедий, соответствующие изложенному пониманию классической драмы.

Один из основных парадоксов драмы – при общепризнанной ведущей роли действия [30] она, по выражению Эрика Бентли, «изображает людей, которые говорят» [2]. Общее свойство драматического диалога названо С. Балухатым: «Драматический диалог, в общем, не может быть оторван от целого драматического поля пьесы: в каждом отдельном месте он несёт свою силовую функцию в общей драматической равнодействующей пьесы» [1].

Прежде чем сопоставлять данный вид речевых форм классической трагедии и комедии, с одной стороны, и классического детектива – с другой, необходимо подчеркнуть, что диалог в трагедии и комедии имеет свою специфику. В трагедии не распространены диалоги с подшучиванием и комическое комментирование чужой речи. Для комедии характерно и то, и другое; более того, *передразнивание* как чужих монологов, так и реплик противника в диалоге:

«Базиль. Он на каждом шагу роняет моё достоинство!

Фигаро. Я бы вас самого уронил с удовольствием!

Базиль. Всюду говорит, что я глуп!

Фигаро. Вы, значит, думаете, что я – эхо?

Базиль. Между тем сколько певцы благодаря моему таланту блеснули...

Фигаро. Ужаснули...» [3].

Диалоги с подслушиванием и комментированием есть уже на ранних стадиях в «Щите» Менандра, «Псевдоле» Плавта и «Формионе» Теренция. Сходным образом построены сцены передразнивания донна Херонимо доном Мендосой в «Дуэнье» Шеридана; подглядывания-подслушивания сэром Тоби и слугами чтения Мальволио записки и его монолога, сопровождаемой издевательскими комментариями в «Двенадцатой ночи» Шекспира (у Шекспира такого рода диалоги есть в каждой комедии) и т. д. Не менее важен для комедии вариант диалога, когда *чужое* слово повторяется с *комическим непониманием* (яркий образец – сцена в тюрьме в «Много шума из ничего»).

Это роднит комедию и классический детектив в аспекте диалогов. Диалоги между Дюпеном и рассказчиком, Шерлоком Холмсом и Уотсоном, Гастингсом и Пуаро, Шеппардом и Пуаро, а также любого классического сыщика и полиции – неотъемлемая часть жанра. (В отношении Шерлока Холмса об этом хорошо написал Джон Р. Фаулз [27]). Характерно, что внутренняя точка зрения, мысли Великого сыщика (Пуаро в «Береге удачи», во многих произведениях о мисс Марпл, особенно в «Карибской тайне» и «Немезиде») приводятся только тогда, когда у него нет постоянного спутника и он вынужден вести диалог с самим собой.

При этом для классического детектива важен не только диалог с явным подшучиванием:

«Пуаро, – сказал я. – Я только что думал...

– Очаровательное занятие, мой друг. Не гнушайтесь им и впредь» [13],

но совершенно особое значение приобретают диалоги с выражением *непонимания* между сыщиком и остальными персонажами:

«И поэтому Глэдис находят задуманной с прищепкой на носу, – пробормотала про себя мисс Марпл.

– Да, это было омерзительно. Настоящее издевательство. Гадкая и ненужная бравада.

Мисс Марпл покачала головой.

– Почему же не нужна? Всё по схеме.

Инспектор Нил с любопытством посмотрел на неё.

– Не совсем вас понимаю, мисс Марпл. О какой схеме вы говорите?

Лицо мисс Марпл вдруг вспыхнуло от волнения.

– Ведь это похоже..., тут же явная связь, понимае-те..., ведь от фактов никуда не убежишь.

– Боюсь, я плохо вас понимаю» [14].

Говоря о сходстве диалога в комедии и классическом детективе, необходимо отметить и различия между ними. С. Балухатый выделяет две отличительные черты диалога в драме: это форма *самовысказываний*, а драматическое слово всегда – автохарактеристика [1].

Наличие повествования обуславливает отличие классического детектива от драмы; форма косвенной речи для классического детектива также важна. Наряду с диалогами с подшучиванием есть и комическое *скрытое* (для других персонажей) *комментирование* рассказчиком того, что происходит, известное только читателю, что совершенно не характерно для драмы. *Непонимание* передаётся не только в диалогах, но и в повествовании, и оно значимо в обоих случаях.

Таким образом, в классическом детективе между монологами и диалогами, с одной стороны, и повествованием – с другой, происходит *взаимодействие* и *взаимоосвещение*, чего драма, конечно, лишена. Значимо для классического детектива и общее отличие драмы от эпики – разное изображение действия: «В повествовании так или иначе имеются две пространственно-временные ситуации: во-первых, время и место повествования, во-вторых, само действие» [31, с. 39].

Ранее мной была сформулирована жанровая концепция классического детектива, согласно которой для него важны не только логика и анализ, но и игровой аспект; преступление и расследование являются составляющими единого игрового действия, следовательно, это жанр *рационально-игровой*.

Говоря об игре, игровом герое, игровом жанре, мы всегда подразумеваем *игру* **внутри** мира художественного произведения, в частности, поведение персонажей: в первую очередь, сыщика и преступника, а также свидетелей и рассказчика-комментатора. Такое понимание не имеет ничего общего с «честной игрой» (*fair play*) с читателем, сторонниками которой были Стивен С. Ван Дайн, Рональд Нокс, Дороти Сейерс и др., писавшие о детективе как об интеллектуальной игре между автором «загадки» и читателем, в которой

честный автор должен следовать определённым правилам: дать читателю шанс разгадать тайну самому, не вводить читателя в заблуждение и т. д. [18; 20; 32 – 34]. Мы вообще **не имеем здесь в виду игровые отношения автора и читателя** и не называем особенности жанра классического детектива «правилами игры» [16].

Полагаем, что важными для классического детектива являются мотивы игры, инсценировки, театра, актёрства; также особую роль играют переодевания и всякого рода подмены. Соответственно сыщик побеждает преступника не только благодаря анализу, дедукции, но и *переигрывая* его. Внутри данного комплекса существенным является особый подвид мотивов, соотносённых с охотой: слежка, подслушивание, подглядывание и, особенно, ловушки. Таким образом, игровой характер следственных действий, проводимых классическим сыщиком, в отличие от официального расследования, очевиден. Особая роль в создании игрового пространства принадлежит как игровым по определению персонажам (актёрам, режиссёрам и др.), так и разного рода играм (карты, шахматы и т. д.), комическим стихам, считалкам и т. д. Стихия игры даётся в классическом детективе со знаком «плюс».

Если мы посмотрим на трагедию и комедию в русле заявленного нами подхода, то увидим следующее. Трагедия как жанр тяготеет к иррациональности: «...трагический герой невольно становится объектом приложения невидимых, но могущественных сил» [8, с. 99]. Успешная игра – удел злодеев. Остальные герои или являются жертвами чужой игры, лжи и обмана как редуцированных ее форм (Агамемнон у Эсхила; Отелло и Дездемона; Ипполит у Эврипида и Расина), или их попытки достигнуть своих целей с помощью игры (лжи, обмана) заканчиваются (автор просит прощения за тавтологию) трагически. Так, в «Ромео и Джульетте» мнимая, «разыгранная» смерть Джульетты «оборачивается настоящей, а “благодаря обману” – против его участников, делая их беззащитными перед враждебной судьбой (проявляющейся в прихотливой игре случая)» [22, с. 328]. Федру не может спасти от гибели ни игра в «злую мачеху», ни ложь Эноны.

Между тем, комедия явно рациональный жанр (рациональность здесь противопоставляется нами иррациональности, а не игре). А игра героев со всеми её характерными признаками – обманом, переодеваниями, всякого рода *подменами* – не только не осуждается, но составляет самую суть и движущую силу сюжета комедии. Комедия – произведение о том, *кто кого переиграл*.

Одна и та же интрига в трагедии и комедии Шекспира завершается противоположным образом: Джульетта притворяется мёртвой, и она гибнет; Геро объявляют мёртвой, и это её спасает. Отметим, что и в трагедии, и в комедии в данной интриге участвует монах.

Норма – важнейшее понятие для всей криминальной литературы и для классического детектива как её жанра. Преступление в начале произведения выступает как временное нарушение нормы. В конце произведения благодаря сыщику, в результате рассле-

дования, разоблачения и, как правило, наказания преступника норма восстанавливается.

Для драмы в целом и для комедии, в частности, понятие нормы чрезвычайно значимо. В своём исследовании «Драма» М. С. Кургинян писала, что «для комедии вообще характерно непосредственное возвращение к исходной ситуации, не разрушаемой, а варьируемой в ходе комедийного действия и так или иначе вновь предстающей в развязке» [15, с. 318]. Недаром, соглашаясь с концепцией драмы М. С. Кургинян, Н. Д. Тамарченко несколько раз использует понятие нормы, в частности: «Комедии как жанру свойственна категория **весёлого** (т. е. по сути дела, **благодетельного**) **обмана**. Такой обман, конечно, отклонение от нормы, но временное и являющиеся необходимым условием сохранения и утверждения этой нормы» [23, с. 410 – 411].

С другой стороны, говоря о трагедии (конкретно о «Ромео и Джульетте»), исследователь писал о **столкновении двух норм**: «...в этом случае перед нами не временное отклонение от некоей единой нормы или не столкновение правды с обманом, а противоборство двух правд или двух законов <...> в мире, в котором действуют герои, и в них самих существует раскол: равно весомы и актуальны две взаимоисключающие правды (речь идет не столько о юридических, сколько о нравственных нормах)» [23, с. 410 – 411].

В трагедии миропорядок восстанавливается ценой гибели (реже только страданий) героя. Абсолютный возврат к норме тут невозможен.

Но, как говорилось выше, он не только возможен, но обязателен в комедии; по мнению Пави, фабула комедии проходит через фазы равновесия, нарушения равновесия, обретения равновесия [19]; здесь налицо явное пересечение с точкой зрения М. С. Кургинян. В классическом детективе восстановление нормы отражает циклический сюжет, обрамляющий, как говорилось выше, кумулятивный.

Прежде чем сопоставлять классический детектив с трагедией и комедией по такому параметру, как **тип героя**, необходимо оговорить, какого героя мы «ищем».

Сыщик классического детектива является постоянным представителем *ненормального* в упорядоченном мире. Это фигура, выступающая на стороне закона, но родственная *плуту*. Преступление, как говорилось выше, выступает как временное нарушение нормы, а главный герой, находящийся на границе миров, и разрушает норму, и восстанавливает её. С другой стороны, классический сыщик, особенно это выражено до разоблачения преступника, является объектом насмешек. Постоянный комментарий к действиям мисс Марпл – «старушка не в себе»; но наиболее выражено это в случае Пуаро: чего стоит только кочующее из книги в книгу предположение, что он парикмахер (см. романы «Убийство Роджера Экройда»; «Зло под солнцем»; «Смерть миссис Мак-Джинти»; «Убийство в Месопотамии»). Вот типичный диалог из корпуса Пуаро, в котором очевидны мотивы увенчания-развенчания:

«С виду не изменился, только волосы малость поредели на макушке, зато вот метёлки вымахали почище прежнего.

– Э? – удивился Пуаро. – О чём это он?

– Восхищается вашими усами, – успокоительно ответил я.

– О да, они великолепны. – Пуаро самодовольно расправил усы.

Джепп оглушительно захохотал» [13].

Гротескным преступлению и преступнику противопоставит гротескный же сыщик, атрибуты которого – трубка, усы, скрипка – важнее лица, что указывает на связь образа сыщика с *маской*. Очень важной оказывается соотнесённость в классическом детективе *странного* и *смешного*, с одной стороны, и *страшного* – с другой.

Характерными чертами героя классического детектива являются отношение к расследованию как к игре; артистизм, неперенные театральные эффекты; склонность к переодеваниям; уникальность героя, лучшего сыщика на свете, единственного в своем роде на весь мир.

Герой трагедии не имеет ничего общего не только с частным случаем – всемогущим Великим сыщиком классического детектива, но и шире – с любым героем-посредником. И расследование преступления героем трагедии тут не может быть чертой, определяющей жанр.

В отличие от трагедии, в комедии два основных типа героя. Первый – *сам себе авантюрист*, я не буду останавливаться на нём, поскольку он и не является посредником, и не нуждается в нём (герои комедий Шекспира и Бена Джонсона, Лопе де Вега и Тирсо де Молины; Фигаро в «Женитьбе Фигаро» Бомарше). Интересующий нас тип героя – всемогущий посредник, являющийся главным героем, помогающий другим персонажам, главным образом, влюблённым, и обладающий признаками плута, представлен в комедии уже на ранних стадиях. Это движущие интригу раб Дав из комедии Менандра «Щит», раб Псевдол у Плавта и паразит Формион у Теренция. О Формионе в прологе говорится: «В ней Формиону-паразиту первую / Даём мы роль; с соизволения вашего / Ему вести мы предоставим действие» [24] (в одной из сцен, впрочем, его двойником выступает раб Гета). В первой же сцене Формиона называют пройдохой; Псевдола на протяжении всей комедии – и того хуже, а в конце он предстаёт пьяным и в венке. Мотивы увенчания-развенчания характерны для комедии с таким типом героя.

Далее, через комедию дель арте, это герои комедий Мольера – Сганарель («Летающий лекар»), Скапен («Проделки Скапена» и Маскариль («Шалый или все невпопад»), отметим, что это явная переделка «Псевдола» Плавта; Фигаро из «Севильского цирюльника» Бомарше (в «Женитьбе Фигаро» у него принципиально другая функция), а также Маргарита из «Дуэньи» Шеридана, хотя она и устраивает заодно с судьбой влюблённых свою собственную. Но важно при этом отсутствие любовного начала; её старый возраст и внешний практически бесполой вид (борода). Сюда же мы относим Ридольфо, содержателя кофейной, из «Кофейной» Гольдони, несмотря на сильную ослабленность игрового начала. Все перечисленные персонажи принципиально отличаются от Труффальдино («Слуга двух господ» Гольдони), который

преследует сугубо свои интересы, так как влюблённые оказываются вместе не благодаря, а вопреки его усилиям. В заглавиях комедий с героем-посредником, как видно из приведённых примеров, обычно отражена ведущая роль данного героя.

Примером комедии, в которой персонаж такого типа не является главным героем, но играет решающую роль в благополучной развязке является отец Франциск из «Много шума из ничего» Шекспира. Ему и принадлежит удачная идея с мнимой смертью Геро, то есть и он *плутует*.

Приведённый материал демонстрирует, что одним из основных истоков классического детектива можно считать комедию, но никак не трагедию. О «Царе-Эдипе» же можно говорить как об источнике другого криминального жанра – расследования жертвы, однако это требует отдельного рассмотрения. (Важнейший

для криминальной литературы расследования жанр выделен О. В. Федуниной. См. раздел «“Расследование жертвы” в криминальной литературе: специфика героя и жанра» в работе [12], а также работы [28 – 29]).

Таким образом, мы считаем доказанным не только сильнейшее влияние на классический детектив драмы как рода на уровнях хронотопа, сюжета и композиции, а также жанра классической комедии на уровнях диалогов, типа героя и по практической роли игры и категории нормы, но и то, что они являются важными его источниками.

Другие – как литературные, так и нелитературные – источники классического детектива требуют отдельных исследований, и это направление представляется очень перспективным.

Литература

1. Балухатый С. Д. Проблемы драматургического анализа. Чехов. Л.: ACADEMIA, 1927. 186 с. Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/chekhov/critics/bal/bal-001-.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
2. Бентли Э. Жизнь драмы. М., 2004.
3. Бомарше Ж. Женитьба Фигаро. 186 с. Режим доступа: <http://www.litmir.net/bd/?b=105490> (дата обращения: 12.02.2014).
4. Бугорская Н. В. Научный «подтекст» в литературном тексте: философия науки и жанр детектива // Филология и человек. 2013. № 3. С. 98–107.
5. Гучетль З. Х., Жажиева Р. С. Парадигмы адыгейского детективного жанра // Вестник Адыгейского государственного университета. (Серия 2. Филология и искусствоведение). 2013. № 3 (126). С. 151 – 156. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/paradigmy-adygeyskogo-detektivnogo-zhanra> (дата обращения: 02.09.2014).
6. Демьяненко Ю. Иронический детектив в контексте современной литературы. 2010. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2010/06/15/1485> (дата обращения 02.09.2014).
7. Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994.
8. Ищук-Фадеева Н. И. Комедия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной, 2008. 358 с.
9. Кириленко Н. Н. Авантюрное расследование или классический детектив // Новый филологический вестник. 2012. № 2(21). С. 80 – 95.
10. Кириленко Н. Н. Детектив: логика и игра // Новый филологический вестник. 2009. № 2(9). С. 27 – 47; № 3(10). С. 105 – 115; № 4(11). С. 74 – 84; 2010. № 1(12). С. 16 – 32; № 4(15). С. 23 – 40; 2011. № 1(16). С. 13 – 24.
11. Кириленко Н. Н. Драма как источник классического детектива // Вестник РГГУ. (В печати.)
12. Кириленко Н. Н., Федунина О. В. Жанры криминальной литературы как теоретическая проблема // Поэтика литературных жанров. Генезис и типология. М.: РГГУ, 2014. (В печати.)
13. Кристи А. Загадка Эндхауза. Режим доступа: <http://coollib.net/b/6337/read> (дата обращения: 13.03.2014).
14. Кристи А. Карман полный ржи. Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=15495&p=8> (дата обращения: 23.03.2014).
15. Кургиян М. С. Драма // Теория литературы: Основные проблемы в историческом освещении. Т. 2. М., 1964.
16. Лаврин А. Правила игры // Загадка миссис Дикинсон: антология. М., 1992. С. 3 – 6.
17. Маркулан Я. Зарубежный кинодетектив: опыт изучения одного из жанров буржуазной массовой культуры. Л., 1975.
18. Нокс Р. Присяга детективного клуба // Как сделать детектив. М., 1990. С. 80 – 82.
19. Пави П. Словарь театра. М., 1991. С. 146 – 147.
20. Сэерс Д. Английский детективный роман. Режим доступа: <http://www.rulit.org/read/38> (дата обращения: 22.08.13).
21. Тamarченко Н. Д. Драма // Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тamarченко. М., 2004. Т. 1.
22. Тamarченко Н. Д. Классическая драма // Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тamarченко. М., 2008.
23. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тamarченко. М., 2004. Т. 1: Н. Д. Тamarченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. 512 с.
24. Теренций. Формион. Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=42593&p=1> (дата обращения: 13.03.2014).
25. Тюпа В. И. Генезис литературных жанров // Дискурс / жанр. М., 2013. С. 36.

26. Тюпа В. И. Проблема генезиса // Теория литературных жанров / под ред. Н. Д. Тамарченко. М., 2008. С. 25 – 41.
27. Фаулз Дж. Конан Дойл // Кротовые норы. Режим доступа: <http://www.acdoyle.ru/about/fowles-kn.htm> (дата обращения: 23.01.2013).
28. Федунина О. В. Кругозор героев и жанр в криминальной литературе (постановка проблемы) // Жанры в историко-литературном процессе: сборник научных статей / Науч. ред. Т. В. Мальцева. Вып. 5. СПб., 2013. С. 161 – 171.
29. Федунина О. В. «Следователь-жертва» в криминальной литературе: к вопросу о типологии героя и жанра // Новый филологический вестник. 2012. № 2(21). С. 130 – 141.
30. Фейхтвангер Л. Переживание и драма. Режим доступа: <http://lib.ru/INPROZ/FEJHTWANGER/articles.txt> (дата обращения: 25.04.2014).
31. Хализев В. Е. Драма как род литературы (поэтика, генезис, функционирование). М., 1986.
32. Knox R. 10 Commandments of Detective Fiction. Режим доступа: <http://www.writingclasses.com/InformationPages/index.php/PageID/303> (дата обращения: 22.08.13).
33. Symons J. The Detective Story in Britain. L., 1962.
34. Van Dine S. S. Twenty rules for writing detectives stories // The American Magazine. 1928. 3 September. V. 106.

Информация об авторе:

Кириленко Наталья Натановна – аспирант кафедры теоретической и исторической поэтики ИФИ Российского государственного гуманитарного университета, Москва, nkirilenko466@gmail.com.

Natalia N. Kirilenko – post-graduate student at the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute for History and Philology, Russian State University for the Humanities.

(**Научный руководитель: Тюпа Валерий Игоревич** – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета, v.tiupa@gmail.com).

Valery I. Tyupa – Doctor of Philology, professor and the head of the Poetic Theory and History Chair of the Institute of Philology and History, the Russian State University for the Humanities).

Статья поступила в редколлегию 26.12.2014 г.

УДК 82.081

ОБ ОДНОМ «БИБЛЕЙСКОМ» ПЛЕМЕНИ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ М. ГОРЬКОГО И И. А. БУНИНА

И. С. Урюпин

ABOUT A “BIBLICAL” TRIBE IN THE ART CONSCIOUSNESS OF M. GORKY AND I. BUNIN

I. S. Uryupin

В статье в широком историко-культурном и религиозно-философском контексте рассматривается бытие и функционирование восходящего к Библии культуронима/смыслообраза/эйдоса «амаликитяне» в произведениях М. Горького и Ив. Бунина, выявляется его историософский и мифопоэтический потенциал. Мифосуггестивное имя ветхозаветного племени амаликитян в культурно-философском сознании человечества приобрело архетипический смысл, различные семантические грани которого актуализировали М. Горький в рассказе «Бывшие люди» и Ив. Бунин в автобиографическом романе «Жизнь Арсеньева».

The paper focuses on the matter and functioning of the biblical culturonym/semantic image/eidos “Amalekites” in M. Gorky and I. Bunin's works. The concept is considered in a wide historical and cultural and religious and philosophical context, its historical, philosophical, mythological and poetic potential is revealed. The name of the tribe of Amalekites mentioned in the Old Testament and appealing to myths acquired an archetypic meaning in the cultural and philosophical consciousness of mankind; its semantic shades were appealed to in M. Gorky's story “Former People” and in I. Bunin's autobiographical novel “Arsenyev's Life”.

Ключевые слова: М. Горький, И. А. Бунин, библейский текст в русской литературе, амаликитяне, архетип, прецедентный феномен.

Keywords: M. Gorky, I. A. Bunin, biblical text in the Russian literature, Amalekites, archetype, case phenomenon.

Размышляя «о поэзии в Библии», В. В. Розанов отмечал удивительную особенность Священного Писания, в котором явственно выразилась «вся плоть человеческая, весь круг ее, начало и завершение, – все» [14, с. 460], и потому каждое слово в ней, будучи свидетельством Бога о мире, содержало глубинный

духовно-символический смысл, и каждый, даже самый незначительный на первый взгляд, сюжетный ход, констатирующий *бытие* мифологических героев и событий в их «исторической» перспективе, в сознании русского человека окружался ореолом тайны. Такой ореол тайны с древнейших времен, когда начало

распространяться на Руси христианство, и вместе с богослужебными византийскими книгами в духовную жизнь русского народа вошла Библия, воспринятая им как великая «книга былей», стал сопутствовать всем отраженным в ней фактам и событиям, именам и реалиям, вызывавшим чувство священного трепета и благоговения.

Особый интерес у приобщившегося к божественному промыслу соотечественника, до которого, по словам киевского митрополита Илариона (XI век), «вера бо благодатнаа по всей земли прострся и до нашего языка рускааго доиде» [7, с. 44], проявился к неведомым, легендарным народам, уже ушедшим с авансцен истории и уступившим место другим, просветившимся светом Христовой Правды: «Лепо бо бе благодати и истине на новы люди въсиати: не въливають бо, по словеси господню, вина новааго учения благодатна въ мехы ветхы, обетывавши въ иудействе <...> Нъ ново учение – новы мехы, новы языки» [7, с. 44]. Старые же – «ветхие» – народы/языки, населявшие Святую землю (моавитяне, аммонитяне, амаликитяне, филистимляне, хананеяне, мадианитяне, сидоняне и пр.), по воле Всемогущего Яхве покорившиеся «избранному народу» и растворившиеся в его недрах, стали с тех пор «притчей во языцех» (Втор. 28, 37).

Поистине «притчей» (в значении «предмета общих разговоров» [10, с. 127]) в библейской истории Ветхого Завета оказалось племя *амаликитян*, названное в Священном Пятикнижии Моисеевом «первым из народов» (Чис. 24, 20) хананейских. Занимая обширную территорию к югу от Палестины, между Эдомом и Египтом, амаликитяне, отличавшиеся могуществом и воинственностью, были «разбиты в битве с сынами Израилевыми при Рафадиме, и за свой грех, что противодействовали благостоянию народа Божия, подверглись Его страшному суду», да так, что «над ними исполнилось слово Господне, и имя их исчезло с лица земли» [1, с. 38]. С тех пор всякое упоминание об этом народе вызывало как у иудеев, так и у христиан неизменные ассоциации с Божественной карой и возмездием, и само имя амаликитян, войдя в разряд «прецедентных феноменов», приобрело статус «имени-символа, указывающего на некоторую эталонную совокупность определенных качеств» [13, с. 107], главное из которых – противоборство судьбе/Богу = богоборчество.

Однако «богоборчество» амаликитян, предопределенное свыше и позволившее пророку Моисею «на месте победы» над дерзким племенем Амалика воздвигнуть «жертвенник под названием Иегова Нисси (Господь знамя мое)» [9, с. 115], в религиозном сознании христиан, проецировавших сюжеты и образы Священной Истории на духовное бытие единоверцев, прочно связывалось с торжеством богочеловеческого закона/«знамени Господня» над человекобожеским своеволием. Диалектика *богочеловеческого* и *человекобожеского* начал, фундаментальная основа православной онтологии и аксиологии, во всей метафизической глубине осмысленная Ф. М. Достоевским и ставшая предметом постоянных рефлексий отечественных мыслителей рубежа XIX – XX веков, не выходила за пределы новозаветной традиции. А между тем едва ли не все сакральные образы и мифологемы Евангелий имеют ветхозаветный источник, в том числе и

главный символ христианского спасения и искупления – крест – восходит к той части Священного Писания, в которой повествуется об амаликитянах. «Сам Моисей во время битвы (с амаликитянами. – И. У.) стоял на горе, наблюдая за ходом сражения и придавая чудесную силу своим воинам поднятием своих рук, знаменовавших силу молитвы и прообразовавших силу креста» [9, с. 115].

Чрезвычайно мифосуггестивное имя этого «библейского» народа, противоборствовавшего Единому Богу (а потому амаликитяне не случайно упоминаются в различных мусульманских легендах и преданиях, в которых «выступают как древний народ Аравии, связанный с историей пророка Худа» [12, с. 65]), в культурно-философском сознании человечества стало архетипическим и «во всех случаях», по замечанию М. Б. Пиотровского, вызывало ассоциации с образом «народа-притеснителя, народа-угнетателя» и «в конечном счете» – «побеждаемого врага» [12, с. 65]. В русской духовно-религиозной традиции за амаликитянами закрепилось представление как о некоем *таинственном – чуждом – чужом – непонятном* народе. Такое представление нашло отражение и в «египетской повести» Н. С. Лескова «Гора» (1888, 1890), написанной на сюжет древнерусского Пролога от 7 октября, один из героев которой, «старый амаликитянин», противопоставляет себя александрийско-римскому миру: «Я не здешний» [8, с. 6]. Маргинальность амаликитянина в произведении Н. С. Лескова, проецируемая на маргинальность амаликитян как народа, оказавшегося в историческом тупике по отношению к магистральному движению человечества в его устремленности к «Абсолютному Духу» (Г. В. Гегель), в социокультурном и нравственно-философском контексте русской литературы рубежа XIX – XX веков приобретала отчетливо выраженный символический смысл. Однако несомненный сверхрационально-аллегорический потенциал имени легендарного ветхозаветного племени обнаруживается не только в «библейских» текстах В. Я. Брюсова и Д. С. Мережковского, прямо ориентированных на эстетику символизма, но и в творчестве писателей, остававшихся по преимуществу в орбите реализма, как М. Горький и И. А. Бунин.

В художественном сознании и М. Горького, и И. А. Бунина – при всем их разнонаправленном идейно-эстетическом движении в пространстве русской литературы – нередко возникают восходящие к Библии первосмыслы и первообразы, в которых сконцентрированы глубинные нравственно-философские проблемы, актуализируемые нередко через систему имплицитно-эксплицитных мифологем. Ассоциативно-аллюзийными маркерами этих мифологем зачастую выступают разного рода культуронимы, к числу которых относится и имя «библейского» племени – амаликитяне. В рассказе М. Горького «Бывшие люди» (1897) оказавшийся «на дне» жизни «первый» постоялец ночлежного дома Аристида Кувалды тряпичник Тяпá, все время погруженный в чтение «Библии, такой же старой и грязной, как сам он» [4, с. 186], пытается разобраться в перипетиях Священной Истории, разгадать «логику» и «диалектику» божественного промысла, возвышающего одни и сокрушающего другие народы и государства. Судьба амаликитян не дает ему

покая. В беседе с бывшим учителем («Вот – ты ученый был... Библию-то читал?» [4, с. 186]) старик тряпичник интересуется: «Помнишь, были там амаликитяне? <...> Где они теперь?» [4, с. 187]. «Исчезли, Тяпа, – вымерли», – с полной уверенностью ответил учитель, недоумевая над очевидностью ответа и риторичностью самого вопроса, в постановке которого между тем чувствовалась какая-то глубокая подоплека, проступающая в череде вопрошаний: «– А филистимляне? – И эти тоже... – Все вымерли? – Все... – Так... А мы тоже вымерем? – Придет время – и мы вымерем, – равнодушно обещал учитель» [4, с. 187].

Печальная участь, уготованная свыше даже самым могущественным народам, переживающим, по Л. Н. Гумилеву, «ряд дискретных процессов – этногенезов» [5, с. 67] – от исторического «рождения» до исторической «смерти», а потому рано или поздно обреченным стать «бывшими», вызывает у горьковского персонажа чувство тревоги и отчаяния, но вместе с тем и напряженный поиск некоего Абсолюта, утверждаемого Библией. Тяпа не может смириться со своим нынешним состоянием «бывшего человека», ищет оправдания и предназначения своего бытия, равно как и бытия своего народа, которому, убежден тряпичник, предопределено особое назначение в вечности и историческом времени. Отсюда всякая болезненная для героя попытка самоидентификации – личной и коллективно-этнической («А от которого мы из колен Израилевых?»), ибо все человечество происходит из единого корня: «От господ – Адам, от Адама – евреи, значит все люди от евреев... И мы тоже» [4, с. 187]. Все аргументы учителя, который «стал рассказывать о киммерийцах, скифах, славянах» как первопредках русского народа, были решительно отвергнуты стариком: «Врешь ты все! <...> Какие ты народы назвал? Нет их в Библии» [4, с. 187].

«Кто мы?» – этот вопрос, не дающий тряпичнику покоя, становится лейтмотивом всего рассказа М. Горького наряду с мотивами поиска смысла существования человека – «бывшего» и «настоящего», пытающегося понять свое предназначение в мире: в семье, обществе, государстве, народе. Не случайно писателем очень остро была поставлена проблема национально-культурной идентичности русского народа и его места в мировой истории. «– Был ты ученый... должен знать – кто мы? – Славяне, Тяпа, – ответил учитель. – Говори по Библии – там таких нет. Кто мы – вавилоняне, что ли? Или – эдом?» [4, с. 187]. Феномен славянства и его цивилизационной самобытности, глубоко и всесторонне осмысленный К. Н. Леонтьевым, а вслед за ним и Н. Я. Данилевским, в конце XIX века наряду с эллинизмом, латинством, германизмом оказывается вовлечен в духовно-культурную орбиту Священного Предания, «санкционирующего» бытие исторических народов. «Всемирно-исторический опыт, – утверждал Н. Я. Данилевский, – говорит нам, что ежели славянство не будет иметь этого высокого смысла, то оно не будет иметь никакого», и ему «ничего другого не остается, как распуститься, раствориться и обратиться в этнографический материал» [6, с. 142], подобно библейским амаликитянам. А потому так важно уяснить место русского народа в священной иерархии. «Значит, в народах, богу известных, – русских нет?» – вопрошает Тяпа. – «Неизвест-

ные мы богу люди? Так ли? Которые в Библии записаны – господь тех знал... Сокрушал их огнем и мечом, разрушал города и села их, а пророков посылал им для поучения, – жалел, значит» [4, с. 187].

«А мы как же? Почему у нас пророков нет?» [4, с. 187], – эти вопросы, так и оставленные без ответа, будут волновать горьковского старика на протяжении всего рассказа: «Кто мы? То-то! Почему у нас нет пророков? А где мы были, когда Христос по земле ходил?» [4, с. 188]. В уста народного правдоискателя и толкователя Библии писатель вкладывает аргументы горячего спора современников о миссии русского народа и его «национальном мессианизме» (Е. Н. Трубецкой): является ли русский народ «историческим», «Богу известным»/«богоносным», избран ли он Господом, как народ еврейский, или забыт и отвергнут, как амаликитяне, есть ли у него будущее или он обречен стать «бывшим»? «Разве целый народ может умереть? Народ русский не может исчезнуть <...> он в Библии записан, только неизвестно под каким словом. <...> Народ не может умереть, человек может... а народ нужен богу, он строитель земли» [4, с. 188]. Даже пресловутые амаликитяне, убежден Тяпа, «не умерли – они немцы или французы» [4, с. 188], само существование которых имеет смысл лишь постольку, поскольку они выступают орудием божественного промысла о мире, человеке и человечестве. Позиция горьковского героя – «старика», во всем уповающего на Библию, у самого писателя, имевшего весьма сложное и неоднозначное отношение к религии и «мессианскому» духу вообще, нередко вызывала иронию. В статье «О старичках» М. Горький точно охарактеризовал категорию людей, подобных тряпичнику Тяпа: «Наш старичок, – пустяковый человек, однако он тоже типичен. Его основное качество – нежная любовь к самому себе, к “вечным истинам”, которые он вычитал из различных евангелий, и к “проклятым вопросам”, которые не разрешаются словами» [3, с. 158]. Стремление персонажа разгадать смысл своего существования и убедиться с том, что мы – не амаликитяне, исчезнувшие с лица земли, при всем различии художественного сознания героя и автора, вызывало у М. Горького уважение. Имя библейского племени – амаликитяне, ставшего символом растворившегося в небытие народа, привлекало не только М. Горького (но в силу известных политических обстоятельств этот факт никак не подвергся осмыслению в советском горьковедении, не нашел отражения и в комментариях к собранию сочинений писателя), но и И. А. Бунина, размышлявшего в своих произведениях об исторической судьбе русского народа. В этих размышлениях писателя об *историческом призвании исторического народа* так же, как и в художественном дискурсе М. Горького, особое место отводится амаликитянам.

Имя легендарного библейского народа встречается в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» (1927 – 1933) неоднократно. Именно с амаликитянами ассоциируется у героя конец детства и начало отрочества, когда после вступительных испытаний в гимназию, где его в числе прочего попросили рассказать, «кто такие были амаликитяне» [2, с. 42], «Алеши не стало», а появился «Арсеньев Алексей, ученик первого класса такой-то мужской гимназии» [2, с. 40]. И с тех пор таинственные амаликитяне стали казаться воплощением

гимназической рутины, того бесполезного знания классической древности, которое бесконечно далеко от современности, от реальных и насущных проблем и забот привольной жизни в имении «среди моря хлебов, трав и цветов» [2, с. 7]. «Совершенно справедливо говорил отец», признавался герой романа, вспоминая свои отроческие годы с высоты прожитых лет: «— И на черта ему эти амаликитяне?» [2, с. 44]. «На что мне были амаликитяне?» [2, с. 48] — вопрошал Арсеньев, окидывая мысленным взором череду гимназических хлопот и волнений, городскую суету и неизбежный разрыв с родовым гнездом, родительским домом, безмятежная жизнь в котором стала казаться настоящим сном: «<...> все сон! Грустный ли, тяжелый ли? Нет, все-таки счастливый, легкий...» [2, с. 48].

В книге «Жизнь Бунина. 1870 – 1906» В. Н. Муромцева-Бунина, повествуя о становлении личности будущего писателя, о его детских впечатлениях, навсегда оставшихся в памяти, упоминала тот же самый эпизод об «амаликитянах», что был художественно развернут в романе: после возвращения из Ельца в Озерки «отец все повторял: “Зачем ему эти амаликитяне?”», сетуя на то, что «экзамены оказались легкими» [11, с. 41] и разочаровали все лето готовившегося к ним со старшим братом Юлием Ивана. Этот же вопрос «Зачем ему амаликитяне?» задаст отец И. А. Бунина и спустя несколько лет, когда «после Святки» пришло время ехать в Елец», и «Ваня твердо заявил,

что он не хочет больше возвращаться в гимназию» [11, с. 62]. Но теперь уже в словах отца звучало не только осуждение, но и оправдание поступка сына, решившего подготовиться к аттестату зрелости самостоятельно, получив не абстрактные знания о никому ненужных амаликитянах, а самые настоящие знания о реальной, подлинной жизни человека «во Вселенной, в бесконечности времени и пространства» [2, с. 212]. В романе «Жизнь Арсеньева» судьба человека вписана в вечный круговорот бытия, в «ветхозаветную» парадигму [15], в которой наряду с любимой героиней Книгой Екклесиаста, источником мудрости, и вдохновенной Псалтирью часто вспоминается история библейского племени амаликитян из Книги Бытия, которому «в “последние дни”» суждено стать «главным народом» [16, с. 863].

В художественном сознании и И. А. Бунина, и М. Горького, сформированном культурно-религиозной традицией «бытового православия» (Н. А. Бердяев), ставшего неотъемлемой частью русского национального миропонимания, амаликитяне, неизменно ассоциируясь с библейской древностью, явились символом божественного предопределения судьбы исторического народа, разгадать великий смысл которого («зачем эти амаликитяне?») — значит уяснить сущность бытия отдельного человека/личности в его духовной ретро- и перспективе.

Литература

1. Библийская энциклопедия / сост. арх. Никифор. М.: ТЕРРА, 1990. 902 с.
2. Бунин И. А. Собр. соч.: в 6 т. Т. 5. М.: Сантакс, 1994. 480 с.
3. Горький М. Публицистические статьи. Л.: ОГИЗ - ЛЕНГИХЛ, 1933. 415 с.
4. Горький М. Рассказы. Пьесы. Мать. М.: Худож. лит., 1977. 671 с.
5. Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: Эксмо, 2008. 848 с.
6. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Эпоха столкновения цивилизаций. М.: Алгоритм, 2014. 592 с.
7. Иларион. Слово о Законе и Благодати // Красноречие Древней Руси (XI – XVII вв.). М.: Сов. Россия, 1987.
8. Лесков Н. С. Собр. соч.: в 12 т. Т. 10. М.: Правда, 1989. 416 с.
9. Лопухин А. П. Библийская история Ветхого Завета. Монреаль: Издание братства преп. Иова Почаевского, 1986. 402 с.
10. Михельсон М. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1994. 832 с.
11. Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь Бунина. Беседы с памятью. М.: Советский писатель, 1989. 512 с.
12. Пиотровский М.. Амалик // Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2 т. Т. 1. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Рос. энциклопедия, 1994.
13. Распаева Г. Д. Прецедентные феномены со сферой-источником «Ветхий Завет» в произведениях Л. Н. Толстого // Мировая литература в контексте культуры: сборник статей / под ред. Н. С. Бочкаревой. Пермь, 2008.
14. Розанов В. В. Уединенное. М.: Политиздат, 1990. 543 с.
15. Урюпин И. С. Ветхозаветный текст в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Метафизика И. А. Бунина: сборник научных трудов. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2014. Вып. 3. С. 34 – 39.
16. Щедровицкий Д. В. Введение в Ветхий Завет. М.: Теревинф, 2003. 1088 с.

Информация об авторе:

Урюпин Игорь Сергеевич — доктор филологических наук, профессор кафедры теории и истории литературы, директор Института филологии Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина, 8-904-219-88-07, isuryupin78@mail.ru.

Igor S. Uryupin – Doctor of Philology, Professor at the Department of Theory and History of Literature, Director of the Institute of Philology, I. A. Bunin Yelets State University.

Статья поступила в редколлегию 20.10.2014 г.

К ПРОБЛЕМЕ ТРАНСФОРМАЦИИ ЖАНРА ПОВЕСТИ

И. А. Юртаева

TO THE PROBLEM OF THE TRANSFORMATION OF THE GENRE OF SHORT STORY

I. A. Yurtaeva

Данная статья посвящена проблеме видоизменения традиционной жанровой структуры повести. Трансформация жанра – явление многомерное, проявляющееся на всех уровнях структуры художественного целого. Основным фактором, оказывающим воздействие на изменение жанровой структуры повести в историко-литературном процессе, является влияние романа.

The paper deals with the problem of modification of traditional genre structure of the short story. The transformation of the genre is a significant phenomenon revealing itself at all levels of the structure of literary work. The main cause of changes in the structure of the genre of short story is the influence of the novel in the historical process.

Ключевые слова: роман, повесть, структура, модификация, процесс.

Keywords: novel, story, genre, structure, modification, process.

Процесс становления новых форм искусства сопровождается видоизменением старых, канонических жанровых структур, что приводит к образованию новых жанровых особенностей.

Изменение традиционной жанровой структуры происходит под влиянием взаимодействия с другими жанрами в живой литературной практике. Процесс взаимовлияния жанров констатировал Л. Н. Толстой. Он писал, что «в новом периоде русской литературы нет ни полного художественного прозаического произведения, немного выходящего из посредственности, которое бы вполне укладывалось в форму романа, поэмы или повести» [18, с. 7].

Приведенная запись была сделана в 1860-е годы в авторском предисловии к роману «Война и мир», то есть в тот период развития русской литературы, когда роман стал ведущим жанром. Для характеристики жанрового своеобразия повести нового времени важно отметить, что Л. Н. Толстой обращается к работе над повестями после завершения работы над «Войной и миром», «Анной Карениной», используя творческий опыт работы над романами. В то же время следует отметить, что работа над произведениями, написанными в жанре повести, как, например, повесть «Казаки», подготавливала переход к созданию романа и включала элементы романной структуры.

Важно отметить, что жанровое своеобразие произведений определяется особенностью их функционирования в конкретный период развития историко-литературного процесса.

Функциональный подход играет важнейшую роль для определения жанрового своеобразия произведения. Как отмечает Н. Л. Лейдерман, «теория жанра может обрести определенность, если к ней будет применен функциональный подход» [12, с. 3].

Примером такого рода можно считать повести, написанные в конце XIX века, когда в силу ряда исторических причин повесть становится ведущим жанром и начинает выполнять функции романа, что не могло не отразиться на жанровой структуре повестей А. П. Чехова, В. М. Гаршина, Л. Н. Толстого.

«В эпохи господства романа почти все жанры в большей или меньшей степени романизируются» [1, с. 450]. О своем желании написать роман неоднократно

говорили и писали А. П. Чехов, В. М. Гаршин, но только Л. Н. Толстой реализовал это намерение, написав роман «Воскресение». Появлению этого произведения предшествовала публикация повестей «Смерть Ивана Ильича», «Крейцера соната», «Дьявол», «Отец Сергей», «Фальшивый купон». Кроме того, в таком контексте следует отметить, что роман «Воскресение» возникает неожиданно быстро, буквально в течение нескольких месяцев на основе замысла «Коневской повести».

Рассмотрение процесса жанровой трансформации повести под влиянием романа на материале повестей Л. Н. Толстого 1880 – 90-х годов представляет особый интерес, потому что в кризисный период при переходе от «Народных рассказов» к «Воскресению» писатель в своем творчестве обращается к истокам жанра и стремится возродить традиционные жанровые формы в их исходном состоянии, что обусловлено особенностями философских, этико-религиозных исканий писателя в восьмидесятые годы XIX века. Поэтому можно сказать, что явление «романизации» проявляется в повестях Л. Н. Толстого в «классическом» варианте именно как процесс.

Что же касается произведений молодых современников Л. Н. Толстого – А. П. Чехова, В. М. Гаршина, то романизация в этом случае предстает не как процесс, а как доминирующий признак, определяющий специфику их жанровой структуры.

Следует отметить, что специально проблема романизации в современном литературоведении не исследовалась, хотя отдельные аспекты проблемы, а также особенности взаимодействия повести и романа освещались в некоторых работах [4; 5; 10; 13].

Но тем не менее «в живой литературной практике происходит как синтез, так и дифференциация жанровых форм. Новые «синтетические» формы, возникающие в результате взаимодействия традиционных жанров и отражающие тенденцию литературы к «обобщенному, всеохватывающему воссозданию действительности, не заменяют... старые, а дополняют их, сосуществуют с ними, расширяя возможности литературы в отображении действительности. Причем, все эти формы литературы (как родовые, так и жанровые), несмотря на их «зыбкость» и неподвижность границ,

все же сохраняют качественную определенность в строгом соответствии со своими специфическими функциями» [20, с. 5 – 6].

Поэтому необходимо выделить основные критерии разграничения жанров повести и романа. Разрешение этой проблемы достаточно сложно, прежде всего, из-за неразвитости общей теории жанра. Размер или масштаб не считается существенным признаком в классификации эпических жанров и отвергается исследователями как малосущественный. Характеризуя своеобразие сюжета повести, Б. А. Грифцов пишет, что «повесть медленна и малосюжетна» [9, с. 30].

Выявляя специфику жанра повести с точки зрения соотношения сюжета и фабулы, Ю. В. Шатин приходит к следующему выводу: «В отличие от Perfect. эпопеи Continuous романа ее сюжетное время Indefinite. Повесть стремится к наиболее полной развертке фабулы, однако сюжет повести, как правило, не покрывает ее речевого пространства, отсюда частое смещение акцентов с повествования на описания и характеристики... Высокая плотность сюжетного пространства, полицентризм и идентифицированность незавершенного времени по отношению к изображаемой картине могут служить характеристиками, благодаря которым сюжетный тип романа отличается от сюжетного типа повести» [21, с. 5].

Важнейшим критерием, позволяющим отличать жанр повести от романа, является тип авторской позиции. Как правило, повесть начинает занимать ведущее место в литературном процессе и выходит на первый план в те периоды развития общества, когда требуется ясность и однозначность авторской позиции. «Большая эпичность» повести относительно романа обусловлена определенной дистанцией между автором – повествователем и изображаемым, в отличие от романа, где допускается «зона фамиллярного контакта с настоящим» [1, с. 457].

Это различие, как важнейшее для характеристики жанровой структуры, отметил Ф. Шеллинг: «По форме изложения роман должен самым тесным образом примыкать к эпосу. И все же в нем материал доставляется, собственно говоря, ограниченным сюжетом, поэт по сравнению с автором эпической поэмы должен заменять эпическую общезначимость относительно еще большим приближением к центральному предмету или герою» [22, с. 391].

Отмеченная оппозиция между романом и эпопеей имеет значение и для определения жанра повести, потому что в отличие от романа «повесть... сохраняет некоторые черты «дороманного» эпоса. Роман и новелла драматичней повести и рассказа. Для них типично отчетливо выраженное, выступающее как основа всего и замкнутое в себе действие: повесть (и рассказ) более аморфны, события в них нередко просто присоединяются друг к другу, большую и самостоятельную роль играют внефабульные элементы. Роман тяготеет к освоению действия, повесть – бытия: она более эпична» [11, с. 814].

Большая эпичность повести, ее промежуточное положение между эпосом и романом соответствует и своеобразие авторской позиции в этом жанре. Повествователь в повести исходит из общезначимых поло-

жений, всенародных идеалов. Сюжет повести подчинен задаче освещения общей идеи.

Вероятно, большее значение для характеристики специфики жанра повести будет иметь выяснение своеобразия авторской позиции по отношению к изображаемому миру. По мнению М. М. Бахтина, эпопея характеризуется тремя конструктивными чертами: 1) «предметом эпопеи служит национальное эпическое прошлое, «абсолютное прошлое» по терминологии Гете и Шиллера; 2) источником эпопеи служит национальное предание, а не личный опыт и вырастающий на его основе свободный вымысел; 3) эпический мир отделен от современности, то есть времени певца (автора и его слушателей), абсолютной эпической дистанцией» [1, с. 455].

Но поскольку, как отмечалось выше, время повести «Indefinite», то необходимо выяснить, каким образом достигается построение «далевого образа» (М. М. Бахтин) в жанре повести особенно при воссоздании текущей незавершенной действительности, когда отличительные черты исторического периода еще не обрели четких граней.

Важнейшим фактором эпизации в повести является ориентация на общезначимость тех положений, из которых исходит автор-повествователь, и которым придает индивидуальную трактовку в произведении. Особое значение в этом аспекте, прежде всего для философской повести, имеет сопоставление современной действительности и «вневременных идеалов».

В эпопее абсолютное прошлое замкнуто и завершено как в целом, так и в любой своей части; специфический интерес «продолжения» и «конца» характерен только для романа. В повести же, как в жанре, «речевое пространство которого не покрывается сюжетом», важнейшей задачей которого является концентрация внимания на размышлениях автора, сюжет часто построен таким образом, что специфический интерес «продолжения» и «конца» уничтожается. Типичным способом такого «уничтожения» интерес является, например, использование приема ретроспекции, то есть вынесение финала произведения в начало. Сюжетный интерес в какой-то мере «уничтожается» и за счет ориентации на известный «вечный» сюжет или при использовании художником традиционного сюжетного канона, особенно если такая ориентация сознательно подчеркивается в произведении и является частью авторского замысла. В повести такая ориентация приобретает особый смысл и значение. Возрождение традиционных жанровых канонов подчинено задаче сопоставления настоящего с вечным, вневременным, что позволяет дать оценку текущей действительности особенно в кризисные периоды развития общества.

Для определения специфики жанра повести необходимо уточнить, что такое жанр. Жанр – «типическое целое художественного высказывания». «Именно в произведении наиболее отчетливо реализуется всеобщий принцип искусства: воссоздается целостность мира человеческой жизнедеятельности как бесконечного и незавершенного «социального организма» в конечном и завершенном эстетическом единстве художественного целого» [8, с. 449].

Поэтому в центре внимания исследователей – проблема форм охвата действительности, рассмотрение и сопоставление которых могло бы стать значимым критерием отличия жанров.

«Форма, – по определению М. М. Бахтина, – есть граница, обработанная эстетически» [2, с. 81]. Поэтому важно уточнить, что представляют собой границы жанра как внешние (начало и конец текста), так и внутренние (смысловое целое) и принцип их соотношения. Ф. Шеллинг писал, что к сущности эпоса относится то, что в нем нет ни определенного начала, ни конца» [22, с. 415]. Гегель указывал, что «если эпическая поэма оказывается... более широкой и рыхлой в своей композиции, благодаря относительно большей самостоятельности частей, то все же не следует думать, будто сама поэма может распеваться до бесконечности, но она, как и всякое другое произведение искусства, должна закруглиться, как в себе ограниченное целое» [7, с. 231]. Однако далее он отмечает, что классический эпос «доставляет неизгладимо открытую возможность производить вставки» [7, с. 269].

Важнейшим отличием эпоса является внутренняя завершенность при внешней открытости произведений. В романе «отсутствие внутренней завершенности и исчерпанности приводит к резкому усилению требований внешней и формальной, особенно сюжетной, законченности и исчерпанности. По-новому ставится проблема начала, конца и полноты. Эпопея равнодушна к формальному началу, может быть неполной (то есть может получить почти произвольный конец). Абсолютное прошлое замкнуто и завершено как в целом, так и в любой своей части. Поэтому любую часть можно оформить и подать как целое» [7, с. 42].

Возникает вопрос о специфике границ жанра повести. Интересен принцип вычленения и объема жизненного материала, доступного охвату в среднем жанре. В. Г. Белинский писал, что «повесть дробит жизнь на мелочи и вырывает листки из великой книги жизни» [3, с. 271]. «Повесть есть тот же роман, только в меньшем объеме, который устанавливается сущностью и объемом самого содержания» [3]. Приведенное высказывание не означает того, что Белинский считал объем произведения главным критерием в различии жанров, но интересно то, что здесь поставлен вопрос о принципе концентрации материала в повести. Более последовательно эта мысль развивается в следующем суждении: «Есть события, есть случаи, которых, так сказать, не хватило бы на драму, не стало бы на роман, но которые глубоки, которые в одном мгновении сосредоточивают столько жизни, сколько не изжить ее в века, повесть ловит их и заключает свои тесные рамки» [3, с. 271].

О близости повести к эпосе и об особенностях концентрации материала писал Д. Н. Овсянко-Куликовский: «Эпопея – это большая поэма, героическая или бытовая, составленная из отдельных поэм, слитых более или менее искусно, а иногда и не искусно в одно связное целое» [14, с. 18]. То есть в повести отмечается большая взаимосвязь между внутренними и внешними границами. Для философской, концептуальной повести характерно совпадение внутренних и внешних границ, поскольку сюжет такого произведения подчинен задаче освещения определенной идеи.

Совпадение внешних и внутренних границ в повести составляет основу условности этого жанра.

Отмеченные критерии отличия эпоса, романа и повести осознавались Л. Н. Толстым. В одном из вариантов предисловий к роману «Война и мир» он писал: «Печатаю начало предлагаемого сочинения, я не обещаю ни продолжения, ни окончания его. Мы, русские, вообще не умеем писать романов в том смысле, в котором понимают этот род сочинений в Европе, и предлагаемое сочинение есть повесть, в нем не проводится никакой одной мысли, ничто не доказывается, не описывается какое-нибудь одно событие. Еще менее оно может быть названо романом, с завязкой, постоянно усложняющимся интересом и счастливой или несчастливой развязкой, с которой уничтожается интерес повествования» [17, с. 54]. Л. Н. Толстой подчеркивает, что специфический интерес читателя, вызываемый развитием сюжета и развязкой, является, прежде всего, особенностью романа.

В приведенном высказывании отразилось мнение писателя об особенностях жанра повести, более подробно развернутое в предисловии далее: «Предлагаемое теперь сочинение ближе всего подходит к роману или повести, но оно не роман, потому что я никак не могу и не умею положить вымышленным мною лицам известные границы как-то женитьба или смерть, после которых интерес повествования бы уничтожился. Мне невольно представлялось, что смерть одного лица только возбуждала интерес к другим лицам, и брак представлялся большей частью завязкой, а не развязкой интереса. Повестью же я не могу назвать моего сочинения, потому что я не умею и не могу заставить действовать мои лица только с целью доказательства или уяснения какой-нибудь одной мысли или ряда мыслей.

Причина же, почему я не могу определить, какую часть моего сочинения составляет напечатанное теперь, состоит в том, что я не знаю и сам для себя не могу предвидеть, как те размеры примет все мое сочинение» [17, с. 55]. Для эпоса, по мнению писателя, не характерна четкая определенность начала и конца, что создавало определенные сложности в работе над «Войной и миром» как романом-эпопеей. Сюжет повести, как следует из приведенных фрагментов предисловия, ограничен сюжетно (описывается какое-нибудь одно событие). Тематика повести подчинена задаче раскрытия «одной мысли или ряда мыслей». Очень важно и то, что сюжетное действие должно в образной форме раскрывать эти «мысли». То есть Л. Н. Толстой подчеркивал некоторую условность жанра, являющуюся следствием совпадения внутренних и внешних границ художественного целого.

Далее он продолжает: «Больше всего меня стесняло предание, как по форме, так и по содержанию. Я боялся писать не тем языком, которым пишут все, боялся, что мое писание не подойдет ни под какую форму, ни романа, ни повести, ни поэмы, ни истории, я боялся, что необходимость описывать значительных лиц 12-го года заставит меня руководиться историческими документами, а не истиной, и от всех этих боязней время проходило и дело мое не подвигалось, и я начинал остывать к нему» [17, с. 54]. Желание «руководиться истиной» отвечает эпической широте твор-

ческих замыслов писателя, «всеохватности» авторской позиции. В послекризисный период в соответствии с изменением мировоззрения писателя изменилось и понимание авторской позиции в романе, которая была ограничена моралистическими задачами: «Роман имеет задачей, даже внешней задачей, описание целой человеческой жизни или многих человеческих жизней, и потому пишущий роман должен иметь ясное и твердое представление о том, что хорошо и что дурно в жизни...» [17, с. 418].

Уничтожение сюжетного интереса в повести становится эстетическим принципом писателя в послекризисный период. В трактате «Что такое искусство?» он писал, определяя «занимательность» как один из основных приемов современного искусства «...занимательность, то есть умственный интерес, присоединяемый к произведению искусства. Занимательность может заключаться в запутанной завязке (plot), прием. Который недавно еще очень употреблялся в английских романах и во французских комедиях и драмах, но теперь стал выходить из моды и заменился документальностью, то есть обстоятельным описанием какого-либо исторического периода, или отдельной отрасли современной жизни. Так, например, занимательность состоит в том, что в романе описывается египетская или римская жизнь, или жизнь рудокопов, или приказчиков большого магазина, и читатель заинтересован и этот интерес принимает за художественное впечатление. Занимательность может заключаться также в самых приемах выражения. И такого рода занимательность стала теперь очень употребительна. Как стихи и прозу, так и картины, и драмы, и музыкальные пьесы пишут так, что их надо угадывать как ребусы, и этот процесс угадывания тоже доставляет удовольствие и дает подобие впечатления, получаемого от искусства» [19, с. 115 – 116]. Писатель стремился к тому, чтобы произведения оказывали нравственное воздействие на читателя, поэтому он отказывается от такого рода «занимательности».

Разрушение отмеченных свойств, характеризующих жанр повести, происходит под воздействием романа. Основополагающими при рассмотрении вопроса о воздействии романа на повесть для нас являются положения М. М. Бахтина. По мнению ученого, романизация выражается в том, что под воздействием романа жанры «становятся свободнее и пластичнее, их язык обновляется за счет внелитературного разноречия и за счет «романных» пластов литературного языка, они диалогизируются, в них, далее, широко проникает смех, ирония, юмор, элементы самопародирования... роман вносит в них проблемность, специфическую смысловую незавершенность и живой контакт с неготовой становящейся современностью (незавершенным настоящим). Все эти явления... объясняются транспонировкой жанров (зону контакта с настоящим в его незавершенности), зону, впервые освоенную романом» [1, с. 450 – 451].

Сказанное в большей мере относится к повестям философским, концептуально заданным. Однако, типичной, «чистой» формой повести считаются «произведения биографического характера, художественные хроники: дилогия С. Т. Аксакова, трилогия Л. Н. Тол-

стого, «Пошехонская старина» М. Е. Салтыкова-Щедрина...» [11, с. 815]. «Но, интересно, что Л. Н. Толстой считал, что произведения хроникального, биографического типа вроде «Мертвого дома» Достоевского, «Былого и дум» Герцена, «Детства» – «ни роман, ни повесть. Нечто совершенно оригинальное» [16, с. 115]. По-видимому, целесообразнее говорить о различии двух типов повествования, характеризуя которые, Арнольд Кеттл пишет, что почти все писатели, приступая к работе, «либо начинали с системы, казавшейся им правильной, и пытались вдохнуть в нее жизнь, либо обращались к довольно-таки аморфной «жизни» и пытались на ее основе прийти к какой-то системе» [23]. Однако следует отметить, что признаки этих двух типов повествования не определяют жанр. Анализ повестей с хроникальным типом сюжета выходит за рамки данной работы. Следует отметить, что причиной, порождающей такое явление, как романизация, по мнению М. М. Бахтина, являются изменения, происходящие в самой действительности. «Конечно, явление романизации нельзя объяснить только прямым и непосредственным влиянием самого романа. Даже там, где такое влияние может быть точно установлено и показано, оно неразрывно сливается с непосредственным действием тех изменений в самой действительности, которые обусловили господство романа в данную эпоху» [1, с. 451].

Постепенное усиление, накопление в повести романских признаков приводит к трансформации ее жанровой структуры. «Процесс структуризации жанровых систем... неотделим от процессов деструктуризации» [15, с. 60].

Явление деструктуризации, перестройка жанра сопровождается формированием новых качеств. Трансформация жанра выступает как последовательный, закономерный процесс, когда «два явления существенно связаны между собой и предшествующее существенно и необходимо определяет другое – последующее» [6].

Процесс романизации – явление сложное, многоплановое, проявляющееся на всех уровнях структуры художественного целого. В процессе литературного развития повесть периодически выходит на первый план. Повести первой трети XIX века накапливали романский потенциал, подготавливая расцвет романа в середине XIX века. В конце XIX века повесть становится ведущим жанром. Но стремление к широкому эпическому охвату действительности, не находя воплощения в соответствующей форме романа, эпопеи, приводило к тому, что повесть в какой-то мере начинала выполнять их функции, что усиливало емкость, синтетичность этого жанра, усложняло структуру сюжета. Этот процесс привел к романизации повести.

Литература

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Художественная литература, 1972.
3. Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 13. М.: Изд-во АН СССР, 1953.
4. Бельская М. И. К вопросу о взаимодействии жанров романа и русской повести конца XVII – начала XVIII веков // Ученые записки Орловского государственного университета. (Серия: Гуманитарные и социальные науки). 2013. № 5. С. 110 – 114.
5. Викторович В. А. Проблема повествования в творчестве Ф. М. Достоевского 60-х годов. («Преступление и наказание», «Идиот»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1978.
6. Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: Издательство художественной литературы, 1941.
7. Гегель Г. В. Ф. Собрание сочинений. Т. XIV. М.: Огиз-соцгиз, 1954.
8. Гиршман М. М. Еще о целостности литературного произведения // Изв. АН СССР. (Серия: Литература и языки). М.: Издво АН СССР, 1979. Т. 38. Вып. 5.
9. Грифцов Б. А. Теория романа. М.: Академия художественных наук, 1927.
10. Душечкина Е. В. О характере литературных переделок XVIII в. // Учебный материал по теории литературы. Таллин, 1982. С. 5 – 6.
11. Кожин В. В. Краткая литературная энциклопедия в 9 т. Т. 5. М.: Советская энциклопедия, 1968.
12. Лейдерман Н. Л. Жанр и композиция литературного произведения. Вып 3. Калининград, 1976.
13. Лотман Л. М. Динамика взаимодействия романа и повести. Углубление концептуальности в повествовании // Русская повесть XIX века. М., 1973. С. 382 – 424.
14. Овсянко-Куликовский Д. Н. Теория поэзии и прозы. М.: Петроград, 1923.
15. Пospelов Г. Н. К вопросу о поэтических жанрах. Доклады и сообщения филологического факультета. М.: Изд-во МГУ, 1940.
16. Толстой Л. Н. О литературе. М.: Художественная литература, 1955.
17. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 13. Война и мир. Черновые редакции и варианты. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
18. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 16. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
19. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 30. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955.
20. Утехин Н. П. Принципы типологии эпических форм и проблема жанра. Л.: Наука, 1975.
21. Шатин Ю. В. Типология и эволюция сюжета в русском романе второй половины XIX в.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1976.
22. Шеллинг Ф. Философия искусства. М.: Мысль, 1966.
23. Kettle A. An Introduction to the English Novel (Кеттл А. Введение в историю английского романа); пер. с англ.: В. Воронов, В. И. Тархов, М. Х. Тархова. М.: Прогресс, 1966. 446 с.

Информация об авторе:

Юртаева Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и фольклора КемГУ, irina.iourt@mail.ru.

Irina A. Yurtaeva – Candidate of Philology, Assistant Professor at the Department of Russian Literature and Folklore, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2015 г.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.122; 167.7

ОСОБЕННОСТИ РЕЛИГИОЗНОЙ КОММУНИКАЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

О. Ф. Гаврилов, Е. О. Гаврилов

FEATURES OF RELIGIOUS COMMUNICATION IN MODERN RUSSIA

O. F. Gavrillov, E. O. Gavrillov

Формирование пространства религиозных коммуникаций в современной России в целом повторяет общемировые тенденции, но имеет выраженную специфику, проявляющуюся в том, что в период господства марксистской идеологии навыки религиозной жизни, а следовательно, и взаимодействия в рамках религиозной сферы во многом были утрачены. Эти навыки сейчас восстанавливаются благодаря тому, что различные религиозные объединения демонстрируют готовность к активному участию в общественной жизни, государство все более последовательно включается в процесс религиозной коммуникации, заявляют о себе представители антиклерикальной и атеистической позиции. Практика коммуникации названных субъектов не защищена от возможных конфликтов, эффективным средством преодоления которых может стать религиозный диалог.

The formation of the space of religious communications in modern Russia generally repeats the universal tendencies, but has an evident specifics due to the fact the skills of religious life and consequently those of interaction within the religious sphere were lost in our country during the construction of socialism. Today various religious associations show readiness for active participation in public life, the state more and more consistently joins the process of religious communication, representatives of the anti-clerical and atheistic position make themselves known. Religious dialogue can become an effective remedy of overcoming conflict situations in the sphere of the religious relations.

Ключевые слова: коммуникация, диалог, религиозность, религиозное возрождение, социальность.

Keywords: communication, dialogue, religiousness, religious revival, sociality.

Коммуникативное пространство современной России немислимо без религии. С момента ее официально признания сфера религиозных отношений становится все более объемной и сложной по своему содержанию. Однако, как показало время, включение в повседневную коммуникацию религиозного дискурса не только делает взаимодействие субъектов более многоплановым, но и чревато серьезным конфликтогенным потенциалом, причины которого только отчасти следует искать в специфике религиозного мировоззрения. Сосуществование многочисленных субъектов религиозной активности и тех, кто в российском пространстве коммуникационного взаимодействия оказывается к ней причастным, по-прежнему отягощено последствиями атеистического прошлого и не имеет достаточного опыта трансакций. В связи с этим основной задачей нашего исследования является определение условий и особенностей реализации религиозной коммуникации в современной России.

Мы трактуем коммуникацию как предпосылку социализации социальности путем рождения, распространения и усвоения сообщений, аккумулирующих потенциально общие смыслы, способные побуждать к согласованным действиям. Иначе говоря, главной целью коммуникации является создание или изменение социальности путем приобщения ее участников к общему для них смыслу. Коммуникация есть везде, где рождается сообщение, несущее потенциально общий смысл и имманентно ориентированное на другого, где это сообщение распространяется и где его усваивают. Анализ коммуникативной ситуации в сфере религиозных отношений предполагает прояснение ее некоторых составляющих.

Условия, в которых формируются религиозные коммуникации в России, характеризуются с одной стороны влиянием глобальных социальных тенденций, а с

другой – специфических, присущих современному этапу развития российского общества и государства. В глобальном контексте приобретают актуальность факторы диверсификации связей, повышения интенсивности обмена информацией, но одновременно и усиления конкуренции. В контексте формирования социального пространства России речь идет о попытках построения новой культурной идентичности. Наложение двух вышеназванных факторов порождает проблему формирования социальной стабильности и целостности в условиях культурного разнообразия. Именно вокруг этого узлового вопроса выстраивается весь комплекс религиозных коммуникаций.

Коммуникативное пространство, на котором происходит взаимодействие авторов, трансляторов и респондентов сообщений, касающихся религиозной тематики, выглядит довольно пестро. Такое разнообразие придает ему множество отличных друг от друга акторов трансакций. Поэтому необходимо отнять, кого следует отнести к субъектам религиозной коммуникации? Личностно-ориентированное общение происходит за пределами публичной сферы на уровне повседневных коммуникаций и в него включаются представители различных вероисповеданий, люди, не придерживающиеся конкретного вероисповедания, а также атеисты. Статусно-ориентированное общение совершается в рамках публичной сферы. Его участники – группы, объединения, институты – весьма неоднородны как в аспекте модальности к религиозным феноменам, так и в степени автономности и активности. Поэтому из всего множества коммуникаторов и получателей мы, прежде всего, назовем те религии, которые принято относить к религиозному истеблишменту и те, которые находятся в пределах религиозной периферии. И, безусловно, в качестве важнейшего уча-

стника статусно-ориентированной коммуникации присутствует государство, иногда в качестве заинтересованного игрока, а иногда в качестве арбитра.

Характер публичной коммуникации во многом обусловлен тем местом, которое адресант в лице конкретных организаций и институтов занимает в системе российского общества. Правом официально выражать свою позицию по тем или иным значимым проблемам религии, в том числе с использованием возможностей СМИ, обладают государственные органы и, как правило, признаваемые государством традиционные религии. Напротив, религии, лишенные широкой государственной поддержки, не имеют значимых рычагов информационного воздействия, но тем не менее занимают свои ниши в Интернет-пространстве, используют собственные медиаресурсы.

Другой значимый ракурс рассмотрения коммуникативной связи – это содержание и стилистика сообщений, которыми обмениваются субъекты коммуникации. Важно понять не только, что говорится, но и как это говорение осуществляется. Учет этих составляющих информационного посыла позволяет разгадать не только его задачи, но и стратегическую цель. Ниже мы постараемся рассмотреть дискурсы государства, представителей спектра религиозных объединений и, наконец, представителей антиклерикального движения.

Переходя к анализу содержания и стилистики сообщений на религиозную тематику, автором которых является государство, можно сказать, что жесткая атеистическая риторика, характерная для советского времени, уступила место в целом позитивным обращениям к религиозным адресатам. Радикальное и последовательное проведение политики секуляризации заменяется гибкой и дипломатичной практикой взаимодействия с религиозными объединениями. Декларируя принцип светского общества, государство тем не менее вступает в прямые отношения с теми конфессиями, которые признаются им в качестве носителей культурной преемственности. Тем самым государство фактически вводит их в область публичных отношений. Б. Тернер об этом говорит как об универсальной современной тенденции: «Религия становится местом этнического и культурного соперничества, а потому государства вовлекаются в управление религиями и тем самым неизбежно отходят от традиционного для либерального подхода разделения государства и религии. Парадоксальным образом государство, принимаясь регулировать религию в публичном пространстве, делает ее более значимой и заметной» [10, с. 31]. Участие представителей традиционных конфессий в различных социальных проектах, значимых мероприятиях стало нормой и широко освещается в прессе.

Содержание религиозного дискурса самих религиозных объединений отражает ситуацию соперничества, а также противостояние антиклерикальной критике и атеистическим вызовам. Полемику религиозных образований не следует сводить только к явному или скрытому противостоянию между религиозным истеблишментом и религиозной периферией. Борьба идет и внутри самих объединений. Например, в традиционных конфессиях отсутствует единство взглядов в оценке теории Дарвина или современных научных гипотез относительно происхождения Вселенной. Постоянно дискутируются вопросы, связанные с внутренним организационным устройством, социаль-

ными задачами религии и т. п. Нет полной согласованности и в новых религиозных объединениях, также подверженных процессам внутренней дивергенции.

Общей целью всех субъектов религиозных отношений является борьба за доминирование, успех в которой напрямую зависит от степени социального признания, выражаясь словами П. Бурдьё, символического капитала (капитала спасения) [2, с. 15 – 17; 3, с. 12]. В связи с этим важнейшей задачей, стоящей перед любым религиозным учением, является религиозная самопрезентация и как продолжение последней – вовлечение в систему коммуникативных взаимосвязей как можно большего количества участников. Интеграция в существующую систему социальных связей не должна угрожать принципу религиозной сплоченности, которая требует доктринального единства и формируется на основе общего понятийно-категориального аппарата. В некоторых случаях целям сплочения подчинены практики эскапизма, которые в условиях информационного общества оказываются малоэффективными и характерны поэтому лишь для начальных стадий становления религиозного сообщества. В дальнейшем замкнутость и избирательность коммуникативного пространства поддерживается с помощью смысловых и символических барьеров, позволяющих верующему игнорировать информацию, поступающую из иных источников.

Каковы же сюжеты религиозных дискурсов? Первый раскрывается в интенции на сохранение или очищение исходного и соответственно «истинного» знания от различных «ложных» наслоений. Второй сюжет требует сознательной адаптации отдельных частей категориального, догматического аппарата и компонентов обряда к современным тенденциям и нуждам социальной практики. Так, например, в арсенал языковых средств могут включаться термины из научно-технической сферы. Третий сюжет коммуникативных посланий, дополняющий два предыдущих, предполагает замещение повседневных смыслов религиозными интерпретациями.

Говоря о характере религиозных коммуникаций в современной России, следует учитывать ее разнонаправленный, антиномичный характер. Обзор ситуации религиозной коммуникации не будет полным, если оставить без внимания конкурентную борьбу, которая разворачивается сегодня между клерикальной и антиклерикальной позициями. Есть немало людей, которые полемически настроены по отношению к любой религии, стремятся провести четкую грань между религиозной и светской жизнью. В Россию своеобразным маркером этого спектра мнений стала дискуссия по поводу нашумевшего скандала с выступлением панк-группы в московском Храме Христа Спасителя [8]. Для одних эта акция стала политическим протестом, для других – банальным хулиганством, для третьих – оскорблением чувств верующих, для четвертых – свободой религиозного самовыражения, для пятых – чем-то близким к мистическому юродству. Построение новой государственности и нового общества на принципах интеграции с религией или заключение религии в своеобразную резервацию становится вопросом определения будущего облика российского общества и не оставляет людей равнодушными.

Формирование «антиклерикального» фронта следует расценивать как реакцию части населения на вторжение многочисленных религиозных образований

в светскую сферу жизни общества. Эта реакция имеет как действенно-практические формы выражения, так и рефлексивную репрезентацию в виде научно-философских и даже богословско-теологических обобщений. Антиклерикализм совсем не обязательно предполагает атеизм или религиозный агностицизм. Сегодня безрелигиозный характер своего мировоззрения готовы безоговорочно подтвердить отнюдь не большинство респондентов социологических опросов. Да и среди специалистов уровень религиозности вряд ли намного ниже, чем показатели общестатистических замеров. Как отмечает И. Я. Кантеров, среди основоположников и классиков мирового религиоведения было немало тех, кто отнюдь не разделял «марксистского, атеистического и даже секулярного подходов к пониманию религии», а напротив, демонстрировал уважительное отношение к религии. Он замечает: «Все (или почти все) они были людьми верующими» [5, с. 139].

И сегодня значительная часть «антиклерикалов» вполне обходится без крайностей в оценке деятельности религиозных организаций, далеко не все представители этого общественного сегмента готовы ставить знак равенства между религией и «мракобесием». Они признают за религией определенное социальное значение, а выступают скорее против авторитарности и претензий на монополию со стороны церковных кругов, религиозных институтов. Немало людей с настроенностью воспринимает эволюцию комплементарности между органами государственной власти и, например, РПЦ. Если такая форма взаимоотношений до недавнего времени воспринималась публикой довольно снисходительно, то сегодня она нередко сопровождается критическими замечаниями. Последнее свидетельствует о тревоге по поводу возможности любой религии регулировать общественные отношения, страхе перед религиозной суггестией, нежелании пассивно воспринимать манифестации религиозных абсолютов. Современный антиклерикализм делает акцент на том, что социальная активность религиозных институтов часто оборачивается деспотизмом, как идейным, так и действенным.

Как видно, сегодня многие россияне не готовы воспринимать религию в качестве необходимого компонента публичной и частной сферы. Еще в начале прошлого века в России безапелляционность сакральных знаков обеспечивала религии роль духовного основания бытия отдельных индивидов и значительной части общества. Но в наши дни ситуация изменилась и консолидация субъектов детерминирована факторами внерелигиозного характера, а сама религия в той или иной степени переместилась из публичной сферы в частную. Как пишет П. Бергер, «там, где религия предстает «общим делом», ей не достает «реальности», а там, где она «реальна», ей не достает «общности» [1]. В этой ситуации притязания религии на социальное и духовное лидерство часто воспринимаются как неоправданные. Антропоцентристский характер эпохи служит основанием болезненного восприятия попыток вторжения какого-либо института в приватную сферу. Религиозные убеждения теряют свойства публичности, становятся личным делом, религиозность приобретает индивидуализированный характер. Экспансия религии отвергается и по прагматическим соображениям. Кто готов платить сегодня церковную десятину, кто готов к религиозной цензуре

в СМИ, кто готов строить межличностные отношения строго по религиозным канонам? Кажется, немногие, даже среди верующих.

Еще одним, пожалуй, самым важным аспектом религиозной коммуникации является возможность ее продуктивного осуществления в условиях идейного плюрализма. Пространство России, и ранее представлявшее собой комплекс многочисленных культур, сегодня становится еще более разнообразным и дифференцированным. Закрепленная на конституционном уровне ситуация идейного многообразия, отсутствия доминирующей идеологии предполагает не монологовую, а диалоговую стратегию социальной коммуникации, в том числе и в сфере религиозных отношений. Монолог уже воспринимается как синоним авторитарного насаждения определенного образа жизни и мысли. Диалог же – это полифонический разговор разнообразных субъектов: государства и гражданского общества, работодателей и профсоюзов, представителей спектра политических сил, различных субкультур. Существуют ли условия диалога в рамках религиозной коммуникации?

Вероятность отрицательного ответа на этот вопрос обусловлена следующим обстоятельством: в то время как одним из условий диалога выступает осознанная релятивность позиций субъектов коммуникации, религиозная практика, напротив, направлена на утверждение неких духовных абсолютов. Кажется, что монолог – аутентичная и единственная форма коммуникации религии. Его предпосылки состоят в том, что религиозные смыслы по своей сущности догматичны: их изрекают, заявляют, декларируют, утверждают. Поэтому участники событий в сфере «общество-религия», «религия-религия» часто демонстрируют непримиримую конкуренцию друг с другом. Однако современное российское общество таково, что использование в нем коммуникативной стратегии монолога оказывается не только непродуктивным, но и социально бесперспективным. По мнению В. Н. Сырова, сложившееся на сегодняшний день положение в обществе, определяемое как «постметафизическая эпоха», является не «данью моды или торжеством безудержного релятивизма, а трезвым осознанием исторической ситуации». Эта ситуация определяется требованием «радикального отказа от вынесения любых суждений, где бы то ни было притязаний на статус абсолютности» [9, с. 50].

Одно из преимуществ такого состояния заключается в том, что осознание относительности наших суждений есть предпосылка мировоззренческой терпимости, условие социальных компромиссов, социального диалога. Настоящий диалог предполагает в качестве своего результата как можно более полное понимание между собеседниками, а следовательно, вероятность компромисса между ними. Интеллектуальная установка «со-беседников» такова: когда я вхожу в диалог, то допускаю возможность корректировки позиции собеседника, моей собственной, или и моей, и его одновременно. Вряд ли необходимо специально обосновывать социальную значимость сформулированной позиции. Однако, как нам кажется, доведенная до предельного выражения такая мировоззренческая установка имеет и свою обратную сторону. Это релятивизм, который имплицитно содержит в себе ловушку: ведь порицать некие социальные явления

и требовать перемен можно только исходя из каких-то критериев, внешних по отношению к обществу и при этом полагаясь на общезначимые. Так, например, по мнению С. Л. Худиева «атеист, с одной стороны, отрицающий реальность объективного надчеловеческого добра, с другой, порицающий своих оппонентов как людей *нравственно порочных* и требующий введения каких-то законов как *справедливых*, противоречит сам себе. В его мироздании не существует никакой нравственной праведности или порочности, справедливости или несправедливости – существуют только правила, установленные теми или другими группами людей, причем сам вопрос о том, какие правила «лучше», просто бессмыслен – не существует никакого объективного критерия «лучше», с которым мы могли бы их соотносить» [12]. Эта позиция нам представляется излишне категоричной (ведь живут же люди, исповедующие релятивистские ценности по общечеловеческим моральным нормам) хотя и не лишенной некоторых серьезных оснований.

Не случайно, что некоторые представители «антиклерикализма» осознают уязвимость своих логических построений, своих методологических допущений. В частности Х. Кокс совершенно ясно говорит о том, что процесс секуляризации неизбежно ведет к возрастанию релятивизма, что «исторический релятивизм есть конечный результат секуляризации» и отчетливо ставит вопрос Ивана Карамазова: «Если Бога нет, то все позволено?». Х. Кокс признает опасность «этического анархизма и метафизического нигилизма», считая его закономерным результатом релятивизма. Но он оптимист и это проявляется в следующем: во-первых, для него неизбежность мировоззренческого релятивизма отнюдь не означает неизбежного погружения в безумие солипсизма. Признание относительности своих взглядов для него не тождественно отказу от каких-либо ориентиров. Это всего лишь условие понимания того, что не надо навязывать свои ценности другим как некие абсолюты (*правда, признав относительность ценностей, Х. Кокс предлагает их называть всего лишь оценками – О. Г., Е. Г.*). Во-вторых, по его мнению, опасность эксцессов в условиях релятивности всех социальных ценностей связана с «подростковым» периодом в развитии человечества, которому еще по-настоящему надо повзреть, обрета ответственность и умение слушать (слышать) другого (Другого) [6, с. 48 – 49].

Как видно, перед религией стоит дилемма. Либо по-прежнему переложив на религию внутреннюю гомогенность и консервацию сакральных смыслов, но обрекая ее на статус маргинального явления, либо – диалог с его герменевтическим потенциалом и толерантностью, но одновременно с опасностью утраты аутентичности, угрозой эксцессов релятивизма и нигилизма. Однако может быть, никакой дилеммы и не существует, а религия наряду с монологом давно использует и диалоговую коммуникационную стратегию?

Мы исходим из того, что диалог в сфере религии не только возможен, но он никогда и не прекращался. Причем он возможен как в недрах самой религии, так и в процессе взаимодействия субъектов религиозной коммуникации. Так, М. Бубер пишет, что «необходимый для существования любой религии мистический опыт общения с Богом становится основанием для учений о диалоге. Вся библейская история – это вслушивание в

речи пророков и стремление услышать голос Бога, т. е. история диалога Израиля с Богом» [7, с. 4]. О различных вариантах диалога свидетельствуют многочисленные примеры далекого и совсем недавнего прошлого: Вселенские Соборы, «Исповедь» Августина Блаженного, жаркие диспуты средневековых схоластов, религиозно-философские встречи представителей духовенства и светской интеллигенции в России на рубеже XIX – XX веков. Тенденции к использованию диалоговых сценариев в сфере религии заметны и сейчас. К примеру, с 1948 года действует Всемирный совет церквей, насчитывающий более 300 христианских церквей. Вторым Ватиканским собором Католической церкви в 1965 году была принята декларация *Nostra aetate* (лат. «Наш век», «Наше время») об отношении Церкви к нехристианским религиям, призывающая использовать диалог в общении с ними. В ней утверждается, что католическая церковь «призывает своих детей, чтобы в беседе и сотрудничестве (*то есть через диалог – О. Г., Е. Г.*) с последователями иных религий они, свидетельствуя о вере и христианской жизни, в то же время признавали, хранили и поддерживали обнаруживаемые у них духовные и нравственные блага, а также социально-культурные ценности» [4]. Подобная тенденция реализуется и в нашей стране. Так, с 1998 года действует Межрелигиозный совет России. Регулярно проводятся конференции, на которых ставится вопрос о месте религии в современном обществе. Новые религиозные объединения также часто включают в свою доктрину постулат о равнозначности религий, необходимости диалога.

Можно сделать вывод о том, что в сфере религии диалог потенциально возможен, но степень его вероятности зависит от ряда определенных факторов и имеет свои границы. Если принять позицию, что ни один субъект не может быть носителем абсолютной истины, то вероятность диалога даже в сфере религиозных отношений можно оценить как весьма большую. В то же время сама религия содержит существенные ограничения для этого. Человек, не разделяющий принятых сообществом религиозных представлений, самым своим существованием может восприниматься как угроза вере, общение с ним чревато опасностью инфицирования его идеями. Как отмечает С. Л. Франк, тот человек, которого я должен уважать, оказывается моим противником, поскольку не разделяет моих идеалов (не любит «моего» Бога) [11, с. 122]. Отношение к другим религиям проецируется на их последователей, их образ жизни. Другими словами вероятность диалога и степень его продуктивности находится в зависимости от позиций потенциальных собеседников. Точнее, от того, насколько эти позиции совпадают и насколько отличаются. Так, например, допустимость для мусульманина диалога с иудеями и христианами (как «людьми Писания») санкционирована Кораном и Сунной. Этими же священными для мусульман источниками вероятность диалога с язычниками весьма сокращена.

Можно выделить несколько вариантов коммуникативного взаимодействия в зависимости от степени совпадения и различия в позициях сторон. Так диалог в принципе невозможен, если субъекты предполагаемого взаимодействия находятся в непересекающихся информационных пространствах. Это ситуация, когда «люди говорят на разных языках». По аналогии можно попытаться представить себе разговор православ-

ного священника и члена сатанинской секты. Разговор здесь маловероятен, точнее, он невозможен. Отсутствуют условия диалога и тогда, когда информационные поля субъектов религиозной коммуникации полностью совпадают: дефицит смыслового «зазора» исключает обмен информацией. Возможность продуктивного диалога возникает тогда, когда между собеседниками существует согласие по наиболее значимым для них информационным блокам, но сохраняется несовпадение по менее важным вопросам.

Так, например, основой диалога между различными религиозными конфессиями, а также между религиозными и светскими институтами, могли бы послужить (и уже служат), например, общечеловеческие моральные ценности. Другой основой диалога в сфере религиозных отношений могло бы стать обсуждение глобальных проблем современности, перед лицом которых многие конфессиональные проблемы догматики и культа демонстрируют свой отвлеченный характер. Кажется, что само время с неизбежностью диктует необходимость перестройки модели взаимодействия религиозных объединений друг с другом, с обществом и с государством. Безусловно, некоторые предпосылки к этому уже существуют. Проблема осуществления религиозной коммуникации, по сути, состоит в достижении баланса между

необходимостью сохранения религиозной аутентичности и требованиями отвечать на вызовы эпохи плюрализма. Потенциал развития в этом направлении далеко не исчерпан, хотя его реализация чревата значительными трудностями.

Таким образом, сфера религиозной коммуникации в российском обществе характеризуется высокой степенью противоречивости, свидетельствующей о разнообразии мировоззренческих позиций ее участников. Каждый из них не просто выражает свое отношение к религии, но выстраивает собственную модель общественного устройства, предполагающую большую или меньшую степень участия религиозных движений в публичной и частной сфере. Возможным способом конструктивного разрешения существующих противоречий является религиозный диалог, который требует от всех его субъектов взаимного стремления к согласованию позиций и интересов. Важным участником в религиозной коммуникации и в процессах построения религиозного диалога является государство. Проявляя определенную избирательность, оно тем не менее все более активно формирует среду, способствующую мирному сосуществованию религиозных деятелей, светских активистов, структур гражданского общества.

Литература

1. Бергер П. Религия и проблема убедительности // Неприкосновенный запас. 2003. № 6(32)). Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nz/2003/6/berger.html> (дата обращения: 19.01.2015).
2. Бурдые П. Социальное пространство и «генезис классов» // Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007.
3. Бурдые П. Генезис и структура поля религии // Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.
4. Декларация об отношении церкви к нехристианским религиям Nostra aetate // Православная Католическая Церковь в Одессе – УГКЦ. Режим доступа: http://www.cerkva.od.ua/index.php?option=com_content&task=view-&id=88 (дата обращения: 19.01.2015).
5. Кантеров И. Я. Новые религиозные движения (религиоведческий анализ). М., 2006. 472 с.
6. Кокс Х. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. 263 с.
7. Лифинцева Т. П. Философия диалога Мартина Бубера. М.: ИФРАН, 1999. 133 с.
8. Орлова В. Pussy Riot – юридические сегодня? // Православие и Мир. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/pussy-riot-yuridivye-segodnya> (дата обращения: 19.01.2015).
9. Сыров В. Н. Чем заняться философии в постметафизическую эпоху // Философия как вечная актуализация смысла. Международный день философии ЮНЕСКО в Кузбассе – 2010. Сб. науч. ст. по материалам заочной российской конференции г. Кемерово. Кемерово, 2010.
10. Тернер Б. Религия в постсекулярном обществе // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2.
11. Франк С. Л. Философские предпосылки деспотизма // Вопросы философии. 1992. № 3.
12. Худиев С. Л. Великий сциентистский миф // Православие и мир – 29 июня 2010. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/velikij-scientistskij-mif/> (дата обращения: 19.01.2015).

Информация об авторах:

Гаврилов Олег Федорович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии КемГУ (г. Кемерово), 8-905-947-66-70, gof57@yandex.ru.

Oleg F. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Philosophy Kemerovo State University.

Гаврилов Евгений Олегович – кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (г. Новокузнецк), 8-908-959-46-82, Gavrilich@yandex.ru.

Evgeniy O. Gavrilov – Candidate of Philosophy, Senior Lecturer at the Department of State and Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penal Service of Russia.

Статья поступила в редколлегию 23.01.2015 г.

УДК 159.923.2.

«НАРЦИССИЧЕСКИЙ» ЧЕЛОВЕК КАК СИМВОЛ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

О. И. Жукова, В. Д. Жуков

“NARCISSISTIC” PERSON AS A SYMBOL OF MODERN SOCIETY

O. I. Zhukova, V. D. Zhukov

В статье, анализируя процесс взаимодействия человека и социума, авторы обращают внимание на то, что сегодня личность находится в состоянии двух взаимоисключающих модусах своего существования. Один модус определяется как крайний индивидуализм, разрастание которого сверх меры приводит к нарциссизму и эгоцентризму, другой – как глубокая деперсонализация, ведущая к потере образа своей целостности, состоянию апатии, психической анемии, дезориентированности и беспомощности.

Крайний индивидуализм демонстрирует новый тип современного человека, символом и знаком которого является Нарцисс. Нарциссический тип личности является символом перехода от «ограниченного» индивидуализма к «тотальному». В статье подчеркивается, что для нарциссического человека потерян смысл и значимость социального начала и даже если не совсем потерян, то смещен в сторону его гедонистического толкования. На смену традиционно понимаемому индивидуализму пришел гедонистический, психологический индивидуализм, считающий главной ценностью личные достижения.

Analyzing the interaction of man and society, the authors draw attention to the fact that today a person is in the state of two mutually exclusive modi of their existence. One is defined as a modus of extreme individualism, whose expanding overely leads to narcissism and egocentrism, the other one – as profound depersonalization, leading to the loss of their way of integrity, apathy, mental anemia and helplessness. Extreme individualism is demonstrated by the new type of modern man, whose sign is Narcissus.

Narcissistic personality type is a symbol of transition from limited to full individualism. The paper emphasizes that the narcissistic man has lost the meaning and significance of social origin; if not lost totally, it is displaced towards the hedonistic interpretation. Traditional individualism is replaced by hedonistic, psychological individualism, which considers personal achievement as a main value.

Ключевые слова: человек, общество, нарциссическая личность, эгоцентризм, смысл.

Keywords: man, society, narcissistic personality, egocentrism, meaning of being.

Безусловно, тема взаимоотношения человека и общества достаточно традиционна для философии, но тем не менее она продолжает оставаться одной из ключевых проблем философского дискурса, раскрывая свои новые грани и закономерности. Если обратиться к текстам европейских и отечественных мыслителей, таких как И. Кант, Г. Гегель, К. Маркс, Ф. Ницше, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Маркузе, Э. Фромм, П. Адорно, В. Соловьев, К. Леонтьев, Н. Бердяев, П. Новгородцев и др., то каждый из них в той или иной степени пытался осмыслить и дать соответствующие оценки различным социальным феноменам, затронуть основные проблемы взаимодействия человека и социума.

Очевидно, что в решении ключевых вопросов: «как взаимодействуют между собой человек и социум?», «насколько социум дает возможность раскрыть человеку свою самость?», в силу их сложности и многоплановости не может быть найдено единых и простых ответов, поскольку сами пути взаимодействия индивидуального и социального крайне многообразны. Каждый мыслитель по-разному видит пути взаимодействия индивидуального и социального. Сторонники социоцентрического подхода, исходящие из приоритетных параметров общества, полагают, что общество производит тех людей, которые ему наиболее необходимы. Подобный подход имеет под собой реалистические основания, тем более, как показывает практика, достаточно большая часть людей достаточно охотно и с готовностью подчиняются социальным правилам, воспринимая социальный мир как легитимный, видя в самой социальной реальности опреде-

ленную детерминированность и объективную целесообразность. Сторонники антропоцентрического подхода ставят в центр исследования социума человека и исходят из понимания человека как автономного индивида – субъекта, обладающего сознанием и волей, способного к осмысленным поступкам и сознательному выбору [2].

Здесь необходимо отметить, что, несмотря на достаточно хорошо изученный характер данной тематики, в социально-философской мысли проблема приоритетных предпочтений в сторону социоцентризма или антропоцентризма продолжает оставаться открытой. При этом она приобретает новые грани, аспекты исследования. Анализируя процесс взаимодействия человека и социума, сегодня с полным основанием можно говорить о том, что личность находится в состоянии двух взаимоисключающих модусов своего существования, которые тем не менее одновременно присутствуют в ее мировосприятии. Один модус можно определить как крайний индивидуализм, разрастание которого сверх меры приводит к нарциссизму и эгоцентризму, другой – как глубокую деперсонализацию, ведущий к потере образа своей целостной самости, состоянию апатии, психической анемии, дезориентированности и беспомощности.

Крайний индивидуализм демонстрирует новый тип современного человека, символом и знаком которого является Нарцисс. Каждому поколению людей соответствует тот или иной мифологический образ (будь ли это Эдип, Прометей, Фауст, Сизиф и др.), который выражает преобладающую установку созна-

ния на видения себя в реальности. В современном социуме таким главным героем оказывается Нарцисс. На подобную тенденцию обращают внимание многие исследователи (Т. Адорно, К. Лэш, Ж. Липовецки, П. Козловски, Р. Сеннет и др.)

Нарциссический тип личности является символом перехода от «ограниченного» индивидуализма к «тотальному». Трансформация индивидуализма в своей миниатюре проявляется в феномене персонализации, т. е. обезличенности, пустоте. Для нарциссического человека потерян смысл и значимость социального начала, и даже если не совсем потерян, то смещен в сторону его гедонистического толкования. На смену традиционно понимаемому индивидуализму пришел гедонистический, психологический индивидуализм, считающий главной ценностью личные достижения. Нарцисса больше не интересуют в большей степени политические, социальные проблемы, главенствующее место занимают личностные, психологические, связанные с заботой о себе, своей самости, собственном благополучии. «Homo psychologicus» сменил «homo politicus». «Нарциссизм – это реакция на вызов бессознательного: побуждаемое потребностью обрести себя, наше «Я» погружается в бесконечную работу по освобождению, наблюдению и объяснению своей личности» [3, с. 86].

Одной из определяющих черт нарциссической личности является ее, по большому счету, равнодушие к миру социума. При этом безразличие не означает пассивность, покорность. Равнодушие проявляется в отсутствие каких-либо прочных привязанностей, принципиально основополагающих убеждений. Подобный человек cool (от англ. cool – прохладный) ни в чем твердо не уверен, готов к любым переменам, его взгляды и ценности подвержены быстрой сменяемости. Происходит снижение высших ценностей, отказ от трансцендентных оснований, гипертрофируется личная жизнь, ослабевают ответственность перед обществом. В этом состоянии апатичного равнодушия значимой является лишь частная сфера, забота индивида о своем здоровье, материальном благополучии, где жизнь без категорических императивов, высоких целей и идеалов становится вполне обыденным и естественным состоянием.

В этом плане достаточно показательным является восприятие индивидом своего тела. Физическое тело человека, которое дано ему от природы, принимается или отторгается в зависимости от идеалов, существующих в социуме. Поэтому не существует абстрактного природного тела как такового, тела вне истории социума. Современный социум формирует в человеке совершенно новое чувство тела, ведущее к своеобразному телоцентризму, эгоцентризму телесности, в котором потеряла актуальность проблема преодоления границ физического тела с целью выхода в сторону трансцендентного, духовного, где происходит редукция в сторону фитнес-культуры здорового тела. Деление мира на физическую и трансцендентную реальность теряет свою значимость для личности. Возникает представление, что самость человека – это его тело, и данная внешняя форма воспринимается как практически единственное выражение ее сущности. «Живая человеческая плоть становится самоцелью. Стремле-

ние «быть-также-и-плотью» исчезает за желанием «иметь-только-плоть». Нарциссизм телесного культа колеблется между ипохондрическим недовольством и чувством удовлетворения от созерцания в зеркале результатов физического совершенствования, достигаемого с помощью современной техники» [3, с. 63]. Социум внушает индивиду важность контроля за собственным телом, за тем, как оно выглядит, как себя чувствует. Тело одновременно становится как объектом своеобразного обожания, поклонения, так и объектом, вызывающим чувство неприятия, ненависти. Не случайно сегодня человек чуть ли не главную задачу своей жизни видит в том, чтобы «обмануть» свой биологический возраст с помощью различного рода манипуляций (от занятия фитнесом как системы технических средств поддержания себя, своего тела в функциональном состоянии, до пластических операций по совершенствованию и изменению внешности).

Здесь важно осознавать, что фитнес далеко не всегда приравнивается к понятию здоровья. Как показывает З. Бауман, современный человек во многом формируется в таком социокультурном пространстве, где присутствует постоянная открытость для новых ощущений, нового опыта. Отсюда индивид делает акцент не столько на своем здоровье, как его понимала эпоха модернити (где в качестве четких нормативов бралось стабильное состояние, необходимое для производственной работы и военных подвигов), а на «соответствии», «уместности», т. е. занятии фитнесом (англ. fitness и переводится в данных значениях). Тем самым занятие фитнесом связано с желанием личности соответствовать модным тенденциям, которые преобладают в социокультурной реальности, а не столько думать о своем здоровье в первую очередь. Фитнес подразумевает постоянное движение, изменение, впитывание новых, неизвестных ранее ощущений, познания своих новых физических и как следствие – психических возможностей. Поэтому постановка печати «несоответствия» говорит о том, что человеку недостает энергии, жизненных сил, в нем отсутствуют желания, как и сама способность желать.

Однако, определение физического состояния как «соответствия» логично вызывает появление таких проблем, с которыми никогда не сталкивалось применение нормы «здоровье». Как любая норма, так и норма «здоровье» имеет четкие обозначенные параметры, верхние и нижние границы. Между тем в фитнесе, т. е. «соответствии», таких границ нет. В нем отсутствует горизонт, к которому должна устремляться самость, а отсюда любые усилия не оказываются удовлетворяющими ее до конца и наполняют ее жизнь чувством перманентного недовольства и неотчетливым пониманием того, какой в идеале она должна быть. «Стремление к соответствию, несмотря на радости маленьких побед, пронизано неизлечимым беспокойством и является неистощимым источником самобичевания и негодования» [1, с. 284]. В данном аспекте современный социум требует от человека ощущать, быть, существовать в качестве мобильного, реактивного, молодого индивида. Но подобная установка на молодость, страх перед старостью порождают у него чувство глубокого невроза, связанного с искаженным восприятием времени, с субъективным ощу-

щением его мгновенностью прохождения, потерянности, а отсюда и усиливающейся неуверенностью перед будущностью своего бытия.

Двойственная тенденция состояния личности (в которой одновременно присутствует и индивидуализм, и деперсонализация) достаточно глубоко проанализирована З. Бауманом. Не случайно одна из ключевых работ английского мыслителя называется «Индивидуализированное общество». В ней показывается, что в современном обществе личное и общественное располагается на двух разных полюсах и каждому из них присуща своя логика, не понимаемая в отношении друг друга. Внутренняя установка личности распоряжаться своей жизнью только исходя из своего эго уводит ее в сторону от коллективных условий, социальных причин и в конечном итоге приводит к тому, что состояние социума вообще не учитывается ею при продумывании своей жизненной программы. Возникает представление об отсутствии пользы в коллективных, согласованных действиях и убеждении в том, что если свою жизнь она может выстроить исходя из своих предпочтений и усмотрений, то законы, по которым функционирует социум, определены окончательно и бесповоротно.

В современном социуме просматривается падение интереса личности к совместным и общим делам. Причем этот процесс зачастую инициируется самим социумом, который передает многие свои обязанности и функции в сферу частных интересов и забот по причине своей неспособности ослабить чувство неопределенности, неустойчивости, недоверия, присущее человеку в его взаимоотношениях со сферой социального. Складывается ситуация, где социум, который должен выступать структурой, способной к решению основных проблем, становится структурой их порождающей, в силу чего разрыв между частным и общественным все более углубляется. Здесь «вколачивание в сознание мысли о том, что «в обществе нет больше спасения», и превращение этой мысли в расхожее правило житейской мудрости (а это легко можно разглядеть на поверхности современной жизни) приводит к тому, что коллективные, общественные орудия трансцендентности отрицаются, прячутся на «второе дно», и человек остается наедине с той задачей, решить которую самостоятельно большинство людей не имеют никакой возможности. Нарастающая политическая апатия и заполнение публичного пространства интимностью личной жизни; «крах общественного человека» Ричарда Сеннетта; стремительное угасание старого искусства укрепления и упрочения старых связей; шизофреническое желание самостоятельности и одновременно боязнь быть всеми забытым (вечное колебание между «дайте мне больше пространства» и макбиловским «я так устаю от самого себя»); раскаленный добела страсти, сопровождающие отчаянный поиск новых сообществ и расщепление уже найденных... все это может иметь общие корни, уходящие ко «второму дну» [1, с. 7].

Итак, учитывая подобные процессы, происходящие с индивидом в современном обществе, можно говорить о том, что задачи критического теоретического осмысления стали во многом более противоположными, чем они были до этого. Так, еще совсем

недавно критическая социальная теория видела в качестве главной своей задачи защиту человека от наступающих, доминирующих сил социума, защиту его от обезличенного, всемогущего государства, что находило свое отражение в концепциях многих философов.

Сегодня задачи социальной теории изменили вектор своей направленности. Многие теоретики (З. Бауман, Ж. Липовецки, А. Панарин, Р. Сеннет, Б. Хьюбнер и др.) подчеркивают, что социум сегодня не стремится больше захватить и поработить человека. «Теперь дело обстоит как раз наоборот: именно частное захватывает общественное пространство, выдавливая и выталкивая оттуда все, что не может быть полностью и без остатка переведено на язык частных интересов и целей» [1, с. 135]. В современном социуме отношение личности к себе самой вытесняет отношение к Другому (что в данном контексте следует понимать как мир Мы, мир социума), аутентичность преобладает над взаимностью, соучастием, в силу чего социальная деятельность, требующая определенных значительных усилий уже не так привлекательна для индивида, как ранее.

Современный человек, которого можно также определить, как «homo ludens» (Й. Хейзинга), культивирует игровое, ребяческое отношение к жизни. То, что нидерландский мыслитель называл «перманентным отрочеством» и которое отличает «недостаток чутья к тому, что уместно и что неуместно, недостаток личного достоинства, уважения к другим и к чужому мнению, гипертрофированное сосредоточение на собственной личности. Почву для этого подготавливает всеобщий упадок способности суждения и критической потребности» [5, с. 333]. Достигнув стадии homo ludens, человек пытается выстроить свою жизнь без всякого напряжения.

Здесь наблюдается своеобразная эволюция, изменение отношения к своему свободному времени. Если на первых порах человек требовал свободы для реализации себя в качестве творческой личности, то сегодня он зачастую понимает свободное время как ничегонеделание. В «цивилизации досуга» (Ж. Дюмазедье) досуговая практика прошла свое развитие от понимания ее первоначально как времени свободного от работы, ко времени, свободного от бытовых повинностей, и наконец, до времени свободного от любых социальных обязанностей. «Современный homo ludens категорически отвергнет как пережитки репрессивного традиционализма любые представления о социальном назначении досуга: как о средстве восстановления способности к труду или как о времени, предназначенном для широкой гражданской активности вне сковывающих рамок профессиональной специализации или, наконец, как о средстве формирования всесторонней развитой личности. Он усмотрит в этом незаконные посягательства на неотчуждаемые права личности. Но такое предельно широкое истолкование личностных прав парадоксальным образом совпадает с их предельно узким толкованием — как правом вести бесцельное животное существование» [4, с. 134]. Но подобное отношение неизбежно приводит к асоциальному мировоззрению как естественному.

Безусловно, здесь необходимо учитывать, что во многом установка *homo ludens*, нарциссической, самовлюбленной личности, на жизнь в настоящем вне связи с прошлым и будущим, обеспокоенность только поисками собственной идентичности вызвана кризисной ситуацией, в которой оказался современный социум, вообще глобальными проблемами, с которыми сталкивается мировое сообщество. Все это не может не порождать кризис доверия к государству, к социальным институтам, вызывая чувство пессимизма, неверия в будущее, что в определенной степени поясняет развитие стратегии нарциссов, опирающихся на теорию выживания, в которой приоритетными оказываются только личностные ценности. В этом плане безусловно не следует забывать о том, что нарастание нигилизма и цинизма, апатии, отсутствия смысла является в какой-то степени вполне объяснимой и логичной реакцией на реальность, в которой живет человек, в которой будущее видится не как долгожданная гармония, а как угрожающая неопределенность.

Итак, мы видим, согласно рассмотренным разнообразным философским позициям, что сегодня можно констатировать все большую отстраненность человека от мира социума. Маятник качнулся от общества в сторону индивида. Личность, не без оснований, пытается дистанцироваться от социума, избегая интенсивной совместной жизни и полагаясь только на себя в своем собственном отдельном существовании. Подобное существование человека побуждает его отказываться от долгосрочных проектов, отдавать предпочтение малому и индивидуализировать моральные и политические решения. Подобная отчужденность лишь в некоторой степени соответствует марксист-

скому «отчуждению». В нем, как известно, речь шла о превращении человека в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих классов, разрушении личности так таковой. Сегодня же человек не одномерен в смысле Г. Маркузе, когда репрессивное общество порождало одномерного человека, а подавляемый человек воспроизводил отношения принуждения. В рамках современных реалий скорее можно говорить о том, что человек не отчужден, а вовлечен в социальные связи. Он может одновременно реализовываться в разных социальных ролях, будучи вездесущим, многоликим, синкретичным, но при этом оставаться безразличным к социуму или рассматривать общественное как пространство, на котором проектируется только индивидуальное, частное. Налицествует упомянутый нами процесс персонализации, индивидуализации, в котором личность является личностью лишь фактически, формально, но не глубинно – сущностно. Она лишь с позиции наблюдателя относится к миру социума, к которому по большому счету равнодушна и в котором слабо укоренена. Но совершенно очевидно, что личность в ее целостном понимании, в ее подлинности не может реализоваться в качестве таковой, не будучи социально ориентирована. И хотя, безусловно, социум всегда вступал в двойственные взаимоотношения с человеком (был одновременно его враждебной, репрессивной силой и его объективно необходимым условием), сегодня он в меньшей степени, чем прежде, враждебен ему. Напротив, он является необходимым условием, вне которого человек не может реализовать полностью свой жизненный проект.

Литература

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер с англ. М.: Логос, 2002.
2. Жукова О. И. Современное общество и место в нем человека // Вестник Томского государственного университета. № 300 (I), июль 2007. С. 47 – 53.
3. Липовецкий Ж. Эра пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб.: Владимир Даль, 2001.
4. Философия истории: учебное пособие / под ред. А. С. Панарина. М.: Гардарики, 1999.
5. Хёйзинга Й. *Homo ludens*. В тени завтрашнего дня / пер. с нидерл. М.: Прогресс-Академия, 1992.

Информация об авторах:

Жукова Ольга Ивановна – доктор философских наук, профессор кафедры философии КемГУ, oizh@list.ru.
Olga I. Zhukova – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy, Kemerovo State University.

Жуков Владимир Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой философии Кемеровской государственной медицинской академии, 8 906-988-09-26, oizh@list.ru.

Vladimir D. Zhukov – Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Kemerovo State Medical Academy.

Статья поступила в редколлегию 26.01.2015 г.

РОССИЙСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ В РАМКАХ ПРАВОВОЙ НОРМАТИВНОСТИ

В. М. Золотухин, Е. В. Степанцова

RUSSIAN MENTALITY WITHIN THE LEGAL NORMATIVITY

V. M. Zolotuhin, E. V. Stepanцова

В статье рассматривается взаимосвязь правовой нормативности и российской ментальности, ее особенность и специфика проявления. Подчеркивается, что ментальность как социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной среды, в которую она вписана. Акцентируется внимание на том, что в идее российской государственности превалирует особость, исключительность, уникальность русского пути при общей пассивности и не включенности народа в государственное дело, безынициативности в вопросах создания гражданского общества. Отмечается, что практика реализации правовой нормативности должна сочетаться с соблюдением закона не только гражданами, но и должностными лицами, иначе в уровне менталитета будет доминировать унижающее и беспомощное ощущение полного бесправия.

The paper examines the relationship of legal normativity and the Russian mentality, its peculiarity and specificity of symptoms. It is emphasized that mentality as a sociocultural phenomenon and a factor of political behavior is determined by the quality and condition of the social environment in which it is inscribed. The authors focus on the fact that the idea of the Russian state is prevailed by specialness, exclusiveness, uniqueness of the Russian way with total passivity and non-involvement of the people in the state affairs, lack of initiative in the creation of civil society. It is noted that the practice of implementation of legal normativity should be combined with observing the law not only by citizens, but also by officials, otherwise the humiliating and helpless feeling of complete [lawlessness](#) will dominate at the level of mentality.

Ключевые слова: ментальность, нормативность, сознание, социум, консенсус, национальный характер.

Keywords: mentality, normativity, consciousness, society, consensus, national character.

Как способ регулирования поведения право призвано воздействовать на волевое поведение участников общественных отношений при помощи соответствующих стимулов. Оно должно быть выражено не как описание настоящего, а как предписание, обращенное в будущее, ибо «всегда обращено в будущее и предписывает нечто как должное; поэтому идеалы (будущего) всегда видятся в связи с правом как помощь или помеха в их достижении» [8; 13]. Поэтому сущность права определяется как нормативная форма упорядочения, стабилизации и воспроизводства общественных отношений, поддерживаемая (охраняемая средствами юридического процесса и государственным принуждением).

Уровень правового и морального сознания зависит от менталитета, основной задачей которого является объединение общества, так как «являясь важнейшим компонентом культурной традиции, осуществляет в рамках культуры «связь времен», благодаря чему этническая общность способна идентифицировать себя» [1]. Каждый народ наделяет особым смыслом свои начинания, формирует представления о государственной власти, правовом положении личности в обществе и т. д. В связи с этим менталитет «преграждает» дорогу элементам, которые не соответствуют его органичной структуре. По мнению Е. А. Ануфриева и Л. В. Лесной, *«коренные реформы так же вредны обществу, как и воздействие на любой живой организм того, что не заложено в нем от природы»*. Они рассматривают менталитет как генетический код организма культуры, менять который опасно для жизни [2, с. 26].

Ментальность как общественное явление, социокультурный феномен и фактор политического поведения определяется качеством и состоянием социальной

среды, в которую она вписана [6]. Правовая нормативность, основанная на нормах права, представляет собой абстрактную модель общественных отношений и поведения людей. Этим она отличается от решений государственных органов по конкретным делам. Норма права не навязывается насильно, извне. Являясь продуктом развития общества, правовая норма воспринимается на уровне менталитета как социальная необходимость, ориентир поведения во всех сферах жизни – экономической, политической, социальной, семейно-брачной и других. Поэтому в любом социуме, а тем более в условиях российских переворотов, нормы права являются результатом кропотливой работы, в результате которой они отражают народные чаяния, а значит, имеют особое значение и влияние на развитие социально-политической мысли.

В то же время необходимо акцентировать внимание на том, что в идее российской государственности превалирует особость, исключительность, уникальность русского пути при общей пассивности и не включенности народа в государственное дело, безынициативности в вопросах создания гражданского общества. Это ведет к непониманию соблюдения нормы права как экзистенциальной потребности человека, сведение его только к принуждению и насилию, отсутствие реального представления о роли права в сфере политики и социальной жизни породило глубокий правовой нигилизм, характерный как для прошлой правовой жизни, так и для современной России.

В случае, когда определение права отражает потребности общественного развития, интересы нации и всего человечества раскрывается не формально-абстрактная совокупность законов, а их система, способствующая самосохранению общества. Такое право приобретает особый смысл в наше время, на пороге

третьего тысячелетия, когда общество интенсивно развивается, создаются различные общественные организации (в том числе партии), не возбраняется плюрализм взглядов и убеждений. В данном случае норма права создает равновесие в обществе и укрепляет его, поскольку формирует предсказуемое поведение индивида и его отношение к другому лицу и ко всему обществу.

Для оптимального создания и применения тех или иных правовых норм необходим анализ и учет общественного мнения, поскольку важнейшим признаком законной нормы является её социальная значимость и необходимость. Социальными факторами, влияющими на применение норм права, являются политический режим государства, активность политических партий и общественных объединений, состояние экономики и благосостояния населения, образованность правоприменителей и всех слоев общества, социально-научные исследования и разработки, социально-демографические условия (численность, плотность и состав населения, занятость, уровень преступности).

Особому вниманию подлежат социально-правовые факторы, которые негативно влияют на создание и эффективность применения правовых норм. Одним из таких факторов является социальный конфликт, который возникает вследствие несовместимости ценностей, потребностей, интересов отдельных субъектов. Исследователи в области уголовного права обеспокоены тем, что происходящие в России изменения в области социально-политических, экономических, духовных и иных отношений приводят не только к позитивным сдвигам, но и в известной мере порождают новые виды общественных и межличностных противоречий, трудно преодолимые социальные и правовые конфликты [2, с. 41].

Учитывая бессознательность и не сформулированность воздействия на человека менталитета как некоторой традиции [10, с. 25], проявление правовой нормативности определяется доминированием тех или иных ценностей в общественном сознании. Например, К. А. Феофанов подчеркивает, что правовая необразованность и путанное законодательство в «условиях абсолютного владычества силы и власти, в советское время упроченные официально узаконенным государственным террором против «врагов народа» и самого народа, привели к устойчивому правовому нигилизму, полному непринятию права как регулятора отношений и источника справедливости гражданами и институтами» [11, с. 79 – 94].

В своей работе «Дорога к рабству», изданной в 1944 году, Ф. Хайек уделит большое внимание господству тоталитаризма, в том числе и в России, основанному на планировании, и оказался провидцем исторического развития России в условиях тоталитаризма. По мнению Р. И. Капелюшникова, в середине XX в. предполагалось, что ограничение свободы в рамках системы централизованного планирования – это та жертва, которую приносит социализм ради достижения несравненно более важной цели – обеспечения достойной жизни основной массы народа. Соглашаясь с Хайеком, автор подчеркивает: система централизованного управления, когда решения принимаются исходя из соображений выгоды в каждом

отдельном случае, без оглядки на какие-либо общезначимые стабильные принципы и нормы права, являет собой царство голой целесообразности. Твердые юридические правила и нормы сменяются конкретными предписаниями и инструкциями, верховенство права – верховенством политической власти, ограниченная форма правления – неограниченной [7, с. 108].

По мере увеличения популярных в период сталинизма и позднее запретительных и жестко ограничительных норм права приводит к тому, что многообразие жизни уступает место единообразию, а свобода личности становится не просто поправной, а практически раздавленной. Проблема свободы и несвободы, проблема произвола и дисциплины стояла во все времена, но она не была такой острой, ужасающе катастрофической, как в XX веке. Тоталитаризм XX века, превратив норму права в ничего не значащий лозунг, перечеркнул достоинство личности во всех его проявлениях во имя конечной цели, которой могла быть чистота расы или социальная утопия. Принудительный труд уничтожил это достоинство, произвольные аресты погрузили людей не только в страдания – как ужасающе физические, так и духовные, – но и в унижающее беспомощное ощущение полного бесправия.

Активность и воздействия властной элиты в России и в прежние века, и в настоящее время были направлены на то, чтобы управлять сознанием и поведением масс, но, как правило, инертность архетипов менталитета и массового сознания блокировала и «сводила на нет» все идеологические и социальные преобразования, к которым не могли люди адаптироваться и принять. В связи с этим И. В. Мостовая и А. П. Скорик отмечают, что в «России, где толщина нижних трех слоев довольно внушительна с точки зрения социального охвата соответствующими архетипами, данный динамичный архетип органично входит в систему общественного баланса только при условии высокой энергетической насыщенности» [9, с. 74].

Как подчеркивает Ю. Д. Гранин, «федеральная и региональные элиты, в практиках которых все больше проступают феодальные черты, больше всего боятся потерять привилегии, а руководство страны – ослабления «властной вертикали», скрепляющей асимметричную РФ. Последняя, действительно, до сих пор не застрахована от распада вследствие внутренних и внешних вызовов. Судя по наблюдениям, именно этого больше всего боится власть» [3, с. 19]. В данном случае речь идет о «зависимом развитии» (*Path Dependence*) Российской Федерации, которая переживает социокультурный кризис, где сформированное ранее научное мировоззрение и рациональное мышление целенаправленно заменяется СМИ мифами самого разного толка и лженаукой. С точки зрения менталитета (национального, этнического и т. д.) предполагается переход к новому типу цивилизационного развития, который нацелен на решение глобальных проблем сохранения человека и накопленных им цивилизационных достижений.

Когда сознательная жизнь молодого поколения приходится на эпоху переосмысления ценностей и

ломки старых поведенческих алгоритмов, то происходит парадоксальная ситуация: с одной стороны, основные императивы уже заданы родителями, с другой – ситуация открывает массу возможностей, для которых нет аппарата оценки. Как всегда в таких случаях, первой усваивается атрибутика, а не суть. Легко принимается, что быть богатым – хорошо, но остается за кадром, что для этого надо работать. Формируется стереотип, как должен выглядеть и вести себя богатый человек, но упускается из виду, что демонстративное поведение характерно как раз для стремящихся к богатству, а не достигших его. Тот факт, что 75 % американских миллионеров заработали состояние ценой 20 – 30 лет труда по 12 часов в сутки без выходных, по меньшей мере, не вдохновляет, а потому игнорируется.

Выступая основным элементом институциональной среды, в которой люди осуществляют свой выбор, социальные нормы являются предписаниями определенного поведения, обязательными для выполнения и имеющие своей функцией поддержание порядка в системе взаимодействий. При этом существует принципиальное различие между нормой и средней величиной: если первая реализуется через социальные механизмы (ценности, санкции и т. д.), то вторая не несет никакой социальной нагрузки и может быть выявлена с помощью простого статистического расчета. Так, расчет среднего времени опоздания на встречу дает лишь весьма опосредованное представление о восприятии людьми взаимных обязательств, определяемых социокультурными основаниями национальных менталитетов. Например, во Франции не принято приходить в гости точно в назначенное время, но это отнюдь не свидетельствует о необязательности французов: нормой является небольшое опоздание (5 – 15 мин), и отношения между хозяевами и приглашенными строятся на основе ее выполнения.

В дореволюционный период в российском праве были актуализированы такие идеи, как:

- идея правды и ее различные трактовки и смысл;
- идея свободы и ее понимание как воли и волеизъявления;
- идея соборности и ее воплощение в праве и правосознании;
- идея российской государственности и ее социально-политические предпосылки.

Возникновение права и правовых норм обусловлено процессом развития общественных отношений, где требуется поиск и достижение консенсуса, а также разграничение интересов людей.

Безусловно, в 70 – 80-х годах прошлого столетия велась некоторая работа по правовому воспитанию населения, преподавались основы права, работники правоохранительных органов знакомили граждан с содержанием законов. Однако эти меры плохо сочетались с многочисленными нарушениями норм права должностными лицами, диспропорцией в сфере распределения материальных благ, высоким уровнем преступности. Фактически общество могло довольствоваться только лозунгами из Основного Закона государства. Напрашивается вывод о том, что в период тоталитарного режима в России регулирование социально-политических отношений основывалось не на

естественных нормативно-правовых взглядах, а на искусственно создаваемых нормах права, подгоняемых под интересы правящей верхушки. Власть была пронизана идеей полного контроля над социумом. Политическая деятельность – односторонне направлена. Нормы права стали не источником истинной свободы человека, а средством пропаганды, лозунгами, которыми обрамляли фундаментальные нормативные акты государства. Однако согласимся с Ф. Хайеком, что тоталитарному режиму несложно лишить большинство людей способности самостоятельно мыслить. Но надо еще заставить молчать меньшинство, сохранившее волю к разумной критике [13, с. 106].

Как утверждает Хайек, «свобода» – это не единственное слово, которое став инструментом тоталитарной пропаганды, изменило свое значение на прямо противоположное. Поскольку не может быть коллективной свободы, основанной на составленном кем-то плане, свобода – это понятие сугубо индивидуальное, которое нельзя смешивать с интересами власти, планирующих органов, коллективными взглядами. То же самое происходит с «законом» и «справедливостью», «правами» и «равенством». Список этот можно продолжать до тех пор, пока в него не войдут практически все широко бытующие этические и политические категории [13, с. 106]. Самосознание субъекта как единичного, так и общего (коллектив, нация и т. д.) имеет определяющее значение и «каким-то образом связано с содержанием» [14, с. 198] и практической реализацией права свободного выбора в рамках конкретной правовой нормативности.

Идея свободы и прав человека даже в период развитого социализма, несмотря на её широкое провозглашение, реально была отодвинута на последний план. Поскольку нормы права имели чисто декоративный характер, право граждан избирать депутатов в советы разных уровней сводилось к голосованию за единственного кандидата, одобренного единственно действующей партией. Провозглашаемая высшими нормативными актами свобода мысли и слова ограничивалась обязанностью произносить только хвалебные слова в адрес руководства страны. Иное поведение расценивалось как покушение на политические устои и заслуживало довольно жесткого уголовного наказания. Так, ст. 70 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. устанавливалось наказание за агитацию или пропаганду, проводимую в целях подрыва или ослабления Советской власти либо совершения отдельных особо опасных государственных преступлений, распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно распространение либо изготовление или хранение в тех же целях литературы такого же содержания в виде лишения свободы на срок от шести месяцев до семи лет или ссылкой на срок от двух до пяти лет [5]. Подвести под эту статью любое неутраченное выступление не составляло никакого труда для действующей в ту пору, зависимой от государства, судебной системы.

Значение нормы права в развитии социально-политической мысли связано еще и с тем, что право, политика, социум неразрывны и взаимно влияют друг

на друга. Согласимся с рассуждениями Ю. Хабермаса о том, что право и политическая власть должны исполнять функции по отношению друг к другу, прежде чем они смогут взять на себя *собственные* функции, а именно: стабилизировать поведенческие ожидания и коллективно принятые решения. Таким образом, право впервые придает всякой власти, у которой оно заимствует принудительный характер, правовую форму, и ей власть снова обязана тем, что она становится обязательной. И наоборот. Оба кода, правда, требуют, чтобы у каждого из них была собственная перспектива: у права – нормативная, у власти – инструментальная. В перспективе права как политика, так и законы вместе с соответствующими мероприятиями нуждаются в нормативном обосновании. А в перспективе

власти они функционируют в качестве средства и в качестве ограничений (налагаемых на воспроизводство власти) [12, с. 48]. Н. В. Мотрошилова отмечает пристальное внимание Ю. Хабермаса процессу формирования свободной общественности. Анализируя французский опыт, Хабермас утверждал, что столь же важным, как фактическая институционализация политической общественности, становится её юридическое нормирование; революционный процесс одновременно интерпретируется и дефинируется на языке конституции и права [12, с. 143]. Таким образом, возникновение, институционализация и легитимация общественности как движущей силы государства многим обязаны норме права.

Литература

1. Ануфриев Е. А., Лесная Л. В. Российский менталитет как социально-политический и духовный феномен. // Социально-политический журнал. 1997. № 6. С. 21 – 28.
2. Булаев М. И. Детерминанты рецидивной преступности // Российский следователь. 2007. № 13.
3. Гранин Ю. Д. Модернизация России: в колее «зависимого развития» // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 14 – 24.
4. Горбунова М. Г. Диалектика язычества и православия в структуре русского менталитета: дис. ... канд. фил. наук. Н. Новгород, 2001. 150 с.
5. Закон РСФСР от 27.10.1960 «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным кодексом РСФСР») // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».
6. Золотухин В. М., Родионов А. В. Социально-философский и культурологический аспекты российской ментальности // Вестник КемГУКИ. 2014. № 29. Ч. 1. С. 17 – 24.
7. Капелюшников Р. И. «Дорога к рабству» и «дорога к свободе»: полемика Ф. А. Хайека с тоталитаризмом. // Вопросы философии. 1990. № 10.
8. Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. 288 с.
9. Мостовая И. В., Скорик А. П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. № 4.
10. Розов М. А. Философия без сообщества? // Вопросы философии. 1988. № 8.
11. Феофанов К. А. Цивилизационные детерминанты права: коммуникативные технологии на службе политических режимов // Социально-гуманитарные знания. 2009. № 5. С. 79 – 94.
12. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Лекции и интервью. Москва, апрель 1989 г. М.: Наука, 1992. 176 с.
13. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. № 12.
14. Шенников В. П., Белоглазова О. Н. Проблема самосознания в истории философии // Вестник КемГУ. 2011. № 1(45). С. 195 – 199.

Информация об авторах:

Золотухин Владимир Михайлович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, zvm64@mail.ru.

Vladimir M. Zolotuhin – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Степанцова Евгения Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, политических отношений и права Кузбасского государственного технического университета им. Т. Ф. Горбачева, ev67@yandex.ru.

Evgeniya V. Stepanцова – Candidate of Philosophy, Assistant Professor at the Department of Sociology, Political Relations and Law, Kuzbass State Technical University named after T. F. Gorbachev.

Статья поступила в редколлегию 20.11.2014 г.

ПРОБЛЕМА НАЧАЛА ИСТОРИИ

Е. Ф. Казаков

THE PROBLEM OF THE BEGINNING OF HISTORY

E. F. Kazakov

В статье рассматривается проблема начала человеческой истории. Человек определяется как душа (homo animus), антропогенез рассматривается как генезис души, начало истории – как оформление собственно человеческих энтелехий души: мыслительно-деятельной, эстетической, религиозной, нравственной. Генезис человека – это история «собираания», актуализации его души. Душа оформляется постепенно и гетерохронно: сначала актуализируется мыслительно-деятельное начало, затем пробуждается чувственное (эстетическое) восприятие, потом – сверхчувственное (религиозное), далее – моральные переживания. Друг за другом и в связи друг с другом душевные энтелехии достигают достаточной зрелости. Оформление важнейших энтелехий и их интеграция позволяют говорить о формировании души (а значит, и человека) как целостности. Человек не сводим к одной из своих частей, пусть и важной; «четверть» человека (души) – это ещё не человек (душа). Генезис души как целостности занимает около 2,5 млн лет, в основном завершаясь около 30 тыс. лет назад, именно к этому времени и можно отнести становление предчеловека в человека, а значит, начало собственно человеческой истории.

The paper considers the problem of the beginning of human history. Man is defined as soul (homo animus), anthropogenesis is regarded as the Genesis of the soul, the beginning of history – as the emergence of human entelechy soul itself: thinking, active, aesthetic, religious, moral. The Genesis of man is the history of the gathering, the actualization of his soul. The soul is developed gradually and heterochronically: first, the thinking-active aspect is triggered, then sensual (aesthetic) perception awakens, then – supersensual (religious), hereinafter referred to as moral distress. One after another and in communication with one another, the emotional entelechia reach sufficient maturity. The design of the most important entelechy and their integration allow us to speak about the formation of the soul (and therefore human) as the integrity. People cannot be reduced to one part, albeit important; a ‘quarter’ of a person (soul) is not the person (the soul). The Genesis of the soul as integrity takes about 2.5 million years, having finished about 30 thousand years ago; it is to that time the evolution of pre-man into man can be attributed, and hence, so can the beginning of actual human history.

Ключевые слова: душа, тело, человек, история, антропогенез, искусство, табу, ритуал, религия, мораль, энтелехия, homo habilis, homo erectus, homo sapiens, homo animus.

Keywords: soul, body, people, history, anthropology, art, taboo, ritual, religion, morality, entelechy, homo habilis, homo erectus, homo sapiens, homo animus.

Определение начала человеческой истории зависит от того, как понимать человека. Одно из самых традиционных – определение его как единства двух субстанций: души и тела (так считали Платон, Аристотель, Августин Блаженный, Р. Декарт). Однако уже Сократ осуществляет редукцию этого определения, утверждая, что *«человек есть душа»* [8, с. 258]. Почему же из двух нераздельных субстанций избирается одна? Потому что именно в душе заключена сущность человека, его принципиальное отличие от всех других существ. Именно душа и является образующим началом человека. По Аристотелю, душа – суть бытия тела (сохраняющая существо таковым, каково оно есть), его первая энтелехия, форма (способ организации тела), акт; душа – причина и действующее начало для созидания, цель одушевлённых тел; *«душа есть всё сущее»* [2, с. 439]. Относительно души, тело – материальный субстрат, её орудие, потенция (то есть сущее в возможности). Если душа – это «скульптор», то тело – «материал». Душа есть начало тела, его первооснова и завершение. Душа едина, она – принцип жизни и развития, «движущая всё живое некоторым решением и мыслью» [2, с. 439]. *Быть человеком – значит жить, прежде всего, душой, познавать душу, заботиться о ней, отсюда, и «любовь к душе – самое важное»* [8, с. 259].

Категория «душа» – важнейшее, наиболее глубоко и всесторонне разработанное в философии понятие, отображающее внутреннюю жизнь человека в её

целостности, наиболее адекватное ей. Оно в сфокусированном виде несёт в себе всё своеобразие человеческой жизни, её активное, целеполагающее, рефлексивное начало. В важности постижения души не сомневались мыслители от Аристотеля (*«Познание души много способствует познанию всякой истины, ведь душа есть начало живых существ»*) до Ф. Шлегеля (*«Центральным пунктом» исследования жизни человека является «рассмотрение души»*). Душа – это внутренняя нематериальная жизнь человека, весь его внутренний мир. Она – и субъект, и процесс, и важнейший объект (наряду с телом и внешним миром) *«потока» человеческой жизни*. Она – *«человек в человеке»*, собственно человеческое. В отличие от питания и роста, свойственного животным, жизнь человека – это «деятельность души» [2, с. 63 – 68]. Душа – принцип жизни и развития, образующее человека начало. Она ещё не есть весь человек, но, исследуя его душу, мы исследуем главное, что есть в нём, фундаментальное, задающее своеобразие человеческому существу в целом; потому что человек – это существо с метафизическим дыханием.

Душа, обычно, рассматривается как гетерогенное образование. Так, по Аристотелю, в ней есть разумная, животная и вегетативная части. И Платон, и Аристотель понимают разум в качестве главной составляющей души, и, соответственно, познание – как её главную «деятельность». Душа – *сверхтелесная мысляще-чувствующая субстанция*. Весь внешний ма-

териальный и нематериальный мир, созданный человеком, есть актуализация, воплощение его души, душевыражение. Душа, *в непосредственном виде* (в «узком смысле»), есть внутренняя нематериальная жизнь человека; душа *в опосредованном (объективированном) виде* (в «широком смысле») есть продуцированный человеком внешний нематериальный и материальный мир. Душа есть внутренний и внешний мир человека, то есть душа есть ВСЁ человеческое. Именно при такой постановке вопроса особенно отчётливо видно, как душа отличается от психики (явно не «покрывающей» собой всю человеческую культуру). Человека правомерно определять не столько как *homo sapiens* (ведь разум – важная, но всё же часть, далеко не исчерпывающая всю его сущность), сколько как *homo animus* («человек душевный»). Душа человека, в «узком смысле», есть «мыслилище» и «чувствилище» (Аристотель), совокупность мыслей, чувств и переживаний. Сущностью её, наряду с мыслью, являются религиозные, эстетические, нравственные переживания. Именно этот «синтез» и отличает принципиально душу человека от души любой другой земной твари.

Душа – это то, что подлежит осуществлению; «мир» – осуществлённое (актуализирующаяся, становящаяся душевная жизнь). Душа развёртывает свой потенциал «из себя». Человеку (по Ж.-П. Сартру) ничего не остаётся, как «делать» себя самому, «собирать» себя, быть «проектом бытия для себя». Генезис человека есть становление его души. Основанием генезиса является то, что душа предстаёт как «потенциальная сущность». На первоначальных ступенях своего развития человек есть *homo animus* более в возможности, чем в действительности. Антропогенез, таким образом, развёртывается, в своём существе, в душевной жизни (то есть, предстаёт душегенезом). Внешняя (телесная, материальная) сторона генезиса предстаёт в конечном счёте моментом, опосредующим развёртывание внутренней (душевной) стороны.

Генезис души – это генезис человека. Отсюда, *начинать историю человека правомерно лишь с нахождения свидетельств жизни его души* (они могут быть как прямыми, так и косвенными). Если душа движет тело, то косвенными свидетельствами её жизни будет материальная деятельность, а прямыми – не/сверхматериальная. В силу доминирования материального взгляда на человека и его историю, а также большей доступности и очевидности вещественных предметов, акцент чаще делается на телесные проявления жизни человека, обычно рассматривающимися автономно от жизни души. Для определения начала человеческой истории используют данные, полученные археологами, прежде всего, искусственно обработанные природные предметы (каменные скребки, рубила, костяные наконечники, керамические изделия), иными словами, «орудия, сделанные с помощью орудий», а также останки черепа и скелета с явными признаками «гоминидной триады».

Внешний облик человека не может не формироваться, в той или иной мере, душой (как «скульптором») по её же «образу и подобию». «Жилище» не может не являться более или менее адекватным «портретом» своего «хозяина». Тело человека является в определённой мере продуктом его сверхбиологической жизни, выражением собственно человеческих качеств

его души. Отсюда, свидетельством жизни человеческой души являются сверхбиологические признаки его тела, «гоминидная триада» (прямохождение; освобождение передних конечностей; объём и форма черепа). Наиболее древние останки скелета *habilis* (с признаками «гоминидной триады») имеют возраст 2,5 млн лет (Эфиопия, область Афар) [3, с. 93]. Строение тела предчеловека – это первое по времени проявление «необычного» содержания и «строения» его души, в частности, начавшей ускоренно развиваться, её мыслительно-деятельной способности (проявившейся, в частности, в способности целенаправленно раскалывать камень).

Вторым по времени овеществлённым проявлением собственно человеческой жизни являются «орудия, изготовленные орудиями». Самые древние каменные орудия (уже не просто расколотые, а целенаправленно двусторонне обработанные камни), которыми пользовался *Homo erectus*, были найдены в Африке, в бассейне реки Када-Гона (Эфиопия), их возраст составляет 1,8 млн лет [1, с. 34]. Эректусы активно изготавливали каменные орудия, использовали шкуры в качестве одежды, жили в пещерах, пользовались огнём и практиковали каннибализм, начали готовить пищу на огне. Таким образом, первые признаки сверхбиологической жизни человека (строение его тела) появились намного раньше первых орудий («созданных орудиями»). Активность интеллекта «проснулась» ранее собственно орудийной деятельности, и понадобилась достаточно сложная степень развития мыслительных операций и манипулятивных способностей тела, чтобы начать ею заниматься. Вегетативно-животные интеллигии души принципиально не отличают человека от других живых существ; именно «божественный разум» (Аристотель) является главной его особенностью. Пробуждающийся «разум» стимулирует появление новизны и сложности в человеческой жизнедеятельности, обуславливающие структурные метаморфозы тела.

Непосредственным свидетельством жизни души явилась актуализация душевной саморефлексии. Первым представлением «души о душе» был анимизм, утверждавший всеобщую одушевлённость мира, наличие невидимых сущностей, управляющих телом человека, всеми явлениями и силами природы. Складывается представление, что мир, как и человек – не одномерен, не исчерпывается физической поверхностью. За телесным миром находится невидимый, нематериальный мир, воспринять который можно только зрением души. Этот мир – более важный, определяющий, исходный, чем мир физический. Появилось чувство единого душевного пространства, в которое всё и вся включены. Изоморфизм макро- и микромира позволил и человека представить в виде «мирового древца», «корнями» которого была душа, а «кроной» – тело. Душа, возводимая здесь в принцип жизни, обычно связывается с конкретным отдельным ее носителем: человеком, животным, предметом, растением, а дух представляется самостоятельным, оторванным от конкретного носителя существом, способным влиять на различные предметы. Окружающий мир воспринимался как зависящий от душ, странствующих по телам животных и растений. Со смертью тела душа не умирает, продолжая свой жизненный путь. Душу можно увидеть только душой, душевидением. Видение души у

явлений мира есть свидетельство актуализации бытия собственно человеческой души. **Первые религиозные представления появились 100 – 50 тыс. лет назад** [13, p. 11].

Душевной саморефлексией в «чистом виде» были попытки визуализировать душу в той или иной символической форме. Широкое распространение получили рисунки и фигурки птиц, являющиеся в то же время изображением женского чрева и первым представлением о душе (Альтамира, Ляско, Мезин, Елькниц). Женский образ предстал как «начало начал», понимался и как «вместилище душ», проникающих в тело и покидающих его подобно дыханию [6, с. 25]. Чаше душа изображалась в виде фантастической женщины-птицы (не существовавшей на земле), что подчёркивало её крылатость, надмирность, бесплотность (в противоположность грузным «палеолитическим Венерам»), происхождение из иного метафизического бытия. Актуализируются **попытки «самосознания»**, нашедшие выражение в «первом автопортрете» древнего человека в виде отпечатка распостёртой пятерни (напр., в пещере Пеш-Мерль, Франция) [12, p. 23]. Стены палеолитических пещер просто испещрены цветными изображениями разнообразных ладошек. Таким образом, человек самоутверждался, дифференцируя «Я» и «не-Я». Понятно, что этот «автопортрет» не мог быть достаточно содержательным, но ведь и уникальность человека в то время ещё не была развёрнута. **Кисть руки – самая социализированная часть человеческого тела;** характер, сложность **ручного** труда с наибольшей ёмкостью фокусировались именно в руке. Пятерня была первым **«социальным автопортретом»** человека.

Важным проявлением жизни души выступает **возникновение мифологических представлений о мироустройстве и связанных с этим обрядов, ритуалов, культов.** Поразительная сила натурализма образов первобытного искусства была слита с их "внемирностью", "таинственной избыточностью по отношению к прагматической жизни" [6, с. 71]. Одним из примеров этого являются "молчащие о вечном" дольмены, представляющие собой огромные "П"-образные каменные сооружения. Их можно считать одним из первых проявлений "разумного видения души", дающего представление об устройстве мироздания, его фундаментальных основаниях (в частности, о "небесной тверди", не уступающей по "прочности" "тверди" земной; оберегающей человека, выражающей устойчивость бытия). К данному ряду образов относятся и первые изображения креста и кругокреста (пещера Тата (Венгрия), стоянка Вилен у Лорриха (Германия), стоянка Турская Маштала (Югославия)), закладывающие определенную "систему координат" для рефлексии бытия, предстающие "мерой" упорядочения, "выправления" мировосприятия, стремлением придать миру определенную стройность или, точнее, открыть её в нем. Начинает актуализироваться **способность к абстрактному мышлению.**

В мировоззренческие верования вписывались представления о загробной жизни, материальным выражением которых являлись предметы, использовавшиеся в ритуальных действиях (маски, обереги, каменные идолы, ритуальные рисунки, магические знаки). **Душевная саморефлексия нашла выражение в выяв-**

лении характера сопряжения души и тела. Находились как сходства (некоторая степень материальности души), так и различия (сверхтелесность, бессмертие). О рождении такой веры свидетельствуют **древнейшие ритуальные захоронения**, представлявшие собой обычные ямы, в которые умерших укладывали в скорченном виде (поза младенца-зародыша). Появились и первые обряды, связанные с захоронениями соплеменников. Стали создавать курганные насыпи, а погребенным начали класть в могилу необходимые им в загробной жизни предметы: одежду, украшения, благовоения, посуду, оружие, глиняные фигурки, амулеты-обереги, а иногда слуг и жен. **Самые древние ритуалы появились в Африке более 70 тыс. лет назад** [7, с. 55].

Начинают формироваться **табу**, являющиеся (по З. Фрейду) зачатками совести, вины и долга, то есть актуализируются **первые нравственные чувства.** Табу были как воспрещающего (запрет на близкородственные браки, на убийство соплеменников, запрет оставлять без помощи слабых и больных), так и разрешающего (пользование общей собственностью, распределение пищи не по принципу силы, а по справедливости) характера. Табу формировались в период превращения стада в общину (**около 40 тыс. лет назад**) [11, с. 29], когда для упорядочивания коллективного существования понадобились определённые социальные нормы. Табу охватывали все сферы жизни: охоту, войну, быт; они налагались на людей, животных, растения, вещи, слова, действия.

Проявлением жизни души было **пробуждение чувства красоты**, выражением чего являются произведения изобразительного искусства. Первобытный человек разрисовывает узорами и орнаментом орудия труда, оружие, глиняные изделия, одежду, жилище. Апофеозом этой линии душевной актуализации является творение, полностью теряющей связь с утилитарностью, «красоты ради красоты» (создание украшений: бус, серёжек, колец, браслетов). Человек начинает привносить в мир новую степень красоты. Олень изыщен сам по себе, но этого мало, человек изображает его ещё более прекрасным, рисуя рога в виде половинок лиры («Пасущийся олень», пещера Фон де Гом, Франция). В душе человека актуализируется потребность в более совершенной красоте, чем он видел вокруг. Самая древняя в мире живопись (пещера Шове, юг Франции) датируется **32 тыс. лет назад.** К эпохе позднего палеолита (**35 – 30 тыс. лет назад – 10 тыс. лет назад**) относят создания пластики (т. н. «палеолитических Венер»), **расцвет пещерной живописи и наскальных росписей**, развитие искусства резьбы по кости [4, с. 89 – 91].

В «палеолитических Венерах» акцент делался на материнское, родотворное начало. Тем более поразительно наличие на этом фоне таких изображений, как «Девушка, собирающая мёд» (пещера Арана, вблизи Валенсии, Испания, 10 тыс. лет наз.), где нет ничего от телесной наполненности, образ невесом, грациозен, певуч, поэтичен. Так нарисовать девушку можно было, только влюбившись в неё. Возможно, мы здесь встречаемся с **первым в мире признанием в любви** (так нарисовать девушку можно было, лишь влюбившись в неё), которое, вероятно, выразить в слове человек ещё был не вполне в состоянии.

Итак, *начало человеческой истории – не «точка», а процесс, растянутый по времени на бесконечные 2,5 млн лет.* Исходя из имеющихся в настоящее время археологических данных (достаточно быстро обновляющихся, и не всегда дающих однозначные ответы), можно сделать следующие выводы. Первым наиболее оформленным «продуктом» актуализирующейся души был сам человек, точнее, его тело, содержащее черты «гоминидной триады». «Социально обработанное» тело возникло раньше, чем первое обработанное каменное орудие труда (с существенным различием: тело трансформировалось *само собой*, а камень – целенаправленно; поэтому *собственно* «социальную деятельность» следует начинать именно с обработанного камня). Видоизменённое строение скелета и черепа – первый ещё *непроизвольный «социальный продукт»* (а значит, и не совсем социальный), тем не менее свидетельствующий о пробуждении сверхбиологического в душе, а значит – и о «начале начала» человеческой истории.

На исходной ступени собственно человеческие признаки ещё мало были отделены от человека, его телесности: это было, в большей степени, ближайшее к душе пространство. Вначале душа одушевляет пространство вокруг себя, «обживая» тело, делая его удобным для «проклёвывающегося» сверхбиологического «жильца»; уподобляя себе «интерьер-экстерьер» своего «жилища». Оформление собственно человеческого в душе шло одновременно и во взаимосвязи с трансформацией телесного субстрата. Актуализирующиеся в процессе развития охоты и собирательства мыслительно-деятельные способности (результатом которых и явилось продуцирование сверхбиологических признаков тела) были выражением генезиса первой по времени энтелехии души, первой эманацией собственно человеческой душевной жизни. Однако душа, как и тело, есть целостность, не сводимая ни к одной (даже самой важной и «первой») из своих частей. Актуализация одной из энтелехий означает начало оформления собственно человеческой души, но не даёт основания говорить о её существовании как таковой. *«Четверть» человека (души) – это ещё не человек (душа).* В любом целостном (системном) образовании первичен не один элемент, а взаимосвязь элементов (по крайней мере, основных).

Творение не может появиться раньше творца, скульптура – раньше скульптора. *Душевный антропогенез* начинается тогда, когда внутри вегетативно-животного душевного пространства «проклёвывается» собственно человеческая («божественно-разумная») энтелехия. «Божественно-разумный скульптор» появляется сначала внутри души (вопросы «откуда», «как» и «почему» – за рамками настоящего исследования), и первым «материалом» для него являются вегетативно-животные составляющие души. Сначала должен был появиться *«скульптор внутри скульптора»* (собственно человеческая часть души внутри вегетативно-животного её пространства). Если человек далеко не появился сразу в готовом виде, то и собственно человеческая душа сразу в готовом виде появиться не могла. Взрастание человеческого сквозь/в не/дочеловеческом растянулось на миллионы лет. *Чтобы «повести за собой» тело, надо было сначала «повести за собой» душу.* «Разумной» энтелехии необходимо было не

просто актуализироваться в душе, а стать её ведущей стороной, а для этого нужно было актуализировать-вочеловечить не только себя, но и другие душевные энтелехии. Данное взаимоочеловечивание происходило и в единстве друг с другом, и одно после другого, одновременно.

Долгое время самым совершенным «орудием труда» было тело человека, в частности, его мозг (продуцирующий мысль) и рука (производящее действие). Вторым по времени (тоже материальным, косвенным, опосредованным) свидетельством актуализации души было продуцирование «второй телесности» – социально изменённого внешнего (вещного) мира. *Около 700 тыс. лет* понадобилось развивать-«обработывать» мозг и тело до такой степени, чтобы они оказались способными достаточно сложно и целенаправленно обрабатывать вещный мир (например, создавать двусторонне обработанное каменное рубило). Исходя из имеющихся археологических данных, мы не можем говорить о том, что формирование тела человека шло одновременно с «производством» орудий труда (судя по имеющимся представлениям homo habilis могли разбивать камень о камень и использовать получившиеся острые лезвия), но не умели осознанно обрабатывать камень. *«Гоминидная триада» появилась намного раньше* целенаправленно создаваемой *«орудийной триады»* (рубило, скребок, нож). Обработанный камень, также как и «обработанное» тело, свидетельствуют продолжающийся стартовый спурт мыслительно-деятельной энтелехии души. Вся материальная активность предчеловека, а она явно доминировала в древнем обществе, является выражением актуализации его мыслительно-деятельной способности, явно опередившей все другие уровни души.

Душа – это гетерогенное образование, гетерохронно развивающееся. Ранее всего актуализируется мыслительная энтелехия, наиболее востребованная для выживания предчеловека и находящая выражение в сверхбиологической «обработке» сначала внутреннего (собственной телесности), затем (и одновременно) внешнего («вещной телесности») пространства. На протяжении практически всего *душегенеза* мыслительно-деятельная энтелехия доминировала. В это время появлялись и первые «почти невидимые» признаки пробуждения других сверхбиологических энтелехий, в частности, чувства красоты (зачатки искусства, в виде примитивного орнамента, появились 150 – 120 тыс. лет назад; изготовление антропоморфных фигурок возникло, возможно, ещё раньше [13, р. 11]). Таким образом, вслед за мыслительно-деятельной энтелехией (и во взаимосвязи с ней) начинают актуализироваться собственно человеческие чувства, и первым из них предстаёт чувство красоты (нашедшее предметное воплощение). Тем самым происходит актуализация непосредственной жизни человеческой души, предстающей теперь в «чистом» виде; то есть можно говорить о зачатках нематериальной («духовной») деятельности; начинающей развиваться как во взаимосвязи с материальной деятельностью (орнамент на орудиях труда), так и автономно (появление первых украшений, например, орнамента на раковинах) [14, р. 36].

Вслед за *мыслительным* и *чувственным* актуализируется *сверхчувственное* восприятие мира: 100 – 50 тыс. лет назад рождаются первые религиозные

(анимистические) представления. Начинает оформляться синтез религиозного, эстетического восприятия и мыслительно-деятельной активности (появляются культовые предметы: жертвенники, магические знаки, обереги). Позже (около 70 тыс. лет назад) появляется вера в бессмертие души, нашедшее выражение в создании ритуальных захоронений. Это было важной ступенью душегенеза, позволяющей говорить о появлении *душевной саморефлексии* (попытки понять своё отличие от телесного (материального) мира, свою надмирность и возможность потустороннего существования). Представление *души о душе* свидетельствует уже достаточно высокую степень душегенеза. Степень «духовного» развития, возникающая в условиях древнего каменного века, является одной из величайших загадок психологии и истории. Есть основания говорить о трансцендентных «начатках» в первобытной душевной жизни, в которых фиксируется факт «рождения свыше», через которые и происходит конституирование собственно человеческого бытия.

Примерно 40 тыс. лет назад оформляются первые табу, то есть происходит актуализация «морального закона», утверждение первых сверхбиологических норм поведения. Душа начинает превращаться в «*нравственное чувствилище*». Всё это происходит одновременно и в связи с усложнением мыслительно-деятельной, эстетической и религиозной энтелехий. Наряду с развитием функции души по освоению материально-телесного мира, всё более активно и содержательно развёртывается *функция души по освоению самой себя* и всего душевного пространства. Около 30 тыс. лет назад появляются «шедевры» пещерной живописи, позволяющие говорить о достаточно зрелом оформле-

нии эстетического восприятия. И приблизительно 10 тыс. лет назад появляется первое свидетельство пробуждения чувства любви (в её «духовной», сверхтелесной, собственно человеческой составляющей).

Итак, «человек – это душа», генезис человека – это генезис его души (душегенез). Начало душегенеза – 2,5 млн лет назад («начало начала» человеческой предистории), завершение – 30 – 10 тыс. лет назад («завершение начала» предистории). Генезис человека – это «собрание», «построение» его души. Душа человека оформляется постепенно и гетерохронно: сначала актуализируется мыслительно-деятельное начало (более нужное для самосохранения, выживания тела; то есть *первое сверхбиологическое служит биологическому*); затем пробуждается собственно человеческое чувственное (эстетическое) восприятие (*сверхбиологическое начинает «служить», в том числе и самому себе, то есть имманентному, появляется «красота ради красоты»*); потом – сверхчувственное, религиозное (*сверхбиологическое начинает «служить» трансцендентному*), далее – моральные и любовные переживания (*сверхбиологическое начинает «служить» выстраиванию «диалога с другим»*). Одновременно и в связи с последними предыдущие душевные энтелехии достигают достаточной зрелости. Актуализация важнейших энтелехий души в их интегральной взаимосвязи позволяет говорить о формировании души (а значит, и человека) как целостности. *Душегенез в основном завершается 30 – 10 тыс. лет назад, именно к этому периоду и можно отнести становление предчеловека в человека, а значит, начало собственно человеческой истории.*

Литература

1. Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. М., 2001. 293 с.
2. Аристотель. О душе // Соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1984. 550 с.
3. Всемирная история. Оксфордская иллюстрированная энциклопедия. М.: Весь мир; Инфра-М, Oxford University Press. Гарри Джадж, 2003. 963 с.
4. Гроссе Э. Происхождение искусства. М.: Мысль, 2011. 304 с.
5. Доусон К. Г. Религия и культура. СПб, 2000. 301 с.
6. Кормин Н. А. Онтология эстетического. М.: Наука, 1992. 117 с.
7. Матюхина Ю. А. Мировые культы и ритуалы. Могущество и сила древних. М.: РИПОЛ Классик, 2011. 240 с.
8. Платон. Алкивиад I // Собр. соч. в 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1990. 396 с.
9. Столяр А. Д. О генезисе изобразительной действительности и ее роли в становлении сознания // Ранние формы искусства: Сб. ст.; отв. ред. Е. М. Мелетинский. М.: Искусство, 1972. С. 31 – 45.
10. Токарев С. А. Религии в истории народов мира. М.: Политиздат, 1964. 559 с.
11. Франс де Вааль. Истоки морали. Париж: Альпина нон-фикшн, 2014. 395 с.
12. Lorblanchet. Art pariétal: Grottes ornées du Quercy. Rodez, Rouergue, 2010. 266 p.
13. McClellan Science and Technology in World History: An Introduction. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins University Press, 2006. 311 p.
14. Zilhao J. The Emergence of ornaments and art: An archaeological perspective on the origins of «behavioral modernity» // JArR. 2007. № 15. P. 1 – 54.

Информация об авторе:

Казаков Евгений Фёдорович – доктор культурологии, профессор кафедры философии КемГУ, kemcitykazakov@mail.ru.

Evgeniy F. Kazakov – Doctor of Culturology, Professor at the Department of Philosophy Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 27.01.2015 г.

МУЗЕЙ КАК ИНСТИТУТ НЕПРЕРЫВНОГО И НЕФОРМАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

А. Ю. Коренева

MUSEUM AS A NON-FORMAL EDUCATION AND LIFELONG LEARNING INSTITUTION

A. Y. Koreneva

В данной статье осуществляется попытка охарактеризовать музей как институт неформального и непрерывного образования через примеры в российской и мировой практике музейной деятельности, через анализ понятий «формального», «неформального», «непрерывного» образования, «образования взрослых» и анализ принципов неформального и непрерывного образования, а также описания их реализации в музейной деятельности.

The paper attempts to define museum as a non-formal education and lifelong learning institution by looking at some museums in the Russian Federation and abroad, through conceptualization of «formal education», «non-formal education», «lifelong learning» and «adult learning». It looks at principles of non-formal education and lifelong learning and their implementations in museum proceedings.

Ключевые слова: непрерывное образование, формальное образование, неформальное образование, музейная деятельность, образование взрослых, музей.

Keywords: lifelong learning, formal education, non-formal education, adult learning, museum.

Традиционно образовательная сфера в государстве представлена в виде институтов общего, профессионального, дополнительного образования и профессионального обучения [14]. Частично деятельность перечисленных нами институтов регламентирована на государственном уровне, систематизирована и формализована. Образовательные стандарты в рамках этих институтов представляют собой требования к результатам, структуре программ, а также требования к условиям их реализации. Однако не возникает сомнений и в том, что некоторые организации, например, музеи, тоже выполняют образовательную функцию в современном обществе, делая это иначе, нежели школа или университет. Можно провести разграничение между формами получения образования и *необходимых* знаний и навыков по критерию институционализации деятельности, длительности образовательного процесса и сфер обучения.

История развития музея как *института* показывает нам, что далеко не всегда музей выполнял присущую ему ныне образовательную функцию. Например, храм служения музам «мусейон» в Древней Греции, традиционно считающийся прототипом музея, был, скорее, институтом религиозной сферы общества, нежели образовательной. История развития музея как *социального института* начинается гораздо позже, с появлением первых учебных музеев из собраний коллекционеров [16]. Именно тогда впервые коллекции начинают использоваться на благо общества – в образовательных целях.

Сегодня в музеологии принято выделять две основные социальные функции музея: документирования и образования [16]. Реализация образовательной функции в музее происходит на всех уровнях его работы: правильное, ориентированное на посетителя, создание экспозиций, работа с музейным пространством, коммуникация с посетителями через различные каналы, создание экспертных групп по работе с контентом экспозиций и многое другое. В целом реализация образовательной функции музея заключается в *предоставлении всем целевым аудиториям возмож-*

ности получения знания в доступной для них форме. Данная статья посвящена ответу на вопрос: почему музеи должны стать посредниками в передаче информации широкой аудитории, чтобы каждый смог получить доступ к знаниям, так и тогда, когда ему удобно.

Формальное и неформальное образование

Понятия «формального» и «неформального» образования появляются в XX веке в ходе естественных изменений в общественном развитии: демократизации, глобализации, смены парадигмы в образовании, заключающейся в переходе от «образования, предписанного сверху», к «непрерывному обучению, связанному с потребностью в знаниях» [10]. Важным изменением общественной жизни XX века стало появление особого отношения к естественным правам человека, среди которых есть право на образование, которое в конце концов должно «быть направлено к полному развитию человеческой личности и к увеличению уважения к правам человека и основным свободам» [2]. В Федеральном законе об образовании РФ в качестве одного из понятий вводится «инклюзивное образование». А. В. Макарова, А. Ю. Сгибова и И. В. Ануфриева в статье, посвященной популяризации идеи инклюзивного образования, указывают на термин инклюзивного образования, как на подход к образовательному процессу детей с особыми потребностями в общеобразовательных школах [1].

Естественное право человека на образование и идея инклюзивного образования легли в основу Декларации Тысячелетия и Программу «Образование для всех» ЮНЕСКО [11]. В тезисах по теме неформального образования под неформальным образованием понимают «любой вид организованной и систематической деятельности, которая не может не совпадать с деятельностью школ, колледжей, университетов, а также других институтов, входящих в формальные системы образования» [10]. В документе «Международная стандартная классификация образования» института статистики ЮНЕСКО даны определения понятий формального и неформального образования.

Формальное образование является «институционализированным, целенаправленным и спланированным при участии государственных организаций и признанных государством частных организаций», «в совокупности составляет систему формального образования страны», «признается таковым соответствующими национальными властями» [8, с. 85]. Неформальное образование тоже является «институционализированным и целенаправленным», однако оно «спланировано лицом или организацией, обеспечивающей предоставление образовательных услуг» [8, с. 81]. Организацией, обеспечивающей предоставление образовательных услуг, по документу является «организация, для которой предоставление образовательных услуг является основной или сопутствующей целью. Это может быть государственное учебное заведение, а также частное предприятие, негосударственная организация или государственная необразовательная организация» [8, с. 81]. В отличие от формального образования, где образование планирует и регулирует «государственная организация или признанная государством частная организация» [8, с. 81]. В случае неформального образования это может быть как государственная, так и негосударственная, или государственная необразовательная организация. Неформальное образование не входит в систему формального образования, а является «дополнением и/или альтернативой формального образования в обучении в течение всей жизни индивидуума. Обучение в рамках таких программ часто ведется для обеспечения всеобщего права доступа к образованию» [8, с. 90]. Этот вид образования включает в себя не только первоначальное образование, но и образование для лиц с особыми потребностями и образование для взрослых. Существенным отличием неформального от формального образования является то, что оно «чаще всего ведет к получению квалификаций, которые не признаются квалификациями формального образования или эквивалентами формального образования соответствующими национальными или субнациональными органами образования, либо квалификации совсем не присваиваются» [8, с. 81].

Программы неформального образования имеют своей целью «обеспечение всеобщего доступа к образованию» и одним из принципов – «обучение с учетом потребностей» [10]. В условиях неформального образования у субъекта больше установок на самостоятельное обучение, активную позицию по отношению к собственному образованию. Человек сам определяет цели и задачи, а потом выбирает средства их достижения [15]. Представляется, что принцип «обучение с учетом потребностей» реализован в образовательной деятельности музеев. Основные характеристики неформального образования можно также перенести и на образовательную деятельность музеев:

- субъектность всех участников (субъект – субъектная модель) в музее принимает форму активного участия посетителей не только в освоении информации, но и в формировании смысла экспозиции;
- межличностное взаимодействие как основа образовательной деятельности в музее реализуется как общение с другими посетителями по поводу экспонатов или взаимодействие с гидом;

– групповая работа: усвоение содержания экспозиций в группах;

– восприятие учителя как ведущего, признание авторитета музейного института. Однако данный параметр меняется со временем. С приходом новых технологий посетители музеев становятся все более самостоятельными в осмотре экспозиций;

– опора на личный интерес а priori лежит в основе осмысленного музейного визита;

– контекстный подход: усвоение информации об экспонате тем успешнее, чем больше мы имеем информации о применении его в обычной жизни, чем «ближе» экспонат к посетителю;

– опора на деятельность, возрастающая роль интерактивных форматов в музейной деятельности [15, с. 66].

Формы могут быть очень разными, но принципы работы едины – «связь с практикой», «обучение с учетом потребностей», «гибкие программы, расписание и выбор места проведения» [10]. В этом смысле музей соответствует принципам неформального образования.

Джон Фальк и Линн Диркинг называют музей не просто институтом неформального, но и добровольного образования [17]. При этом добровольное образование характеризуется ими как «подкрепленное личными интересами и потребностями, организованное самим индивидом – такое образование длится всю жизнь» [17, с. 35].

Неформальное и формальное образование как виды образования пересекаются с понятием непрерывного образования. И тот и другой вид характеризует непрерывное образование.

Непрерывное образование

Первые идеи о непрерывности образования на протяжении жизни мы можем наблюдать у античных философов, у Сенеки («век живи – век учись») [4, с. 106].

В Новое время идея непрерывного образования Яна Амоса Коменского отразилась в полном названии его основополагающей работы по педагогике – «Великой дидактике, содержащей универсальное искусство *учить всех всему*, или верном и тщательно продуманном способе создавать по всем общинам, городам и селам каждого христианского государства такие школы, в которых бы все юношество того или другого пола, без всякого, где бы то ни было исключения, могла обучаться в науках, совершенствоваться в нравах, исполняться благочестия и таким образом в годы юности научиться *всему, что нужно для настоящей и будущей жизни*» [7, с. 12].

Г. В. Сорина рассматривает педагогические идеи Я. Коменского в контексте современности, называя его дидактику «инновационным проектом», а также «первым вариантом менеджмента образования, управления системой образования, особенностей выстраивания политики в системе образования» [12 с. 20]. Можно предположить, что «универсальное искусство учить всех всему» – это и есть непрерывное образование в современном музейном контексте [7, с. 12].

Как понятие непрерывное образование появилось в 1972 году в «Докладе Форса», в котором вносилось предложение принять концепцию «непрерывного об-

разования» для будущих нововведений во всех странах мира [5]. Современные исследователи выделяют три направления в рамках понятия непрерывного образования:

- 1) образование взрослых (*adult learning*);
- 2) непрерывное профессиональное образование;
- 3) образование на протяжении всей жизни (*life-long learning*) [5].

Образование на протяжении всей жизни – концепция, которая подразумевает обучение, продолжительность которого равна жизни человека [5]. Данная концепция включает в себя понятия обучения шириной в жизнь и самомотивации. Понятие самомотивации в качестве своей главной характеристики имеет *сознательное стремление* повышения уровня знаний со стороны индивида [5]. Мотивация оказывается важнейшим условием непрерывного образования. В совокупности со «способностью» и «готовностью» мотивация становится компетенцией – характеристикой отношения субъекта и деятельности в рамках когнитивно-компетентностной парадигмы образования, разработанной В. С. Меськовым и А. А. Мамченко [9]. Когнитивно-компетентностная парадигма образования является частью концепции непрерывного образования и рассматривает образование как когнитивную (информационную) деятельность [9]. Понятие компетенции, являясь центральным в данной парадигме, имеет множество определений, в частности, в постнеклассической картине мира «компетенция есть характеристика отношения субъекта и деятельности, представима как инфообъект и задаётся тройкой (способность, готовность, мотивация)» [9, с. 50]. В самом общем виде образовательная компетенция может быть представлена как единство готовности, способности и мотивации к образовательной деятельности. Понятие компетенции лежит в основе подхода *Competence-based-education*, возникшего в 70-х гг. XX века в Европе [9]. По мнению авторов разработанной когнитивно-компетентностной парадигмы, в современном мире функциями образования уже не являются ни социализация, ни предоставление образовательных услуг, а воспитание, создание нового типа субъекта – креативно и когнитивно мыслящего [9].

Непрерывное образование предполагает совершенствование человеком базовых (ключевых) компетенций, выделенных парламентом и советом Европы в единый документ в рамках программы «Образование и Обучение 2010» и Программ Образования и Обучения Сообщества. Среди этих компетенций: общение на родном языке; общение на иностранных языках; математическая грамотность и базовые компетенции в науке и технологии; компьютерная грамотность; осведомленность и способность выражать себя в культурной сфере и др. [6].

Представляется важным выделить отдельно такую компетенцию, как музейное отношение к окружающему миру, выражающееся в бережном отношении к историческому наследию и осознании себя частью национальной культуры.

Сегодня музеологи ведут работу над исследованиями в области непрерывного образования в музеях, стараясь сделать музей институтом непрерывного образования и неформального образования одновремен-

но. Об этом свидетельствуют программы развития мировых музеев. В них обсуждается роль музея как глашатая новой концепции непрерывного образования, площадки, предлагающей разным возрастным категориям получить необходимые им знания. Аудитория музейных посетителей может быть условно поделена на категории: взрослые и дети. В рамках данной статьи представляется необходимым отдельно рассмотреть еще одно направление непрерывного образования – образование взрослых.

Образование взрослых (*adult learning*)

Непрерывное образование не имеет явно выраженных возрастных рамок. Стоит, однако, отметить существование понятия «непрерывное образование взрослых». Оно может быть как формальным, так и неформальным, принимать разные формы (от борьбы с неграмотностью взрослого населения до повышения уровня квалификации). В 1997 году на конференции по образованию взрослых была принята 5-ая декларация об обучении взрослых (Гамбургская), ставшая документом, раскрывающим суть работы данного направления. Образование взрослых – «весь комплекс поступательных процессов формального или иного обучения, с помощью которых люди, являющиеся с точки зрения общества, к которому они принадлежат, взрослыми, развивают свои способности, обогащают свои знания и совершенствуют технические и профессиональные квалификации или же применяют их в новом направлении для удовлетворения своих потребностей и потребностей своего общества» [3].

Канадскому исследователю Д. Монку удалось обнаружить идею образования взрослых в контексте музейной деятельности в работах Дж. Дьюи. Проанализировав музейные образовательные программы для взрослых, автор приходит к выводу, что можно использовать уроки из педагогической теории Дьюи для улучшения взаимодействия музеев со взрослой аудиторией. В частности, он выделяет три идеи философии Дьюи, которые могут быть применены в музейной деятельности:

1) нацеленность на опыт каждого посетителя. Иными словами, если удастся узнать, откуда посетитель, чем он занимается и пр., гид может варьировать контент экскурсии;

2) посетителям необходимо место для уединения, осмысления экспозиции, рефлексии. Там же можно проводить опросы музейной аудитории;

3) наконец, самой главной идеей является вовлеченность посетителя, его взаимодействие с экспонатами. Д. Монк приводит пример посещения катакомб Ку Чи во Вьетнаме. Во время экскурсии ему пришлось фактически ползти по тоннелям катакомб, одновременно слушая гида. Посетители экскурсии физически ощущали пространство, слушали историю, а после этого им были заданы вопросы для осмысления происходящего, которые помогли им увидеть историю войны во Вьетнаме с точек зрения представителей разных государств [20].

Образование взрослых в музее отдельно анализируется Э. Сведлоу в статье «Непрерывное образование в музеях: в поисках андрагогики». Уже в названии автор противопоставляет андрагогику (принципы

обучения взрослых) педагогике – науке о воспитании и обучении главным образом детей [19]. В статье автор называет музеи «пространством, предлагающим взрослым структурировать знания..., помещать полученные после посещения экспозиции знания в контекст ежедневной практики» [19, с. 34].

Американский психолог Говард Гарднер занимается изучением типов интеллекта, описанных им. Эти 9 типов интеллекта в разной степени присутствуют у человека: натуралистический, межличностный, интраперсональный, логико-математический, телесно-кинестетический, музыкальный и визуально-пространственный [18]. Можно добавить к этому списку еще и политический интеллект, выделенный и описанный Ю. В. Ярмаком и Г. В. Сориной. По мнению авторов, политический интеллект может быть охарактеризован как форма практического интеллекта, как «стремление человека не только понять деятельность институтов общественного развития и власти, но и внести изменения в нее» [13, с. 29].

Базируясь на теории девяти видов интеллекта Г. Гарднера, Сведлоу выделяет несколько видов поведения взрослых людей во время обучения в музее, обнаруженных им после исследования посетителей выставки, посвященной творчеству и жизни Дюка Эллингтона в музее Smithsonian: социальное обучение; теоретическое обучение; исследовательское обучение; интуитивное обучение [19].

При учете особенностей освоения окружающей действительности можно сделать процесс посещения музея полезным и эффективным с точки зрения обучения для каждого посетителя. Невозможно знать заранее способ освоения мира посетителя, но гораздо важнее соблюдение баланса в формировании экспозиции, размещении разных по типу экспонатов и предоставлении разных способов ознакомления с ними. В качестве примера можно привести постоянную экспозицию Еврейского музея и центра толерантности в Москве. Обход экспозиции начинается с посещения кинотеатра 4D, где вместе с «введением в проблему» посетитель слышит, видит в объеме и даже физически ощущает все, что происходит в коротком фильме. Он вместе с Моисеем проходит через воду, на него садится саранча, его кресло трясется после падения Вавилонской башни. После фильма посетитель может пойти по исторической линии: ознакомиться с документами, посвященными жизни еврейского народа на территории Руси, Российской Империи, СССР и наконец РФ. Или посетитель идет по другой «линии», выбирая знакомство с бытом, культурой, традициями еврейского народа на территории вышеуказанных стран. Стоит отметить, что по мере ознакомления с экспонатами, посетителя окружают многочисленные аудио и видеоматериалы. Помимо основной экспозиции, в музее существует Центр авангарда, где можно изучить особенности стилей авангарда и конструктивизма, послушать лекции и принять участие в дискуссиях. Центр толерантности тоже является частью музея. Можно утверждать, что данный музей является ярким примером музея-института неформального и непрерывного образования.

Музейное образование должно распространяться на все возрастные и социальные категории посетите-

лей музея. Можно сказать, что образование для взрослых активно развивается как в иностранных музеях, так и в российских. Например, в музее Востока в Москве наряду с кружком «Юного востоковеда» открыта и «Школа Востоковеда» для взрослых. Этот пример показывает, что, во-первых, в некоторых отечественных исследованиях музейной аудитории взрослые выделены в отдельную категорию; во-вторых, есть осознание, что этой аудитории требуется уделять особое внимание, и в-третьих, пример подчеркивает природу музея как образовательного института, работающего со всеми возрастными категориями.

В данной статье мы постарались охарактеризовать музей как институт неформального и одновременно непрерывного образования через анализ соответствующих понятий, через сравнение этих понятий, экскурс в историю проблемы. Важным представляется то, что принципы неформального и непрерывного образования реализуются в мировых музеях, что позволяет сделать вывод о том, что музей является учреждением, способным учить и воспитывать в нестандартной обстановке и совершенно добровольно для участников процесса.

Принимая во внимание тот факт, что каждый музей выполняет образовательную функцию в обществе, нельзя не отметить, что разработка образовательных программ в музеях способствует лучшему усвоению информации посетителями, поиску новых подходов в ее преподнесении и в целом предполагает опору на некоторую методологию.

Несмотря на то, что формально музеи в Российской Федерации относятся к ведомству Министерства Культуры, не к Министерству образования и науки, они занимаются образованием общества, реализуя программы, хоть и созданные вне федеральных образовательных стандартов. Нам кажется, что по своей сути музей одновременно является как «организацией, осуществляющей образовательную деятельность», так и организацией, поддерживающей «семейное образование и самообразование». Безусловно, музей осуществляет образовательную деятельность, формально не завися от федеральных образовательных стандартов. При этом косвенно темы образовательных программ соприкасаются с темами экспозиций соответствующих музеев, что зачастую приводит к тому, что школьные учителя привозят детей на экскурсию для изучения темы школьной программы в неформальной обстановке.

Теоретически, образовательная деятельность музея могла бы быть отнесена к ведомству Министерства образования и науки, могла бы опираться на специально разработанные стандарты. Но именно отсутствие стандартов, отсутствие четко регламентированных тем для экспозиций, делает образование, полученное в музее, неформальным и непрерывным. Поэтому музей вполне может стать уникальным в своем роде местом для получения знаний в свободной форме.

Литература

1. Ануфриева А. В., Сгибова А. Ю., Макарова А. В. Образовательные выставки как инструмент инклюзивного образования // *Пространство и время*. 2012. № 3(9). С. 227 – 234.
2. Всеобщая декларация прав человека // Организация объединенных наций. Декларации. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 21.06.2014).
3. Гамбургская декларация об обучении взрослых // Организация Объединенных Наций. Декларации. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hamburg_decl.shtml (дата обращения: 11.09.2014).
4. Зайцева О. В. Непрерывное образование: основные понятия и определения // *Вестник ТГПУ*. 2009. № 7(85). С. 106 – 109.
5. Ключарев Г. А., Диденко Д. В., Латов Ю. В., Латова Н. В. Неформальное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств / под общ. ред. Ю. В. Латова. М.: ЦСПиМ, 2014. С. 433.
6. Ключевые компетенции для обучения в течение всей жизни – европейские рамочные установки. Рекомендации парламента и Совета Европы от 18 декабря 2006 г. о ключевых компетенциях обучения в течение жизни // *Адукатар*. 2008. № 1(13). С. 14 – 18.
7. Коменский Я. А. Великая дидактика. М.: Книга по требованию, 2012.
8. Международная стандартная классификация образования // Институт статистики ЮНЕСКО. 2013. Режим доступа: <http://www.uis.unesco.org/Education/Documents/iscde-2011-ru.pdf> (дата обращения: 21.06.2014).
9. Меськов В. С., Мамченко А. А. Когнитивно-компетентностная парадигма образования // *Школьные технологии*. 2011. № 3. С. 46 – 62.
10. Неформальное образование: материалы 55-й недели (25/09-01/10/06) 60-летия ЮНЕСКО // Бюро информации общественности. Режим доступа: http://www.unesco.org/bpi/pdf/memobpi55_NFE_ru.pdf (дата обращения: 11.09.2014).
11. Повышение всеобщей грамотности с помощью программы «Образование для всех» // Организация объединенных наций по вопросам образования, науки и культуры. Комиссия Российской Федерации по делам ЮНЕСКО. Режим доступа: <http://www.unesco.ru/ru/?module=news&action=theme&id=167> (дата обращения: 14.06.2014).
12. Сорина Г. В. Инновационный проект Я. А. Коменского в современном контексте (особенности принятия решений в системе образования) // *Ценности и смыслы*. 2012. № 2(18). С. 18 – 29.
13. Сорина Г. В., Ярмач Ю. В. Политический интеллект: философско-методологический анализ // *Ценности и смыслы*. 2012. № 6(22). С. 23 – 36.
14. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // *Российская газета*. № 5976.
15. Федосеенко А. С. Неформальное образование как концепция в современной педагогике // *Управление образованием*. Вып. 1.: сборник статей магистрантов / науч. ред. Н. А. Заиченко; Санкт-Петербургский филиал Нац. исслед. ун-та «Высшая школа экономики». СПб.: Отдел оперативной полиграфии НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург, 2012.
16. Юренева Т. Ю. Музееведение. М., 2004. 470 с.
17. Falk J., Dierking L. Lessons Without Limit: How free choice learning is Transforming Education. *Walnut Creek, CA: AltaMira Press*, 2002.
18. Hardner G. Frames of mind: The Theory of Multiple Intelligences. New York: Basic books, 2011. P. 528.
19. Svedlow A. J. Lifelong Learning in Museums: In Pursuit of Andragogy // *PAACE Journal of Lifelong Learning*. 1997. № 6.
20. Monk David F. John Dewey and Adult Learning in Museums // *Adult Learning*. 2013. № 24(2). P. 63 – 71.

Информация об авторе:

Коренева Александра Юрьевна – аспирант кафедры философии языка и коммуникаций философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, aleksandrasgibova@gmail.com.

Alexandra Yu. Koreneva – post-graduate student at the Department of Philosophy of Language and Communications, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

(Научный руководитель: **Сорина Галина Вениаминовна** – доктор философских наук, профессор кафедры философии языка и коммуникации философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, gsorina@mail.ru).

Research Advisor: Galina V. Sorina – Doctor of Philosophy, Professor at the Department of Philosophy of Language and Communications, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University).

Статья поступила в редколлегию 15.12.2014 г.

ЭКОНОМИКА

УДК 336.647.2

ФИНАНСОВАЯ АРХИТЕКТУРА РОССИЙСКИХ ГРУПП КОМПАНИЙ

Н. В. Горцева

THE FINANCIAL ARCHITECTURE OF RUSSIAN BUSINESS GROUPS

N. V. Gortseva

В статье рассмотрена концепция финансовой архитектуры групп компаний, предложенная в 1999 году С. Майерсом, и приведена методика оценки основных характеристик финансовой архитектуры применительно к российской экономике. Методика основывается на данных сети Интернет и включает основные характеристики финансовой архитектуры, такие как: форма и концентрация собственности, форма корпоративного управления и контроля, намерения и причины создания, размер, в том числе количество и типы видов деятельности группы, а также способы финансирования и взаимодействия с финансовыми институтами. На основе оценки и анализа количественных характеристик составлена типовая финансовая архитектура российских групп компаний. Отличительной чертой данной архитектуры считаем перекрестное финансирование финансовых ресурсов внутри группы, механизм прогнозирования которого также приведен в работе. Функция расчета прогнозного коэффициента представляет собой оптимизационную задачу по нахождению наилучшего значения, исходя из данных экспертной оценки, анализа временных рядов и соблюдения лимитов выдачи.

The paper discusses the conception of financial architecture of business groups proposed by S. Myers in 1999. We offer the methodology to evaluate the main characteristics of financial architecture of Russian business groups. The methodology bases on data from Internet and includes the main characteristics of financial architecture such as: form and concentration of ownership, form of corporate governance and corporate control, incentives and reasons of creation, size, including amount and types of activities, as well as sources of financing and interaction with financial institutes. On the basis of the data the typical financial architecture of Russian business groups was constructed. Its distinctive features is suggested to be the cross-financing of financial resources; the mechanism of prognosis is proposed as well. The function of its calculation is, in fact, the optimization problem to find the best value in accordance with expert opinion, time series analysis and compliance of limits of financial resources.

Ключевые слова: группа компаний, корпоративные объединения, финансовая архитектура, перекрестное финансирование.

Keywords: business groups, corporations, financial architecture, cross-financing.

Группы компаний, или, как чаще можно встретить в российской экономической науке, корпоративные объединения, уже давно заняли особое место в экономической науке. Рональд Коуз еще в 1937 г. отметил, что они занимают промежуточное место между фирмами и рынками [6]. Многообразие организаций в их составе, очевидно, требует применения интегрированного подхода к их изучению с целью достижения наибольшей эффективности деятельности.

В основу интегрированного подхода к оценке эффективности деятельности компании положена концепция финансовой архитектуры, впервые предложенная в 1999 г. С. Майерсом [5]. Майерс определяет финансовую архитектуру компании как совокупность ее финансовых характеристик, таких как: форма собственности, правовая форма организации бизнеса, стимулы, источники финансирования и механизмы распределения риска. По его мнению, она связана также с корпоративным управлением (кто руководит бизнесом?), а отчасти — и с корпоративным контролем (как сделать так, чтобы менеджеры действовали в интересах акционеров?). Кроме того, финансовая архитектура связана с финансовыми институтами [1].

С. Майерс отмечает, что корпоративная финансовая теория и практика развивалась в рамках определенной финансовой архитектуры: публичной корпо-

рации в таких странах, как США и Великобритания, т. е. странах с хорошо развитыми, безопасными рынками [1]. Однако он отмечает, что даже в этих странах существуют и другие успешно функционирующие финансовые архитектуры. Он подчеркивает, что финансовая архитектура, зависящая от активных и устойчивых к риску рынков, в свою очередь также зависит от адекватной информации, такой как: финансовые отчеты, базовая защита инвесторов, неразрывность контрактов, а также закон и правосудие в целом.

М. Барклай и К. Смит в своей работе применяют данный термин, рассматривая вопрос корпоративного финансирования. Они отмечают, что финансовая архитектура компании в первую очередь определяется ее инвестиционными возможностями [3]. Компании с высоким коэффициентом отношения рыночной к балансовой стоимости («растущие компании») предпочитают использовать меньше заемного капитала по сравнению с компаниями с низким коэффициентом. Кроме того, они высказывают мнение, что размер компании (измеренный как совокупная капитализация) имеет систематический эффект на ее финансовую архитектуру. Маленькие компании имеют доступ лишь к краткосрочному банковскому кредитованию, в то время как крупные компании часто прибегают к государственному долгу и векселям.

Д. Кассимон и П.-Ж. Энгелен рассматривают вопрос влияния правовых и институциональных барьеров на формирование оптимальной финансовой архитектуры фирм «новой экономики» в развивающихся странах [4]. Адекватная финансовая архитектура обычно включает механизмы с такими встроенными характеристиками, как использование финансовых инструментов, типичных для собственного капитала (конвертируемые облигации или облигации с процентным купоном), а также использование фондов. Они считают, что финансовая архитектура также может быть настроена, чтобы приспособиться к различным типам фирм в условиях новой экономики.

Российскими экономистами данная концепция пока еще мало изучена. В своей работе А. Н. Степанова рассматривает влияние финансовой архитектуры компании на ее эффективность [2]. Среди факторов,

имеющих прямое влияние на стратегическую эффективность, она называет следующие: концентрацию собственности (выраженную долей акций в руках акционеров, вовлеченных в процесс управления), качество корпоративного управления, темп роста; обратное влияние – структуру капитала и размер компании. Автор также высказывает мнение, что обратная зависимость стратегической эффективности от концентрации собственности может иметь место в странах с растущими рынками капитала в случае неразвитости законодательства, которое позволяет крупным собственникам ущемлять права миноритариев, извлекая частные выгоды контроля.

Обобщим все вышеназванные характеристики в облако ключевых слов финансовой архитектуры (рис. 1).

Рис. 1. Облако ключевых слов понятия «финансовая архитектура»

Исходя из набора ключевых слов представляется целесообразным дополнить определение финансовой архитектуры группы компаний, данное С. Майерсом: это целостная модель группы компаний, включающая форму и концентрацию собственности, формы корпоративного управления и контроля, намерения и причины создания, размер, в том числе количество и типы видов деятельности группы, а также способы финансирования и взаимодействия с финансовыми институтами.

Следует отметить, что такие виды корпоративных объединений, как холдинг, ассоциация, концерн, производственное объединение, финансово-промышленная группа, корпорация, представляются ничем иным, как типами групп компаний в зависимости от характеристик финансовой архитектуры.

Для оценки основных характеристик финансовой архитектуры групп компаний в России была построена выборка на основе данных сети Интернет. Методика построения выборки основывается на поиске официальных сайтов компаний по ключевым словам «группа компаний», «холдинг», «финансово-промыш-

ленная группа». Данные запросы являются смежными и часто встречаются в описании компаний одновременно. Это является, прежде всего, следствием отсутствия четкого законодательного определения данной формы корпоративного объединения.

Критериями отбора компаний в выборку являются следующие параметры:

- соответствие ключевым словам в запросе;
- местонахождение в Российской Федерации;
- наличие обновлений информации на сайте минимум за последние 3 года.

Целью построения выборки является оценка количества групп компаний и холдингов в России.

Для того чтобы получить наиболее полный список, группы компаний и холдинги были оценены отдельно. Было сделано 9 запросов, распределенных по времени и методике поиска. Запросы производятся в различных поисковых системах («Яндекс», «Google»), в различные даты и сравниваются с предыдущими и последующими выборками.

По итогам сравнения сформирован список групп компаний и холдингов с последующим выделением

компаний, повторяющихся в обоих списках. В итоге была сформирована выборка в размере 2270 групп компаний.

Данный метод, безусловно, имеет свои ограничения, а именно:

- при поиске в первую очередь выводятся компании региона пользователя, если не указать иное;
- наличие компаний со схожими названиями;
- в поиск часто попадают результаты из публикаций журналов, из рефератов, из банка вакансий;
- максимальный размер вывода – 1000 результатов при объеме в несколько миллионов ответов (тем не менее с приближением конца поисковой выборки релевантность падает, число повторов возрастает).

Для того чтобы учесть данные ограничения, размер погрешности был принят на уровне 15 %, что увеличило количество групп компаний и их прогнозируемая цифра составила более 2600 штук.

Для целей дальнейшего анализа был определен размер достаточной выборки, которая может позволить с определенной долей достоверности судить о характеристиках генеральной совокупности. При доверительной вероятности 95 % и доверительном интервале ± 5 % размер достаточной выборки составит 329 штук. Для получения такой выборки была выбрана каждая седьмая компания, входящая в генеральную выборку.

Для всех корпоративных объединений, попавших в выборку, были проанализированы следующие характеристики, имеющие отношение к элементам их финансовой архитектуры:

- вид деятельности;
- год создания;
- тип группы;
- размер группы;
- количество организаций, входящих в группу;
- наличие управляющего общества (головной компании);
- наличие в составе финансовой, кредитной или инвестиционной организации;
- наличие в составе банка;
- наличие в названии определений «холдинг», «группа компаний», «финансово-промышленная группа».

Вид деятельности определялся на основе информации на официальном сайте компании. В случае отсутствия единого вида деятельности группы компаний видом деятельности была признана деятельность, которую осуществляет большинство предприятий объединения. При наличии большого количества разнообразных видов деятельности и невозможности их обобщения указывалось, что данная группа компаний практикует диверсификацию.

По данным сайта выявлен год создания объединения с последующим распределением по следующим периодам: «перестройка» (1989 – 1991 года), «постсоветский период» (1992 – 1998 года), «посткризисный период» (1999 – 2005 года), «новое время» (2006 – настоящее время). В случае отсутствия данных в каких-либо источниках указывалось «н/д» («нет данных»).

Тип группы определялся по следующим критериям:

- вертикальный: сосредоточение в разных компаниях группы звеньев одного производственного процесса;
- горизонтальный: совокупность несвязанных между собой фирм, диверсифицированных по продукту либо территориальному признаку;
- диверсифицированный: наличие большого количества разнообразных видов деятельности, не связанных в единый воспроизводственный процесс.

В литературе часто указывается четвертый тип (смешанный), однако он представляется ничем иным, как диверсифицированным типом группы компаний. В случае наличия на сайте информации о принадлежности объединения к тому или иному типу указанный тип группы компаний все равно проверялся на соответствие указанным выше критериям.

Количество организаций, входящих в группу, оценивался на основе информации о структуре группы компаний или холдинга, в отсутствие таковой – по количеству организаций, названия которых упоминаются в описании группы компаний/холдинга. Стоит отметить, что, как правило, информация, заявленная на сайте, отличается от действительности и в группу компаний/холдинг входит большее количество организаций, чем это отражено на официальном сайте. Это в большей степени соответствует крупным объединениям, которые официально представляют лишь крупные организации, входящие в их состав. В случае отсутствия информации указывается «нет данных».

Управляющим обществом для целей исследования признавалась организация, осуществляющая исключительно функции управления группой и являющаяся центром инвестиций всего объединения. Доминирующее общество (например, в производственных корпорациях) к учету не принимается.

В составе группы компаний нередко присутствуют организации, которые занимаются исключительно финансовой и инвестиционной деятельностью. К таким организациям относятся кредитные учреждения, страховые организации, инвестиционные компании, а также организации, имеющие в своем названии четкое указание на род деятельности (инвест, финанс). Наличие таких организаций оказывает существенное влияние на перераспределение финансовых ресурсов внутри группы компаний/холдинга и является существенной характеристикой их финансовой архитектуры.

Размер группы компаний (микро, малый, средний, крупный) определяется аналитическим путем оценки по следующим критериям:

- количество и размер организаций, входящих в состав;
- годовой оборот и объем выручки;
- география деятельности;
- благосостояние собственников;
- масштаб осуществляемой деятельности.

Первым важным моментом для понимания финансовой архитектуры российских групп компаний является год их создания и, соответственно, принадлежность к тому или иному периоду экономической истории России. Наибольшее количество групп ком-

паний, в основном крупных, было создано в постсоветский период 1992 – 1998 гг. Это явилось результатом приватизации ряда государственных предприятий с последовавшими за ней укрупнением и/или диверсификацией деятельности. Вторая волна – это послекризисный период 1999 – 2005 гг., период создания многих крупных и средних групп компаний. В период «нового времени» (с 2006 по настоящее время) создавались в основном средние и малые группы компаний.

В части размера преобладают группы компаний крупного размера (52 %), на втором месте идут средние группы компаний (36 %). Малые и микро-группы представлены небольшим количеством, поскольку если и объединяют несколько предприятий, то чаще называются просто «компанией», нежели более громким словосочетанием «группа компаний».

Наибольшую долю среди всего числа групп компаний занимают диверсифицированные группы (63 %). Нередко в официальной информации на сайтах групп они указываются как вертикально-интегрированные, однако, согласно критериям, указанным выше в методике, они принадлежат именно к группе диверсифицированного типа вследствие наличия в составе организации, занимающейся иной деятельностью, нежели группа в целом.

Результаты исследования показали, что 77 % групп компаний в своем составе имеют управляющее общество. Несмотря на наличие вида деятельности по ОКВЭД «Деятельность по управлению холдинг-компаниями», управляющее общество группы редко имеет данную формулировку. Группы, не имеющие в своем составе управляющее общество, являются, как правило, либо некоммерческими, либо производственными объединениями.

58 % организаций имеют в своем составе ту или иную финансовую организацию. В 5 % случаев такой организацией является банк, при наличии более 50 % (а чаще и вовсе 100 %) акций данного банка такой банк можно назвать «карманным» банком. Через него проходят все финансовые потоки группы. В иных случаях это организации, имеющие в своем названии приставки «инвест», «финанс» и осуществляющие деятельность по сдаче имущества (как правило, имущество группы) в аренду, финансового посредничества, операции с недвижимостью и др.

Обобщим полученные количественные результаты с целью получения определения типичной финансовой архитектуры российской группы компаний (рис. 2).

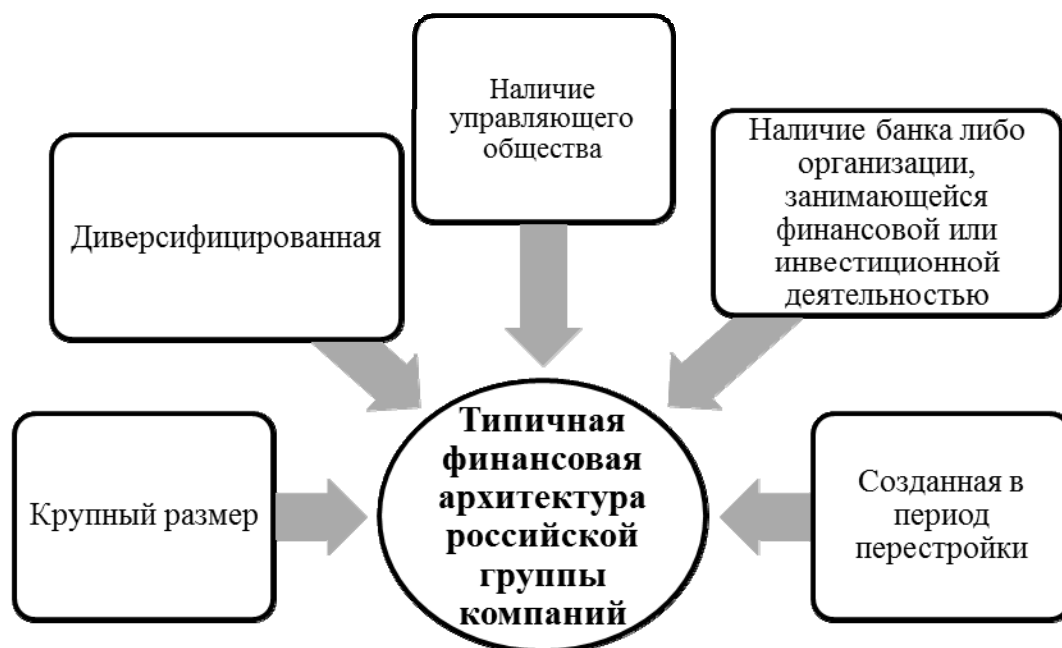

Рис. 2. Типичная финансовая архитектура российской группы компаний

Понимание характеристик финансовой архитектуры группы компаний важно для дальнейшего планирования ее деятельности. Одним из элементов такого планирования может выступать прогнозирование объемов перекрестного финансирования между бизнес-единицами группы.

Под перекрестным финансированием будем понимать механизм перераспределения средств внутри группы компаний. Схема организации финансовых потоков на основе перекрестного финансирования и субсидирования имеет место в группах компаний с достаточно высоким уровнем интеграции дочерних компаний и характерно для групп с типовой финансо-

вой архитектурой. В качестве коэффициента перекрестного финансирования организации, определяющего объем перераспределяемых ресурсов, будем считать соотношение финансовых вложений и займов и кредитов.

Коэффициент перекрестного финансирования позволяет проследить в динамике возможности отдельных дочерних предприятий по субсидированию других дочерних компаний и проектов группы компаний. Он позволяет планировать инвестиционные возможности группы компаний в целом и постоянно соизмерять инвестиционные вложения с бюджетом, одновременно анализируя и возможности перекрестного

финансирования, и комплексные риски, и взаимодействие проектов компаний.

Можно выделить 2 группы организаций в зависимости от значения данного коэффициента:

- Доноры: $K_{пф} > 1$.
- Реципиенты: $K_{пф} \leq 1$.

Для целей прогнозирования оптимальной величины коэффициента перекрестного финансирования могут использоваться следующие методы: метод экспертных оценок, метод экстраполяции, метод моделирования.

Метод экспертных оценок основывается на накопленном опыте менеджеров о состоянии дел в организации и позволяет установить коэффициент исходя из инсайдерской информации.

Метод экстраполяции базируется на тенденции изменения коэффициента за предыдущие периоды, при сохранении роли каждой конкретной организации в перераспределении финансовых ресурсов.

– Организация-донор имеет избыток финансовых ресурсов (что может выражаться в высоких коэффициентах финансовой независимости и ликвидности) как вследствие наличия большого количества собственных средств, так и более легкого доступа к банковскому и прочему кредитованию ввиду своей высокой репутации.

– Организация-реципиент, соответственно, имеет недостаток собственных средств, малый доступ к кредитным ресурсам, что закономерно отражается на значениях ее коэффициентов.

Литература

1. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов. 2-е рус. изд. (пер. Н. Барышниковой с 7-го Междунар. изд.). М.: Олимп-Бизнес, 2008.
2. Степанова А. Н. Влияние финансовой архитектуры компании на ее эффективность в условиях растущих рынков капитала: автореф. ... канд. экон. наук. М.: ГУ ВШЭ, 2009.
3. Barclay M. J., Smith C. W. On Financial Architecture: Leverage, Maturity, And Priority // Journal of Applied Corporate Finance. 1996. № 4. P. 4 – 17.
4. Cassimon D., Engelen P.-J. Legal and institutional barriers to optimal financial architecture for new economy firms in developing countries // Discussion Paper No. 2002/90. UNU/WIDER. P. 1 – 31. Режим доступа: <http://www.wider.unu.edu/stc/repec/pdfs/rp2002/dp2002-90.pdf> (дата обращения: 30.09.2014).
5. Myers S. Financial Architecture // European Financial Management. 1999. Vol. 5. P. 133 – 141.
6. Samphantharak K. Internal Capital Markets in Business Groups // University of Chicago Working Paper. 2002. Режим доступа: <http://cier.uchicago.edu/papers/students/krislertthesis.pdf> (дата обращения: 30.09.2014).

Информация об авторе:

Горцева Наталья Викторовна – соискатель кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, NV.Sotnikova@gmail.com.

Natalia V. Gortseva – post-graduate student at St. Petersburg State Economic University.

(Научный руководитель: **Добросердова Ирина Игоревна** – кандидат экономических наук, профессор кафедры корпоративных финансов и оценки бизнеса Санкт-Петербургского государственного экономического университета, dobroserdova@mail.ru).

Dobroserdova Irina I. – candidate of economic science, professor, Chair of corporate finance and business evaluation, Saint-Petersburg State Economic University).

В случае присутствия в группе банка, осуществляющего выдачу кредитов организациям, входящим в группу, коэффициенты перекрестного финансирования требуют математического моделирования с целью соблюдения лимитов выдачи, установленных для соблюдения банком нормативов ЦБ РФ.

Коэффициент перекрестного финансирования конкретной организации в составе группы компаний в таком случае будет представлять собой функцию:

$$K_{ПФ} = f(k_1, k_2, k_3),$$

где k_1 – прогнозное значение коэффициента перекрестного финансирования на основе экспертной оценки;

k_2 – прогнозное значение объемов финансовых вложений и кредитов и займов на основе экстраполяции и временных рядов;

k_3 – лимит выдачи банка (при его наличии в составе группы).

Нахождение значения функции является оптимизационной задачей, нацеленной на определение наилучшего значения коэффициента и обеспечение максимальной эффективности компании.

Рассчитанное значение коэффициента перекрестного финансирования является его целевым значением, определяющим объем финансовых ресурсов, доступных для перераспределения внутри группы и может быть использовано при дальнейшем планировании прогнозного баланса и бюджета движения денежных средств организации.

Статья поступила в редколлегию 31.10.2014 г.

ДВА ГОДА «АБЭНОМИКИ»: ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

А. Н. Кириллов

TWO YEARS OF "ABENOMICS": THE FIRST RESULTS

A. N. Kirillov

Статья посвящена программе экономических мер, осуществляемых правительством Японии. Эта программа, известная как «абэномика», направлена на преодоление многолетней стагнации японской экономики. Два года, прошедших после принятия этой программы, позволяют подвести некоторые итоги.

The paper is devoted to a program of economic measures undertaken by the Government of Japan. This program, known as "abonomics", is aimed at overcoming long-term stagnation of the Japanese economy. Two years have passed since the adoption of the program, which allows to draw some conclusions.

Ключевые слова: абэномика, дефляция, стагнация, количественное смягчение, реформы.

Keywords: abenomics, deflation, stagnation, quantitative easing, reform.

В течение многих лет японская экономика развивалась высокими темпами. С середины 50-х гг. до начала 70-х гг. двадцатого века средние темпы роста реального ВВП составляли около десяти процентов в год. В 70-е – 80-е гг. произошло примерно двукратное замедление темпов роста. С начала 90-х гг. экономика Японии вступила в стагнацию, которая продолжалась 20 лет. Средние темпы роста реального ВВП за этот период составили около 1 % [1].

В 1990 г. случился обвал на фондовом рынке, индекс японского рынка акций Nikkei225 упал за год с 39000 до 24000, а затем его снижение продолжилось. В 2010 – 2012 гг. Nikkei225 колебался около 10000.

Вслед за рынком акций обвалился рынок недвижимости. В разных секторах падение цен составило от 50 до 90 %.

После обвала на финансовых рынках японская экономика столкнулась с проблемой дефляции, решить которую не удавалось в течение 20 лет. Считается, что дефляция делает невозможным значительный и устойчивый экономический рост. Снижение цен на товары и услуги ведет к уменьшению прибыли, снижению инвестиций, сокращению производства. Повышение покупательной способности денег при неблагоприятном положении в экономике побуждает людей сокращать текущее потребление и отказываться от инвестиций. Все это ведет к снижению совокупного спроса, что провоцирует дальнейшее снижение цен, производства и т. д., т. е. дефляционную спираль.

Падение финансовых рынков привело к обесценению активов, которые выступали обеспечением кредитов, и вызвало паралич кредитного рынка. Однако центральный банк Японии не стал банкротить крупные банки, а те не стали банкротить заемщиков. В результате появилось значительное количество так называемых «зомби-фирм», т. е. нерентабельных предприятий, которые продолжают функционировать благодаря совместной помощи банков и государства и «зомби-банков», остающихся на плаву лишь благодаря государству. К началу 2000-х гг. «зомби-фирмы» составляли порядка 30 % от всех японских компаний. Целью экономической политики в тот период было недопущение массовых банкротств, значительного падения занятости и благосостояния большинства

населения, сохранение социального мира. Этих целей удалось достичь, но ценой снижения общей эффективности экономики. Особенностью японского двадцатилетнего застоя является то, что он не привел ни к массовой безработице, ни к существенному падению уровня жизни. В Японии сохранялся относительно низкий уровень безработицы, который редко достигал 5 % [3].

К середине 2000-х гг. появились признаки экономического выздоровления, однако финансовый кризис 2008 г. оборвал этот процесс.

Существуют разные точки зрения на причины многолетней японской стагнации. Одни указывают на ошибки правительства в проведении экономической политики. Другие считают, что стагнация является естественным итогом экономического развития Японии и с подобной ситуацией, рано или поздно, столкнутся другие страны. Япония достигла предела насыщения потребительского спроса, полностью освоены как внутренний, так и внешний рынки сбыта. В то же время при высоком уровне жизни население Японии стареет и сокращается. Все это ставит предел существенному экономическому росту, а следовательно, стагнация – не просто надолго, а навсегда.

Японское правительство не разделяет этой точки зрения и не оставляет попыток вывести экономику страны из застоя.

26 декабря 2012 г. премьер-министром Японии стал Синдзо Абэ. Ранее он занимал должность премьер-министра в 2006 – 2007 гг. Кабинет Синдзо Абэ предложил новую экономическую политику, получившую неофициальное название «абэномика». Экономическая политика кабинета Абэ включает три основных направления, так называемая программа «Трех стрел».

Первый блок мер предполагает значительное смягчение кредитно-денежной политики. Целью является преодоление дефляции и доведение инфляции до 2 % в год. Учетная ставка Банка Японии удерживается на уровне 0,0 – 0,1 %. Центральный банк Японии объявил о намерении удвоить денежную базу (наличные в обращении и средства банков на счетах Банка Японии) с 138 трлн иен в 2012 году до 270 трлн иен к 2015 году. Центральный банк пообещал скупать гос-

облигации и другие финансовые инструменты на 50 трлн иен в год. Впоследствии масштабы выкупа увеличились до 60 – 70 трлн иен, а в начале ноября 2014 года Банк Японии довел объем покупок до 80 трлн иен (примерно 675 млрд долларов) в год. Это столько же, сколько было на балансе Банка Японии в апреле 2012 года.

Банк Японии проводил политику «количественного смягчения» еще с 2001 года, а около нулевые процентные ставки удерживались с конца 90-х гг. Существенного положительного эффекта эти действия не принесли. Нынешний этап «количественного смягчения» намного превосходит то, что было прежде, а кроме того, он бессрочный. Выкуп активов Банком Японии по масштабам превосходит аналогичные действия ФРС США, при том, что экономика Японии намного меньше американской.

Вторая «стрела» предусматривает значительные бюджетные ассигнования на развитие инфраструктуры и оказание помощи районам, пострадавшим от стихийных бедствий. Общий размер таких инвестиций предполагается в 2,4 трлн долларов в течение 10 лет. Кроме того, правительство встало на путь пересмотра конституции Японии и ликвидации антивоенных ограничений, что должно привести к росту военных расходов.

Третий пакет мер предполагает создание предпосылок для долгосрочного экономического роста. Предусматривается снижение налога на корпорации до уровня ниже 30 %, реформа Государственного пенсионного инвестиционного фонда, которая позволит перераспределить значительные средства на фондовый рынок, создание специальных экономических зон, привлечение иностранных инвестиций с помощью налоговых льгот, либерализация энергетического рынка, смягчение правил жилищного строительства, отмена ряда ограничений для бизнеса, реформа трудового законодательства, включая ликвидацию системы «пожизненного найма» и т. п.

Конечная цель предлагаемых мер – добиться в следующие десять лет темпов роста ВВП не менее 2 %.

Результаты первого года абэномики были обнадеживающими.

В 2013 году рост ВВП составил 1,6 %. В 2012 и 2011 гг. этот показатель был соответственно 1,8 % и – 0,5 % [1]. Индекс Nikkei225 вырос с 10400 пунктов на декабрь 2012 года до 16300 на декабрь 2013. Безработица уменьшилась с 4,3 % до 3,7 %. Вырос оборот розничной торговли и потребление домохозяйств. Прекратилась дефляция. В январе 2013 года инфляция составляла 0,2 %, а в декабре – +1,3 %. Курс иены понизился с 85 иен за доллар до 105 [4]. В целом итоги 2013 года были расценены как успех проводимой экономической политики.

В первом квартале 2014 года экономика Японии выросла на 6,7 % в годовом исчислении, однако во втором квартале последовало падение на 7,3 % в годовом исчислении. Это практически такое же крупное падение ВВП, как в 2011 году, после цунами и катастрофы на АЭС «Фукусима». Главной причиной спада называют снижение потребительского спроса, связанное с повышением с 1 апреля 2014 года налога с про-

даж с 5 % до 8 %. Повышение налога с продаж является одной из мер борьбы с дефляцией и оздоровления государственного бюджета. В результате в апреле 2014 года инфляция составила 3,2 % – самый высокий показатель за 23 года. Рост ВВП в первом квартале и падение во втором, в связи с ростом налога с продаж, были ожидаемы и не вызвали удивления. В ожидании повышения налога потребительский спрос вырос, а после повышения налога упал. Таким образом, всплеск инфляции был обусловлен чисто техническими причинами, а не действительным оживлением спроса. В результате снижение ВВП во втором квартале оказалось более глубоким, чем предшествующий рост. В 3 квартале по официальным данным ВВП в годовом исчислении уменьшился на 1,9 %. Следовательно, ВВП Японии снижался два квартала подряд, что означает техническую рецессию.

Политика количественного смягчения привела к значительному росту государственного долга Японии. По состоянию на конец 2013 финансового года (завершился 31 марта 2014 года) он достиг 1025 трлн иен (\$10,08 трлн долларов). По прогнозам министерства финансов Японии, рост долга будет продолжаться ускоренными темпами и достигнет к окончанию 2014 финансового года (31 марта 2015 года) 1143,9 трлн иен (около \$11,32 трлн долларов). По состоянию на конец 2013 финансового года государственный долг Японии превысил 226 % ее ВВП.

Главной причиной нарастания государственного долга является хронический дефицит государственного бюджета. В бюджете на 2014 финансовый год 43 % доходов (41 трлн 250 млрд иен) приходится на выпуск государственных займов. В свою очередь расходы на обслуживание государственного долга составляют более 24 % расходов государственного бюджета [2].

Проблема обслуживания государственного долга приобретает все более острый характер. Расходы по обслуживанию долга очень велики даже при практически нулевых процентных ставках на денежном и долговом рынках. А после всплеска инфляции в апреле 2014 года реальные процентные ставки по 10 летним облигациям ушли в отрицательную зону. Низкие ставки на долговом рынке поддерживаются усилиями центрального банка и министерства финансов, рыночное ценообразование на долговом рынке Японии ликвидировано. Трудно сказать, к каким долгосрочным последствиям это может привести.

Еще одной проблемой японской экономики является состояние внешней торговли. Всю свою современную историю Япония имела положительное сальдо торгового баланса. В 2011 году торговый баланс впервые стал отрицательным. Предполагалось, что ослабление иены будет способствовать росту экспорта и сокращению импорта. В 2013 финансовом году (с апреля 2013 г. по март 2014 г.) экспорт действительно вырос на 12,2 %, однако импорт вырос еще больше – на 19,6 %. Основной причиной стало значительное увеличение импорта энергоносителей после аварии на АЭС «Фукусима» и закрытия всех атомных станций. В результате отрицательное сальдо торгового баланса в 2013 финансовом году достигло 10,87 трлн иен (\$107 млрд долларов). Текущий счет платежного баланса остается положительным за счет доходов от

иностранных инвестиций. В течение десятилетий Япония была одним из крупнейших экспортеров капитала. Иностранные инвестиции Японии за 20 лет составили около 4 трлн долларов. В результате чистый доход от иностранной собственности в настоящее время составляет около 170 млрд долларов (2013 г.).

Результаты почти двух лет абэномики противоречивы. Если первый год вызвал подъем оптимизма и уверенность в правильности выбранного пути, то три квартала 2014 года принесли разочарование. Безусловным успехом можно считать лишь преодоление многолетней дефляции. Однако, несмотря на огромные масштабы расширения ликвидности, значительные бюджетные ассигнования, программы помощи регионам и малоимущим, существенного расширения спроса не произошло. Ослабление йены почти на 40 % за два года привело к довольно значительному росту экспорта в 2013 финансовом году (12,2 %), но удорожание импорта оказалось еще более значительным (19,6 %). За первые шесть месяцев 2014 финансового года экспорт увеличился на 1,7 %, импорт – на 2,5 %. Сальдо торгового баланса осталось отрицательным.

Удорожание импорта, особенно энергоносителей, вызвало рост издержек производства и расходов домохозяйств. Наряду с увеличением налога с продаж, это привело к тому, что рост цен перекрыл увеличение доходов населения, и расширение спроса не произошло.

Пока еще рано делать выводы об эффективности экономической политики японского правительства. Кроме того, не стоит забывать, какое негативное влияние на экономику Японии оказали природные и техногенные катастрофы. Хотя монетарная политика правительства и центрального банка за прошедшее время привела лишь к ограниченным результатам, так называемые вторая и третья стрелы, в том числе, пакет долгосрочных экономических реформ, еще не начали оказывать своего влияния.

Литература

1. Всемирный банк. Режим доступа: [http:// data.worldbank.org/](http://data.worldbank.org/) (дата обращения: 07.12.2014).
2. Окадзаки Тэцудзи. Почему Японии не удаётся восстановить свои финансы? // Сайт «Современный взгляд на Японию». Режим доступа: <http://www.nippon.com/ru/in-depth/a03001/> (дата обращения: 07.12.2014).
3. Уровень безработицы в Японии // Сайт MFD.RU. Режим доступа: <http://mfd.ru/calendar/details/?id=212> (дата обращения: 07.12.2014).
4. Экономические итоги первого года Абэномики: улучшение по всем показателям. // Сайт «Современный взгляд на Японию». Режим доступа: <http://www.nippon.com/ru/features/h00047/> (дата обращения: 07.12.2014).

Информация об авторе:

Кириллов Александр Николаевич – кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой экономики Кемеровского института (филиала) Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, kirilloff@kemcity.ru.

Alexander N. Kirillov – Candidate of Economics, Assistant Professor at Kemerovo Institute (branch) of Plekhanov Russian University of Economics.

Среди этих реформ важное место занимает реформа рынка труда. В настоящее время все большее число экспертов в качестве главной проблемы Японии называют демографическую. Депопуляция и старение населения ведут к росту дефицита на рынке труда. Политика японского правительства нацелена на более значительное вовлечение женщин в экономику и удержание от выхода на пенсию людей пожилого возраста. Впервые остро поставлен вопрос об изменении миграционной политики и широком привлечении иностранной рабочей силы. Наряду с ликвидацией системы пожизненного найма эти меры неизбежно вызовут рост социальной напряженности. До сих пор мононациональное японское общество отличалось высокой степенью социальной и политической стабильности. И естественно возникает вопрос: стоит ли увеличение роста ВВП на 1 % в год возможного разрушения этой стабильности в долгосрочной перспективе?

Предвидя нарастание критики правительства в условиях неоднозначности результатов проводимых реформ, 18 ноября 2014 года премьер-министр Японии Синдзо Абэ объявил о решении распустить нижнюю палату парламента и провести всеобщие выборы. Очевидной целью Абэ было получение мандата на продолжение реформ. По результатам выборов 14 декабря такой мандат был получен. Среди прочего, победив на выборах, правительство получило согласие избирателей на перезапуск атомных электростанций. Наряду со значительным снижением мировых цен на энергоносители эта мера должна в ближайшей перспективе существенно улучшить торговый баланс Японии.

Таким образом, эксперимент под названием «абэномика» будет продолжен. Изучение его заслуживает самого серьезного внимания, поскольку, с большой степенью вероятности, с аналогичными проблемами столкнутся и другие страны.

Статья поступила в редколлегию 13.01.2015 г.

**ИННОВАЦИОННЫЙ СЦЕНАРИЙ РАЗВИТИЯ РЫНКА
ИНДИВИДУАЛЬНОГО ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА***Е. В. Сиякова***INNOVATIVE DEVELOPMENT INDIVIDUAL HOUSING MARKET***E. V. Sinyakova*

Данная статья посвящена выявлению возможных сценариев развития рынка индивидуального жилищного строительства (ИЖС) на территории России с целью определения наиболее перспективного вектора движения. В процессе рассмотрения данного вопроса определено четыре сценария: инерционный, пессимистический, оптимистический и инновационный. Следует отметить, что первостепенную роль в реализации сценариев играет государство посредством не только формирования благоприятного фона для развития данного рынка, но и становления активным участником в сфере законодательства, обеспечения инфраструктуры и формирования государственной политики. В результате сравнительного анализа установлено, что для достижения цели становления России на инновационный путь посредством развития человеческого потенциала необходимо реализовывать инновационный сценарий развития рынка ИЖС, что невозможно без участия государства.

The paper is devoted to the identification of possible scenarios of development of the market of individual housing on the territory of Russia, with the aim of identifying the most promising motion vector. In the process of considering this question four scenarios were identified: inertial, pessimistic, optimistic and innovative. It should be noted that a primary role in the implementation of the scenarios is played by the state, by not only creating a favourable background for the development of this market, but becoming an active participant in the field of legislation, the provision of infrastructure and the formation of public policy. The comparative analysis revealed that to achieve the goal of Russia's becoming innovative, through the development of human potential, it is necessary to implement the innovative scenario of the individual housing market, which is impossible without the participation of the state.

Ключевые слова: индивидуальное жилищное строительство, рынок, инновационный сценарий, инновации, государство.

Keywords: individual housing, market, innovation scenario, innovation, state.

Долгосрочные и среднесрочные прогнозы и перспективные планы в России и за рубежом разрабатываются преимущественно на основе линейной экстраполяции – продления в будущее сложившихся в прошлом тенденций, без учета социально-экономических циклов и кризисов. «Линейность», отражающая логику экономической статистики, вне всякого сомнения, отрицательно сказывается на достоверности и надежности предлагаемых прогнозов. Любой перелом тенденций, смена фаз циклов и самих циклов опрокидывают заложенные в такие прогнозы «линейные» тенденции и показатели. К сожалению, этот недостаток присущ всем прогнозам и программам на долгосрочную перспективу, предложенным в последние годы [5]

В связи с вышеизложенным, прежде чем строить прогнозы о состоянии рынка на среднесрочные и долгосрочные перспективы, нужно рассмотреть возможные сценарии развития данной сферы с целью выявления факторов влияния и определения адекватных тенденций.

Так, в системе рынка индивидуального жилищного строительства определяются три классических сценария развития.

1. Пессимистический сценарий развития рынка. Согласно данному сценарию происходит становление угроз развития рынка и появление новых барьеров. Возможности и потенциал развития параллельно сокращаются, в результате чего возможен уход с рынка строительных компаний специализирующихся на комплексном строительстве, появление большего числа компаний, специализирующихся на отдельных ви-

дах работ. Таким образом, менеджмент всего строительства будет выполняться исключительно конечным потребителем, а это значит, что будет активно развиваться хозяйственный способ строительства индивидуального жилья, возможность регулирования которого и получения экономического и социального эффекта на региональном уровне сводится к нулю.

2. Инерционный сценарий развития. Данный сценарий характеризуется отсутствием мер, направленных на обеспечение эффективного функционирования и развития рынка ИЖС со стороны государства, рынок действует согласно закону спроса и предложения. То есть государство не участвует в регулировании рынка, не производит дополнительных надзорных и контрольных операций за ходом строительства индивидуального жилья.

3. Оптимистический сценарий развития рынка или сценарий государственного регулирования. В основу данного сценария ложится активная деятельность государства, направленная не только на обеспечение функционирования рынка ИЖС, но и установление объективных правил и норм, регулирующих правоотношения продавцов и покупателей, а также создание благоприятного инвестиционного климата, посредством прямого вмешательства и участия в развитии малоэтажного строительства.

Реализация сценария государственного регулирования имеет большое значение для исследуемого рынка, а также имеет социально значимый характер, так как обеспечение населения жильем является приоритетной задачей государства для достижения основной

его цели – повышения уровня качества жизни населения и его благосостояния.

Однако в настоящий момент в России реализуется инерционный сценарий развития исследуемого рынка.

При переходе от инерционного сценария к сценарию государственного регулирования государством должны решаться задачи следующего характера (см. таблицу).

Таблица

Задачи государственного регулирования рынка ИЖС и их предпосылки

<i>Задачи</i>	<i>Предпосылки</i>
Нормативно-правовое обеспечение рынка индивидуального жилищного строительства	Отсутствие единой терминологии, классификация параметров качества и пр., не определен объект регулирования
	Отсутствие нормативного документа регламентирующего требования к готовой продукции
	Отсутствие сертификации, лицензирования или СРО для строительных организаций, работающих на рынке ИЖС
	Отсутствие технических регламентов и работы по их созданию в замен отмененным ГОСТ и СНИП
Обеспечение контроля над соблюдением законодательства, норм и правил, касающихся приобретения/продажи, строительства и ввода в эксплуатацию объектов строительства	Развитие теневых отношений по поводу приобретения и владения земель с\х назначения
	Несоответствие объектов строительства нормам качества и безопасности
	Увеличение бюрократических барьеров, не приводящих к повышению качества строительства и законности правоотношений между продавцами и покупателями
	Отсутствие текущего контроля над ходом строительства
	Необходимость государственного согласования
Обеспечение инженерной, транспортно-дорожной и социальной инфраструктуры мест застройки	Обеспечение полной загрузки объектов социальной инфраструктуры
	Большая стоимость первичных капитальных вложений
	Обеспечение рабочими местами коренных жителей, проживающих в местах массовой застройки, а также обеспечение объектами социальной инфраструктуры для местных жителей (школы, детские сады, медучреждения)
	Хаотический характер возникновения объектов строительства
Зонирование территории, предназначенной для массовой застройки индивидуальным жильем	Отсутствие локализации строительства как индивидуального, отдельно стоящего жилья, так и массового строительства
	Отсутствие возможности прогнозирования развития строительства на той или иной территории или географическом направлении
	Отсутствие перспектив и планов развития рынка ИЖС
Формирование государственной политики субурбанизации	Отсутствие мероприятий, направленных на создание благоприятного инвестиционного климата
	Отсутствие градостроительных планов, строительства за пределами города, в сельской местности

Таким образом, в реализации того или иного сценария развития рынка главную роль играет государство и степень его участия в процессах, прямо или косвенно связанных с рынком ИЖС.

При реализации пессимистического и инерционного сценария контрольная функция государства сводится к определению перечня документов, которые обязан предоставить застройщик, а также установлению правильности и законности их формирования. Таким образом, государство контролирует степень вмешательства государственных органов и уровень бюрократизации, но ни как ни качество и соответствие установленным нормам процесса строительства.

Однако, в реалиях современной экономики в целях достижения максимального эффекта от функционирования данного рынка и всей экономической системы в целом следует выделить инновационный сценарий развития.

Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики за счет более прозаических вещей. Сейчас для государства наиболее актуально создать условия сохранения существующих очагов инновационного сектора. Большое значение имеет наличие доходов не только от продажи нефти, а также от роста других, не конкурирующих отраслей экономики, не связанных с экспортом (торговля, строительство и т.д.). Таким образом, без реализации инновационного сценария

развития различных отраслей экономики не обойтись. Для России сейчас наиболее актуальным является не создание инноваций, а внедрение уже существующих в мире [7].

Таким образом, реализация инновационного сценария развития рынка ИЖС является приоритетным направлением государственной политики в связи с исключительностью свойств жилья, удовлетворяющего жизненно необходимые потребности каждого человека: потребность в безопасности, приватности и воспроизводстве.

По мнению автора, инновационный сценарий развития ИЖС включает в себя три составляющие:

- инновации в системе государственного регулирования рынком ИЖС;
- внедрение инновационных технологий/материалов в строительство (продвижение альтернативных способов строительства);
- создание принципиально новой жилищной политики, формирующей иной взгляд на собственное жилье у граждан РФ, направленной на устранение потребительского отношения собственника к жилью и территории общего владения, на формирование личности, способной управлять собственным жильем.

Одним из эффективных рычагов государственного воздействия на жилищную сферу является правовое регулирование (в частности, применение тех или иных его инструментов ведет к большим различиям в уровнях цен на конкретных жилищных рынках). В настоящее время базовые документы, регламентирующие деятельность на рынке недвижимости, уже приняты, однако противоречивость законодательства и отсутствие единой системы подзаконных актов тормозят его развитие и создают предпосылки для криминализации. Приоритетным направлением управления региональными рынками жилья должно стать воздействие на его цену. Для стран с развитыми рыночными отношениями характерен доминирующий подход “лучшего и наиболее эффективного использования” объектов недвижимости, в том числе жилищной недвижимости. Это означает, что цена недвижимости определяется не затратами на ее возведение, а размерами капитала, возмещающего заем на ее приобретение. Для этого должен сформироваться рынок доходного жилья, объединяющий участников (покупателей и продавцов, арендаторов и арендодателей) единой мотивацией – максимальное извлечение прибыли.

Но существовавшее до последнего времени у нас в стране массовое жилищное строительство практически было ориентировано на усредненного потребителя, типовую семью без дифференциации по социальному статусу и экономическому уровню. Как следствие, в этой сфере единственно возможным являлось затратное (сметное) ценообразование, которое противоречит коммерческому характеру сбыта недвижимости.

Для создания условий развития региональных рынков жилья, включая переход к активному ценообразованию на всех этапах существования жилищной недвижимости, необходимо осуществить следующие меры:

- сформировать систему мониторинга цен на жилье при непосредственном участии в этом процессе государственных и муниципальных органов;
- освободить этот сегмент рынка от влияния теневой экономики. Это достигается обеспечением доступности информации о ценах на жилье, складывающихся на территории города и региона, источником которой может выступать местная пресса, пункты бесплатного консультирования граждан и т. д.;
- повысить осведомленность населения в области цен на недвижимость. Этого можно добиться посредством разработки и внедрения в практику деятельности учреждений технической инвентаризации и регистрации сделок с недвижимостью экономически обоснованных программ оценки жилья.

Указанные меры могут быть реализованы опосредованно, через инструментарий правового регулирования, который выступает как основной метод государственного управления рынками жилья [3].

Следует отметить, что важным фактором развития рынка ИЖС является наличие на территории застройки инженерной, транспортной и социальной инфраструктуры. Инфраструктура повышает привлекательность объектов строительства при продажах и при грамотном подходе может повлиять на ход реализации всего строительного проекта. Однако введение в генплан проекта дополнительной инфраструктуры автоматически приводит к удорожанию домов. Решить проблему обеспечения надлежащей инфраструктурой без участия государства практически невозможно, особенно это касается социальной инфраструктуры: больницы, школы, детские сады. Однако, как показывает опыт, строительство, например, школы на территории массового возведения индивидуального жилья не решает проблему. Это связано с тем, что заполнение вакантных мест учениками в должном объеме не осуществляется по причине заселения в дома семей разной возрастной структуры. Такая ситуация возникает из-за отсутствия стратегии строительства на государственном уровне: отсутствие системы формирования сегментов строительства по структуре потенциальных потребителей и наличия хаотического характера застройки территорий, прилегающих к городу, в связи с чем семьи с одинаковыми потребностями расселяются на противоположных территориях. Строить социальную инфраструктуру становится не рационально. Решение данной проблемы, по мнению автора, лежит в четкой сегментации объектов строительства в зависимости от потребностей потенциальных собственников и радикального территориального зонирования территорий застройки, заключающейся в запрете строительства индивидуального жилья вне отведенных для этого земельных участках на законодательном уровне в течение определенного количества лет. Данное решение позволит аккумулировать всех потребителей на одной территории (в одном территориальном направлении), что приведет к заполнению всех объектов социальной инфраструктуры в полном объеме и использованию несоциальных объектов инфраструктуры на полную мощность. В связи с этим затраты на строительство транспортной развязки и инженерных коммуникаций относятся на себестои-

мость большего количества домов, а значит позволяют снизить себестоимость отдельного объекта.

Вторая составляющая инновационного сценария также во многом зависит от деятельности государства в данном направлении.

В настоящий момент существует целый ряд технологий так называемого альтернативного строительства:

- панельно-каркасный метод строительства;
- строительство с использованием «Сэндвич-панели»;
- строительство и ориентированной стружечной плиты;
- технология несъёмной опалубки;
- технология ячеистого блока и газо-пенобетонных блоков;
- технология структурных изоляционных панелей (СИП-панели) [1].

Строительные компании, использующие новые технологии, несут серьезные риски: на них лежит огромная ответственность за безопасность конструкции и будущий срок ее службы, а еще приходится проламывать бюрократические барьеры, выстроенные из СНиПов и ГОСТов советского времени и противостоящие внедрению новых способов строительства. Если же применить новую технологию все же удастся, возрастают издержки за контролем качества материалов, которые, как правило, поставляются хоть и специализированными, но все же посторонними компаниями. И не всегда новая технология строительства хорошо уживается со старым материалом (так, газобетон перестает быть инновационным материалом, если его класть на цементный раствор, создающий впоследствии многочисленные мостики холода). Выход из положения – создание собственной производственной базы, способной поставлять материалы с необходимыми характеристиками, но не каждая строительная компания может себе позволить одновременно и инновационное строительство, и современное производство.

Технология строительства – это не только способ возведения зданий, но и непосредственное исполнение этого процесса: подача материалов на площадку, залив бетона, кладка блоков, крепление фасадов и все остальное. По-настоящему инновационной технология становится тогда, когда удастся по максимуму исключить человеческий фактор, механизировать и компьютеризировать работы. Но для усиления автоматизации требуются сложное оборудование и техника, для работы на которых, в свою очередь, нужно привлекать квалифицированные кадры, а строительный рынок испытывает в них серьезный дефицит. В итоге получается, что инновации в строительстве пассивны [4].

Однако краеугольная проблема внедрения инновационных технологий строительства на российском рынке состоит не в этом. Доля такого строительства составляет не больше 3 % от общего объема, даже несмотря на все преимущества, которые имеют данные технологии в сравнении с другими. Причина таких низких показателей кроется в общем недоверии потребителей ко всему новому и технологиям в частности. Большинство застройщиков, предлагая возведение домов каким-либо из вышеперечисленных спо-

собов, делают основной акцент на минимальные сроки их возведения, в результате чего у потребителей складывается ощущение того, что это своеобразные дома «на скорую руку», которые подойдут только для дачного строительства. Общее настроение потребителей также во многом связано с отсутствием адекватной оценки строительных инноваций и технологий со стороны государства. Отсутствуют какие-либо данные о тестах, проверках и иных показателях экологичности, безопасности, износостойкости новых материалов и технологий строительства со стороны зарекомендованных российских специалистов и структур. Таким образом, у потребителя отсутствуют какие-либо гарантии. В связи с чем деятельность государства имеет огромное значение для развития рынка ИЖС.

Одна из причин прежних неудачных попыток модернизировать Россию состояла в неравномерном, несбалансированном развитии отдельных сфер социально-экономической жизни, в том числе в недоучете компонентов развития человеческого потенциала России [2].

Таким образом, на развитие человеческого потенциала влияет множество социально-экономических факторов: уровень и качество здравоохранения, образования, занятости населения, культуры, информационное обеспечение, экология и пр. Но, по мнению автора, наиболее важным фактором развития человеческого потенциала является обеспеченность населения жильем, так как жилье – одно из основных материальных условий существования человека. Человек, не имеющий нормальных условий существования, не может достигать успехов в своей деятельности. Без нормальных жилищных условий нельзя достичь таких целей человеческого развития, как долголетие, здоровье, образование.

В связи с чем автором выделена третья составляющая инновационного сценария.

В ситуации строительства демократического общества в реалиях рыночной экономики вопрос жилья приобретает особую важность, поскольку человек без жилья не свободен, не предприимчив и не производителен. От того, какое жилье создается и какой образ жилья строится в сознании населения, зависит развитие страны и общества.

Кроме того, необходимо отметить, что организация собственного жилья – вещь высокоинтеллектуальная и высокопрофессиональная. Человек, который занимается обустройством своего жилья, уже не примитивен. И чем сложнее структура жилья, тем сложнее им управлять. В этом состоит элементарная бытовая квалификация человека в современном мире.

Человек, владеющий сложным жильем, его выбирает, обслуживает, сам для себя строит, ищет ответ на вопросы, как будет дом отапливаться, с кем какие контракты заключать, – это человек уже совершенно другой квалификации, другой цивилизации, чем тот, который получил жилье, которому дали какой-то минимум «удобств». У него другие потребности, другая ориентация в мире, другое отношение к жилью и собственности, а отсюда и патриотизм. Таким образом, для формирования современной личности необходимо говорить не просто о жилье как о месте постоянного пребывания человека, а о пространстве, которое чело-

век самостоятельно организует, согласно своим личным потребностям и затрачивает определенные усилия для достижения оптимального состояния жилья. Жилье способствует аккумуляции все иных факторов развития человеческого потенциала и поддерживает их равновесие, что возможно лишь при наличии индивидуального жилья [6].

Таким образом, создание государственной политики, направленной на развитие рынка ИЖС, а точнее

на формирование принципиально нового отношения у населения к индивидуальному жилью, является первоочередной задачей.

На основе вышеизложенного следует, что развитие указанного рынка и реализация оптимистического или инновационного сценария невозможно, пока в обществе присутствует недоверие к строительным организациям и другим участникам рынка, тесно связанным с данной сферой, в том числе к государству.

Литература

1. Ванюр Е. М. Каталог современных строительных технологий для малоэтажного строительства. М.: Союз МЖК России, 2011. 25 с.
2. Зверева Н. Человеческий потенциал устойчивого развития России: возможен ли переход на новый этап модернизации при нынешнем уровне жизни населения // Народонаселение. 2012. № 1. С. 25 – 34.
3. Зуйкова Л. Проблемы управления региональными рынками жилья в условиях переходной экономики России: Регионы: управление и развитие // Проблемы теории и практики управления: Международный журнал. 2001. № 6. С. 43 – 47.
4. Инновации в строительстве // Обзоры рынков строительства и строительных материалов. 19.09.2012. Режим доступа: <http://www.stroyka.ru/Rynok/1524512/innovatsii-v-stroitelstve/>
5. Митичев Г. А. Совершенствование государственной инвестиционной политики в сфере индивидуального жилищного строительства: дис. ... канд. экон. наук. М., 2008. 22 с.
6. Проблемы жилья в России // Взгляд из Экспо-2010. Режим доступа: <http://www.rusdb.ru/library/sbornik/>
7. Развитие инновационной составляющей экономики России: перспективы и роль экономической политики». Компания «ИНТЕРФАКС. Центр Экономического Анализа» в партнерстве с концерном Shell. 2007. 33 с. Режим доступа: http://www.buzdalin.ru/text/innovation_rus.pdf

Информация об авторе:

Синякова Елена Викторовна – аспирант Тюменской академии мировой экономики, правления и права, [lena_sin@bk.ru](mailto:lensin@bk.ru).

Elena V. Sinyakova – post-graduate student at Tyumen Academy of World Economy, Management and Law.

(Научный руководитель: **Казанцева Светлана Михайловна** – доктор экономических наук, профессор кафедры менеджмента, маркетинга и логистики Тюменского государственного университета, siv_ksm@mail.ru).

Svetlana M. Kazantseva – Doctor of Economics, Professor, Department of Management, Marketing and Logistics Tyumen State University).

Статья поступила в редколлегию 28.10.2014 г.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 342.7

НЕКОТОРЫЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ЗАКРЕПЛЕНИЯ
И ОХРАНЫ ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ*Э. Ю. Балаян*SOME CONSTITUTIONAL ASPECTS OF SECURING AND PROTECTING
THE DIGNITY OF THE HUMAN PERSON*E. Yu. Balayan*

В контексте исследуемой проблемы, по мнению автора, особенно значимо то, что конституционные нормы, закрепляющие неприкосновенность достоинства личности, нормы об обязанности государства по охране этой основополагающей общечеловеческой ценности, являются важным шагом в развитии российского конституционализма. Отмечается, что конечная цель существования и деятельности государства – охрана прав и свобод человека, его достоинства.

It is the author's opinion that within the framework of the topic being researched it is of first importance that constitutional provisions securing inviolability of dignity of the human person, provisions on the State's obligations to protect this fundamental panhuman value represent crucial step in the development of the Russian constitutionalism. It is noted that the ultimate aim of the State's existence and activity is protection of Human rights and freedoms, and dignity.

Ключевые слова: достоинство личности, права и свободы человека, обязанность государства, закрепление и охрана достоинства человека.

Keywords: dignity of the human person, human rights and freedoms, State's obligations, securing and protection of dignity of the human person.

В перечне конституционных принципов и принципов конституционного строя любого демократического государства положения о человеке, его достоинстве, правах и свободах, как высшей ценности являются первичными и наделяются верховенством. Они должны находиться в гармонии с общественными и государственными интересами, коллективными правами национальных и других меньшинств, общественных и иных объединений, различными группами населения.

В системе духовных ценностей современного международного сообщества они занимают особенно важное место, так как в мире более актуальными становятся приоритет неприкосновенности и защита жизни и достоинства человека, доверие народа к институтам государственной власти, политические, экономические, социальные и другие проблемы государства, достижение справедливости во всех сферах общественной жизни [8, с. 65 – 82; 20, с. 11].

Такие права человека, как право на жизнь, право неприкосновенности достоинства, право свободы мысли, совести, вероисповедания, защиты от незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь, свободного выбора труда, а также право участия в делах управления государством, являются необходимым условием обеспечения жизнедеятельности человека в современном обществе и должны признаваться, обеспечиваться и защищаться государством.

Признание основных прав и свобод человека и гражданина предполагает закрепление общепризнанных норм международного права (как правило, на данном этапе права и свободы человека декларируются в таких основополагающих международно-

правовых документах, как: Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), Международный пакт «О гражданских и политических правах» (1966 г.), Международный Пакт «Об экономических, социальных и культурных правах» (1966 г.), Европейская Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» (1950 г.) и др.) [10], а также вытекающих из естественного права неотчуждаемых прав и свобод в конституции и других законах государства. В данном контексте исходно то, что упор должен делаться на конституционное признание достоинства и прав человека как высшую и неотъемлемую ценность и как непосредственно действующее право [6, с. 205].

Весьма логично, что достоинство личности в энциклопедическом словаре конституционного права определяется как обладание человеком определенными нравственными и интеллектуальными качествами, соответствующими общепринятым моральным ценностям [22].

В большом юридическом словаре достоинство толкуется как морально-нравственная категория, означающая уважение и самоуважение человеческой личности [23]. При этом указывается, что достоинство – неотъемлемое свойство человека, принадлежащее ему независимо от того, как он сам и его окружающие воспринимают и оценивают его личность.

Кроме этого, в юридической литературе отмечается, что право на человеческое достоинство означает обязанность государства, его органов и других граждан соблюдать законность и этические нормы во взаимоотношениях с каждой личностью, проявлять к ней уважительное отношение, не нарушать своими действиями ее права и свободы.

Основные законы некоторых цивилизованных демократических стран не только закрепляют права и свободы человека и гражданина, но и признают как высшую ценность достоинство человека, его права и свободы. Например, статья 2 Конституции Российской Федерации провозглашает: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» [15; 12, с. 26]. Или статья 1 Конституции Федеративной Республики Германия, гласящая, что человеческое достоинство неприкосновенно. Его уважение и защита – обязанность всей государственной власти. Германский народ в силу этого признаёт нерушимость и неотъемлемость прав человека как основу всех видов человеческих отношений, мира и справедливости в мире [14, с. 68].

В Основном законе Бельгии закрепляется, что личная свобода гарантирована; никто не может подвергаться преследованию иначе, как в предусмотренных законом случаях и в предписанной им форме (ст. 12). Каждый имеет право вести жизнь, соответствующую человеческому достоинству (ст. 23) [13, с. 343 – 344].

Конституция Греции устанавливает, что уважение и защита достоинства человека является первоочередной обязанностью государства (ст. 2). Она закрепляет: каждый может свободно развивать свою личность и участвовать в социальной, экономической и политической жизни страны, если только он не препятствует правам других, не нарушает Конституцию или нравственные нормы (ч. 2 ст. 5) [13, с. 646 – 648].

Конституция Испании (ст. 10) провозглашает, что достоинство человека и неприкосновенность его прав, свободное развитие личности, уважение к закону и правам других людей являются основой политического строя и социального мира [13, с. 50 – 53].

Вопрос закрепления личных прав и свобод человека в особенности глубоко отражен в Конституции Португалии (ст. 24 – 47). Она устанавливает, что человеческая жизнь неприкосновенна; применение смертной казни не допускается. Человеческая личность обладает физической и моральной неприкосновенностью; никто не может быть подвергнут пытке, а также быть объектом жестоких, бесчестящих или бесчеловечных обращений и наказаний (ст. 25).

В Конституции РФ достоинству личности уделяется пристальное внимание. В ней закрепляется, что достоинство личности охраняется государством; ничто не может быть основанием для его умаления; никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию; никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам. Указанные конституционные нормы являются важным шагом в развитии российского конституционализма, поскольку в советских конституциях не содержались положения о государственной охране достоинства личности.

Следует отметить, что от момента формирования идеи прав человека, охраны достоинства личности

до конституционного закрепления их современного комплекса, признания и защиты государством человечество прошло долгий и трудный путь. При этом из-за отсутствия единого подхода были разработаны теории, коренным образом отличающиеся друг от друга. Особое место в их ряду занимает либеральная доктрина прав человека, в основе которой была положена естественно-правовая концепция прав человека.

В частности, в армянской действительности естественные права человека последовательно защищал Мхитар Гош (1130 – 1213 гг.). Данный мыслитель развивал идею равенства всех перед законом и наделение одинаковыми правами, необходимость уважения и защиты человеческого достоинства законом, идею наделённого равными правами и обязанностями не только человека, но и гражданина государства [24, с. 134].

Аналогичные идеи естественно-правового равенства и свободы всех людей получили новое звучание в христианстве. В этой связи в юридической литературе выражается мнение о том, что Священное Писание является всеобъемлющим сводом общечеловеческих духовных ценностей. В правовом смысле оно содержит как естественные, так и позитивные права человека, а точнее – основные принципы создания норм позитивного права как необходимого связующего звена для перехода от естественного права к позитивному [19, с. 9].

Идеи христианской религии глубинно разрабатывались и развивались в политико-правовых учениях ряда мыслителей Средних веков. В плане развития концепции прав человека Ф. Аквинский предлагал идею естественного закона, согласно которой все люди должны стремиться к самосохранению и продолжению рода, искать истину и истинного Бога, уважать достоинство каждого человека (которое имеет божественное происхождение). В Новое время в борьбе со средневековой консервативной идеологией возникла система качественно иных социально-философских взглядов, стержнем которой стала идея о необходимости утверждения самоценности личности, признания достоинства и автономии всякого индивида, обеспечения условий для свободного развития человека, предоставления каждому возможности собственными силами добиваться своего счастья [9, с. 117].

Текущий этап развития государственности Российской Федерации имеет своё специфическое воздействие на конституционную доктрину, которая в себе обобщает как взгляды советского периода, так и подходы современных демократических государств. В данном случае важно то, что любое правовое государство должно подойти к делам общества с точки зрения гарантирования и защиты прав и свобод человека. Однако ограничение государственной власти правами человека не должно вести к абсолютной минимизации роли государства, так как оно является институтом, придающим общеобязательную силу правам и свободам человека и гражданина. В то же время ошибочно считать, что государства, признающие естественно-правовую теорию происхождения прав человека, против их позитивного закрепления,

поскольку многие современные страны действуют в направлении смягчения противоположностей этих двух теорий [2; 3; 21, с. 10 – 30; 29 и др.]. Поэтому необходимо применить такой гармоничный подход, когда позитивистская теория учтёт нравственные стороны свободы, справедливости, достоинства и самоценности человека, а естественно-правовая доктрина будет исходить из того, что, приобретая нормативное закрепление, права человека получают дополнительную силу, а государство обязуется обеспечить и защитить права человека [4, с. 266 – 277; 16, с. 160].

Демократические государства не могут не признать комплекс прав, необходимых для достойной жизнедеятельности человека (право на жизнь, неприкосновенность достоинства, личности, жилища и др.), которые принадлежат ему с момента его рождения. Однако естественные права человека могут полностью защищаться только после получения юридической формулировки. То есть государство обязано конституционно закреплять, обеспечивать и защищать эти права и свободы, уважать его достоинство, поскольку смысл существования и конечная цель деятельности государства – защита прав и свобод человека, охрана достоинства личности.

Каждый человек в обществе с момента своего рождения наделяется правами и свободами, которые обусловлены обстоятельством его проживания и жизнедеятельности именно в данном обществе, его социальными потребностями. К правам человека, принадлежащим ему от рождения, можно отнести право на жизнь, право неприкосновенности достоинства личности, право свободы, право собственности, право на общение с себе подобными, право продолжения рода, право на нормальные условия человеческой жизнедеятельности и т. д. Совокупность этих прав называется естественным правом. Эти права призваны обеспечить, в первую очередь, достоинство, свободу, безопасность человека не только от государства, но и от любого произвола и вмешательства, а государство призвано оберегать их не только от своего, но и от чьего бы то ни было вмешательства. По нашему мнению, в связи с этим к месту процитировать статью 2 Декларации прав человека и гражданина, принятой Национальным собранием Франции 26 августа 1789 г., согласно которой: «Цель каждого государственного союза составляет защита естественных и неотъемлемых прав человека».

Естественно-правовой подход к правам человека нашёл своё выражение и во Всеобщей декларации прав человека, в преамбуле которой указывается: «...признание достоинства, присущего всем членам человеческой семьи, и равных и неотъемлемых прав их является основой свободы, справедливости и всеобщего мира». А статья 1 закрепляет, что все люди рождаются свободными и равными в своём достоинстве и правах. Вместе с этим предусматривается также, что «...необходимо защищать права человека властью закона». Статьи 6, 8, 29 и другие указанной Декларации не только закрепляют принципы неотъемлемости естественных прав человека, их свободы и правового равенства, а также имеющиеся обязан-

ности перед обществом, статус субъекта права и право на правосудие человека: право восстановления своих нарушенных прав, предусмотренных Конституцией или законом, посредством уполномоченных судов.

Методологически тождественный подход проявлен также и в Уставе ООН (в преамбуле которого также закреплена приверженность к основным правам человека, его достоинству), в Международном Пакте о гражданских и политических правах (16.12.1966 г.), в Уставе Совета Европы, в Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод (04.11.1950 г.).

Особого внимания достойна Парижская хартия для Новой Европы (21.11.1990 г.), где говорится: «...Права и основные свободы человека принадлежат всем людям от рождения, они неотъемлемы и гарантируются законом». Добавляется также: «Их защита и поддержка – первичная обязанность правительств»; «Их уважение – существенная гарантия в противовес государства, имеющего большую власть».

По поводу указанного достойные внимания примеры конституционных решений содержит Конституция Европейского Союза, статья 2 которой закрепляет, что «Союз основан на таких ценностях, как человеческое достоинство, свобода, демократия, равенство, верховенство права и уважение прав человека».

Все представленные примеры однозначно свидетельствуют, что проблема обеспечения верховенства конституции в конечном счёте сводится к гарантированной защите достоинства человека, его прав и свобод путём обеспечения гармоничного сотрудничества разделённых и сбалансированных властей. Отметим, что Конституция Российской Федерации закрепляет права и свободы человека как высшую ценность.

Однако не все основные законы бывших республик СССР после его распада закрепили конституционную норму с аналогичным содержанием. В частности, содержание статьи 4 Конституции Республики Армения от 5 июля 1995 года свидетельствовало, что нет чёткого отношения к признанию прав человека как высшей и неотъемлемой ценности. И что самое существенное, достоинство человека закреплялось не как объект конституционного права, а как объект уголовного (согласно статье 9 Уголовно-процессуального кодекса Республики Армения в ходе уголовного судопроизводства никто не должен подвергаться унижающему его достоинство обращению, содержаться в унижительных условиях. Также запрещается принуждать личность к участию в следственных действиях, унижающих его достоинство) [26] и гражданского (статья 19 Гражданского кодекса Республики Армения предусматривает судебную защиту права чести, достоинства, как при жизни, так и после смерти) [5] права, тогда как достоинство личности – основа его прав и свобод и должно быть уважаемо и защищено со стороны государства [1; 7; 18, с. 147 – 170].

И только в ноябре 2005 года в результате осуществления конституционной реформы в Основном

законе Республики Армения появилась статья со следующим содержанием: «Человек, его достоинство, основные права и свободы являются высшей ценностью. Государство обеспечивает защиту основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права. Государство ограничено основными правами и свободами человека и гражданина, являющимися непосредственно действующим правом» (ст. 3).

Первым поколением прав и свобод человека признаются те традиционные либеральные ценности, которые сформировались в процессе осуществления буржуазных революций, а в дальнейшем конкретизировались и расширялись в законодательстве и сфере деятельности демократических государств. Здесь в основном речь идёт о личных (гражданских) (праве на жизнь, неприкосновенность человеческого достоинства, свободу и равенство, защиту чести и доброго имени, справедливый, независимый, беспристрастный, компетентный суд, свободное передвижение и выбор места жительства, гражданство, частную собственность, неприкосновенность личности, свободу совести, мысли и вероисповедания, создание семьи и воспитание детей, неприкосновенность жилища и др.) и политических правах и свободах (праве и свободе на участие каждого гражданина в организации государственной власти, органов местного самоуправления и осуществление государственной власти).

Таким образом, одной из важнейших задач миссии демократического государства является целевое направление деятельности органов и должностных лиц всех ветвей государственной власти на обеспечение и защиту прав и свобод человека и гражданина. Только в этом случае гражданин данного государства может быть уверен, что его жизнь, здоровье, неприкосновенность, достоинство и безопасность, собственность, права и свободы, а также другие общечеловеческие ценности, гарантированные законами страны, надёжно защищены.

Исходя из этого, можно утверждать, что, в отличие от личных и политических прав человека, социальные права личности могут защищаться преимущественно со стороны государства. Эта мысль даёт основание предположить, что социальные права человека выступают как определённые требования, предъявляемые к власти, и обязанностью государства, прежде всего, является обеспечение и защита того, что касается жизни личности, его социального обеспечения, достоинства и «духовного развития» [25, с. 42].

Приоритетные цели образования установлены также положениями международных документов. К ним относятся: полное развитие человеческой личности и её достоинства, уважение к правам и свободам человека, необходимость образования, создание возможностей быть полезными участниками свободного общества, способствовать взаимопониманию, терпимости и дружбе между всеми нациями, этническими и религиозными группами.

Дополнительные гарантии защиты прав и свобод человека и гражданина предусмотрены Федеральным законом Российской Федерации «О полиции» [28], в

соответствии с которым детально регулируется деятельность полиции в сфере соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина (ст. 5). В частности, Полиция осуществляет свою деятельность на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина. Деятельность полиции, ограничивающая права и свободы граждан, немедленно прекращается, если достигнута законная цель или выяснилось, что эта цель не может или не должна достигаться путем ограничения прав и свобод граждан.

Кроме этого, сотруднику полиции запрещается прибегать к пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению. Сотрудник полиции обязан пресекать действия, которыми гражданину умышленно причиняются боль, физическое или нравственное страдание.

Вместе с тем сотрудник полиции во всех случаях ограничения прав и свобод гражданина обязан разъяснить ему причину и основания и повод такого ограничения, а также возникающие в связи с этим его права и обязанности. Наряду с этим полиция обязана обеспечить каждому гражданину возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не установлено федеральным законом (часть 7 статьи 5).

Важнейшей гарантией защиты прав и свобод человека является установление уголовной ответственности для следователя или лица, производящего дознание (статья 302 Уголовного кодекса Российской Федерации) в случаях применения ими пыток против человека, жестокого или унижающего достоинство отношения или насилия по отношению к нему. Так, Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации устанавливает: «Никто из участников уголовного судопроизводства не может подвергаться насилию, пыткам, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению» (часть 2 статьи 9) [27].

Таким образом, перед современным человечеством остро встала задача формирования новой мировой системы. За последние несколько лет в мировом сообществе сложилось международное гуманистическое движение, объединяющее передовых представителей мировой культуры. Этим движением сформулированы ключевые принципы этики гуманизма современной цивилизации: главная ценность – достоинство и независимость личности, свобода выбора, которая не нарушает права и свободы других лиц и государства; правовое осознание ответственности и обязанностей человека по отношению к другим лицам, государству; готовность человека к коррекции своих моральных принципов и ценностей в свете будущего и возможности возникновения новых уникальных ситуаций; насущной задачей общественной культуры является выработка концептуального мировоззрения, отвечающего современным потребностям и возможностям мирового сообщества. Этим мировоззрением может быть планетарный гуманизм, стоящий на страже прав человека, указывающий на этический долг каждого культурного человека перед единым человечеством и его будущим.

Как правило, в современном виде они находят провозглашение и закрепление в международно-правовых документах – Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Международном пакте о гражданских, социальных и культурных правах 1966 г., Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с достижениями биологии и медицины (1989 г.) и т. д.

Эти общечеловеческие ценности обеспечиваются конституционными и судебными гарантиями. Конституционные гарантии обеспечены первостепенностью самого Основного закона и общепризнанными международными принципами и нормами права. Конституционные гарантии прав личности действительны тогда, когда они закреплены не только (и не столько) в тексте Конституции, но и в развернутой системе устоявшихся процедурных правил, которые позволяют на практике применять эти же конституционные гарантии. В римском праве, которое заложило классические правовые основы гражданского общества, можно найти много примеров, демонстрирующих гарантии права на защиту прав и свобод личности. Вообще, страны, впитавшие античные или некоторые религиозные традиции, имеют тысячелетние основы для обеспечения прав человека. Чего только стоит высказывание известного русского мыслителя Владимира Соловьева (1869 г.) о том, что: «Христианство за много веков до принятия во Франции Декларации прав и свобод гражданина даровало людям большинство из известных и наиболее значимых прав и свобод».

Страны с различным уровнем экономического развития или различными историческими традициями и культурным происхождением имеют различные представления о правах человека, а также по-разному реализуют их на практике. Однако права

человека как определяющая характеристика современности, не должны подчиняться власти диктаторских или авторитарных режимов. Уделять равное значение правам и ответственности – это сбалансированный и эффективный способ ведения межкультурного диалога. Моральная сила правовой защиты сознания заключается в его обобщенном призыве уважать достоинство личности, противопоставленной принудительной власти государства.

Обобщая вышесказанное, словами профессора С. Капицы представим ответы, которые были получены в результате работы над проектом, выполненным под эгидой ООН «Преодолевая барьеры: диалог между цивилизациями»: «Причем здесь четко выявилось различие подхода Запада и Востока к ответственности членов общества и их правам. Запад неизменно ставил на первое место права личности. Восток на первое место ставит тезис об ответственности члена общества перед обществом, из которого уже следуют его права» [11].

Для России, которая исторически и географически находится как бы между двумя крайними позициями, эти моменты приобретают исключительно важное и актуальное значение.

И как отмечает доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ В. В. Невинский, при всех сложностях переходного периода в развитии российского общества и государства последней четверти века нельзя отрицать стабилизирующую историческую роль российской конституции. Очевидно и то, что многие установленные ею принципы и конкретные положения пока ещё не насыщены необходимым содержанием, сформулированы, прежде всего, в качестве своеобразных целей, которое общество и государство должны достичь в обозримой перспективе [17, с. 7]. Мы полностью разделяем данную точку зрения.

Литература

1. Анисимов А. Л. Честь, достоинство, деловая репутация: гражданско-правовая защита. М.: Юрист, 1994. 80 с.
2. Биктагиров Р. Т. Субъект избирательного права Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 50 с.
3. Болгова В. В. Публичное право: проблемы теории, методологии, практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тамбов, 2009. 49 с.
4. Витрук Н. В. Конституция Российской Федерации как ценность и конституционные ценности // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13 – 14 ноября 2008 г. / отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2009. 320 с.
5. Гражданский кодекс Республики Армения от 05.05.1998 г. // Официальный вестник Республики Армения, 10 августа 1998. № 17(50).
6. Енгибарян Р. П. Конституционное развитие в современном мире. Основные тенденции. М.: Норма, 2010. 496 с.
7. Жуйков В. М. Права человека и власть закона. М., РПА МЮ Российской Федерации, 1995. 246 с.
8. Зорькин В. Д. Конституция и права человека в XXI веке. К 15-летию Конституции Российской Федерации и 6-летию Всеобщей декларации прав человека. М.: Норма, 2008. 224 с.
9. История политических и правовых учений. 2-е изд. / под общ. ред. В. С. Нерсесянца. М.: НОРМА-ИНФРА, 1999. 736 с.
10. Казинян А. Г. Роль европейских судебных учреждений в защите прав человека: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ереван, 2004. 26 с.
11. Капица С. Без морали законность мертва // Российская газета. 2002. 13 ноября.
12. Комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. Издание второе. М.: Спарк, 2002. 670 с.

13. Конституции государств Европы: в 3 т. Т. 1. С. 343 – 344 / под общ. ред. Л. А. Окунькова. М.: Норма, 2001. 824 с.
14. Конституции зарубежных государств: Европейский союз, США, Великобритания, Германия, Испания, Япония, Швейцария, Бразилия, Италия / составитель В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БЕК, 2002. 592 с.
15. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (в редакции от 05.02.2014 г.) // Собрание законодательства РФ. 03.03.2014. № 9. Ст. 851. Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>
16. Лукашук И. И. Глобализация, государство, право, XXI век. М.: Спарк, 2000. 279 с.
17. Невинский В. В. Введение // Конституция Российской Федерации: социальные ориентиры, практика реализации (к 20-летию Конституции Российской Федерации) (Барнаул. 24 – 25 октября 2013 г.) / материалы Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред С. В. Землюков. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 298 с.
18. Нуркаева Т. Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. 254 с.
19. Папаян Р. Христианские корни современного государственного права: Библия и основные права человека. Ереван: Нжар, 2000. 160 с.
20. Поляков С. Б. Принцип взаимной ответственности государства и личности: теоретико-правовые и прикладные аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 59 с.
21. Права человека и процессы глобализации современного мира / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2007. 464 с.
22. Режим доступа: http://constitutional_law.academic.ru (дата обращения: 14.12.2014).
23. Режим доступа: <http://jurisprudence.academic.ru> (дата обращения: 14.12.2014).
24. Товмасян А. Древнее и средневековое армянское уголовное право (Теория источников. Преступление и наказание). Ереван: Изд. ЕГУ, 1962. 660 с. (на арм. яз.).
25. Трошкин Ю. В. Права человека: нарушения и защита прав человека и прессы. М.: Изд. Ось-89, 1997. 224 с.
26. Уголовный процессуальный кодекс Республики Армения от 01.07.1998 г. // Официальный вестник Республики Армения, 21 сентября 1998 г. № 22(55).
27. Уголовный процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
28. Федеральный закон Российской Федерации от 07.02.2011 № 3 «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900.
29. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2008. 284 с.

Информация об авторе:

Балаян Эллада Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и административного права КемГУ, elladalaw@rambler.ru.

Ellada Yu. Balayan – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 25.12.2014 г.

К ВОПРОСУ О ПОДСУДНОСТИ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ СО СРОКАМИ
В ИЗБИРАТЕЛЬНОМ ПРАВЕ

О. Ю. Евсеева

ON THE JURISDICTION OF DISPUTES RELATED TO THE TERMS IN THE SUFFRAGE LAW

O. Yu. Evseeva

В статье рассматривается проблема подсудности избирательных споров, связанных со сроками в преломлении к вопросам правоприменения, восстановления прав избираемых лиц и кандидатов на выборные должности. Автор анализирует судебную практику разных уровней судебных инстанций и делаются выводы о проблемах современного избирательного процесса в связи с поставленной проблемой. Даются классификации избирательных споров и подсудности, а также с позиции широкого понимания института выборов выделяется роль системы подсудности в Российской Федерации при разрешении споров, связанных со сроками в избирательном праве.

Делается вывод о том, что временные затраты на споры в рамках определения подсудности фактически делают невозможным и без того трудное восстановление сроков в рамках избирательного права. По мнению автора, остается серьезная опасность правоприменения в подобных делах. Именно сроки и неоднозначные правила подсудности могут стать инструментом использования права в целях обойти закон, оказать «услугу» конкретному кандидату или партии, «размыть» категорию закона, разрушить институт выборов.

The paper considers the problem of jurisdiction of electoral disputes related to the terms as they relate to the issues of exercising law, restoring the rights of elected officials and candidates for elective office. The author analyzes the judicial practice of courts of various levels and draws the conclusions about the problems of the modern electoral process in relation to the discussed problem. The paper provides the classification of electoral disputes and jurisdiction. From the perspective of a broad understanding of the institution of elections, the author defines the role of the jurisdiction of the Russian Federation in the resolution of disputes related to the terms in the electoral law.

It is concluded that the time spent on disputes within the definition of jurisdiction actually puts an end to the already difficult restoration of the term in the electoral law. According to the author, there is a serious risk of exercising law in such cases. It is ambiguous terms and rules of jurisdiction that can be the tool for using law in order to bypass the law, to do a “favour” to a particular candidate or party, trample the meaning and spirit of the law, the very institution of elections.

Ключевые слова: сроки, время в праве, избирательное право, выборы, выборное право, подсудность.

Keywords: terms, time in the law, the right to vote, elections, equal suffrage, jurisdiction.

Избирательное законодательство, учитывая необходимость реальной защиты избирательных прав в случае выявления фактов их нарушения, содержит специальные сроки подачи жалоб и заявлений, специальные (в зависимости от стадии избирательного процесса) сроки их рассмотрения, а также устанавливает запрет к принятию и рассмотрению жалоб, поступивших за пределами установленного законом срока вне зависимости от причины пропуска этого срока. Поскольку исследование сроков в избирательном праве как время избирательных действий и процедур в рамках стадий избирательного процесса избирательных кампаний тесно связано с общим процессом организации выборов, то и споры, касающиеся сроков (или времени) в избирательном процессе, можно трактовать широко. В соответствии с этим классификации таких споров могут иметь разные основания. Все споры в избирательном процессе, предметом которых становились исключительно или в частности нормы о сроках, можно подвергнуть классификации на основе четырех критериальных подходов к таким спорам.

Первая классификация основывается на характере защищаемых интересов в избирательных спорах. Такие споры можно разделить: защищающие пассивное или активное избирательное право.

Вторая классификация строится на основе объекта спора. В данном случае споры могут быть связаны

с оспариванием конкретных решений, действий или бездействия избиркомов; споры, не связанные с такими решениями и действиями.

Третья классификация базируется на стадийности процесса. Здесь возможно разделить споры на:

а) избирательные споры, которые возникают в процессе выдвижения и/или регистрации кандидатов на выборную должность/должности;

б) избирательные споры, которые возникают в процессе предвыборной агитационной кампании;

в) избирательные споры, которые возникают в процессе подведения итогов голосования и в стадии определения результатов выборов.

Четвертую классификацию условно можно назвать подведомственной. Если исходить из теоретических положений гражданско-процессуального права, то можно определить термин «подведомственность» как определенную нормами права возможность рассмотреть юридическое дело или спор в определенном стороной или сторонами спора юрисдикционном органе.

Напомним, что статья 46 Конституции Российской Федерации 1993 г. [7] гарантирует каждому возможность защищать свои права и интересы в суде. Причем к интересам добавляют термин «охраняемые законом». На наш взгляд, если отталкиваться от особенностей избирательного права как социального явления демо-

кратического завоевания последних десятилетий, необходимо широко понимать термин «охрана законом». Не только буква, но и дух закона должна просматривать в работе избирательных комиссий. Например, сроки, или в англоязычной интерпретации «time» (а не «time limit» – в узком значении), означают несколько больше, чем лимитированный отрезок времени, установленный законодательными актами или прецедентами. Сроки связываются и с принципом справедливости. И зачастую, именно исходя из «духа закона», споры разбираются в избирательных комиссиях.

Например, в не густонаселенных регионах России избиркомы вынуждены еще на стадии подготовки к предвыборной агитации руководствоваться принципом равенства, учитывая время. Интересен пример из практики работы Областной избирательной комиссии Новгородской области [4]. В регионе большая часть районных газет объединена в ОГАУ «Агентство информационных коммуникаций». Поскольку некоторые издания выходят дважды в неделю и имеют свои рубрики или тематические полосы, предоставляя право подписчикам подписаться на первый или второй выход, тираж издания фактически меняется. Меняется не только тираж, но и аудитория. Соответственно печатные площади, а также условия жеребьевки комиссии распределяли так, чтобы у кандидатов были равные возможности, в том числе и по срокам выхода газет. Отметим необязательность такого процесса, однако именно из широкого смысла избирательного законодательства, из принципа равенства исходило организационное решение, основанное на обращении одного из кандидатов на пост главы района.

Конституционный Суд Российской Федерации, исходя из нормы ст. 3 Федерального закона «О Конституционном Суде РФ» [8], имеет полномочия на рассмотрение дел, в том числе и признавать конкретные положения законодательства (федерального или субъектов) противоречащими Основному закону страны. Другие же дела отнесены к рассмотрению судами общей юрисдикции по норме статьи 22 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [5] (далее – ГПК РФ).

Кроме судов на рассмотрение определенных категорий рассматриваемых споров уполномочены и соответствующие уровню выборов избирательные комиссии. Так, если исходить из смысла пункта 6 статьи 75 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [10] решения и действия (бездействие) низшего уровня комиссий и их должностных лиц, которые, по мнению заявителя или заявителей, нарушают избирательные права граждан или право на участие в референдуме, могут обжаловаться в непосредственно вышестоящую комиссию. Та же, в свою очередь, обязана, не направляя жалобу в нижестоящую избирательную комиссию (*исключение – случаи, когда обстоятельства жалобы уже стали предметом рассмотрения этой комиссии – прим. автора*) принять по обращению решение. Согласно п. 9 этой же нормы, при одновременном обращении в судебную инстанцию и вышестоящий избирком комиссия обязывается приостановить рассмотрение обращения-жалобы до момента вступления судебного ре-

шения в законную силу. В случае, когда судом вынесено решение по существу жалобы, комиссия обязана прекратить ее рассмотрение.

Можно сделать вывод, что для ряда избирательных споров, связанных со сроками, касающимися выдвижения кандидатов, подачей документов, и иных, прямо урегулированных в избирательном законодательстве, закон устанавливает альтернативную подведомственность, предусматривающую возможность обратиться заинтересованному лицу или в суд, или же в вышестоящую избирательную комиссию.

Так как большинство споров, касающихся избирательных прав, рассматривается и разрешается судами общей юрисдикции, важно рассмотреть вопрос о подсудности по вопросам сроков в избирательном праве. Термин «подсудность» означает распределение подведомственных судебным инстанциям общей юрисдикции дел в рамках всей системы судов общей юрисдикции. Традиционно выделяют два вида подсудности – родовую и территориальную.

Родовую подсудность избирательных споров об избирательных сроках можно определить по двум критериям. Первое – споры, связанные с оспариванием решений избиркомов. В этом случае родовую подсудность следует определять в зависимости от уровня споров. Например, споры, предметом которых становились решения или уклонения от принятия таковых Центризбиркомом рассматривались Верховным Судом Российской Федерации, в соответствии с частью 4 статьи 27 ГПК РФ (см.: [11; 18; 12; 13; 14]). Так называемые споры на уровне выборов субъектов РФ должны быть рассмотрены верховными судами республик (см.: [1; 20]), краевыми (см.: [15 – 17]), областными судами (см.: [3; 6; 21]), судами городов федерального значения, судами автономных областей или автономных округов (см.: [2]). Дела, предметом которых стали решения территориальных и участковых избиркомов, исходя из смысла статьи 24 ГПК Российской Федерации, должны рассматриваться судами районными (см.: [22]). Мировые судьи не имеют полномочий рассматривать избирательные споры.

Отметим, что по аналогии п. 2 ст. 75 Федеральный Закон об основных гарантиях содержит сходные нормы с ГПК РФ, однако есть и отличия. Федеральный Закон об основных гарантиях указывает на «обжалование» нарушений избирательных прав. В ГПК РФ законодатель использовал термин «оспаривание». Кроме того, основанием возбуждения дела выступает не жалоба, а заявление.

Кроме этого, нормы ГПК РФ называют только решения или уклонения от их принятия объектом оспаривания. Это совсем не означает, что дела и формы обращений строго ограничены законом. Так, ч. 2 ст. 26 и ч. 2 ст. 27 ГПК предусматривается отнесение федеральным законом других дел. Например, Федеральный Закон об основных гарантиях предусмотрел возможность оспорить не только решение соответствующей избирательной комиссии, но и ее действие или бездействие.

В этой связи интерес представляет следующее решение Судебной коллегии по гражданским делам Тамбовского областного суда [6]. Суть его такова: М. М. Жалнин жаловался на решение Ленинского

райсуда г. Тамбова об отмене постановления Окружной избирательной комиссии округа № 4 о его регистрации кандидатом в депутаты. Окружной суд постановил зарегистрировать Жалнина. Другой кандидат Галаев (по этому же округу) обратился в судебный орган с заявлением об отмене постановления о регистрации Жалнина. Основанием стало отсутствие сведений о гражданстве, месте работы и месте жительства. Как итог – отмена регистрации кандидата. Решение районного суда – удовлетворить заявление Галаева. М. М. Жалнин просил кассационную инстанцию отменить решение и прекратить производство по делу. Дело в том, что сведения о месте работы указываются в заявлении о согласии баллотироваться в городскую Думу. В заявлении все было указано. Таким образом, и сроки предоставления документов не пропущены, а предоставлены копии всех документов, причем надлежаще заверенные. Не соответствует обстоятельствам рассматриваемого дела и вывод суда о том, что избирком на момент рассмотрения жалобы не имел и даже не мог иметь сведений об основном месте работы М. М. Жалнина. Налицо правоприменение, основанное на правилах о сроках предоставления сведений в определенной форме.

Основанием для отказа регистрировать кандидата явилось отсутствие сведений, предоставленных в срок, но не их неполнота.

По мнению заявителя, был пропущен срок обращения в судебный орган с рассматриваемым заявлением. Срок пробега отправления почтой составляет 2 дня по городу Тамбову, а заявление пришло в суд 9 сентября, тогда как на конверте имелся штамп с датой отправки 4 сентября, в связи с чем нужно было истребовать квитанцию из почты, а также исследовать вопрос даты отправки материалов в суд. Галаев же попросил отмены постановления избирательной комиссии как незаконного и в то же время не стал ставить вопроса об отмене решения комиссии о его собственной регистрации. Судебная коллегия не нашла оснований для отмены решения суда [6].

По мнению суда, окружная избирательная комиссия не могла достоверно установить основное место работы Жалнина, что из материалов дела кажется абсурдным и противоречащим самому смыслу категорий «выборы», «добросовестность», «полнота исследования доказательств». Подсудность как принцип защиты прав от необоснованности здесь может сыграть важную роль, но тогда встает вопрос о восстановлении сроков и реальных прав кандидатов.

Статья 259 ГПК РФ говорит о предоставлении возможности оспорить решение, действие (бездействие), нарушающие избирательные права не только избиркомов соответствующего уровня, но и органов местного самоуправления, общественных объединений, органов государственной власти, должностных лиц. Так, 20.08.2012 г. А. Л. А. направила в Избирком Новгородской области заявление, где извещала о выдвижении кандидатом на должность Губернатора Новгородской области.

2 октября А. Л. А. получила ответ Избиркома в форме письма, где сообщалось, что отсутствуют правовые основания для рассмотрения этого обращения, так как нет оснований для самовыдвижения.

А. Л. А. не согласилась с таким ответом и обратилась в суд с заявлением, где требовала восстановления ее избирательных прав на выдвижение кандидатом и расформирования избиркома, поскольку тот нарушил избирательное право, в соответствии с ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации».

А. Л. А. ссылаясь на то, что таким образом нарушены ее основные права, а также на ошибочность рассмотрения избиркомом ее заявления как обращения, а следовательно, оно должно было быть рассмотрено коллегиально, однако этого сделано не было. Определение Новгородского областного суда от 10.10.2012 г. – отказать на основании п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК РФ.

В частной жалобе А. Л. А. просила отмены этого определения, так как по ее мнению отсутствовали законные основания для отказа в принятии заявления. Кроме того, заявление содержало и иные требования: о восстановлении избирательных прав и права на самовыдвижение.

Суд пришел к выводу, что определение, на которое ссылался заявитель, не подлежит отмене, в том числе и по тому основанию, что в соответствии с ч. 4 ст. 259 ГПК Российской Федерации с заявлением в суд о расформировании избиркома могут обращаться лица, которые установлены федеральным законом. Ст. 31 ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» устанавливает исчерпывающий перечень таких лиц.

Что же касается ссылки в жалобе А. Л. А. на отсутствие суждения судьи касательно требования восстановить избирательное право на выдвижение кандидатом, то данный довод не свидетельствовал о незаконности оспариваемого определения, так как это требование неподведомственно суду.

Здесь необходимо отметить, что если мы допустим подведомственность этого требования суду общей юрисдикции, то тогда заявление в указанной части не могло вообще быть принято к производству облсудом в связи с неподсудностью этого дела. Ведь согласно ч. 6 ст. 259 ГПК Российской Федерации заявление в суд о защите избирательных прав подается по подсудности, установленной статьями 24, 26 и 27 ГПК РФ, другими федеральными законами, в том числе Федеральным законом от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ [3].

Следующая группа споров – споры, не связанные с оспариванием действий или бездействия, решений избиркомов и должностных лиц. Здесь не устанавливаются правила, определяющие родовую подсудность. Судебная практика делает свой выбор при определении подсудности на базе анализа норм избирательного права, определяя родовую подсудность по такому виду споров, исходя из выборного уровня. Например, если избирательный спор возникает при проведении и организации выборов в федеральные органы государственной власти, то по роду такое дело подсудно Верховному Суду Российской Федерации. Если же спор возник в ходе выборов в органы государственной власти субъектов, в таком случае он будет подсуден судам

республик, областным, краевым, судам городов федерального значения, автономных округов или суду автономной области. Если же спор возникает при проведении муниципальных выборов, то он подсуден районному суду.

Обратим внимание и на некоторые исключения. Представим ситуацию, когда заявитель хочет оспорить действия или же решения конкретного избиркома. Тогда подсудность этого дела не будет зависеть от вида выборов, а определится исходя из уровня избирательной комиссии, чьи действия (бездействие) или решения оспариваются. Так, один из участников выборов в Приморском крае обратился с заявлением в Приморский краевой суд [18]. Предмет спора – признание несоответствующим нормам права решения территориального избиркома Первомайского района г. Владивостока, вынесенного 11.10.2006 г. Решением комиссия оставила без удовлетворения заявление П. о признании недействительными итогов голосования на восьмидесяти восьми избирательных участках, которые были организованы и образованы на морских флотских судах. Приморский краевой суд вынес определение, которым возвратил заявление П., аргументируя свое решение неподсудностью данного дела. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации определение было оставлено в силе. При этом Верховный Суд Российской Федерации дал исчерпывающее разъяснение.

Пункт 4 части 1 статьи 26 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункт 2 статьи 75 Федерального Закона об основных гарантиях рассматривает краевой суд как суд 1-й инстанции по делу об уклонении от принятия решений, об оспаривании на выборах в органы госвласти субъектов, исключая решения, которые оставляют в силе решения нижестоящих избиркомов. Из заявления следует, что П. оспаривает решение территориального избиркома. Но судья Приморского краевого суда совершенно правильно указал в определении на характер и реальный предмет спора, так как фактически П. оспаривает решения участковых избиркомов. Следовательно, П. необходимо обратиться в районный суд [18].

По некоторым избирательным спорам, касающимся в том числе и сроков, законодательством прямо установлен уровень судов. Например, п. 7 ст. 3 Федерального закона от 26.11.1996 г. «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» [9] споры об обеспечении конституционных прав (в том числе и временных) граждан Российской Федерации избирать или быть избранными в органы местного самоуправления указывает рассматривать в судах первой инстанции, в верховных судах республик, краевых судах, областных, судах городов Москвы и Санкт-Петербурга, судах автономных областей и автономных округов.

Определяя территориальную подсудность избирательных споров, которые необходимо рассматривать в районных (городских) судах, нужно руководствоваться общими правилами территориальной подсудности, которые приводятся в статье 28 ГПК Российской Федерации, так как ни глава 23 ГПК Российской

Федерации, регулирующая общие положения производства по делам, возникшим из публично-правовых отношений, ни глава 26 ГПК РФ, регулирующая особенности судебного производства по делам о защите избирательных прав, не содержат специальных особых правил для определения территориальной подсудности. Такая ситуация порождает неоднозначные решения этого вопроса в правоприменительной практике.

Статья 28 ГПК РФ рассматривает место подачи заявления о защите избирательных прав по месту нахождения соответствующего избиркома, чьи действия или бездействие, решения оспариваются заявителем. Например, С. Г. Л. обратился с заявлением в Иркутский районный суд [23, с. 389]. Предмет жалобы – нарушение тремя участковыми избирками областного закона о выборах губернатора при повторном голосовании. Суд определил передать дело по подсудности в Кировский районный суд Иркутска, так как на момент, когда рассматривалось дело по срокам, полномочия участковых избиркомов уже были прекращены, а избирком области находился на территории Кировского округа. Судебной коллегией по гражданским делам областного суда определение было отменено. Судом не учтены, как то следует из текста жалобы С. Г. Л., что заявитель говорил о недействительности решений конкретных избиркомов, расположенных на определенных участках. Указанные в заявлении избирательные комиссии находились на территории Иркутского района. Следовательно, и жалоба была принята районным судом правомочно – с соблюдением правил подсудности [23, с. 389 – 394]. А срок истечения полномочий избиркомов в данном случае не может являться основанием для изменения территориальной подсудности. Тем не менее другой суд в похожей ситуации принял противоположное вышестоящему решению.

От кандидата на должность главы муниципального образования Н. П. К. поступило заявление в городской суд Иркутской области. В нем он просил признать суд незаконным бездействие территориального избиркома Братского района, которое выразилось в неосуществлении надлежащей проверки и приемки протоколов по итогам голосования, с нарушением сроков, а также приложенных к ним документов двух участковых комиссий. По мнению заявителя, в связи с этим итоги голосования на выборах были подведены на основе ненадлежащих протоколов.

Обращение в Братский городской суд Н. П. К. мотивировал нахождением избиркома района в г. Братске. Суд определил передать дело в Братский районный суд, так как, по мнению судьи, этот спор возник при организации и проведении выборов муниципального уровня и заявитель по факту оспаривает итоги голосования на конкретных избирательных участках.

Трудно сказать, какими реальными мотивами руководствовался суд, однако отметим необходимость приведения норм о подсудности, исходя из предмета спора указанного в заявлении, к общим правилам определения, каким судебным органом тот или иной спор рассматривается.

Проблема осложнена и тем, что с одной стороны, как на то указал Конституционный Суд Российской Федерации [19], право на защиту своих прав и интересов в суде есть универсальное правовое средство защиты прав и свобод человека и гражданина государством. Право действительно должно обеспечивать и восстанавливать права, в том числе и права избирательные. В соответствии с этим, федеральные законодатели, обладающие свободой усмотрения, обязаны учитывать при законотворчестве конституционно-правовую основу института выборов таким образом, чтобы они были эффективным средством защиты в судебных инстанциях. Очень важно остановиться на употреблении слова «эффективность» в рассматриваемом акте. Оспариваемая заявителем ст. 3 ГПК Российской Федерации предусматривает возможность требования компенсации. В данном случае законодатель исходил из гражданско-правового, обязательственного или деликтного понимания термина «компенсация», но если ГПК Российской Федерации регулирует процедуру споров, касающихся публичных отношений, как на то указал в рассматриваемом Постановлении Конституционный Суд Российской Федерации, то и компенсация в этом случае может иметь не столь узкое значение. Как таковая может выглядеть в избирательных спорах о сроках? По мнению автора, необходимо оттолкнуться от ч. 3. ст. 3 ГПК Российской Федерации, где законодателем предоставлено право по соглашению сторон обратиться в третейский суд. Законодатель может действовать по аналогии, учитывая публично-правовую природу избирательных споров. Если взглянуть на эту организационную проблему системно, с учетом необходимости эффективного разрешения спора во времени, то возможно дополнить статью 3 ГПК РФ указанием на рассмотрение избирательных споров, связанных со сроками особым органом.

Оспариваемая статья 4 ГПК Российской Федерации содержит немаловажное указание в части 2, касающееся права по заявлению лица возбудить дело «...в защиту прав, свобод и законных интересов другого лица, неопределенного круга лиц или в защиту интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований» [5]. Действительно, мы не можем исключить ситуацию, при которой член избирательной комиссии, считающий, что другие члены нарушают права кандидата, а тем самым и права граждан – избирателей, хочет соответствующим образом прореагировать. Умышленные действия избирательных комиссий, направленные

на то, чтобы кандидат нарушил сроки, не исключены. Здесь также требуется дополнение ч. 3. ст. 4 ГПК Российской Федерации, которое бы предоставляло право на заявление субъекту избирательного права оспаривать действие или бездействие других субъектов по вопросам избирательных прав.

Таким образом, возможное изменение и дополнение законодательства иначе заставит взглянуть и на смысл текста п. 1 ч. 1 ст. 134 ГПК Российской Федерации. В таком случае и у членов избирательных комиссий будет возможность подать заявление или жалобу в специальный орган. То же можно сказать и об оспариваемой в Конституционном Суде норме ст. 220 ГПК Российской Федерации. Именно указание в дополнении к статье 3 ГПК Российской Федерации на субъекты избирательного права дает возможность по-другому трактовать и оспариваемую статью 259 ГПК Российской Федерации. Политическая партия является субъектом избирательного права, а лицо, являющееся членом избирательной комиссии, обращаясь с заявлением в суд, защищает избирательное право граждан.

В заключении отметим: конечно, возможность обжаловать нарушения субъективных избирательных прав в судебном и в порядке их кассационного обжалования по избирательным спорам в полной мере соответствует конституционным гарантиям (ст. 45 Конституции Российской Федерации) государством защиты прав и свобод человека и гражданина. Однако, следует учитывать то, что принятие судебного решения по итогам рассмотрения избирательного спора, даже и не вступившего в законную силу, серьезно влияет на ход всей избирательной кампании. В такой ситуации нередко избирательная активность теряет свой потенциал, а избиратели испытывают апатию и безразличие к выборам вследствие того, что временные затраты на споры в рамках определения подсудности фактически не дают возможности восстановить сроки в рамках избирательного права. Именно сроки и неоднозначные правила подсудности могут стать инструментом использования права в целях обойти закон, оказать «услугу» конкретному кандидату или партии, «размыть» категорию закона, разрушить институт выборов.

Думается, что закрепление аналогичного правила в отношении всех видов подсудности споров, связанных со сроками в избирательном процессе, не только устранило бы факты существования юридической неопределенности избирательных действий и процедур, но и способствовало бы унификации последствий судебного рассмотрения избирательных споров.

Литература

1. Апелляционное определение Верховного суда Республики Алтай от 22.10.2014 по делу № 33-850 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
2. Апелляционное определение Суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 01.03.2012 г. по делу № 33-518 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
3. Апелляционное определение судебной коллегии по гражданским делам Новгородского областного суда от 07 ноября 2012г. Дело № 03-05м/6-33-1918 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
4. Воева И. Г. Опыт ОГАУ «Агентство информационных коммуникаций» в информационном обеспечении выборов в органы местного самоуправления в Единый день голосования 14 сентября 2014 года // СМИ в зеркале выборов: Материалы конференции. Великий Новгород: ИКНО, 2014. С. 27 – 32.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 31.12.2014) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2015. № 1 (часть I). Ст. 58.
6. Кассационное определение судебной коллегии по гражданским делам Тамбовского областного суда по делу № №33-2844 от 12.05.2012 г. [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
8. О Конституционном Суде Российской Федерации (редакция от 12.03.2014 г.). Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. 25.07.1994. № 13. Ст. 1447.; Собрание законодательства РФ». 17.03.2014. № 11. Ст. 1088.
9. Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления (редакция от 04.06.2014 г.). Федеральный закон от 26.11.1996. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 02.12.1996. № 49. Ст. 5497; Собрание законодательства РФ. 09.06.2014. № 23. Ст. 2931.
10. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (редакция от 24.11.2014 г.). Федеральный закон от 12.06.2002. № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 17.06.2002. № 24. Ст. 2253; Собрание законодательства РФ. 09.06.2014. № 23. Ст. 2931.
11. Определение Верховного Суда РФ от 07.05.2002 № 09-Г02-4 // Вестник Центризбиркома РФ, № 6, 2002 г. С. 5 – 10.
12. Определение Верховного Суда РФ от 23.08.2013 № 74-АПГ13-17 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
13. Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2014 № 92-АПГ14-15 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
14. Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2014 № 92-АПГ14-16 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
15. Определение Пермского краевого суда от 21.08.2013 г. по делу № 33-8894 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
16. Определение Приморского краевого суда от 27.03.2014 г. по делу № 33-3150 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
17. Определение Приморского краевого суда от 02.10.2014 по делу № 33-9190 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
18. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2006 года № 566Г06651 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
19. По делу о проверке конституционности статей 3, 4, пункта 1 части первой статьи 134, статьи 220, части первой статьи 259, части второй статьи 333 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, подпункта «з» пункта 9 статьи 30, пункта 10 статьи 75, пунктов 2 и 3 статьи 77 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», частей 4 и 5 статьи 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобами граждан А. В. Андропова, О. О. Андроновой, О. Б. Белова и других, Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации и регионального отделения политической партии СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ в Воронежской области. Постановление Конституционного Суда РФ от 22.04.2013 № 8-П // Собрание законодательства РФ. 06.05.2013. № 18. Ст. 2292.
20. Решение Верховного суда Республики Алтай от 02.09.2014 г. // СПС «Консультант Плюс». 2015.
21. Решение Московского областного суда от 11.07.2013 г. [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
22. Решение Темрюкского районного суда Краснодарского края от 29.08.2014 г. № 2-1687/14 [Документ опубликован не был] // СПС «Консультант Плюс». 2015.
23. Судебная практика рассмотрения избирательных споров: Сборник судебных постановлений: в 2 т. Т. 1. / сост. В. В. Игнатенко, А. В. Миронов, Э. И. Девицкий, В. Е. Подшивалов. Иркутск: Избирательная комиссия Иркутской области, 2006. 540 с.

Информация об авторе:

Евсеева Ольга Юрьевна – аспирант Российской Академии Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации, помощник судьи Арбитражного суда города Москвы, olgazayl@rambler.ru.

Olga Yu. Evseeva – post-graduate student at Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, assistant judge at the Arbitration Court of Moscow.

Статья поступила в редколлегию 30.01.2015 г.

**ОСВОБОЖДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ОТ УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ.
ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***В. А. Терентьева***EXEMPTION OF JUVENILES FROM CRIMINAL PUNISHMENT. HISTORICAL ASPECT***V. A. Terentieva*

Статья посвящена историческому развитию института освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних. В ней рассматривается процесс становления уголовной политики в отношении категории лиц, подлежащих особой охране, от появления особых мер до их распространения на категорию лиц, подлежащих уголовной ответственности, но не достигших совершеннолетия.

The paper is devoted to the historical development of the Institute of exemption of juveniles from criminal punishment. It examines the development of criminal policy towards the categories of special protection: from the introduction of special measures to their application to the category of persons subject to criminal liability who are underage.

Ключевые слова: освобождение от уголовного наказания несовершеннолетних.

Keywords: exemption of juveniles from criminal punishment.

Освобождение несовершеннолетних от уголовного наказания всегда выступало как выражение особого подхода к данной категории лиц. Историческая обусловленность, во-первых – это путь формирования такого подхода, а во-вторых – один из залогов будущей эффективности любого правового института. История развития института освобождения от уголовного наказания прошла длительный путь дифференциации и обособления от смежных институтов с одной стороны и распространению своего влияния на специфическую категорию лиц – несовершеннолетних.

Дореволюционный период развития института освобождения от уголовного наказания вообще и освобождения несовершеннолетних в частности происходил в условиях начавшейся кодификации норм уголовного права. Также это время укрепления государственности, связанное с усложнением государственного аппарата. Основными объектами защиты оставались государство и его устройство, а также семейные ценности. В данный период оформляются возрастные границы наступления уголовной ответственности, а также выделяется принцип ограниченности разума, ставший основанием применения воспитательных мер.

Уложение царя Алексея Михайловича, впервые обозначившее особый подход к несовершеннолетним: «если отрок 7 лет убьет, то он не повинен будет» – является истоком освобождения несовершеннолетних от уголовного наказания. Ранее это правило закреплялось в Новоуказной статье Сысского приказа 1666 год, ст. 79 [2, с. 8]. Ст. 6 Уложения гласила, что дети полностью подчинялись родительской власти. Власть родителей была неограниченна и включала в свои пределы даже физические наказания. Родители обладали правом наказывать своих детей розгами.

Необходимо отметить, что для всех этих случаев законодательство того периода оперирует термином «освобождение или оставление наказания», иные категории, будь то «освобождение от уголовной ответственности» или «обстоятельства, исключающие преступность деяния», не используются.

В петровский период признаки субъекта, в частности малолетство, безоговорочно признавалось основанием применения освобождения. В отношении этого субъекта законодателем выделяется такой критерий,

как возможность исправления через меры, принятые родителями. Артикул воинский признавал за такими малолетними ограниченность разума в отношении своих деяний. При этом круг мер, применяемых родителями, Артикул не ограничивал.

В конце XVII века, как указывает Н. Ю. Скрипченко, родители могли отдавать своих детей в смиренные дома внаем на срок до 5 лет [8, с. 16]. Данная норма свидетельствует почти о полной безграничности родительской власти. Позже в соответствии с Указом Екатерины II 1765 года при освобождении от наказания появились меры, являющиеся своего рода прототипом принудительных мер воспитательного воздействия, но применялись они только к лицам, не подлежащим уголовной ответственности. Так, младенцы до 10 лет отдавались помещикам (только если были крепостными) или родителям и не привлекались к уголовной ответственности. Таким образом, в этот период оформляется нижняя граница возраста, с которого наступает уголовная ответственность.

Свод законов, разработанный М. М. Сперанским в 1832 году, являвшийся кодифицированным актом, несмотря на всю свою прогрессивность для того времени, нового в вопрос возрастных пределов уголовной ответственности несовершеннолетних не внес. Но его вклад заключался в определении понятия и применения передачи несовершеннолетнего на исправление лицу. Свод законов 1832 года закрепил, что передача несовершеннолетнего на исправление лицу – это мера воспитательного воздействия, которая применялась только к лицам, не достигшим возраста уголовной ответственности. Передача под надзор и исправление происходила без суда и наказания.

Продолжает развитие института освобождения от наказания малолетних Уложение 1845 г. Так, в ст. 143 Уложения предписывается передавать под надзор родителей или родственников детей, совершивших преступления в возрасте от 7 до 14 лет, освобожденных от наказания в следствии отсутствия у них разума. Н. С. Таганцев называет эти меры мерами домашнего исправления, которые не являлись наказанием и были воспитательными [9, с. 27]. Возрастные границы несовершеннолетия определяются уложением следующим образом: к лицам от 7 до 10 лет применение этой меры

было возможно всегда, а от 10 до 14 лет – только при отсутствии у них разума [3, с. 174]. В данном нормативно-правовом акте меры, которые могли применяться теми, кому несовершеннолетний отдан под надзор, не определялись, поэтому можно сделать вывод, что строгость надзора и иных мер зависела от конкретного лица. В Уложении впервые в качестве прототипа принудительных мер воспитательного воздействия описывались исправительные приюты, заменяющие наказание для малолетних [3, с. 174].

С другой стороны, в этом документе произошло существенное усиление уголовной ответственности несовершеннолетних при повторном совершении преступления, поскольку Уложение 1845 г. в ст. 150 гласило, что малолетние в случае совершения ими нового преступного деяния наказывались как совершеннолетние [3, с. 203]. Это было условие, при котором привилегии несовершеннолетнего возраста теряли всякое значение, и соответственно не применялись принудительные меры воспитательного воздействия в существовавшем тогда варианте. При этом не раскрывались критерии рецидива, поэтому можно заключить, что это было совершение любого преступления после любого промежутка времени. Факт совершения преступления впервые как условие применения принудительных мер воспитательного воздействия существовал и до внесения изменений и в УК РФ 1996 г.

Уголовное уложение 1903 года стало новой ступенью эволюции института освобождения от наказания. Этот акт, повторяя нормы о передаче под надзор несовершеннолетних как вида освобождения от уголовного наказания, имеет в виду совершенно иную категорию лиц, а именно с 10 до 17 лет. Таким образом, констатируя полную несубъектность малолетних до 10 лет и распространяя привилегированные нормы на лиц в возрасте до 17 лет, Уголовное Уложение 1903 г. порождает дифференцированный подход к несовершеннолетним как к категории, нуждающейся в особой защите. Именно исходя из данного подхода, возникает возможность освобождения от уголовного наказания с помещением виновных мужского пола в воспитательно-исправительные учреждения, а девочек – в женские монастыри (ст. 41 Уложения)

Следующей вехой в развитии института освобождения от уголовного наказания становятся акты советского периода. Законотворчество данного этапа отрицало какое бы то ни было влияние дореволюционного права. Многими учеными советское право презюмируется как нечто совершенно отличное от прежнего нормотворчества. Опровержением такой позиции является восприимчивость норм освобождения от уголовного наказания и от уголовной ответственности несовершеннолетних.

Декрет СНК от 14 января 1918 г. «О комиссиях для несовершеннолетних» и Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. «О суде» (Декрет № 2) устанавливали, что несовершеннолетние не подвергаются уголовному преследованию. Именно Декрет «О суде» изменил подсудность дел с участием такой категории лиц и передал разрешение таких дел комиссиям по делам несовершеннолетних. Декрет «О комиссиях для несовершеннолетних» в свою очередь указывал, что комиссии не применяют уголовного наказания, а лишь освобождают от него либо с направлением в воспи-

тательное учреждение «убежище Народного комиссариата народного призрения» [7, с. 21].

Первые воспитательные и лечебно-воспитательные учреждения как форма освобождения от уголовного наказания были созданы уже в 1918 г. Это были приемники-распределители, детские дома, школы-коммун, институты трудового воспитания для особо трудных подростков, реформатории. Данные учреждения по существу реализуемых ими функций являются прототипами специальных учебно-воспитательных учреждений закрытого типа.

В Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. также закреплялось основание освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних. К данной категории лиц применялось воспитательное воздействие. Примечательно, что данный акт унаследовал дореволюционную трактовку основания освобождения несовершеннолетних, а именно – отсутствие у них разума. Это основание освобождения охватывало категорию лиц в возрасте до 14 лет, при этом подобные воспитательные меры применялись и в отношении субъектов от 14 до 18 лет. Однако для применения воспитательного воздействия у упомянутой категории должно было отсутствовать «разумение». Особый подход к несовершеннолетним проявлялся не только в смягчении репрессий для лиц, совершивших преступление, но и в заботе о несовершеннолетних вообще. Например, декретом СНК РСФСР от 4 января 1919 г. был создан Совет по защите детей, а декрет ВЦИК от 10 февраля 1921 года предусматривал создание Комиссии по улучшению жизни детей [6, с. 5 – 6].

По декрету от 4 марта 1920 г. «О делах несовершеннолетних, обвиняемых в общественно-опасных действиях» комиссии рассматривали дела о преступлениях, совершенных лицом до 18 лет. Несовершеннолетние подлежали уголовной ответственности, только если комиссии считали, что недостаточно одних только мер медико-педагогического воздействия для их исправления. Под эти случаи на практике попадали посягательства на жизнь, причинение тяжких ранений, изнасилование и другие опасные преступления [5, с. 179]. Формулировка: «если в отношении последних возможно медико-педагогическое воздействие» – была введена постановлением Наркомюста от 19 марта 1920 г. Она заменила собой дореволюционный термин «не имеющие разума». Произошло изменение политики в отношении несовершеннолетних, так как для применения оснований освобождения от уголовного наказания, уже не требовалось отсутствие разума – то есть, по сути, отсутствие признаков субъекта.

В 1920 г. была принята Инструкция комиссиям по делам несовершеннолетних, утвержденная совместным постановлением Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомюста [4]. Она в п. 16 предусматривала следующие воспитательные меры для лиц, не достигших 18 лет: беседа, замечание, разъяснение, внушение и оставление на свободе под присмотром родителей и родственников, определение на работу, помещение в школу, отправка на родину, помещение в детский дом, в лечебницу для трудновоспитуемых, в специальные психические лечебницы, в дома для морально-дефектных подростков.

Следующим нормативно-правовым актом, внесшим изменения в правовое положение несовершеннолетних, стал Уголовный кодекс 1922 г. При общей тен-

денции к увеличению сферы применения и видов освобождения от уголовной ответственности УК РСФСР 1922 г., оставляя принцип неприменения к несовершеннолетним, не достигшим 14 лет, наказания вследствие отсутствия у них разума, снизил максимальный возраст, при котором возможно освобождение с применением воспитательных и медико-социальных мер. В силу применения ст. 18 УК РСФСР 1922 г. теперь подвергать таким мерам вместо наказания можно несовершеннолетних только до 16 лет. Ранее данная граница была 18 лет, и устанавливали ее Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. Данная категория подвергалась уголовной ответственности только в исключительных случаях, когда указанные меры не дали результата. В указанный период принудительными мерами воспитательного характера являлись: беседы, внушения, разъяснения, учреждение опеки комиссии по делам несовершеннолетних, передача в школу.

Дальнейшее совершенствование УК РСФСР 1922 г., осуществлявшееся Декретом ВЦИК от 27 июля 1922 г. «О дополнении ст. 33 Общей части УК», оно исключило применение к несовершеннолетним, не достигшим в момент совершения преступления 18-летнего возраста, высшей меры репрессии. Впоследствии Постановление от 11 ноября 1922 г. «Об изменениях и дополнениях уголовного кодекса РСФСР» дополнило указанный акт ст. 18а и 18б. «18а. Для несовершеннолетних от 14 до 16 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на половину (1/2) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела».

«18б. Для несовершеннолетних от 16 до 18 лет налагаемое судом наказание подлежит обязательному смягчению на одну треть (1/3) против наивысшего установленного соответствующими статьями предела».

Такая ситуация, когда одно и то же обстоятельство (несовершеннолетние лица) рассматривается в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, и в качестве основания для освобождения от него, характерна для начального этапа развития советского уголовного права.

Следующий из анализируемых документов – Уголовный Кодекс РСФСР 1926 г. – примечателен подходом к вопросу снижения уголовного наказания несовершеннолетним. Указанный нормативно-правовой акт предусматривал возрастное деление категории несовершеннолетних в ст. 50, которое обуславливало снижение уголовного наказания. Категории несовершеннолетних от 14 до 16 лет наказание снижалось наполовину, а от 16 до 18 лет – на одну треть. Примечательно, что такое снижение было возможно только в отношении 2-х наказаний, а именно лишения свободы и принудительных работ. Наряду с прогрессивными изменениями советский период характеризуется и ужесточением уголовной ответственности несовершеннолетних, так изменения 1935 года, исключившие ст. 50 из УК РСФСР 1926 г. предусмотрели понижение минимального возраста ответственности до 12-летнего возраста.

Преимуществом положений Основ 1958 г., касающихся правового положения несовершеннолетних преступников в целом и освобождения их от уголовного наказания в частности, была и в УК РСФСР 1960 г. Законодательство ориентировало правоохранительные

органы на преимущественное применение мер воспитательного характера, а не уголовного наказания в случаях совершения несовершеннолетними преступления, не представляющего большой общественной опасности (часть 3 статьи 10 Основ). Аналогичное положение содержалось в частях 3 и 4 статьи 10 УК РСФСР 60 года. В ст. 63 Основ приводился перечень мер воспитательного характера. При сравнительном анализе статей 90, 92 УК РФ 1996 г. и ст. 63 УК РСФСР 1960 г. видно, что в УК РСФСР 60 года было семь видов принудительных мер воспитательного характера, четыре сохранились в действующем законодательстве. Согласно пункту 6 статьи 63 УК РСФСР 1960 г. в качестве одной из принудительных мер воспитательного характера предусматривалась передача несовершеннолетнего под наблюдение трудового коллектива, общественной организации или отдельному гражданину, либо назначение общественного воспитателя в соответствии с Положением об общественных воспитателях несовершеннолетних. Некоторые ученые считают ее исчезновение необоснованным. «Особенно критически воспринимается нами отсутствие в действующем УК РФ такой ранее действовавшей принудительной меры воспитательного характера, как «передача несовершеннолетнего под наблюдение трудовому коллективу, общественной организации, с их согласия, а также отдельным гражданам по их просьбе» [1]. В этот период оформляется такая принудительная мера воспитательного воздействия, как помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения.

С середины 60-х гг. направление в специальные учебные учреждения осуществлялось по решению специальных комиссий по делам несовершеннолетних. Данные учреждения были представлены специальными школами и специальными профессионально-техническими училищами закрытого типа. Законодательство предусматривало, что помещение несовершеннолетних в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа могло осуществляться в случае совершения ими общественно опасных деяний, а также в случае систематического нарушения правил общественного поведения, например, при бродяжничестве, уклонении от учебы, употреблении спиртных напитков, аморальном поведении. Для данного периода характерны противоречивые тенденции, с одной стороны, и все большая детализация принудительных мер воспитательного воздействия с другой. Именно в этот период появляется помещение в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа, сходное по своему содержанию с современной ч. 2 ст. 92 УК РФ.

Все выше сказанное служит основанием для определения института освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних как исторически обоснованного. В истории права четко прослеживается тенденция к ограничению малолетних (действующих без разума) от несовершеннолетних и распространение на последних привилегированных норм. Постепенное развитие и дифференциация не только видов освобождения, но и самого основания применения особого подхода к несовершеннолетним позволяют проанализировать тенденции современного уголовного права и предсказать дальнейшие пути его развития.

Литература

1. Астемирова М. А. Эволюция института освобождения от уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский следователь. 2006. № 12. С. 15 – 18.
2. Гуревич С. А. Ответственность юных преступников по русскому законодательству // Дети-преступники: сб. статей / под ред. М. Н. Гергенета. М., 1912.
3. Законодательство первой половины XIX века / под ред. О. И. Чистякова. Т. 6. М.: Изд-во Юридическая литература, 1988.
4. Инструкция, утвержденная постановлением Наркомпроса, Наркомздрава, Наркомюста // СУ РСФСР. 1920. № 68. Ст. 308.
5. Корнилов А. В. Возраст уголовной ответственности несовершеннолетних по дореволюционному и советскому уголовному законодательству // Актуальные вопросы формирования правовой системы России: сб. материалов научно-практической конференции. Томск: Издательство Томского университета, 2003.
6. Орлов В. С. Подросток и закон. М., 1972.
7. Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР 1917 – 1952 гг.; сост. А. А. Герцензон; под ред. И. Т. Голякова. М., 2006.
8. Скрипченко Н. Ю. Применение принудительных мер воспитательного воздействия в отношении несовершеннолетних (по материалам Архангельской области): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002.
9. Таганцев Н. С. Исследования об ответственности малолетних преступников по русскому праву. СПб., 1871.

Информация об авторе:

Терентьева Валерия Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии КемГУ, terent@list.ru.

Valeria A. Terentieva – Candidate of Law, Assistant Professor at the Department of Criminal Law and Criminology, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 08.12.2014 г.

УДК 342.4

ЮРИДИЧЕСКИЕ ОБЯЗАННОСТИ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИИ

В. П. Щенников, Н. В. Анциферов

LEGAL OBLIGATION IN THE CONSTITUTION

V. P. Shchennikov, N. V. Antsiferov

Статья посвящена вопросу юридических обязанностей в системе конституции. При этом юридическая обязанность является ключевой категорией для любой отрасли права. Юридические обязанности именно конституционного характера имеют особое социально-правовое значение, учитывая фундаментальный характер положений конституции. В статье рассмотрены вопросы закрепления юридических обязанностей в конституции на примере исторического материала и действующего российского Основного закона, выявлены виды юридических обязанностей, характерные для конституционного регулирования.

This study examines legal responsibilities in the constitution. Legal obligation is the key category of any branch of law. Legal duties of constitutional nature are of particular socio-legal significance, given the fundamental nature of the provisions of the constitution. The paper deals with securing legal duties in the constitution as an example of historical material and the current Russian Basic Law, the authors identify the types of legal obligations that are typical of constitutional regulation.

Ключевые слова: юридическая обязанность, конституция, конституционная обязанность.

Keywords: legal obligation, constitution, constitutional responsibilities.

Юридическая обязанность, представляя собой меру должного поведения, является необходимым элементом механизма правового регулирования. «Обязанности являются необходимым элементом взаимодействия государства, общества и личности, без них невозможны ни сбалансированная правовая система, ни эффективное правовое регулирование, ни четкий правопорядок, ни должный уровень законности, ни другие проявления состояний общественной жизни. Они – неперемнное условие нормального функционирования институтов демократии, управления произ-

водственными процессами, поддержания устойчивости и стабильности в обществе» [10, с. 8].

С учетом изложенного очевидно, что юридическая обязанность является ключевой категорией любой отрасли права. Конституционное право, естественно, не является исключением. Более того, широта его предмета, круг субъектов, место в системе правового регулирования определяют особенное социально-правовое значение таких (конституционных) обязанностей, что сочетается с их многообразием, специфической закрепления и реализации.

В связи с этим неудивительно, что закрепление юридических обязанностей на конституционном уровне характерно как для современного этапа развития общества, так и имело место в актах предыдущих периодов конституционно-правового и социального развития. Обязанности содержались уже в первых конституционных текстах. Однако в процессе конституционно-правового развития объем закрепляемых юридических обязанностей и подробность их регламентации существенно возросли. Это обусловлено в значительной степени преодолением понимания конституции как средства ограничения произвола власти, расширением функций конституции, усилением её общесоциального, регулирующего назначения. Анализ конституционных текстов различных эпох позволяет выявить определённую эволюцию в практике закрепления юридических обязанностей.

Конституции первой волны содержали ограниченный объём юридических обязанностей, которые в основном соотносились с необходимостью ограничения государства по отношению к личности, либо регламентацией соотношения полномочий различных субъектов публичной власти.

Так, Конституция США 1787 г. изначально содержала прямые указания на ряд пассивных обязанностей в отношении деятельности властей, в первую очередь Конгресса, посредством запрета на принятие биллей об опале или законов *ex post facto*, установление подушных податей или иных прямых налогов иначе как в соответствии с переписью или исчислением населения, обложение налогом или пошлиной товаров, вывозимых из любого штата и др. Ряд пассивных обязанностей был установлен в отношении деятельности штатов. К таковым относится запрет заключать какой-либо договор, вступать в союз или конфедерацию, выдавать удостоверения на каперство и репрессалии, чеканить монету, выпускать кредитные билеты, уплачивать долги чем-либо, кроме золотой или серебряной монеты, принимать билли об опале, законы *ex post facto* или законы, нарушающие договорные обязательства, либо жаловать дворянские титулы и пр. Применительно к деятельности судов Конституцией установлено, что «Никто не может быть осужден за государственную измену, кроме как на основании показаний двух свидетелей об одном и том же очевидном деянии или же собственного признания на открытом заседании суда». Конституция США не ограничивалась установлением пассивных обязанностей (хотя такая форма обязанностей являлась преобладающей). Так, раздел 4 статьи IV предусматривает активную обязанность, выражающуюся в том, что «Соединённые Штаты гарантируют каждому штату в настоящем Союзе республиканскую форму правления и защищают каждый из них от вторжения, а по ходатайству законодательного собрания или исполнительной власти (когда законодательное собрание не может быть созвано) и от внутреннего насилия». Предусматривает Конституция США и обязанности конкретных лиц, являющихся членами представительных органов, должностных лиц исполнительных и судебных органов, устанавливая, что они, давая присягу или торжественное обещание, обязуются поддерживать Конституцию (статья VI) [2].

Конституция Франции 1791 г., имеющая больший объём и детализацию регулирования деятельности субъектов публичной власти, предусматривает более подробный каталог в целом более конкретных конституционных обязанностей, относящихся к деятельности органов публичной власти. В частности, к таким обязанностям относится обязанность сделать выбор между занимаемой должностью и депутатским полномочием в случае избрания (пункт 4 Отдела III Главы первой); обязанность министра ежегодно представлять законодательному корпусу в начале его сессии смету расходов по своему ведомству, давать отчёт о расходовании ассигнованных по этому ведомству сумм и предупреждать злоупотребления, могущие возникнуть в различных отраслях подведомственного ему управления (пункт 7 раздела IV Главы второй); обязанность исполнительной власти сообщать законы частям управления и судам, удостоверить это сообщение и ставить о них в известность законодательный корпус (пункт 1 Отдела V Главы четвёртой). Содержит рассматриваемая французская конституция и значительное число пассивных конституционных обязанностей. К таковым относится, в частности, запрет гражданам появляться и подавать голос в собрании, если он вооружён (пункт 2 Отдела IV Главы первой); недопустимость исполнения приказа короля, если он не подписан им и не скреплён министром или распорядителем кредитов соответствующего ведомства (пункт 4 Отдела IV Главы второй); запрет исполнительной власти допускать прохода или размещения каких-либо линейных войск на расстоянии трёх тысяч туазов от законодательного корпуса помимо его требования или без его разрешения (пункт 5 Отдела I Главы третьей), запрет избирателям на выдачу наказов представителям, избранным по департаментам (пункт 7 отдела III главы первой) [3].

В целом юридические обязанности, предусмотренные в конституциях первой волны, ориентированы на институты публичной власти, выступающие в качестве субъектов соответствующих обязанностей.

Дальнейшее конституционное развитие характеризовалось расширением предмета конституционного регулирования за счёт включения в него новых категорий общественных отношений, изменения правового статуса личности, в том числе за счёт появления на конституционном уровне социально-экономических прав, отнесения к кругу субъектов правового регулирования общественных объединений. В то же время конституционные тексты до XX века в целом соответствовали логике первых конституций по вопросу о закреплении конституционных обязанностей.

Личность (человек и гражданин) как субъект конституционных обязанностей утвердилась в конституциях современного этапа конституционно-правового развития. Более того, многие конституции стали содержать категорию обязанностей личности в наименованиях крупных структурных элементов конституций (частей, глав). «XX в. утвердил в общественном развитии постулат о том, что ... обязанности вытекают из факта социального бытия человека и в единстве с правами образуют ныне универсальный принцип демократической организации общественной жизни. Об этом свидетельствует и конституционная практика ряда современных государств, причем не только мо-

лодой демократии (Азербайджан, Болгария, Венгрия и др.), но и государств, которые имеют давние демократические традиции. Так, ч. 1 Конституции Италии 1947 г. называется «Права и обязанности граждан», гл. III действующей Конституции Японии – «Права и обязанности народа», ч. 1 Конституции Испании 1978 г. – «Об основных правах и обязанностях» [11, с. 144 – 145].

Существенный интерес имеет практика конституционного закрепления юридических обязанностей в советский период развития нашей страны.

Конституция РСФСР 1918 г. не содержит развитого каталога юридических обязанностей. В то же время нельзя не отметить прямо предусмотренную обязанность граждан трудиться (Статья 18 Конституции), а также всеобщую воинскую повинность (Статья 19 Конституции). Иные, в целом немногочисленные предусмотренные данной конституцией обязанности, имеют отношение к деятельности органов публичной власти, носят пассивный или неявно выраженный характер. Так, в соответствии со статьей 83 Конституции «Ни один расход из средств государственного казначейства не может быть произведен без установления на него кредита в росписи государственных доходов и расходов или путем издания особого постановления центральной власти». Согласно статье 39 «О всех своих постановлениях и решениях Совет Народных Комиссаров немедленно сообщает Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету Советов» [4].

Конституция СССР 1924 г. в целом сохранила подход республиканской конституции 1918 г. в отношении правового закрепления юридических обязанностей в том смысле, что не предусматривала обширного их каталога. К числу предусмотренных данной конституцией обязанностей может быть отнесена общая обязанность соблюдать все декреты, постановления и распоряжения, издаваемые Центральным Исполнительным Комитетом. Конституция в принципе «не содержала общесоюзного стандарта прав и обязанностей граждан». Применительно к положениям Глав первой и второй определение конституционно-правового статуса личности относилось к ведению союзных республик [5]. Если обратиться к Конституции РСФСР 1925 г., то аналогично Конституции РСФСР 1918 г. она закрепляет обязанность трудиться и воинскую повинность [6].

Конституция СССР 1936 г. существенно отличается в вопросе закрепления юридических обязанностей от ранее действовавших Основных законов. Новая конституция предусмотрела специальную главу «Основные права и обязанности», содержащую достаточно широкий каталог основных обязанностей граждан. Наряду с ранее закреплявшейся на конституционном уровне обязанности трудиться (статья 12 Конституции), в Конституции были предусмотрены обязанности соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития; беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность; всеобщая воинская обязанность; обязанность по защите Отечества. Применительно к обязанностям, субъектами которых являются институты публичной власти, статьей 51 предусмотрена обязанность всех учреждений и

должностных лиц выполнять требования следственных и ревизионных комиссий Верховного Совета СССР по любому вопросу, предоставлять им необходимые материалы и документы. Статьей 52 установлена пассивная обязанность соответствующих органов и должностных лиц не привлекать к судебной ответственности депутатов Верховного Совета СССР без согласия Верховного Совета СССР, а в период между сессиями Верховного Совета СССР – без согласия Президиума Верховного Совета СССР [7].

В Конституции СССР 1977 г. нашло отражение дальнейшее развитие конституционно-правовой регламентации юридических обязанностей. Каталог обязанностей личности расширился, а регламентация обязанностей стала более подробной. Глава 7 «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР» стала более объемной по отношению к аналогичной главе Конституции 1936 г. Наряду с изменением ряда акцентов и формулировок в отношении обязанностей (в ряде случаев использован термин «долг»), закреплённых и в ранее действовавшей конституции, новый Основной закон закрепил и ряд новых – уважать национальное достоинство других граждан, укреплять дружбу наций и народностей Советского многонационального государства; уважать права и законные интересы других лиц, быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка; заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества; заботиться о родителях и оказывать им помощь; беречь природу, охранять её богатства; заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей; содействовать развитию дружбы и сотрудничества с народами других стран, поддержанию и укреплению всеобщего мира. Кроме того, Конституцией была предусмотрена пассивная обязанность, выраженная формулой «Никто не вправе использовать социалистическую собственность в целях личной наживы и в других корыстных целях». Кроме того, Конституция 1977 г. закрепляла ряд общих обязанностей и обязанностей, субъектом которой являются институты публичной власти, общественные объединения. Так, статьей 4 было предусмотрено, что Советское государство, все его органы обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан, а государственные и общественные организации, должностные лица обязаны соблюдать Конституцию СССР и советские законы. А согласно статье 12 Конституции «Колхозы, как и другие землепользователи, обязаны эффективно использовать землю, бережно относиться к ней, повышать её плодородие». В целом рассматриваемая конституция содержала также множество в общем плане сформулированных положений, которые могут быть квалифицированы как отражающие обязанности государства, в том числе по способствованию усилению социальной однородности общества; по заботе об улучшении условий и охране труда; обеспечения безопасности и обороноспособности страны и пр. [8].

Для действующих в настоящее время конституций (конституционной практики) характерно прямое закрепление широкого круга юридических обязанностей различных субъектов. Сущность современного конституционно-правового регулирования, соотносящая

ся со свойствами конституции как таковой, в значительной степени определяет специфику конституционных обязанностей, сферу (потенциал) их правового охвата. Являясь основным законом, конституция – «главный источник национального права, ядро всей правовой системы... конституция предусматривает сферы общественных отношений, подлежащие правовому регулированию» [9, с. 63]. Применительно к этому, конституционное право как правовая «отрасль отраслей» содержит правовые установления, относящиеся в той или иной степени ко всем сферам правового регулирования, и, соответственно может предусматривать юридические обязанности столь же широкого охвата. Верховенство как свойство конституции предопределяет особое значение конституционных обязанностей для реализации права, их формально-юридический приоритет по отношению к подконституционным нормам. А ориентационное значение конституции, ее стабильность определяет и социально-правовую базисность конституционных обязанностей.

Правовой демократический социальный характер российского государства ориентирует в отношении круга и характера конституционных обязанностей, раскрытию объема которых способствует их классификация по ряду оснований.

Сущность конституционных обязанностей во многом определяется субъектом, на который данная обязанность возложена, поэтому в первую очередь полагаем необходимым классифицировать конституционные обязанности по соответствующему основанию. По субъекту конституционных обязанностей можно выделить общие обязанности, обязанности человека и гражданина, обязанности субъектов публичной власти.

К общим обязанностям относятся те из них, которые носят универсальный характер и распространяются на всех социальных субъектов, независимо от относимости к институтам публичной власти. К таковым относится, прежде всего, обязанности по исполнению действующих нормативных правовых актов. Так, ч. 2 ст. 15 Конституции РФ предусмотрена обязанность соблюдать Конституцию и законы, ч. 2 ст. 90 – обязанность исполнять указы и распоряжения Президента РФ, а ч. 2 ст. 115 – постановления и распоряжения Правительства РФ [1].

Конституция РФ содержит достаточно обширный каталог обязанностей человека и гражданина, который включает обязанности уплачивать законно установленные налоги и сборы, сохранять природу и окружающую среду, беречь памятники истории и культуры и др. Необходимо отметить, что круг обязанностей данного каталога зачастую отождествляется с понятием конституционных обязанностей в целом (с чем, впрочем, нельзя согласиться).

Правовое демократическое государство является носителем обязанностей, вытекающих из правовой природы соответствующего государства как института осуществления народного суверенитета. Применительно к этому Конституция РФ закрепляет обязанности государства как такового. В частности, в статье 2 Конституции РФ установлено, что «признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В то же время, как обоснованно отмечает Б. С. Эбзеев, «...трансфор-

мация обязанностей государства связана с особенностями конституционного регулирования общественных отношений, имеющего по крайней мере два уровня. Конституционные нормы имеют своим адресатом не только граждан – носителей прав и обязанностей, но и народ, государство в целом, государственные органы и общественные организации, должностных лиц, которые, как и участники всяких правоотношений, также обладают взаимными правами и обязанностями. Это особые, общерегулятивные правоотношения. Они носят общий характер и обуславливают характер обязанностей и прав их субъектов и устанавливают правовые состояния последних. Однако в процессе последующего конституционного и отраслевого регулирования обязанности государства и его органов конкретизируются и выступают уже в качестве обязанностей органов государства и местного самоуправления и их должностных лиц, ибо непременное условие такого регулирования – персонификация юридической ответственности; без такой персонификации проблема обязанностей государства имеет только морально-политическое значение, поскольку им якобы не противостоят права соответствующих субъектов» [11, с. 96 – 97]. Уже Конституция содержит положения, развивающие общие обязанности государства, определяя, хотя и в общем плане, субъектов и механизмы реализации таких обязанностей.

Нужно учитывать, что существенную социально-правовую роль играют не только конституционные обязанности в отношениях «личность (отдельные субъекты общества) – публичная власть», но и «внутренние», организационные конституционные обязанности, в том числе в рамках отношений субъектов публичной власти между собой. Указанные обязанности непосредственно соотносятся с механизмом организации публичной власти, эффективностью ее функционирования, в том числе в вопросе обеспечения реализации конституционных обязанностей государства перед личностью. В то же время такие обязанности сформулированы в Конституции РФ в основном непрямым образом посредством установления полномочий, механизмов реализации и оценки деятельности субъектов публичной власти. Однако, подобная форма закрепления конституционных обязанностей не свидетельствует о несущественной роли либо ограниченности применения данной группы обязанностей, а лишь обращает внимание на их особенности в системе конституционного права.

Важным для понимания объема конституционных обязанностей является их классификация по характеру исполнения. В данном случае могут быть выделены активные и пассивные обязанности. К активным обязанностям относятся те, исполнение которых предполагает совершение тех или иных действий. К пассивным – исполнение которых осуществляется несовершением запрещенных законом действий, форм поведения. К группе активных конституционных обязанностей относятся, в частности, обязанности по уплате законно установленных налогов и сборов; обязанность публичных органов обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы; обязанность Правительства РФ по представ-

лению Государственной Думе РФ ежегодных отчетов о результатах своей деятельности. К пассивным конституционным обязанностям могут быть отнесены, в частности, обязанности не осуществлять экономическую деятельность, направленную на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; не подвергать никого пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. В контексте активных и пассивных обязанностей уместно говорить о комплексных обязанностях, включающих активные и пассивные элементы. В частности, предусмотренная ст. 2 Конституции обязанность по признанию, соблюдению и защите прав и свобод человека и гражданина включает необходимость как активной деятельности по формированию соответствующих механизмов, так и обязанность по недопущению нарушения прав и свобод в деятельности самого государства.

По источнику установления конституционные обязанности обоснованно подразделить на обязанности, предусмотренные Конституцией и обязанности, установленные подконституционными актами. Зачастую, конституционные обязанности, предусмотренные подконституционными актами, непосредственно развивают обязанности, предусмотренные Конституцией. Однако, в ряде случаев такие обязанности не могут быть непосредственно соотнесены с конкретной обязанностью, вытекающей из Конституции РФ (характерные примеры – обязанности в сфере избирательного права, в рамках правового регулирования деятельности органов государственной власти и местного самоуправления).

В целом юридические обязанности в системе конституции вызывают существенный интерес, так как являются одним из важных инструментов, обеспечивающих реальное действие Конституции и конституционного права в целом.

Литература

1. Конституция Российской Федерации // РГ. № 237. 25.12.1993.
2. Конституция США. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnstUS.htm> (дата обращения: 01.01.2015).
3. Конституция Франции. 3 сентября 1791 г. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1791.htm>. (дата обращения: 02.05.2014).
4. Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Советской Республики. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 года. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения: 03.05.2014).
5. Основной закон (Конституция) Союза Советских Социалистических Республик. Принят второй сессией ЦИК СССР первого созыва 6 июля 1923 года и в окончательной редакции II съездом Советов СССР 31 января 1924 года. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1924.htm> (дата обращения: 03.05.2014).
6. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.). Режим доступа: http://base.-garant.ru/185477/1/#block_11100
7. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических республик. Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1936.htm>
8. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 03.05.2014).
9. Сравнительное конституционное право: учебное пособие / отв. ред. В. Е. Чиркин. М.: Междунар. отношения, 2002. 448 с.
10. Хохлова Е. М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. 169 с.
11. Эбзеев Б. С. Личность и государство в России: взаимная ответственность и конституционные обязанности. М.: Норма, 2007. 384 с.

Информация об авторах:

Щенников Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии КемГУ, olga_n@kemsu.ru.

Vladimir P. Shchennikov – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy Kemerovo State University.

Анциферов Николай Викторович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного и муниципального права РУДН, Москва, nvanciferov@yandex.ru.

Nikolay V. Antsiferov – Candidate of juridical sciences, the senior instructor of the department of constitutional and municipal right IS ORE, Moscow.

Статья поступила в редколлегию 19.01.2015 г.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Для публикации в журнале «Вестник КемГУ» принимаются статьи, в которых отражаются результаты актуальных фундаментальных и прикладных научных исследований, передовых наукоемких технологий, научных и научно-методических работ, посвященных проблемам высшего образования и развитию науки в высшей школе, соответствующие тематике журнала, и ранее не опубликованные ни в каких других изданиях. Представленный к публикации материал может иметь разнообразный характер: от постановки проблемных теоретических вопросов, предложений разработки новых направлений в науке до анализа результатов конкретных исследований.

Предоставляя статью для публикации в журнале «Вестник КемГУ», автор тем самым выражает свое согласие на передачу права на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

Статьи принимаются в соответствии с перечнем научных направлений ВАК:

01.00.00	Физико-математические науки	10.00.00	Филологические науки
02.00.00	Химические науки	12.00.00	Юридические науки
03.00.00	Биологические науки	13.00.00	Педагогические науки
05.00.00	Технические науки	19.00.00	Психологические науки
07.00.00	Исторические науки и археология	22.00.00	Социологические науки
08.00.00	Экономические науки	23.00.00	Политология
09.00.00	Философские науки	25.00.00	Науки о земле

ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА В РЕДАКЦИЮ

1. Текст статьи представляется в редакцию на русском языке, на электронном носителе, проверенном на отсутствие вирусов, в виде файла с расширением .doc, построенного средствами Microsoft Word 97-2007, и одного печатного экземпляра на стандартных листах формата 210×297 мм. Иногородние авторы могут представлять указанные материалы по электронной почте vestnik@kemsu.ru. Электронная версия должна быть идентична распечатанному тексту, в случае расхождения, за основу берется печатный вариант.

2. Рекомендуемый объем статьи, включая аннотацию и список литературы, 16 – 25 тыс. знаков без пробелов.

3. Авторам материалов естественнонаучного направления необходимо дополнительно предоставить экспертное заключение¹ о возможности опубликования в открытой печати.

4. Все статьи, поступившие в редакцию, проходят рецензирование, где анализируются актуальность темы, научная новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащенность научным аппаратом, качество иллюстративного материала, и публикуются по решению редакционной коллегии журнала.

5. Редакция имеет право проводить сокращения и редакционные изменения текста рукописей.

6. Работы общественно-публицистического характера к рассмотрению и публикации не принимаются.

7. Представленные статьи могут быть возвращены автору на доработку или отклонены из-за несоответствия профилю журнала, неприемлемого объема, отрицательного итога экспертизы или несоблюдения правил оформления. Рукописи, не принятые к публикации, авторам не высылаются. Гонорар за опубликованные статьи не выплачивается.

8. Не допускается свыше двух статей одного автора в одном номере журнала.

9. Статьи аспирантов печатаются в журнале бесплатно при наличии справки из отдела аспирантуры и рекомендации научного руководителя.

10. Статьи включаются в выпуск только после положительного решения редколлегии и предоставления копии платежного документа в редакцию журнала.

11. Представление оригинальной статьи к публикации в «Вестнике КемГУ» означает согласие авторов на передачу права автора на воспроизведение, распространение и доведение до всеобщего сведения любым способом.

СТРУКТУРА СТАТЬИ

1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).
2. Название статьи.
3. Инициалы и фамилия автора (авторов).
4. Аннотация/реферат.
5. Ключевые слова.
6. Текст статьи с таблицами, рисунками, формулами.

¹ Форма экспертного заключения в формате .pdf представлена на [сайте издания](#)

7. Список литературы.

8. Публикуемые сведения об авторе (авторах): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание; должность, место работы; служебные телефоны, адрес электронной почты (e-mail).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Текст набирается без форматирования и нумерации страниц, с учетом абзацев и особых указаний в требованиях к оформлению статей.

2. Последовательность элементов оформления – в соответствии со структурой статьи.

3. Заголовок статьи (не более 3 строк) необходимо предоставить на русском и английском языках.

4. Инициалы и фамилия автора (авторов) – через запятую.

5. Статья должна быть снабжена аннотацией² на русском и английском языках. **Аннотация к статье должна быть:** информативной (не содержать общих слов); оригинальной; содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); структурированной (следовать логике описания результатов в статье); компактной (укладываться в объем от 120 до 250 слов). **Аннотация должна включать следующие аспекты содержания статьи:** предмет, цель работы; метод или методологию проведения работы; результаты работы; область применения результатов; выводы.

6. Статья должна быть снабжена ключевыми словами на русском и английском языках (рекомендуемое количество ключевых слов – 5–7).

7. При вставке формул использовать только Microsoft Equation 3.0 (встроенный редактор формул Microsoft Office), расположение формул на странице – по центру. Нумеровать рекомендуется лишь формулы, на которые имеются ссылки.

Например:

$$J_q^+ : q = \begin{cases} \operatorname{Re}(z_1 / z_2)i + \operatorname{Im}(z_1 / z_2)j + \\ + \frac{|z_1|^2 - |z_2|^2}{|z_1|^2 + |z_2|^2}k \mid z_2 \neq 0, \\ k \mid z_2 = 0. \end{cases} \quad (12)$$

8. Рисунки и подписи к ним располагаются непосредственно в тексте. Рисунки должны иметь формат .jpg, допускать перемещение в тексте и возможность уменьшения размеров, в черно-белой палитре.

9. Объекты, созданные средствами Microsoft Office, должны допускать возможность редактирования.

10. Таблицы нумеруются, если их число более одной.

11. Ссылки на цитированную литературу приводятся в квадратных скобках в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «СИБИД. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

Например:

Ссылка на полный текст документа [6].

Ссылка на фрагмент текста документа или статью в периодическом издании [6, с. 24–28].

12. Список литературы располагается после текста статьи, нумеруется (начиная с первого номера) в алфавитном порядке, предваряется словом «Литература» и оформляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «СИБИД. Библиографическая запись. Библиографическое описание. Общие требования и правила составления». Под одним номером допустимо указывать только один источник.

13. Сокращения в тексте – по ГОСТ 7.0.12-2011 «СИБИД. Библиографическая запись. Сокращение слов на русском языке. Общие требования и правила». Допускается использование аббревиатур.

14. Примечания и сноски оформляются непосредственно в **тексте** в круглых скобках курсивом.

Например: текст (*Прим. автора: текст примечания*).

15. Внедренные шрифты, используемые в тексте статьи, предоставляются отдельными файлами.

16. На последней странице статьи указываются публикуемые сведения об авторах **на русском и английском языках**: полное название учреждения, где выполнено исследование; фамилии, имена и отчества авторов полностью; ученая степень, звание, должность, место работы, номера контактных телефонов, адрес электронной почты всех авторов.

17. На последней странице статьи должны быть подписи всех авторов.

РЕКВИЗИТЫ РЕДАКЦИИ

Адрес: 650043, Кемерово, ул. Красная, 6, оф. 2125
Телефон: (3842) 58-13-01
Факс: (3842) 58-38-85
Электронный адрес: vestnik@kemsu.ru
Адрес в Интернет: <http://vestnik.kemsu.ru>

² Рекомендации по составлению аннотации (реферата) к статье размещены на [сайте издания](#).

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Минимальный период подписки – 3 месяца (1 выпуск).

Подписка проводится через отделения связи по каталогу «Пресса России» – подписной индекс 42150

Стоимость подписки указана в каталоге.

Редакция журнала приглашает авторов к сотрудничеству

Подробная информация на сайте издателя:

<http://vestnik.kemsu.ru>

Редакторы выпуска:

Н. С. Якимова, Л. С. Старикова, В. П. Долгих

Компьютерная верстка – В. А. Шерина

Подписано к печати 02.02.2015 г. Формат А 4.

Дата выхода в свет 24.03.2015 г.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy. Усл. печ. л. – 32,25. Уч.- изд. л. – 28,28.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Цена свободная.

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Кемеровский государственный университет».

650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Отпечатано в ООО "Рекламная Группа "ВСЁ про ВСЁ", 650099, г. Кемерово,
ул. Ноградская, 3